Донецкий Центр
института востоковедения
им. А. Крымского

Общественный научно-исследовательский
Центр «Восток – Запад»

М. Л. Швецов

Евразийская Степь и Донбасс в эпоху Средневековья

Сборник избранных статей Михаила Львовича Швецова

К 75-летию со дня рождения

Донецк

2018

УДК 902 (477.6)
ББК 63.48д
Ш 35

Ш 35 **Швецов М. Л.** Евразийская Степь и Донбасс в эпоху Средневековья. Сборник избранных статей Михаила Львовича Швецова. К 75-летию со дня рождения. – Донецк: Типография, 2018. – 417 с.

Сборник работ посвящён 75-летию со дня рождения и 50-летию научной, педагогической и общественной деятельности известного археолога, руководителя Донецкого Центра института востоковедения им. А. Крымского Михаила Львовича Швецова.

Сборник содержит очерк научной и общественной деятельности учёного, основные этапы жизни и деятельности М.Л. Швецова, знакомит читателя с избранными печатными трудами исследователя, а также приводит библиографию его работ.

Для исследователей, всех, кто интересуется историей отечественной науки.

УДК 902 (477.6)
ББК 63.48д

Редакционная коллегия:

Крамаровский М.Г., д.и.н. Санкт Петербург

Аноприенко А.Я., к. т. н. Донецк

Калоеров С.А., д. м. н., профессор. Донецк

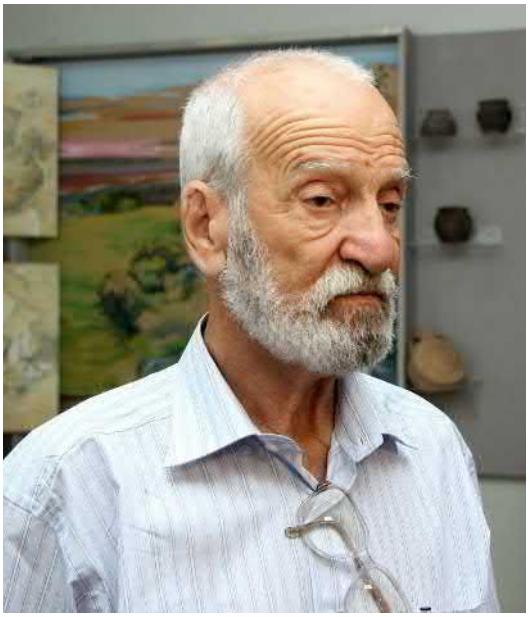
Крапивин А.В., д. и. н., профессор. Донецк

Отина А.Е., к. ф. н., доцент. Донецк

© Донецкий Центр института востоковедения им. А. Крымского, 2018
© А.Я. Аноприенко, вступительное слово, 2018

М.Л. ШВЕЦОВУ – *75*

Быстротечное и неумолимое время отобразило на календаре 75 лет известному донецкому учёному-археологу и педагогу Михаилу Львовичу Швецову. Это событие – замечательный повод в кругу друзей и коллег вспомнить и осмыслить этапы жизненного пути, наметить новые горизонты…



Именно археология стала неотъемлемой и самой главной целью жизни Михаила Львовича. Возможно, выстоять среди накатывающих волн жизненных перипетий ему помогла закалка советского человека, рождённого в годы Великой Отечественной войны… А возможно, истоки столь сильного характера нужно искать в детских впечатлениях… Попробуем разобраться.

Он родился 23 мая 1943 г. в г. Ташкент (Узбекистан), а в 1944 году с родителями переехал в г. Сталино, где ранее жил его отец. В 1960 году школьником попал в экспедицию видного археолога, исследователя античности В.В. Лапина на раскопки греческой фактории на острове Березань, где был сражён античностью. Описания Керама и Шлимана настолько не давали ему покоя, что он взял их с собой в армию. После армейской службы на Дальнем Востоке и Кавказе молодой человек, удостоенный в 1965 году медали «За отвагу», начинает трудовую деятельность в Донецком областном краеведческом музее. С 1969 года и начинается его карьера в профессиональной археологии.

Основные научные интересы М.Л. Швецова тесно связаны с исследованием средневековых памятников степей Восточной Европы. В 1975 году он открыл первые святилища половецкой эпохи (курганный могильник «Текстильщик», г. Донецк). В 1980-1990 гг. исследовал многоуровневые поселения Зливки, Старица, Маяки на Северском Донце, а также средневековое кочевье возле пгт Бердянское. В 1988 году, по итогам научных исследований, М.Л. Швецов награждён серебряной медалью ВДНХ. В 2000 г. он вновь проводит археологические разведки в Приазовье, впервые начатые в 1971 году, продолжая исследовать памятники археологи и истории Донецкого края.

Михаил Львович Швецов – автор более 100 научно-исследовательских публикаций, большая часть из них – по археологической проблематике. Он участвовал в работе десятков научных конференций на территории Украины, России, Болгарии, Германии, США, Израиля, Узбекистана и других стран мира.

О высоком научном авторитете учёного говорят и назначение его представителем Национального Комитета СССР по проекту ЮНЕСКО «Великий шёлковый путь», включение его имени в «Справочник исследователей Центральной Азии» Гарвардского университета США, выдвижение его имени в номинации «Человек года – 2002» американским Институтом проблем научных исследований за рубежом. Признанием заслуг

М.Л. Швецова в области изучения археологи раннего средневековья стало проведение в 1992 году Международного конгресса «Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в эпоху раннего средневековья» в родном Донецке.

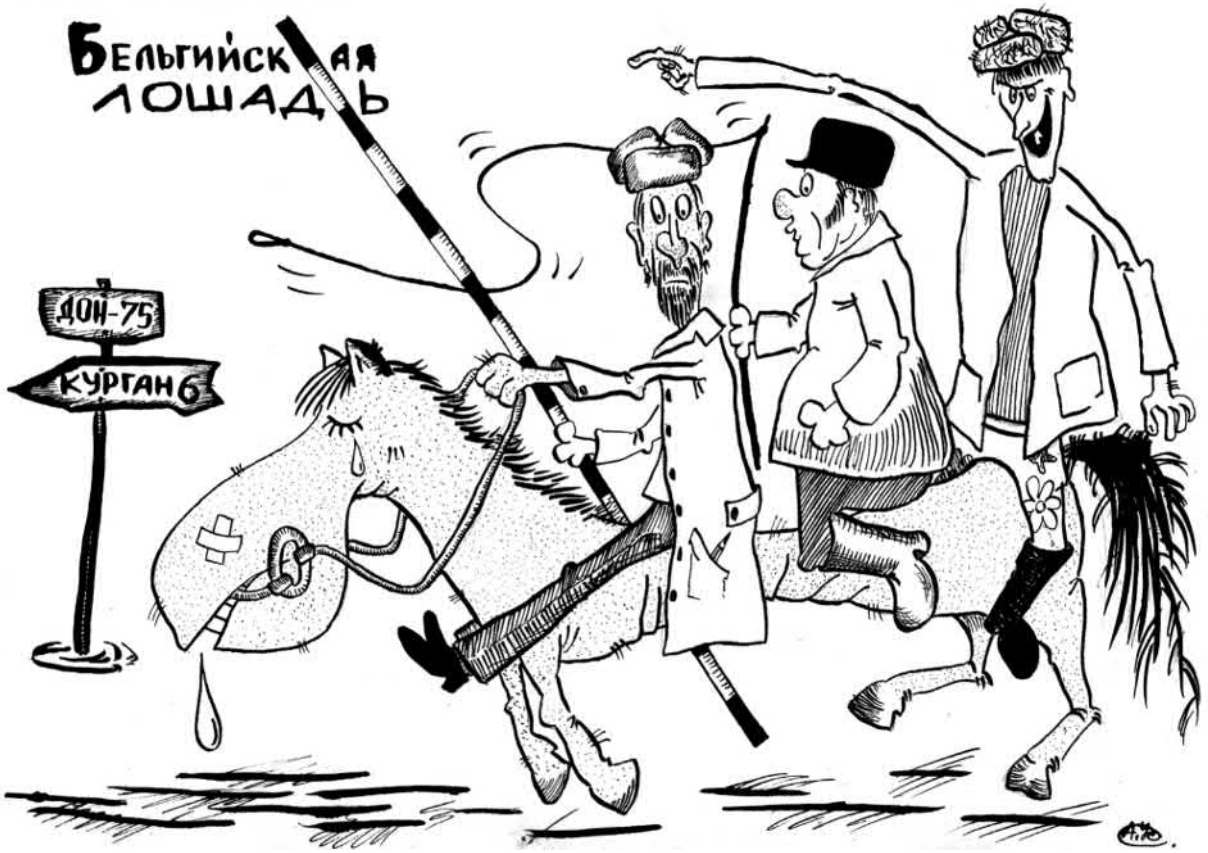
С декабря 1998 года Михаил Львович – создатель и бессменный руководитель Донецкого Центра института востоковедения им. А. Крымского, пользующийся заслуженным авторитетом в коллективе и среди коллег. Параллельно им ведётся активная преподавательская деятельность – долгие годы М.Л. Швецов преподаёт этнографию в Донецкой музыкальной академии им. С. Прокофьева. Кроме этого, Михаил Львович – мудрый наставник, никому не отказавший в помощи, за советом к которому всегда спешат молодые коллеги-учёные.

Несмотря на непростое для родного края время, учёный «не сбавил обороты» и продолжает максимально активную деятельность в научной сфере. Только за неполную первую половину 2018 года – участие в Круглом столе «140-летие освобождения Болгарии от османского ига в русско-турецкой войне 1877-1878 гг.» (г. Донецк), участие в XV Ежегодной Московской конференции «Восточные древности в истории России. Эпоха средневековья и её археологическое окружение» (г. Москва), участие в XXX «Крупновских чтениях» по археологии Северного Кавказа, в Международной научной конференции «Кавказ в системе культурных связей в древности и средневековье» (г. Карачаевск, Теберда). Кроме того, вызовы времени выдвигают перед М.Л. Швецовым и новые непростые задачи, углубляются исследования межнациональной и межконфессиональной проблематик ввиду их повышенной для современного общества актуальности…

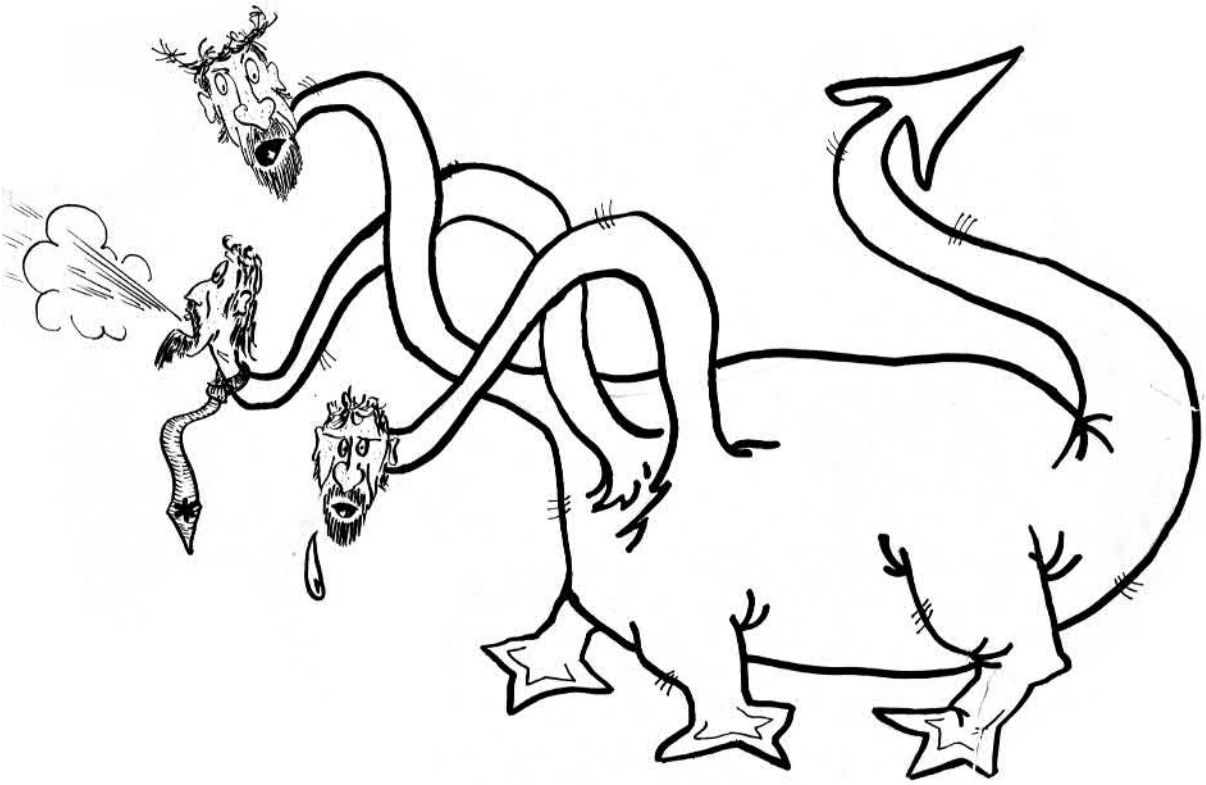
Патриот Донецкой земли, в его характере гармонично сочетаются великодушие, благородство, стойкость духа, новаторство и взвешенный консерватизм, неизменное понимание серьёзности важнейших исторических моментов. Хочется в Юбилей от всей души пожелать ему покорения новых горизонтов, новых стран, новых целей, новых свершений и побед.

Аноприенко Александр Яковлевич
Председатель Государственного Комитета по науке
и технологиям
Зам. Министра по науке МОН ДНР

«Зливки». Полевой сезон 1984 г. День Археолога. «Посвящение»



Экспедиция ИА АН УССР. 1975 г. Микрорайон Текстильщик, г. Донецк. Дружеский шарж А.Н. Усачука



Экспедиция ИА АН УССР. 1975 г. Микрорайон Текстильщик, г. Донецк. Дружеский шарж А.Н. Усачука

«Пришиб». Полевой сезон 1978 г. Три друга у машины экспедиции

Полевой сезон 1978 г. Шуточная картина «Чабан колхоза им. Плано Карпини»

16.06.2006 г. На открытии выставки «25 лет Донецкой Средневековой археологической экспедиции». Рядом с М.Л. Швецовым консул Болгарии Юруков Николай Никифорович

Выступление на конференции. Комплекс из погребения у с. Кировское

г. Чебоксары, 2011 г. Президиум Международной конференции «Государственность восточных болгар IX–XIII вв.»

2012 г. Конференция в Грузии «Археология, этнология, фольклористика Кавказа». На ступеньках домика И. Сталина

2016 г. Полевая разведка в Старобешевском р-не Донецкой обл.

18.08.2018 г. Интервью телевидению в лаборатории реставрации Донецкого Центра института востоковедения

О СБОРНИКЕ РАБОТ

Настоящая книга включает основные работы автора, опубликованные в разное время и в различных отечественных и зарубежных изданиях – журналах, сборниках, материалах международных и региональных конференций, семинаров и круглых столов. Это не только отдельные публикации результатов археологических исследований, но и предложенная автором классификация материалов из погребальных комплексов и культовых сооружений, анализ и типология погребальных практик, их социальная стратификация.

Использование данных археологии, антропологии, этнологии дало возможность автору увидеть не только социальную, а и конфессиональную сторону ритуалов и других объектов исследования, относящихся к разным этническим и религиозным направлениям.

Часть из этих публикаций, на сегодняшний день, практически недоступны в их первом издании, что и послужило причиной включения большинства из них в сборник. При этом вёрстка, за исключением формата страницы, подавляющего большинства статей оставлена без изменений, в т.ч. количество колонок, оформление ссылок и т.д.

При этом в основу формирования данного сборника, положены три основных направления исследований автора, которым он посвятил почти пятьдесят лет. В первый раздел – «Археологические материалы степей Восточной Европы» вошли работы, написанные автором по итогам полевых археологических исследований. Он включает в себя работы, охватывающие длительный хронологический период – от палеолита до позднего средневековья.

Совместная публикация с А. В. Гореликом знакомит нас с уникальной находкой культового предмета эпохи позднего палеолита (чуринги). По материалам исследований культурных слоёв некоторых памятников Подонцовья, представлены исследования ранних этапов становления металлургии железа на землях Донбасса в эпоху бронзы – XIV-XIII вв. до н.э. Представляют интерес статьи о памятниках первых веков нашей эры, относящихся к сарматской эпохе. Не менее интересны работы, отражающие эпоху Великого переселения народов, как гуннов, пришедших с Востока, так и готов, путь движения которых проходил с запада через степи Приазовья.

Если материалы раннего времени нашли своё отражение в работах автора в «публикационном ключе», то открытию и этапам исследования уникальных праславянских (пеньковских) древностей – поселений, святилищ, захоронений, посвящён ряд статей, в которых предлагается классификация этих памятников, хронология их возникновения, развития и исчезновения с исторической арены.

Целый ряд статей авторов посвящён древностям эпохи Хазарского каганата и результатам полевых исследований праболгарских памятников Подонья, Подонцовья и Среднего Поднепровья. Многолетние исследования эталонного праболгарского памятника «Зливки», открытие на нем уникальных захоронений, позволило получить новые данные о религиозном мировоззрении населения Среднего Подонцовья. Эти работы ценны тем, что в них прослеживаются ранние этапы появления и становления на древней земле Донбасса таких мировых религий, как христианство, ислам, иудаизм и даже буддизм. Статьи автора о раскопках маленьких сельских поселений типа «Зливок» и

больших городищ типа «Маяки» поставили под сомнение ранее принятый в научных кругах факт полного уничтожения населения Среднего Подонцовья в X-XIV веках, и доказывают, что в указанный период в данном регионе происходит увеличение числа поселений за счёт появления новых, и расширение площадей старых.

В научных статьях автора достаточно весомо представлен период появления и расселения в степях Восточной Европы кимако-кыпчакских племён. Открытие в 1975 г. в курганной архитектуре половцев отдельных элементов поминальной обрядности позволило автору первым выделить святилища номадов, расположенные в курганных насыпях. Не менее значимыми являются и другие работы автора, посвящённые проблематике поздних кочевников. При этом следует отметить широкий спектр научных интересов автора, в которые вошли социальная градация кочевников, их мировоззрение, вопросы культуры и искусства половецкого общества.

По мнению автора, «нестабильность во взаимоотношениях Киевской Руси и кочевников, специфика хозяйственного уклада окраинных земель, привела … к формированию своеобразных буферных зон между Древнерусским государством и Степью. В материальной культуре рассматриваемых зон нашло отражение совмещение как кочевого, так и оседлого образа жизни, этническая пестрота, веротерпимость и наличие небольших ремесленных центров» (1992, с. 97).

Второй раздел сборника посвящён истории религий на землях Донбасса и конфессиональным отношениям в гражданском обществе.

Материалы исследований автора в этом направлении указывают на то, что земли современного Донбасса, расположенные между Востоком и Западом Великой Степи, являлись и являются своеобразным перекрёстком культур и религий, где происходило формирование и развитие многих этнических объединений, основанных не только на кровном родстве, но и на взаимоуважении к различным религиозным учениям.

Третий раздел книги отражает ещё одну сторону научных интересов автора – историю заселения края в эпоху Средневековья и Нового времени. Работы, представленные в этом разделе, посвящены истории болгар, греков, татар, осетин, узбеков. В качестве примера в сборник включены ряд статей, посвящённых истории, культуре и искусству армянского народа в Северном Приазовье.

Сборник рассчитан на археологов, историков, краеведов – всех, кто интересуется историей Донбасса.

I. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ СТЕПЕЙ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

М.Л. Швецов

БАГАТЕ КОЧІВНИЦЬКЕ ПОХОВАННЯ З ДОНБАСУ*

У жовтні 1962 р. вчитель історії Новоіванівської восьмирічної школи С. Г. Колесников провів обстеження одного з курганів у групі поблизу с. Новоіванівка Амвросіївського району Донецької області. Результати обстеження поховання він детально описав у листі до Донецького обласного музею, де експонується інвентар, зібраний дослідником[1]. Ці матеріали, що мають безперечний інтерес, дають змогу частково простежити обряд поховання і датувати комплекс.

Поховання відкрито в кургані висотою близькою 2 і діаметром 10 м. На глибині 3 м від його поверхні лежав кістяк коня, орієнтований головою на південь. На захід від нього на глибині 3,4 м виявлено стремено, вудила, пряжку і шматочки шкіри від ремінної збруї, скріпленої скобами з мідного дроту.

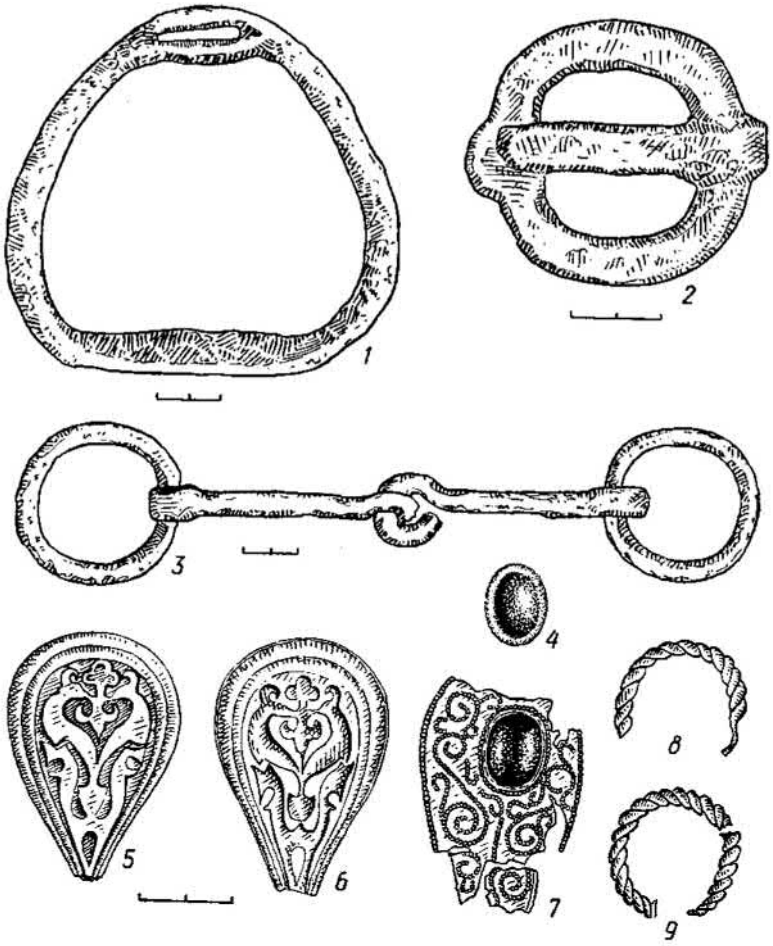


Рис. 1. Збруя та прикраси з поховання.

* Опубликовано: Швецов М.Л. Багате кочівницьке поховання з Донбасу // Археологія. 1974. № 13. С.93-98.

[1] Фонди Донецького обласного краєзнавчого музею (далі ДОКМ), інв. № 514. Матеріали передав у музей Т. А. Шаповалов.

Нижче, на відстані 1 м, в могильній ямі довжиною 3 і шириною 2 м (?) у дерев'яній домовині виявлено жіночий кістяк довжиною 1,75 м, що лежав головою на схід, у витягнутому положенні і руками, покладеними вздовж тіла. Подібне поєднання орієнтації кістяків коня і покійника досі не траплялося в пізньокочівницьких похованнях. Померлу супроводив багатий інвентар, що вказує на її знатне походження. Так, голову небіжчиці прикрашала діадема, а з лівого боку, біля вушного отвору, наявний бубонець-підвіска, який, очевидно, також належав до головного убору. Між ключицями, біля шийних хребців, лежали дві золоті пластинчасті бляшки і золота шийна гривня. На грудях похованої була брошка з того самого металу, а на обох передпліччях — по два браслети: скляний і срібний. Біля кисті правої руки була друга гривня з обламаними вушками, на пальцях рук — дві срібні і дві золоті обручки. Під скелетом, на рівні тазу, знайдено бронзове дзеркало і кришталеву лінзу в оправі, а також шматочки тканини. В кисть правої руки вкладено залізний ніж з кістяною ручкою. За 0,6 м на схід від черепа стояв глек, а навколо нього були розсипані зерна проса. За 0,5 м на захід від ніг померлої (на 0,3 м нижче від стремена і вудил) трапився мідний казан із залишками загробної їжі — кістками вівці.

Стремено має овальну форму з розплющеною верхньою частиною дужки і широкою овальною підніжкою (рис. 1, *1*). Аналогічні стремена — досить часті знахідки в похованнях пізніх кочівників, зокрема в Київській і Вінницькій областях[2]. Відомі вони і в кочівницьких пам'ятниках у Саркелі — Білій Вежі, Московській області, Сибіру[3].

Вудила з перегином і рухомими великими кільцями (рис. 1, *3*), як і стремено, належать до широко розповсюджених протягом порівняно значного відрізку часу.

Залізна пряжка має напівовальну форму (рис. 1, *2*). Подібні пряжки є в похованнях Великотарханського могильника на Волзі, а також середньовічних некрополів у Криму[4].

Предмети кінського спорядження з Новоіванівки і весь набір загалом дуже типові. Наприклад, аналогічний набір збруї є в кочівницьких похованнях степового Криму.

Діадема складається з напівкільцевих жолобчастих пластин, виготовлених з міді і позолочених (рис. 2, *3*). Пластини низкою прикріплювалися до дерев'яного пружка, обгорнутого тканиною. З цією метою в їх бортиках зроблено маленькі отвори. Діадема, очевидно, була оздобою головного убору або зачіски. Подібні прикраси відомі в похованнях[5] і як зображення на половецьких кам'яних статуях.

Мідний порожній бубонець-привіска (рис. 3, *2*) має лимоноподібну форму і вушко для підвішування. Всередині його містилася маленька кулька. Ці вироби звичайно датуються X—XIII ст. Вони траплялися під час розкопок поховань у Саркелі — Білій Вежі і на Волзі[6].

Золоті бляшки пластинчасті, краплеподібної форми, із загнутими краями (рис. 1, *5, 6*). Лицьовий їхній бік прикрашає стилізоване зображення двох птахів і квітки (?). Бляшки, очевидно, виготовлені за допомогою штампа, їхні бортики мають отвори для прикріплення до одягу. Точних аналогій даним прикрасам ми не знаємо.

[2] Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1888—1902 гг. СПб., 1908, стор. 30, 172—173 (с. Зеленки, к. 312, о. п. 1894 р.; хут. Кам'янка, к. 443).

[3] С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях.— МИА, № 62. М.— Л., 1958, стор. 168, рис. 8, 8; Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, стор. 12, рис. 1, тип El; А. А. Гаврилова. Могильник Кудырге как источник по истории алтайских племен. М,—Л., 1965, табл. XXVII, *14*.

[4] В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге. М., 1964, табл. XI, 13, 16; Е. Н. Черепанова, А. А. Щепинский. Погребения поздних кочевников в степном Крыму.— Археологические исследования средневекового Крыма. К., 1968, стор. 185, рис. 3; стор. 186, рис. 4.

[5] Н. Е. Бранденбург. Вказ. праця, стор. 21—23.

[6] В. А. Мальем и М. В. Рихтер. Привеска-бубенчик —ОИРД, стор. 134, рис. 20, 8; О. А. Артамонова. Могильник Саркела — Белой Вежи.— МИА, № 109. М.— Л., 1963, стор. 57, рис. 45; В. Ф. Генииг, А. Х. Халиков. Вказ. праця, табл. XV, рис. 4.

Золота шийна гривня у вигляді півкола виконана з чотиригранного крученого дроту. На кінцях наявні вушка-застібки. Аналогічна гривня є в давньоруському скарбі XII — початку XIII ст., знайденому поблизу с. Ключинки колишньої Київської губернії[7]. Друга гривня (рис. 2, *4*) випрямлена, виконана із срібного з позолотою крученого дроту товщиною 0,7—0,9 і довжиною 45 см.

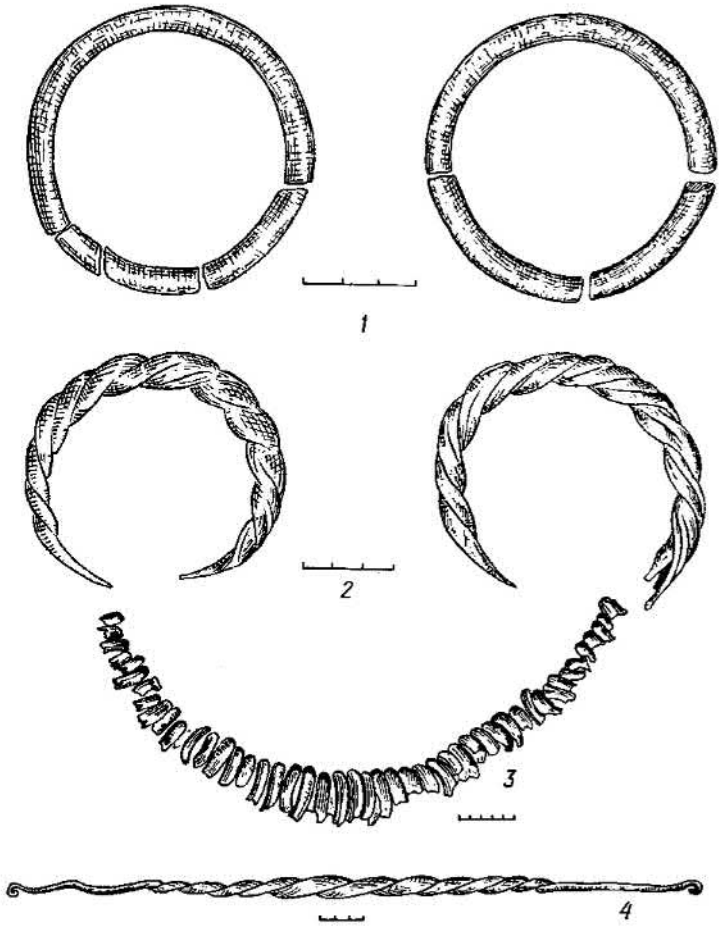


Рис. 2. Прикраси з поховання.

Брошка (рис. 1, *7*) із золота, краплеподібної форми. Лицьовий опуклий бік прикрашає складний орнамент з кручених золотих ниток, в центрі — голубий камінь. Ця брошка і одна золота бляшка, очевидно, становили одне ціле. Напевне, була й друга така сама пара, від якої збереглися бляшка і камінь-вставка (рис. 1, *4*), аналогічний згаданому вище[8]. Браслети (рис. 2, *1*) виготовлені з темно-синього скляного круглого в перерізі прута діаметром 6,5 мм. Подібні браслети були широко розповсюджені у Східній Європі[9]. Срібні браслети (рис. 2, *2*) виконані з чотирьох дротиків товщиною 0,3—0,5 см. У верхній частині вони значно товстіші, ніж по краях. Кінці розплющені. Діаметр одного браслета 7 см. Точна аналогія йому є в похованні у валу Саркела[10].

[7] Г. Ф. Корзухина. Русские клады IX—XIII вв. М.— Л., 1954, табл. IV, *7*.

[8] Місце знахідки невідоме. Очевидно, друга брошка була пошкоджена при розкопках.

[9] З. А. Львова. Восточноевропейские стеклянные украшения VIII—XII вв. М., 1961, стор. 6, рис. 2; О. А. Артамонова. Вказ. праця, стор. 82, 89, рис. 62, 67.

[10] О. А. Артамонова. Вказ. праця, стор. 70, рис. 56.

Срібні персні (рис. 1, *8, 9*) скручені з двох дротиків товщиною 1 мм. Така сама каблучка, тільки бронзова, була знайдена біля с. Мужищеве колишньої Тверської губернії[11].

Золота каблучка має у верхній частині виступ у формі зрізаної піраміди з отвором посередині для вставки каменя. В похованнях кочівників каблучки цього типу нам невідомі. Золотий перстень-печатка характеризується серповидним профілем. На його щитку за допомогою наколів виконано негатив напису. Спільні за формою, але з прямокутним щитком персні наявні в Новгороді в шарах XIII—XIV ст.[12] Більш точних аналогій немає. Г. А. Федоров-Давидов зазначає, що у похованнях кочовиків знахідки перснів рідкісні[13].

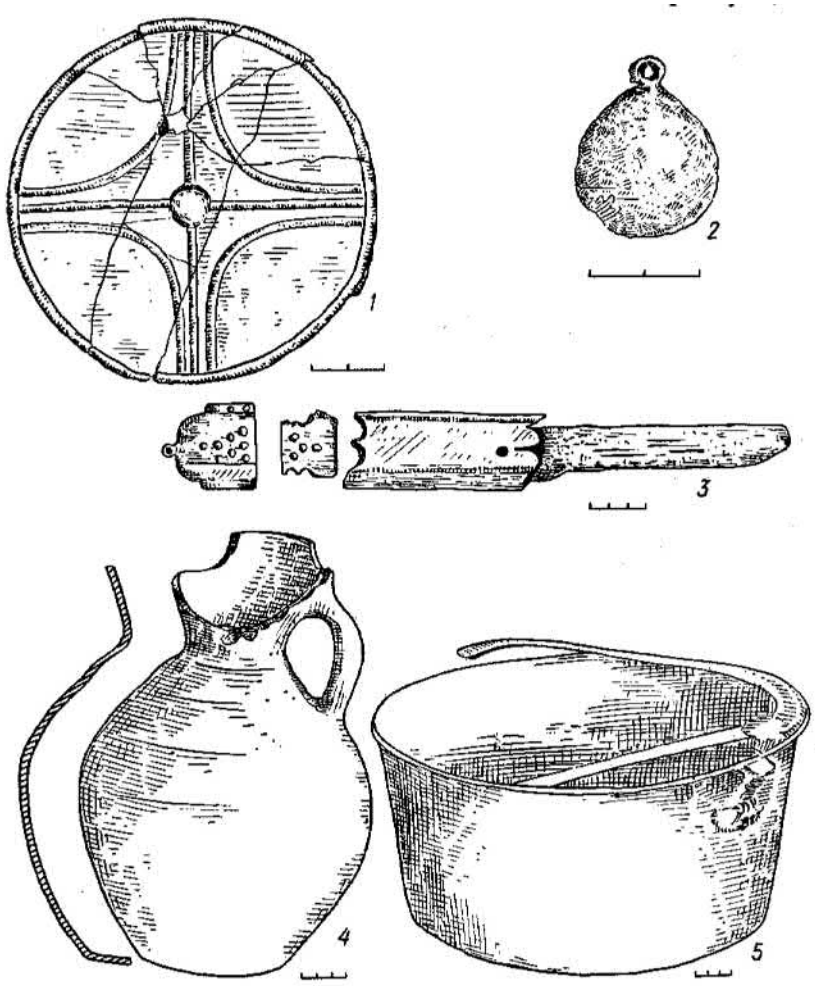


Рис. 3. Речі з поховання.

Бронзове дзеркало (рис. 3, *1*) з хрестоподібним і арковим орнаментом має на тильній стороні підвищення для прикріплювання до пояса. Діаметр дзеркала 10 см. В літературі відомий лише один подібний екземпляр, який Г. А. Федоров-Давидов виділяє в окремий тип Ж—2 [14].

Лінза з гірського кришталю вправлена в металеву оправу, яка збереглася лише частково. Лінза кругла, опукла. її діаметр 2,5, товщина 1 см. Очевидно, вона була амулетом, але не виключене і її практичне призначення.

[11] Г. Ф. Корзухина. Вказ. праця, табл. XII.

[12] М. В. Седова. Ювелирные украшения древнего Новгорода X—XVII вв.— МИА, № 65. М., 1962, стор 225.

[13] Г. А. Федоров-Давыдов. Вказ. праця, стор. 41.

[14] Там же, стор. 17, рис. 13.

Ніж залізний (рис. 3, *3*) з кістяною орнаментованою ручкою. Довжина леза 13, ширина 2,5 см. Ручка складається з трьох частин: фігурної верхівки з візерунком у вигляді отворів, з'єднувальної частини і фігурного держака, кінці якого вирізані у формі пелюстків квітки.

Глек виконаний на гончарському крузі (рис. 3, *4*). Вінця його мають листоподібну форму і нагадують античні ойнохої. Невисока шийка, розширена біля вінець, плавно переходить у плічка і широкий тулуб. Кругла ручка йде від вінець до плічок. Дно посудини плоске. Глина чиста, добре відмучена і не має грубих включень. Стінки тонкі, черепок оранжевого кольору. Близькі за формою глеки е в Криму, у Волзькій Булгарії, в Танкіївці і на Північному Кавказі[15].

Мідний казан (рис. 3, *5*) циліндричної форми, вінця злегка відігнуті, а стінки різко переходять у дно. Діаметр казана 32, висота 17, товщина стінок 0,1—0,2 см. Плоска ручка кріпилася до стінок за допомогою залізних заклепок. Казани в похованнях кочівників на території Донбасу зустрічаються часто. Така знахідка, наприклад, трапилася у похованні воїна поблизу с. Грузьке[16] і в кургані Велика Могила біля м. Курахове[17]. Датуються вони кінцем XII — початком XIII ст.[18]

Новоіванівське поховання належить знатній половчанці і може бути датоване кінцем XII — початком XIII ст. За багатством і різноманітністю інвентаря воно помітно виділяється серед пізньокочівницьких пам'яток на території Донбасу.

М. Л. ШВЕЦОВ

Богатое кочевническое погребение из Донбасса

Резюме

Статья посвящена материалам из погребения кочевницы у с. Новоивановка Амвросиевского района Донецкой области. Имеющиеся данные позволяют восстановить картину обряда погребения. Захоронение было произведено под курганной насыпью в прямоугольной яме. Над ямой находилось погребение лошади. Интересно крестообразное положение костяков коня и человека. Погребенная лежала головой на восток, в деревянном гробу; ее сопровождал разнообразный богатый инвентарь. Анализ последнего позволяет датировать погребение концом XII — началом XIII в.

[15] В. Ф. Генінг, А. Х. Халіков. Вказ. праця, стор. 77, 166, рис. 26, 3; 20; В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа.—МИА, № 106. М., 1962, стор. 136, рис. 3.

[16] Фонди ДОКМ, інв. № 520.

[17] С. К. Стороженко. Раскопки Кураховской курганной группы.— Археологические открытия 1970 г., 1971, стор. 297; ДОКМ, інв. № 521.

[18] Ми не можемо погодитись з С. К. Стороженном (С. К. Стороженко. Вказ. праця, стор. 297), який датує поховання в кургані Велика Могила початком XII ст. Проти цього свідчить як інвентар (наприклад, стріли), так і тип поховання.

М.Л. Швецов

ПОЛОВЕЦКИЕ СВЯТИЛИЩА*

Среди памятников материальной культуры, оставленных древними тюркоязычными народами в степях от Монголии до Дуная, особое место занимают каменные изваяния, передающие изображения людей. Зародившийся в VI—VII вв. в Монголии и на Алтае в тюркской среде, обычай воздвигать статуи, связанный с особым культом почитания предков[1], распространяется вместе с тюркоязычными народами далеко на запад в южнорусские степи [2]. Уже при первых раскопках курганов с половецкими изваяниями были отмечены следы культовых приношений вокруг них[3]. Г. А. Федоров-Давыдов полагает, что это были небольшие святилища, посвященные культу предков. Отличительными чертами восточноевропейских святилищ от восточносибирских п монгольских, по его мнению, можно считать отсутствие камней-балбалов, оградок вокруг изваяний и наличие наряду с мужскими женских статуй[4]. Учитывая факт распаханности восточноевропейских курганов и находок россыпей камня на их вершинах, С. А. Плетнева выдвинула положение о возможности существования каменных конструкций вокруг изваяний[5]. В предлагаемой статье рассматриваются сохранившиеся и открытые в последние годы культовые сооружения на курганах вокруг половецких изваяний.

Эти святилища обладают рядом общих закономерностей. Во-первых, они располагались на водоразделах, в курганных могильниках более ранних эпох, на насыпях сравнительно небольших размеров. Во-вторых, одной из специфических черт их топографии является местоположение на самых возвышенных участках степи, как правило на водоразделах рек. В-третьих, характерным является групповой характер святилищ (в четырех случаях нами зафиксировано, а в двух исследовано по два сохранившихся сооружения в одном могильнике и отдельные изваяния или их фрагменты на курганах, находившихся рядом).

Первые из известных нам в настоящее время святилищ были открыты осенью 1975 г. в юго-западной части г. Донецка (микрорайон «Текстильщик»). Там исследовался курганный могильник, состоящий из шести насыпей, вытянутых дугой с востока на запад (рис. 1, 1). Могильник относился к эпохе бронзы, и лишь в одной из насыпей (курган 4) было открыто впускное кочевническое погребение X—IX вв. Кроме того, в насыпи этого же кургана, а также кург. 2 были найдены основание и голова от двух разных половецких изваяний. На двух курганах этого могильника обнаружены остатки каменных конструкций с половецкими изваяниями в центре (кург. 5, 6).

В кург. 5, сильно нарушенном лесополосой и двумя противопожарными ровиками, на

* Опубликовано: Швецов М.Л. Половецкие святилища // Советская археология. 1979. № 1. С. 199-209.

[1] *Кызласов Л. Р.* О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей.— СА, 1964, № 2, с. 39.

[2] *Веселовский Н. И.* Современное состояние вопроса о «каменных бабах» или «балбалах»,— 300ИД, т. XXXII, 1915.

[3] *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в 1903 г,— Труды XII АС. М., 1907, т. 1, с, 249—268.

[4] *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, с. 191.

[5] *Плетнева С. А.* Половецкие каменные изваяния.— САИ, Е4-2, М., 1974, с. 75, 76.

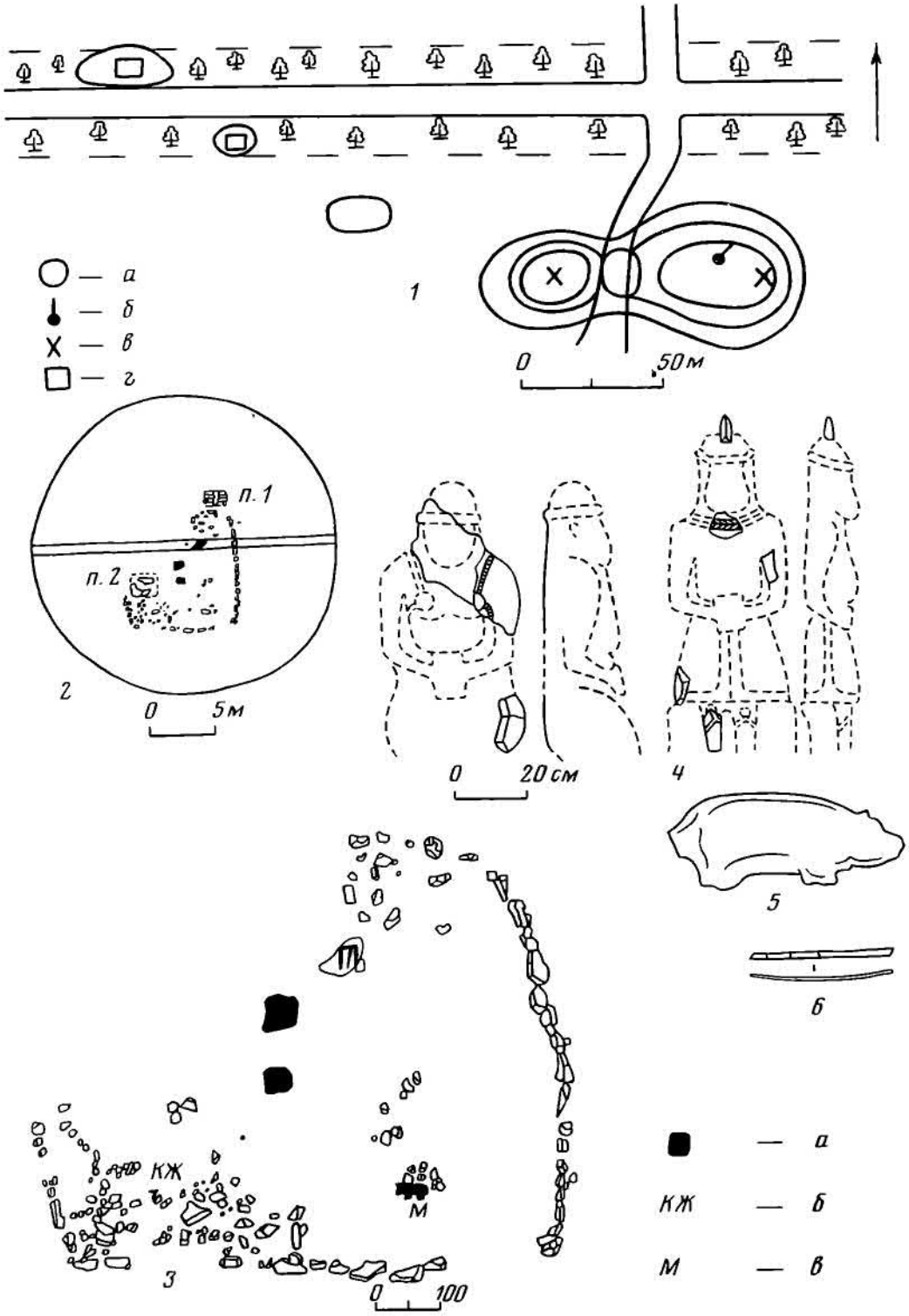


Рис. 1. Могильник «Текстильщик». Святилище на кург. 5: *1* — план могильника «Текстильщик»: *а* — курган, *б* — погребение IX—XI вв., *в* — фрагменты изваяний в насыпях курганов, *г* — святилища на курганах; *2* — план кург. 5; *3* — план святилища на кург. 5: *а* — основания изваяний, *б* — кости животных, *в* — скульптура медведя; *4* — реконструкция изваяний из святилища на кург. 5; *5* — фигурка медведя; *6* — костяная пластинка из святилища

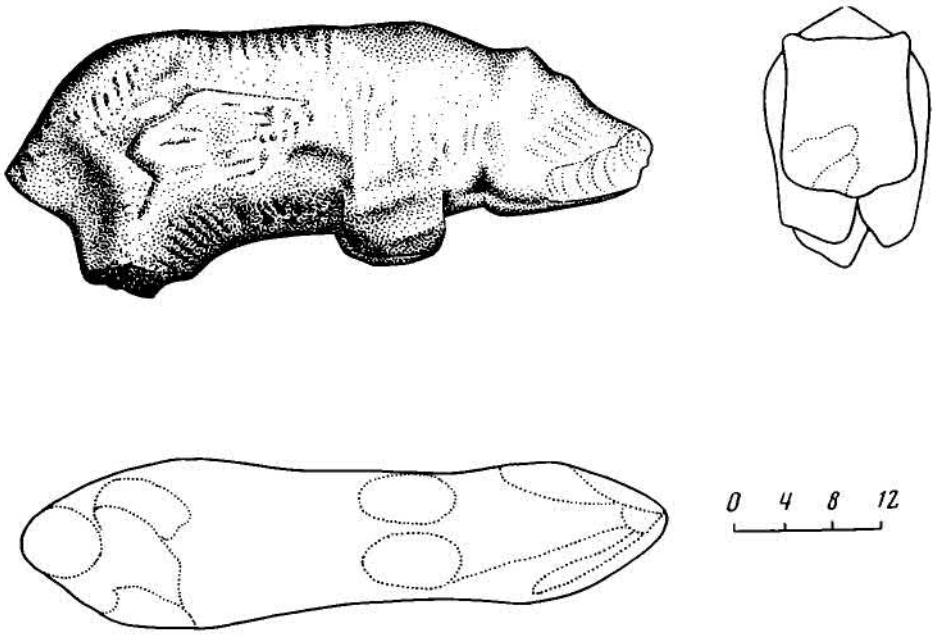


Рис. 2. Скульптурка медведя из святилища на кург. 5

первой насыпи находилась площадка, на которой из серого плотного плитняка (50×30×30, 40×30×30 см) была сооружена квадратная в плане конструкция размером 8—8,5 м. Кладки сложены без раствора в один ряд, поэтому сохранились они фрагментарно (рис. 1, *3*). Особенно пострадал северо-западный угол, разрушенный деревьями и ровиком. В центре, in situ, находились основания от двух разбитых каменных половецких изваяний, фрагменты которых были разбросаны вокруг.

Основание I укреплено в яме тонкими каменными плитами. Оно представляет собой массивную плиту из серого крупнозернистого слоистого песчаника (50×30×50 см), обращенную обработанной, видимо лицевой, стороной на восток.

Основание II вкопано в насыпь южнее первого на 0,6 м (рис. 1, *3а*) меньших размеров (35×30×50 см), изготовлено из слоистого мелкозернистого песчаника.

Юго-восточнее изваяний находилась небольшая площадка (0,5×0,6 м), выложенная камнем. На ней были найдены фрагменты костяной пластины со следами обработки острым предметом (рис. 1, *5*) и фигурка медведя, изготовленная из песчаника (рис. 2). Фигурка четко передает форму тулова, ноги животного, намечены общие контуры головы, хорошо выделены два маленьких уха, массивный лоб и подбородок. Следы мелких ударов, нанесенные по всей фигурке, передают шкуру животного.

Юго-западный угол конструкции представляет собой, по-видимому, специально вымощенную камнем жертвенную площадку (2×2,5 м). На ней сохранились остатки жертвоприношений: фрагменты челюсти и зубы лошади, фрагменты костей овцы или козы. Реконструкция статуй по дошедшим до нас обломкам позволяет говорить о двух изваяниях, находившихся на кургане — мужском — сидящем и женском — стоящем (рис. 1, *4а, б*).

Курган 6, расположенный западнее кург. 5, был нарушен огородом. Камни, находившиеся на его поверхности, были сброшены к подножию. Там же была найдена голова мужского изваяния из светлого песчаника. На вершине кургана, in situ, находились основания от двух половецких статуй (рис. 3, *2*), ориентированных широкими гранями на запад и вос-

ток. У одного из них, более массивного, на восточной грани сохранились сильно оббитые ступни ног. Это обстоятельство указывает на положение скульптуры — лицом к востоку, что соответствует сообщениям Рубрука об установке статуй на курганы[6]. От второго сохранилась небольшая часть основания и несколько фрагментов (рис. 3, *2*).

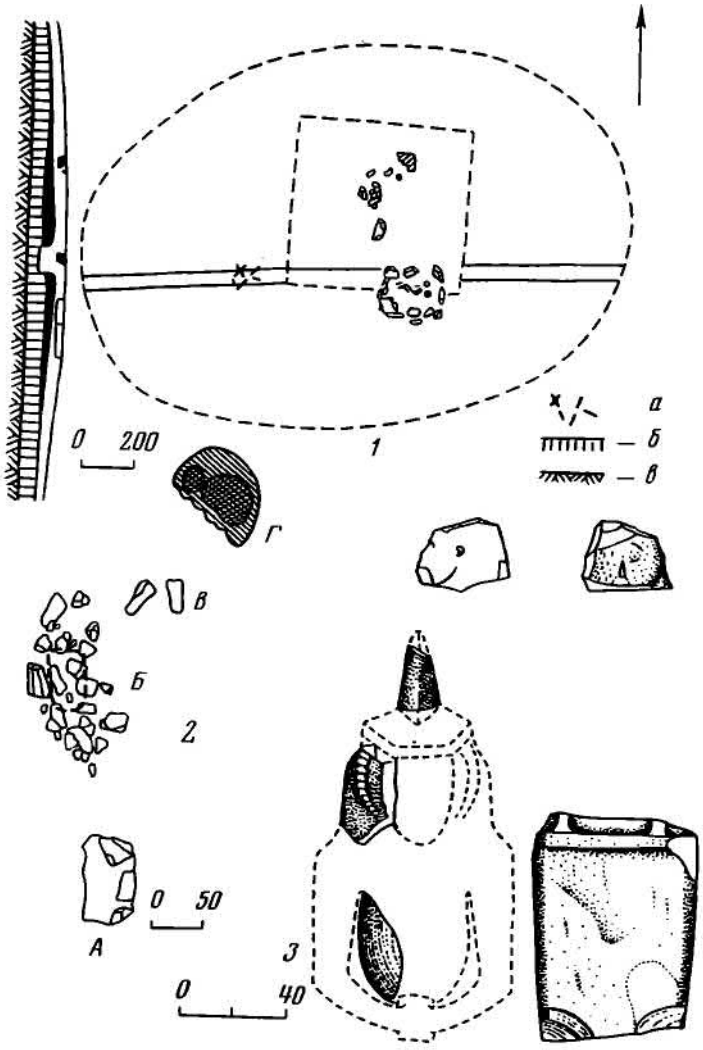


Рис. 3. Святилище на кург. 6. 1 — план и разрез кург. 6: а — погребение коня, б — древний горизонт, в — материк; 2 — план сохранившейся части святилища на кург. 6: А — основание мужского изваяния, Б — основание женского изваяния, В — фрагменты изваяний, Г — кострище; 3 — реконструкция изваяний из святилища на кург. 6

Реконструкция обеих статуй позволяет говорить, что на кургане находились изваяния, изображающие мужчину и женщину (рис. 3, *3*). Рядом с основаниями были найдены кости ног коровы, зубы и кости овцы, мел и два небольших фрагмента амфоры. Аналогичные обломки амфоры и несколько обломков грубой лепной керамики были собраны у подножия кургана. Северо-восточнее постаментов, на расстоянии 0,8—1 м, находились остатки небольшого круглого в плане кострища диаметром 0,5 м.

Здесь же, на расстоянии 2 м к западу от изваяний, в насыпи, на глубине 0,6 м найдены кости ног и череп коня (рис. 3, *1*), ориентированный мордой на запад. В зубах были обна-

[6] *Рубрук Г.* Путешествие в восточные страны. М., 1972, с. 102.

ружены остатки удил, рядом с черепом — фрагмент железного ножа. Не исключено, что данное погребение также относится к святилищу. Хотя подобные захоронения останков боевых коней хорошо известны и датируются они X—XII вв.[7]

В 1976 г. у с. Новоселовка Тельмановского р-на Донецкой обл., на водоразделе правого берега р. Кальмиус, был исследован курганный могильник эпохи бронзы, состоящий из шести насыпей (рис. 4). На двух курганах (2 и 3) были обнаружены каменные сооружения с остатками половецких изваяний в центре. На кург. 5 статуи были полностью разрушены. В них остались в каменной выкладке свободные от камней площадки — ямы, в которые были опущены основания изваяний.

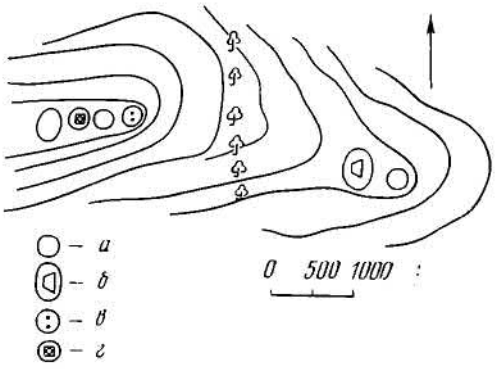


Рис. 4. План могильника у с. Новоселовка. *а* — курганные насыпи; *б* — кург. 2, *в* — кург. 3, *г* — кург. 5

Курган 2 слегка эллипсовидный в плане, высота его 1,05 м, диаметр 36 м (рис. 5, *1*). На нем находилось довольно сложное сооружение из гранитных камней среднего размера (40×35×35 см), представляющее собой в плане двойную трапецию, обращенную основанием к востоку (рис. 5, *2*). Размеры трех сторон внешней трапеции 16,5×12×8,5×12 м, а внутренней — 10×10,5×6×10 м. На западной стороне прослежены две кольцевые выкладки, между которыми находился, видимо, вход в святилище. Основание трапеции и северо-западная сторона сохранили вымостку из двух, а местами из трех рядов камня, уложенных насухо, без раствора.

В центре сооружения, in situ, находились два половецких изваяния, передающих изображение мужчины и женщины. Здесь же, в насыпи, было найдено еще два фрагмента от третьего изваяния. Основания первых двух изваяний были вкопаны в землю и стояли лицевыми гранями на восток. Примечательно, что сбитые верхние части статуй были разбросаны в разных направлениях (к востоку и западу), по их лицевые стороны, как правило, были обращены к востоку, что подтверждает восточную ориентировку изваяний.

Изваяние I, изготовленное из мелкозернистого песчаника, сохранилось очень плохо (рис. 5, *3*), высота его 1,2 м, толщина 0,32 м. Статуя изображала стоящую женщину, держащую сосуд у живота. На изваянии сохранились изображение шейной гривны и одежды в виде кафтана, полы которого украшены крестовидным орнаментом.

Изваяние II очень плохой сохранности. Однако по дошедшим до нас обломкам мы можем говорить, что это была женская статуя, относящаяся к типу «полусидящих» или стоящих. Голова отделена от туловища. На спине видны остатки прорисовки «лопасти». Бока от плеч до краев одежды украшены полоской с насечками. Ниже пояса сзади изображен квадрат, стороны которого также покрыты насечкой (рис. 5, *3*).

Фрагменты изваяния III обнаружены в 7,5 м к югу от центра, в насыпи. Один из обломков, передающий часть шеи с тремя косами, позволяет заключить, что статуя была мужской. Изготовлена она из песчаника и, по-видимому, ранее находилась на другом кургане, поскольку обломки найдены разбросанно среди камней, упавших со стен святилища.

Курган 3 был насыпан над двумя погребениями эпохи бронзы (рис. 6, *1*). Каменный панцирь, сложенный в древности, был использован вторич- по в половецкую эпоху. В центре его были установлены два изваяния, изображающие мужчину и женщину. Основания обоих изваяний зафиксированы в центре насыпи, in situ, а обломки их были разбросаны вокруг. Изваяние I изображает стоящую женщину с руками, держащими сосуд у живота,

[7] *Плетнева С. А.* Древности Черных Клобуков. — САИ, Е1-19. М., 1973, с. 13, 14.

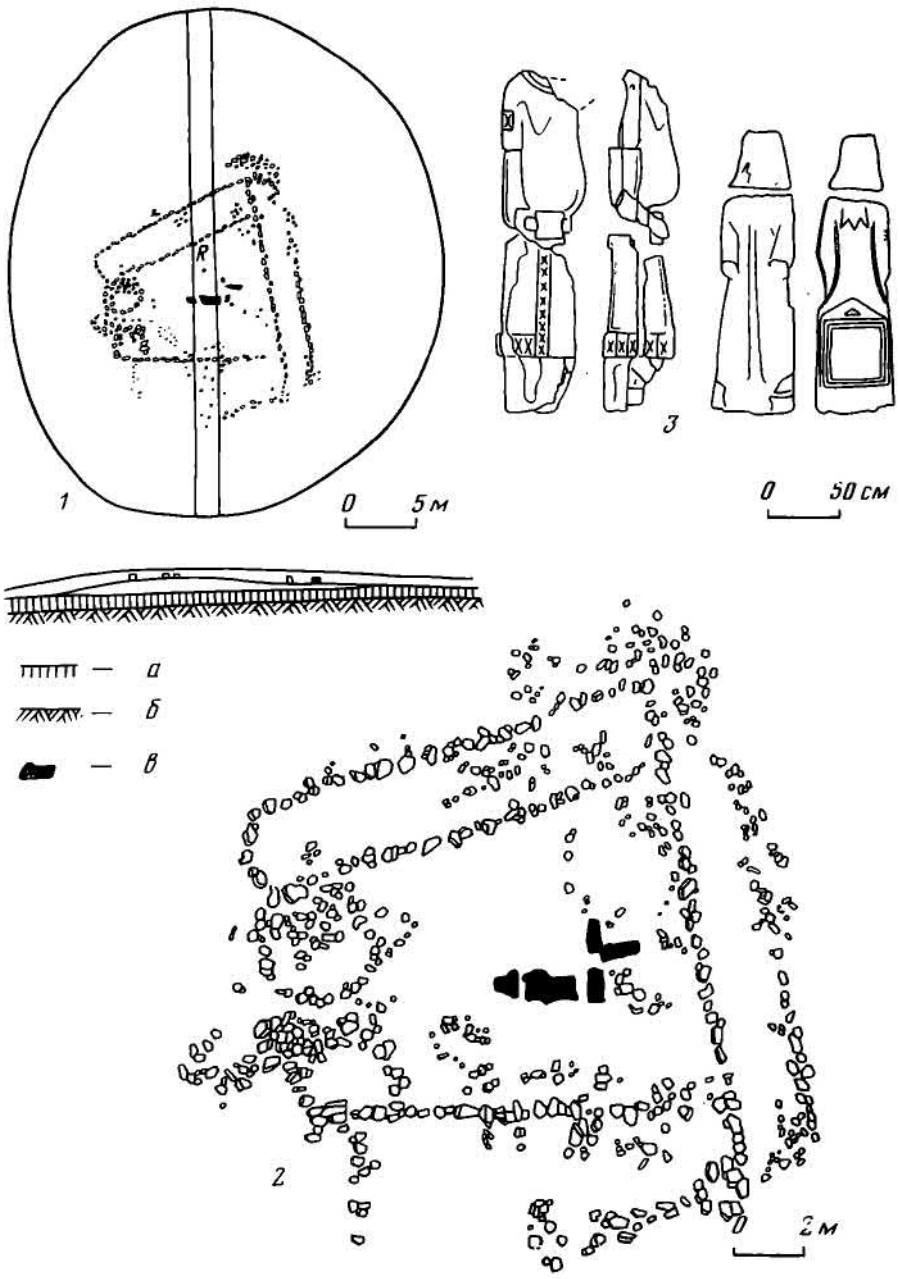


Рис. 5. Святилище на кург. 2 у с. Новоселовка. *1* — план и разрез кург. 2 со святилищем: *а* — древний горизонт, *б* — материк, *в* — остатки изваяний; *2* — план святилища; *3* — реконструкция изваяний

и открытой свисающей грудью. Изваяние II почти в два раза меньше первого (рис. 6, *2*). Это стеловидное изображение усатого мужчины. Руки и сосуд отсутствуют. На затылке прочерчены три полосы — косы.

На кург. 5 этого же могильника была расчищена выкладка из камней, подквадратная в плане (рис. 6, *3*). В центре в двух местах камни отсутствуют, хотя ямы в гумусе не прослежены. Под камнями найдена горловина амфоры XII в. (рис. 6, *4*). По-видимому, изваяния, находившиеся на данном кургане, были извлечены ранее.

Еще одна курганная группа с половецкими изваяниями в центре каменных конструкций была нами зафиксирована во время разведок в бассейне р. Кальмиус у с. Каменка Старобешевского р-на Донецкой обл., а в дальнейшем исследована экспедицией Донец-

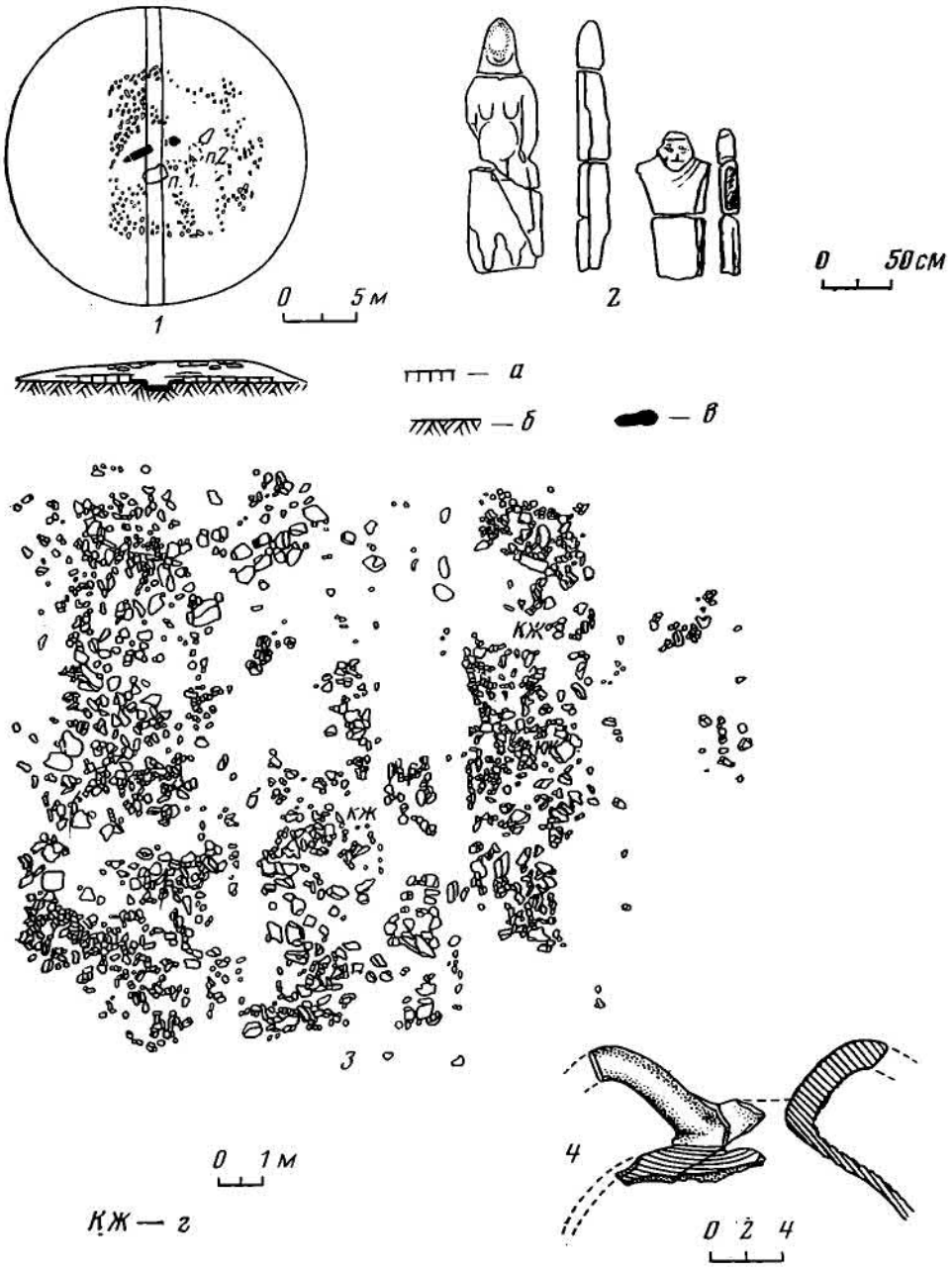


Рис. 6. *1* — план и разрез кург. 3 у с. Новоселовка: *а* — древний горизонт, *б* — материк, *в* — обломки изваяний, *г* — кости животных; *2* — изваяния из святилища на кург. 3; *3* — план вымостки на кург. 5 у с. Новоселовка; *4* — горловина амфоры XII в.

кого гос. университета [8].

Здесь, на одном из курганов эпохи бронзы (к. 1), в центре каменного панциря были установлены две статуи.

Не менее интересно сооружение, исследованное в курганной группе I у с. Астахово Свердловского р-на Ворошиловградской обл.[9] Здесь на кург. 4, насыпанном в хазарскую эпоху, хорошо датируемого византийской монетой, находилась каменная выкладка коль-

[8] *Косиков В. А.* Исследование курганов на территории Донецкой области.— АО-1976. М., 1977, с. 310, 311.

[9] *Евдокимов Г. Л.* Отчет о раскопках курганов у с. Астахово Свердловского района Ворошиловградской области в 1975 г. Архив ИА АН УССР, ф. с.— 1975/50, с. 11, 12.

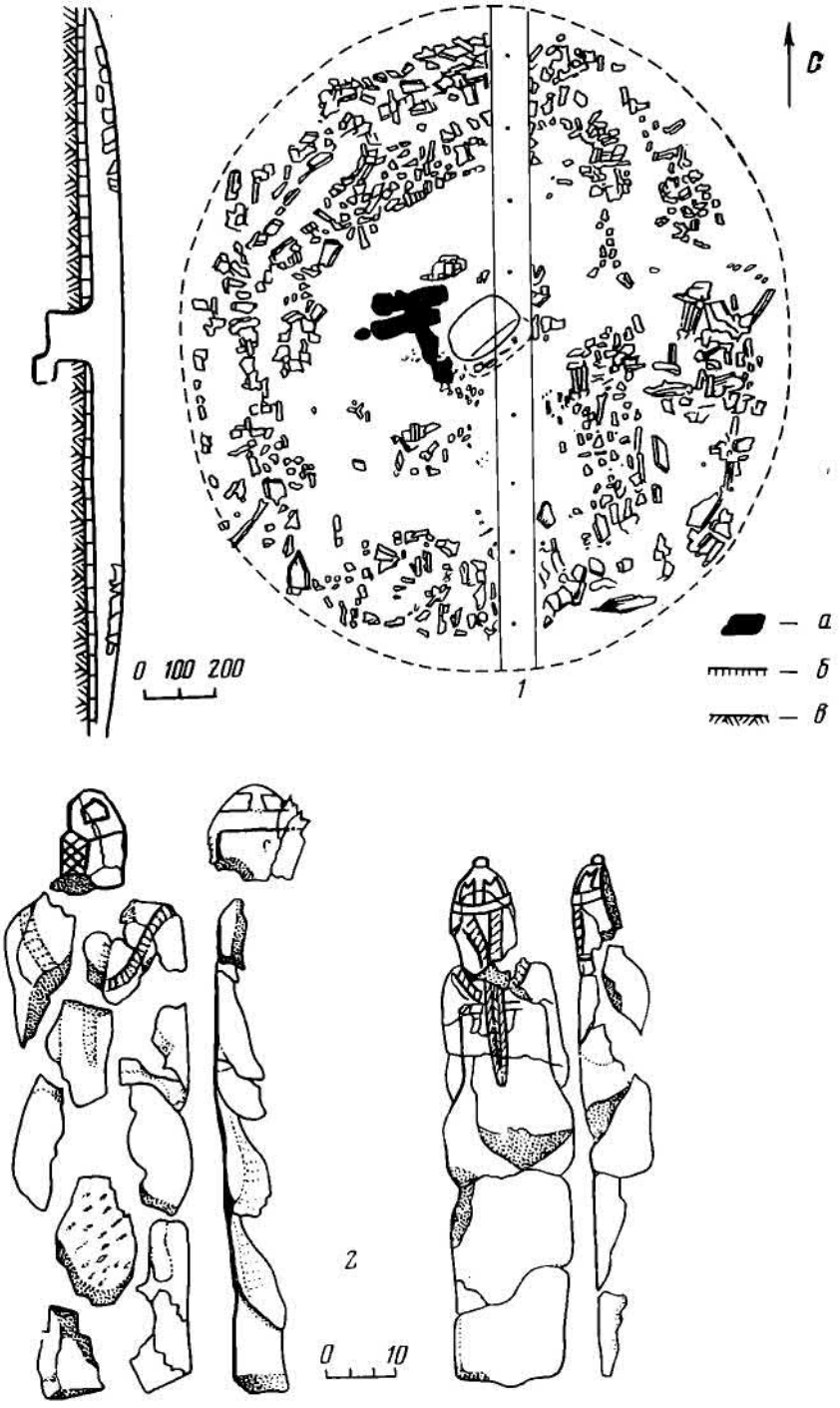


Рис. 7. *1* — план и разрез кург. 4 у с. Астахово: *а* — изваяния, *б* — древний горизонт, *в* — материк; *2* — реконструкция изваяний из святилища на кург. 4

цевой формы диаметром 16 м (рис. 7, *1*). Внешний и внутренние края кольца, укреплены большими камнями. В центре, in situ, находились основания от двух половецких статуй, многочисленные обломки которых лежали вокруг них. Рядом с ними была обнаружена верхняя часть третьего изваяния очень плохой сохранности.

Скульптуры разрушены в древности и сохранились лишь тыльные стороны II и III изваяния (рис. 7, *2*). По замечанию авторов раскопок, «отдельные фрагменты I изваяния

аналогичны II». Изваяния II и III мужские, сидящие. На обоих шлемы сфероконической формы, склепанные из четырех частей, с обручем и вертикальными полосами. На втором изваянии шлем с шишаком.

О групповом характере сооружений в данном могильнике может говорить также наличие на кург. 10 основания половецкого изваяния, стоящего в центре насыпи, покрытой каменными плитами. К сожалению, от верхней части изваяния сохранилась лишь голова, изображающая женщину в своеобразном головном уборе и серьгой с четырьмя лучами[10].

Не исключено, что аналогичное или близкое предыдущим сооружениям святилище находилось еще на одном кургане (кург. 8) данного могильника. Но изваяния в дальнейшем были сильно разбиты и использованы для перекрытия могильной ямы впускного погребения золотоордынского времени [11].

Для полноты характеристики следует еще отметить наличие двух скульптур, изображающих мужчину и женщину, находившихся на кургане эпохи бронзы в Томаковском р-не Днепропетровской обл.[12], являющихся, по-видимому, частью аналогичного святилища.

Указывая на истоки зарождения вышеописываемого обряда, мы говорили, что он возник в тюркской среде в Восточной Сибири и Монголии. Там же известны и ближайшие ему аналогии. Так, например, сооружениям на могильнике «Текстильщик» близки по своей конструкции «оградки», исследованные в Туве, на Алтае и в Монголии [13 14].

Более сложные и значительные святилища, которые, по мнению Л. Р. Кызласова, являются поминальными сооружениями знати, близки по своим масштабам и сложности святилищу, сооруженному на кург. 2 у с. Новоселовка. Это памятники типа Сары-Булун 14, «Деспен» в Хакассии [15]. Основной отличительной чертой рассматриваемых нами святилищ от восточносибирских и алтайских, по-видимому, нужно считать установление статуй не за пределами, а в центре святилищ.

При анализе древнетюркских и казахстанских изваяний неоднократно указывалось на их связь со специальными сооружениями, представляющими своеобразные святилища со следами жертвоприношений[16]. О поклонении изваяниям и принесении им жертв имеются как письменные, так и археологические источники. Выше мы указывали на наличие жертвоприношений у изваяний в виде костных остатков лошадей, коров, собак и других животных [17]. Известны и случаи принесения в жертву людей [18]. Однако существовали, по-видимому, и другие виды жертвоприношений, следы которых уловить археологически невозможно. Так, В. А. Казакевич, описывая изваяния, исследованные им в Монголии,

---

[10] *Евдокимов Г. Л.* Ук. отчет за 1975 г., с. 21.

[11] Там же, с. 19.

[12] *Чередниченко Н. И., Бессонова С. С., Болдин Я. И.* Работы Стрюковского отряда Верхне-Тарасовской экспедиции.— АО—1975. М., 1976, с. 404, 405.

[13] *Евтюхова Л. А.* Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии.— МИА, № 24, 1952, с. 72—115; *Гаврилова А. А.* Могильник Кудергэ как источник по истории алтайских племен. М.—Л., 1965, с. 14—17; *Вайнштейн С. И.* Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве,— Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М,—Л., 1966, с. 317; *Сорокин С. С.* Древнекаменные изваяния Южного Алтая.— СА, 1968, № 1, с. 260; *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М., 1969, с. 23—26.

[14] *Кызласов Л. Р.* История Тувы..., с. 26, 35.

[15] *Евтюхова Л. А.* Каменные изваяния..., с. 115—118.

[16] Там же, с. 72, 114, 117; *Кызласов Л. Р.* О назначении древнетюркскпх изваяний..., с. 27—39; *Арсланова Ф. Х., Чариков А. А.* Каменные изваяния Верхнего Прииртышья.— СА, 1974, № 3, с. 220—234.

[17] *Федоров-Давыдов Г. А.* Ук. соч., с. 191. Не исключено, что курган, раскопанный П. Н. Шульцем в Крыму в 1933 г., представлял собой также святилище со следами жертвоприношений. Это же мнение высказал Г. А. Федоров-Давыдов.

[18] *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований..., с. 249—253; *Плетнева С. А.* Половецкие каменные изваяния, с. 73.

указывал, «что рот и чаша статуй вымазаны жиром», а на шее других изваяний «обвязан пучок волоса» или матерчатые «ленточки» [19]. Все это говорит о возможности постоянного почитания изваяний, что превращало сооружение вокруг них в своеобразные святилища. Даже тот факт, что изваяния стали ставить в центре оградок, говорит об усилении и повышении значимости самих изваяний и тем самым обряда, связанного с ними. Возникнув в VI—VII вв. в тюркской среде как обряд, в котором статуи и оградки являлись местом поминального культа предков, непосредственно не связанных с погребениями, обряд этот был заимствован восточнокипчакскими племенами и в дальнейшем постепенно трансформировался половцами в культ вождей — покровителей орды, племени, рода [20].

Находка скульптурного изображения медведя в половецком святилище раскрывает новые аспекты в изучении культовых представлений половцев. До этой находки к числу жертвенных и культовых животных половцев относились волк, собака, лошадь, овца и бык, теперь этот список можно дополнить медведем — лесным жителем. Появление изображения этого животного у степняков говорит, видимо, о каких-то древних обычаях, связанных со временем пребывания половцев-кипчаков в Сибири [21].

В прошлом культ медведя был широко распространен от Каспийского моря до Тянь-Шаня и особенно хорошо известен у народов Сибири [22]. В обряде почитания медведя широко распространены два культа — культ предка и промысловый культ. Трудно предположить, что медведь — промысловое животное степняков, и поэтому мы считаем, что в данном случае отражен культ предка (тотема). О существовании медведей, даже белых, у кочевников сообщает Марко Поло [23].

В заключение рассмотрев все известные сейчас половецкие святилища, мы считаем возможным выделить несколько их видов, отличающихся друг от друга размерами и конструктивными особенностями.

К самым простейшим относятся одно или несколько изваяний лицом к востоку, установленные на курганах без дополнительных каменных конструкций. Не исключена возможность устройства каких-либо земляных сооружений, не сохранившихся к моменту исследования. Следы культовых приношений в данном случае отмечались исследователями.

Второй вид представляет собой сооружение в виде каменного покрытия вокруг изваяний или использование существующего ранее панциря. Форма их разнообразна. В центре каменных панцирей оставлялись овальные или круглые площадки, предназначенные для жертвоприношений. Это памятники типа Астахове (кург. 4) в Ворошиловградской обл. и с. Новоселовка (курганы 3, 5) Донецкой обл.

К третьему виду относятся прямоугольные каменные сооружения в виде оградок, ориентированные по сторонам света. Стенки их выложены из камня насухо, без раствора. В центре находятся изваяния мужчины и женщины, по углам — жертвенные площадки или кострища. Этот вид хорошо представлен на курганах 5 и 6 могильника «Текстильщик» в г. Донецке.

Четвертый вид представлен наиболее сложным и значительным как по размерам, так и по архитектурному решению комплексом. Святилище представляет собой устроенную на курганной насыпи двойную усеченную трапецию, выложенную из камня и обращенную основанием к востоку. В центре сооружения два изваяния — мужское и женское.

[19] *Казакевич В. А.* Надмогильные статуи в Дари-Ганге.— Материалы по исследованию Монгольской и Тангуто-Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР. Л., 1930, вып. № 5, с. 2—9 сл.

[20] *Плетнева С. А.* Половецкие каменные изваяния, с. 76.

[21] *Бартольд В. В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Лекция VI. Соч., т. V. М., 1968, с. 97; *Кумеков Б. Е.* Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972.

[22] *Соколова З. П.* Культ животных в религиях. М., 1972, с. 63—67.

[23] Книга Марко Поло. М., 1956, с. 225.

Различия в типологии тюркских святилищ носят но мнению Л. А. Евтюховой, А. А. Гавриловой и Л. Р. Кызласова социальный характер. Конструктивные отличия указанных выше половецких памятников также, очевидно, следует объяснять социальными различиями половцев, в память которых ставились изваяния и оградки. Семейный характер сооружений подчеркивается, как нам представляется совместным установлением в одном святилище двух статуй — мужской и женской.

M. L. Shvetzov

THE POLOVETZ SHRINES

Summary

The article deals with stone structures having Polovetz sculptures in the centre. The author suggests a preliminary classification and the typology of Polovetz shrines. He singles out four types of structures which differ in size and construction.

1. Earth structures on barrows with sculptures in the centre (Dnieper region). 2. Stone surfacing of the ground around the sculptures (ring-formed, square etc.), and secondary use of the initial stone covering of the embankment (Novosiolovka, barrows 3, 5; Astakhovo, barrow 4). 3. Square fence — like stone structures with sculptures in the centre facing East («Tekstilschik», Donetzk, barrows 5,6). 4. Complex stone trapezoidal structure. Complex has sculptures in its centre facing East (Novosiolovka, barrow 2).

In the author's view such variety in types of Polovetz shrines is caused by social differencies. The presence of two, male and female, sculptures in some shrines, probably points to their function as family shrines.

М.Л. Швецов

КОТЛЫ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ*

Приступая к рассмотрению интересующей нас темы, следует прежде всего остановиться на анализе происхождения слова «котел» и применении этого термина в настоящее время в археологической литературе. В специальной литературе «сосуд, изготовленный из листовой меди, обычно с округлым дном и небольшим раструбом кверху, служащий для приготовления пищи», называется «казан», а иногда «котел»[1]. Однако под «котлом» чаще всего имеют в виду литой сосуд значительных размеров, в основном изготовленный из чугуна и железа[2]. Особенно часто этот термин применяется в технике[3].

Этимология обоих терминов различна. Если «казан» — слово, заимствованное у тюрок, — kazan, то «котел» происходит от германского katils, которое в свою очередь происходит от латинского katillus — сосуд[4]. В археологической литературе мы повсеместно встречаемся с термином — «котел» — для определения как глиняных, так и литых, и кованных бронзовых, медных, чугунных и железных сосудов.

Рассматривая в данной статье изготовленные из листовой меди (бронзы), обычно с округлым дном, прямыми или слегка раструбными кверху стенками сосуды для приготовления пищи у тюркоязычных народов, считаем правомерным употреблять термин «казан» как наиболее правильный и соответствующий действительности. Наиболее ранние, близкие конструктивно к рассматриваемым нами[5] казаны IV—V вв. Их находят в составе погребального инвентаря, часто с вещами полихромного стиля, на территории Северного Причерноморья и Западной Европы[6]. Известны они и на Кавказе в богатых аланских погребениях[7]. В предшествующую хазарскую эпоху в степях Восточной Европы наибольшее распространение получают глиняные и железные котлы[8].

Казаны поздних кочевников не привлекали до сих пор специального внимания исследователей, однако вопрос об их этнической принадлежности впервые был затронут

* Опубликовано: Швецов М.Л. Котлы из погребений средневековых кочевников // СА. 1980. № 2. С. 192-202.

[1] *Даль В.* Толковый словарь живого Великорусского языка, т. II. М., 1935, с. 73; *Ожегов С. П.* Словарь русского языка. М., 1970, с. 255.

[2] *Даль В.* Ук. соч., с. 180; Словарь современного русского литературного языка. Ж— Л., 1956, т. 5, с. 1533, 1534.

[3] *Ожегов С И.* Ук. соч., с. 293 и далее («паровой котел», «котел отопления», «атомный котел»).

[4] *Преображенский А. Г.* Этимологический словарь русского языка, т. 1. М., 1959, с. 282; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1967, с. 159.

[5] Наиболее ранние клепаные медные сосуды известны с VIII—VII вв. до и. э. А затем в скифскую и сарматскую эпохи. Но от рассматриваемых они отличаются конструктивно наличием ножки поддона, что указывает на другую технику приготовления пищи в данных сосудах. *Бочкарьов В. С.* Киммерийские Казани.— Археологія, № 5, 1972, с. 63—68; *Яковенко Е. В.* Скіфи Східного Криму в V—III ст. до н. е. Київ, 1974, с. 64; *Іллінська В. І., Тереножкін О. І*. Скифський період.— Археология УРСР. Київ, 1971, т. II, с. 151; *Боковенко А. И*. Типология бронзовых котлов сарматского времени в Восточной Европе.— СА, 1977, № 4, с. 228—235.

[6] *Высотская Т. Н., Черепанова Е. Н*. Находки из погребения IV — V вв. в Крыму.— СА, 1966, № 3, с. 195, рис. 5, 2; *Hampel J.* Alterthümer des frühen Mittelaltérs in Ungarn. Budapest, t. II, 1905, с. 131, 132.

[7] *Рунич А. П.* Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины.— СА, 1976, № 3, с. 256, 265.

[8] *Плетнева С. А*. От кочевий к городам.—МИА, 1960, № 142, с. 149, рис. 39, 19; *Diaconu P*. Cu privire la problema caidrril de lut Pn. epca frudalt timpuril (ser. X— XII).— SCIV, t. VII, 1956, № 3, 4.

С. А. Плетневой. При характеристике пятой группы кочевнических памятников, отнесенных ею к местному допеченежскому населению донецких степей, наличие в погребениях казанов, равно как и керамики, определялось С. А. Плетневой как один из характерных признаков указанной группы памятников[9]. В основном же они публиковались в числе прочего инвентаря из позднекочевнических комплексов или разрушенных курганов. Так, были изданы два медных казана из Ровенского и II Лолинского[10] могильников в Поволжье, один происходит из раскопок Г. Т. Ковпаненко на Херсонщине у с. Балтазаровка, 13 км[11]. Описание еще одного казана, найденного в разрушенном кургане па Херсонщине, дано в статье И. А. Молодчиковой[12].

В классификации кочевнического инвентаря, предложенной Г. А. Федоровым-Давыдовым, имеется раздел о бронзовых сосудах, где учтено семь типов бронзовых чаш[13]. Лишь в одном случае находка определяется как котел — раздел Б, тип I[14]. К сожалению, в этой работе рисунки чаш даны не в масштабе и размеры их в тексте не указаны, что затрудняет сопоставление имеющихся у нас казанов и чаш, опубликованных Г. А. Федоровым-Давыдовым. Ссылаясь на аналогичные находки чаш в материалах XIV в. из Сарая, автор тем самым определяет время их бытования. Нам кажется неправомерным выделение типов В-II и В-III в раздел бронзовых чаш. Чаши, согласно своей функциональной принадлежности, определяют и форму. К этой форме близки чаши типов В-I, В-IV, В-V. Определение сосудов типа В-II и В-III как чаш не дает объяснения необходимости наличия ручки-дужки, указанной на данных сосудах, и их размеров. По-видимому, более правомерным была бы классификация данных сосудов как котелков, что связано с их формой, размерами и наличием ручки-дужки. В коллекциях музеев Новочеркасска, Ворошиловграда, Днепропетровска, Запорожья и Артемовска нами обнаружено 10 казанов несомненно кочевнических, но носящих наименование «казацких», «турецких» и др.[15] Выяснение места и обстоятельств их находок, а также их аналогичность казанам из датированных кочевнических погребений позволяет, как нам кажется, относить и данные изделия к памятникам кочевников южнорусских степей XII—XIII вв. и рассматривать в нашей статье.

В настоящее время нам известно в общей сложности 37 находок кочевнических казанов, сосредоточенных на относительно узкой территории степей от Днепра до Волги. По технике изготовления они могут быть разделены на три типа.

К I типу (рис. 1, 2) нами отнесено 19 казанов с прямыми стенками, изготовленных из двух листов металла, соединенных между собой простым прокованным швом. Отличия в наклоне стенок и форме венчика позволяют выделить подтипы сосудов.

Подтип 1 (6 экз., рис. 1, *1—5*) — сосуды со слегка расширяющимися кверху стенками, выпуклым дном и отогнутым прямым венчиком. Плоские железные ручки вставлены подвижно в петли, которые прикреплены к стенкам казана заклепками. В подтип 1 включены три казана из исследованных погребений в Поволжье (II Лолинский, 1, Ровенский, 2,

[9] *Плетнева С. А.* Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях.— МИА, № 62, 1958, с. 183.

[10] *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 г.— Тр. КРКМ, вып. 1. 1953, с. 24, рис. 25, 8; *они же*. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР.— Тр. КРКМ, вып. 2, 1954, с. 176, рис. 46, 2.

[11] *Ковпаненко Г. Т.* Курганы в Чаплинском районе Херсонской области.— ПЭБ, Киев, 1967, с. 34, 35, рис. 2, 3.

[12] *Молодчікова І. А.* Розкопки кочовницьких поховань на Херсонщинь АИУ — 1969. Київ, 1972, с. 266—268.

[13] *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, с. 88, рис. 15, *2*.

[14] Там же, с. 87.

[15] Все собранные нами казаны, как в комплексах, так и без них, включены в список, прилагаемый к статье, и пронумерованы. В дальнейшем будут указываться только пункты и номер памятника согласно списку (см. приложение). Пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность за любезно предоставленные неопубликованные материалы из раскопок Я. II. Болдина, А. И. Кубышева, В. В. Отрощенко.

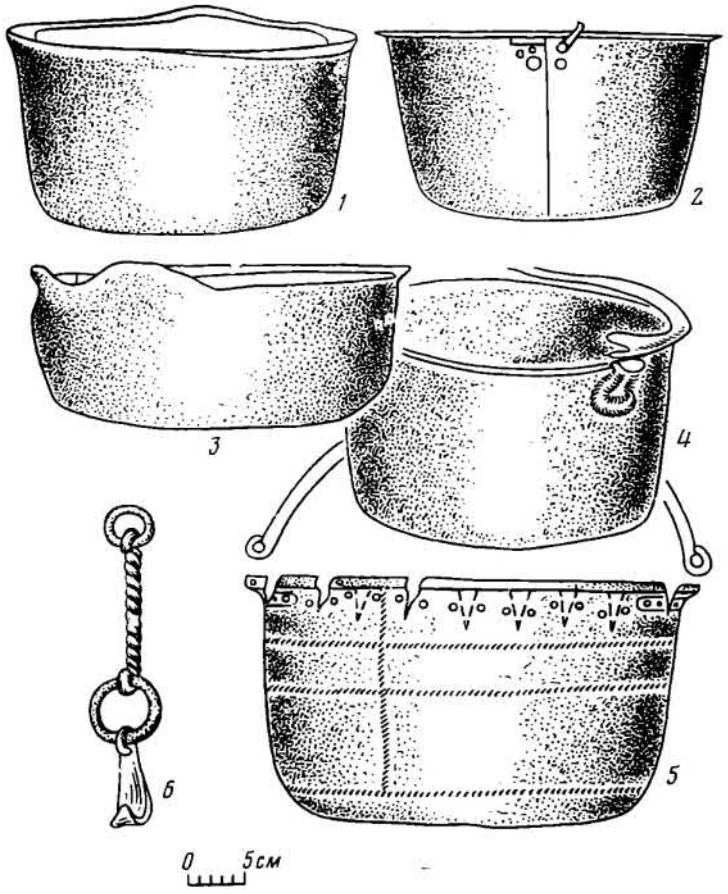


Рис. 1. Казаны I типа, подтип 1. *1* — Ровенский могильник; *2* — Отрадное; *3* — II Лолинский могильник; *4* — Новоивановка; *5* — Новочеркасск, № 3890; *6* — крюк от казана из кургана Нижняя Козинка

могильник на Иловле, 3), один из Новочеркасского музея в Подонье (4), два из Приазовья (Новоивановка, 12; Отрадовка, 15).

Подтип 2 (6 экз., рис. 1, *1—3*) представлен цилиндрическими сосудами со слегка округлым дном, отогнутым и загнутым к бортам венчиком. К данному подтипу нами отнесены четыре казана из погребений в Поднепровье (Тимашевка, 22; Вільна, Украіна, 32; Лиманцы, 36; Павловка, 34) и два из Приазовья (Провалье, 7; Курахово «Великая Могила», 20).

Подтип 3 (4 экз., рис. 2, 4)—сосуды с сужающимися кверху стенками, отогнутым венчиком и слегка выпуклым дном. Один из них, хранящийся в Ворошиловградском музее (10) по нижней части тулова украшен орнаментом в виде меандра. Второй обнаружен в нарушенном погребении у р. Грузской в Приазовье (№ 13). Еще два казана происходят из разрушенных в 1972 г. погребений на Харьковщине (с. Берестовое, 18, 19).

Подтип 4 (2 экз., рис. 2, *5, 6*) отличается значительно от предыдущих по форме. Слегка выпуклый корпус сосудов конусообразно расширяется к полусферическому дну. Венчик, поднимающийся уступом от узких плечиков, немного расширяется, край его отогнут наружу и образует бортик. Поясок, отделяющий венчик от тулова у одного из казанов (Новочеркасск, 6), орнаментирован штрихами по всей окружности. Казаны данного типа в основном выкованы из одного листа и по размерам сравнительно невелики. Высота их колеблется от 15 до 30 см, а диаметр — от 20 до 40 см (рис. 2, *5, 6*). К венчику приклепаны петли с расходящимися концами, в двух случаях концы петель перекрещены. На тулове

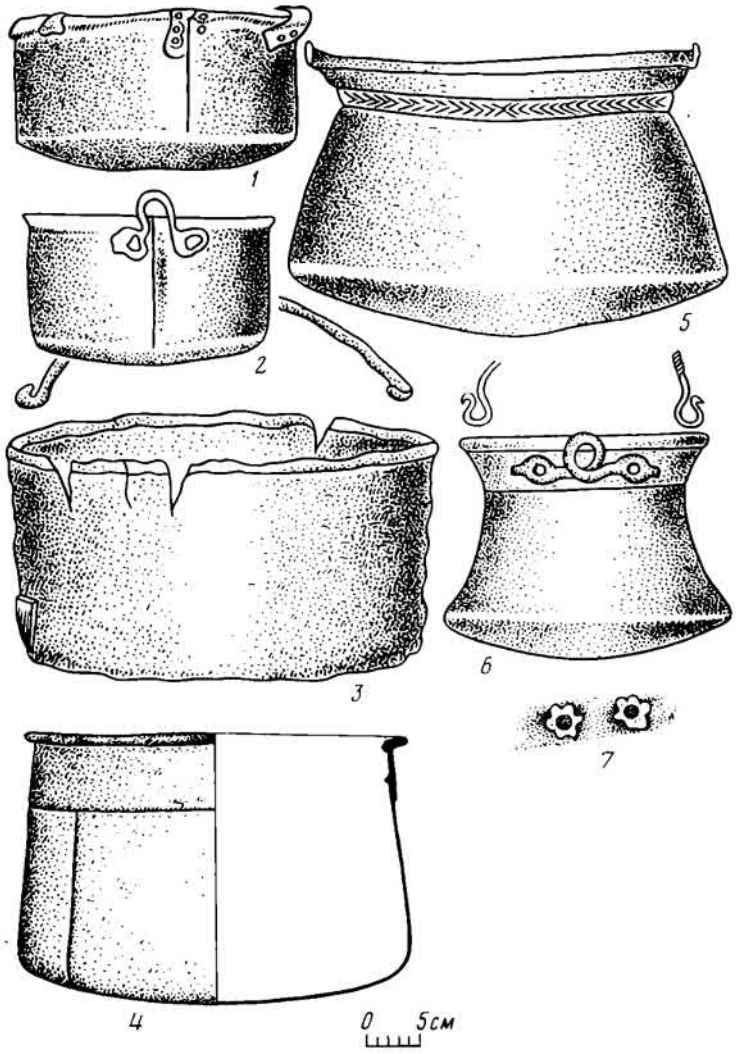


Рис. 2. Казаны I типа, подтип 2: *1* — Тимофеевка; *2* — Провалье; *3* — Курахово; подтип 3: *4* — Грузское; подтип 4: *5* — Новочеркасск, № 3876, *6* — Новочеркасск (безинвентарен), *7* — клеймо на казане 5

одного из сосудов из Новочеркасского музея (5) имеется клеймо мастера в виде двух цветков (рис. 2, *7*). Наличие клейма на стенке казана говорит о возможности их производства определенной мастерской или мастером по заказу.

Тип II (рис. 3 и 4) представлен 12 сосудами подцилиндрической формы, изготовленных из нескольких листов меди (бронзы), соединенных между собой заклепками. По своей форме они могут быть разделены на два подтипа.

Подтип 1 включает 8 казанов (рис. 3, *1—7*). Стенки сосуда соединены между собой и с дном заклепками, идущими в один ряд с равным интервалом. Изменение профиля стенок незначительное. Наблюдается слабое расширение стенок к венчику и иногда небольшая округлость. В одном случае венчик и край дна казана окованы железной полоской (Ажинов 1, 8). Пять сосудов происходят из погребений в Подиепровье (Александрополь, 21; Большая Белозерка, 23; Софиевка, 27, 28; Красный Подол, 35), а два в низовьях р. Кальмиус (Октябрьское, 16; Приморское, 17).

Подтип 2 (рис. 4, *1—4*) представлен 4 экз. Стенки сосудов, изготовленные из несколь-

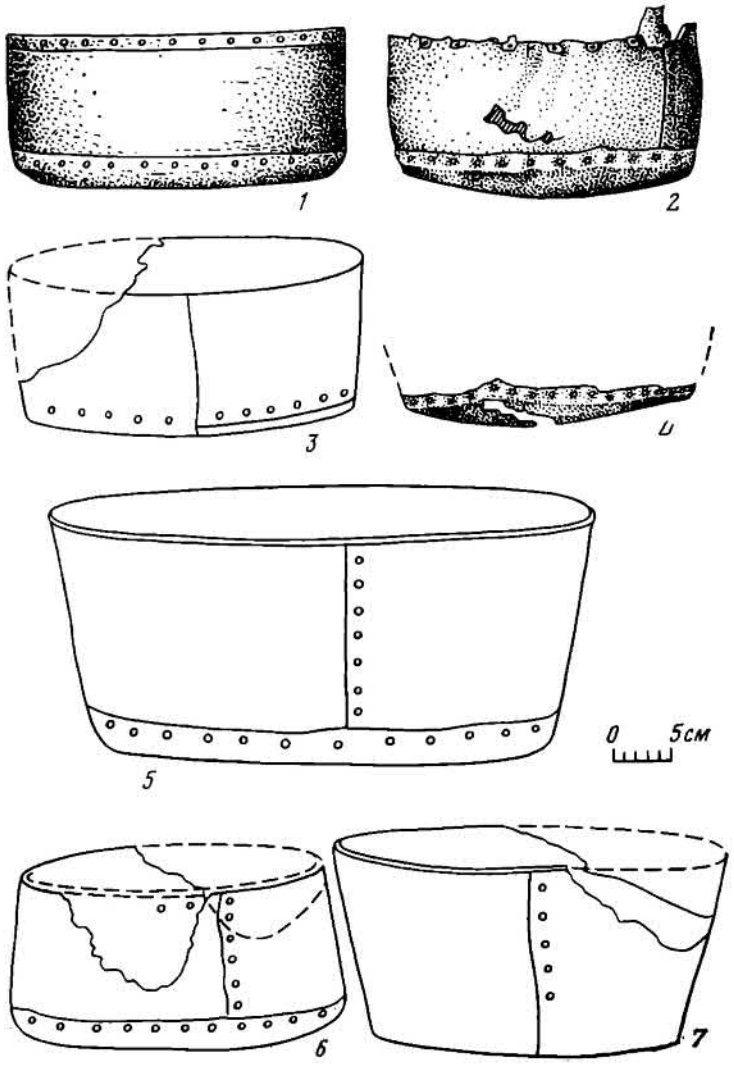


Рис. 3. Казаны II типа, подтип 1: *1* — Софиевка, к. 13, п. 1; *2* — Софиевка, к. 23, п. 17; *3* — Октябрьское; *4* — Красный подол; *5* — Б. Белозерка; *6* — Александрополь; *7* — Приморское

ких кусков меди и соединенные заклепками (иногда в два ряда), сужаются к венчику. Венчик прямой, в одном случае слегка отогнут. Ручки петлеобразные. Дно почти прямое, слегка выпуклое. С одним из казанов, обнаруженных в Подонье (Нижняя Козинка, 8), находился железный крюк для подвешивания над огнем (рис. 1, *6*). Два других найдены в Приазовье (Никифоровка, 11; Изюм, 14), один происходит из разрушенного кургана на Херсонщине (Широкое II, 31).

В тип III выделено 6 казанов (рис. 4, *5—7*) отличающихся от предыдущих системой соединения стенок и днища. В данном случае мастером была избрана более сложная техника соединения швов, представляющая собой своеобразный замок. Языки, идущие по краю одной стенки, были впущены в специальные прорези в другой, а затем загнуты и расклепаны. Такая система крепления, по-видимому, была не столь эффективна, и казаны, сделанные в этой технике, очень редки (24, 25, 26, 29, 33, 37).

Полные аналогии казанам из кочевнических погребений XI—XIII вв. нам не известны. Однако, как мы уже указывали, они бытовали в более раннюю эпоху. Так,

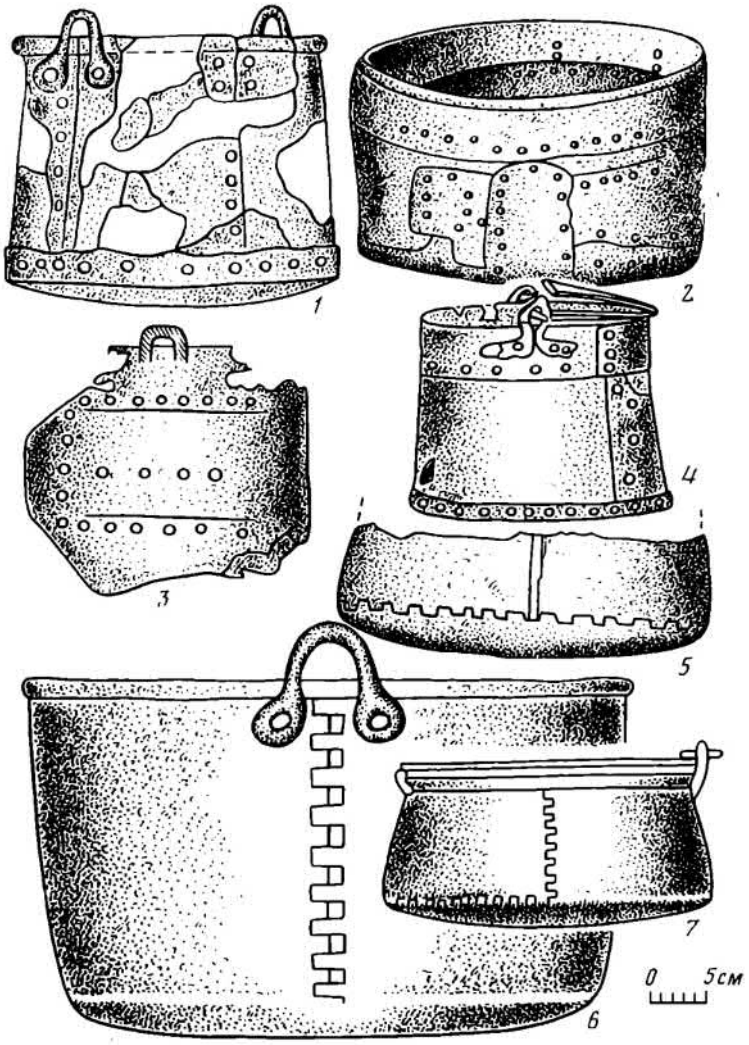


Рис. 4. Казаны II и III типов. Тип II, подтип 2: *1* — Никифоровка; *2* — Изюм; *3*—Широкое II; *4* — Нижняя Козинка. III тип: *5* — В. Тарасовка; *6* — Запорожье; *7* — Морская кошара

при раскопках аланского могильника у Кисловодска был найден бронзовый казан в погребении вождя и два — в других комплексах. Находки датируются А. П. Руничем V—VIII вв.[16]. Известны котлы и в богатых погребениях Лядинского могильника, относимого к мордовским памятникам[17]. Железные котлы, близкие по форме и технике изготовления, есть в материалах салтовской культуры VIII—X вв. Указывая на особое место их в быту у кочевников, С. А. Плетнева подробно останавливается на описании формы и реконструкции такого котла[18]. О более длительном бытовании их в Подонье говорят находки фрагментов ручек и петель от котлов при раскопках Саркела[19]. Нельзя не упомянуть о медных (бронзовых) котелках, отличающихся от рассматриваемых нами казанов меньшими почти в 2 раза размерами, из II Агафоновского могильника

[16] *Рунич А. П.* Захоронение вождя..., с. 256, рис. 1; *его же.* Алапскпе катакомб-ныс могильники V—VIII вв. в г. Кисловодске и его окрестностях.— МАДИСО, т. II, 1969, с. 105, 106, рис. VI, *1, 2.*

[17] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам, с. 154.

[18] Там же, с. 154, рис. 39, 19 на с. 149.

[19] *Артамонов М. И.* Саркел —Белая Вежа.—МИА, № 62, 1958, с. 67, рис. 45.

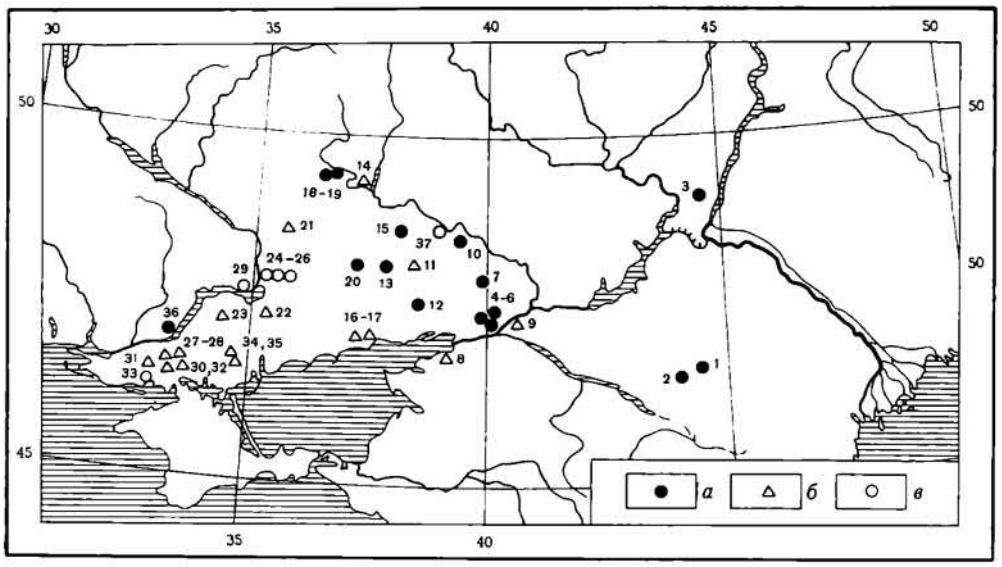


Рис. 5. Карта находок казанов. *1* — II Лолинский могильник, к. 8, и. 3; *2* — Ровенский могильник, к. 13, и. 3; *3* — могильник на Иловле; *4* — Новочеркасск № 3890; *5* — Новочеркасск № 3876: *6* — Новочеркасск (безинвентарный); *7* — Провалье, к. 6, и. 1; *8* — Нижняя Козинка; *9* — Ажинов I, к. I, п. 3; *10* — Ворошиловград; *11* — Никифоровка; *12* — Новоивановка; *13* — Грузское; *14* — Изюм; *15* — Отрадовка; *16* — Октябрьское, к. I: *17* — Приморское; *18* — Берестовое; *19* — Берестовое; *20* — Курахово, «Великая Могила»; *21* — Александрополь; *22* — Тимофеевка, к. 9, п. 5; *23* — Б. Белозерка, к. I, п. 2; *24* — Запорожье ЗИКМ; *25* — Запорожье ХГЗЗК; *26* — Запорожье ХГЗЗК; *27* — Софиевка, к. 13, п. 1; *28* — Софиевка, к. 23, п. 17; *29* — Верхне-Тарасовка, к. 82, п. 1; *30* — Красный Перекоп, 23 км, к. 1, п. 1; *31* — Широкое II, к. 37; *32* — Вільна Україна, к. 3, п. 1; *33* — Скадовск, к. 4, п. 3; *34* — Павловка, к. 2, п. 1; *35* — Красный Подол, к. 1, п. 4; *36* — Лиманцы, к. 1, п. 1; *37* — Пришиб, к. 3, п. 2, *а* — казанцы I типа; *б* — II тип; *в* — III тип

в Пермской области[20].

Отсутствие казанов в материалах раскопок памятников оседлых народов, примыкавших к кочевой степи, позволяет считать их находки у кочевников продуктом местного производства, тем более что находки близких и аналогичных сосудов в более раннюю эпоху могут говорить о преемственности позднекочевнических казанов от более ранних. В пользу нашего мнения о местном производстве казанов говорит и их распространение на территории, которая постоянно находилась под властью кочевников и даже была центром половецких группировок (рис. 5)[21].

Рассматривая условия находок казанов в погребальных комплексах кочевников, попытаемся выявить возможную взаимосвязь определенного типа сосудов с каким-либо погребальным обрядом и их хронологические рамки. Выше мы говорим о том, что часть известных в настоящее время казанов происходит из разрушенных курганов или депаспортизована. Так, из 37 только 22 сосуда входит в состав более или менее документированных комплексов[22]. Погребальный обряд этих захоронений не составляет единого целого.

[20] Пользуюсь случаем выразить самую глубокую признательность Р. Ф. Голдиной за любезно предоставленные для ознакомления материалы из своих раскопок.

[21] *Плетнева С. А.* Половецкие изваяния.— САИ, вып. Б4—2. М., 1974, с. 19—24.

[22] Мы не привлекали к обработке комплексы, в которых упоминается казан, но не сохранилось ни

Взяв за основу ориентировку погребенных, мы можем разделить имеющиеся в нашем распоряжении комплексы на две группы. Первая группа (11 погребений) характеризуется вытянутым на спине положением погребенного, его западной ориентировкой и наличием чучела или полного скелета взнузданной и оседланной лошади. Мужской пол умерших, погребальный инвентарь, отличающийся богатством и разнообразием наступательного и защитного оружия, дает возможность считать погребенных представителями военной аристократии кочевнического общества. Яркий образец погребений первой группы дает курган «Великая могила» у г. Курахово (20). Захоронение воина сопровождалось кроме богатого инвентаря еще захоронением коня и лежащими рядом слугами.

Вторая группа (8 погребений). Это трупоположения с восточной ориентировкой. В отличие от погребений первой группы признаки всадничества для данной категории не являются закономерными. Наличие даже сбруи в них не всегда обязательно. Но это не говорит о бедности умершего, данные погребения по богатству инвентаря, его ценности значительно превосходят погребения первой группы. В числе особенностей второй группы мы считаем также наличие в ней женских погребений[23].

В вопросах хронологии позднекочевнических памятников нет еще единого мнения о датировке тех или иных комплексов и могильников[24]. Однотипность инвентаря в погребениях разных веков затрудняет возможность создания хронологической шкалы. Однако в работах Г. А. Федорова-Давыдова и С. А. Плетневой проведена систематизация и установлены определенные хронологические рамки некоторых категорий вещей, встречающихся в кочевнических погребениях[25]. Сравнивая их с аналогичными находками инвентаря в погребениях с казанами, мы можем продатировать имеющийся в нашем распоряжении материал. Так, сбруя погребений, в которые входят двухсоставные удила с круглыми в сечении кольцами, не превышающими диаметр 7 см, и длиной одного стержня грызла до 8 см имеют аналогии в древнерусских и кочевнических древностях и датируются XII—XIII вв.[26]. Стремена, в основном аналогичные стременам типа В-II, Г-I по системе классификации Г. А. Федорова-Давыдова[27], В-I, Д-II, Д-III по классификации С. А. Плетневой[28], также датируются XII—XIII вв.

В состав оружия погребений с казанами входят сабли, наконечники стрел, копий или дротиков, колчаны, кинжалы, шлемы, кольчуги. Ни разу не встречены богато орнаментированные обкладки колчанов золотоордынского времени [29]. Наконечники стрел в данных комплексах весьма разнообразны. Однако среди них нет образцов, известных с татаро-монгольского нашествия,— более крупных и массивных по размерам, чем половецкие[30].

Наиболее показательными, как нам представляется, для хронологии данной группы памятников могут служить украшения, парча и керамика, находимая в комплексах с котлами.

рисунка его, ни размеров.

[23] *Плетнева С. А*. Половецкие каменные изваяния, с. 19—24.

[24] *Плетнева С. А*. Древности Черных Клобуков.— САИ, вып. Е1—19. М., 1973, с. 15—19; *Федоров-Давыдов Г. А*. Кочевники Восточной Европы..., с. 115, 116.

[25] *Плетнева С. А*. Древности Черных Клобуков, с. 15—19; *Федоров-Давыдов Г. А*. Ук. соч., с. 11—119.

[26] *Кирпичников А. И*. Снаряжение всадника и верхового коня па Руси IX— XIII вв.— САИ, вып. Е — 136, 1973, Л., с. 12, 17, рис. 4, тип. 1К; *Плетнева С. А*. Древности Черных Клобуков, с. 15—16, тип. Г-I, Г-II; *Федоров-Давыдов Г. А*. Ук. соч., с. 20, тип. Г-II, Г-III.

[27] *Федоров-Давыдов Г. А*. Ук. соч., с. 12.

[28] *Плетнева С. А*. Древности Черных Клобуков, с. 16.

[29] *Малиновская Н. В*. Колчаны XIII—XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евроазийских степей.— В сб.: Города Поволжья в средние века. М., 1974, с. 132—175.

[30] *Федоров-Давыдов Г. А*. Ук. соч., с. 25—28, рис. 3.

Помимо сбруи и оружия в погребениях с казанами попадались надежно датирующие их стеклянные и витые серебряные браслеты, витые перстни, амфоры XII — начала XIII в., обрывки византийской и сицилийской парчи XII и XII—XIII вв. и т. п.[31].

Находки позволяют датировать позднекочевнические погребения с казанами XII — первой половиной XIII в. С татаро-монгольским нашествием связывается гибель половецкой аристократии, увод ее в ставки монголов. Именно в этот период исчезает обычай установки каменных изваяний[32]. По-видимому, тогда же исчезает обычай помещать казаны в захоронения, а вместо них в могилы клали только маленькие котелочки, мисочки и иногда медные стаканы.

Если в быту кочевников казаны использовались по своему функциональному назначению, то в погребениях они представляют, по нашему мнению, одну из интереснейших частей погребального ритуала. При изучении погребений с казанами и казанов из разрушенных курганов все исследователи обращают внимание на их законченность и наличие в них или рядом с ними остатков жертвенной пищи. Так, в погр. 8 Лолинского могильника (1) у казана находились кости барана и фрагмент деревянной миски. В казане из кургана «Великая Могила» у г. Курахово (20) оказался фрагмент такой же миски и кости птицы, а в Новоивановском погребении (12) лежали кости барана. Интересна находка деревянного черпака в казане из кург. 6ус. Провалье (7). Ритуальное назначение котлов в славянском погребальном ритуале хорошо иллюстрируется находкой железного котла с головой барана и скрамасаксами в кургане «Черная Могила»[33].

В среде кочевников также выполнялся определенный погребальный обряд, включавший в себя положение загробной пищи и заупокойную тризну, который совершался в честь умершего предка. Однако в данном случае захоронение погребенного с казаном, употреблявшимся в повседневной жизни для приготовления пищи группе людей, мог иметь и другой аспект. При похоронах богатого и влиятельного воина в погребение ставился казан как признак кормильца и главы рода, племени. Недаром, характеризуя силу и могущество хана Кончака, русская летопись отмечает «иже снесе Сулу, пешь ходя, котел нося на плечеву»[34]. Не менее показательна этимология самого слова «казан», уходящая своими корнями в тюркский героический эпос[35]. Главный богатырь огузов — Казан-бек или Салор-Казан. «Он — глава витязей, бек беков Баюндур-хана! Он глава внутренних огузов, но ему подчиняются и огузы внешние». Он — «счастье могучих огузов», опора могучих джигитов. Он — самый могучий и самый прославленный из огузских богатырей[36].

Не менее интересен и показателен факт наличия казанов в женских позднекочевнических погребениях. Этот фактор еще раз подчеркивает, большое значение женщины в кочевом обществе. С. А. Плетнева весьма убедительно показала это при исследовании половецких изваяний[37]. Не менее четко на это указывает эпическое произведение кочевников «Алпамыш». Вот как характеризуется роль Барчин — жены Алпамыша:

---

[31] *Мошкова М. Г., Максименко В. Е.* Работы Богаевской экспедиции в 1971 году.— В сб.: Археологические памятники Нижнего Подонъя, ч. II. М., 1974, с. 10.

[32] Этот вопрос хорошо рассмотрен Г. А. Федоровым-Давыдовым (*Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы..., с. 239) и Плетневой С. А. (*Плетнева С. А.* Половецкие каменные изваяния, с. 53—72).

[33] *Петрухин В. Я.* Ритуальные сосуды из курганов Гнездово п Чернигова.— ВМГУ, 1975, № 2, с. 85—89. О том, что котлы являются важной деталью ритуальных действий у скифов, пишет Геродот (Геродот. История. Л., 1972).

[34] ПСРЛ, т. II, стб. 716.

[35] *Жирмунский В. М.* Тюркский героический эпос. Л., 1974, с. 559.

[36] Там же, с. 560.

[37] *Плетнева С. А.* Половецкие каменные изваяния, с. 76.

«Всем опора нам она, Барчин-Аим,
Вместо «Алпамыш» — «Барчин» мы говорим»[38].

Подводя итог сказанному выше, мы можем, по-видимому, считать установку казанов в погребение социальным элементом погребального обряда «поздних кочевников» XII — начала XIII в. Захоронения с казанами принадлежали, вероятно, представителям родовой и племенной аристократии кочевого общества, а казаны, как и боевые наборные пояса, являлись атрибутами, подчеркивающими высокое социальное положение умерших.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список памятников

1. II Явлинский могильник, к. 8, п. 3. *Синицын И. В. и Эрдниев У. Э*. Новые археологические памятники па территории Калмыцкой АССР (раскопки 1952— 1953 гг.).—Тр. КРКМ, вып. 2, 1954, с. 176, рпс. 46, 2.

2. Ровенский могильник, к. 13, п. 3. *Синицын И. В. и Эрдниев У. Э*. Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 году.— Тр. КРКМ, вып. 1. Элиста, 1963, с. 24, рис. 25, 8.

3. Могильник на Иловле. *Скрипник А. С.* Раскопки курганов на Иловле,— Историко-краеведческие записки Волгоградского областного музея краеведения. Волгоград, 1973, вып. 1, с. 34, рис. 3, 4.

4. Новочеркасск, Музей истории Донского казачества (далее МИДК), ипв. 3890.

5. МИДК, пнв. № 3876.

6. МИДК, безинвентарн.

7. Провалье Свердловского р-на Ворошиловградской обл., к. 6, п. 1.— АО — 1973. М., 1974, с. 258.

8. Нижняя Козинка Ростовской области. *Горбенко Л. А., Кореняко В. А., Максименко В. Е.* Позднекочевннческое погребение из кургана у хут. Нижняя Козинка.—СА, 1974, № 1, с. 287, рис. 1.

9. Ажинов 1, к. 1, п. 3 Ростовской области. *Мошкова М. Г, Максименко В. Е*. Работы Богаевской экспедиции в 1971 г.— АПНП, т. II, 1974, табл. IV, 8.

10. Ворошиловград. *Писларий И. А., Филатов А. П*. Тайны степных курганов. Донецк, 1972, с. 124, рис. 1.

11. с. Никифоровка, Шахтерского р-на Донецкой обл. АО — 1976. М., 1977, с. 356.

12. с. Новоивановка, Амвросиевского р-на Донецкой обл. *Швецов М. Л.* Поховання знатноі кочовннці з Донбасу.— Археологія, № 13, 1974, с. 97, рис. 3, 5.

13. с. Грузское, Макеевка, Донецкой обл. *Стороженко С. К., Кіріенко О. Я*. Розкопки курганов XI—XII ст. в Донецкой области— АДУ—1969. Київ, 1972, вып. IV, с. 273.

14. Изюм, Харьковской обл. *Сибилев Н. В.* Древности Изюмщины. Изюм, 1926, вып. III, табл. XXI.

15. с. Отрадовка, Артемовского р-на Донецкой обл. Музей Дворца пионеров г. Артемовска, инв. № 114.

16. с. Октябрьское, кург. 1. Новоазовского р-на Донецкой обл. *Братченко С. Н*. Отчет Второй Северо-Донецкой экспедиции ИЗ АН УССР за 1976 г.— Архнв ИА АН УССР ф. е. 1976/3.

17. с. Приморское, Новоазовского р-на Донецкой обл. Раскопки О. Я. Приваловой в 1977 г. Не опубликовано.

18—19. с. Берестовое, Близнюковского р-на Харьковской обл. (Археологический музей Харьковск. ун-та).

[38] Алпамыш. М., 1958, с. 11, 309.

20. г. Курахово, Донецкой обл. Кург. «Великая Могила». *Стороженко С. К., Кириенко О. Я.* Розкопки курганов в Донецькой области..., с. 273.

21. Александрополь, Днепропетровской обл. *Ковалева І. Ф.* Розвідка горішньоі течіі р. Самари.— АДУ — 1969. Київ, 1972, с. 336.

22. с. Тимофеевка, к. 9, п. 5 Запорожской обл. О*трощенко В. В*. Отчет Запорожской археологической экспедиции ИА АН УССР за 1976 г.— Архив ИА АН УССР ф. е. 7493, 7494, табл. XXXVII.

23. с. Большая Белозерка, к. 1, п. 2 Запорожской обл. *Отрощенко В. В*. Отчет Запо¬рожской экспедиции за 1976 г., с. 116, 117.

24. г. Запорожье, ЗИКМ, инв. № 5035.

25. г. Запорожье, ХГЗЗК, инв. № НДФ 179.

26. г. Запорожье, ХГЗЗК, инв. № НДФ 188.

27. с. Софиевка к. 13, п. 1, Каховского р-на Херсонской обл. *Кубышев А. И*. Отчет Херсонской экспедиции И А АН УССР за 1972 г.— Архив НА АН УССР, ф. е. 6175, инв. 117.

28. с. Софиевка к. 23, п. 17, Каховского р-иа Херсонской обл. *Кубышев А. И*. Отчет Херсонской экспедиции НА АН УССР за 1973 г.— Архив ИА АН УССР, ф. е. 6177, иив. № 37.

29. с. Верхне-Тарасовка к. 82, п. 1, Томаковского р-на Днепропетровской обл. *Чередниченко Н. Н*. Отчет Верхне-Тарасовской экспедиции ИА АН УССР за 1975 г.— Архив ИА АН УССР, ф. е. с. 96—100, рис. 36, 2.

30. с. Калпново, «Красный Перекоп», 23 км, к. 1, п. 1, Каховский район Херсонской области. *Кубышев А. И., Чемаков Г. И., Шилов Ю. А*. Исследование курганов на херсонщине.— АО — 1974. М., 1975, с. 308; Архив ИА АН УССР, ф. е. 6997.

31. с. Широкое кург. 37. Каховский р-н Херсонской обл. *Молодчикова І. А.* Раскопки кочовницьких поховань на Херсонщині.— АИУ — 1969. Кшв, 1972, с. 267.

32. Вільна Україна к. 3, п. 1. Каховский р-н Херсонской обл. *Лесков А. М*. Отчет о работе Херсонской экспедиции за 1971 г. — Архив ИА АН УССР, ф. е. 7165, с. 58.

33. Скадовск, ур. «Морская кошара» к. 4, п. 3, Херсонская обл.— Археолопя УРСР. Кшв, т. III, 1975, рис. 107, 10.

34. Павловка к. 2, п. 4. Чаплинский р-н Херсонской обл. *Кубышев А. И*. Отчет Херсонской экспедиции ИА АН УССР за 1974 г.— Архив ИА АН УССР, ф. е. 6996— 6997. Иванов Л. И,, Ядвичуп В. И. Работы Херсонской экспедиции.— АО — 1975. М., 197(5, с. 329.

35. с. Красный Подол, кр. гр. Ц к. 2, п. 4, Каховский р-н Херсонской обл. *Кубышев А. И.* Отчет Херсонской экспедиции ИА АН УССР за 1974 г.— Архив ИА АН УССР, ф. е. 6996, 6997.

36. с. Лиманцы, к. 1, Снпгиревского р-на Николаевской обл. *Шапошникова О. Г*. Отчет Ипгульской экспедиции ИА АН УССР за 1974 г.— Архив ИА АН УССР, ф. е. 6783, с. 107, 108.

37. Пришиб, к. 3, п. 2, Славяносербского р-на Ворошиловградской обл. Раскопки 1978 г.

M. L. Shvetsov

COPPERS FROM BURIALS OF THE MEDIEVAL NOMADS

Summary

The article deals with copper riveted vessels 5—10 litres volume, found in the burials of medieval nomads. Showing the illegality of the term «copper» for the determination of these finds the author offers the term «kazan» (a specific type of vessel) and gives the preliminary typology of the investigated kazans from the burials and destroyed barrows. By the technology of their manufacturing all kazans are divided into 3 types and by the form of their walls and rim into subtypes (fig. 1—4). The author investigates the burial complexes with the kazans, establishes their chronology.

М.Л. Швецов

ПОГРЕБЕНИЯ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПОДНЕПРОВЬЕ*

В 1967 г. вышла монография С. А. Плетневой, посвященная изучению памятников салтово-маяцкой культуры. В ней подведен итог более полувекового изучения памятников, сделаны интересные и важные исторические выводы, даны основные направления для дальнейшего изучения этой культуры[1]. Автором выделены варианты культуры на огромной территории от Волги до Дуная. В их числе «степной, неизученный вариант», который занимает в основном территорию Нижнего и Среднего Поднепровья[2]. Один из видов памятников этой культуры – так называемые грунтовые могильники и отдельные погребения «зливкинского типа» в Степном Поднепровье – рассматриваются в данной статье.

Археологические исследования в данном районе начались еще в дореволюционное время. Широкое изучение памятников связано со строительством каскада гидростанций и водохранилищ на Днепре. В числе памятников других эпох выявлены и интересующие нас материалы. Широкие работы здесь велись В. А. Гринченко, А. В. Добровольским, С. С. Гамченко, А. Т. Смиленко. Большую работу по выявлению и спасению памятников в Поднепровье ведет А. В. Бодянский. Материалы, рассматриваемые в нашей статье, являются результатами находок этого неутомимого исследователя и краеведа**. До 1975 г. эти памятники не рассматривались специалистами. Известны только небольшие публикации Э. А. Сымоновича[3], В. В. Отрощенко[4] и И. Ф. Ковалевой[5] отдельных погребений и находок. В 1975 г. вышла работа А. Т. Смиленко, в которой автор рассматривает Степное Поднепровье II-XIII в. и картографирует известные ей салтово-маяцкие памятники[6]. Датируя гончарные мастерские Канцерки, Вознесенский памятник VII в., А. Т. Смиленко, по-видимому, не пришла к единому мнению об их этнической принадлежности[7].

Автор далее указывает на наличие в указанных памятниках корчаг[8], хорошо известных по другим памятникам салтово-маяцкой культуры[9]. Рассматривая заведомо салтово-маяцкие комплексы, автор говорит о них как о памятниках с салтовскими элементами[10]. Так ли это? Попробуем еще раз остановиться на разборе имеющихся в нашем распоряжении комплексов, привлекая и исследованные А. Т. Смиленко.

* Опубликовано: Швецов М.Л. Погребения салтово-маяцкой культуры в Поднепровье // Древности Среднего Поднепровья. – К. 1981. С. 96-101.

[1] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам – МИА, 1967, № 142.

[2] Там же, с. 187.

**Пользуюсь случаем выразить благодарность А. В. Бодянскому за предоставленные для публикации материалы.

[3] *Сымонович Э. А*. Кочевнические погребения у села Михайловка. – КСИА, АН СССР, 1962, № 87, с. 67-69.

[4] *Отрощенко В. В*. Разведки левого берега Каховского водохранилища. – АИУ, 1971, вып. 3, с. 11-12.

[5] *Ковалева І. Ф*. Розвідка горішньої течії р. Самари. – АДУ, 1969, 1972, вип. 4, с. 332-336.

[6] *Сміленко А. Т*. Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї (II- XIII ст.). – К., 1975, с. 82, рис. 30.

[7] Там же, с. 156 и сл.

[8] *Сміленко А. Т.* Слов'яни та їх сусіди..., с. 157.

[9] *Плетнева С. А*. Указ, соч., с. 130-131; Плетнева С. А. Керамика Саркел-Белой Вежи. – МИА, 1959, № 75, с. 246 и сл.

[10] *Сміленко А. Т*. Слов'яни та їх сусіди, с. 159.

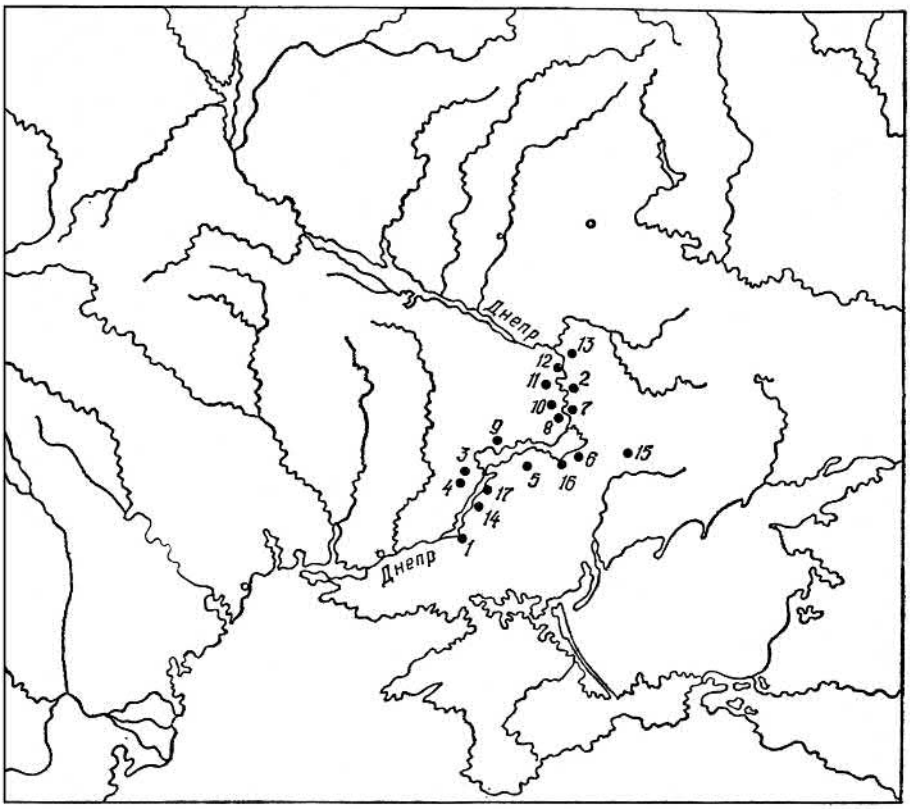


Рис. 1. Карта-схема отдельных погребений и могильников салтово-маяцкой культуры:
1 – Софиевка; 2 – Вильноандреевка; 3 – Переверзевы хутора; 4 – Михайловка; 5 – Каменка; 6 – Балки (Узвоз); 7 – Самаровка; 8 – Кичкас; 9 – Капуливка; 10 – Федоровка; 11 – Алексеевка; 12 – Войсковое; 13 – Старая Игрень; 14 – Вильнянка; 15 – Коломыйцы; 16 – Верхнетарасовка; 17 – Мартовка.

Мы уже отмечали незначительное количество известных материалов. К сожалению, нужно констатировать отсутствие полностью или хотя бы наполовину исследованных могильников (таблица, рис. 1). В нее не включены сообщения А. В. Бодянского о разрушенных полностью комплексах из этих могильников и материалах, хранящихся у автора раскопок или в фондах ИА АН УССР.

Рассматриваемая таблица дает убедительные факты о стабильности погребального обряда, а инвентарь – о его культурно-исторической принадлежности.

Топография расположения памятников позволяет разделить их на две группы. Для одних характерно расположение на высоких обрывистых берегах и останцах балок небольших притоках Днепра. Другие выявлены на песчаных дюнах или на невысокой первой надпойменной террасе.

Конструкция могильного сооружения, по-видимому, для всех погребений одинакова – это неширокие подпрямоугольные ямы, углубленные в материк около 1 м (к сожалению, авторы раскопок не указывают глубину захоронений от поверхности).

Нельзя не отметить стабильность ориентации погребенных. Только в одном случае (Алексеевка, п. 1) мы имеем отклонения. Немаловажно для рассматриваемого вопроса и место расположения керамики в погребениях. Так, в 12 случаях из 15 она находится у изголовья умершего.

Рассмотренное выше единство деталей погребального обряда может говорить об однородном типе памятников, оставленных определенной группой людей. Аналогии

№ п/п	Памятник	Могильная яма	Погребение			Керамика				Сбруя	Украшения	Бытовой инвентарь	Угли
			Положение костяка	Ориентация	Расположение керамики	Кувшин	Горшок	Кружка	Кубышка				
1	Софиевка	Овал	Вытянут	Запад	У черепа	+							
2	Михайловка	»	»	Северо-запад	»		+		+	+		Точ. брус	+
3	Вильноандреевка	»	»	Запад	»	+							
4	Алексеевка, п. 1	Прямоугольная	»	Северо-восток								Пряслице	
	» п. 2	Овал	»	Северо-запад								Кресало	
	» п. 3	»	»	»	»		+						
5	Верхнетарасовка	»	»	»	»	+							
6	Мартовка, п. 1-6	»	»	Запад	С сосудами у черепа							Зеркало	
7	Самаровка	»	»	»	»		+				Подвеска		
8	Коломойцы	Прямоугольная	»	»	»	+	+				Подвеска	+	

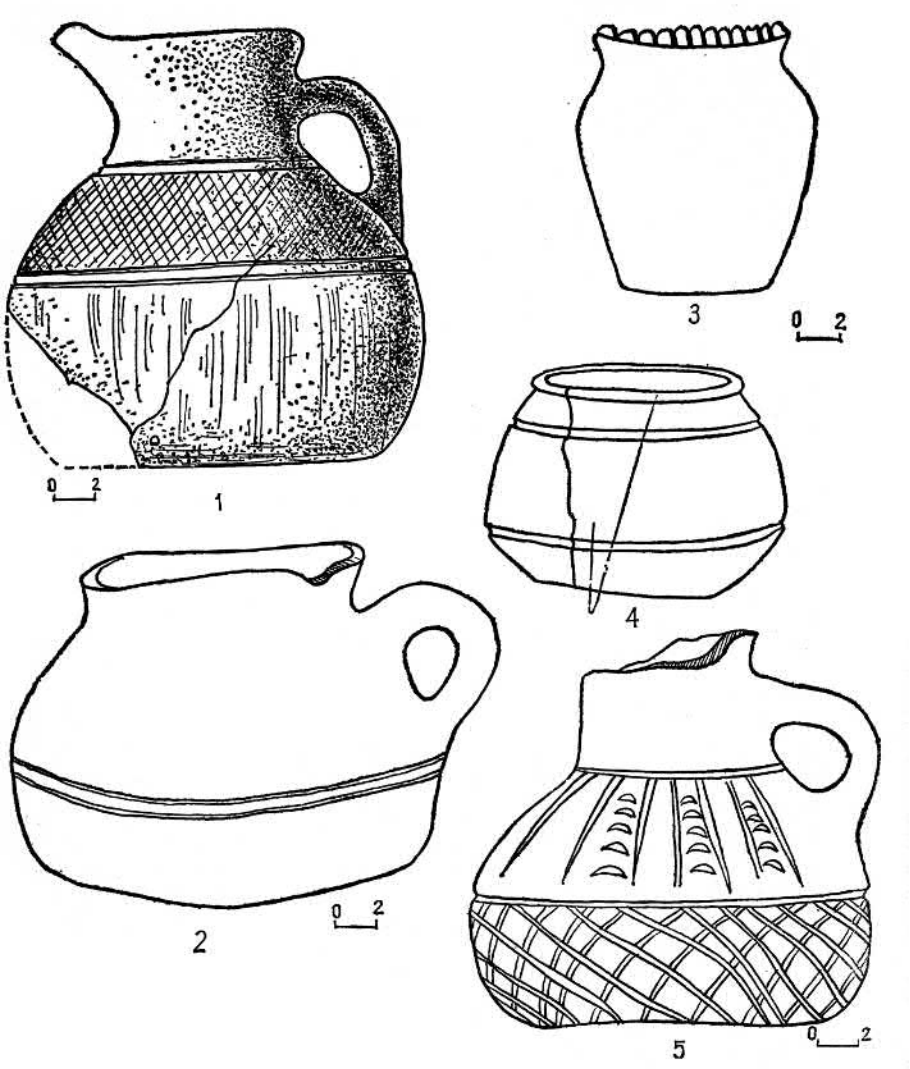


Рис. 2. Керамика из погребений салтово-маяцкой культуры в Поднепровье:
1 – Вильноандреевка; 2 – Узвоз; 3, 4 – Михайловка; 5 – Софиевка.

данного обряда широко известны как в степной, так и в лесостепной части Приазовья, Нижнего Подонья, Поволжья[11].

Хронологический диапазон этих погребений определяют также керамика и единичные находки инвентаря. Так, сосуды из погребений у сел Вильноандреевка (рис. 2, *1*), Софиевка (рис. 2, *5*) и Михайловка (рис. 2, *3, 4*) имеют широкие аналогии в памятниках салтово-маяцкой культуры.

К этому же типу памятников относятся сосуды из погребений в пос. Самаровка г. Днепропетровск, в балке «Гадючая» у с. Коломийцы Покровского р-на Днепропетровской обл. и типично салтовский кувшин из разрушенного погребения, выставленный в экспозиции Днепропетровского исторического музея (ДИМ, инв. № 40317). Необычным можно назвать случай расположения сетчатого орнамента на придонной части кувшина из погребения у с. Софиевка (рис. 2, *5*). По-видимому, к числу наиболее ранних сосудов можно отнести кружку из разрушенного погребения в уроч. Узвоз на западном берегу Каховского моря (рис. 2, *2*). Аналогии данному сосуду в салтовских памятниках нам неизвестны, но очень близкий сосуд есть в комплексе у с. Канцерка[12]. К ранним можно отнести кувшин из разрушенного погребения у с. Старая Игрень, находящегося в экспозиции Днепропетровского исторического музея.

Остальной инвентарь дает весьма общую дату рассматриваемым комплексам. Так, тип стремени из погребения у с. Михайловка известен с IX по XI вв.[13], а костяная втулка от бурдюка из этого же погребения широко известна в памятниках VII – IX вв.[14]

Как видим, погребальный обряд и инвентарь имеют полные аналогии в памятниках салтово-маяцкой культуры, что вполне подтверждает отнесение рассмотренных комплексов к кругу памятников данной культуры.

Рассмотренные памятники не являются единственными в данном районе. Исследователи не раз отмечали наличие поселений с керамикой салтово-маяцкого типа в Поднепровье[15].

---

[11] *Плетнева С. А*. От кочевий к городам; Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. – МИА, 1958, № 62, с. 85- 150; Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964.

[12] *Сміленко А. Т.* Слов'яни та їх сусіди, с. 148, рис. 56, *4*.

[13] *Сымонович Э. А*. Кочевническое погребение, с. 68.

[14] *Артамонов М. И.* Саркел-Белая Вежа. – МИА, 1958, № 62.

[15] *Ковалева І. Ф.* Розвідка горішньої течії р. Самари, с. 335; *Бодянський А. В*. Звіт за археологічні відкриття і досліди в Надпоріжжі за 1953 рік. – НА ИА АН УССР, ф. е. 1887, 1888, с. 72; ф. е. 1973; *Тахтай О. К*. Археологічна Орчикщина в долішнему Лівобережжі. Рекогносціровка, 1929 р. – НА ИА АН УССР, фонд ВУАК, № 109/17.

М.Л. Швецов

О НИЖНЕДОНСКОЙ ГРУППЕ САЛТОВО-МАЯЦКИХ ПАМЯТНИКОВ*

Памятникам Нижнего Подонья хазарской эпохи посвящено много работ как обобщающего [1; 2; 3; 10; 12], так и информационного характера [5; 18; 19]. Разделивший салтово-маяцкую культуру на два варианта И. И. Ляпушкин отнес нижнедонской ее тип к южному виду [10]. В число болгарских памятников этой культуры включает Нижнее Подонье и С. А. Плетнева [12].

Увеличение числа исследованных за последнее десятилетие могильников дает возможность вновь вернуться к рассматриваемой теме. При анализе погребального обряда захоронений хазарской эпохи можно разделить имеющиеся памятники Нижнего Подонья на две группы по способу погребения: подкурганные и грунтовые могильники. В свою очередь подкурганные захоронения по конструкции могильного сооружения делятся на три типа: погребения в подбойных могилах (ранние – VI-VII вв., поздние – конец VII-IX вв.), погребения с ровиками и погребения в простых ямах и насыпи.

В нашей статье мы рассмотрим погребальный обряд грунтовых могильников, известных в Нижнем Подонье, включая и единичные захоронения. Первые погребения этого типа были обнаружены еще в конце XIX в. [13; 6]. В 1920-1930-х гг. М. И. Артамонов обследует могильник у станицы Багаевской в урочище Артуганово [1], в дальнейшем вошедший в число салтовских памятников Подонья [6; 12]. Однако из-за отсутствия четко выраженных элементов погребального обряда салтово-маяцкой культуры и отсутствия инвентаря в единственном исследованном погребении мы не можем включить данный могильник в наши статистические подсчеты. Большие работы Волго-Донской экспедиции позволили открыть ряд новых и обследовать уже известные памятники в Подонье. Открыто было всего несколько захоронений. В могильнике Саркела были исследованы погребения хазарской эпохи со специфическим обрядом захоронения в круглых ямах и погребения городского населения.

Погребения в круглых (а точнее, в колоколовидных) ямах распространены по всей территории салтовской культуры и отображают, по-видимому, какой-то специфический обряд, не являясь чисто погребальными комплексами. Данные ямы находятся как в поселениях, так и в грунтовых и курганных могильниках. Кроме того, заполнение их в основном составляют кости жертвенных животных, керамика и иногда захоронения людей. Специфика этого обряда не совсем ясна. Погребения в насыпях у города Саркела отражают погребальный обряд христианизированного городского населения, находящегося под большим влиянием Крыма. На значительное сходство погребений в насыпях у Саркела и Северного Крыма указывает исследователь христианских погребений Крыма К. К. Коганошвили [8].

Только одно погребение, как указывает М. И. Артамонов, можно считать типично салтовским [2]. До 60-х гг. в Подонье было известно лишь небольшое число отдельных захоронений и неисследованных могильников. Среди них – Танаис, Кобяково. При описа-

* Опубликовано: Швецов М.Л. О нижнедонской группе салтово-маяцких памятников // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ. 1983. С. 109-113.

нии могильников VIII-X вв., относимых к болгарам Поволжья, В. Ф. Генинг и А. Х. Халиков попытались сгруппировать памятники низовьев Дона и Северного Приазовья в одну группу и даже определить их племенную принадлежность [6]. Более осторожно привлекались к исследованию памятники рассматриваемой территории С. А. Плетневой [12].

В 1960 г. при исследовании двух курганов бронзового века в зоне строительства автодороги Ростов-Цимлянск у станицы Багаевской С. Н. Братченко был открыт грунтовый могильник. В отличие от других известных могильников в нем рядом с захоронением людей находились захоронения чучел лошадей (череп и кости ног положены в анатомическом порядке). Другая отличительная черта – наличие у погребенных оружия и сбруи. В 1975 г. экспедицией Музея истории виноградарства и виноделия, возглавляемой Е. И. Савченко, было начато исследование большого грунтового могильника у хутора Крымского Усть-Донецкого района Ростовской области. Могильник – часть большого комплекса, состоящего из городища и ряда селищ [14; 15; 16]. Все эти памятники составляют более 150 комплексов, дающих возможность провести как статистические, так и корреляционные подсчеты. Для статистической обработки было взято 120 погребений, принятых за 100%. Мы учитывали только комплексы, на которые составлена полная полевая документация.

Исчерпывающих данных по топографии могильников очень мало. Можно лишь отметить их расположение на возвышениях по краю мысов и на высоких берегах рек. Некоторые могильники и одиночные захоронения встречены в культурном слое более древних городищ или могильников.

В основе конструкции могильного сооружения лежит простая яма. Однако есть заплечики, подбои и ступеньки вдоль длинных сторон. Единичные захоронения имеют ниши – подбои для пищи, находящиеся у изголовья (простая яма – 60%, заплечики – 25%, ступеньки и подбои – 10% и ниша – 5%). Случаи зафиксированных остатков деревянных перекрытий или других деревянных конструкций составляют 17%.

Погребенный положен вытянуто, на спине. Иногда с поворотом на правый бок, лицом к югу. Интересно положение рук. Чаще всего они лежат вдоль тела и под тазом. Иногда одна из них вдоль, а другая на тазе. Очень редко на груди или на животе (руки вдоль тела – 65%, кисти на тазе или под ним – 36%, на груди или животе – 5%). Основной доминирующей ориентацией погребенных можно считать западную, но есть и другая (на север – 15%, восток – 10%, юг – 5%). Состав инвентаря в погребениях почти стабилен. Женщины захоронены с украшениями, мужчины – с предметами бытовой необходимости (ножи, кресала, точильные бруски, редко топор).

У каждого третьего в изголовье положена мясная пища (в основном баранина – 98%, а конина – 2%) и стоят 1, 2, реже 3 сосуда. Распределение типов сосудов: горшки – 35%, кувшины – 22% и кубышки – 14%.

Инвентарь могильника у станицы Багаевской хронологически относится ко второй половине IX-X вв. и является более поздним по отношению к другим могильникам Нижнего Подонья [5].

Материалы, представленные в других могильниках, по мнению их исследователей, относятся ко второй половине VIII – первой половине IX в. Намечается разность погребального обряда и разнотипность погребального инвентаря. Так, в раннем, по нашему представлению, этапе в погребениях преобладает лепная, более архаичная керамика, которая не представлена в погребениях второй половины IX-X вв. Сосуды, изготовленные на круге на раннем этапе, имеют более округлое, шаровидное тулово и толстое тяжелое днище.

Характерной деталью Багаевского могильника является наличие рядом с умершим оружия, сбруи и чучела копя, что выделяет его из числа других могильников Нижнего Подонья. Захоронение коней известно и в других могильниках Подонья, но там они отражают совсем другие обряды. Лошади захоронены отдельно от человека в собственных ямах, взнузданы и оседланы (могильник Крымский). Можно предполагать, что это захоронения посвященных богу Солнца лошадей, культ которого очень хорошо известен у племен салтово-маяцкой культуры [12; 21], или же погребения боевых коней. Точно лишь то, что погребения лошадей в могильниках типа Крымский и Багаевский – явления совершенно разные и связаны с разными обрядами.

Появление в могилах рядом с умершим чучела коня может быть связано с социальными изменениями, происшедшими у рассматриваемых племен. Не исключено также возрождение обряда, характерного для населения этого же региона в более раннюю эпоху (VI-VII вв.) из-за изменения политической ситуации в степях Восточной Европы. Кроме того, появление чучела коня рядом с погребенным, по-видимому, может также являться отражением обряда, заимствованного у печенегов, и связано с их появлением в степях Подонья. Элементы этого же влияния усматривает В. К. Михеев при разборе погребений Балаклеевского могильника [11].

Различия в рассматриваемых комплексах, однако, не дают нам возможности говорить о неоднородности памятников Нижнего Подонья. Согласно приведенным выше подсчетам, мы считаем возможным выделить могильники Нижнего Подонья в локальную группу, отличающуюся от аналогичных памятников Крыма [4], Степного Поднепровья [20; 17], Северского Донца [7; 12; 9] и Поволжья [6].

Литература

1. Артамонов М. И. Средневековые поселения на Нижнем Дону. – ИГАИМК. вып. 131, 1935.
2. Артамонов М. И. Саркел – Белая Вежа. – МИА, 1958, № 62.
3. Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.
4. Баранов И. А. Ранние болгары в Крыму. Автореф. канд. дис. Киев, 1977.
5. Гадло А. В. Кочевье хазарского времени у станицы Заплавской на Нижнем Дону. – В кн.: Проблемы археологии, вып. 2. Л., 1978.
6. Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964.
7. Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии. 1901 г. – Труды XII АС, т. 1, М., 1905.
8. Коганошвили К. К. К вопросу о средневековом населении Северного Крыма. – В кн.: Древности Степного Крыма. Симферополь, 1969.
9. Копыл А. Г., Татаринов С. И. Охранные раскопки городища Маяки на Северском Донце. – СА, 1979, № 1.
10. Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дон. – МИА, 1958. № 62.
11. Михеев В. К, Кадеева Е. М. Работы на Балакліївському могильнику. – АДУ 1969, вип. 4, Київ, 1972.
12. Плетнева С. А. От кочевий к городам. – МИА, 1967, № 142.
13. Попов Х. И. Каталог Новочеркасского (Донского) музея. Новочеркасск, б. г.
14. Савченко Е. И., Крайсветный М. И. Могильник у хутора Крымский. – АО 1975. М., 1976.
15. Савченко Е. И. Средневековый могильник у хутора Крымского. – АО 1976. М., 1977.

16. Савченко Е. И. Средневековый могильник у хутора Крымского. – АО 1977. М. 1978.
17. Сміленко А. Т. Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпрові. Київ, 1975.
18. Флеров В. С. Поселение VIII-IX вв. у станицы Богоявленской. – СА, 1971, № 2.
19. Флеров В. С. Четырехлистник в орнаментации салтово-маяцкой керамики. – СА, 1976, № 1.
20. Швецов М. Л. Погребения салтово-маяцкой культуры в Поднепровье. – В кн.: Древности среднего Поднепровья. Киев, 1981.
21. Николова Б. Свешник с изображения от села Овчарово Търговшуки окръг (IX в.). – Археология, 1978, № 4.

М. Л. Швецов

ПОЗДНЕКОЧЕВНИЧЕСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ У с. СМЕЛОЕ НА СЕВЕРСКОМ ДОНЦЕ*

В полевой сезон 1978 г. экспедицией ИА АН УССР, возглавляемой С. Н. Братченко, при участии автора было исследовано более 20 погребений поздних кочевников, давших весьма интересный и богатый материал [1]. Так, в одном из курганов эпохи бронзы у с. Смелое Славяносербского р-на Ворошиловградской обл., расположенном на водоразделе правого берега р. Северского Донца, находилось впускное захоронение человека с конем, относящееся к половецкой эпохе. Оно произведено в центре кургана, в подбойной могиле, ориентированной с северо-востока на юго-запад (рис. 1, *1*) [2].

Вход в устроенный с южной стороны подбой закрывали плахи, расщепленные из стволов березы и молодых дубков (диаметром до 50 см). В подбое, в деревянном гробовище, вырубленном из целого ствола дуба, в форме, близкой к лодке (ладье) [3], лежал вытянуто на спине скелет мужчины 30—35 лет [4], ориентированный черепом на СВ (рис. 1). Гробовище состоит из двух частей. Крышка выдолблена целиком. Долбленная нижняя часть гроба имеет отдельно сделанные торцовые стенки, вставленные в специальные пазы. По краям гробовища есть специальные отверстия для установки и спуска его в могильную яму. У черепа погребенного находилась серебряная серьга (рис. 1, *6*), слева вдоль тела поверх руки положена сабля, рукоятью к плечу (рис. 1, *15*). В кисти правой руки сохранилась деталь плети в виде скрученных между собой железных проволок (рис. 1, *3*). Имелись еще кресало (рис. 1, *2*) и застежки одежды в виде бубенцов (рис. 1, *5*). В ногах стояла деревянная чаша-черпачок, украшенная по тулову красными и черными чередующимися полосами (рис. 1, *4*). Инвентарь, как и обряд захоронения, имеет широкие аналогии в кочевнических древностях XII — первой половины XIII в. [5, *7*].

Но самой интересной находкой в этом комплексе можно считать седло, располагавшееся на спине лошади (рис. 2 и 3). Сохранилась не только его деревянная основа (половина передней луки, украшенной костяными обкладками, одна целая полка и часть второй, почти целая задняя лука и под седлом еще «рама» из двух деревянных дощечек), но и коша от покрытия.

Передняя высокая лука, изготовленная из целого куска дерева, подтреугольиа в сечении (рис. 4, *1*). Высота сохранившейся части (от основания по прямой) —12 см, длина — 21 см.

---

* Опубликовано: Швецов М. Л. Позднекочевническое погребение у с. Смелое на Северском Донце // Советская археология. 1984. № 1. С. 264-271.

[1] О результатах исследования было доложено 21 декабря 1978 г. на конференции в ДонГУ. См.: Программа научной конференции «Итоги полевых археологических исследований 1978 года». Донецк, 1978.

[2] Погребения лошадей параллельно человеку, с противоположной ориентировкой коня и человека, известны начиная с ранних памятников тюркской эпохи в Сибири, на Алтае и в Казахстане. Известны они и в степях Восточной Европы с VI—VII вв. до XIII в. [1, с. 207; 2, с. 207, рис. 2; 3, с. 82; 4, с. 30; 5, с. 62; 6, рис. 4, 5, 7; 7, с. 121, 125, тип XVIII].

[3] Обряд захоронения в лодках присущ кочевым и оседлым народам. Идея реки как пути в страну предков известна у многих народов [8].

[4] Возрастные данные определены Е. А. Шепель. Пользуюсь случаем выразить ей глубокую признательность за информацию.

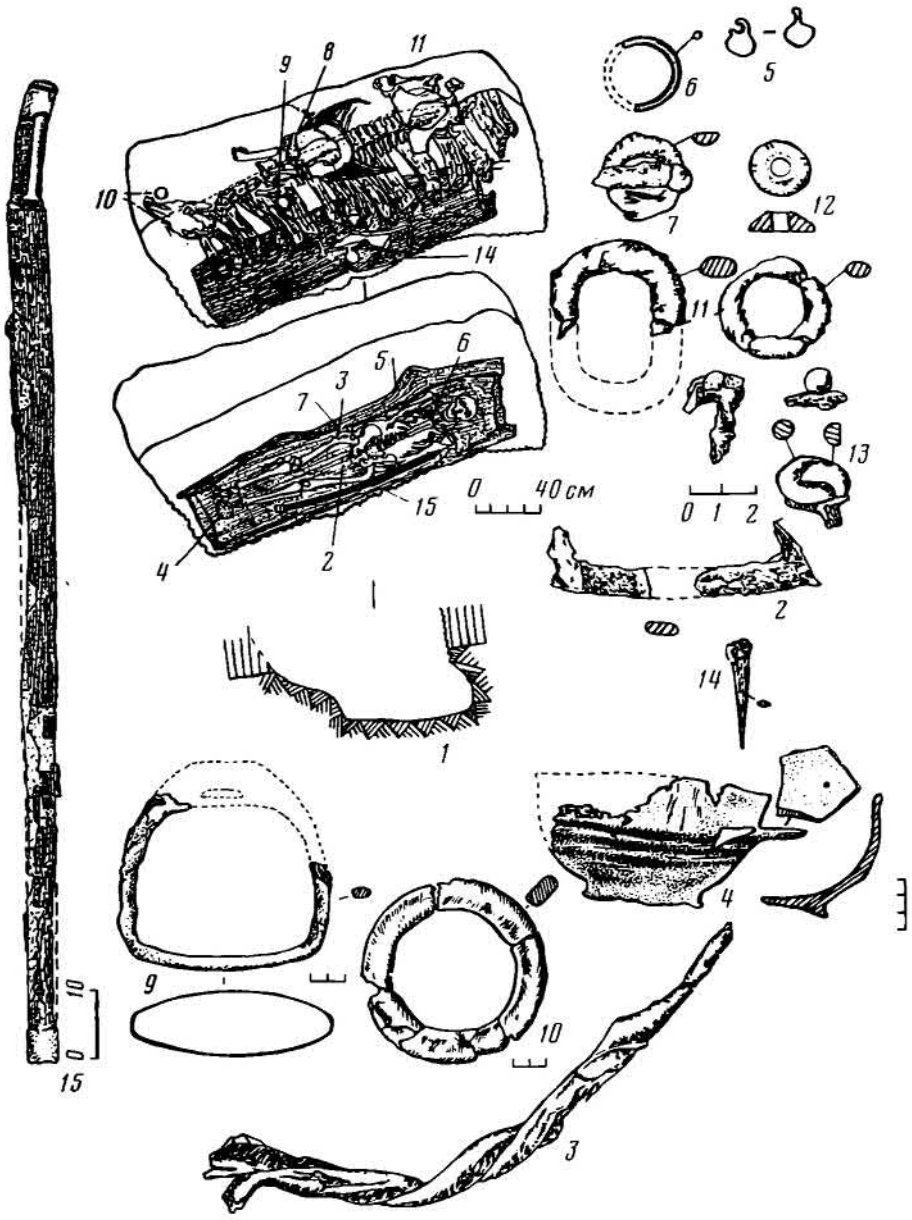


Рис. 1. Погребение кочевника у с. Смелое. *1* — план и разрез погребения. Нумерация инвентаря в погребении и на таблице одинакова. *2* — кресало, *3* — деталь плети, *4* — чаша-черпачок, *5* — пуговицы-бубенцы, *6* — серебряная серьга, *7* — поясная железная пряжка, *8* — седло, *9* — стремена, *10* — кольца псалий, *11* — подпружные пряжки, *12* — костяная пряжка от сбруи, *13* — портупейные пряжки-кольца, *14* — костяной шип рыбы, *15* — сабля

Максимальная толщина в месте перегиба 3,5 см, в центре до 4,5—5 см. По-видимому, она была больше, если учитывать усыхание дерева. Передняя лука сделана наклонной с внутренней стороны седла, и наклон увеличивался по мере приближения к центру (рис. 3, *3* и 4, *1*). Точная форма передней луки дана на рис. 4, *1*, а на рис. 3, *2* лука зафиксирована в ракурсе согласно ее положению в могиле. В разрезе седла на рис. 3, *4* части, попавшие на линию сечения, даны штриховкой, лишь передняя лука показана сбоку, а не в сечении. На рис. 3, *3* в разрезе показаны только обе луки, а прочие части седла видны сбоку. Край луки был окантован костяными накладками, которые крепились костяными гвоздиками. Следы сохранившейся кожи говорят

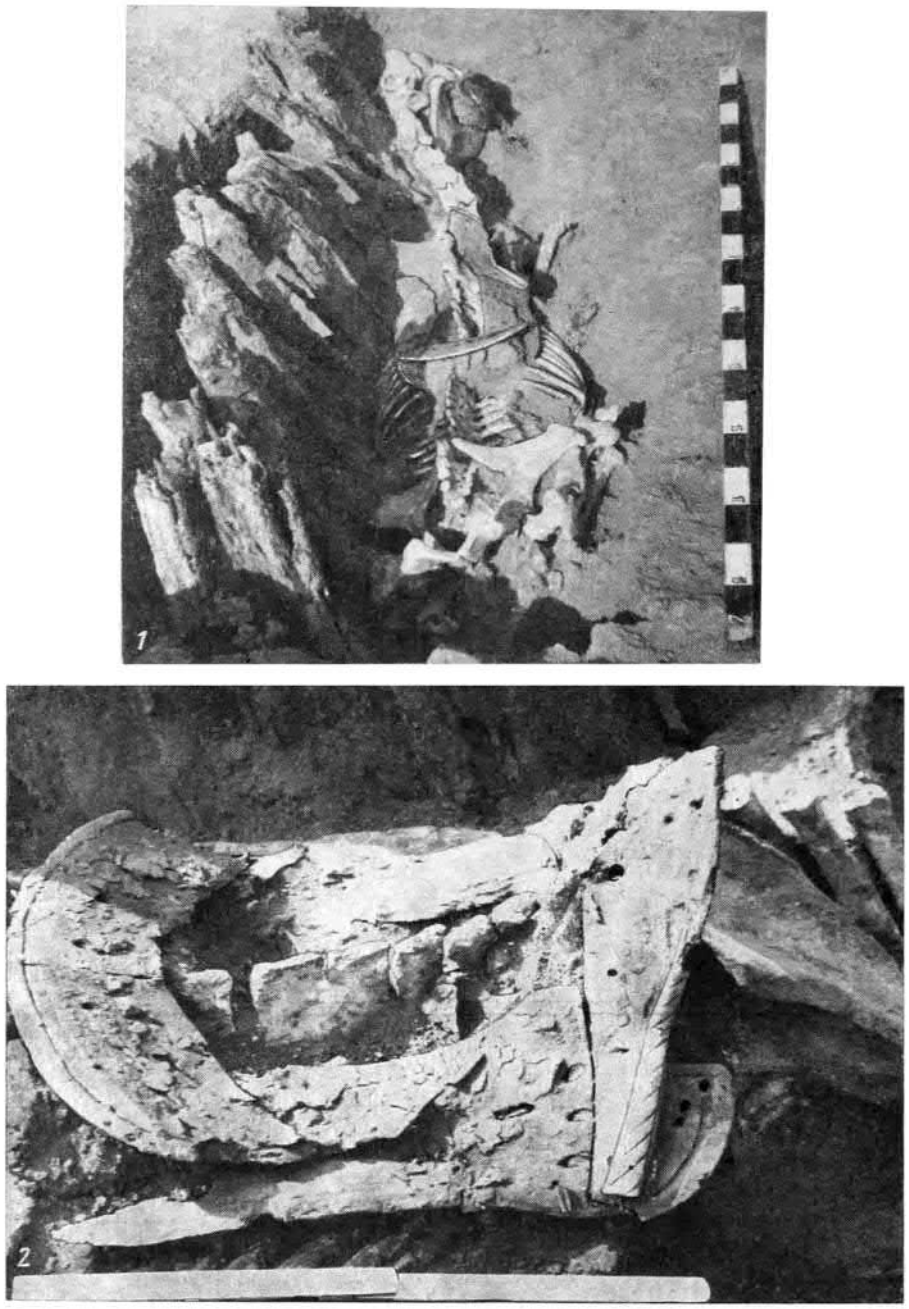


Рис. 2. *1* — фото погребения коня, *2* — седло

о покрытии луки кожей. На лицевой части луки сохранились маленькие костяные гвоздики. Но что они крепили — не ясно. Не исключено, что кожу. По нижнему краю луки и у ее центра сохранился ряд небольших наклонных отверстий, диаметром до 0,5 см, со следами сработанности по краю. Они служили для продевания кожаных ремешков или жил, соединяющих части седла между собой. Никаких других следов крепления нет (рис. 2, *2*; 4, *1, 2*).

Правая полка, сохранившаяся полностью, изготовлена из целого куска дерева (длина 39 см, ширина до 10 см и максимальная толщина в верхней точке крепления к передней луке до 3 см — рис. 4, *2*). Немного изогнутая вследствие деформации (рис. 3, *3, 4*) ее нижняя сторона почти прямая. Передняя часть полки — ленчик оканчивается вертикальным

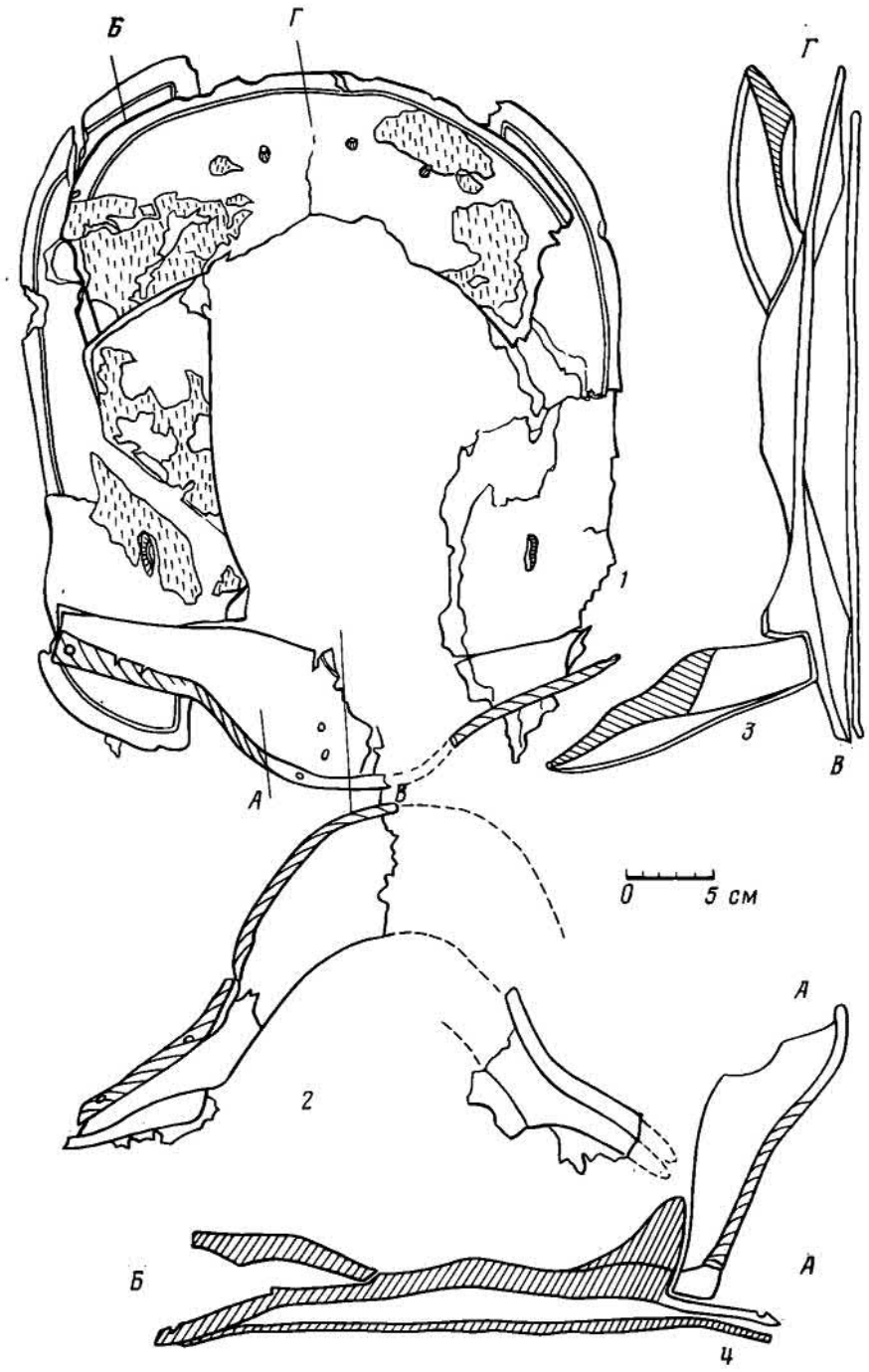


Рис. 3. Полевые чертежи седла из погребения у с. Смелое. *1* — вид сверху, *2* — спереди, *3—4* — продольные разрезы

упором для крепления луки. В центре полки специально выделено утолщение, несущее, по-видимому, основную нагрузку — всадника (рис. 4, *2*). Интересно, что передняя часть этого утолщения у места его смыкания с лукой образует выступ толщиной около 1,5 см, нависавший над промежутком между полками не менее чем на 4 см (рис. 4, *2*, второй снизу поперечный разрез). Не исключено, что здесь впервые можно наблюдать ту тенденцию в развитии кочевнического седла, которая в итоге привела к появлению у позднейших

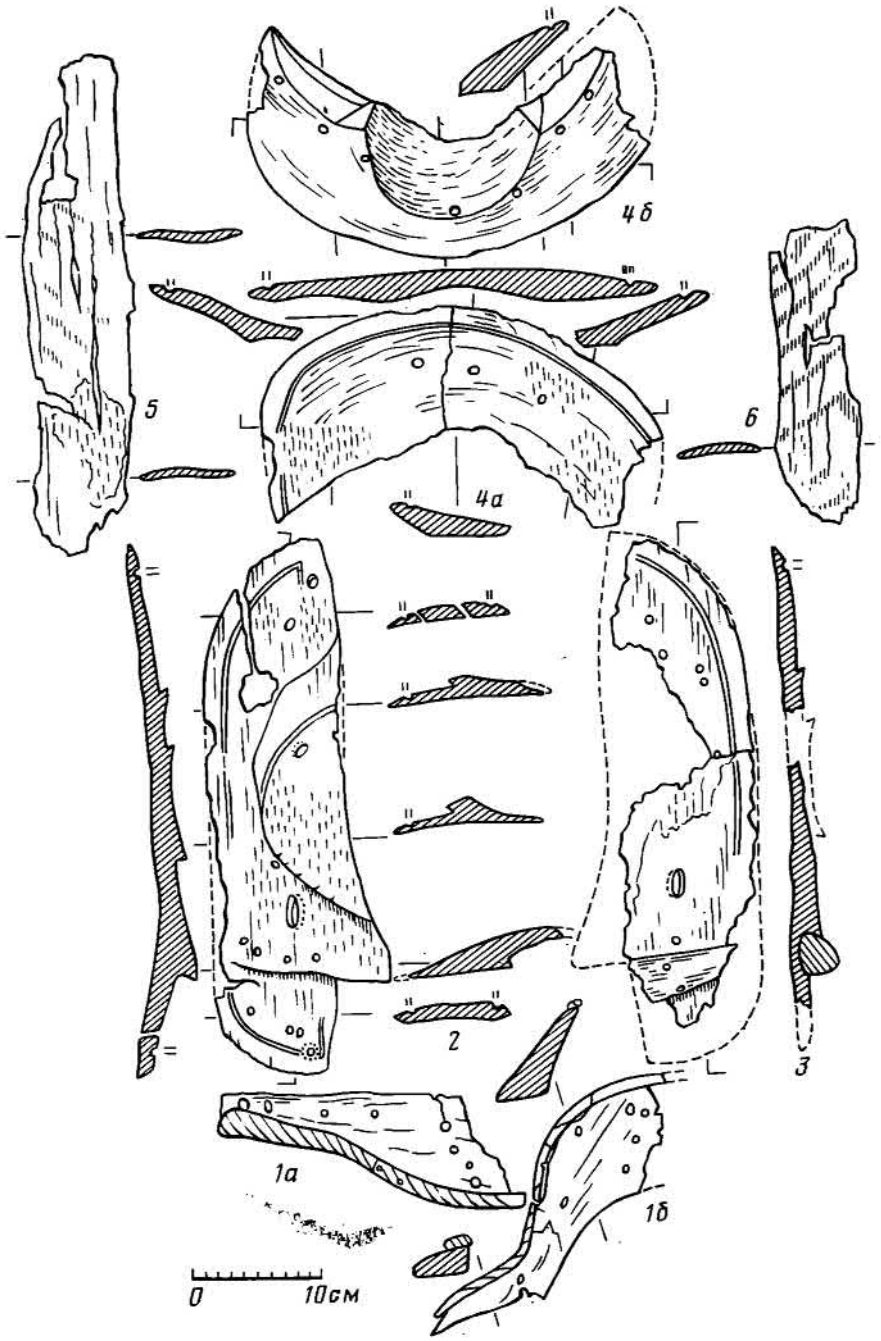


Рис. 4. Деревянные детали седла из погребения у с. Смелое.
1 — передняя лука (*а* — вид сверху, *б* — вид спереди); *2, 3* — полки седла, *4* — задняя лука (*а* — вид сверху; *б* — обратная сторона); *5, 6* — остатки «рамы»

седел полок с приподнятой широкой площадкой, образующей в середине как бы сомкнутый свод над разделяющим полки пространством. На опубликованном Д.Г. Савиновым теленгитском образце такого седла толщина нависающей части выступа тоже 1,5 см, длина по касательной к плоскости полки около 7,5 см [9, с. 47, рис. 12].

На тыльном конце полки идет небольшой косой уступ для упора нижней боковой части задней луки. Край полки окантован декоративным желобком, а подле него в уступе

сделан ряд небольших отверстий для ремней, скрепляющих седло. За рядом этих отверстий возле передней луки находится овальное отверстие, параллельное длинной оси, по-видимому, необходимое для продевания подпружных ремней. Аналогична и левая полка, представленная в обломках (рис. 3, *1*; 4, *3*). В ее упоре сохранился фрагмент левой части передней луки (рис. 3, *2*).

Задняя лука (рис. 2, *2*; 4, *4а*) сохранилась почти полностью, нарушен лишь ее левый край и есть небольшие сколы на внутренней части. Изготовлена из целого куска дерева (длина 29 см, ширина в средней части 8,8 см, максимальная толщина у упора на полке до 2,5 см). Верхняя, или лицевая, часть ровная, с небольшим наклоном вовнутрь к центру седла. По краю декоративный желобок. На плоскости луки — ряд отверстий по кругу для связки седла. Нижняя, обращенная назад и наружу поверхность задней луки в середине имеет неглубокий арочный вырез, утончаясь к нижнему краю (к центру седла). Он соответствует гораздо более высокому вырезу в основании передней луки — оба выреза располагались над промежутком между полками. Углы у основания выреза срезаны в виде маленьких треугольников. По сторонам от выреза основание задней луки плоско стесано, образуя две дугообразных площадки, опираясь на которые лука стояла на полках (на последних под эти упоры выделены между уступами такие же узкие дугообразные участки). Устройство названных деталей хорошо видно на прилагаемых разрезах (рис. 4, *4 а, б*). Обращает на себя внимание сравнительно небольшая ширина тех плоскостей, на которые опиралась задняя лука (она даже меньше, чем у более древних седел из Кокэля). Поэтому для устойчивости луку привязывали к полкам, о чем свидетельствуют и отверстия для ремней.

Судя по публикациям, до сих пор в раскопках не встречалась дополняющая седло из с. Смелого «рама» (рис. 4, *5, 6*) из двух тонких деревянных пластин-досточек, бывших под полками и повторяющих в основном форму полок (длина до 38 см, ширина до 8 см, толщина до 0,5 см). Между полками и «рамой» находилось кожаное или войлочное покрытие (точно определить не удалось). Хотя на досточках «рамы» четко отпечатались ребра коня, досточки, по-видимому, все же должны были лежать на какой-то кожаной или войлочной основе.

Из описанного выше хорошо видно отсутствие каких-либо металлических деталей в устройстве рассмотренного седла. Наличие большого числа отверстий, совпадающих при сборке, как мы уже отмечали, говорит о креплении деталей между собой кожаными ремнями. Не исключено, конечно, скрепление некоторых частей седла с другими при помощи специальных клеев. Возможно, такое крепление имело место при соединении нижних частей передней луки с полками, в упорах. Но это только наши предположения.

Вряд ли есть необходимость убеждать в важности публикуемой находки. Вопрос об убранстве верхового коня, а особенно об устройстве одной из основных его частей — седла весьма интересен. Обычно основным археологическим объектом, дающим информацию о седлах как раннего средневековья (IV—VII вв.), так и значительно более поздних, являются только костяные или металлические обкладки его [10, 11] [5], деревянная же основа сохраняется редко, хотя именно она дает о седле наиболее полное представление. В этом отношении значительно лучше известны материалы из Тувы [12, с. 24—36] и Кавказа [13, с. 168; 12, с. 71;]. Особенно важным было открытие деревянных основ седел в Туве, относящихся к VIII в. [14, с. 132—133]. А новые исследования в Предкавказье дали возможность реконструировать седла эпохи переселения народов [15, с. 212—229] и уточнить с помощью аналогий VIII в. ряд вопросов, связанных с конструкцией седел европейских гуннов [16, с. 220—231]. С выходом статьи Д.Г. Савинова была заполнена лакуна в истории

[5] Библиография по всему вопросу собрана Д.Г. Савиновым [9].

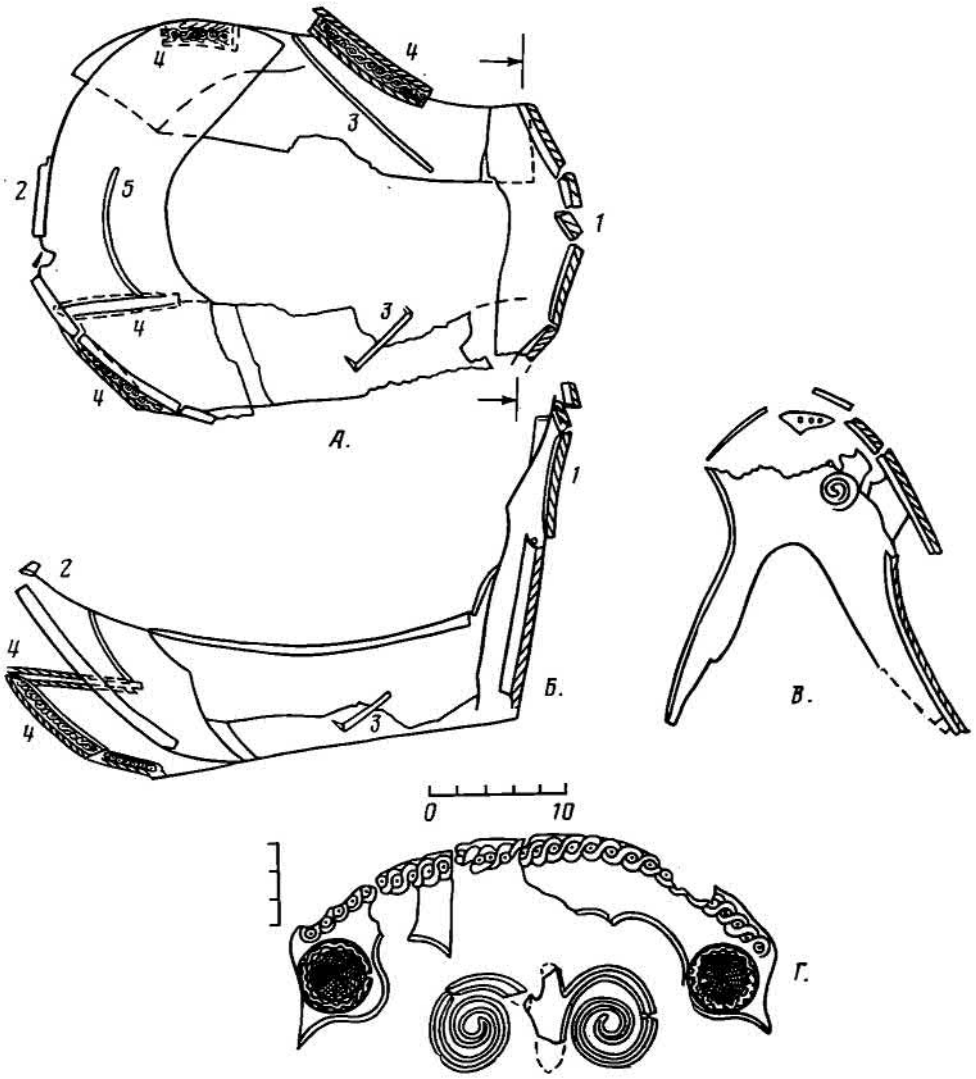


Рис. 5. Седло из погребения у с. Пришиб (*а* — вид сверху, *б* — вид сбоку, *в* — вид спереди, *г* — костяные украшения лицевой стороны передней луки). Цифрами на чертежах обозначены: *1* — передняя лука, *2* — задняя лука, *3* — полки седла, *4* — костяные украшения полок седла, *5* — дугообразная костяная пластина, украшавшая заднюю луку

убранства верхового коня у народов Южной Сибири во II тысячелетии н. э. [9, с. 31—47]. Анализ деталей седел из позднекочевнических комплексов дал возможность А.Н. Кирпичникову предложить реконструкцию седел у кочевников и на Руси в IX—XIII вв. [17, с. 34-42, рис. 25 и др.].

Итак, рассматривая генезис и воссоздавая схему эволюции форм седел удалось в значительной мере определить этапы этого изменения [10 с. 25-35; 11, с. 31-94, рис. 2, 3, 4, 5; 16, с. 230; 9, с. 36, рис. 5]. По мнению Д. Г. Савинова, «причина этих изменений лежит скорее в области „технологического" поиска оптимальных решений, что, естественно, не исключает влияния и использования различных этнических традиций» [9, с. 35].

Анализ деталей седла половецкой эпохи показывает, что постепенное утолщение передней луки характерно только для ее нижней части. Задняя лука, опираясь узкими

крыльями на полки, не имеет достаточного жесткого упора (ее внешняя, тыльная поверхность расположена не вертикально по отношению к полкам, а под углом не более 60°) и дополнительно закреплялась на полках ремнями.

Остатки седла из погребения кочевницы XII—XIII вв. у с. Пришиб, в 3 км от с. Смелое, сохранились значительно хуже. Удалось лишь зафиксировать его in situ, сделав по возможности все разрезы и сняв костяные обкладки, украшавшие его (рис. 5). Передняя лука в данном седле более удлиненных пропорций и иначе очерчена, чем у седла из погребения у с. Смелое (рис. 5, *в*). Но, судя по тому, что передние концы полок сдвинулись к середине, передняя лука седла из Смелого также подверглась сжатию с боков, деформировалась и кажется теперь немного у́же, чем, по-видимому, была первоначально. Края лук окантованы узкими костяными бордюрами: на передней луке бордюр украшен косыми нарезками, на задней — гладкий. Лицевая поверхность передней луки имела узорчатые аппликации из фигурных костяных пластинок (рис. 5, *в, г*). Задние выступы полок обложены по краям костяными планками с гравированным орнаментом (рис. 5, *а, б, 4*).

Рассмотренные нами материалы заполняют промежуток в истории убранства коня поздних кочевников южнорусских степей и дадут возможность специалистам проследить дальнейшее сложение комплекса предметов конского снаряжения, многие элементы которого без значительных изменений живут до настоящего времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вайнштейн С. И*. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве.— ТКАЭЭ; 1966, т. 2.
2. *Евтюхова Л. А*. О племенах Центральной Монголии.— СА, 1957, № 2.
3. *Бернштам А. Н*. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая.— МИА, 1952, № 26.
4. *Синицын И. В.* Древние памятники Восточного Маныча. Ч. I и II. Саратов, 1978.
5. *Плетнева С. А*. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях.— МИА, 1958, № 62.
6. *Плетнева С. А.* Древности черных клобуков.— САИ, вып. El-19, М., 1973.
7. *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ, 1966.
8. *Анучин Д. Н*. Сани, ладья и конь как принадлежность погребального обряда.—Древности, 1890, т. XIV.
9. *Савинов Д. Г.* Из истории убранства коня у народов Южной Сибири (II тысячелетие н. э.).—СЭ, 1977, № 1.
10. *Кызласов И. Л.* О происхождении стремян.— СА, 1973, № 3.
11. *Амброз А. К*. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV—VIII вв.).—СА, 1973, № 4.
12. *Вайнштейн С. И.* Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры.— СЭ,1966, № 3.
13. *Рунич А. П*. О конской сбруе пз Пятигорья.— СА, 1973, № 1.
14. *Вайнштейн С. И.* Историческая этнография тувинцев.— М.: Наука, 1972.
15. *Дмитриев А. В.* Погребения всадников и боевых коней в могильниках эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска.— СА, 1979, № 4.
16. *Амброз А. К*. К статье Дмитриева А. В.— СА, 1979, № 4.
17. *Кирпичников А. Н*. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси. IX—XIII вв.—САИ, вып. Е1-36. М., 1973.

С.Н. Братченко, М.Л. Швецов

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ МОГИЛЬНИК У СТАНИЦЫ БАГАЕВСКОЙ*

Среди многочисленных памятников салтово-маяцкой культуры в Подонье немаловажное место занимают грунтовые могильники. Первые погребения были обнаружены в конце XIX в. [1; 2, с. 123]. В 20-30-х годах М. И. Артамонов обследовал могильник у ст. Багаевской (уроч. Артуганово) [3, с. 114], который в дальнейшем вошел в число салтовских памятников Подонья [2, с. 121; 4, с. 191]. Большие работы Волго-Донской экспедиции позволили открыть еще ряд новых и обследовать уже известные памятники [5, с. 107, 141 – 142]. В могильнике Саркела были исследованы погребения хазарской эпохи со специфическим обрядом захоронения в круглых ямах[1] и погребения городского населения. Только одно погребение, как указывает М. И. Артамонов, можно считать типично салтовским [6, с. 76]. До 60-х годов в Подонье было исследовано еще несколько отдельных захоронений [7, с. 25-26; 8, с. 9-11, 136].

Грунтовой могильник у ст. Багаевской был открыт в 1960 г. при строительстве дороги. Он находился на продолговатой возвышенности на краю мыса у поймы р. Дон при впадении в последний р. Маныч, в 8 км от станицы и в 2 км к востоку от хут. Краснодонского. Большая часть могильника разрушена карьером, сохранились могилы лишь в северной части, где строительные работы не производились (рис. 1, *1*).

Таблица

Погребение	Могильная яма	Положение погребенного	Ориентация	Кости коня	Сбруя	Оружие		Керамика в изголовье	Нож	Зеркало	Железные пряжки	Изделия из рога	Кости животных	Кресало	Древесные угли
						сабля	стрелы								
1	+	Вытянут	В	+	+	+		+	+				+		+
2	+	»	ЮВ					+	+		+	+	+		+
3	+	»	ССЗ				+								
4	+	»	СЗ-ЮВ												
5	+	»	ЮВ							+					
6	+	»	ЗЮЗ	+	+			+					+	+	+

Замечено, что погребения располагались по гребню возвышения с юго- востока на северо-запад. Они находились в неглубоких ямах, возможно, с подбоями под длинной стенкой (глубина 0,6-1 м). Исследованы пять полуразрушенных погребений и одно почти неповрежденное. Кроме того, собраны отдельные вещи из пяти разрушенных могил.

* Опубликовано: Братченко С.Н., Швецов М.Л. Средневековый могильник у станицы Багаевской // СА, 1984. №3. С. 214-217.

[1] Погребения в круглых (а точнее, в колоколовидных ямах) распространены по всей территории салтовской культуры и отображают, по-видимому, какой-то специфический обряд. Данные ямы находятся как на поселениях, так и на грунтовых и курганных могильниках. Заполнение их в основном составляют кости животных, керамика, иногда – захоронения людей.

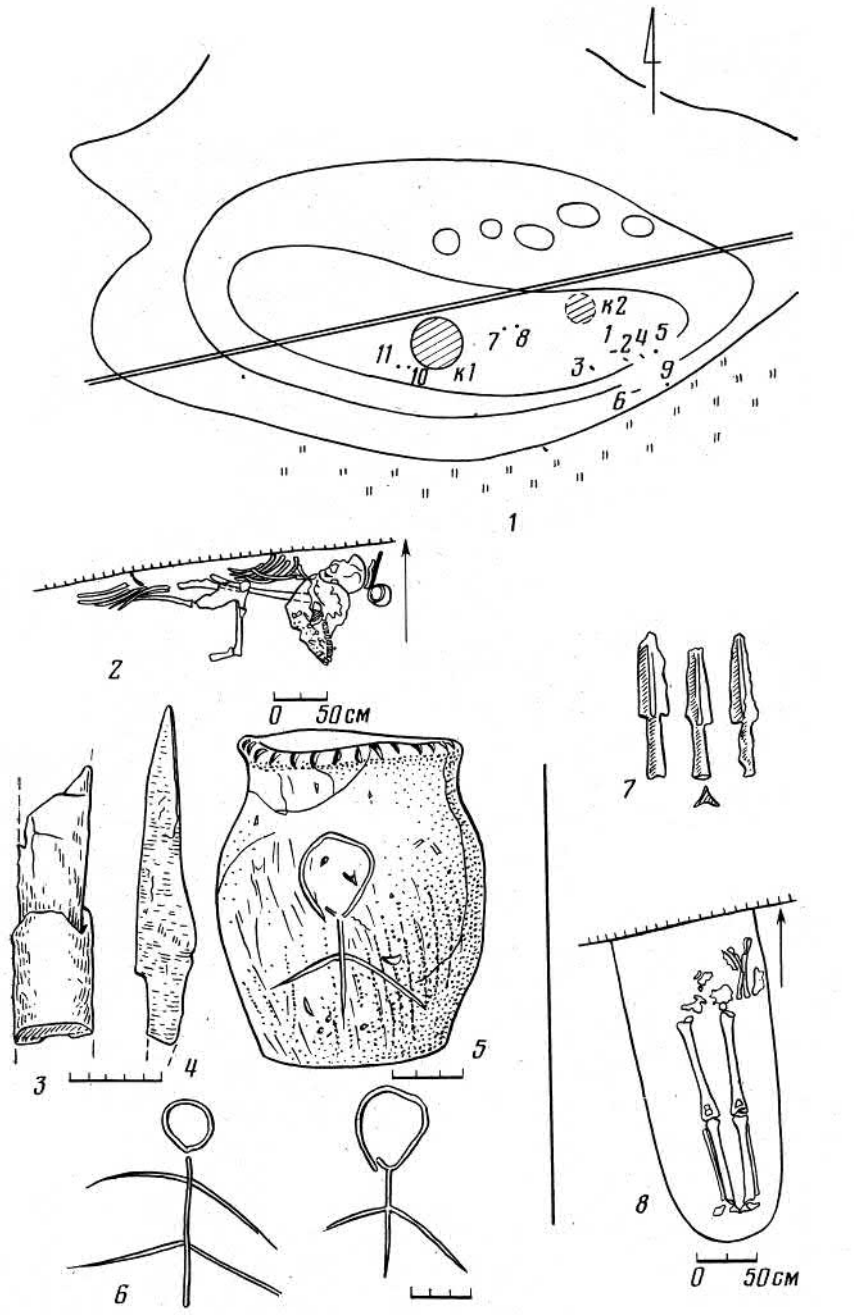


Рис. 1. Могильник у ст. Багаевской. *1* – план, *2-6* – погр. 1, *7, 8* – погр. 3

К сожалению, полную характеристику погребального обряда дать трудно. Однако распределение инвентаря и некоторые детали обряда все-таки удается проследить (таблица). Погребения были совершены по обряду ингумации, в вытянутом положении положены на спину. Часть погребений сопровождалась лежащими рядом с погребением черепом и костями ног коня (погр. 1 и 6). В этих же погребениях найдены остатки конской сбруи: в погр. 1 – обломки железных удил в зубах лошадиного черепа, в районе грудной клетки – обломки стремени; в погр. 6 – стремя (рис. 2, *3*). Еще об одном захоронении со сбруей говорит находка бронзовой бляхи от конской узлы (рис. 2, *7*).

Три погребения сопровождались оружием. В погр. 1 от сабли сохранился только небольшой обломок, лежавший у пояса; одна сабля происходит из несохранившегося

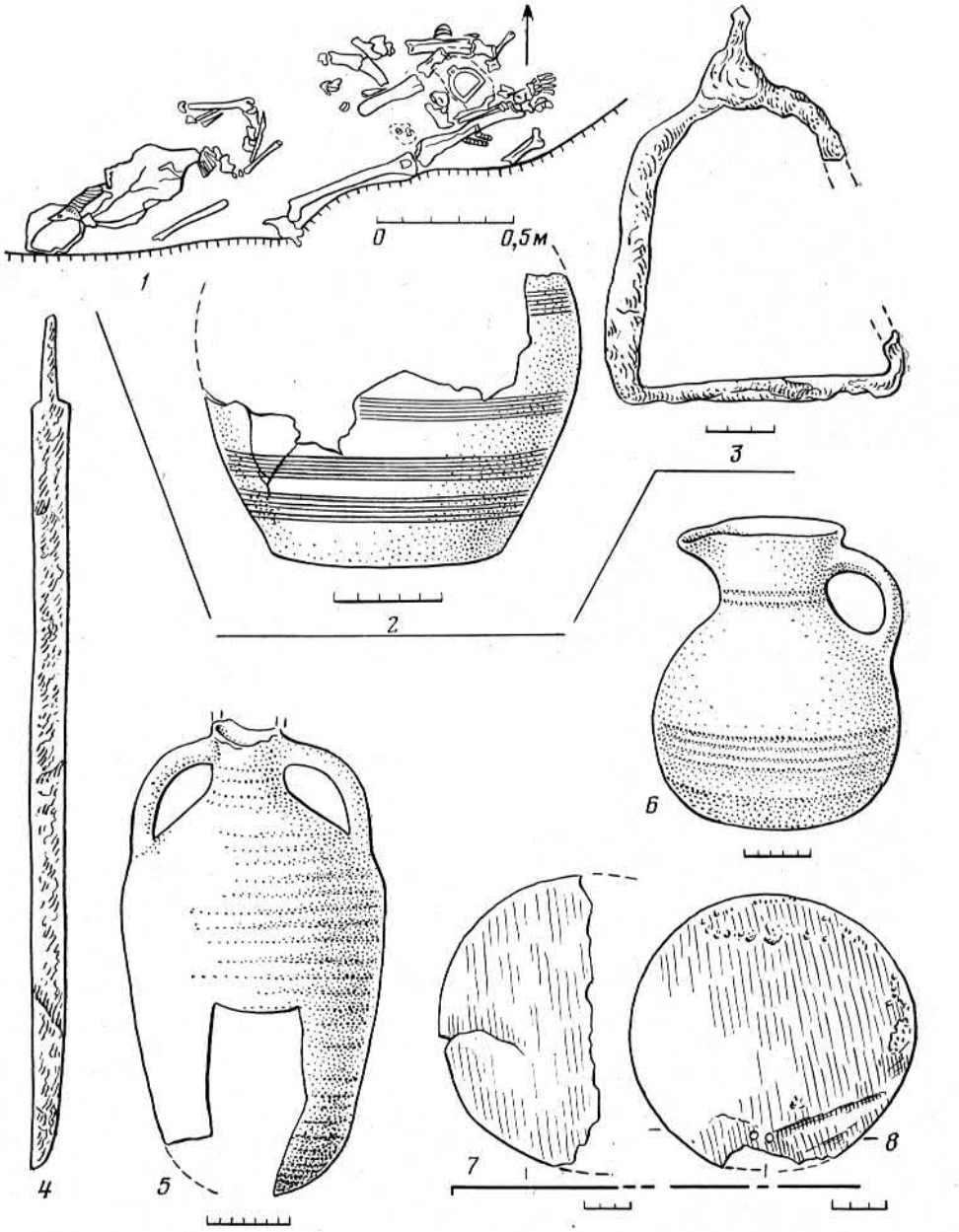


Рис. 2. Могильник у ст. Багаевской. *1-3* – погр. 6, *4-8* – разрушенные погребения

погребения (рис. 2, *5*). В погр. 3, у левой руки, – несколько железных наконечников стрел с трехлопастным пером и длинной втулкой.

Все захоронения, по-видимому, сопровождались напутственной пищей (кости барана) и сосудами, поставленными в изголовье умерших. В погр. 1 найден асимметричный сосуд с короткой шейкой и слабо выраженными плечиками, украшенный ногтевыми вдавлениями по венчику. Поверхность стенок сосуда неровная, в тесте отмечены растительные примеси. С двух сторон на тулове сосуда прочерчены изображения человеческой фигуры (рис. 1, *6*). В погр. 2 найден кувшин-эйнохоя, сделанный на гончарном круге (рис. 3, *6*). Аналогии сосуду из погр. 1 известны в материалах Саркела [6, с. 34, рис. 21; 9, с. 233, рис. 18, *6, 7, 22, 23*; 10, с. 2491. Амфора с рифлением (с отбитой грейдером верхней частью) (рис.

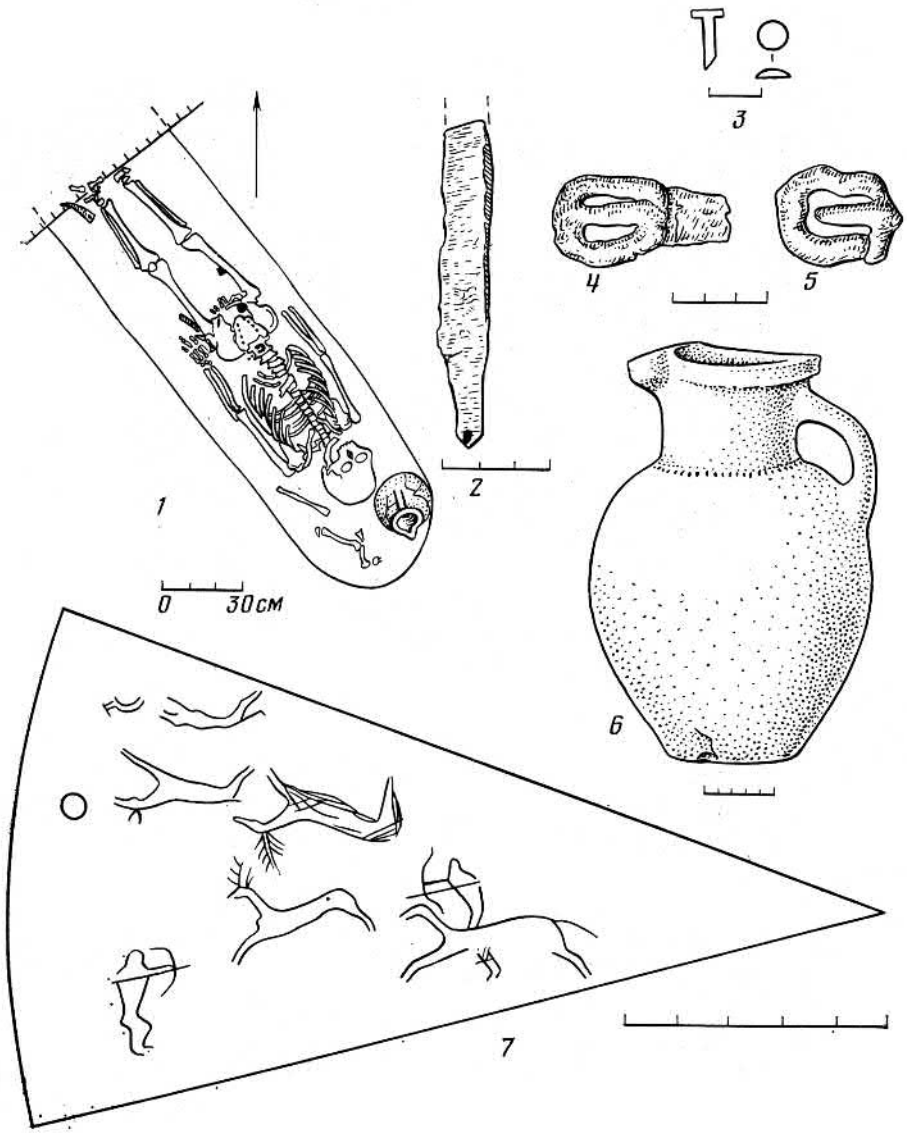


Рис. 3. Погребение 2 и инвентарь погребения

2, *2*) сопровождала погр. 6. Из разрушенных могил происходят светлоглиняная круглодонная амфора (рис. 2, *5*) и сероглиняный круговой кувшин (рис. 2, *6*). Амфора наиболее близка амфоре из Херсонеса VIII-IX вв. (из развала гончарной печи на берегу Карантинной бухты) [11, с. 30, рис. 12, *5*].

Бытовые предметы представлены железными ножами (рис. 1, *4*, 3, *2*). В двух погребениях были кресала и железные пряжки. Одна из них – поясная с медными заклепками (рис. 3, *3*, *4*) – происходит из погр. 2.

Интересна находка изделия из глазного отростка рога оленя (длина 12, диаметр основания 2,2 см). В верхней его части имеется втулка глубиной около 2 см, с одним отверстием сбоку (рис. 3, *7*). С двух сторон на его гладкой, местами заполированной поверхности нанесено гравировкой изображение сцен охоты (рис. 4). На одной стороне два лучника, один пеший, второй на коне, стреляют в бегущего оленя. На второй – два бегущих оленя, собака и какой-то зверек. Аналогии этому изделию, также с рисунками, есть в материалах раскопок Саркела – Белой Вежи [6, с. 42, рис. 28, *2*], в Болгарии [12, с. 411], а также в

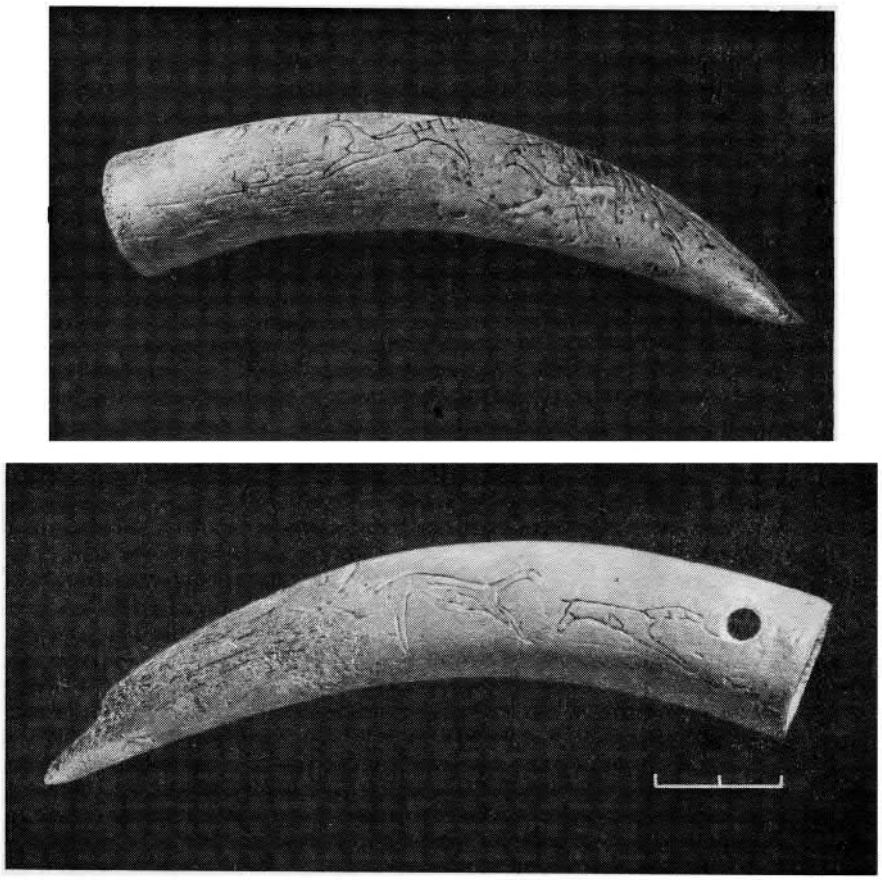


Рис. 4. Погребение 2. Изделие из рога

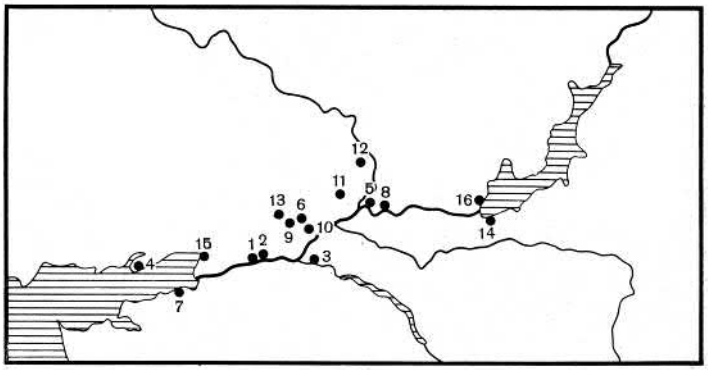


Рис. 5. Памятники Нижнего Подонья. *1* – Аксай, *2* – Алитуб, *3* – у ст. Багаевской, *4* – Беглицкая коса, *5* – Броницкая переправа, *6* – Заплавская, *7* – Комаровка, *8* – Константиновка, *9* – Красюковская, *10* – Кривянская, *11* – Крымский, *12* – Нижнекундрючевская, *13* – Новочеркасск, *14* – Саркел, *15* – Недвиговка, *16* – Цимлянск

аварских древностях Венгрии [13, с. 21, рис. 9, *10*, *29*; 14, с. 250, рис. 7, 75, *1*]. Интересно использование такого изделия вместо псалия в удилах [15, с. 71, рис. 20, 292, *2*][2].

Аналогии стременам и удилам известны в Венгрии [16, с. 128, рис. 4, *11*, *25-27*] и Башкирии [17, с. 199, табл. I, *357*]; аналогии сабле – в башкирских древностях [17, с. 190, табл. I, *7*; с. 195, табл. I, *197*] и кочевническом могильнике близ Саркела [18, с. 241, рис. 15, *2*].

[2] Этнографически аналогичные костяные изделия известны у пастухов как приспособления для развязывания узлов ремней и пут. Шорники используют их для разглаживания швов на кожаных изделиях.

Рассмотренный нами инвентарь могильника близок материалам этого же времени в Подонье (рис. 5). Здесь же известны памятники с аналогичным или близким обрядом погребения, где рядом с умершим в могилу помещали оружие и лошадей. Это погребение с конем у ст. Кривянской (свинофермы Заплавского зерносовхоза) [19, с. 5; 20, с. 119] и погребения у Елизаветинского могильника [21, с. 26], датируемые автором IX в.

Рассмотренные материалы объединяет не только единый хронологический диапазон, но и элементы погребального обряда, такие, как наличие рядом с умершим чучела коня, сбруи, оружия. Захоронения без костей коня и оружия в могилах представляют другой тип погребений VIII-IX вв. в Нижнем Подонье.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Попов Х. И*. Каталог Новочеркасского (Донского) музея. Новочеркасск, б. г.
2. *Генинг В. Ф., Халиков А. Х*. Ранние болгары на Волге. М.: Наука, 1964.
3. *Артамонов М. И.* Средневековые поселения па Нижнем Дону. – ИГАИМК, 1935, вып. 131.
4. *Плетнева С. А*. От кочевий к городам. – МИА, 1967, № 142.
5. *Ляпушкин И. И*. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. – МИА, 1958, № 62.
6. *Артамонов М. И*. Саркел – Белая Вежа. – МИА, 1958, № 62.
7. *Шелов Д. Б*. Некрополь Танаиса. – МИА, 1961, № 98.
8. *Арсеньева Т. М*. Некрополь Танаиса. М.: Наука, 1977.
9. *Плетнева С. А*. Керамика Саркела – Белой Вежи. – МИА, 1959, № 75.
10. *Конкин В. Н*. Сосуд с прорисовкой из погребения позднего кочевника. – СА, 1971, № 1.
11. *Якобсон А. Л.* Керамика и керамическое производство Средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979.
12. *Вължарова Ж. Н*. Славяне и прабългари по данни на некрополите от VI-XI в. на територията на България. София, 1976.
13. *Garam É*. The Homokmegy-Halom cemetery. – CAPH, 1975, vol. 1.
14. *Szabo J. G*. The Pilismarót cemetery. – CAPH, 1975, vol. 1.
15. *Garam É*. The Szebeny I-III cemetery. – CAPH, 1975, vol. 1.
16. *Kovrig I*. The Devavanya cemetery. – CAPH, 1975, vol. 1.
17. *Мажитов Н. А*. Южный Урал в VII-XIV вв. М.: Наука, 1977.
18. *Плетнева С. А*. Кочевнический могильник близ Саркела – Белой Вежи. – МИА, 1963, № 109.
19. *Гадло А. В*. Отчет о работе Приазовского средневекового отряда Кобяковской археологической экспедиции ИА АН СССР 1962 г. – Архив ИА АН СССР, р-1, № 2496.
20. *Гадло А. В*. Кочевье Хазарского времени у станицы Заплавской на Нижнем Дону. – В кн.: Проблемы археологии. Вып. II. Л., 1978.
21. *Шилов В. П*. Раскопки Елизаветинского могильника в 1954 и 1958 гг. – Изв. Ростовского областного музея краеведения, № 1 (3). Ростов, 1959.

М.Л. Швецов

К ВОПРОСУ О ЗАСЕЛЕНИИ ПОДОНЦОВЬЯ В IV-XIII вв.*

В настоящее время вопрос о населении Подонцовья в раннем средневековье не решен окончательно. Если заселение данной территории в VII-X вв. не вызывает сомнений и подтверждается как письменными, так и археологическими материалами (М.И. Артамонов, С.А. Плетнева, Д.Т. Березовец, К.И. Красильников), то о периодах более ранних, как и последующих, до настоящего времени высказывались лишь предположения. Археологические материалы IV-VII вв. на данной территории встречались ранее эпизодически. Это как случайные находки (Н.В. Сибилев, В.М. Евсеев, А.К. Амброз), так и отдельные погребения (Н.В. Сибилев, В.А. Городцов, А.К. Амброз), не дававшие четкой картины о характере памятников региона.

В последние два года нами выявлены и частично исследованы новые памятники, свидетельствующие о заселении Подонцовья в IV-VIII вв. (М.Л. Швецов, В.В. Цимиданов, Э.Е. Кравченко). Так, в 1985 году в раскопе VIII поселения Зливки Краснолиманского района Донецкой области были найдены: сосуд, льячка и пряслице, а в раскопе V отдельные фрагменты керамики пеньковского облика. Аналогичная керамика, а также изделия из металла были выявлены при обследовании поселения в урочище Веделыха Краснолиманского района. Подтверждением этого материала явилось исследование в 1986 году языческого святилища на памятнике «Старица», расположенного на левом берегу р. Северский Донец у с. Богородичное Славянского района. Комплекс датируется медной фибулой IV-V вв.

Письменные источники свидетельствуют о заселении края в XI-XII вв. и даже указывают названия некоторых из «половецких веж». Попытка увязать археологические памятники с половцами предпринималась и ранее (Н.В. Сибилев, Н.В. Кудряшов). Вопрос об остаточном населении салтово-маяцкой культуры в бассейне Донца наиболее полно сформулирован С.А. Плетневой и отстаивается ею. Отсутствие конкретных материалов, говорящих о непосредственной связи салтово-маяцкой культуры с позднекочевнической, и хронологический разрыв между ними, дали возможность Г.А. Федорову-Давыдову поставить под сомнение тезис, выдвинутый С.А. Плетневой. В решении этого вопроса большое значение имеют материалы Зливкинского могильника, исследованного нами в 1982-1986 гг. Могильник, открытый В.А. Городцовым в 1901 г., дал в дальнейшем наименование болгарскому варианту салтово-маяцкой культуры, датируемому IX-X вв. Продолжение исследования могильника позволило установить, что он возник ранее IX в. как языческий, начал расти с запада на восток и завершился захоронениями по христианскому обряду. О поздней дате христианской части могильника (XI-XIII вв.) говорят находки византийской парчи и тканей древнерусского образца с аппликациями в виде крестов (определение А.К. Елкиной). Кроме могильника прослежены остатки сооружений с инвентарем, датируемым этим же временем. Памятники данного периода не единичны в рассматриваемом регионе.

* Опубликовано: Швецов М.Л. К вопросу о заселении Подонцовья в IV-XIII вв. // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Тезисы докладов областного научно-практического семинара (23-24 апреля 1987 г.). – Донецк. 1987. С. 96-98.

О заселении Подонцовья в золотоордынскую эпоху свидетельствуют не только находки монет и эпиграфических памятников в регионе, но и материалы обследования городищ и поселений, на которых обнаружены слои XIII-XIV вв., а также мусульманские захоронения XIV в. (В.К. Михеев, Э.Е. Кравченко).

Дальнейшие исследования дадут возможность выявить закономерность появления и взаимосвязь памятников пеньковского облика и зливкинских, а также решить вопрос о характере и распространении как ранних, так и поздних памятников вглубь степи.

М.Л. Швецов

МОГИЛЬНИК „ЗЛИВКИ”*

В начале XX века, во время исследований по Северскому Донцу, В. А. Городцов раскапывает могильник у хутора „Зливки” на берегу оз. Чернецкого, находящегося в двух километрах западнее села Ильичевка (ранее Хайловщина) Краснолиманского района Донецкой области. В отличие от Верхне-Салтовского могильника, погребения в нем находились не в катакомбах, а в простых ямах и сопровождались незначительным инвентарем. Исследовав 35 погребений, В. А. Городцов „ввел в салтово-маяцкую культуру новый тип памятников – ямный могильник, ставший надолго эталоном ямных погребений” раннего средневековья Юго-Восточной Европы. Разница в количестве сопровождающего погребенных инвентаря Верхне–Салтовского и Зливкинского могильников привела В. А. Городцова к выводу, что „такое явление, вероятнее всего объясняется разницей сословного, а может быть, экономического положения владельцев обоих могильников: Салтовский могильник, как показывает богатая обстановка скорее всего принадлежал городскому сословию, а Зливкинский – мог принадлежать лишь небогатым поселянам... Очевидно в обоих могильниках похоронены люди, жившие в одно время, весьма возможно принадлежащие к одному племени хотя этот вопрос может быть лучше решен антропологией...”[1]. Интересно, что спустя четверть века, эту же мысль поддержал Ю. В. Готье. По его мнению, могильник был „расположен на берегах двух смежных стариц или озер, Чернецкого и Шурова. Площадь могильника имеет в длину не менее полуверсты, но по-видимому, погребения на этой площади идут не сплошь, а тяготеют к самым берегам озер, вследствие чего почти ежегодно весенние разливы последних вымывают кости покойников и сопровождающие их вещи, в особенности глиняные сосуды, что и послужило поводом открытия могильников. Раскопки проводились только на берегу оз. Чернецкого”[2]. Подтверждая полную аналогию инвентаря Зливкинского могильника с Верхне–Салтовским, Ю. В. Готье ставит вопрос об истоках культуры. Правда, при анализе керамического комплекса сделан странный вывод о том, что горшки, находимые в погребениях, „отличаются небольшими размерами и большинство из них служат лишь имитацией славяно-русских глиняных горшков Средней России”[3]. И тут же „сосуды Зливкинского могильника совершенно схожи с сосудами Салтовского катакомбного могильника; даже клейма сосудов обоих могильников оказались одинаковыми. Разница заключается лишь в том, что Салтовские сосуды, кружки дороже, чем Зливкинские”.

В 20-30-е годы по среднему течению Северского Донца проводились небольшие разведочные работы Н. В, Сибилевым. Были открыты и частично обследованы могильники у сс. Залиманье, Шейковка, Петропавловка, а также осмотрены могильники – Зливки и у оз. Нелупленное на I-й Снежковской стоянке[4]. После этого, в течение 30 лет полевые работы на могильнике не проводились. Однако антропологические материалы могильника (19 черепов), изученные в 1902 году Д. Н. Анучиным, в 1932 году вновь обрабатывались Т. А. Трофимовой, а в 1953 г., по более расширенной программе, К. Н. Наджимовым, который

* Опубликовано: Швецов М. Могильник «Зливки» // Проблеми на прабългарската история и култура. Изд.2. Трета Международна среща по прабългарска археология. Шумен. 16-18 окт. 1990 г. – София: Издателство «Аргес». 1991. С. 109-123.

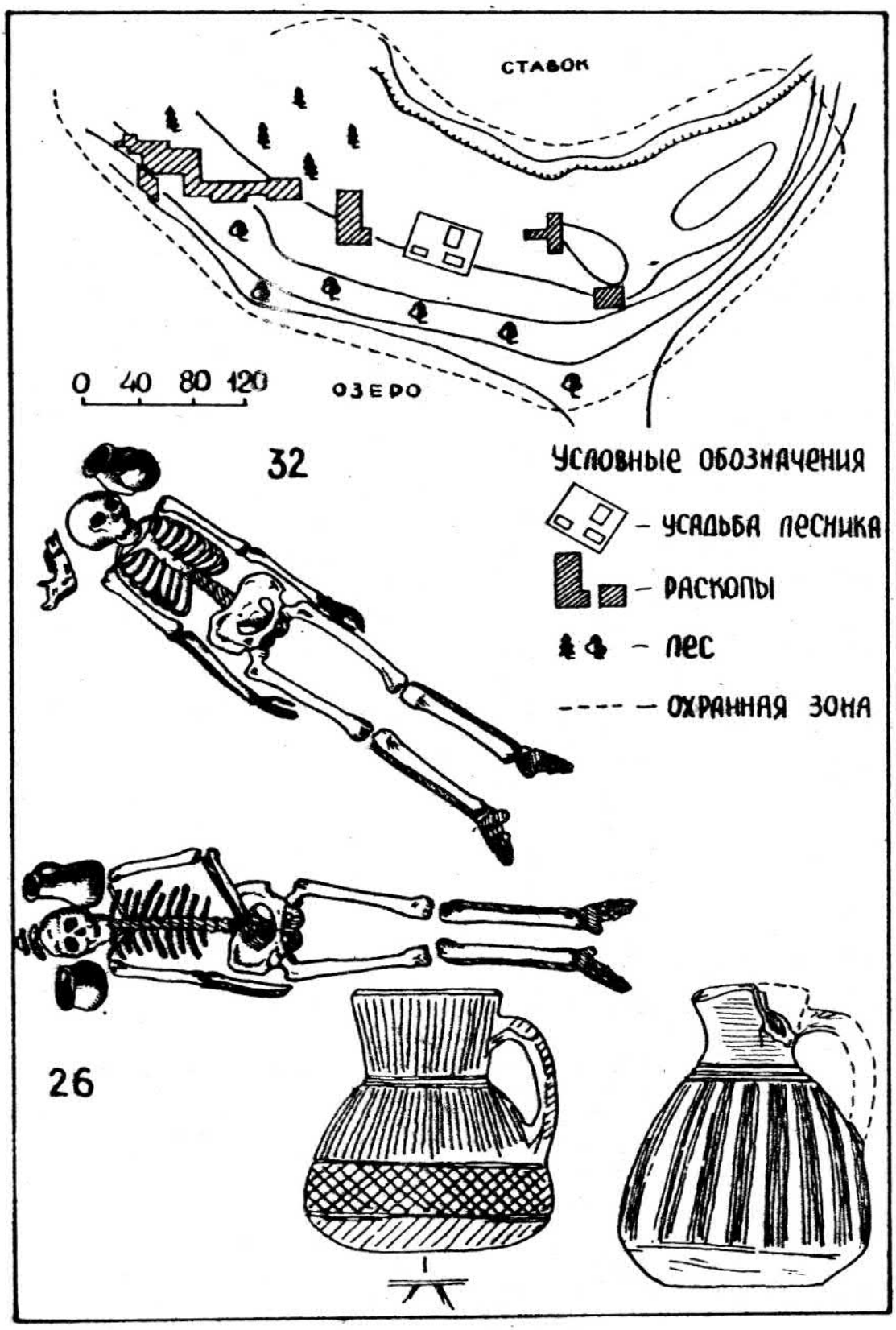


Рис. I. План памятника и погребения I-го типа: 1 – план памятника с раскопками; 2 – погребение 32 (по В. А. Городцову); 3 – погребение 26 (по В. А. Городцову); 4, 5 – сосуды из погребения 26.

пришел к выводу, что в сложении народа, оставившего могильник, принимали участие европеоидный и монголоидный компоненты, имеющие брахикранную мозговую коробку[5].

Если антропологические материалы были не только опубликованы, но и трижды перемерялись, то археологические не были даже изданы. Дав краткое описание погребений в Трудах XII Археологического съезда, В. А. Городцов в дальнейшем только упоминает о них[6]. Поэтому специалисты, используя в своих работах Зливкинский могильник, обращались, как правило, лишь к этому краткому описанию. Исключением является статья Б. А. Шрамко по керамике, в которой опубликованы несколько сосудов из могильника[7].

Попытка С. А. Плетневой продолжить исследование памятника не увенчалась успехом. Заложив три раскопа, она открыла только два новых погребения и одно в траншее В. А. Городцова[8].

В 70-х гг., в поисках материалов эпохи бронзы, на поселении закладывает раскоп Т. А. Шаповалов и открывает землянку с очагом, под которым находилось погребение ребенка с двуручной амфорой[9]. К концу 80-х гг. северной части памятника грозит уничтожение в связи с расширением песчаного карьера. Работы по добыче песка удалось остановить, и в 1982 году мы начинаем поиски могильника. Основной причиной исследования явилось желание разобраться в погребальном обряде населения, оставившего могильники типа Зливок, а также, по возможности, восстановление плана и обряда раскопанного могильника, считающегося утраченным[10]. В первый полевой сезон открыт восточный край траншей 1902 года и доисследованы две могилы (рис. I, 1), в последующие четыре сезона (1983–1986 гг.) был полностью вскрыт весь участок могильника, найденного В. А. Городцовым в 1902 году (почти 1000 м^2). Тогда же были выявлены погребения, находящиеся восточнее траншей В. А. Городцова и севернее раскопа 2 С. А. Плетневой. В отличие от городцовских, умершие были захоронены здесь рядами, идущими с юга на север, инвентарь отсутствовал. Могильник первоначально получил название „Зливки II" (рис. V)[11].

Итогом пятилетних работ на могильнике, по нашему мнению, явилось получение конкретных материалов и данных о характере погребального обряда населения, оставившего этот могильник. В отличие от погребений, описанных В. А. Городцовым, форма могильных ям на языческом могильнике не была одинакова. Конструкции в самих могилах и их перекрытия также разнообразны. Важно отметить наличие в обряде обычая положения умершему, у ног или выше, черепа и конечностей овцы-козы, сложенных кучкой. Или положения в могилу, растянутой над погребенным, шкуры с черепом и конечностями овцы-козы. Два указанных обычая коррелируются с определенной деталью в конструкции могилы. Анализ материалов позволил выделить на могильнике следующие типы погребений.

Погребения первого типа[12] (рис. I, 2, 3). Для них характерны: могильная яма простой конструкции, овальная или подпрямоугольная в плане, с прямыми или слегка сужающимися стенками. Погребенный лежит вытянуто, на спине, руки вдоль тела, кисти на тазе или под ним. Ноги вытянуты или слегка подогнуты. Умерший сопровождается напутственной пищей в виде мяса (рыбы), и возможно, растительной пищей. В изголовье 1–2 сосуда (горшки, кувшины). В могиле отсутствуют кости коня, овцы-козы (череп и кости ног), положенные в качестве транспорта-посредника в потусторонний мир. Основная масса умерших, взрослых и детей, отправлена в загробное путешествие с минимальным количеством инвентаря. В могилах встречаются детали одежды (бубенчики, пряжки), мелкие украшения, туалетные наборы и отдельные вещи бытового назначения. По-видимому, часть умерших хоронили в гробах (в заполнении встречены древесный тлен, гвозди). Необходимо отметить фиксируемые при исследовании погребений данного типа „древесные угольки", свидетельствующие, вероятно, о существовании обряда очищения

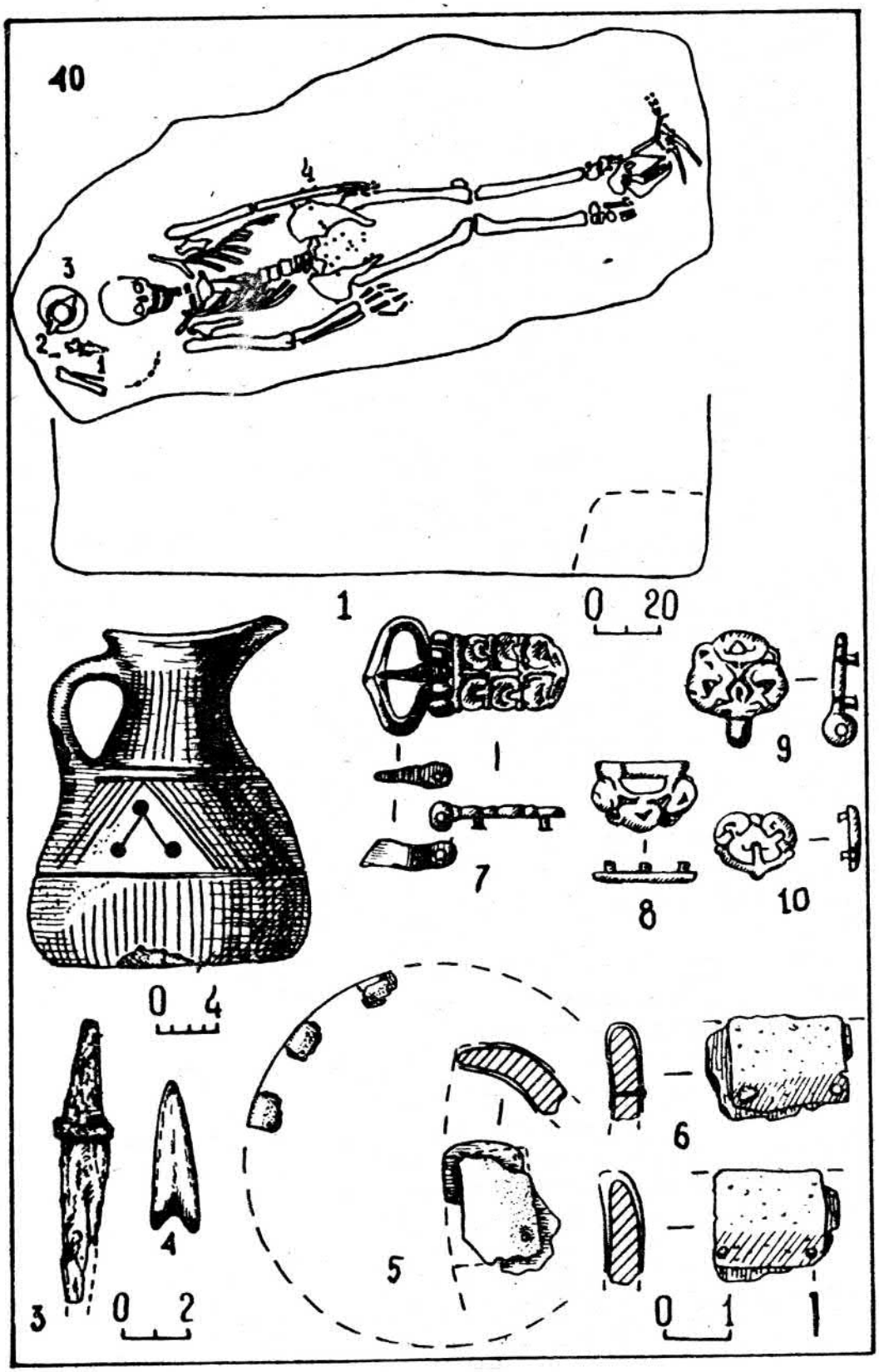


Рис. II. Погребения 2-го типа: 1 – план и разрез погребения 40; 2 – кувшин; 3 – нож; 4 – костяной наконечник стрелы; 5 – остатки деревянного блюда с пластинами-скрепами (6); 7 – поясная пряжка из погребения 40; 8-10 – украшения и щитки от пояса из погребения 40.

огнем. И наличие у плеча или рядом с руками умерших кучки бус и украшений – „посмертных подношений или передач в потусторонний мир" – через посредника[13].

Погребения второго типа (рис. II). Могильная яма, овальная в плане, с тремя прямыми стенками и со ступенькой в одной из узких сторон могилы. В данном случае правильней говорить о своеобразном приступке, возвышающемся над дном ямы на 20-30 см. Погребенный положен вытянуто, на спине, с руками вдоль тела, иногда кисти рук на лобке, ноги лежат прямо. Умерший сопровождается напутственной пищей, помещенной в сосудах, поставленных в изголовье, здесь же остатки мясной пищи. На приступке в ногах, гораздо реже в головах, – череп и конечности овцы-козы. Погребенный ориентирован головой на запад с сезонными отклонениями. Умершие в могилах этого типа, как взрослые, так и дети, сопровождаются обычным инвентарем. Лишь два погребения могильника выделяются среди остальных. Это могила 40, в которой захоронен, по всей видимости, один из сельских старейшин, либо воин. В изголовье находились лощеный сероглиняный кувшин (рис. II, 2), деревянное, с серебряными скрепами-пластинами, блюдо (рис. II, 5, 6), на котором лежало мясо (баранина) и железный нож (рис. II, 3); здесь же костяной наконечник стрелы (рис. II, 4). В качестве атрибута социальной значимости умершего, на нем находился пояс с серебряными пряжкой, бляшками и концевым наконечником ремня (рис. II, 7-10).

По обряду, почти аналогичному описываемому, совершено погребение 43 этого же могильника. Отличает его от других захоронений на памятнике положенный в ногах младенец и наличие над погребенным черепа и конечностей овцы-козы, имитирующих обряд покрытия человека шкурой овцы-козы (рис. III, 1). В изголовье и рядом стояли сосуды: горшок и кубышка (рис. III, 3, 4), тут же, справа от черепа – железный нож (рис. III, 5). Среди памятников Зливкинского круга этому обряду аналогии нам не известны, но они есть в подкурганных захоронениях VII в.[14], этнографически и семантически описанных[15].

Третий тип (рис. IV, 1). Это погребения, для которых характерна могильная яма в форме вытянутого овала с нишей-подбоем в одной из узких стенок. Погребенный положен вытянуто, на спине, с руками вдоль тела, иногда кисти на тазе. Ноги вытянуты. Умерший сопровождается напутственной пищей, иногда в сосудах: один-два горшка или кубышка, размещенные в нише. В одном из погребений (п. 39) вместо пищи в нишу были положены череп и конечности овцы-козы, а сам умерший был захоронен без черепа (рис. IV, 1).

В *отдельный тип* выделены погребения в так называемых круглых или колоколовидных ямах. Иногда форма ямы подквадратная или в виде неправильного круга (рис. IV, 2). Погребенный лежит вытянуто на боку, скорчено, либо втиснут в яму. Трудно говорить о напутственной пище, так как в ямах много костей животных. Однако несомненно присутствие следов огненного ритуала. Это не только древесные угли, зола, но и следы действия огня. Захоронения данного типа широко известны в памятниках салтово-маяцкой культуры и отражают какой-то специфический обряд захоронения. Они известны как в могильниках, так и в слоях поселений, городищ, крепостей и городов. В последние годы такие погребения выявлены в курганных насыпях и в зоне курганных могильников. Сейчас трудно назвать какой-либо регион распространения памятников салтово-маяцкого облика, где бы не был зафиксирован данный обряд в разных его модификациях[16].

Завершая описание типов погребений языческой части Зливкинского могильника, необходимо указать на их широкое распространение в других регионах в могильниках этого варианта салтово-маяцкой культуры[17]. Так, погребения первого типа наиболее многочисленны на всей территории, занимаемой салтово-маяцкой культурой, как на могильниках, так и среди одиночных захоронений; широко представлены в могильниках городов (Саркел), городищ, „сельских" поселений. Погребения второго типа, в отличие от

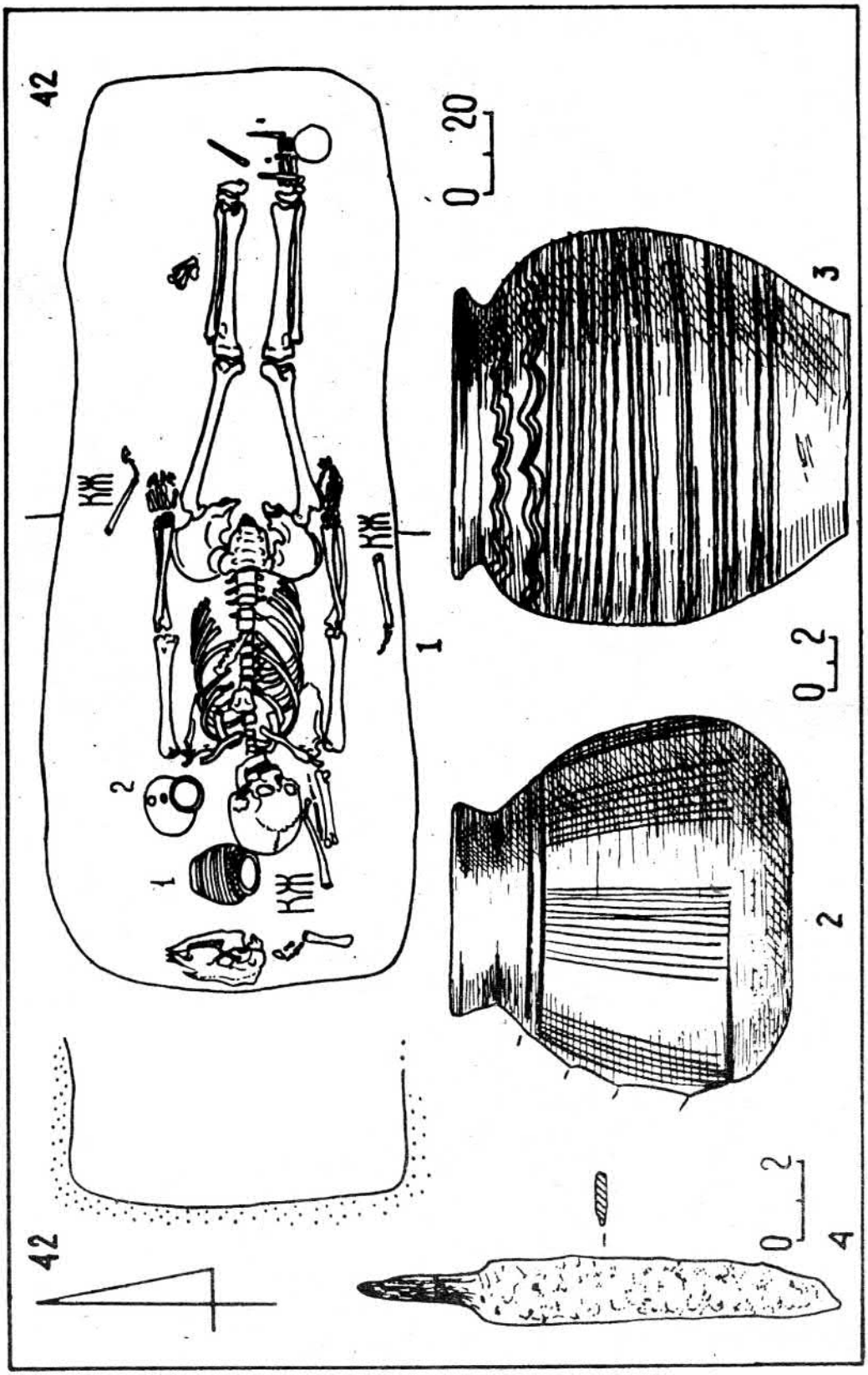


Рис. III. Погребение 43 Зливкинского могильника: 1 – план погребения; 2, 3 – сосуды, 4 – нож.

предыдущих, распространены очень редко. Пока район их нахождения можно с уверенностью ограничить бассейном Северского Донца. Но не исключено и наличие их на других территориях. Обычай положения в могилу черепа и конечностей овцы-козы уходит своими корнями в эпоху бронзы и известен у населения не только степной зоны Восточной Европы, но и Казахстана, Сибири. Погребения третьего типа очень редко встречаются в могильниках. Так, из 140 захоронений в могильнике Крымский, погребение данного типа – одно[18]. Есть они и в Поволжье[19], Подонцовье (Желтое, Ютановка)[20].

Как мы уже отмечали, погребения могильника II на Зливках, в отличие от погребений могильника I, располагались рядами, идущими, по-видимому, с юга на север (не исключено и обратное (рис. V)). Умерших хоронили в гробах; как и в языческом могильнике, здесь найдены не только остатки древесных конструкций, но и гвозди. К сожалению, они прослежены редко, но о наличии гробов можно говорить с уверенностью. Необходимо отметить отсутствие случаев перекрытия одного погребения другим, что свидетельствует о возможных наземных сооружениях или знаках. Умершие лежат на спине, вытянуто, руки на животе, груди или тазе (рис. VI, 1–4). Инвентарь, характерный для погребений языческого могильника, отсутствует. Сохранились единичные могилы, где зафиксированы остатки одежды (погребения 5 и 25) и, редко, украшения в виде стеклянных, пастовых рифленых бус. В двух могилах найдены амулеты и серьги. Как следы языческих традиций можно отметить наличие в заполнении ям древесных углей, в двух случаях – костей животных. Параллели обряда, расположение могил рядами, ориентация скелетов на запад, позиция рук – дают возможность считать эти погребения христианскими. К числу дополнительных факторов можно отнести наличие аппликаций в виде крестов на остатках ткани в погребении 5.

Для полноты характеристики памятника необходимо остановиться еще на двух погребениях. Одно из них – погребение 46, в подпрямоугольной в плане ямы с прямыми стенками. Дно, начиная с середины, под наклоном, подымается вверх. Погребенный лежит так, что ноги находятся значительно выше головы, а пятки упираются в узкую стенку ямы. Перепад в уровне дна достигает 0,5 м. Создается впечатление, что умерший помещен в наклонный дромос катакомбы без камеры, либо в дромос неиспользованной или недокопанной катакомбы[21]. Тенденция повышения дна известна и по другим могильникам[22], а в Крымском отмечена у 38 из 140 погребений[23]. Истоки этого обряда не ясны, можно лишь указать на его более ранние параллели[24].

О другом комплексе правильнее было бы говорить не как о захоронении, а как о закладной жертве (?) или ритуальном погребении ребенка. Как мы уже упоминали, в 1968 году, в поиске материалов эпохи бронзы, Т. А. Шаповалов закладывает раскоп-траншею на памятнике и вскрывает остатки полуземлянки с печью. Под ней и было исследовано захоронение ребенка рядом с двуручной красноглиняной рифленой амфорой[25]. Территория поселения, а не могильника; наличие полуземлянки с печью, перекрывающей скелет ребенка с амфорой – дают возможность предполагать, что в данном случае мы фиксируем обряд закладной жертвы. Вместе с тем нельзя исключать и возможность сочетания этого обряда с захоронением ребенка в жилище, известного как этнографически, так и семантически[26].

В 1985–1986 годах мы попытались проследить – соединяются ли между собой могильники I и II. К сожалению, исследования не были завершены, так как экспедицию заставили покинуть место работ. Однако даже то, что успели сделать, показало: могильник I продолжается к востоку, и, возможно, могильник II является его продолжением, а не самостоятельным могильником. В пользу этого предположения свидетельствуют погребения 44–48, исследованные на участке между могильниками.

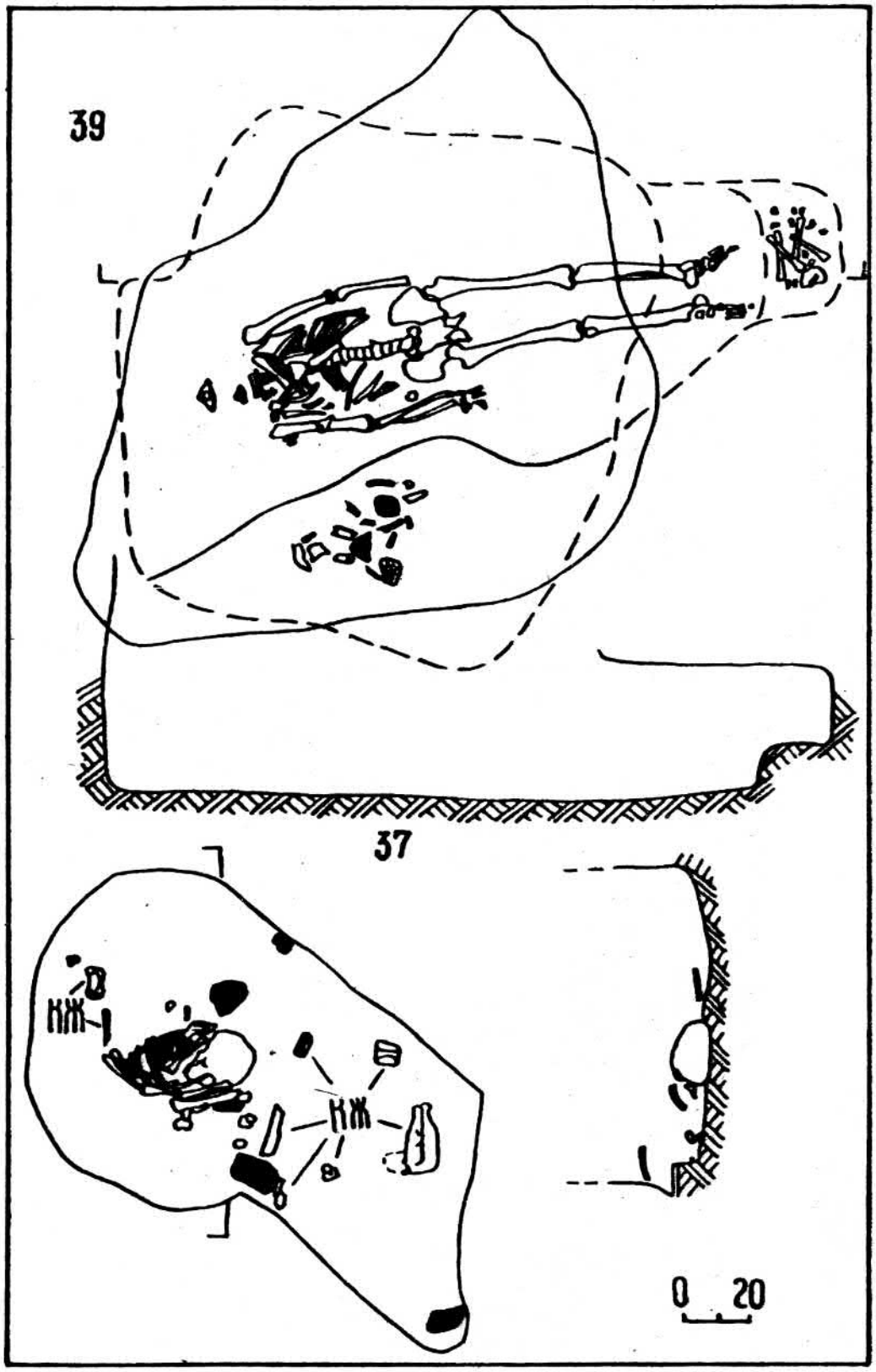


Рис. IV. Погребения 3-го и 4-го типов: 1 – погребение 39; 2 – погребение 37.

Время функционирования языческого могильника, раскопанного В. А. Городцовым было определено сразу же после его исследования в пределах IX–X вв.[27] по аналогии с Верхне-Салтовским. Уточнить дату и удревнить время помогло наличие ½ дирхема VIII века во рту погребенного из могилы 31 (определение монеты проф. Трутовского). Исследование могильника в 1982–1986 гг. позволило сделать вывод о росте могильника с запада на восток. Об этом говорит как распределение погребений, так и наличие позднего христианского могильника восточнее языческого. Интересно отметить следующее: В А. Городцов почти всегда закладывал траншеи с севера на юг[28], двигаясь с запада на восток. Это определяется как из его описаний, так и по открытым нами и С. А. Плетневой городцовским траншеям. Из этого следует, что погребение 31 находилось если не в центре могильника, то северо-восточнее его. Тогда погребения 40–43, исследованные в 1984 году, можно считать более ранними по отношению к остальным. Не противоречит этому и помещение в могилу черепа и конечностей овцы-козы, столь характерное для памятников Аспаруховской эпохи[29].

Как мы уже отмечали, христианский могильник Зливок значительно моложе языческого. О его дате, по мнению А. К. Елкиной, могут говорить находки ткани в погребениях 5 и 25. Это два шитых золотом воротника-ожерелья, шириной 35 см. Один из синего, другой из червчато-красного шелка византийского происхождения XI-XII вв. Нити прядного золота, которыми выполнена вышивка, также являются византийским экспертом XI-XII вв.[30] (рис. VI, 5).

К сожалению, не дают узкой даты найденные в погребениях бусы и серьги. В слое могильника, в северо-восточном секторе, найдена кашинная вставка от перстня. Увязать эту находку с каким-то конкретным погребением не представляется возможным. Но существование на памятнике населения в XIII–XIV вв. подтверждается найденными здесь фрагментами чугунных котлов золотоордынского времени[31].

Предварительный антропологический анализ погребений христианской части могильника показал наличие здесь черепов, адекватных языческим. По мнению Т. С. Кондукторовой, возможно преобладание мезобрахикранных черепов женских погребений над мужскими. И что самое главное – наличие здесь ритуальной трепанации черепов, столь характерной для могильников зливкинского типа.

Подводя итог краткому анализу могильника „Зливки" у озера Чернецкого, можно сделать следующие выводы:

1. В отличие от существующего в литературе мнения, что обряд „зливкинцев" очень прост и абсолютно одинаков для всех захороненных, считаем возможным указать на его неоднородность и сложность. Это нашло отражение как в разной форме конструкций могильных ям, так и в обряде помещения в могилу костей животных не только в качестве заупокойной пищи, но и с ритуальными целями.

Неоднородность погребальной традиции и элементы обряда, имеющие параллели в ранних памятниках кочевого населения степей Восточной Европы, отражают этническую неоднородность населения, оставившего данный могильник, как и всей культуры в целом.

2. Анализ материалов раскопок памятника еще раз подтверждает, что могильник был оставлен небольшой группой жителей периферийного сельского поселения.

3. Расположенный к западу от одновременного поселения, могильник функционировал, по-видимому, с VIII по XIII вв., первоначально как языческий, затем как христианский.

4. Наличие на поселении сооружении не только VIII–X вв., но и последующих – XI–XIII вв. подтверждается также продолжением традиций в керамическом комплексе (см. рис.).

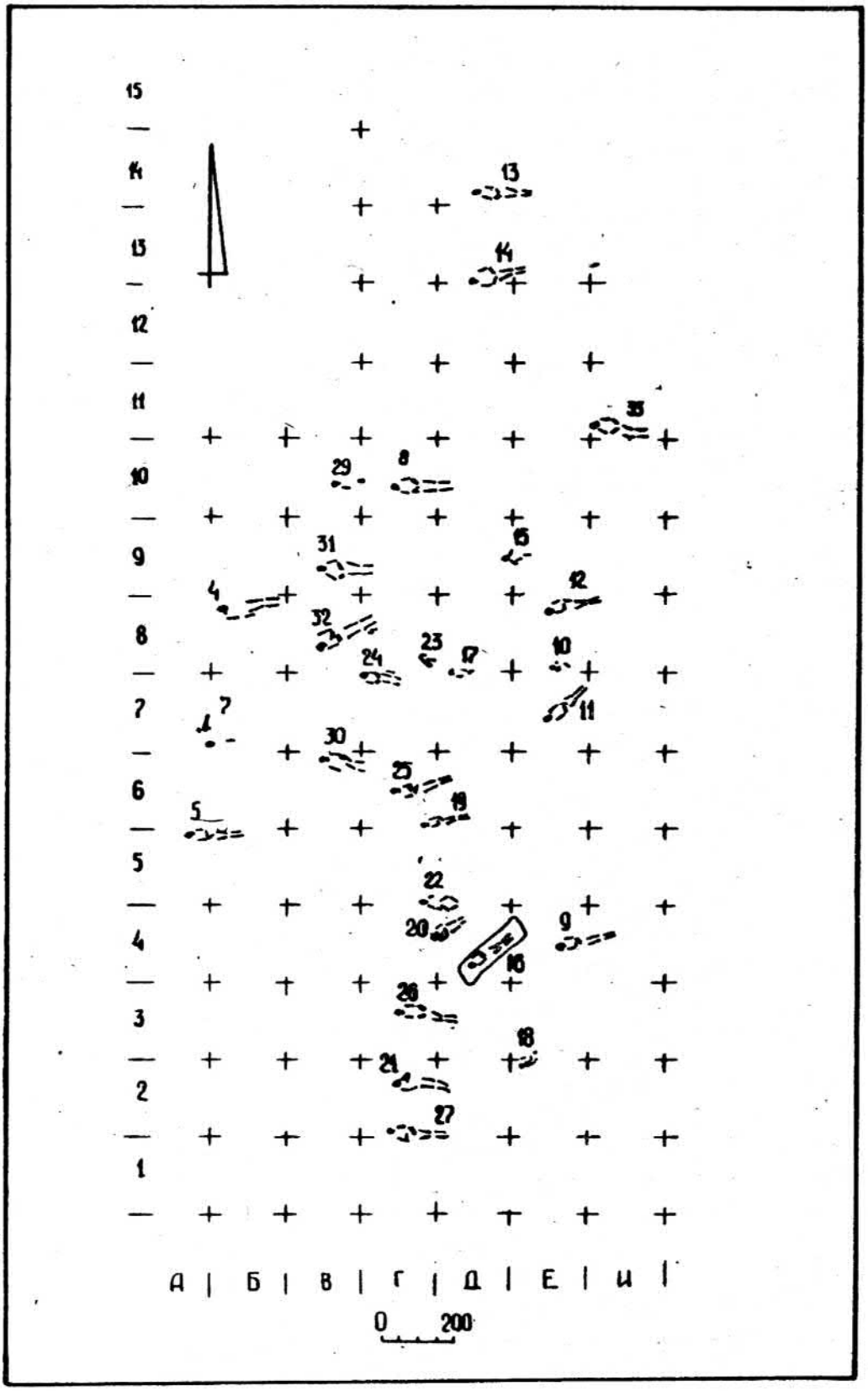


Рис. V. План христианского могильника.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Городцов, В. А.* Материалы археологических исследований на берегах Донца Изюмского уезда Харьковской губернии. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губ. 1901 г. //То. XII АС. Т. 1. М., 1905.
2. *Готье, Ю. В.* Железный век в Восточной Европе. – М. – Л., 1330, С. 62.
3. *Готье, Ю. В.* Кто были обитатели Верхнего Салтова. //Изв. ГАИМК. Т. V. – Л., 1927, 70-71.
4. *Сибилев, Н. В.* Древности Изюмщины. Вып. II. Изюм, 1926.
5. *Наджимов, К. Н*. О черепах Зливкинского могильника. //КСИЭ, вып. XXIV. М., 1955.
6. *Годорцов, В. А*. Бытовая археология. М., 1910.
7. *Шрамко, Б. А*. Кераміка салтівської культури. //Тр. історичного факультету Харківського університету. Т. 7. 1959. 259.
8. *Плетнева, С. А*. Отчет о работе Северо-Донецкого отряда Советско-Болгарской экспедиции в 1956 г.//Архив ИА АН СССР, ф. I, 1957/ 1446.
9. *Шаповалов, Т. А*. Отчет о раскопках у с. Ильичевка на Северском Донце в 1968 г. //Архив музея археологии Донецкого госуниверситета; Архив ИА АН УССР, ф.е. 5802, ф.е. 7078, 709.
10. Перед новыми полевыми работами нами была предпринята еще одна попытка поиска в архивах и фондах музеев страны материалов раскопок В. А. Городцова. В архиве ГИМа по нашей просьбе был сфотографирован „Альбом полевых зарисовок В. А. Городцова", где найдены чертежи-схемы погребений могильника (рис. 1, 2, 3). Позднее, С. А. Плетневой нам были переданы три фотографии сосудов из могильника, хранившихся ранее в архиве М. И. Артамонова.
11. *Швецов, М. Л*. Работы на Зливкинском могильнике. //АО – 1982. М., 1983. 241–242.
12. При доследовании памятника были выявлены погребения ранее исследованные В. А. Городцовым, при этом установлено, что часть могильных ям не добрана: сохранились не только конструктивные особенности, но и остатки жертвенных животных, инвентарь. В том случае, где это удалось зафиксировать, мы внесли погребения в соответствующие типы.
13. Эту деталь обряда, а также наличие гвоздей и древесных остатков зафиксировал еще В. А. Городцов – Результаты..., 212–215.
14. *Швецов, М. Л*. Подкурганные захоронения Хазарской эпохи. Донецк, 1985.
15. *Фрезер, Д*. Золотая ветвь. М., 1980; Фольклор в Вехтом Завете. М., 1986. 228–245. В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. 204–214. Литература по данному вопросу очень широка.
16. *Милютин, А. И*. Раскопки в 1906 г. на Маяцком городище. //ИАК, вып. 24. СПб., 1907. с. 157.; О. А. Артамонова. Могильник Саркела – Белой Вежи. // МИА № 109. М., Л., 1963. 11-25.; И. Г. Хынку. Кэпрэрия – памятник культуры X–XII вв. Кишинев, 1973. 42–43.
17. *Плетнева, С. А*. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья.//Сб. Плиска–Преслав, София 1981. 9-10.
18. *Савченко, Е. И*. Крымский могильник. Археологические открытия на новостройках. М., 1986. Вып. 1. с. 78, рис. 3, 11–14.
19. *Генинг, В. Ф., Халиков, А. Х*. Ранние болгары на Волге. М., 1964. с. 78, рис. 4 и далее.
20. *Николаенко, А. Г*. Отчет об археологических разведках в Волоконовском районе Белгородской области. //Архив ИА АН СССР, Р–1, 5724, с. 82, рис. 82; с. 45, рис. 119.
21. *Плетнева, С. А*. От кочевий к городам. //МИ А № 142, с. 94; Она же. Об этнической неоднородности населения северо-западного Хазарского пограничья. //Новое в археологии.

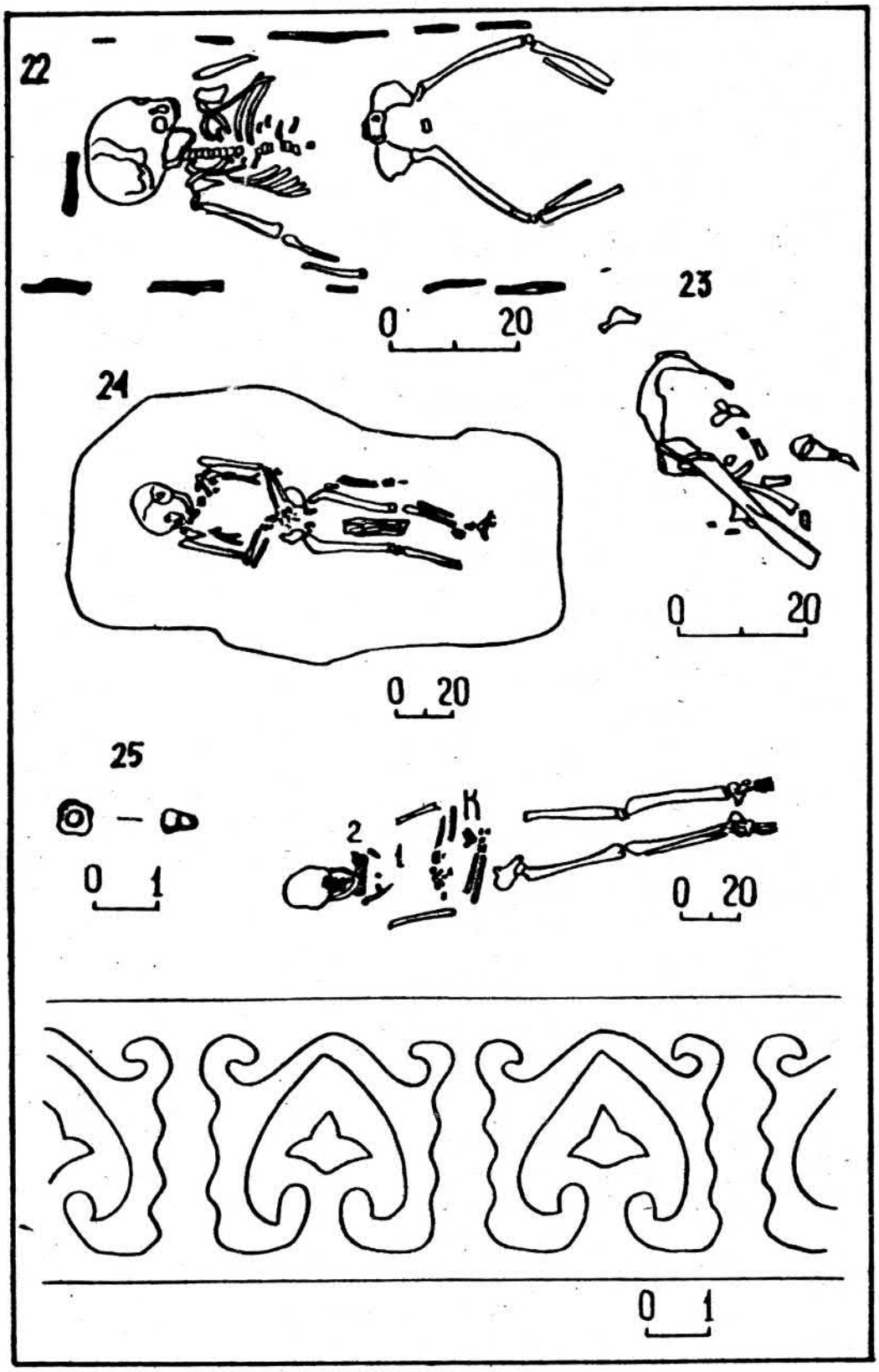


Рис. VI. Погребения христианского могильника: 1-4 – погребения по христианскому обряду; 5-6 – бусина и рисунок на византийской ткани из погребения 25.

К., 1972; В. С. Флеров. Маяцкий могильник. //Маяцкое городище. М., 1984, с. 143, рис. 1, 4.
22. *Плетнева, С. А.* Дмитриевский могильник, погр. 127.
23. *Савченко, Е. И.* Крымский могильник..., с. 74.
24. *Шапошникова, О. Г.* Отчет о работе Ингульской экспедиции ИА АН УССР в 1973 г. – Архив ИА АН УССР, ф.е. 6782, с. 32–33.
25. *Шаповалов, Т. А.* Отчет о раскопках у с. Ильичевка..., с. 29.
26. *Байбурин, А. К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983, с. 138.
27. *Городцов, В. А.* Материалы археологических исследований..., с. 212–213.; Ю. В. Готье. Железный век..., с. 62.
28. *Плетнева, С. А.* Отчет о работе... в 1956 г.
29. *Айбабин, А. И.* Погребение хазарского воина. //СА, 1985, № 3.; М. Л. Швецов. Новые данные о проболгарах //Материалы конференции, посвященной 1300-летию Болгарии. Донецк, 1981, с. 16.
30. *Елкина, А. К.* Древний текст в находках Донецкой археологической экспедиции. // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Тезисы докл. Донецк, 1989, с. 170–171.
31. *Швецов, М. Л., Кравченко, Э. Е.* О находках чугунных котлов золотоордынского времени к западу от Дона. Ростов-на-Дону, 1986.

Т.К. Ходжайов, М.Л. Швецов

АРХЕОЛОГО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МАЯК XIII–XIV вв.*

Золотоордынская эпоха в степях Восточной Европы насыщена большими историческими изменениями и характеризуется, по мнению специалистов, значительной подвижностью и сменой населения. Не исключают в этом отношении и Подонцовье. Анализ позднекочевнического материала из курганов данного региона подтверждает это (Е. А. Шепель). В то же время материалы городищ дают более сложную картину.

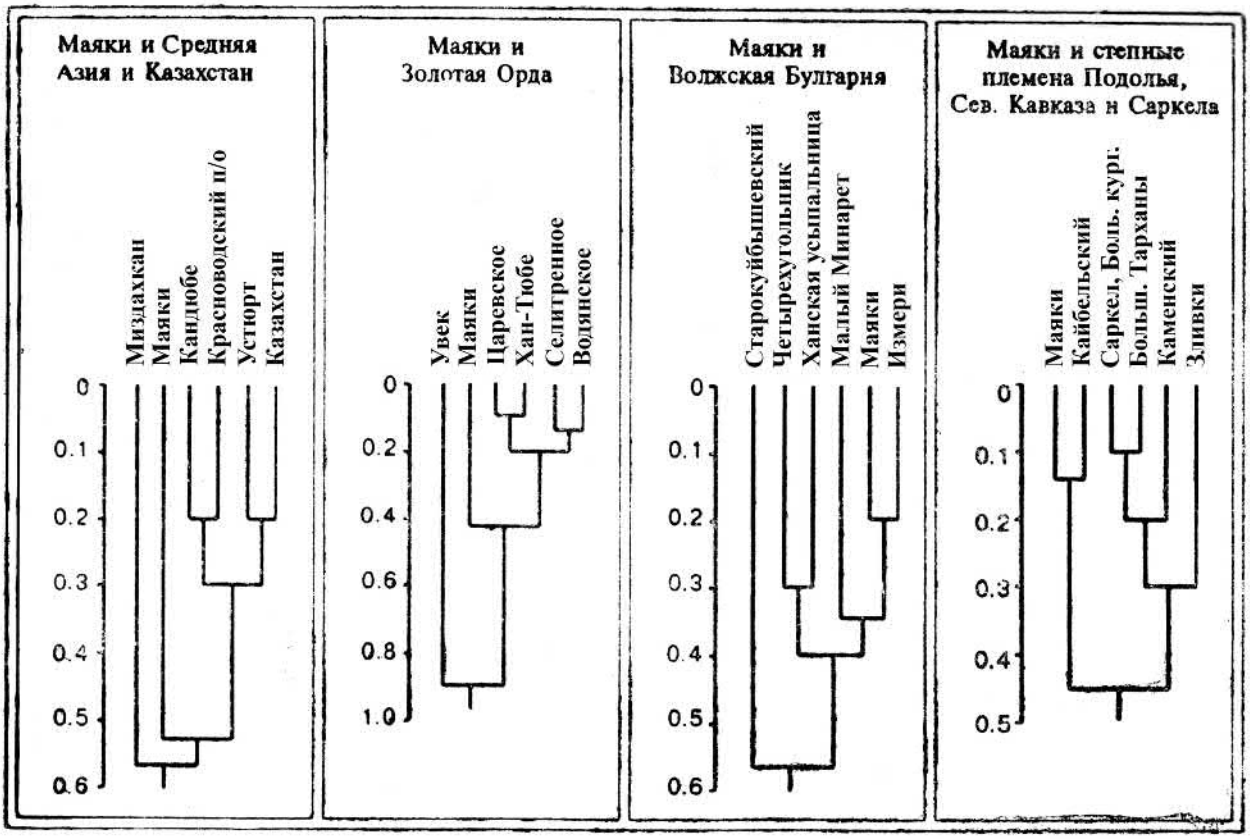
Проведенные археологические исследования, на одном из крупнейших памятников на Донце – Царино городище у с. Маяки, показали присутствие западных и значительных восточных элементов в материальной и духовной культуре населения, жившего здесь XIII–XIV вв. В числе их можно назвать: кальян, поливную и кашинную керамику, чугунные изделия (котлы, гири, астрогалы), наличие в жилищах кан и суф, выложенных из кирпича, тандыров.

Одним из важнейших проявлений элементов восточной духовной культуры, является наличие на памятнике мусульманского могильника. Указанное выше ставило необходимость проверки на антропологическом материале фактора проникновения населения восточных регионов (Казахстан, Средняя Азия) на указанную территорию. Для анализа были взяты материалы раскопок мусульманского могильника, исследованного на памятнике в 1988–1989 гг.

Анализируемая краниологическая серия из городища Маяки датируется XIII–XIV вв. и состоит из 14 мужских и 17 женских черепов. Краниологический тип жителей Маяков характеризуется брахикранией; средневысокой черепной коробкой с небольшим продольным и большим поперечным диаметрами и среднешироким лбом. Лицо ортогнатное, среднеширокое, невысокое, умеренно профилированное в горизонтальной плоскости, со среднешироким и довольно сильно выступающим носом, средневысоким переносьем, невысокими глазницами. Серия в целом может быть охарактеризована как европеоидная, однако некоторая уплощенность лица в сочетании с комплексом других признаков свидетельствует о неоднородности серии по антропологическому составу и о наличии монголоидной примеси.

Для выявления гетерогенности популяции весь материал был разделен на отдельные группы соответственно типу захоронения. На могильнике выделяются три типа захоронений: I тип – простая яма, II – яма с заплечиками и III – яма с подбоем. Прежде, чем перейти к изучению антропологического материала путем группировки по типу захоронений, приведем некоторые выявленные нами закономерности социального характера. Взрослых хоронили в ямах с заплечиками (тип II) и в простых ямах (тип I), а детей – в ямах с подбоем (тип III). Это статистически достоверно на высоком уровне (d. f. = 3,$P_{0.05}$ = 7,81, $P_{0.01}$ = 11.34, χ^2 = 18.04). Связь пола и типа захоронения статистически недостоверна (d. f. = 2,$P_{0.05}$ = 5.99, $P_{0.01}$ = 9.21, χ^2 = 5.16). Никакой связи положения костяка с полом не выявлено

* Опубликовано: Ходжайов Т.К., Швецов М.Л. Археолого-антропологические исследования Маяк XIII-XIV вв. // Степи Восточной Европы во взаимодействии Востока и Запада в средневековье. Международный научный семинар. Тезисы докладов. – Донецк. 1992. С. 74-78.



(d. f. = 2,$P_{0.05}$ = 5.99, $P_{0.01}$ = 9.21, χ^2 = 2.67). Также нет системной связи положения костяка с возрастом погребенного (d. t. = 2,$P_{0.05}$, = 5.99, $P_{0.01}$ = 9.21, χ^2 = 0.96). Выявлена достоверная, на уровне ($P_{0.01}$) связь типов захоронения с положением скелета. Второй тип погребений (яма с заплечиками) очень тесно сопряжен с положением костяка на правом боку лицом к югу, т. е. мусульмане хоронили умерших в ямах с заплечиками (тип II). Язычники (?) лежат на спине лицом вверх, они захоронены одинаково как в простых ямах без заплечиков, так и в ямах с подбоем.

Группировка антропологического материала по типу захоронений показала, что все группы европеоидного облика, и во всех представлена известная доля монголоидного элемента; существенных различий между ними не выявлено, хотя индекс уплощенности лица увеличивается от II типа захоронений (44.6) к I (46.5) и III (52.7). Итак, люди, захороненные в ямах с подбоем, отличались более выраженными монголоидными особенностями. Кроме того, черепа I и III типов крупные, сравнительно широколицые со средней горизонтальной профилировкой и средневыступающим носом; они отличаются от некрупных, среднелицых черепов с сильно выступающим носом II типа.

В качестве сравнительного материала привлечен ряд синхронных серий: а) городское и сельское население Волжской Булгарии (г. Булгар – «Четырехугольник» X–XIII вв., «Малый Минарет» X–XV вв., «Ханская усыпальница» XIV–XV вв., Измери XI–XIII вв. и I Старокуйбышевский XIII–XV вв.; б) городское мусульманское население Золотой Орды XIV–XV вв. (Селитренное, Водянское, Царевское, Увек, Хан-Тюбе); в) городское и кочевое население Средней Азии и Казахстана (Миздахкан XIII–XIV вв., Кандюбе XII в., Красноводский полуостров XV–XVI вв., Устюрт XIII в., Казахстан XIII–XIV вв.), а также краниологические серии более раннего времени из степных районов Поволжья, Подонья, Поднепровья, Подонцовья (Кайбельский могильник VIII–IX вв., Большетарханский

могильник VIII–IX вв., Саркел, Большие курганы X–XI вв., Каменский могильник X–XII вв., Зливки VIII– IX вв.).

Не вдаваясь в подробности, отметим, что население городища Маяки оказалось наиболее близким к сельскому населению Волжской Булгарин – Измери и городскому населению г. Булгар, захороненному в Малом Минарете (рис.). Люди, погребенные в I Старокуйбышевском, значительно отличаются от всех других серий Волжской Булгарии. Жители Четырехугольника и Ханской усыпальницы из г. Булгар, близкие между собой, также отличаются от всех сравниваемых серий.

Межгрупповой анализ серий из Маяков и Золотой Орды показывает, что черепа из Увека значительно отличаются не только от черепов из Маяков, но и от всех серий Золотой Орды. Что касается остальных серий, то, видимо, имеется слабая генетическая связь между ними и Маяками. В целом, можно констатировать, что население Маяков менее всего связано с населением Золотой Орды.

Сопоставление черепов из Маяков с черепами из городских некрополей и кочевнических погребальных сооружений Средней Азии и Казахстана, вопреки ожидаемой тесной генетической связи между ними, дало совершенно обратную картину. Население Маяков значительно отличается как от городского так и кочевого и полукочевого населения Средней Азии и Казахстана. Видимо, тюркоязычные племена, двинувшиеся в западном направлении, попав в иную этническую и расовую среду включаются в тесные контакты с местным населением и начинают заметно отличаться от своих соплеменников, живших на востоке. По крайней мере, в Маяках и видимо, в других могильниках мы не встречаем преобладания комплекса признаков, известного как центрально-азиатский или по крайней мере, южносибирский, который превалирует в Казахстане и в северных степных районах Средней Азии. Не исключено, что в состав кочевых половецких или иных кочевых групп южнорусских степей включился какой-то грацильный, низколицый тип с ослабленной монголоидностью – представители уральской расы.

И, в заключении, черепа из Маяков сопоставлены с несколькими хронологически ранними сериями степных племен Подонья, Северного Кавказа и Саркела. Наиболее близкими оказались черепа из Кайбельского могильника Волжской Булгарии.

Весь ход анализа антропологического материала указывает на этногенетические связи населения Маяков с более ранним и синхронным населением Волжской Булгарии. Антропологическое изучение черепов из Маяков только начато. Многие предположения требуют уточнения и дальнейших исследований.

М.Л. Швецов

СТЕПИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ ВОСТОКА И ЗАПАДА В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ*

Предлагаемая конференция была задумана нами, как первый этап создания международного семинара по проблемам истории Степи в эпоху Средневековья. Причиной организации данного семинара стала необходимость обсуждения ряда вопросов по истории, этногенезу, мировоззрению и искусству народов Великого пояса степей. Изменения, прошедшие в последние годы в стране, резко увеличили рост национального самосознания, обусловив повышенный интерес к истории народов ее населявших. Ответа на интересующие специалистов и не специалистов вопросы в имеющихся работах, увы не достаточно. Причинами, по-видимому, можно считать устарение ряда старых концепций по истории, этногенезу, мировоззрению тюркоязычных народов, пересмотр источниковедческой и историографической базы по данной тематике, на основе новых и ранее изданных работ зарубежных и «запрещенных» авторов. Изменение концепций подхода к историческим источникам. Немаловажное значение имеет большой рост опубликованных и неопубликованных археологических источников и улучшение в последние годы методики их исследования.

Весь круг, имеющихся для рассмотрения вопросов, можно предварительно расчленить на пять частей, отражающих хронологические этапы, связанные между собой.

С появлением гуннов в Восточной Европе, многие исследователи связывают вытеснение ранее населявших степи ираноязычные племена, пытаясь четко разграничить памятники тех и других. Однако необходимо учитывать, что со II в. н. э., заняв степи Казахстана, гунно-тюрки ассимилировали проживавшее здесь ранее ираноязычное и угроязычное население. С этого времени письменные источники фиксируют гуннов в Прикаспии. Лакуна в письменных источниках об этом, со II по IV века, по мнению А. П. Новосельцева, объясняется борьбой гуннов с аланами. По-видимому, с III века в Восточную Европу начинает просачиваться ассимилированное хуннами казахстанское население, близкое ираноязычным племенам Поволжья-Подонья. Тогда же наблюдается появление восточных элементов и некоторые изменения в материальной культуре кочевого населения Восточной Европы (Гугуев, Безуглов). Приведенное выше, подразумевает наличие двух этапов в движении гуннов в Причерноморье, ранний с элементами диффузии с III века и экспансия с IV века.

Следы «страшного разгрома и опустошения» известные нам по письменным источникам, связываемые с движением Гуннской Орды, коснулись в основном городских центров и торговых факторий. Кочевое же население, по-видимому, и часть оседлого, пострадало меньше, подчинившись завоевателям, влилось в поток, устремленный на Запад. В то же время, полученные в последние годы материалы раскопок, указывают на продолжение функционирования не только малых, но и больших поселений в Нижнем Подонье и существование в степи населения, оставившего древности IV–V веков, «отличающихся от

* Опубликовано: Швецов М.Л. Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в Средневековье // Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в средневековье. Международный научный семинар. Тезисы докладов. – Донецк. 1992. С. 93-98.

так называемых памятников «Эпохи Великого переселения» этнически сопоставимых с аланами-танаитами». Не исключается возможность второго источника проникновения оседлого населения с северо-запада в Подонье, отражающего, по мнению С. Безуглова, «соседство с приазовскими герулами или крайними пределами экспансии остготов».

В последние годы, нами в Подонцовье и Приазовье, были выявлены и частично изучены памятники III–VII веков, отражающие проникновение с северо-запада в степь оседлого населения с материальной культурой Пеньковского облика. Наличие долговременных поселений и культовых комплексов может говорить об их длительном существовании, не исключая, однако, возможность кратких временных разрывов. Проникновение указанных памятников на юг и юго-восток отражает этнополитическую обстановку в степях Причерноморья и согласуется как по времени, так и по масштабам с аналогичными движениями в Степном Поднепровье. В связи с указанным, возникает ряд вопросов, связанных с классификацией рассматриваемых памятников, выявление их ареала, определение уровня связей и взаимовлияния.

В VI–VII веках, наблюдается не только постоянное перемещение племен в Степи, но и их этническая пестрота. К этому времени «над иранским этносом преобладают угорский и тюркский; верх в тесных контактах которых берет последний» (А. Новосельцев). Приток восточного населения не только продолжается, но и расширяется, что фиксируется письменными источниками. Тогда как с запада (северо-запада) движение сильно уменьшается и сокращается, но не угасает, на что указывают археологические материалы и подтверждают продолжение функционирования и расширение числа поселений пеньковского облика.

В этот период в степном междуречье Волги – Днепра происходит формирование двух больших этнических группировок, ставших в VII веке государственными объединениями, несущих в своей культуре традиции как смешанного населения, пришедшего из степей Приуралья и Казахстана, так и тюркского, иранского и угорского этносов. К сожалению, затруднительна попытка четкого выделения уровня этих слагаемых. До конца не ясно формируются ли эти объединения на родственной основе, или это объединения групп населения по родству занятий (военная организация). По- видимому, в обоих случаях в их мировоззрении преобладает «культурно-религиозный синтез». Результатом этого синтеза можно считать появление в погребальном обряде кочевого населения степей Восточной Европы, модификаций положения коня в могиле, совмещающее иранские и тюркские традиции; принесение с Востока обычая класть в могилу чучела или тушки овцы – козы.

На смену культовым сооружениям ираноязычного населения (Шевченко) приходят святилища с изваяниями (Авангард, Грузкое) характерные для Монголии, Тувы, Казахстана. Тогда же (в VI–VII веках) в Причерноморье возникает обычай воздвигать комплексы культовых сооружений, совмещающие в себе традиции в изображении тюркского и среднеазиатского пантеонов (Пикузы, Черноморское, Земляное, Михайловка).

Известное по письменным источникам включение данного региона в состав Тюркского каганата, говорит о возможности проникновения в Причерноморье тюрок – носителей самой культуры, или чисто политического подчинения данных земель и появление в Степи элементов материальной и духовной культуры населения каганата. В свете этого большой интерес представляют не только единичные находки (стремена, упряжь, оружие), но и появление могильников с захоронениями по обряду кремации с набором и типами инвентаря, имеющим полные аналогии в памятниках Тувы, Алтая, Сибири этого же периода.

Формирование и становление двух государственных объединений Великой Болгарии и Хазарского каганата, должно было найти отражение в материальной культуре населения, входившего в их состав. Если древнейший центр Хазарии находился в Восточном Пред-

кавказье-Прикаспии, то Болгарии – в Западном, включая Прикубанье-Подонье. Именно в этих регионах и должно быть возможным вычленение наиболее ранних памятников указанных этносов. На сегодняшний день можно уверенно говорить о выделении проболгарских памятников в эпоху подчинения их Хазарии и гибели Каганата (памятники Зливкинского типа) и лишь частично наметить круг материалов, связанных с периодом борьбы за гегемонию в Степи. Нами была сделана попытка указать на отдельные признаки в погребальном обряде Зливкинцев, имеющих свои корни в подкурганных захоронениях VI–VII веков, отметив их как одно из слагаемых проболгарского этноса (Швецов 1985, 1986).

Интенсивные полевые исследования последних лет дали новый богатейший материал по хазарским древностям. В Поволжье, Подонье и Причерноморье выделен ряд подкурганных погребений, относимых некоторыми специалистами к хазарам (Клейн, Плетнева, Копылов, Ильюков и др.). Иного мнения придерживается А. Айбабин, связывая с хазарами погребения типа Ясиновки, Портовое, Аджигол и др. По-видимому, в данном случае, правильней говорить о разных хронологических этапах погребального обряда одного этноса. В то же время в степи, в хазарскую эпоху, намечается широкий диапазон обрядов как подкурганных, проболгарского типа, так и погребений населения входящего в состав Хазарского каганата (Швецов 1985, 1987).

Разгром Святославом Хазарии и вторжение печенегов, по мнению многих специалистов, стало причиной гибели салтово-маяцкой культуры в X веке. Несомненно, данный исторический факт нашел отражение в материалах этой культуры в виде следов разгрома на поселениях и городищах. Работы последних лет в Подонцовье поставили под сомнение факт полного уничтожения жизни на этих поселениях в X веке. На основе раскопок маленьких сельских поселений типа Зливок и больших городищ: Маяки, Сидорово, установлен факт их существования до XIV века, а в некоторых случаях и расширение площадей заселения и увеличение числа жителей (Маяки). Данные материалы находят подтверждение и на других территориях (Подонье, Поднепровье), где в степи, выявлены памятники со следами непрерывного их существования с VII до XIII века. Приток населения в Подонцовье происходил не только за счет оседания кочевников, но и появления в данном регионе жителей северо-западных и северных территорий (Швецов, Елкина 1989). Не исключено, что именно они и принесли на берега Сев. Донца христианство, о чем свидетельствуют: христианский могильник XI–XIII веков на Зливках, христианские погребения на поселении Ильичевка. В то же время, нельзя отрицать появление христианства в Подонцовье, принесенное из Крыма или Кавказа. О факте наличия которого, здесь, упоминают для XI века древнерусские летописи.

Проникновение в степи Восточной Европы кимако-кипчакских племен, нашедшее отражение в письменных источниках, подтверждается не только материалами подкурганных захоронений, но и наличием памятников монументального изобразительного искусства (Веселовский, Плетнева, Федоров-Давыдов). Открытие комплексов половецких святилищ (Швецов) позволило еще раз обратиться к этому виду уникальных источников и на основе полученных новых материалов выделить несколько новых типов святилищ с деревянными и каменными изваяниями (Гуркин). Открытие в 50-х годах миниатюрного изваяния в Поволжье было началом выявления нового типа памятников искусства поздних кочевников. Осмотр хранилищ и экспозиции музеев Поволжья, Подонья и Поднепровья позволил нам выявить в них не только миниатюрные аналогии «каменным изваяниям» (Днепропетровский, Запорожский и Саратовский музеи), но и их металлические аналогии (Саратов). Данные материалы еще раз подтверждают факт существования у половцев (?) домашних алтарей и своеобразного культа.

Нестабильность во взаимоотношениях Киевской Руси и кочевников, специфика хозяйственного уклада окраинных земель, привела как нам представляется, к формированию своеобразных буферных зон между Древнерусским государством и Степью. В материальной культуре рассматриваемых зон нашло отражение совмещение как кочевого, так и оседлого образа жизни, этническая пестрота, веротерпимость, наличие небольших ремесленных «центров».

В качестве примера иллюстрирующего данный тезис можно рассматривать Подонцовье, где нашли отражение все указанные черты. На базе существующих ранее городищ формируются своеобразные города-«вежи», упоминаемые русскими летописями, заселенные как христианами, так и язычниками. В данном регионе и складывается, по-видимому, то специфическое этнически смешанное население, давшее основу протоказачеству.

Перечисленное выше не является всеобъемлющим перечнем проблем, требующих специального и отдельного рассмотрения. Еще существуют десятки, а возможно и сотни вопросов, ждущих своего решения и мы далеки от мысли изложить их все сразу. Вот еще почему и необходима была эта конференция.

М.Л. Швецов

О ГОЛОВНОМ УБОРЕ ПОЛОВЧАНКИ*

С привлечением обширного этнографического и археологического материалов рассматриваются типы женских головных уборов средневековых кочевников-половцев.

Своеобразие и сложность головного убора женщин половецкой эпохи в степях Восточной Европы представляют живейший интерес не только для специалистов археологов и этнографов. Являясь элементом женского национального костюма, наряду с другими проявлениями материальной культуры, он предстает как важный исторический источник. Несомненно, поэтому ему и уделялось внимание, как при публикации отдельных памятников [1. С.223; 2. С.21-23; 3. С.47-50; 4. С.95; 5], так и в обобщающих работах [6. С. 170-171; 7; 8. С.41; 9; 10. С.37]. Однако наибольший акцент при этом делался на одну из ярких его деталей** – «рога» – «дугообразные полукруги из серебряных полуколец «обрамляющих лицо» и являющихся «типично кочевническим предметом» [6. С.171], «изготовляемым самими кочевниками» [6. С. 190]. Тождество, рассматриваемых украшений из погребений поздних кочевников с аналогичными украшениями, изображенными на половецких каменных статуях, позволило высказать идею о принадлежности их половцам [10; 3; 5; 4; 9]. Однако С.А. Плетнева считает, что «распространение большинства вещей... не было принадлежностью какого-то определенного народа, а употреблялось всеми кочевниками, являясь порождением своеобразной «моды». Особенно ярким примером этой «моды» были серебряные полукольца на валиках головных уборов» [6. С.179]. Вопрос о времени распространения этих украшений специально не рассматривался, но рамки их бытования, по мнению автора, укладываются в XII – первую половину XIII в. [10; 8; 3; 4; 5; 9].

Оригинальная форма своеобразных украшений головного убора или прически в виде «рогов» явно имела определенный магический смысл, что было отмечено С.А. Плетневой. Ею же было найдено удачное этнографическое объяснение, указывающее на связь данного убора с символикой барана и девушки-невесты [6. С.211].

Завершая краткий обзор историографии темы, необходимо указать, что при имеющемся круге источников были решены вопросы территориального распространения изображений «рогов» на каменных изваяниях [8; 10], связь их с аналогичными находками в погребениях [6; 7; 8; 9; 10]. Сделаны попытки описания деталей и украшений головного убора [6; 9; 10], определено общее время их бытования, поставлены вопросы этнической принадлежности и семантики.

В последние годы значительно увеличилась источниковедческая база на основе исследования могильников с погребениями, в которых находились «рога», часть из которых хорошо сохранилась*** (рис. 1; 2). Анализ каленных изваяний, на которых изображены данные украшения, позволил, как нам представляется, вновь вернуться к указанной теме,

* Опубликовано: Швецов М.Л. О головном уборе половчанки // Проблемы археологии Поднепровья. Межвузовский сборник научных трудов. Днепропетровск. 1993. С. 104-114.

** В названии убора и месте их крепления у специалистов нет единого мнения, то ли это часть прически, то ли украшение шляпы.

*** В могильнике у с.Пришиб в одном кургане их пять.

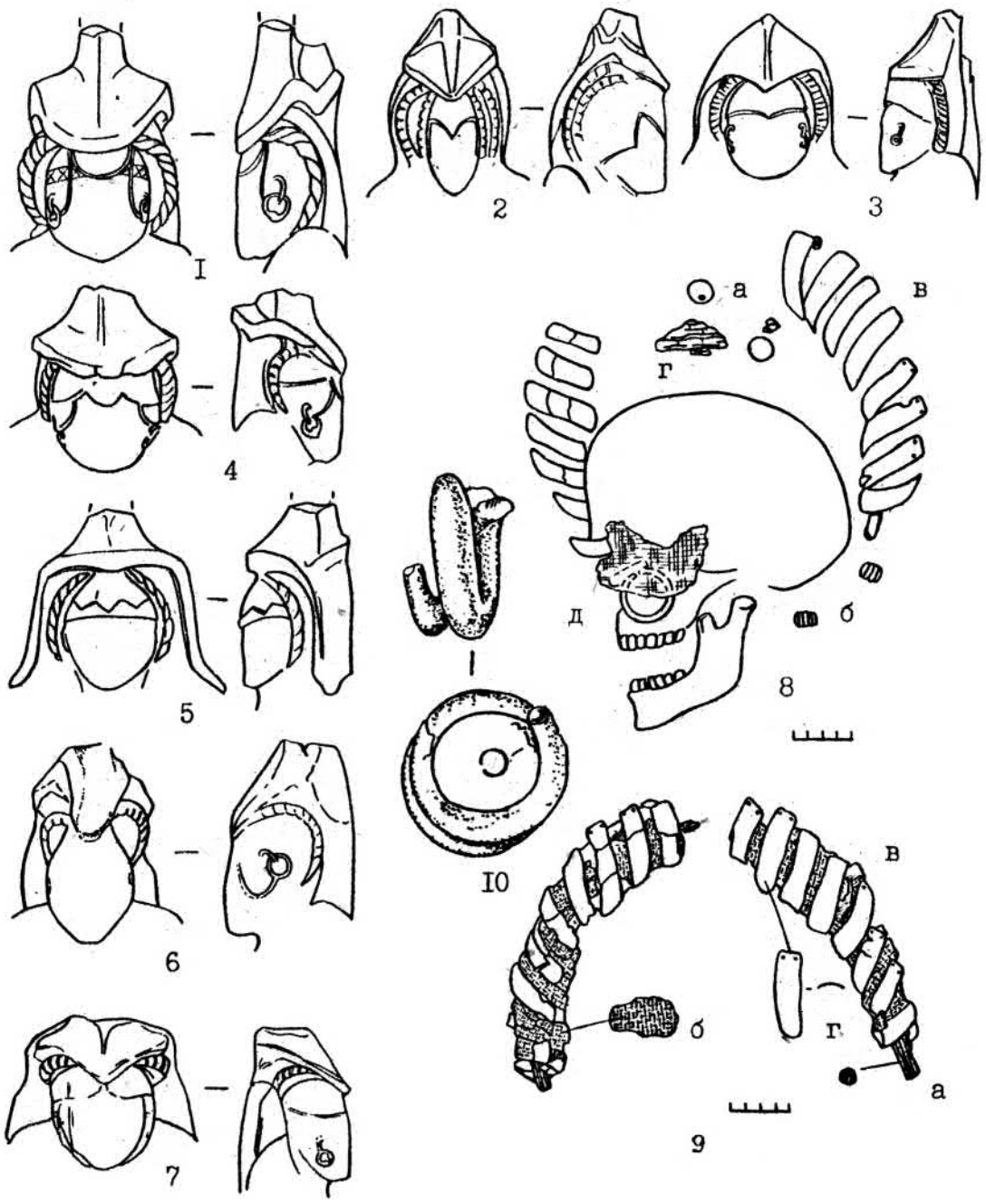


Рис. 1. Расположение «очелья» на изваяниях и в погребении у с.Пришиб: 1-7 – изображение на изваяниях; 8 – деталь погребения 17: а, б – бусы, в – пластины, г – дерево, д – серьга; 9 – «очелье» из погребения №7: а – деревянная основа, б – парча, в – ткань, г – пластины; 10 – височное кольцо в полтора оборота

поставив для рассмотрения следующие вопросы:

1. Определение связи головного убора («шляпы») с роговидными украшениями и возможности их реконструкции.

2. Уточнение хронологических рамок и ареала распространения «рогов» в погребениях.

3. Выявление истоков, семиотики и семантики данного явления, возможности этнической атрибуции.

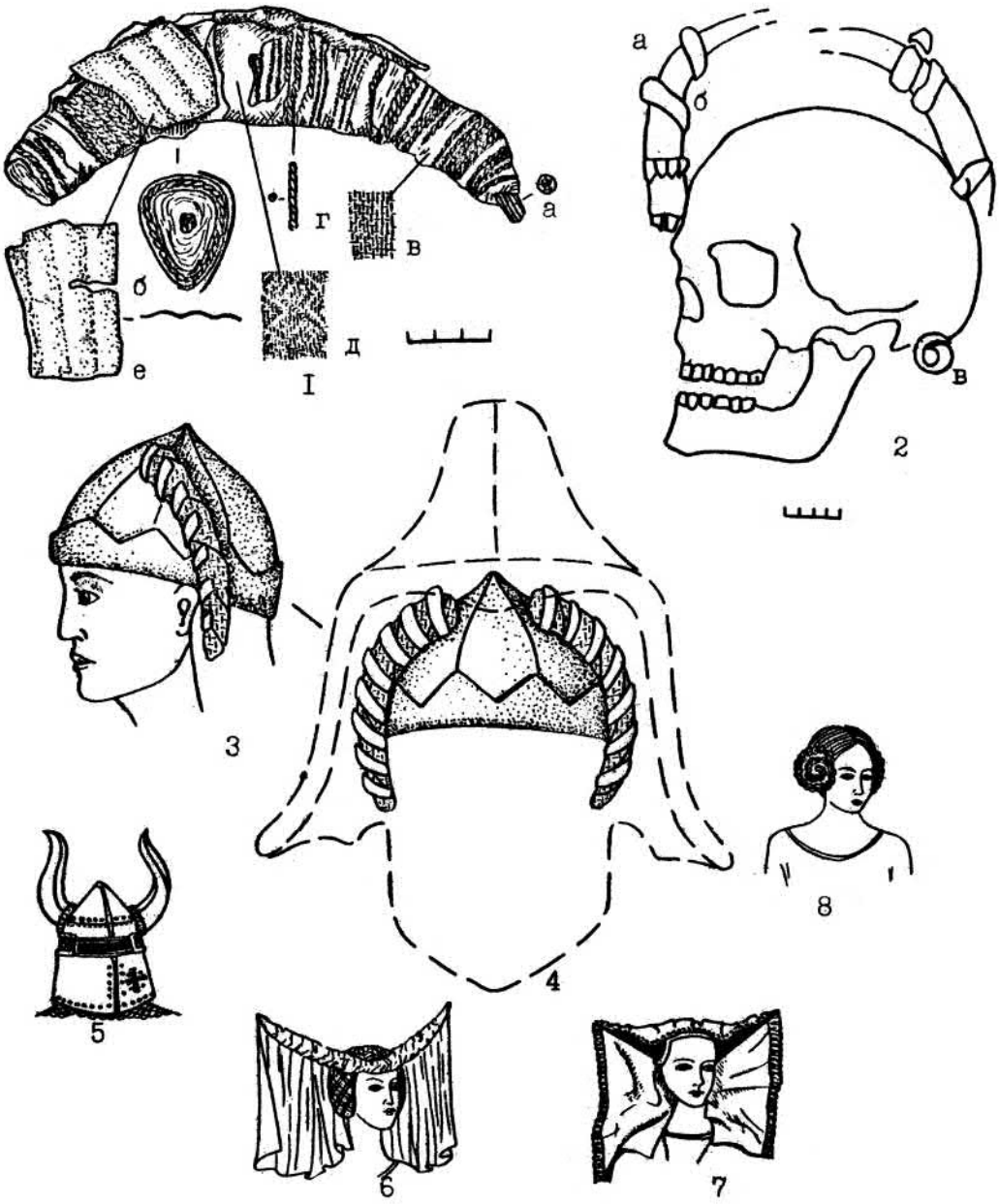


Рис. 2. Головные уборы с «рогами». Реконструкция и аналогии: 1 – деталь «очелья»: а – деревянная основа, б – войлок, в – ткань, г – витая нить, д – парча, е – пластина; 2 – деталь погребения №3 у с. Жовтневе: а – рога козы, б – пластины, в – серьга; 3-4 – реконструкция очелья; 5-7 – модные прически и шлем с рогами – Западная Европа XIII-XIV вв.; 8 – прическа с бараньими рожками VI-VIII вв. (5-8 – по К. Стамерову)

4. Индикатор социальной значимости.

В качестве исходного источника были проведены обследования каменных изваяний Донецкого, Мариупольского и Днепропетровского музеев. Использованы опубликованные коллекции изваяний [8]. и материалы полевых исследований экспедиций Института археологии АН Украины*. Было отобрано тридцать пять погребений, в которых зафиксированы данные украшения, сделано детально описание.

* В основу статьи вошли материалы раскопок автора на основе которых было сделано и первое сообщение в 1982 г.

Визуальный анализ изображений головных уборов и роговидных украшений – «очелья»*, на изваяниях дал следующие результаты:

1. Часто под большой шляпой (типы I, IV, V – по С.А. Плетневой) хорошо видна маленькая круглая шапочка, украшенная фигурным отворотом (рис. 1. 2-5).

2. В расположении роговидных украшений на изваяниях можно выделить несколько вариантов: а) от лба к ушам; б) от темени к ушам; в) от виска за уши к затылку; г) вокруг лица; д) поверх маленькой шапочки.

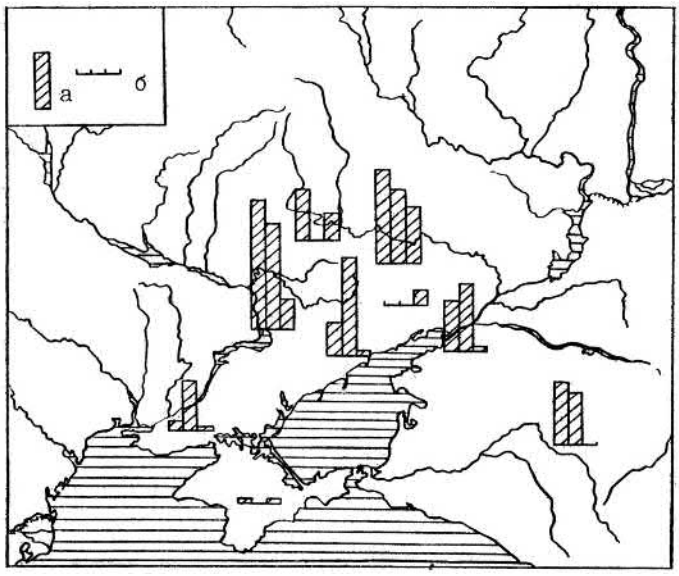


Рис. 3. Таблица распространения «очелья» на изваяниях и в погребениях: а – 10 статуй;
1) первое деление – наличие «рогов» на изваяниях;
2) второе деление – их отсутствие;
3) третье деление – наличие «очелья» в погребениях.
(первое и второе деления – по С.А. Плетневой).

Как было отмечено выше, остатки головных уборов с очельем были найдены в материалах погребений поздних кочевников. Наличие медных, серебряных и позолоченных деталей убора создает определенные условия для лучшей сохранности тканных и войлочных изделий, а иногда и кожи. Из известных нам коллекций и описаний можно выделить интересные детали. В кургане Лучки-1 (Поросье) «найдена диадема с двумя продолговатыми валиками, обтянутыми материей с нашивками в виде бронзовых полуколец, обтянутых серебряной проволокой – 20 полуколец на каждом валике. Кроме того на диадеме был кусок темной шелковой материи с двумя рядами золотых нашивок по 30 в каждом ряду, шелковая лента с железной пряжкой, резная костяная бляха, венчающая диадему резным костяным шишаком» [1. С.223; 10. С.37; 7. Рис. 2]. В других случаях костяные детали отсутствуют, но фигурирует кожаная шапочка. Так, например, найденные в кургане у Верхней Тарасовки уборы представляли собой «невысокую кожаную шапочку, плотно облегающую голову. На шапку был нашит «ивовый» прут, обшитый кожей, который являлся каркасом роговидного украшения. Снаружи шапка была обшита пестрой шелковой тканью, поверх ее были нашиты бронзовые полукольца, составляющие роговидные украшения. У висков на шапочку были пришиты свинцовые кольца, обтянутые бронзовой фольгой» [9]. В погребениях у с. Пришиб от головного убора сохранились не только «очелья», но и кусочки кожи от шапочки. В данном случае, войлочное покрытие (рис. 1. 9; 2. 1 б) деревянной основы укреплялось плотной тканью, а затем витой толстой нитью (рис. 2. 1 а, г), ее закрывал шелк или парча и крепились волнообразные пластины (рис. 2. 1 д, е). По-видимому, в отличие от Верхне-Тарасовского убора, очелье крепилось прямо, на кожаную основу шапочки. В погребении №7 кургана 1 у с. Пришиб «очелье» отличалось не только формой пластин (рис. 2. 9 г), но и отсутствием витых ниток, их заменяла плотная ткань и парча (?) (рис. 1. 9 б, в). Существование специальной кожаной шапочки под верхним убором подтверждается не только археологически, но и системой крепления височных колец к краю шапочки (рис. 2. 2в) [9]. Височные кольца не единственные украшения, сопутствующие «очелью». Анализ

* Расположение данных «роговидных» украшений вокруг лица и лба дает возможность, как нам кажется, называть их «очельем»

изображений их на изваяниях и в погребениях дает возможность выделить определенный набор (гарнитур) украшений. В том случае, когда в комплекс входят височные кольца в полтора оборота их дополняют бусы (стеклянные, настовые глазчатые, рифленые, биконические, янтарные); кораловые подвески [3; 7; 8; 10]; амулеты [10; 7; 8; 4; 3]. Ожерелья в погребениях и на изваяниях иногда два, три (одно на шее, два на груди) [6; 8. С.48; 10. Рис. 20]. Второй набор состоит из «рогатых колтов» [2. С.21, табл.5.1; 14. С.55-89], лазуритовых подвесок, гривен и иногда бус [7; 8].

Известны случаи сочетания составных, но они редки [8; 10]. Иногда в погребении две-три гривны [4]. Предложенные гарнитуры украшений дополняют «очелья», «что хорошо видно даже по предложенным С.А. Плетневой таблицам [8. Табл. 9, 10, II]. На сегодняшний день, к сожалению, нельзя разделить гарнитуры по памятникам территориально, но их локализация показательна (рис. 3).

Как было отмечено ранее, хронологические рамки, рассматриваемых украшений умещаются в XII – первую половину XIII в. В ранней работе С.А. Плетнева предлагает даже XI в. [8. С.171], но в дальнейшем отмечает, что «только к XII веку формируются статуи Ш периода, на которых изображены «очелья» [12. С.110,112]. По мнению Г.А. Федорова-Давыдова, комплекс из погребения Лучки-1 относится к IV периоду (золотоордынской эпохе) [10. С.185]. Однако необходимо отметить, что из всех имеющихся в нашем распоряжении памятников нет явно золотоордынских. Материалы же погребений, обряд и инвентарь датируются XII – первой половиной XIII в., что подтверждается также византийским солидом Мануила Комнина второй половины XII в., пряслицами из розового овручского шифера (Большая Белозерка, курган II, погребение №2). Не исключая существования данных украшений в ХШ в., интересно ответить, что столь эффектный головной убор половецких красавиц не мог ускользнуть от внимания Плано Карпини, Гийома Рубрука и Сюй Тин-Чжи, давших детальное описание головных уборов модниц золотоордынского времени [10. С.36]. Рассматривая вопрос распространения «очелья» и его истоки, считаем необходимым согласиться с авторами, указывающими на отсутствие таковых в Сибири и Средней Азии [9] и на то, что,»они неизвестны ни на Руси, ни в Грузии, ни в Византии, нет их и в крымских городах [12. С.124]. Что касается истоков данного убора и его семантики, несомненный интерес представляет погребение у с. Жовтневе в бассейне р. Северский Донец, на левом берегу р. Оскол [13. С.93, рис.8.3]. На «погребенном был оригинальный головной убор, от которого сохранились два рога (!) козы, каждый из которых перевит четырьмя оборотами выпуклой бронзовой пластины шириной около 1 см. Ниже основания рогов, с обеих сторон черепа, лежали бронзовые серьги из толстой проволоки, обрубанной по концам и свернутой в кольцо» (рис. 2.2в). Авторы относят погребение ко времени существования памятника VIII-X вв. [13. С.94], связывая его с болгарами, считая возможным указать на причастность погребенной к «шаманству» [13]. Наличие наиболее раннего аналога рассматриваемым «украшениям с явными элементами архаики в конструкции и семантике, отсутствие прямых аналогий на других территориях соблазнительно наводит на мысль о местных истоках и традициях «роговидных украшений».

Высказанная С.А. Плетневой мысль об их магическо-смысловом значении и связи с символикой барана [6. С.211] явно находит подтверждение в археологическом материале. В то же время это не является достаточным объяснением, так как не отображает истоков семантики атрибута. Культ животных, в контекст которого входит поклонение барану, явление сложное, многообразное, прошедшее долгий путь развития. Корни его уходят в начальные этапы становления кочевого общества [15; 16; 17] и сохраняются до позднего средневековья. Свидетельством этому является не только положение костей барана в

могиле умершего в качестве напутственной или жертвенной пищи, но и отдельные захоронения (могильники) этого животного [16]. У древних иранцев баран – воплощение Фарна, божества славы, удачи [11; 19.С.110]. Его украшения венчают скипетры, булавы, посуду, пояса, сбрую. Черепа животных украшают вход в жилище [11 .С. 112; 12.С.110]. До поздних времен сохраняются представления об охранительных свойствах этого животного, частей тела, рогов [20. С.40]. Наиболее широко особенно у ираноязычных народов прослеживается связь культа барана с культом женского божества, с идеей плодородия [19. С. 107-108; 21. С. 17,100; 20. С.115-116]. По-видимому, правильно было бы говорить об этом явлении как надэтническим, ибо связь культа барана с культом, женского божества и плодородия известна почти у всех народов Европы и Азии. Наиболее широко он известен у всех тюркоязычных и монголоязычных народов. Устойчивость и длительность связи культа женского божества с культом барана, по мнению З.П. Соколовой, объясняется тем, что баран у многих народов был символом плодовитости и плодородия [20. С.115]. Сохранилось это и этнографически [21. С. 118; 22. С.213].

Продолжать рассматривать указанные аспекты в символике и семиотике народов Восточной Европы, Сибири и Азии можно значительно шире и глубже. Однако мы не ставим это необходимой целью, наша задача показать, что культ барана и атрибут его изображения «рога» свойственны и существовали как у тюркоязычных, так и у ираноязычных народов степи Восточной Европы в древности и средневековье. Поэтому именно в степях Восточной Европы при симбиозе двух, а может и более мировоззренческих систем и возникает обычай (а не традиция) украшать головные уборы женщин очельем в виде «роговидных украшений, отражающих идею или образ «барана» – символ плодовитости, плодородия и благосостояния.

Рассматривая вопрос о возможности этнической атрибуции «очелья», мы указали на существование двух мнений [10; 3; 5; 4; 9; и сравните 6. С.179]. Причиной сомнений автора, предлагающей не половецкую принадлежность этих украшений как на изваяниях, так и в погребениях, по-видимому, является «вынужденная» ранняя датировка их XI в. и разнобой в обряде погребения выделенной ею группы [6. С.169-171]. В дальнейших работах автор уходит от этого, указывая на появление статуй с «рогами» с XII в. [12. С.110] и принадлежность изваяний половцам [8]. Рассматривая выше истоки и семантику данных украшений мы отметили отсутствие их на территориях, не связанных с половцами, но они неизвестны и на прародине [9; 12]. Это еще раз убеждает нас в возможности формирования данных украшений в степях Восточной Европы и органического восприятия и использования их половцами как деталей женского этнического костюма.

Завершая небольшой обзор, связанный с разбором украшений головного убора женщин половецкой эпохи, остановимся еще на одной детали. Проведенный антропологический анализ погребенных дал интереснейшие результаты*. Так, из тридцати отобранных документированных памятников антропологически удалось обследовать двенадцать. Все они принадлежат женщинам в пору расцвета, 25-35 лет, и два – в возрасте 35-40 лет. Это, как мы видим, подтверждает специфику головного убора и возможность принадлежности его к свадебному (сохраненному согласно существующей традиции: брака-смерти). Редкость находок этих уборов в погребениях может отражать уровень их социальной значимости и принадлежности к определенным слоям общества, но это не более чем предположение. В дальнейшем «мода» на головные уборы и прически с «рогами» распространяется на Западную Европу и не исключено, что она и там связана с половцами (сравните прически византийских модниц времен аварских посольств в Византии).

* Считаю необходимым высказать признательность Е.Шепель за проведение антропологического определения и представление данных.

Библиографические ссылки

1. Труды XII археологического съезда. М., 1905. ГИМ. Ед. хр. 97, 48а; 3/3; 69/25а.
2. Федорова-Давыдова Э.А. Раскопки курганной группы Шахаевская II на Маныче // Древности Дона. М., 1983.
3. Журнал раскопок Бранденбурга, 1984.
4. Швецов М.Д. Богате кочовницьке поховання з Донбасу //Археологія. Київ, 1974. Т. 13.
5. Горбенко. А.К., Кореняко В.В., Максименко В.Е. Погребение в кургане Джурива могила // СА. 1974. №4. .
6. Плетнева С.А. Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях // МИА. 1958. №62.
7. Плетнева С.А. Древности Черных Клобуков // САИ. 1973.
8. Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния // Там же. 1974. Вып. Е4-2.
9. Загребельный В.Н. Половецкий головней убор // Открытия молодых ученых Украины. Киев, 1974. Вып. 2.
10. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной-Европы под властью золотоордынских ханов. М;, 1966.
11. Щапова Ю.Л. Стеклянные браслеты Чернигова // Культура Средневековой Руси. М.-Л., 1974.
12. Плетнева С.А. Половцы. М., 1990. .
13. Пархоменко О.В. Поселение салтовской культуры у с. Жовтневе // Земли Южной Руси в IX-XIV вв. Киев, 1985.
14. Бессонова С.С., Черных Л.А., Куприй С.А. Курганы у с. Филатовка // Курганы степного Крыма. Киев, 1984.
15. Вадецкая Э.Б. Проблемы интерпретации окуневских изваяний // Памятники и рисунки древних культур. Новосибирск, 1989.
16. Данилов СВ. Ритуальные захоронения баранов // СА. 1982. Вып. 1.
17. Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1980.
18. Кузьмина Е.Е. В стране Кавата и Афросиаба. М., 1977.
19. Литвинский В.А. Семантика древних верований и обрядов памирцев // Средняя Азия и ее соседи в Древности и Средневековье. М., 1984.
20. Соколова З.П. Культ животных в религиях. М., 1972.
21. Гаджиев Г.А. Верования лезгин, связанные с животными // СЭ. 1973. №3.
22. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л., 1950.

М.Л. Швецов

СВЯТИЛИЩА СТЕПНОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ СТЕПЕЙ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ*

В 1975, 1976 годах нами были открыты, а 1979 году опубликованы половецкие святилища с изваяниями изображающими людей. Тогда же была предложена первичная типология этих сооружений и их хронологические рамки. В основе классификации определялся тип сооружений с каменными изваяниями на поверхности курганных насыпей, дополненный земляными или каменными конструкциями. Рассматривались их исторические, этнические параллели, истоки происхождения и элементы семантики (Швецов, 1979).

В 1901 году И.М. Сулинным, в 1907 году В.А. Городцовым были открыты и опубликованы курганы, с находящимися в них деревянными изваяниями, изображающие людей. Первая типология, классификация, хронология и интерпретация "половецких святилищ с деревянными изваяниями на Нижнем Дону" была предложена С.В. Гуркиным (1987). Сооружения с деревянными изваяниями изображающими людей установленные лицом к востоку, в ямах прямоугольной или овальной в плане формы вокруг которых прослежены иногда земляные конструкции, со следами жертвоприношений территориально размещались в бассейне правого берегов нижнего течения р. Дон и р. Маныча (Гуркин, 1987, 1998). Иконография и типология деревянных статуй аналогична половецким каменным изваяниям и соответствует им хронологически (Гуркин, 1987, 1998). Основным отличием от святилищ с каменными изваяниями устанавливаемыми половцами, по мнению автора, являлись не только материал статуй, и "оборудование их в насыпях курганов", но кратковременность их действия (Гуркин, 1987, Гугуев, Гуркин, 1992, с. 128, 134). В этот же тип были включены и "святилища – ямы, оборудованные в насыпях курганов, с каменными изваяниями" (Гуркин, 1987, с. 108).

В 1979 году в бассейне р. Кальмиус, у с. Петровской О.Я. Приваловой и А.И. Приваловым было исследована, а в 1980 и 1988 годах частично опубликована "культовая площадка (4×5 м) сооруженная в кургане 2. В центре площадки была поставлена лицом на восток каменная баба, имеющая аналогии среди тюркских изваяний X в." (Привалова, Привалов, 1980, с. 326; Привалова, 1980а, с. 56; Привалова, Привалов, 1988, рис. 21, 20, с. 22).

Исследованный памятник, у с. Петровское, по своему архитектурно-композиционному построению, технике сооружения каменных конструкций и размещению изваяния имеет прямые аналогии в средневековых кочевнических древностях из Центрального Казахстана (Ермоленко, Генова, Курманкулов, 1985). Согласно классификации и типологии разработанной Л.Н. Ермоленко это "средневековые кочевнические святилища со скрытыми в насыпях изваяниями кимако-кыпчакского населения IX-XIII веков (II группа скульптуры)" (Ермоленко, Генова, Курманкулов, 1985; Ермоленко, 1994).

Изваяние, стоявшее в культовом комплексе к. II у с. Петровское, имеет прямые аналогии в иконографии и форме не только среди семиреченско-казахстанских изваяний (изобразительный прием II; Ермоленко, 1985, 1994), но и среди изваяний "евразийского

* Опубликовано: Швецов М.Л. Святилища степного населения восточноевропейских степей эпохи средневековья // Археологія та давня архітектура Лівобережної України та суміжних територій. – Донецьк: Видавництво «Східний видавничий дім». 2000. С.39-40.

массива статуй Ае" (Гераськова, 1991, с. 68, рис. 12). Указанный тип статуй локализован Л.С. Гераськовой в междуречье правых берегов нижнего течения р. Сев. Донец и р. Дон, в Северном Приазовье (Гераськова, 1991, с. 76, рис. 14), хронологически разделен ею на две группы VI – IX вв., и IX – X столетия и соответственно связывается со "статуями древнетюркского типа" и "печенежскими" (с. 78).

Наличие прямых параллелей в конструкции культовых сооружений и изваяний из Центрального Казахстана и Юго-Востока Украины их хронологическое соотношение указывает, по-видимому, на родство племен их сооружавших.

Конструктивное единство культовых сооружений, рассмотренных видов святилищ, тождество скульптурных изваяний в них, изображающих женщин, мужчин и бесполых антропоморфных стел, украшенных одинаковым набором реалий и атрибута ритуала (сосуд), говорит об их этнической близости и семантическом сходстве, что неоднократно отмечалось учеными (Гуркин, 1987; Ермоленко, 1994), подтверждаемое едиными этногенетическими корнями (Рашид-ад-Дин; Джувейни; "Юань-щи" и др.).

Архитектурные различия в построении и планировке культовых объектов, отраженные в другой традиции сооружения святилищ, прослеживаются в памятниках степной зоны Украины эпохи средневековья (Отрощенко, 1980). Это комплексы каменных изображений зверей и всадников верхом на животных, размещенные с двух сторон от центрального антропоморфного изваяния, установленных с восточной стороны курганных насыпей (Отрощенко, Расамакин, 1981). Композиционно и семантически данные сооружения воспроизводят в миниатюре божественный пантеон тюркоязычного населения степи раннего средневековья (Отрощенко, Швецов, 1992), возможно связанных с богиней Умай.

В насыпях курганов, курганных могильников восточных европейских степей выявлен новый пласт произведений изобразительного искусства степного населения эпохи средневековья, относящиеся к мелкой пластике. Это серия маленьких и миниатюрных каменных изваяний изображающих людей по своим изобразительным канонам повторяющие большие каменные изваяния (с. Гуполовка; Б. Белозерка, Новоселовка, Саратов). Одно из них опубликовано В.Н. Шалобудовым (Шалобудов, Рябина, 1995, с. 134-138). По-видимому, данные изображения являются частью домашних алтарей, о которых упоминают письменные источники (Г. Рубрук; П. Карпини), в дальнейшем захороненные в курганных насыпях.

Известия письменных источников, исторические описания XV-XIX веков, материалы архивов и фондов музеев Юго-Восточной Европы, дают определенную картину о присутствии каменных изваяний на водоразделах, вершинах отдельных курганов или групп курганных насыпей. Анализ уничтожения, разрушения и перевозки изваяний скрупулезно собранный и подытоженный Я. Дашкевич (1982), и К.И. Красильниковым (1999) дает возможность говорить о их значительном наличии в степи после золотоордынской эпохи, что ставит под сомнение декларируемый часто тезис "о разрушении изваяний и святилищ монголами".

М.Л. Швецов, С.Н. Санжаров, А.В. Прынь

ДВА НОВЫХ СЕЛЬСКИХ МОГИЛЬНИКА В ПОДОНЦОВЬЕ*

За столетие, прошедшее с начала исследования В.А.Городцовым грунтового ямного могильника эпохи раннего средневековья на берегу Чернецкого озера (хут.Зливки) в Подонцовье (Городцов В.А., 1905; Швецов М.Л., 1991, с.109-123), количество вновь открытых аналогичных памятников неизменно увеличивается. Полученные данные при их исследовании дали возможность специалистам выделить на основе зливкинских материалов "отдельный вариант салтово-маяцкой культуры" (Ляпушкин И.И., 1958; Плетнева С.А., 1967, с.92-94), а ямные погребения этого могильника считать "определенным признаком степных вариантов этой (салтово-маяцкой – М.Ш., С.С., А.П.) культуры" (Плетнева С.А.,1999, с.77). Зливкинский могильник, по мнению С.А Плетневой, является не только типичным, но и "эталонным памятником для Средне-Донецкого степного региона (Плетнева С.А., 1967, с.77; 1999, с.52), а элементы погребального обряда, прослеженные в нем (Швецов М.Л., 1991, с.109-120), повторяются во всех могильниках, обнаруженных в регионе" (Плетнева С.А., 1999, с.77). В то же время в каждом исследованном памятнике выступают определенные, своеобразные черты, присущие именно этому объекту. Специфика и истоки этих отличий могут быть обусловлены причинами социального, хронологического или конфессионального характера (Швецов М.Л., 2000, с.68-70; 2001, с.110- 111). Нами предлагаются к рассмотрению материалы, исследованные в Подонцовье в последние годы (Прынь А.В., 1999, с.73-74; 2000). Они представляют несомненный интерес для анализа погребальной обрядности жителей Подонцовья в раннее средневековье и расширяют возможности решения вопросов социальной стратификации восточноевропейских памятников хазарской эпохи.

Материалы раскопок

Памятник расположен в пойменной зоне левого берега Северского Донца, в междуречье его притоков Жеребца и Красной, на песчаных мысах между двух пойменных старичных озер Клешня-1 и Черниково, южнее Серебрянского лесничества (рис.1) Кременского р-на Луганской обл. (Прынь А.В., 1999, с.73), в 2,5 км севернее с.Серебрянка. Участки памятника получили свое название "Черниково" и "Серебрянское" по близлежащим топографическим объектам-привязкам (Швецов М.Л., 1991, с.109-120), как отдельные могильники**. Представленные нами материалы, во избежание ошибок и путаницы, будут рассматриваться так, как представлены в научных отчетах исследователей (Санжаров С. Н., 1996; 1997) и опубликованы одним из авторов (Прынь А.В., 1999).

Черниково озеро

Могильник расположен на песчаном всхолмлении (дюне 50×60 м), "вытянутом по линии З-В, выступающем над поймой террасой около 1,5-2 м." Территория, занимаемая погребениями, была заселена в более

* Опубликовано: Швецов М.Л., Санжаров С.Н., Прынь А.В. Два новых сельских могильника в Подонцовье // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.2. Хазарское время. Донецк. 2001, с.333-345.

** В данном случае мы считаем, что это разные участки могильников одного памятника (см. далее).

Рис.1. Карта-схема памятника Черниково озеро.

Fig. 1. Scheme map of the Chernikovo Ozero archaeological site.

Abb. 1. Schematische Karte des Denkmals Cernikovo ozero.

Dess. 1. Carte-schéma du monument "Lac Tchernikovo"

ранние периоды: неолит, эпоха бронзы и раннее средневековье[***].

Стратиграфически можно отметить: материк из светлосерого песка залегает на глубине около метра (0,95 м). Его перекрывал "слой серой супеси мощностью от 0,2 до 0,3 м", сменявшийся небольшим слоем "черной супеси до 0,5 м и дерновым покрытием местами до 0,25 м." Погребения впущены в культурный слой поселения (Прынь А.В., 1999). Могилы располагались в юго-западной части раскопа (рис.2), образуя три своеобразные группы.

Погребение 1 (рис.2; табл.1). Захоронение взрослого человека, на глубине 0,45 м, положенного вытянуто на спине, руки вдоль туловища, ориентирован на ЮЗ. Безынвентарное.

Погребение 2 (рис.2; табл.1, 1, 2) находилось севернее погребения 1, на глубине 0,67 м. Скелет взрослого человека на спине, вытянут, ориентирован на ЮЗ. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая – кистью на правом крыле таза. Под правым предплечьем найден железный однолезвийный черешковый нож (табл.1, 1). Между грудной клеткой и локтем правой руки – изделие из заполированного глазного отростка рога оленя (длина – 10 см, D осн. – 2,1см) с неглубокой круговой бороздкой и сквозным отверстием у основания (табл.1, 2).

Погребение 3 (рис.2; табл.1, 3-6). Находилось западнее погребения 2, на глубине 0,95 м. Скелет пожилой женщины (?) уложен в скорченном положении на правом боку, ориентирован на ЮЗ. Ноги согнуты в коленях и поджаты под почти прямым углом к туловищу. Руки согнуты в локтях под прямым углом, кисти – у лица. Под костями правого предплечья найден железный черешковый однолезвийный нож с небольшим перехватом (табл.1, 3). Перед лицом умершей была поставлена маленькая лощеная кубышка (Н – 6 см, D в. – 5 см) украшенная горизонтальными врезными поясками, расчленяющими ее на четыре сектора (табл.1, 6). За черепом находился небольшой плоскодонный горшок (Н – 11 см, D в. – 9 см) с нанесенным по тулову врезным линейным орнаментом. Плечики сосуда покрывает трехлинейная полоска орнамента бегущей волны (табл.1, 4). На дне горшка – клеймо в виде неправильного (подовального) круга с вписанным четырехконечным крестом, делящим его на равные части (табл.1, 5).

Погребение 4 (рис.2; табл.1). Находилось южнее п.3 и западнее п.1 (рис.2). Умерший положен на спину на глубине 0,47 м, головой на З. Ноги, полусогнутые в коленях, упали влево. Правая рука согнута в локте, уложена на грудь кистью, левая вытянута, кисть – на крыле таза (табл.1). Безынвентарное.

Погребение 5 (рис.2; табл.1) находилось под пахотным слоем на глубине 0,35 м. Захоронение ребенка (2-3 года) вытянуто на спине, головой на Ю. Безынвентарное.

Погребение 6 (рис.2; табл.1, 7) на глубине 0,46 м. Скелет подростка лежал на левом

[***] Аналогичная стратиграфичесая ситуация – частое явление в памятниках данной культуры (см. далее).

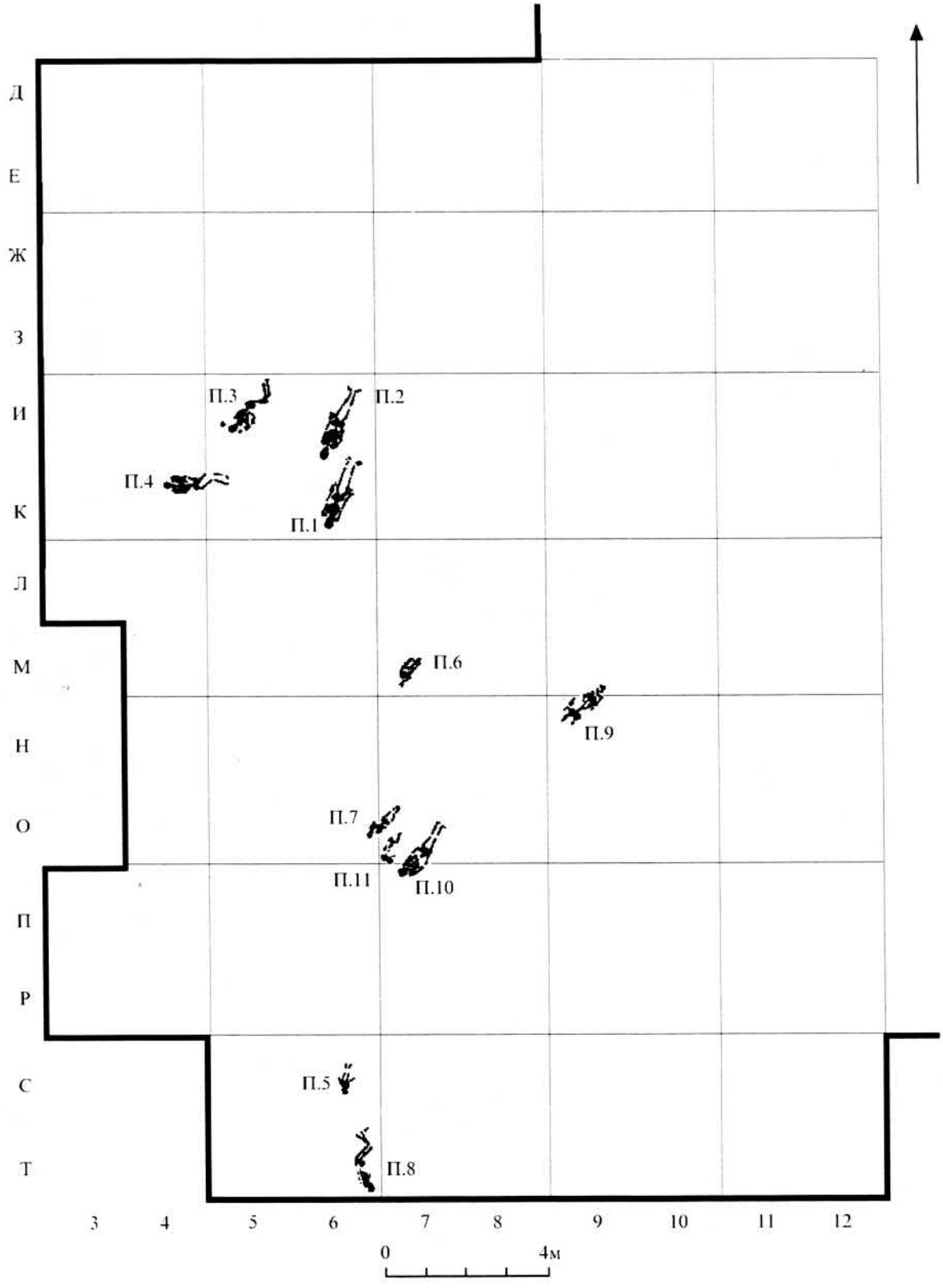


Рис. 2. Общий план могильника Черниково озеро.
Fig. 2. General layout of the Chernikovo Ozero cemetery.
Abb. 2. Gesamtplan des Gräberfeldes Cemikovo ozero.
Dess. 2. Plan général de la nécropole “Lac Tchernikovo”

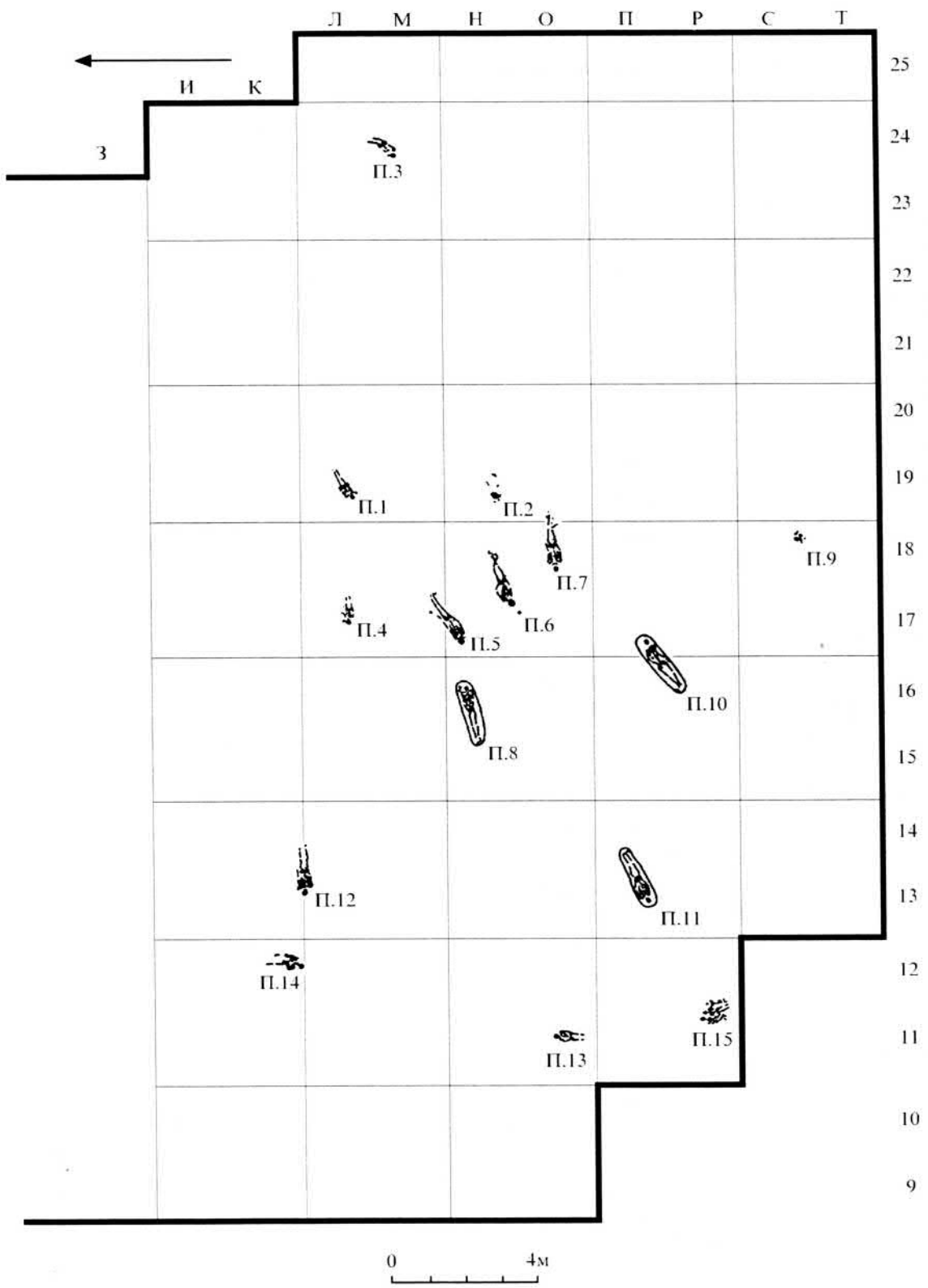


Рис. 3. План погребений могильника Серебрянское.
Fig. 3. Interments layout of the Serebryanskoye cemetery.
Abb. 3. Gräberplan des Gräberfeldes Serebrjanskoje.
Dess. 3. Plan des inhumations de la nécropole Sérébrianka

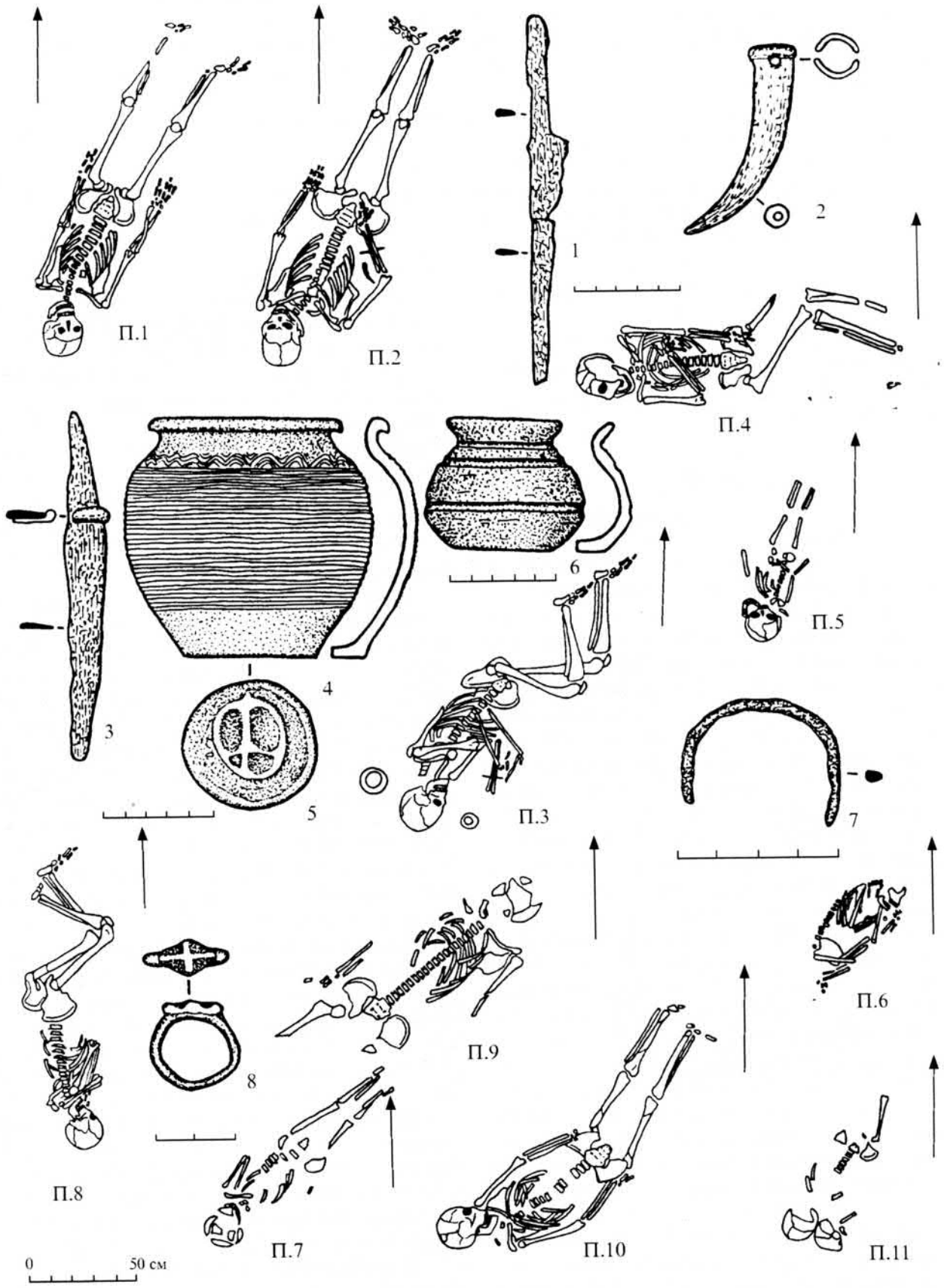

П.1
П.2
1
2
П.4
П.5
3
4
5
6
П.3
7
П.6
8
П.9
П.8
П.7
П.10
П.11
0
50 см

Табл. I. Погребения и находки из захоронений могильника Черниково озеро. *1, 3 – ножи; 2 – изделие из рога; 4 – горшок; 5 – клеймо на дне горшка; 6 – кубышка; 7 – браслет; 8 – перстень; 1, 2 – погребение 2; 3, 4, 5, 6 – погребение 3; 7 – погребение 6; 8 – погребение 8; 1, 3, 7 – железо; 8 – бронза.*

Table 1. Interments and finds from the Chernikovo Ozero cemetry. *1, 3 – knives; 2 – horn article; 4 – pot; 5 – stamp on the pot bottom; 6 – bowl; 7 – bracelet; 8 – finger-ring; 1, 2 – interment 2; 3, 4, 5, 6 – interment 3; 7 – interment 6; 8 – interment 8; 1, 3, 7 – iron; 8 – bronze.*

Tab. I. Gräber und Funde aus den Bestattungen des Gräberfeldes Cemikovo ozero. *1, 3 – Messer; 2 – Erzeugnisse aus Horn; 4 – Topf; 5 – Zeichen auf dem Topfboden; 6 – bauchiges Tongefäß; 7 – Armband; 8 – Fingerring; 1, 2 – Grab 2; 3, 4, 5, 6 – Grab 3; 7 – Grab 6; 8 – Grab 8; 1, 3, 7 – Eisen; 8 – Bronze.*

Tabl. 1. Inhumations et trouvailles issues du "Lac Tchernikovo". *1-3 – couteaux; 2 – objets en corne; 4 – pot; 5 – estampille sur le fond du pot; 6 – cassette; 7 – bracelet; 8 – bague; 1, 2 – sépulture 2; 3, 4, 5, 6 – sép.3; 7 – sép.6; 8 – sép.8; 1, 3, 7 – objet en fer; 8 – bronzes*

боку, сильно скорчен, с поджатыми к животу коленями и стопами к тазу. Кисти рук у лица. Ориентирован на ССВ. На предплечье правой руки обнаружен железный браслет (D-4 см) с несомкнутыми концами из овальной в сечении (0,3 см) проволоки (табл.1, 7).

Погребение 7 (рис.2; табл.1). В данном случае считаем возможным объединить выявленные еще два скелета (п.10, 11) как часть одного единовременного захоронения. В пользу этого говорит их компактность и одинаковый уровень впуска (0,37 м от поверхности) (рис.1). Это захоронение взрослого человека с двумя детьми. Погребенный (п.10) лежал на спине, вытянут, руки – вдоль тела. Скелет 2 (п.7) – ребенок 5-7 лет (?), уложен вытянуто на спине, восточнее взрослого. Левая рука согнута в локте, кисть – у лица. Сильно разрушенный скелет маленького ребенка (п.11) положен между первым и вторым костяками. Погребение ориентировано на ЮЗ. Безынвентарное.

Погребение 8 (рис.2; табл.1, 8) расположено южнее п.5, на глубине 0,8 м. Женщина (?) уложена полускорченно, на правый бок, головой на Ю, с полусогнутыми в коленях ногами и согнутыми в локтях руками, лежащими: кистью левой руки на правом плече, а правой руки на левом (табл.1). На безымянном пальце левой руки находился бронзовый перстень, украшенный на щитке крестом (табл.1, 8). Положение рук в позе Оранты и изображение креста на перстне сближают данное захоронение с христианскими погребениями Зливок. Однако положение умершей головой на Ю не характерно для этой конфессии.

Погребение 9 (рис.2; табл.1) совершено под пахотным слоем, на глубине 0,32 м. Сильно нарушено вспашкой, однако, положение скелета на спине вытянуто, головой на СВ хорошо прослеживается. Безынвентарное.

Как видно из представленного материала, группа исследованных захоронений имеет много общих черт. Умерших хоронили неглубоко, почти под дерновым слоем. Захоронения, в основном, безынвентарные. В данном случае глубина могилы и количество сопутствующего инвентаря взаимосвязаны. Только об одном погребении можно говорить, что оно сопровождалось напутственной пищей (табл.1, 4, 6). Следов мясной пищи, встречающейся в могилах этого времени, в данном случае не зафиксировано, хотя мы не исключаем ее наличие при совершении захоронения.

Хронологические рамки существования данного участка памятника (VII-IX вв.), предложенные одним из авторов (Прынь А.В., 1999, с.74), можно сузить до IX в. Обоснованием являются: датировка аналогичных сосудов (Плетнева С.А., 1967, с.144; 1989, с.130, рис.74, с.167), перстня (Айбабин А.И., 1999, с.319-320) и изделия из рога (Братченко С.Н., Швецов М.Л., 1984, с.217-218). В отличие от данных захоронений погребения второй части памятника сопровождались более разнообразными материалами и имели отличия в обряде.

Серебрянское

Топография расположения могильника аналогична условиям "Черникова озера". Песчаный мыс имеет овальную конфигурацию, ориентирован по линии ЮЗ-СВ. Захоронения впущены в культурный слой более древних культур эпохи неолита-бронзы и раннего средневековья (табл.IV, 14). Могилы располагались, как и в предыдущем случае, по гребню мыса, в направлении ЮЗ-СВ. О группировке могил говорить трудно. В основном, они расположены в центре этой части мыса (рис.3). Однако определенное своеобразие и разница в глубине могильных ям предполагают возможность относительного отличия групп (пп.1, 2, 4-7; п.8, 10-11).

Погребение 1 (рис.3; табл.II, 2) открыто в северо-восточном секторе могильника. Впущено на глубину 0,56 м от поверхности. Умерший уложен на спину, вытянут, руки – вдоль тела, ориентирован головой на ЮЗ. Справа от черепа находился лепной округлобокий горшок (Н – 10,5 см; D венч. – 9 см ; D дна – 8 см) с отогнутым венчиком, украшенным насечками по краю (табл.II, 1; IV, 13).

Погребение 2 (рис.3; табл.II, 3, 4) находилось южнее погребения 1, на глубине 0,67 м. Сильно разрушено. In situ сохранился череп взрослого мужчины, часть костей грудной клетки. Судя по оставшимся костям скелета, был положен на спину, вытянут (?), ориентирован головой на ЮЗ. Восточнее черепа найден железный черешковый нож (табл.II, 3).

Погребение 3 (рис.3; табл.II, 5) располагалось восточнее всех захоронений, на глубине 0,43 м. Скелет подростка находился в вытянутом положении на спине, головой на ЮЗ. Бедренные кости развернуты влево.

Погребение 4 (рис.3; табл.II, 6; табл.IV, 10) выявлено в центральной части могильника, глубина 0,54 м. Захоронение ребенка на спине, вытянуто, головой на З. Выше левого плеча находился столовый горшок, орнаментированный врезным линейным орнаментом, с клеймом на дне (табл.II, 7, 8). У левого тазобедренного сустава находилась связка амулетов (табл.IV, 10, а-б), положенная как подношение умершему, состоящая из "печати", 3 бронзовых прямоугольных рамок и т.н. "ворворки" (табл.II, 9-12), в виде усеченной пирамидки с двумя отверстиями.

Погребение 5 (рис.3; табл.II, 14) находилось к югу от п.4, на глубине 0,67 м. Скелет взрослого человека на спине, вытянут, головой на ЮЗ. Руки – вдоль тела. Слева от берцовых костей левой ноги найден миниатюрный лепной баночный сосудик, расширяющийся кверху (табл.II, 15). На животе находилась железная круглая пряжка с язычком (табл. II, 17; IV, 11, в), по-видимому, от пояса. Между лучевой костью левой руки и туловищем (табл. IV, 1, д-ж), возможно, в мешочке, были положены: "игольница" из рога оленя (?), железные пинцет и фрагмент скобовидного кресала, костяной "реликварий" (?) (табл.IV, 11, табл.II, 20, 18, 16, 21). Ниже кисти левой руки – железный нож (табл.II, 19).

Погребение 6 (рис.3; табл.III, 1-3) расположено южнее погребения 5, в центре могильника. Взрослый человек уложен на живот, головой на ЮЗЗ. Руки заведены за спину, кисти на тазе, ноги скрещены так, что правая нога лежит на голени левой. Череп на правой височной кости. Создается впечатление, что умершего связали и уложили ничком (?). За головой установлен небольшой лепной горшочек с отогнутым венчиком, украшенным насечками (табл. III, 2). Между бедренными костями, у левого крыла таза положены составные серьги из бронзовых золоченых подвесок и серебряных и бронзовых бусин (табл.III, 1).

Погребение 7 (рис.3; табл.III, 4) находилось юго- восточнее захоронения 6, на глубине 0,57 м, вытянуто, частично нарушено грызунами. Головой на З. Безынвентарное.

Погребение 8 (рис.3; табл.III, 5) расположено южнее пятого и шестого захоронений. Здесь, с глубины 0,75 м, прослежен нижний контур овальной могильной ямы (1,97×0,6 м) до дна 0,9 м. Умерший положен на спину, вы-

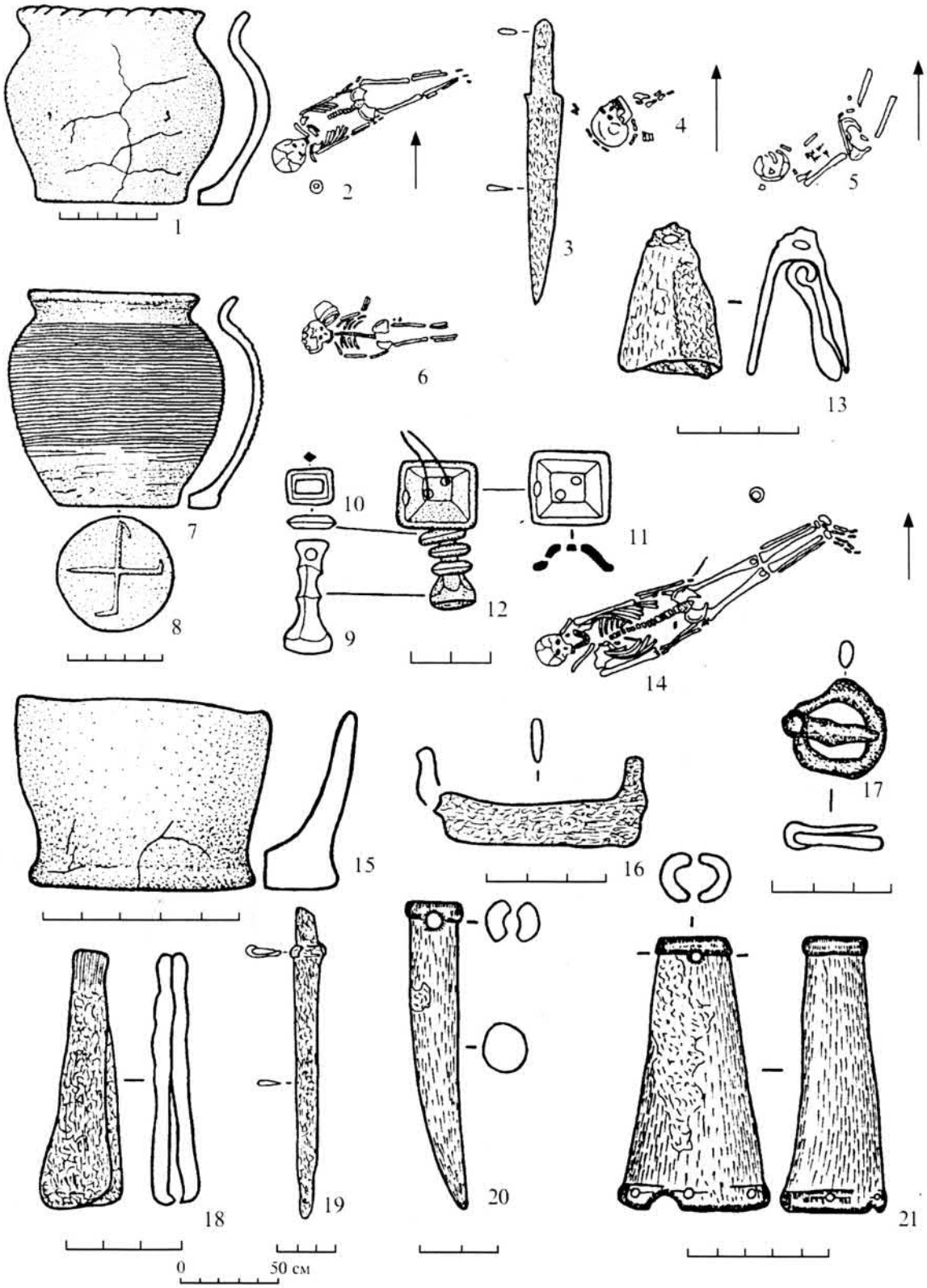


Табл. II. Захоронения и находки в могильнике Серебрянекое. *1, 2 – погребение 1; 3, 4 – погребение 2; 5 — погребение 3; 6-13 – погребение 4; 14-21 – погребение 5; 3, 13, 16-19 – железо; 9-12 – бронза; 20 – рог; 21 – кость.*

Table II. Burials and finds from the Serebryanskoye cemetery. *1, 2 – interment 1; 3, 4 – interment 2; 5 – interment 3; 6-13 – interment 4; 14-21 – interment 5; 3, 13, 16-19 – iron; 9-12 – bronze; 20 – horn; 21 – bone.*

Tab. II. Gräber und Funde im Gräberfeld Serebrjanskoje. *1, 2 – Grab 1; 3, 4 – Grab 2; 5 – Grab 3; 6-13 – Grab 4; 14-21 – Grab 5; 3, 13, 16-19 – Eisen; 9-12 – Bronze; 20 – Horn; 21 – Bein.*

Tabl. II. Inhumations et trouvailles de la nécropole Sérébrianka. *1-2 – sép. 1; 3-4 – sép.2; 5 – sép.3; 6-13 – sép.4; 14-21 – sép.5; 3, 13, 16-19 – objets en fer; 9-12 – bronzes; 20 – objets en corne; 21 – objets en os*

Табл. III. Захоронения и находки в могильнике Серебрянекое. *1-3 – погребение 6; 4 – погребение 7; 5-7 – погребение 8; 8-11 – погребение 9; 1 – бронза, серебро; 10 – железо.*

Table III. Burials and finds from the Serebryanskoye cemetery. *1-3 – interment 6; 4 – interment 7; 5-7 – interment 8; 8-11 – interment 9; 1 – bronze, silver; 10 – iron.*

Tab. III. Gräber und Funde im Gräberfeld Serebrjanskoje. *1-3 – Grab 6; 4 – Grab 7; 5-7 – Grab 8; 8-11 – Grab 9; 1 – Bronze, Silber; 10 – Eisen.*

Tabl. III. Inhumations et trouvailles de la nécropole Sérébrianka. *1-3 – sép. 6; 4 – sép.7; 5-7 – sép.8; 8-11 – sép.9; 1 – bronzes, argenteries; 10 – objets en fer*

тянут, головой на СВВ. Справа, в изголовье, поставлены два сосуда. Небольшой столовый горшок (D в. – 9,5 см, D д. – 6,5 см; H – 11 см), тулово которого украшено орнаментом из врезных горизонтальных линий (табл.III, 7). Рядом стояла небольшая лощеная кружка (D в. – 7,5 см; D д. – 10,5 см; H – 14 см), украшенная вертикальным лощением (табл. III, 6). Тулово кружки декорировано тремя врезными горизонтальными поясками, на плечиках – трехрядный орнамент бегущей волны.

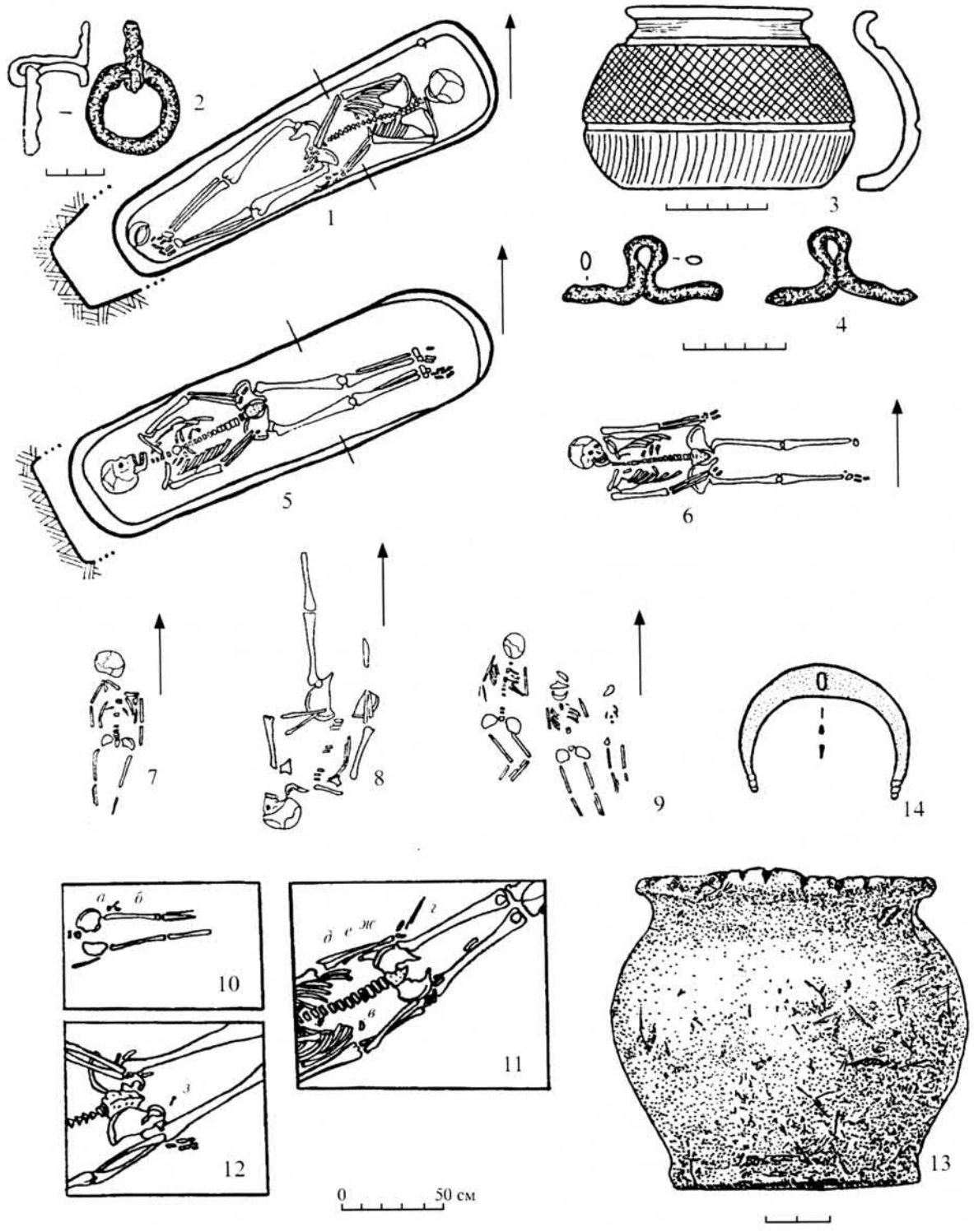


Табл. IV Погребения и материалы могильника Серебрянское. *1-4 – погребение10; 5 – погребение 11; 6 – погребение 12; 7 – погребение 13; 8 – погребение 14; 9 – детские захоронения погребения 15; 10 – ситуация расположения находок в погребении 4 (а – погремушка, б – колокольчик); 11 – позиция расположения находок в погребении 5 (в – пряжка, г – нож, д – игольница, е – кресало, ж – реликварий); 12 – позиция расположения подношений в погребении 6 (серьги); 13 – сосуд из погребения 1; 14 – бронзовая лунница из разрушенного погребения в могильнике.*

Table IV. Interments and materials of the Serebryanskoye cemetery. *1-4 – interment 10; 5 – interment 11; 6 – interment 12; 7 – interment 13; 8 – interment 14; 9 – children's burials int.15; 10 – finds placing in interment 4 (a – rattle, б – bell); 11 – finds placing in interment 5 (в – buckle, г – knife, д – needle-case, e – fire-kindling steel, ж – reliquarium); 12 – gifts placing in interment 6 (ear-rings); 13 – vessel from interment 1; 14 – bronze lunnula-pendant from the destroyed interment.*

Tab. IV Gräber und Funde des Gräberfeldes Serebrjanskoje. *1-4 – Grab 10; 5 – Grab 11; 6 – Grab 12; 7 – Grab 13; 8 – Grab 14; 9 – Kindergrab 15; 10 – Positionierung der Funde im Grab 4 (a – Kinderklapper, б – Glöckchen); 11 – Positionierung der Funde im Grab 5 (в – Schnalle, г – Messer, д – Nadelbüchse, e – Stahlstück zum Feuerschlagen , ж – Reliquarium);12 – Positionierung der Geschenke im Grab 6 (Ohrringe); 13 – Gefäß aus Grab 1; 14 – bronzene Lunula aus zerstörtem Grab im Gräberfeld.*

Tabl. IV. Inhumations et trouvailles de la nécropole Sérébrianka. *1-4 – sép.10; 5 – sép.11; 6 – sép.12; 7 – sép.13; 8 – sép.14; 9 – sép. d'enfants 15; 10 – localisation des trouvailles dans la sép.4 (a – hochet, б – clochette); 11 – localisation des trouvailles dans la sép.5 (в – fibule, г – couteau, д – porte-aiguille, e – briquet, ж – reliquaire); 12 – localisation des dons dans la sép.6 (boucles d'oreille); 13 – récipient de la sép.1; 14 – parure féminine en bronze en forme de croissant retrouvée dans une sépulture ruinée*

Погребение 9 (рис.3; табл.III, 8). Остатки разрушенного корчевкой леса захоронения, от которого сохранились единичные кости, два сосуда и нож. Столовый горшок с отогнутым венчиком, украшенный насечками по краю (табл.III, 9). Небольшой кувшин со сливом и ручкой, идущей от плечика к краю горловины (табл.III, 11). Нож железный с перекрестием (табл.III, 10).

Погребение 10 (рис.3; табл.IV, 1-4) расположено южнее могилы 8 и восточнее захоронения 11 (рис.3). Узкая могильная яма (2,07×0,52) подпрямоугольной формы со скругленными углами ориентирована на СВ, прослежена с глубины 1 м, выкопана до 1,3 м. Захороненный в ней человек был уложен ничком на *животе*, руки заведены за спину, левая кисть – на тазе. У кисти правой руки и за изголовьем, на краю ямы, находились железные петли (табл. IV, 4), одна из них – с кольцом (табл.IV, 2). В ногах поставлена маленькая лощеная кубышка (табл.IV, 3), орнаментированная по тулову поясками сетчатого и вертикального лощения, D в. – 9 см; D д. – 10 см; H – 10 см.

Погребение 11 (рис.3; табл.IV, 5), прослеженное с уровня предматерика, было произведено в подпрямоугольной со скругленными углами яме (2,22×0,58), вытянуто, на спине, ориентировано головой на ЮЗ. Безынветарное.

Погребение 12 (рис.3; табл.IV, 6) исследовано в западном секторе раскопа, в верхних слоях, на глубине 0,54 м от поверхности. Захоронение подростка на спине, вытянуто, головой на З. Безынвентарное.

Погребение 13 (рис.3; табл.IV, 7). Захоронение ребенка на спине на глубине 0,43 м, вытянуто, ориентировано головой на С. Безынвентарное.

Погребение 14 (рис.3; табл.IV, 8) нарушено, возможно, при корчевке леса (глубина 0,46 м). На спине, вытянуто, головой на Ю. Безынвентарное.

Погребение 15 (рис.3; табл.IV, 9) коллективное (глубина 0,42 м). Скелеты трех детей, положенных на спину, ориентированы на С. Безынвентарны.

Как видно из представленных материалов второго участка могильника, в нем прослеживаются черты, свойственные первому: зависимость глубины погребения от количества инвентаря, ориентация погребенных, отсутствие мясной напутственной

пищи. В то же время, мы видим определенные различия: положение умерших – ничком на животе, посмертные подношения и посуда. Возникает вопрос: не носят ли эти отличия хронологический характер?

Предварительный анализ материалов могильников

Основными находками, сопровождающими погребения рассматриваемого памятника, можно считать керамику, которая представлена столовой, кухонной и парадной лощеной посудой. Несмотря на близкое сходство с керамическим комплексом из могильников Среднего Подонцовья (Зливки, Маяки, Лиманское озеро, Платоновка, Желтое),она отличается своеобразием. Столовые горшки, украшенные врезным линейным орнаментом (табл.1, 4, 5; II, 7, 8; III, 7), округлобоки (максимальный диаметр приходится на середину тулова), орнаментированы от верхнего края плечиков до придонной части тулова. Днища двух из них имели клейма (табл.I, 5; II, 8). Редкость наличия клейм на днищах таких сосудов отметила С.А.Плетнева. Так, в материалах Дмитриевского могильника только на днищах двух горшков такого типа были клейма (Плетнева С.А., 1989, с.143) и, что интересно, один из них (кат. 149) орнаментирован аналогично рассматриваемому (табл.1, 4, 5).

Кухонная керамика представлена лепными горшками, тулово которых не орнаментировано, но украшено насечками по венчику (табл.II, 1; III, 2, 9; IV, 13). Особенно редко встречаются в материалах могильников маленькие лепные баночные сосуды, расширяющиеся кверху, с толстым дном и прямым венчиком (табл.II, 15).

Оригинален кувшин из могилы 9 (табл. III, 11). Полной аналогии этому сосуду нам не известно. Его своеобразие определяется сочетанием формы тулова и положения ручки, соединяющей нижний край плечика и верх горловины (под венчиком).

Лощеная керамика представлена: кружкой, украшенной зональным вертикальным и горизонтальным волнистым орнаментом (табл.III, 6), и двумя кубышками. Точные аналогии кубышке из погребения 3 (табл.I, 6) нам не известны, однако, близкие по форме, но без высокой горловины есть в Дмитриевском могильнике (кат.148), а по орнаменту – из разрушенного катакомбного погребения у Станицы Луганской (раскопки 1968 г.) (Флёров В.С., 1981, тип.VII). Вторая кубышка, орнаментированная по тулову сетчатым рисунком (табл.IV, 3), имеет аналогии в материалах Дроновского могильника, Лиманское озеро и тризне19 Дмитриевского могильника (Плетнева С.А., 1989, рис.76, с. 132), датируемой 2-й пол.IX в.

Краткий анализ керамики из захоронений дает возможность определить ее место в керамическом комплексе памятников салтово-маяцкой культуры Среднего Подонцовья. Необходимо также отметить и определенные отличия этого комплекса от керамических форм других регионов (Florov V.S., 1990; Флёров В.С., 1981, с.170-180; Parhomenko O.V., 1990, с.291 – 311; Kozlov V.I., 1990, с.171-189).

Хронологические рамки, определяющие время бытования указанной керамики в рассмотренных захоронениях 2-й пол.VIII – X в., в данном конкретном случае, по-видимому, можно сузить с кон.VIII до нач.X в., согласно датировке наиболее близких аналогий (Florov V.S., 1990, табл.XVI; Плетнева С.А., 1989).

К числу находок из погребений, дающих возможность говорить о времени существования памятника, можно отнести железную поясную пряжку (табл.II, 17), серьги (табл. III, 1) и набор амулетов (оберегов) (табл.II, 9-13) из детского погребения 4. Так, аналогичную железную пряжку, относимую С.А.Плетневой к поясным, по материалам из погребения в катакомбе 81 Дмитриевского могильника автор датирует сер.VIII – нач.IX в. (Плетнева С.А., 1989, с. 141, 161, 171, табл.23). К этому же времени относятся и серьги из

погребения 6 (табл.III, 1), аналогии которым также неоднократно были встречены в ранних катакомбах (56, 57, 106) Дмитриевского могильника (Плетнева С.А., 1989, с. 113, 171). Интересно, что в катакомбе 56 была найдена т.н. "ворворка" (Плетнева С.А., 1989, с.108, рис.56), такая же, как в п.4 (табл. II, 11). В посмертном подношении детского погребения 4 собран интереснейший набор оберегов, куда вошло и "ботало" (табл.II, 13). Включение этого атрибута, в обычной жизни степняков встречаемого на шеях животных, весьма интересно. Анализируя находки аналогичных ботал в захоронениях Дмитриевского могильника, С.А.Плетнева нашла возможным связать их с амулетами, имеющими еще в реальной жизни сакральное значение, в связи с принадлежностью их к т.н. "посвященным" животным – изыхам (Плетнева С.А., 1967; 1989, с.99).

Рассмотренный материал дает возможность определить, по-видимому, хронологические рамки памятника в пределах 3-й четв.VIII – кон.IX в. Интересно отметить, что набор амулетов из детского погребения этого могильника аналогичен набору из детского погребения 9 Дроновского III могильника, который, по мнению А.В.Комара, является самым ранним в рассматриваемом регионе (Комар А.В., 1999, с.125). Необходимо отметить, что ситуация появления памятников типа "Зливок" в Подонцовье, их хронологические рамки и система направления экономико-хозяйственного развития, предлагаемая А.В.Комаром, представляется нам весьма упрощенной. В то же время, мы вполне согласны с ним в характеристике построений концепции К.И.Красильникова (Комар А.В.,1999а, с.167).

Определив время существования памятника, мы можем сопоставить его с аналогичными в рассматриваемом регионе, определив общие и отличительные черты.

При описании топографии памятника нами было отмечено расположение обоих участков могильника на песчаной дюне левого берега реки. Аналогичное расположение свойственно почти всем памятникам (могильникам) поймы левобережья Северского Донца и его притоков (Зливки, Лиманское озеро, Волоковое, Славяногорск, Паньковка, Деменково, Чернико- во, Серебрянское) и, по-видимому, обусловлено топографическими, климатическими, эколого-хозяйственными факторами. Поселенцами учитывалось наличие в данном случае незатопляемых мысовых и надпойменных террас, окруженных старичными озерами и удобных для заселения. Как правило, могильники размещались на запад, юго-запад от поселений (Зливки, Лиманское озеро, Волоковое, Черниково, Серебрянское, Новолымаревка, Желтое), а иногда на их территории или ранее обжитых участках (Лиманское озеро, Серебрянское, Черниково, Деменково).

Расположение маленьких поселений и могильников на правом берегу Северского Донца характеризуется другими топографическими условиями (Желтое, Залиман-Шейковка, Покровское, Булгаковка, Маяки, Донецкий, Сидорово, Райгородок), однако, есть исключение (Дроновка), которое также обусловлено топографией памятника. Данный памятник сближает с левобережными и его планиграфия.

В начале статьи мы отмечали, что рассматриваемый памятник получил при исследовании два наименования (легенды) по близлежащим населенным пунктам. Причиной для этого послужило открытие в разное время двух могильников, расположенных на расстоянии 500-700 м друг от друга, но ближе к привязываемым объектам (Санжаров С.Н., 1996, 1997). Аналогичная ситуация просматривается при анализе материала отчетов и публикаций памятников Дроновка и Платоновка (Татаринов С.И., Копыл А.Г., 1981, с.300-305; Татаринов С.И., Копыл А.Г., Шамрай А.В., 1986, с.209-220). К этому же типу планиграфии могильников можно отнести и Новолымаревку (Красильников К.И., 1990; 1992).

Анализируя материалы указанных памятников, мы отмечали расположение двух

участков могильника невдалеке друг от друга, обычно на расстоянии от 200 до 700 м, отделенных иногда склоном яра или оврагом. Хронологические рамки обоих участков памятника почти всегда совпадают (Татаринов С.И., Копыл А.Г., 1981; Татаринов С.И., Копыл А.Г., Шамрай А.В., 1986; Красильников К.И., 1990). Попытка увязать эти отличия с разной конфессиональной принадлежностью умерших не объяснена (Красильников К.И., 2001) и неубедительна. Представленные материалы, по нашему мнению, дают возможность усматривать в такой планировке могильников отражение территориально выделенных комплексов родовых участков жителей одного поселения ("села"). Мы не претендуем на окончательное объяснение этого явления и надеемся, что полная публикация материалов могильников пойменной части бассейна р.Северского Донца даст возможность подтвердить или опровергнуть наше предположение.

Литература и архивные материалы

Айбабин А.И., 1999. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь.

Братченко С.Н., Швецов М.Л., 1984. Средневековый могильник у ст.Богаевской// СА. № 3.

Городцов В.А., 1905. Материалы археологических исследований на берегах Донца Изюмского уезда Харьковской губернии. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губ. в 1901 г.// ТР. XII АС. Т.1. М.

Комар А.В., 1999. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы// Vita antiqua. № 2. К.

Комар О.В., 1999а. Коментарі до статті Тахтай А.К. Погребальный комплекс хазарской эпохи из округи г.Чистяково Сталинской области// Vita antiqua. № 2. К.

Красильников К.И., 1990. О некоторых вопросах погребального обряда протоболгар Среднедонечья// Ранние болгары и финно-угры в Европе. Казань.

Ляпушкин И.И., 1958. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р.Дон// МИА. № 62.

Плетнева С.А., 1967. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура// МИА. № 142.

Плетнева С.А., 1989. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.

Плетнева С.А., 1999. Очерки хазарской археологии. М.

Прынь А.В., 1999. Праболгарский могильник Черниково озеро на Северском Донце// Проблемы истории и археологии Украины. Тезисы докладов научной конференции. Харьков.

Прынь А.В., 2000. Праболгарский грунтовый могильник Серебрянское на Северском Донце// Материалы конференции. Ростов-на-Дону.

Санжаров С.Н., 1996. Отчет об исследованиях археологической лаборатории "Спадщина" ВУГУ в 1996 г.// НА ИА НАН Украины, № 1996/68.

Санжаров С.Н., 1997. Отчет об исследованиях археологической лаборатории "Спадщина" ВУГУ в 1997г.// НА ИА НАН Украины, № 1997/45.

Татаринов С.И., Копыл А.Г., 1981. Дроновские древнеболгарские могильники на р.Северский Донец// СА. № 1.

Татаринов С.И., Копыл А.Г., Шамрай А.В., 1986. Два проболгарских могильника на Северском Донце// СА. № 1.

Швецов М.Л., 1991. Могильник “Зливки”// Проблеми на прабългарската история и култура. Трета международна среша по прабългарската археология. Шумен. 1990. 2. София.
Швецов М.Л., 2000. Конфессиональные отношения на юго-востоке Украины в эпоху средневековья// Наука. Религия. Общество. Донецк.
Швецов М.Л., 2001. Погребение 40 могильника “Зливки”// Проблемы истории и археологии Украины. Харьков.
Флёров В.С., 1981. Лощеная керамика салтово-маяцкой культуры как исторический источник. Рукопись диссертации к.и.н.// Фонд Донецкого краеведческого музея.
Флёров В.С., 1987. Распространение лощеной керамики на территории салтово-маяцкой культуры// Плиска – Преслав. Т.2. София.
Kozlov V.I., 1990. Die Keramik der sibluncen der balcan-donau Kultur 1m. 8-10 jn. an der meereskuste des flugbnnenlandes dbeser Dnester-Donau// Die Keramik der Saltovo-Majki Kultur und ihrer Varianten/ Varia Archaeoloqica Hungarica/. III. Budapest
Parhomenko O.V., 1990. Die Keramik der Saltovo – Kultur am oberen Lauf des Don// Die Keramik der Saltovo- Majaki Kultur und ihrer Varianten/ Varia Archaeoloqica Hungarica/. III. Budapest.
Florov V.S., 1990. Einge arten der polierten Keramik der Saltovo-Majki Kultur// Die Keramik der Saltovo- Majaki Kultur und ihrer Varianten/ Varia Archaeoloqica Hungarica/. III. Budapest.

Summary

M.L. Shvetsov, S.N. Sanzharov, A.V. Pryn (Donetsk, Lugansk, Lugansk, Ukraine)

Two New Rural Cemetries in the Seversky Donets Basin

The paper bears on new materials of the rural cemetries on the left bank of the Seversky Donets river. The data obtained from the burials have enabled us to determine their chronology (the third quarter of the Vlllth century – the end of the Xth century) and to analyse their funeral rite features. Having correlated our data with those published earlier we could localize the cemetries related to the neighbouring settlements, to specify their topography as to the land releif, climate conditions and economic activity of the population. The authors suggest that the burials layout (planigraphy) on each cemetery, their distinct parcelling into two sections (Chernikovo – Serebryanskoye, Dronovka – Platonovka, Novolymaryevka I and II) reflects not so much chronological or confessional differences, as kindred and social ones.The burials having some specific elements of the funeral rite (the prone position of the deceased), this adds to the knowledge of the character of the rural burial grounds in the Seversky Donets basin of Zlyvky type.

M.L. Švecov, S.N. Sanžarov; A.V. Pryn’ (Donezk, Lugansk, Lugansk, Ukraine)

Zwei neue Dorfgräberfelder im Donez-Gebiet

Im Artikel werden neue Materialien vorgestellt, die die in den lezten Jahren erforschten Dorfgräberfelder am linken Ufer des Severskij Donez charakterisieren. An den Materialien

der beschriebenen Bestattungen wurde ihre chronologische Periode (3. Viertel des VIII.-Ende des IX. Jhs.) festgestellt, und das Bestattungsritual wurde analysiert. Der Vergleich mit früher beschriebenen Dorfgräberfeldern des Donez-Gebietes kann man nach der Einsicht des Autors die Lage der Gräberfelder in Bezug auf Siedlungen vermerken, auf ihre topographische Spezifik hinweisen, die mit Geländegestaltung, klimatischen Bedingungen und mit wirtschaftlicher Tätigkeit verbunden ist. Die Planigraphie der Bestattungen, ihre Trennung in zwei Teile (Cernikovo-Serebrjanskoje, Dronovka-Platonovka, Novolimarevka I und II) widerspiegeln wohl eher verwandschaftlich-soziale als chronologische und konfessionelle Unterschiede. Obwohl einige Elemente des Bestattungsrituals (das Hinlegen der Verstorbenen mit dem Gesicht nach unten) eigenartig sind, ergänzen diese Gräberfelder unsere Vorstellungen über den Charakter der Dorfgräberfelder des Donez-Gebietes vom Typ Zlivok.

M.L. Chvetsov, S.N. Sanjarov, A.V. Pryn (Donetsk, Lugansk, Lugansk, Ukraine)

Deux nouvelles nécropoles rustiques dans le bassin du Donets

Dans l'article ci-dessus on présente de nouvelles données sur des nécropoles rustiques de la rive gauche du Donets Séversky. Ces dernières avaient fait l'objet de recherches des dernières années. Des inhumations examinées permettent de définir leur cadre chronologique (3me quart des VIII – fin IX s.s.) et analyser le rite funéraire. Les auteurs estiment qu'en comparant la localisation des nécropoles sur ce territoire citée dans d'autres publications, on peut localiser ces nécropoles par rapport aux sites, faire voir le caractère particulier de leur topographie dû au relief du territoire, aux conditions climatiques et aux activités de la population. On suggère l'idée que la planigraphie des nécropoles, leur dissociation en deux terrains (Tchernikovo – Sérébrianka, Dronovka – Platonovka, Novolimarevka I et II) ne signalent pas seulement des différences chronologiques et confessionnelles mais aussi celles d'ordre familiale et sociale. Malgré certaines particularités du rite funéraire (position des morts face contre terre), ces nécropoles complètent nos connaissances concernant le caractère des inhumations rustiques du bassin du Donets du type Zlivki.

М.Л. Швецов

ОБ ОДНОЙ ИЗ ПРИЧЕСОК ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ*

Среди признаков, маркирующих этнический состав населения, отражавших не только половозрастной, но и социальный статус в древности и средневековье (внешнее убранство, одежда, пояса, головные уборы), особо выделяется прическа. Ее значению в ритуалах и обрядах, особенно у тюркоязычного населения степи, уделялось большое внимание, в том числе связи волос с идеей души, с миром божеств, и с космогоническими мифами. Видимо, поэтому в письменных источниках данного периода можно неоднократно встретить упоминания о «народе косоносцев и народе, бреющем голову». Разбору этих упоминаний посвящены научные статьи, связывающие определенные типы причесок с этносом. Среди них есть и материалы, публикующие археологические находки из погребений или изображения людей с упоминаемыми прическами. Разбор археологических артефактов, сопоставимых с данными письменных источников, может дать интересный результат. Поэтому наша работа и посвящена рассмотрению данного вопроса.

В 1976 г. в Новоазовский школьный музей была передана глиняная статуэтка (Швецов М.Л., 1989, с.58, рис.65, 2), найденная между хуторами Маркин и Щербак, на берегу балки Широкой, впадающей с левого берега в речку Еланчик, несущей свои воды в Азовское море. Вылепленная из куска серой, хорошо отмученной глины с последующим обжигом, фигурка человека сохранилась не полностью (высота сохранившейся части 5 см; рис.1). Голова отделена от туловища массивной, четко вылепленной шеей, плечи как бы приопущены, руки сохранились чуть ниже плеч, корпус слегка сутул. На голове видны следы от головного убора (?), видимо, закрывавшего первоначально и лоб. От темени ко лбу показана прическа (?) в виде вертикального валика, внизу переходящего в линию носа. На лбу, чуть выше глаз, глиняный валик слегка придавлен и как бы делится на две части. Глаза, расположенные близко к линии носа, изображены ямками- проколами. Рот передан узким, слегка расширяющимся в центре отверстием. Манера передачи антропологических особенностей лица изображаемого человека посредством разных соотношений высоты и ширины головы дала возможность мастеру подчеркнуть монголоидность облика. Это впечатление усиливается намеченной линией скул, приплюснутым носом и близко посаженными глазами (рис. 1, 1-2).

Публикуемая статуэтка не является единственной в степях Причерноморья. Почти полную аналогию ей (рис.1, 3) мы находим в материалах Надпорожья – из балки Звонацкой (Бодянский О.В., 1970, с. 17), в Нижнем Поднепровье у Никополя – из Капуливки (Рутковская М.Л., 1970, с.200, рис.5, 12) и Снегиревском р-не Николаевской области у с. Галагановка (рис.2)[1]. Все указанные находки почти идентичны рассматриваемой, отличаясь лишь степенью сохранности и незначительными индивидуальными чертами. Так,

* Опубликовано: Швецов М.Л. Об одной из причесок эпохи средневековья // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). Т. I. Материалы III Международной археологической конференции. Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина. – Самара. 2001. С. 135-144.

[1] Искренне признателен С.Н.Ляшко, Т.Панибудьласке и Н. В. Фомичеву за помощь в поисках аналогичных статуэток.

фигурка из б.Звонацкой имеет более приплюснутую сверху голову, что делает ее еще более широкоскулой. По груди статуэтки вниз идет небольшая вмятина, сделанная по сырой глине, придающая фигурке большую широкогрудость, но все равно видна покатость плеч. Как и на статуэтке из Приазовья, здесь сохранились следы головного убора (?) и прически (?). Валик также идет от макушки ко лбу и дальше, изображая в нижней своей части нос. Чуть выше глаз, там, где начинается нос, на валике видны следы защипа, сохранился след и от головного убора (шапки или шлема). На статуэтке из Галагановки следов головного убора нет, но хорошо виден желобок для валика, идущего от макушки. Изготовлена она менее аккуратно, чем предыдущие и сохранилась хуже (рис. 2). У капуливской фигурки лицо вылеплено как и у остальных статуэток; в аналогичной технике переданы глаза, рот, нос. Туловище почти не сохранилось (Рутковская М.Л., 1970, рис.5, 12). Наблюдается черта, присущая всем фигуркам – сутулость. На статуэтке из б.Звонацкой хорошо виден длинный след пальца, оставленный на мокрой глине и позволяющий предполагать, что фигурка крепилась к какой-то основе. Вероятно, это было животное; возможно, конь.

Подчеркнутая монголоидность, заметная на изображениях, дает возможность искать аналогии статуэткам не в материалах эпохи бронзы или раннего железного века, а в памятниках средневековья. Комплексы, сопутствующие двум находкам, позволяют сузить хронологические рамки (Бодянский О.В., 1970; Рутковская МЛ.,1970). Так, статуэтка из Капуливки была найдена на памятнике, датируемом Л.М.Рутковской IV-V вв. н.э.. V – VII вв. датирует автор находки из балки Звонацкой, откуда происходит другая фигурка (Бодянский О.В.,1970, с.17-18). Однако в связи с тем, что рассматриваемые нами терракоты происходят не из закрытых комплексов и увязка их с датировкой может быть поставлена под сомнение, мы обратимся к кругу аналогий, иконографически близких нашим статуэткам.

В степях Восточной Европы аналогичные терракоты нам не известны, однако восточнее, в Средней Азии, терракотовые фигурки, стилистически близкие нашим, представлены широко (Ремпель Л.И., 1949; Заславская Ф.А., 1956, с.88; 5; 6). Анализируя коропластику Согда, В.А.Мешкерис выделяет «лепные фигурки с глазами в виде углубления», указывая, что главный признак – «трактовка глаз, характеризует группу в целом» (Мешкерис В.А., 1977, с.46). Некоторые материалы Кафыр-Калы и Пенджикента это подтверждают. Аналогичный прием характерен для терракотовых изображений тюркских всадников-воинов (Мешкерис В.А., 1962, с.49). По мнению исследователей Согда, такие статуэтки также являются частью изображений воинов-всадников (Заславская Ф.А., 1956, стр.88; Мешкерис В.А., 1962; 1977, с.55-54), у которых «слабомонголоизированного типа лицо всегда скуластое и булава в правой руке» (Мешкерис В.А., 1977, с.54). Время появления «всадников с булавами» как в Согде, так и в Тохаристане приходится на VI-VII вв., «когда значительная часть среднеазиатских земель находилась под властью Тюркского Каганата» (Мешкерис В.А., 1977, с.53-54; Пугаченкова Г.А., 1956, с.252).

Если прямых аналогий нашим статуэткам в материалах раннего средневековья Восточной Европы мы не находим, то скульптурка всадника-воина с булавой в правой руке известна в материалах Саркела (Плетнева С.А., 1967, с.178). По мнению С.А. Плетневой, это изображение мужчины с огромными выпуклыми глазами и уложенной на затылок косой, сжимающего булаву правой рукой (Плетнева С.А., 1967, рис. 49,19), которое крепилось, по-видимому, к лошади, т.е. изображало всадника (Плетнева С.А., 1967, с.178). Данная фигурка интересна еще и своей прической. Характерной деталью, присущей всем публикуемым терракотам, является наличие валика, идущего от темени ко лбу (рис. 1,1,2,3;2). Если допустить, что под валиком древний мастер понимал прическу, то круг аналогий можно значительно расширить. Подобная прическа археологически фиксируется впер-

вые на памятниках таштыкской эпохи (Киселев С.В., 1949, с.248, табл. XXXVIII, 2; ГИМ, инв. 79956/275; Кызласов Л.Р., 1960; Грязнов М.П., 1976, рис.61). Ее детальное описание и анализ приведены Э.Б. Бадейкой (Вадецкой Э.Б., 1985, с.7-13).

Изображение человека с бритой головой и своеобразной прической в виде косы или чуба, идущего от темени, хорошо известно в средневековье (рис.4) (Евтюхова Л.А., 1952, с.74, рис.3, с.82, рис. 18; Вадецкая Э.Б., с.86, рис.10, с.132, табл.IX, 29, 35, 36, с. 143; Овчаров Д., 1982, с.146, табл.1 XXXII, 1; Пугаченкова Г.А., 1965; 1982, с.88; Окладникова Е.А., 1987, с.175, рис.21, табл.II). Весьма интересны портретные изображения, открытые в Пенджикенте в помещении 28 объекта XXV и датируемые первой четвертью VIII в. На этих изображениях у одного из участников пира, одевающего венок, голова выбрита, оставлен «только чуб, идущий с затылка колбу». По мнению Б.И. Маршака, это восточный прототип прически казаков. В письменных источниках раннего средневековья сохранилось несколько описаний такой прически, характерной, по мнению М.И. Артамонова, для тюрок (Артамонов М.И., 1962, с.155). Бритыми головами отличались болгары, что засвидетельствовано и в «Именнике болгарских ханов», где проболгарские владыки названы «князьями с остриженными головами». Болгары оставляли на голове пучок длинных волос, который иногда заплетался в косу (Артамонов М.И., 1962, с. 156). По мнению С.А. Плетневой, к числу «бреющих голову», кроме болгар, принадлежали и хазары (Плетнева С.А., 1979, с.27). В связи со сказанным приобретает значительный интерес изображение на створках диптиха 506 г. (Консул Ареобид) из Византии, хранящегося в Гос. Эрмитаже (Банк А.В., 1960, табл.21). В числе зрителей, сидящих на трибунах, изображен мужчина с бритой головой и уложенной на макушке прической (третий справа), аналогичной прическе мужской фигурки из ГИМ (инв. 79956) и очень близкой нашим изображениям. Не исключено, что подобная прическа, переданная с изменениями, изображена и у другого зрителя на диптихе (второй слева).

Приведенные аналогии самим статуэткам и их деталям позволяют, на наш взгляд, датировать их VI-VII вв. Наличие мелкой пластики на памятниках этого времени как в степи, так и в лесостепи не вызывает удивления (Пугаченкова Г.А., 1965; Pletniowa C., 1978, s.82, рис.48, 51; Гадло А. В., 1965, с. 41-44). К числу таких памятников можно отнести изображение человека из Ново – Даниловки, опубликованное Б.А. Шрамко (Шрамко Б.А., 1962, рис.70). Но, как совершенно верно отметил В.П. Андриенко, оно относится к раннему средневековью (Андриенко В.П., 1975).

Особенно примечательна глиняная статуэтка из Новочеркасского музея, опубликованная А.В. Гадло (Гадло А.В., 1965, с.41-44). Она также передает портрет воина с монголоидными чертами лица и бритой головой и является частью изображения всадника (Гадло А.В., 1965, с.42). Аналогичные фигуры имеются в каменной скульптуре этого времени из Ново-Яковлевки под Бердянском (ИАК, 1895; Гадло А.В., 1965, с.43), а также в металле (Ларенок П.А., 1986) и в каменных изваяниях из уникального святилища, открытого В.В. Отрощенко у с.Черноземное в Запорожской области (Отрощенко В.В., 1980), восточные корни которого, указанные нами (Отрощенко В.В., Швецов М.Л., 1992), несомненны (Кисилев С.В., 1949.; Кызласов Л.Р., 1960, с.64-68; 1979, с. 129, рис. 91, с.130; Формозов А.А., 1965,с.201; Войтов В.Е., 1987 , с.72, 99-100). Хорошо известна мелкая каменная скульптура и глиняная пластика в памятниках салтово-маяцкой культуры. (Pletniowa S., 1978, s.82, рис. 82, 48, 51), а также Болгарии как эпохи Первого Болгарского царства (Аладжанов Ж., 1983, с.76,81; Васильев А., 1973; Ангелов А., 1981; Вадецкая Н.Н., 1978, с. 161), так и более позднего времени.

Круг источников будет не полным, если мы не остановимся еще на следующих данных. Лев Диакон, описывая портрет князя Святослава при встрече его с Иоаном Цимисхием,

упоминает прическу славянского князя: «...голова у него была совершенно голая, но с одной стороны свисал клок волос – признак знатности рода» (Диакон Лев, 1988, с.82). Описывая жителей Тмутаракани, венгерский монах, посетивший Приазовье в 1287 г., пишет о том, что «князь имеет сто жен, все мужчины бреют головы, а бороды растят умеренно, за исключением благородных, которые в знак своего благородства над левым ухом оставляют немного волос, причем вся остальная голова брита» (Fejer, Codex.., p.51-52). Аналогичную прическу упоминает и Рубрук у степняков: «после бритья оставляют пучок волос, спускающийся до бровей» (Рубрук Г., 1957, с.99). Интересные данные этнографического характера приводит О. Гваньини, описывая степное Причерноморье XV- XVI столетий. Говоря о татарах (под именем татар следует понимать потомков половцев, ассимилировавших появившихся в степях Восточной Европы в XIII в. татар – Рашид-ад-Дин), он упоминает, что «голову голять повністю за винятком дітей та значніших осіб, тобто цариків або їх мурз, ці залишають на маківці голів чуби, котрі закручують довколо вуха» (Гваньіні О., 1998, с.21). Приведенные данные свидетельствуют о том, что рассматриваемая прическа в раннем средневековье отражала не только этническую принадлежность (тюркоязычные народы), но и являлась социальным атрибутом (князья, ханы). С расселением тюркоязычного населения в Восточную Европу и его инфильтрацией в другие этнические группы, данная прическа теряет свое этническое значение (по-видимому, с X в.) и постепенно распространяется в определенной социальной и военной среде – прежде всего, среди украинских казаков, сохраняя свое восточное название, давшее прозвище населению Украины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аладжанов Ж., 1983. За култа към Тангри в среновековна България// Археология, книги 1-2. София.

Ангелов А., 1981. Прабългаринът от Варна // Отечество. 11. София.

Андриенко В.П., 1975. Земледельческие культы племен Лесостепной Скифии (VII- Vвв. до н. э.) Дис. канд. ист. наук. Харьков.

Артамонов М.И., 1962. История хазар. Л.

Банк А.В., 1960. Искусство Византии в собрании Государственного Эрмитажа. Л.

Бодянский О.В., 1970. Археологічні пам'ятки VI-XIII віків нашої ери в Дніпровському Надпоріжжі. Рукопись // Фонды ИА НАН Украины. Кол. № 3, ящ.40, № 22.

Вадецкая Н.Н., 1973. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М.

Вадецкая Э.Б., 1985. Таштыкские накосники и прически // КСИА. Вып.184. М.

Вадецкая Э.Б., 1986. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.

Васильев А., Силяновска – Новикова Т, 1973. Каменна пластика // Българско художествено наследство. София.

Войтов В.Е., 1987. Каменные изваяния из Унгету // Нейтральная Азия. М.

Гадло А.В., 1965. Глиняная статуэтка в собрании Новочеркасского музея //КСИА. Вып. 104. М.

Голданова Г.Р., 1987. Доламаистские верования бурят. Новосибирск.

Грязнов М.П., 1976. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск.

Диакон Лев, 1988. История. Перевод М.М. Копыленко и М.Я. Сюзюмова М.

Евтюхова Л.А., 1985. Таштыкские изваяния Южной Сибири и Монголии// МИА, № 24. М.

Заславская Ф.А., 1956. Терракотовые статуэтки всадников с булавами из Афрасиаба в собраниях музея истории УЗССР. Ташкент.

Киселев С.В., 1949. Древняя история Южной Сибири // МИА. №9. М.-Л.

Кисилев С.В., Евтюхова Л.А. Саяно-Алтайская экспедиция // КСИИМК, вып. 26. М.

Кызласов Л.Р., 1960. Таштыкская эпоха. М.

Кызласов Л.Р., 1960. Тува в период тюркских каганатов (VI-VIII вв.) // Вестник МГУ, сер. 9. Ист.науки. №1.

Кызласов Л.Р., 1979. Древняя Тува. М.

Ларенок П.А., 1986. Бронзовая фигурка всадника из Морозовского карьера // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XIV вв. Азов.

Мешкерис В.А., 1962. Терракоты Ташкентского музея. Л.

Мешкерис В.А., 1977. Коропластика Согда. Душанбе.

Окладникова Е.А., 1987. Образ человека в наскальном искусстве Центрального Алтая // Антропоморфные изображения. Новосибирск.

Овчаров Д., 1982. Български средневековни рисунки-графити. София.

Отрощенко В.В., Ковалев Н.В., Пустовалов С.Ж., 1980. Отчет Запорожской экспедиции за 1980г. // Научный архив ИА АН Украины, 1980/5. с.49-57.

Отрощенко В.В., Швецов М.Л., (в печати). Святилище эпохи раннего средневековья в Северном Приазовье.

Плетнева С.А., 1967. От кочевий к городам (салтово-маяцкая культура) // МИА. № 142. М.

Плетнева С.А., 1979. Сведения русских летописей о восточноевропейских кочевниках эпохи раннего средневековья (VII-нач.XII вв.) // Археология Восточноевропейской Лесостепи. Воронеж.

Пугаченкова Г.А., 1965. Об одной группе лепных терракотовых статуэток Тохаристана // Новое в советской археологии. М.

Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И., 1982. Очерки искусства Средней Азии. М.

Ремпель Л.И., 1949. Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы // Труды ЮТАКЭ, т. 1. Ашхабад.

Рутковська М.Л., 1970. Поселення IV-V ст. н.е. в с. Капуливка на Нижньому Дніпрі // Археология, т. XXIV. Київ.

Рубрук Гильом, 1957. Путешествия в восточные страны. Пер. под редакцией И.П. Шастиной. М.

Швецов М.Л., 1993. Находки средневекового времени // Археологический альманах. Донецк.

Шрамко Б.А., 1962. Древности Северского Донца. Харьков.

Формозов А.А., 1965. Очерки по первобытному искусству. М.

Pletniowa S., 1978. Die chasaren Mittelalterlichts Reich an Don und Wolga. Leipzig.

Feger, Codex diplomaticus Hungaricae ecclesiasticae et civilis, V, pS. II.

Список сокращений

ИА НАНУ – Институт Археологии Национальной академии Наук Украины.
КСИА – Краткие сообщения института Археологии
КСИИМК – Краткие сообщения института истории материальной культуры
МГУ – Московский Государственный Университит
МИА – Материалы и иследования по археологии
ТР ЮТАКЭ – Труды Южно-Туркменской археологической экспкдиции

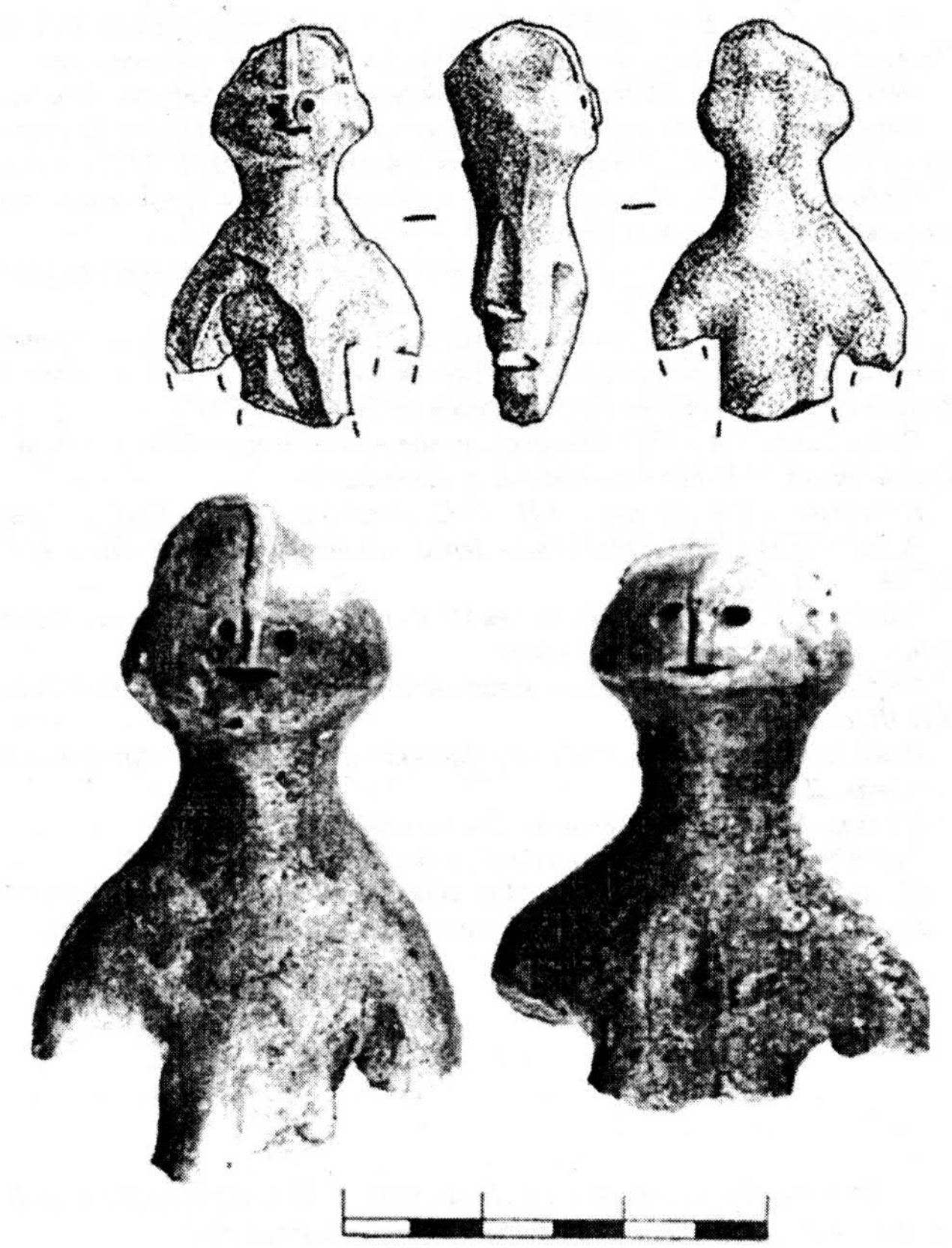


Рис. 1. Статуэтки из Еланчика и Звонацкой.
1,1 Статуэтка из Еланчика (б. Широкая; а-б-в)
1,2,3 – фото статуэток; 2 – Еланчик, 3 – Звонацкая.

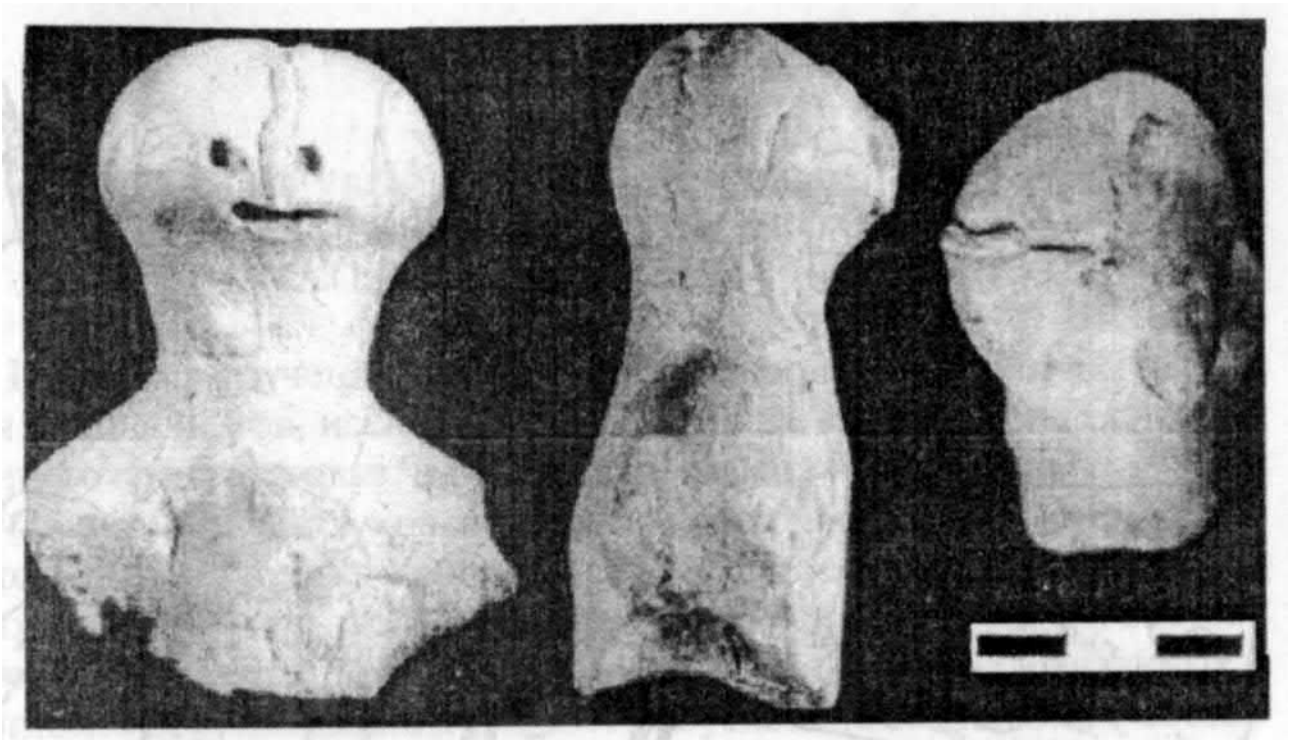


Рис. 2. Статуэтка из Галагановки, а – вид спереди, б – сзади, в – сверху.

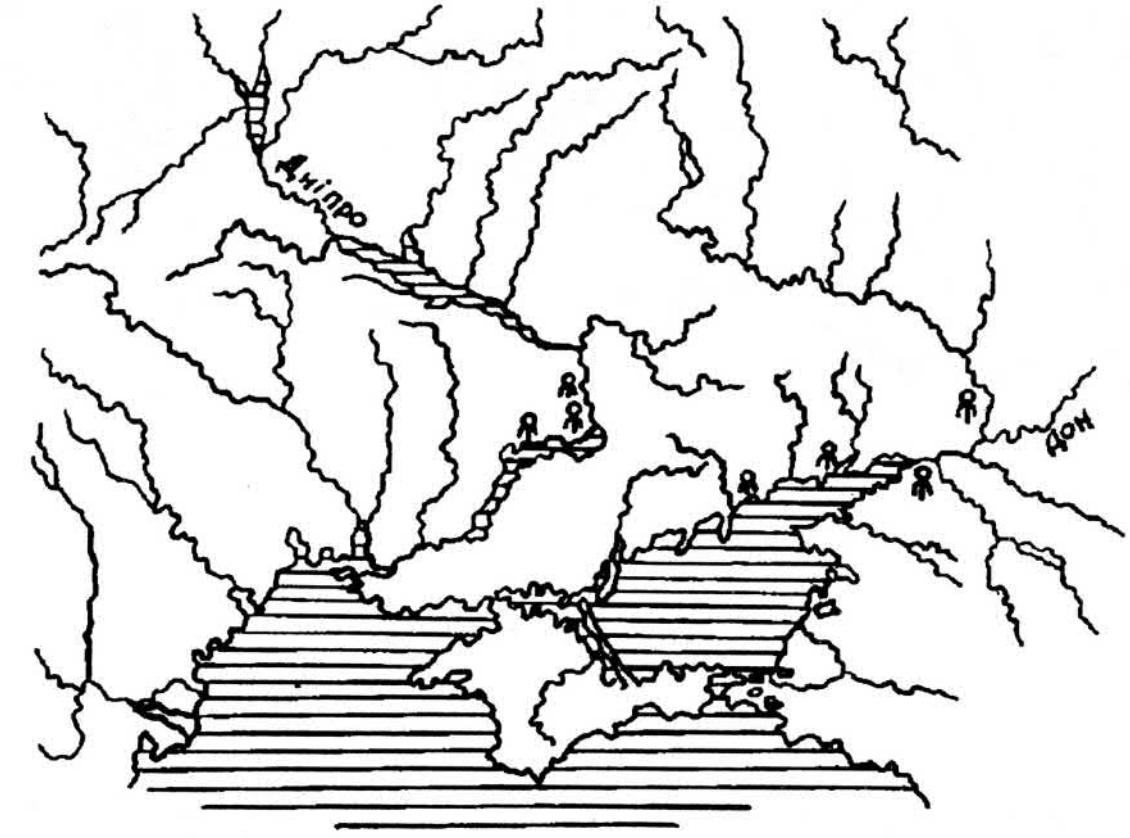


Рис. 3. Карта распространения статуэток и аналогии к ним; 1 – Еланчик, 2 – Звонацкая, 3 – Капуливка, 4 – Галагановка, 5 – Азов, 6 – Нижнекундрючья, 7 – Ново Яковлевка.

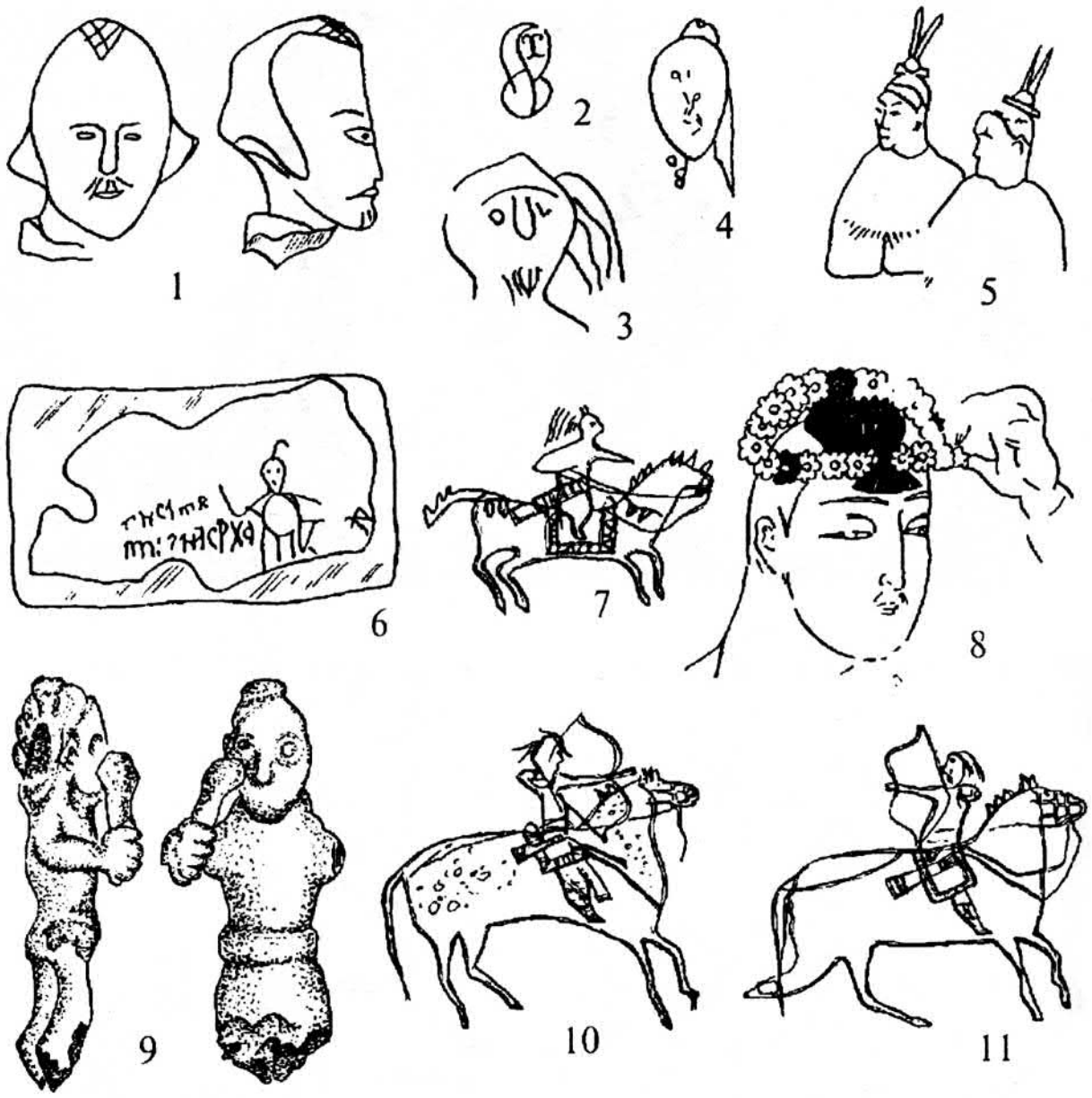


Рис. 4. Прически с чубом и косой. 1 – Уйбат.Чаатас (Хакасия), 1-й земляной курган; 2,3 – Преслав, 4 – Плиска; 5 – Китай; 6 – Плиска (Базилика); 7, 10, 11 – Сулек (по М.И. Артамонову); 8 – Пенджикент, помещение 23, объект XXV (по Б.Я. Маршаку, В.И. Распоповой); 9 – Саркел.

М.Л. ШВЕЦОВ

Л. В. БЕДИН И ИССЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТОВЫХ СООРУЖЕНИЙ ВОСТОЧНЫХ НАРОДОВ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ДОНБАССЕ*

Одно из направлений собирательской и научно-поисковой работы Леонарда Вениаминовича Бедина нашло отражение, как мы видим, в монументальных памятниках древности, а точнее и в монументальной скульптуре, представленной в экспозиции и интерьере созданного им музея. Будучи не только прирожденным собирателем, но и внимательным исследователем древностей родного края, он отлично понимал значимую научную и искусствоведческую важность и уникальность, собираемых им каменных изваяний как исторического источника, не вырываемого из контекста исторического окружения. Вот почему здесь, в экспозиции, так гармонично переплетаются материалы из степных захоронений, святилищ и культовая скульптура, представленная уникальными образцами художественной пластики от эпохи энеолита до позднего средневековья. Но на данном хронологическом промежутке не завершались его научные интересы. Это хорошо демонстрируют его полевые исследования (в которых принимал участие и автор данной статьи), проведенные в 1973 г. на территории с. Провалье, по изучению культового сооружения, датируемого монетами 1812-1815 годов. По воспоминаниям местных старожилов, на поверхности данного сооружения, в виде курганной насыпи, еще в период их детства находились четыре каменных изваяния, расположенные по сторонам света, возможно, аналогичные экспонируемым ныне в музее.

Неудивительно, что именно данные изваяния стали объектом внимательного изучения специалистов — С.А. Плетневой [16], Л.С. Гераськовой [4], К.И. Красильникова [14], высказавших по вопросу их хронологии, этнической атрибуции много интересного и спорного. Поэтому включение их в каталог [12] и публикация в составе археологических коллекций Свердловского краеведческого музея — решение правильное и насущное, так как работа по их изучению должна продолжатся. Публикация в каталоге музея изваяний столь большого хронологического периода предусматривалась авторами как один из этапов введения их в широкую науку. В рамках же представленного нами доклада мы остановимся только на некоторых из них, относящихся, по нашему представлению, к одному хронологическому периоду.

В собранной коллекции их — пять[1]. Их описание мы приводим с учетом публикуемых авторами данных и своего визуального осмотра.

Изваяние 1 (93) — мужское стеловидное[2], плоское (рис. I, 1). На овальной голове — невысокий головной убор. Лицо портретное монголоидное, скуластое, с опущенным подбородком. Комбинацией прочерченных линий и слабо выступающего валика показаны брови в виде дуг, впадины глазниц, нос, узкий рот и усы. Подбородок заострен. Левая рука

* Опубликовано: Швецов М.Л. Л.В.Бедин и исследования культовых сооружений восточных народов эпохи средневековья в Донбассе // Матеріали наукової конференції археологів і краєзнавців, присвяченої 75-річчю від дня народження Леонарда Веніаміновича Бєдіна (24-25 вересня 2003 року). – Луганськ. 2005. С.161-168.

[1] Согласно каталогу Свердловского музея, это номера: 93, 258, 660, 661, 662.

[2] Согласно С.А.Плетневой, "полустеловидное, тип II", с. 97.

согнута в локте к поясу, правая поднята к уровню груди, ее кисть держит за горловину сосуд — высокий, узкогорлый, расширяющийся к венчику кувшин. Ниже сосуда, на уровне пояса, изображены подогнутые одна к другой ноги со сплетенными стопами, создающими впечатление позы сидящего по-восточному человека. Высота изваяния 1,70, ширина 0,28, толщина 0,07(?) м. Изготовлено из мелкозернистого плотного песчаника. По К. И. Красильникову "обнаружено в кургане и привезено из с. Красный Кут Антрацитовского района" [14, с.75]. В каталоге Свердловского музея, указано — "найден в с. Бирюзово Свердловского района." Согласно классификации К.И. Красильникова, абрис — тип II.

Изваяние 2 (258) — мужское, столбовидное, круглое (рис. I, 2). Голова на четко очерченных плечах, круглая, симетричная, с выделенными ушами. По-видимому, в круглом головном уборе, что подчеркивает изображение пояска. Лицо круглое, портретное, моголоидное. Глаза, близко стоящие к носу, круглые. Линия носа и бровей передана Т-образным рисунком. Хорошо выделены усы. Проработанные контуры тела подчеркнуты линией пояса, показанного узкой канавкой (до 1 см). На плечах и груди хорошо видны линии ремней, крепящих, по-видимому, бляхи. Возможно, расположенная выше пояса ромбовидная фигура символизирует сосуд. Высота изваяния 1,65, ширина 0,40, толщина 0,30 м. Изготовлено из рыхлого среднезернистого песчаника, привезено из с. Провалье Свердловского района. Согласно классификации К.И. Красильникова, тип VI, абрис — тип II [14 с.77]. В своде С. А. Плетневой отсутствует.

Изваяние 3 (660) — женское столбовидное, плоское (рис.I, 3). Сохранность поверхности средняя. Хорошо выделены контуры и фас верхней части тела, с учетом специфики камня. Четко выделена круглая голова и прекрасно передана шея. Несмотря на нечеткую сохранившуюся лицевую часть, хорошо видна округлость лица, прямой нос, образующий с линией глаз Т-образный рисунок. Впадины по бокам носа, округлость щек подчеркивают не только портретность образа, но и монголоидность. Нижняя часть изваяния сильно заужена, что не исключает существования платформы для ее крепления (установки). Высота 1, ширина 0,30, толщина 0,20 м. Изготовлена из крупнозернистого кварцитового песчаника (район с. Провалье, откуда происходит и изваяние). По классификации К.И. Красильникова, тип II, абрис — III [14, с. 85]. В своде С. А. Плетневой отсутствует.

Изваяние 4 (661) — мужское, столбовидной формы, изготовлено из подквадратного в сечении блока. Обработке подверглись участки в районе шеи, щек, глаз; брови и рот переданы гравировкой (рис.I, 4). Выделенная удлиненная голова с острым подбородком. Лицо уплощенное, портретное, с прямым, резко очерченным носом и зауженными овальными глазами, создают Т-образную композицию. Возможно, верхняя часть головы (?), чуть выше прочерченных бровей, передает подквадратный головной убор, с выступом на затылке. Высота 1м. Песчаник. Согласно классификации К.И. Красильникова, тип III, абрис — тип II. [14, с.84-85].

Изваяние 5 (662) — женское столбовидное, округлое[3] (рис.I, 5). Отличается от предыдущих не только своеобразным высоким островерхим головным убором, но и тщательностью обработки и наличием выразительных рельефных деталей. Округло-овальная голова с уплощенным лицом и со слегка скошенным подбородком, прекрасно проработанными деталями — прямым тонким носом и бровями, образующими Т–образную композицию. Маленький овальный рот с выделенными губами и зауженный подбородок подчеркивает монголоидность. На месте ушей серьги (или ушки, в которые вдеты серьги-кольца). Женская грудь (?), выделенная в виде двух полушарий, чуть асимметрична. Нижняя часть изваяния, зауженная линией пояса (?), возможно, подчеркивает вторую половину тела. А

[3] В своде С.А. Плетневой, согласно ссылке К.И.Красильникова, включена под номером 891. Однако приведенное ею описание изваяния уж очень коротко.

квадратный символ, выделенный выше пояса, возможно, символизирует сосуд (?). Высота изваяния 1,50, ширина 0,25, толщина 0,20 м. Песчаник местный мелкозернистый. Тип VI, абрис — тип II, по классификации К.И. Красильникова [14, с.75].

Как мы видим, почти все рассматриваемые нами изваяния, собранные Л.В. Бединым, происходят из Свердловского района, а точнее, Провальской степи. Поэтому было бы правильным добавление к перечисленным еще двух изваяний, найденных на этих землях и хранящихся в других музех Луганщины.

Изваяние 6 (52)[4] — стеловидное, с округло-овальной головой, выделенной над туловом (рис.I, 6). Обработана верхняя часть камня, слабо выделены плечи или шея. На лицевой стороне плиты плоским рельефом передано лицо в виде сердцевидной личины, с узким подбородком. Дугообразные брови и прямой, слегка расширяющийся к ноздрям нос в сочетании с глазами образуют Т-образный рисунок. Четко обозначены уши, примыкающие к личине. Высота изваяния 1,10, ширина 0,40, толщина 0,60 м. Привезено из Провалья. Песчаник мелкозернистый, плотный, местный. Тип I, абрис — тип II по К.И. Красильникову [14, с.76].

Изваяние 7 — мужское, столбовидное, изготовленное из квадратного в сечении блока (рис.I, 7). Представляет собой столб с выделенной головой, по-видимому, в подквадратном головном уборе. "Обработке подверглись участки в районе шеи, щек, глаз; брови и рот переданы гравировкой" [3, с. 261]. Овальный тяжелый подбородок как бы упирается в выделенную чертой полочку, отделяющую голову от тулова. Рисунок бровей, глаз и прямого массивного носа образуют Т-образную композицию. Выявлен на небольшом каменном кургане, у восточной окраины с. Нагольно-Тарасовка, в небольшой долине, окруженной с трех сторон грядами [3, с.261].

Хронологические рамки бытования данных скульптур определяются авторами исследований по-разному. Так, авторами каталога Свердловского музея указанные памятники объединены в одну хронологическую группу позднекочевнических древностей [12], что оправдано для составления каталога. С. А. Плетнева, собравшая более 1300 известных изваяний, 30 лет тому назад выделила их в группу "ранних", тип I, относя к периоду X–XI веков [16, с. 61]. К.И. Красильников рассматривает данные скульптуры "в общей теме половецких каменных изваяний Восточной Европы", отнеся часть из них к типу "ранних" [14, с.24], другую — "в промежутке между XI–XII веками, но скорее всего началом первой половины XII в." [14, с.24-25]. Указанный тип статуй Л. С. Гераськовой разделен на две хронологические группы VI–IX и IX–X веков [4, с.78]. Аналогичное изваяние, исследованное О.Я. Приваловой и А.И. Приваловым в одном из курганов в районе среднего течения р. Кальмиус, авторы относят к X веку [3, с.326]. Причиной столь неоднозначного выделения хронологических рамок рассматриваемых изваяний является не только разное определение и классификация скульптурных особенностей, но и отсутствие конкретных датирующих источников. К сожалению, основная масса рассматриваемых изваяний происходит из собранных коллекций музеев, а не из археологических комплексов, т.е. будучи "вырванными" из смыслового контекста, что не только затрудняет их хронологическую, но и даже этническую атрибуцию. В тоже время наличие аналогичных изваяний на других, более восточных территориях, как мы отмечали, дает возможность авторам, используя параллели в иконографии и типологии статуй, предполагать одновременность их существования или определенную их временную близость [4]. Тем более, что памятники восточных регионов евразийской степи сохранились не только лучше, но и исследованы в основном в комплексах культовых сооружений [5; 6; 15; 10; 11;19]. В качестве примера рассмотрения таких возможностей можно привести аналогичную ситуацию с половецкой скульптурой.

[4] Второй номер дан согласно каталогу, опубликованному К.И. Красильниковым в 1999 г.

Открытые в 1975 году [17], а в дальнейшем широко исследуемые [7; 16; 4] культовые сооружения половецкой эпохи дают возможность не только определить хронологические рамки существования половецких святилищ, увязывать с их сооружением определенные типы и иконографические каноны самих статуй, но и давать характеристику их этнической атрибуции [17; 16; 4].

Для возможного решения вопроса о связи приведенных нами выше изваяний с культовыми сооружениями восточноевропейской степи остановимся на некоторых раннее открытых памятниках на этой территории. Всеми авторами подчеркивается, что почти все вышеприведенные изваяния, собранные Л.В. Бединым, привезены из Провальской степи. Именно здесь в 1973 году были открыты, а в 1974, 1978 годах исследовались интересные каменные сооружения эпохи средневековья, часть из которых представляла собой каменные оградки или подквадратные сложенные конструкции с изваяниями [1, с.268; 2 с.316].

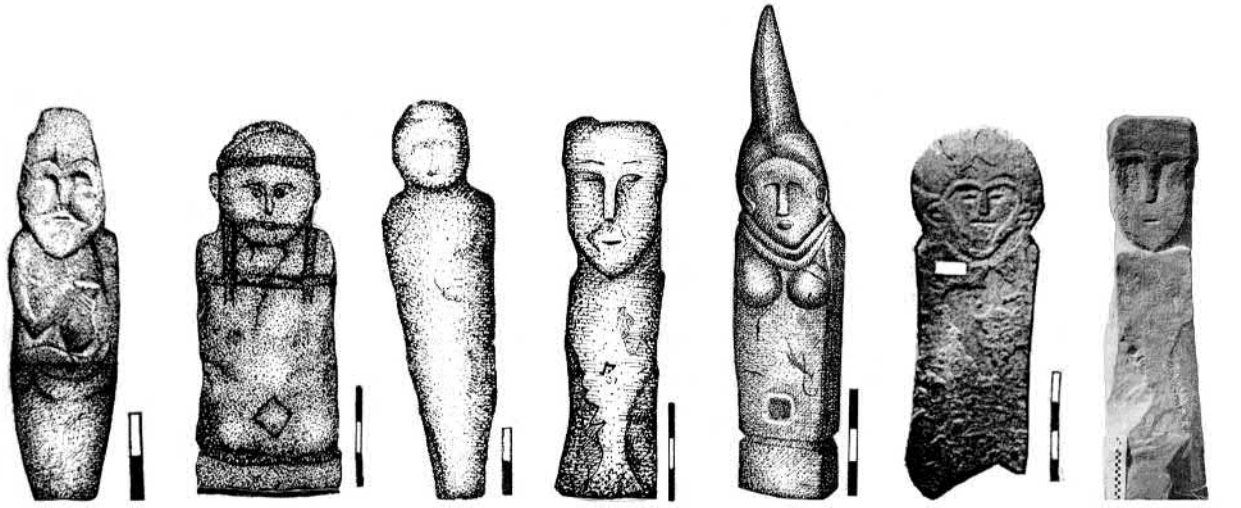
"Топографически они располагались в небольших ложбинах и между высокими курганами эпохи бронзы, имели вход с западной стороны", или в небольших "долинах, окруженных с трех сторон грядами", как в случае у с. Нагольно-Тарасовка [3, с. 261]. Одним из примеров можно привести каменную подквадратную конструкцию, исследованную у с. Провалье в 1974 году (рис.I, 8). Конструктивно данное сооружение на уровне древнего горизонта имело вкопанные вертикально песчаниковые камни (небольшие плиты) на основе и под углом к которым, по-видимому, укладывались другие камни, образующие своеобразную оградку–вымостку (рис.I, 5). Другая каменная оградка, по мнению исследователей, представляла "собой кольцевую наброску, подовальную в плане" [2, с. 316].

Конструктивно и типологически аналогичные сооружения широко известны в памятниках тюрок восточной части азиатской степи [5; 6; 9; 10; 11; 15], что отмечалось и исследователями этих оградок [3, с. 261]. Приведем другой пример, близкий предыдущему. Ближайший территориально, относящийся к этой же эпохе памятник, имеющий некоторые конструктивные отличия от провальских, был открыт О.Я. Приваловой и А.И. Приваловым в 1979 г. в зоне среднего течения р. Кальмиус, в Приазовье [3, с. 326; она же с. 22, рис. 21, 20]. В центре "каменной площадки 4 × 5 м была поставлена лицом на восток каменная баба, имеющая аналогии среди тюркских изваяний" [20 , с.22]. Из разрушенных каменных сооружений, аналогичных приведенным, происходят изваяния... , выставленные в экспозиции Донецкого краеведческого музея[5].

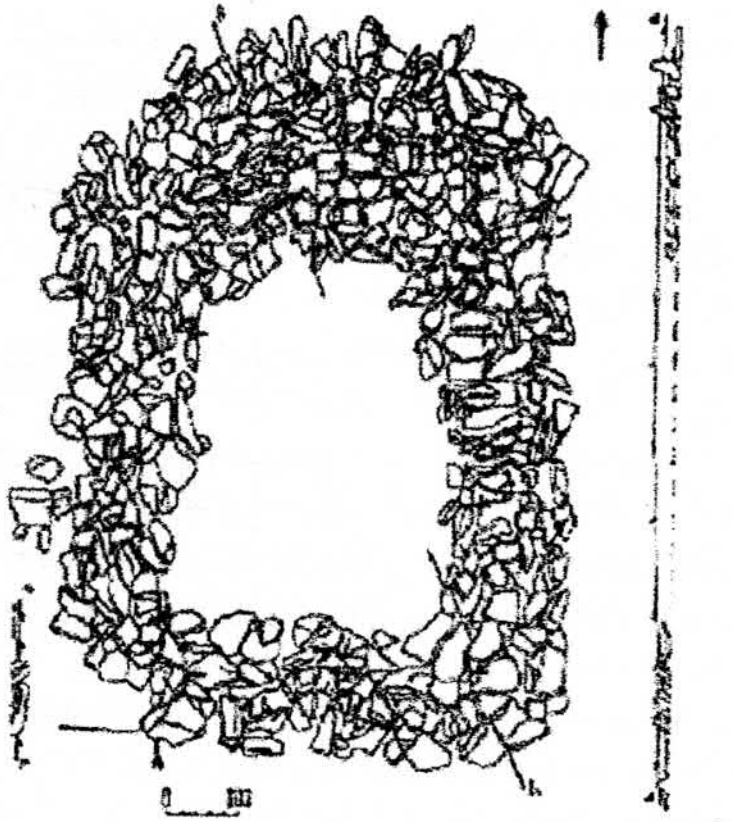
Существование аналогичных восточным культовых сооружений — типа оградок и каменных святилищ на территории восточноевропейской степи, делает возможным уточнение вопроса об их связи с определенными типами статуй и своеобразной традицией икографического изображения. Конструктивные особенности приведенных сооружений могут быть подтверждение хронологической совместимости не только святилищ, но и изваяний из Провальской степи с тюркскими памятниками восточных территорий, датируемыми VII—VIII веками.

Традиция возведения комплекса святилищ с каменными изваяниями в центре сооружения, эпохи средневековья, продолжается и в последующую половецкую эпоху. Не исключено, что в дальнейшем, в золотоордынский период, данная традиция продолжает существовать, несмотря на распространения ислама среди населения степи. Возможно, меняются виды и формы совершения ритуалов, однако почитание самих статуй, установка их на курганах или на специальных курганоподобных сооружениях, с проведением

[5] Автору и О.Я. Приваловой, тогда работавшим в Донецком краеведческом музее, местное начальство не позволило доисследовать разрушенный трактором курган со святилищем, разрешив вывезти в музей лишь статуи.



1 2 3 4 5 6 7



8

целого комплекса определенных ритуалов, в котором присутствуют: создание глиняной площадки (алтаря?), действия огня, принесение в жертву животных, (возможно, и человека), устройство тризны (или пира), преднамеренное уничтожение использованной в ритуале посуды, создание насыпи и установку на ней статуй, подтверждает исследованный Л.В. Бединым культовый комплекс в с. Провалье, датируемый монетами 1812-1815 годами.

Литература

1. Археологические открытия — 1974. — М., 1975.
2. Археологические открытия — 1978. — М., 1979.
3. Гераськова Л.С. Новые памятники средневековой скульптуры в Донбассе // Археологические открытия — 1979. — М., 1980. С.261.
4. Гераськова Л.С. Скульптура середньовічних кочовників степів Східної Європи. — К., 1991.
5. Грач А.Д. Каменные изваяния Тувы // сб. МАЭ.-1955-т.14.
6. Грач А.Д. Древнетюкские изваяния Тувы.— М.,1961.
7. Гуркин С.В. Половецкие святилища с деревянными изваяниями на Нижнем Дону // СА. – 1987. – № 4.
8. Досымбаева А.М. Мемориальные памятники тюрков Жетысу по материалам святилища Мерке // Хабаралы /Известия/. сер. общ.наук. 1(224), Алматы,2000.
9. Досымбаева А.М. Мерке — сакральная земля тюрков Жетасу. Тараз, 2002.
10. Ермоленко Л.Н. Средневековые антропоморфные изваяния Казахских степей // Автореферат дис... канд.ист. наук Кемерово. 1991.
11. Ермоленко Л.Н. Древнетюркские изваяния с сосудом в обеих руках // Сб.научных трудов посв. 70-летию со дня рожд. Я.А. Шера. Первобытная археология. Новосибирск, 2002.
12. Каталог археологических коллекций Свердловского краеведческого музея. Под. ред. Ключневой И. Н., Шестакова И. А., Вакулиной В.Д. — Луганск–Свердловск, 2003.
13. Ермоленко Л.Н., Гецова Н.С., Курманкулов Ж.К. Новый вид сооружений с изваяниями из Центрального Казахстана // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. – Новосибирск, 1985.
14. Красильников К.И. Древнее камнерезное искусство Луганщины. — Луганск, 1999.
15. Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая.—Новосибирск, 1984.
16. Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния. САИ- Е-4-2. — М., 1974.
17. Швецов М.Л. Половецкие святилища // СА. – 1979. – № 2.
18. Швецов М. Л. Святилища степного населения восточно-европейских степей эпохи средневековья // Проблемы древней архитектуры. Сборник статей — Донецк, 2000,
19. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М, 1966.

М.Л. Швецов

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СТЕПНОГО И ЛЕСОСТЕПНОГО НАСЕЛЕНИЯ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (на примере Подонцовья – Приазовья)*

С появлением гуннов в степях Восточной Европы многие исследователи связывают вытеснение ранее населявших эти земли ираноязычных племен, пытаясь четко разграничить памятники, оставленные теми и другими, прогнозируя при этом дальнейшую этнополитическую ситуацию в степи и лесостепи. Единого мнения в решении данного вопроса нет. Сложность решения проблемы вычленения памятников и их этнической интерпретации для данной территории усугубляется наличием в пограничной лесостепной (поречной) и степной зоне памятников, оставленных населением, не относящимся к вышеуказанным этносам.

1. В середине IV века в среднем Подонцовье появляется земледельческое население, по-видимому, пришедшее с севера – северо-запада, оставившее памятники Пеньковского облика: Старица, Выдылыха, Славяногорск (Банное), Выла, Казачье Поле и др. (Швецов, 1990. С. 32; Приходнюк, Швецов, 1990. С. 158-159; Швецов, 1992; 1997. С. 70-71). В дальнейшем переселенцы распространяются на юг, в степь, бассейн р. Кальмиуса, где их памятники представлены захоронениями: Ясиноватая, Новогригорьевка (Михлин, 1972. С. 24-26; Швецов, 1974. С. 61; Амброз, 1981. С. 23). Для осваивающих степной регион новых жителей характерной чертой хозяйственной деятельности являлось пашенное земледелие с придомным разведением крупного рогатого скота, свиней, а также охота (Кожевникова, 1976. С. 43). Археологические материалы, полученные при изучении указанных памятников (Зливки, Маяки, Выдылыха (рис. I)), говорят о расширении зоны обитания пришельцев, продолжительности их существования до появления в Подонцовье протоболгар и, по-видимому, мирном в дальнейшем их сосуществовании (Швецов, 1992). О сосуществовании пеньковцев и салтовцев и об их тесных контактах в лесостепной зоне говорит М.В. Любичев, выделяя хронологически «третий, поздний этап существования пеньковской культуры, считая синхронным ранним салтовским памятникам» (Любичев, 1994. С. 129-134). В то же время О.М. Приходюк считал, что «научно обоснованным следует считать мнение А.З. Винникова об отсутствии следов контактов между пеньковским и салтовским населением» (Приходнюк, 1998. С. 18). В дальнейшем он посвящает свое исследование вопросу взаимоотношений степного кочевого населения со славянами, соглашаясь с существованием археологических источников, подтверждающих их (Приходнюк, 2001. С. 117).

2. Распространение в степной зоне, занимаемой кочевым населением гуннской державы, земледельцев, по-видимому, не столько отражает изменения политической ситуации в степи, сколько является следствием другого, более сильного экономически- довлеющего фактора – процесса распространения на данной территории

* Опубликовано: Швецов М.Л. Взаимоотношения степного и лесостепного населения в эпоху раннего средневековья (на примере Подонцовья-Приазовья) // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.П. Левенка. Липецк, 13-16 ноября 2006 года. – Липецк. 2006. С. 275-278.

другого способа хозяйства. Одной из основных причин, приведших к данному процессу, явилось изменение климатических условий, при котором происходит смещение границ двух биоценозов – степи и лесостепи. При этом, по мнению А. Артюшенко (1970. С. 156-159), происходит определенная смена флоры и фауны на данных границах. Г.

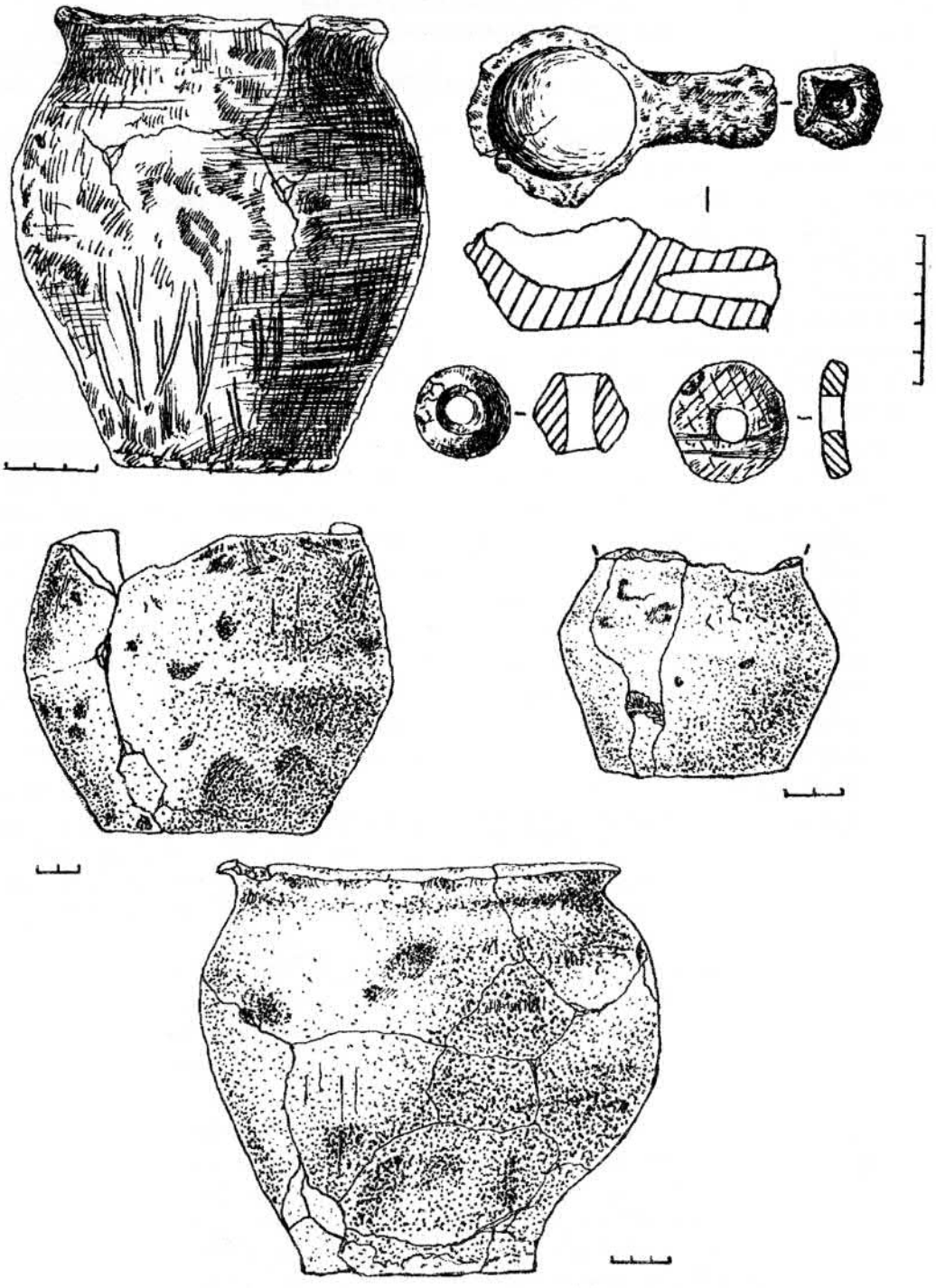


Рис. 1. Пеньковские материалы в памятниках салтово-маяцкой культуры Подонцовья: Зливки (1-4), Маяки (5-7).

Мордкович, специально изучавший степные экосистемы, видит в этом явлении общий процесс изменения климатических условий Восточной Европы, считая, как и А. Артюшенко, что такие изменения присущи всему четвертичному периоду (Мордкович,

1971). Аналогичную ситуацию, отраженную в Письменных источниках, рассматривает С.В. Полин для более раннего периода в Северном Причерноморье, отнеся его к середине I тыс. до н. э., приводя конкретные экономические факторы, иллюстрирующие данное явление (Полин, 1984. С. 24). 3. К середине VII в. процесс расселения земледельческого населения в регионе приостанавливается и начинается расширение кочевнических владений. В письменных источниках отражение данного процесса зафиксировано формированием объединения протоболгар во главе с ханом Кубратом и созданием Великой Болгарии в Восточном Приазовье. В дальнейшем происходит расширение их владения на запад, за Танаис, в Поднепровье, где, по-видимому, происходит аналогичный процесс. Археологическим отражением этого явления на рассматриваемой территории, в Подонцовье, на памятниках Пеньковского облика, стало появление кочевнических жилищ (Старица), сероглиняной керамики, а позже, к концу VII – в первой половине VIII вв. (Зливки, раск.VIII; Маяки, раск. 2001 г.), и салтовской посуды (Старица, п/з 2). В дальнейшем большинство этих поселений, по-видимому, прекращает свое существование и население, заселявшее их, возможно, уходит в зону лесостепи, а часть его смешивается с расселяющимися носителями зливкинского варианта салтово- маяцкой культуры (Зливки, Выдылыха, Маяки, Выла). Южнее, в низовьях р. Кальмиус и Приазовье, как и по всей степной зоне, распространяются впускные подкурганные захоронения типа Октябрьское (Швецов, 1985, С. 35-37).

Не исключено, что одной из причин изменения этноситуации является нарушение экологического равновесия в регионе. Так, расширение территории, заселенной земледельцами, повлекло за собой поиски необходимых посевных площадей, что, в свою очередь, было связано с интенсивной рубкой леса в поречных долинах. Истощение почв, нарушение и выветривание поверхностного слоя также приводило к необходимости поиска новых участков земель под посевы. Изменение экологических ниш, не совпадающее с направлением изменения природного фактора, привело в данном случае к некоторому затуханию земледельческого хозяйства, ставшего неэффективным, к сужению зон пахотных земель и преобладанию пастбищ. Мы далеки от утверждения, что в основе изменения этнической и хозяйственной среды в регионе Подонцовья лежат только экологические факторы. Но их влияние в данном случае представляется несомненным. Необходимо отметить, что в последующий период на данной территории, в Подонцовье, в археологическом материале продолжает находить отражение своеобразный процесс формирования симбиоза двух хозяйственных укладов – земледельческого и степного, но степень преобладания одного над другим по времени не равнозначна. Относительная стабильность, расширение постоянных участков заселения, обусловленное необходимостью заготовки кормов и постоянным возделыванием земли, в дальнейшем выражается наличием вдоль рек «полос обитания», постепенно превращающихся в постоянные поселения. Происходило расширение обрабатываемых земель, что требовало от населения освоения сельскохозяйственных орудий и использования поселенцами эффективных злаковых культур. Экономический рост поселений вызывает необходимость расширения ремесленного производства в них. Усиливающим фактором экономической значимости данной территории становится процесс расширения путей торгового обмена, происходит рост разноэтничного населения в Подонцовье и, как результат, рост и расширение самих поселений, приобретающих функции городищ.

4. Рассмотренные факторы не являются неизменными при взаимодействии человека с окружающей средой и в дальнейшем получают своеобразное развитие в виде усовершенствования самого организма социума. В основе данного организма лежит идея экономической необходимости

взаимосвязи двух хозяйственных укладов, кочевничества и земледелия, и выгодности этого симбиоза. Формирование таких контактных зон обусловлено не только экономическими, но и географическими факторами. Такой контактной территорией, по нашему мнению, могут считаться поречные долины больших степных рек, где прекрасно совмещаются возможности ведения двух способов хозяйства и проживание разноэтничного и поликонфессионального населения. Аналогичная ситуация наблюдается в Нижнем и Среднем Поднепровье, где археологически фиксируется тот же процесс.

Примером контактной зоны можно считать район Подонцовья, где сосуществование земледельческого и кочевнического хозяйств, формирование на их базе долговременного населения с этнически смешанным и поликонфессиональным населением и развитием торгово-ремесленного центра, связанного с торговыми путями «восток – запад – восток», может проиллюстрировать памятник VI – XIV вв. у с. Маяки – «Царино городище».

Список литературы

Амброз А.К. Восточноевропейские степи V – пер. пол. VIII в. Степи Евразии в эпоху Средневековья // Археология СССР. М., 1981.

Артюшенко А. Т. Растительность лесостепи и степи Украины в четвертичном периоде. - К., 1970.

Кожевникова Ю.Я. Определение костей животных в материалах раскопок памятника «Старица». Приложение к отсчету Швецова М.Л. Об археологических исследованиях ДСАЭ в Подонцовье в 1986 г. // Архив ИА. ф.э. 12/1986.

Любичев М.В. Контакты славян Днепро-Донецкого междуречья и населения Северо-Западной Хазарии в концеУП – начале VIII вв. // Харьковский историко-археологический ежегодник. – Харьков, 1994.

Михлин Б.Ю., Саенко Р.И. О находках раннего средневековья в Донецкой области. Материалы архива в фондах Мариупольского краеведческого музея. Жданов (Мариуполь), 1972.

Полин С.В. Про сарматське завоювання Північного Причорномор'я // Археологія. 1984 №45.

Приходнюк О.М., Швецов М.Л. Пеньковское поселение Старица на Северском Донце // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца: Тез. докл. областной науч.-практ. конф. Луганск, 1990.

Приходнюк О. М. Пеньковская культура. Воронеж, 1998.

Приходнюк О.М. Степове населення України та східні слов'яни (друга половина I тис. н.э.). Київ – Чернівці, 2001.

Швецов М.Л. О находках антского времени в Донбассе // Материалы симпозиума «Проблемы археологии Донбасса», посвященного 100-летию со дня рождения Н.В. Сибилева. 18-19 апреля 1974 г. Донецк, 1974.

Швецов М.Л. Памятники кочевого населения степей восточной Европы VII – X вв. // Археология и краеведение школе (тезисы областного семинара). Донецк, 1985.

Швецов М.Л. Средневековые бескурганные могильники на территории Донбасса // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Донецк, 1989.

Швецов М.Л. Подонцовье – Приазовье в эпоху раннего средневековья // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: Тезисы докладов V областного семинара. Старочеркасская – Ростов-на-Дону, 1990.

Швецов М.Л. Подонцовье и Степь (этапы взаимоотношений) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1992.

Швецов М.Л. Степи Евроазии во взаимосвязи Востока и Запада в эпоху Средневековья // Трассы Великого Шелкового Пути: Тезисы междунар. конф. Донецк, 1992.
Швецов М.Л. Проблемы взаимоотношений степного и лесостепного населения в эпоху раннего средневековья// Культура степей Евразии второй половины I тыс. н.э. Самара, 1997.

А.Ф. Горелик, М.Л. Швецов

ЧУРИНГА ИЗ ШАХТЕРСКА (УКРАИНА, ДОНЕЦКАЯ ОБЛАСТЬ)*

Опыт изучения памятников каменного века свидетельствует, что доступный археологу традиционный баланс различных видов археологических источников, является важной предпосылкой разительного перевеса исследований проблем первобытного производства и технологии, культурно-хронологической классификации комплексов каменного инвентаря над анализом всех прочих аспектов функционирования общества. Изучение духовной его составляющей тормозится, как правило, отсутствием или недостаточностью соответствующей источниковой базы, сложностью интерпретации уже имеющихся скудных данных. В силу этого каждая находка, проливающая свет на духовный мир человека каменного века, представляет большой научный интерес.

Одна из них была совершена в 1998 г. членом археологического кружка городской станции туристов г. Донецка (руководитель М.Л. Швецов) Андреем Киселевым на южной окраине г. Шахтерска (хутор Ревы) Донецкой области. Речь идет о ретушере из карбонового сланца с абстрактным рисунком, выполненным на его поверхности при помощи многочисленных гравированных линий (рис. 1). Такие изделия, как правило, относят к разряду «чуринг», которые хорошо известны по этнографическим материалам австралийского племени Аранда (Spencer & Gillen, 1899; Strehlow, 1947).

Чуринга была обнаружена в топографических условиях, типических для размещения памятников каменного века в центральном Донбассе. Место находки приурочено к изрезанному оврагами левому берегу степной горной речушки Орловка (приток р. Крынки) высотой 10-12 м, при впадении в нее безымянной обводненной балки. С правого берега этот участок прикрыт от ветров мощными выходами горных пород.

Обнаружению чуринги «поспособствовала» хозяйственная деятельность человека. В 90-е годы минувшего столетия в 200 м ниже по течению балки от окраины хутора Ревы производилось строительство дачных домиков, что сопровождалось рытьем траншей для закладки фундамента. В отвале одной из таких траншей и была найдена «чуринга». Рядом с этим местом были подняты еще две плитки из карбонового сланца без следов гравировки. В августе 2005 г. мы обследовали место находки с целью уточнения ее стратиграфии и поиска сопровождающего археологического материала. К сожалению, следует констатировать, что на обследованном участке маломощные, как правило размытые, антропогеновые отложения (покровный чернозем и опесчаненный суглинок с обломками сланца), лежат непосредственно на скальной породе, а зачастую вообще отсутствуют. Надежды обнаружить в таких условиях инситный культурный слой оказались неоправданными. По словам А. Киселева, ему удалось найти несколько кремневых сколов, сопровождавших «чурингу». Эта коллекция, которую мы осмотрели, включает два нуклевидных обломка и резец на углу слома базальной части пластинчатого отщепа (рис. 2, *2*). Указанные артефакты непатизированы, изготовлены из кремня серого цвета с мергелевыми включениями. Нами было поднято с поверхности склона левого берега балки недалеко от места находки

* Опубликовано: Горелик А.Ф., Швецов М.Л. 2007. Чуринга из Шахтерска (Донецкая область, Украина) // Российская археология. 2007. №4. – М. С. 95-101.

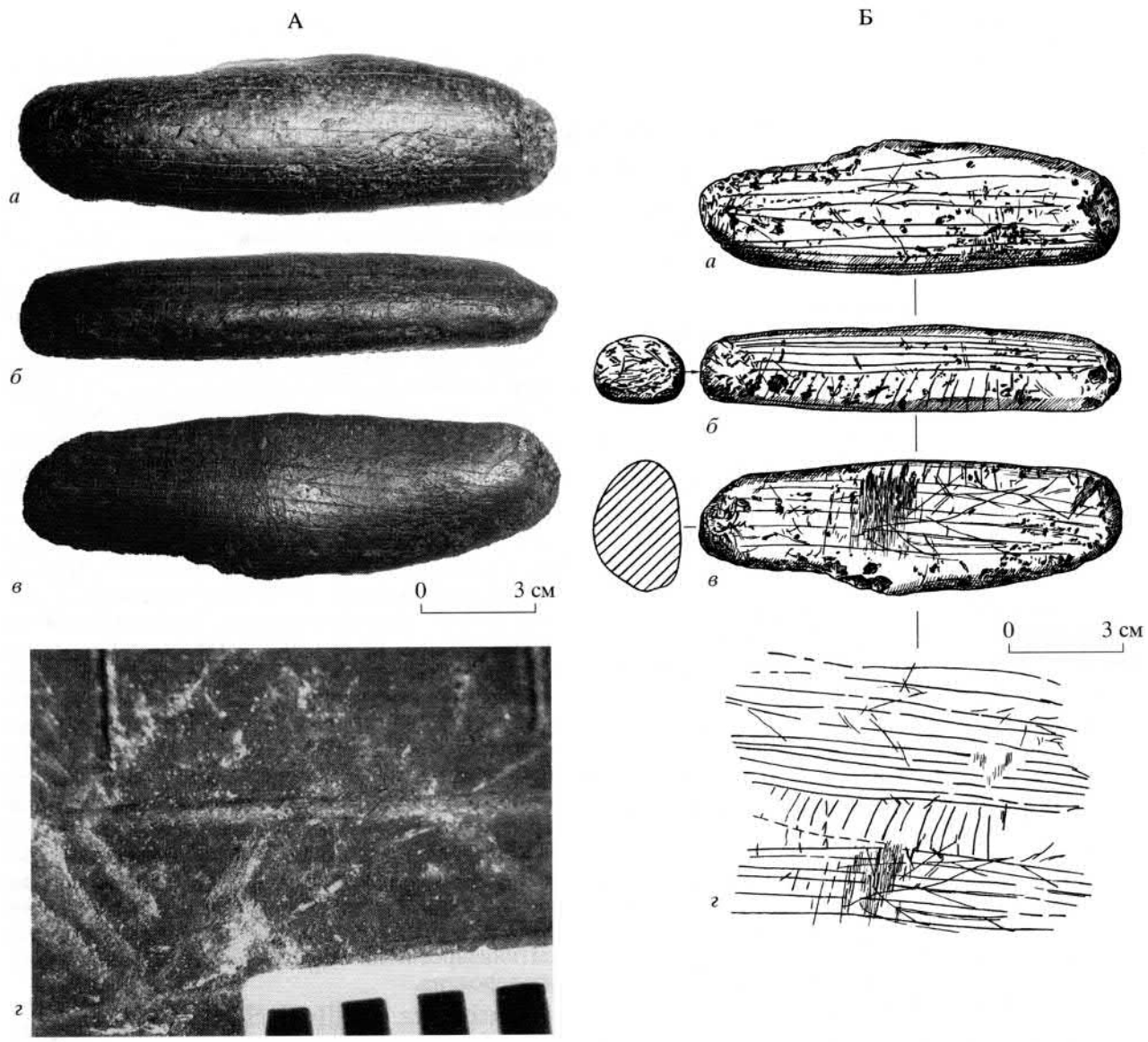


Рис. 1. Чуринга-ретушер, Шахтерск, хутор Ревы: а – выпуклая, б – боковая, в – плоская гравированные поверхности; г – следы гравировки на плоской стороне под макроувеличением. А – фото, Б – прорисовка.

патинизированное сечение правильной микропластинки (рис. 2, *1*). Использование кремня серого цвета с пятнистыми мергелевыми включениями характерно для неолитических индустрий Донбасса (Борисковский 1957. С. 137). Впрочем, мезолитическая датировка патинизированного сечения микропластинки также вероятна.

Сырье, использованное для изготовления ретушера-чуринги, по-видимому местное, поскольку карбоновый сланец в Центральном Донбассе выходит на поверхность повсеместно. Сланцевая галька вытянуто-овальной формы, полукруглая в сечении, с естественно образовавшимся выступом с одной стороны, удобным при захвате рукой или упоре пальцем, размерами 13,5×4,3×2,5 см. Поверхность изделия залощена, очевидно, вследствие длительного использования, покрыта серо-зеленоватой патиной, в изломе антрацитово-черная. Существенными элементами для целостной наглядно-образной и технологи-

чески-функциональной архитектоники изделия представляются его стержневидная вытянутость с некоторым боковым выступом-расширением, наличие двух закругленных концов и двух смыкающихся поверхностей- одной выпуклой и второй ей субпараллельной плоской. Характер, последовательность следов сработанности и дизайна свидетельствуют, что первоначально на предмет была нанесена гравировка, а затем он стал использоваться в качестве ретушера.

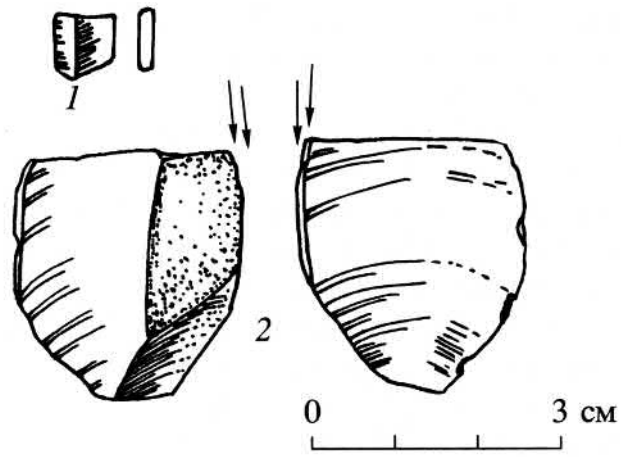


Рис. 2. Шахтерск, хутор Ревы: 1 – сечение микропластинки; 2 – резец на углу слома пластины.

В этой последовательности рассмотрим трансформацию изделия. Гравировка прослеживается на двух широких поверхностях: выпуклой и плоской, а также по одной боковой грани. Начиная от боковой грани, покрытой поперечными нарезками (мотив «лесенка»), по выпуклой поверхности нанесены 11 вертикально прочерченных линий (рис. 1, *а*). Обращает на себя внимание, что у этого края гравированного поля линии нанесены гуще и правильнее, чем в центре и с противоположного края. Возможно, такая композиция преследовала эстетическую цель, так как позволяла отчетливее передать объемность выпуклой поверхности. Линии нанесены в основном параллельно, однако одна пара линий, расположенных в центре изделия, плавно сближается до пересечения в одной точке у одного из его концов. Линии у бокового края изделия, противоположного гравированному, процарапаны не по всей длине поверхности гальки, с меньшей геометрической строгостью, небрежно, не столь плотно – они то сближаются, то расширяются.

На плоской стороне изделия гравированное поле располагается вдоль и вокруг его центральной оси, отступая от краев гальки на 0,5-1 см (рис. 1, *в*). Вместе с тем оно несколько скошенно по диагонали. Это поле образуют шесть, более или менее параллельных линий, вертикально прочерченных на близком, но не одинаковом расстоянии. Обращают на себя внимание две диагональные, симметрично расположенные линии, пересекающие гравированное поле, ответвляющиеся по середине от одной из центральных вертикальных линий. В центральной части гравированного поля между основными линиями прослеживаются параллельные им риски-царапины.

На боковой грани прослеживаются горизонтальные или слегка скошенные, в основном параллельные насечки (в общей сложности можно различить 17-18 насечек), которые заполняют не полностью, а частично, примерно ¾ пространства по длине между гравированными полями на выпуклой и плоской сторонах гальки (рис. 1, *б*). Частично фриз с горизонтальными насечками заходит на гравированное поле, расположенное на плоской стороне (рис. 1, *в*). Изучение технологии гравировки под микроскопом показывает, что линии, встреченные на широких поверхностях, нанесены одним и тем же предметом, в сходной манере исполнения, как правило, с однородным заглублением, по-видимому, одновременно. В сечении борозды имеют полукруглую форму (рис. 1, *г*). На плоской широкой стороне на отдельных участках прослеживается соскальзывание режущего инструмента за пределы борозды, отмечены черточки, сопровождающие основные линии. Эти непроизвольно возникающие царапины, называемые некоторыми исследователями

«паразитами» (D´Errico 1994, P. 27), вызваны соприкосновением выступов нерабочей части орудия-гравера с поверхностью. Насечки на боковой грани выполнены, очевидно, иным орудием. Здесь борозды заметно уже, имеют асимметрично-щелевидный характер (рис. 1, *б*). Они были нанесены позже.

При небольшом увеличении на поверхности чуринги с гравировками можно различить отдельные участки с сохранившимися цветовыми красителями- синий, коричневый, черный. Краска сохранилась на поверхности борозд поперечных насечек на боковой грани. Создается впечатление, что раскраска гальки, также как это имело место с азильскими гальками (D´Errico 1994, P. 238), предшествовала по времени нанесению гравировки. Как правило, в продольных бороздах гравировки следы краски не были замечены. Присутствие следов краски в бороздах поперечных насечек, по-видимому, объясняется воздействием вторичных факторов. На боковую грань, которая имеет при захвате предмета рукой более плотное сцепление с поверхностью кожи, краска могла переноситься с других окрашенных участков изделия. Следы красителей были прослежены на двух других плитках карбонового сланца, которые в силу неизвестных нам причин не имеют гравировки.

Поверхность со следами цветовых красителей, а также внутренняя часть образца были подвергнуты Н. И. Мезиным качественному химическому анализу методом рентгенофлуоресцентной спектроскопии на спектрометре ElvaX. Этот метод позволяет различать химические элементы, занимающие в периодической таблице положение от Ca до U. По данным этого анализа на поверхности изделия присутствуют до 1% с плавным убыванием по толщине образца химические элементы (рубидий и титан), которые отсутствовали внутри образца. По мнению Н.И. Мезина, поскольку некоторые природные соединения рубидия имеют светло коричневый цвет, можно предположить, что он входит в состав красителей. Основу пробы с поверхности предмета составляет железо (94.183%), присутствуют также в количествах 0,5-1,5% цинк, стронций, иттрий, цирконий и серебро. Они, особенно железо, могли также входить в состав красителей.

Как уже отмечалось выше, гравировки на поверхности сланцевой гальки перекрываются следами использования ее в качестве ретушера, а также, вероятно, лощила. Эти следы концентрируются, главным образом, на противоположных концах гальки и в ее центре с плоской стороны. Следы использования на концах гальки представляют собой относительно глубокие выщербины, вмятины, уничтожившие серо-зеленый патинированный слой вместе с гравировкой и обнажившие антрацитово-черный материал подкорки. На плоской поверхности гальки следы использования имеют иной характер. Это очень плотная концентрация поверхностных царапин, поперечных длинной оси изделия, размерами 2,5×2 см, повредивших гравированное поле. Такие следы использования могли быть связаны с монотонными однонаправленными движениями по какому-либо материалу, содержащему в себе абразивные частицы (например, шкура животного, засоренная песком). Царапины, выщербины, однако не столь концентрированно, присутствуют и на других местах изделия.

Хотя археологический контекст нашей находки явно недостаточен для определения ее культурно-хронологической принадлежности, техника исполнения гравировки, характер следов сработанности ретушера, выбор самого исходного материала являются существенными аргументами в пользу научной достоверности этого предмета. Территориально ближние и дальние аналогии «чуринге» из Шахтерска еще в большей степени убеждают нас в этом мнении. Находки каменных плиток с гравировками из культурного слоя археологических памятников каменного века юга Украины, прилегающих районов России уже достаточно известны. Можно вспомнить четыре орнаментированных изделия

на кусках глинистого сланца и окатанной гальке из мезолитической стоянки Балин-Кош в горном Крыму (Бадер 1940, С. 97, рис. 4), гравировки на поверхности гальки из лимонитовой корки и плиток из карбонового сланца на финальнопалеолитических стоянках Рогаликско-Передельского района вблизи г. Луганска (Горелик 2001), многочисленные «чуринги» с гравировками из песчаника мезо-неолитического возраста из урочища Каменная Могила вблизи г. Мелитополя (Даниленко 1986), неолитические амулеты, плитки, утюжки из сланца, алевролита, аргиллита, песчаника, филлита с гравировками со стоянок Ракушечный Яр и Раздорская 2 (Белановская 1995, С. 136-144; Кияшко, Ромащенко 1994, С.184-185; Кияшко, В. Цибрий 2003, 127-133), неолитические утюжки с орнаментикой со стоянок сурской и днепро-донецкой культур (Телегин 1968).

Мезолитом и неолитом датируются гальки с гравировками, которые обнаружены в районах Европейской части Восточной Европы, расположенных в лесной зоне. Среди них следует упомянуть обломок кремневой конкреции из мезолитической стоянки Песочный Ров с прочерченным на корке грубым сетчатым орнаментом и орнаментированный утюжок из талькового сланца из неолитической стоянки Студенок (Зализняк 1986, Рис. 51, *21*; Рис. 58, *11*), обломок сланцевой плитки с гравировкой из ранненеолитического слоя стоянки Сахтыш VIII в Верхневолжье (Костылева 1986, Рис. 6, *6*), материалы других памятников верхневолжской культуры (Ошибкина и др. 1992), двухсторонне орнаментированный доломитовый обломок из ранневолосовского слоя поселения Польцо (Никитин 1975, Рис. 9, 10), трехгранный кусок песчаника, орнаментированный по трем граням, из погребения № 44 Оленеостровского могильника (Гурина 1956, Рис. 121), оболомок гальки с гравировкой с южноуральской раннемезолитической стоянки Ильмурзино (Матюшин 1972). Пожалуй самый яркий набор гравированных галек (65 экз.) из мягких пород камня в выразительном археологическом контексте на территории лесной зоны Восточной Европы был получен из мезолитических и неолитических слоев стоянки Замостье 2 (Лозовский 1997, С. 33-51).

Не менее интересны для сопоставления материалы Западной Европы. К примеру, гравированные и расписанные красками гальки из азильских памятников Франции и сопредельных стран (Couraud 1985; D'Errico 1994; Abelanet 1986). Сопоставление гравированного изображения из Шахтерска с этими материалами свидетельствует, что в целом оно относится к тому же ряду объектов, имевших в конце палеолита, мезолите чрезвычайно широкое распространение на территории Европы.

Вместе с тем результаты сравнения говорят о том, что при всей незатейливости гравировки из Шахтерска она не имеет точных соответствий ни среди территориально ей близких, ни среди территориально отдаленных объектов. Имеющиеся более или менее близкие аналогии не приурочены к какому-либо региону, а территориально рассеяны. Создается впечатление, которое следовало бы проверить при дальнейшем накоплении материалов, что гравированные композиции на каменных плитках не имеют той локальности, которая обнаруживается при сопоставлении некоторых традиции в обработке камня или в изготовлении и орнаментации керамики. Из замеченных аналогий можно выделить мотив тонких продольных параллельных линий, прослеженный на одном из сланцевых ретушеров со стоянки Рогалик IV, а также на женском изображении, нанесенном на сланцевом ретушере из Рогалика XI (Горелик 2002). Отсутствие гравированной человеческой фигуры не должно быть абсолютным препятствием для такого сопоставления, так как форма предмета без специальной намеренной обработки могла в восприятии первобытного человека нести такую же изобразительную сущность как нанесенное на нем изображение. Не исключено, что и в данном случае сланцевая галька ассоциировалась с человеческим телом или его частью.

Мотив из групп параллельных линий отмечен на некоторых чурингах стоянки Замостье-2 (Лозовский 1997, С. 34). К сожалению, автор публикации описание этой разновидности чуринг не сопровождает соответствующими иллюстрациями, поэтому трудно судить насколько они близки чуринге из Шахтерска.

Из известных нам материалов, опубликованных на сегодняшний день, наиболее близки чуринге из Шахтерска несколько гравированных азильских галек из навеса Мюра (юго-восток Франции), которые перекликаются с несколько видоизмененным, но также в целом аналогичным гравированным изображением на плитке из Шенамбо (D'Errico 1994, S. 252, Fig. 293, *2-4*). Здесь наличествует почти вся композиция, знакомая по изображению на гальке из Шахтерска. Она включает серию продольных параллельных линий, к которым примыкает бахрома из скошенных параллельных поперечных линий, которая в отличие от чуринги из Шахтерска не с одной, а с двух сторон окаймляет поле продольных линий. Автор монографии видит, сомнительные на наш взгляд, параллели гравировкам на гальках из Мюра и Шенамбо в изображении набедренной повязки на гравированном женском изображении на гальке из аренсбургской стоянки Гелдроп. Порой подобные гравированные композиции можно встретить на кости. К примеру, двухсторонние изображения на небольшом обломке кости животного, который впоследствие был использован как лощило (шпатель) из финальноплейстоценового слоя грота Тоссал де ла Рока на средиземноморском побережье Испании (Lopez & Quesada 1987, S. 286-293).

В целом гравированные гальки относятся к редкой категории находок, они встречены, как правило, единично лишь на некоторых памятниках, как правило, на стоянках, иногда в погребениях в качестве сопровождающего инвентаря. Этот факт может иметь различные объяснения. Возможно, тем, что они тщательно сохранялись, чаще всего, в стороне от мест традиционной хозяйственно-бытовой деятельности человека. Их роль могли выполнять предметы, изготовленные из материалов, не хранящихся долго в земле. Оба этих предположения могут быть подкреплены этнографическими параллелями (Spencer & Gillen 1899, P. 133; Munn 1986, P. 50). Вместе с тем, археологии известны редкие уникальные памятники, где счет этим предметам идет на десятки, где они сопровождаются другими артефактами явно неутилитарного предназначения, где они концентрируются в помещениях ритуально-религиозного назначения, подобных тем, что были найдены в Торгажаке или в Каменной Могиле.

По поводу роли, которую выполняли схематически нанесенные, гравированные знаки и символы на мобильных предметах из камня и кости в культуре населения Европы в конце палеолита, мезолите и неолите, в современной литературе существуют разные мнения (история вопроса у Кл. Куро (Couraud 1985) или в более широком семиотическом контексте у Ж. Сове (Sauvet 1987). Для построения гипотезы существенны как суждения, собственно вытекающие из скурпулезного археологического анализа, так и несомненно данные этнографии. Одним из наиболее корректных и аргументированных исследований близкой по объекту и предмету анализа темы, по нашему мнению, является работа Д.Г. Савинова (Savinov 2003, 48-70). Опираясь на большую коллекцию гравированных галек из 220 предметов, происходящих с одного из наиболее крупных исследованных поселений бронзового века Южной Сибири Торгажак (финальная стадия карасукской культуры, 1000-800 гг. до н.э.), он проанализировал как обширные археологические материалы, так и данные локальной этнографии, тесно смыкающиеся в Сибири с отрезком истории, изучаемым при помощи археологии. По мнению исследователя, гравированные гальки использовались как медиатор, материальный посредник во время церемоний, посвященных культу предков, женского плодотворения, реинкарнации душ. Судя по тому, что они очень

часто случайно или намеренно были сломанны, изображения на них сошлифовывались, иногда поверх старых наносились новые гравировки, после окончания этих церемоний гальки утрачивали свое действие.

Некоторые композиции гравировок на поверхности галек из поселения Торгажак аналогичны многим гравировкам мезо-неолитической стоянки Замостье-2. Существенно, что исследователь последнего памятника В.М. Лозовский, исходя в первую очередь из археологического контекста находок, приходит к выводу «...о явно неутилитарном назначении этой категории находок» (Лозовский 1997, С. 36). Он рассматривает churinги Замостья 2 «как гальки с преднамеренно нанесенными на них символами с определенной смысловой нагрузкой» (Лозовский 1997, С. 44). Вместе с тем, В.М. Лозовский обращает внимание на то, что «большая часть всех churing фрагментированы, а остальные целые предметы повреждены. Планиграфически они найдены в водных отложениях, т.е. данная серия явно состоит из отслуживших свое предназначение и оказавшихся в воде вещей» (Лозовский 1997, С. 36).

Некоторые западноевропейские ученые неоднократно отмечали сочетание сакрального и утилитарного в течение относительно непродолжительного периода использования гравированных галек. Так, например, Ф. Дерикко, склонявшийся к версии символической роли самих галек и гравированного изображения на них как вспомогательного средства для общения с недоступным нашему пониманию архетипическим образом (D'Errico 1994, S. 289), отмечал, что многие гравированные гальки были использованы позднее как ретушеры и даже чопперы, на нескольких гальках документирована обратная последовательность (D'Errico 1994, S. 238). А в одном случае гравировка была нанесена между двумя эпизодами использования гальки в качестве ретушера. Известный немецкий исследователь каменного века В. Тауте, написавший обобщающую статью по теме «Ретушеры из кости, зубов и камня», указывал, что степень сохранности всевозможных гравированных изображений на некоторых ретушерах каменного века Западной и Центральной Европы, не позволяет утверждать, что древний человек стремился их сберечь (Taute 1965, S. 85).

Наши материалы, включающие ретушер из Шахтерска, выполненный на гравированной гальке, а также ретушер, выполненный на гравированном женском изображении из Рогалика XI, перекликающиеся с данными других исследователей по близлежащим памятникам (см. материалы Раздорской-2 и Ракушечного Яра), свидетельствуют, что гравированным изображениям на камнях не была уготована судьба длительного хранения и поклонения. В этом отношении, пожалуй, заключается их главное видимое отличие, как очевидно и многих других гравированных галек первобытной Евразии, от известных австралийских churing. Последние как важнейший сакральный объект, связанный с тотемами, тщательно сберегались в специальной сокровищнице, местном тотемном центре (Spencer & Gillen 1899, P. 133). Churinги наследовались при смене поколений. Утеря churinги являлась наибольшим злом, которое могло произойти с группой. В случае вымирания членов локальной группы, которой принадлежал тотемный центр, он вместе с местностью, в которой была расположена сокровищница, переходил в собственность соседей. Последние могли передать churinги другой локальной группе того же тотема (Spencer & Gillen 1899, P. 152-153).

Однако сакральность, связь с тотемом, хранение души человека, не исчерпывали значение churinги. Каждая churinга помимо сакральной функции, выполняла роль медиа. Она несла через ее форму и художественное оформление, закодированную определенным образом информацию, адресованную другим членам племени. Информацию, представленную языком символов, могли передавать у австралийских аборигенов, а равно у

любых других первобытных народов другие разновидности медиа. У австралийцев это "*message sticks*", татуировки тела и прически, орнаментация и форма вооружения, наскальные рисунки, рисунки на песке и т.п. Согласно исследованиям графического языка австралийского племени Валбири, проведенного Н. Мунн (Munn 1986), один визуальный элемент, характеризующийся некоторой образностью, сходством с реальным предметом, мог передавать огромное множество значений, имеющих разную социальную природу, но так или иначе связанную с космологией этого народа. Этот образно-семантический ряд, взаимосвязанных, чаще всего простейших знаков (линия или круг), существовал, как правило, как зрительный каркас определенного повествования, церемонии, песнопения, и зависел от вербального контекста. Например, прямая линия могла передавать значение мужского начала, движения, прямой дороги, жерди. Группа прямых линий могла олицетворять копья, руки и ноги, ребра, действующих лиц того или иного повествования, лежащих на земле, определенное число (Р. 153-166).

По всей вероятности, чуринга из Шахтерска относилась к числу подобных медиа позднекаменного века, которые после выполнения указанной символической функции, могли играть прозаическую производственную роль в жизни человека.

Выражаем глубокую признательность А. Киселеву, оказавшему большую практическую помощь в подготовке материалов статьи; сотруднику Донецкого физико-технического института НАН Украины, кандидату физико-математических наук Н.И. Мезину за проделанный химический анализ и любезно предоставленную информацию; заведующему отделом археологии Донецкого областного краеведческого музея С.М. Дегерменджи за изготовленные им фото чуринги и участие в обсуждении статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадер О.Н. Изучение эпипалеолита Крымской яйлы// СА.1940.№5

Белановская Т.Д. Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья. СПБ, 1995.

Борисковский П.И. Некоторые местонахождения каменного века в Приазовье//Краеведческие записки Таганрогского музея. Вы. 1.1957, 135-145.

Горелик А.Ф. Памятники Рогаликско-Передельского района. Проблемы финального палеолита Юго-Восточной Украины. Киев-Луганск, 2001.

Гурина Н.Н. Оленеостровский могильник//МИА.1956. Вып. 47. М.-Л. 1956.

Даниленко В.М. Кам›яна могила. Київ, 1986.

Зализняк Л.Л. Культурно-хронологическая периодизация мезолита Новгород-Северского Полесья// Памятники каменного века Левобережной Украины. Киев, 1986, 74-142.

Кияшко В.Я. Цыбрий В.В. Три амулета каменного века из станицы Раздорская// , 127-133.

Кияшко В.Я., Ромащенко Н.И. Раздорское 2 – новое местонахождение каменного века на Нижнем Дону// Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 13, Азов, 1994.

Костылева Е.Л. Ранненеолитический верхневолжский комплекс стоянки Сахтыш УШ// СА.1986.№4, 138-151.

Лозовский В.В. Искусство мезолита-раннего неолита Волго-Окского междуречья (по материалам стоянки Замостье-2)//Древности Залесского края. Материалы к международной конференции «Каменный век европейских равнин». Сергиев Посад, 1997, 33-51.

Матюшин Г.Н. Мезолит Южного Урала. М., 1972.

Никитин А.Л. Многослойное поселение Польцо//СА.1975.№ 3, 118-140.

Ошибкина С.В. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М. 1993.
Ошибкина С.В., Крайнов Д.А., Зимина М.П. Искусство каменного века. М. 1992.
Телегин Д.Я. Дніпро-донецька культура. Київ, 1968.
Abelanet J. Signes sans Paroles. Cent siecles d´art rupestre en Europe occidentale. Hachette, 1986.
Couraud Cl. L´Art azilien origine survivance. Paris, 1985.
D´Errico Fr. L´Art grave Azilien. De la technique a la signification. Paris, 1994.
Lopez S.R., Quesada C.C. Art Mobilier du Paleolithique Mediterraneen Espagnol: Quelques Nouvelles Decouvertes// L`Art des Objets au Paleolithique: tom 1. Clottes J. (Ed.). Paris.1987, 286-293.
Munn N.D. Walbiri iconography. Graphic Representation and Cultural Symbolism in a Central Australian Society. Chicago&London, 1986.
Sauvet G. Les signes dans l´art mobilier//L`Art des Objets au Paleolithique: tom 1. Clottes J. (ed.).Paris.1987, 83-98.
Savinov D.G. The Torgazhak Pebbles: principal aspects of their study and interpretation// Archaeology, Ethnology&Anthropology of Eurasia.2003.2 (14), 48-70.
Spencer B., Gillen F.J. The native tribes. London, 1899.
Strelow T.G.H. Aranda Traditions. Melbourn, 1947.
Taute W. Retoucheure aus Knochen, Zahnbein und Stein vom Mittelpaläolithikum bis zum Neolithikum//Fundberichte aus Schwaben. Neue Folge 17. Stuttgart, 1965, 76-102.

Churinga from Shakhtersk (Ukraine, Donetsk region)

A. F. Gorelik, M. L. Shvetsov

Summary

The authors publish a unique object of Stone Age art engraved on the surface of a slate pebble found in the dump of a construction trench on a bank of Orlovka, a small steppe river in the central part of the Donetsk ridge. No cultural layers were discovered, since the site was destroyed in the process of construction works. Despite the lack of datable layers, the artifact may be tentatively dated to the Neolithic on the basis of the style of en¬graving, of secondary use as a retoucher and of flint tools found in the same area. The engraved composition consists of vertical parallel lines incised from both lateral sides of the artifact and of transversal parallel lines from one side ("stairs" motif) which join the two main ornamental fields on the lateral sides. It should be noted that different kinds of colours were used to create the images and that slight traces of them could still be found on the surface of the artifact. Like other similar objects of Stone Age art all over Eurasia, the pebble may have served as a kind of media. Later use of engraved pebbles as retouchers (changing from the sacred to the profane) was proved. We assume that the engraved pebble from Shakhtersk was used in the same way.

М.Л. Швецов

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДРЕВНОСТИ ПРОТО– И ПРОБОЛГАР[1] ПОДОНЦОВЬЯ И ПРИАЗОВЬЯ. VI–XII вв.*

Согласно письменным источникам, отражающим этническую карту заселения степей Восточной Европы в эпоху раннего Средневековья, в числе народов упоминаются и предки современных болгар. Многие исследователи, в основном археологи, начальный этап их истории связывают с гуннами. Так, первое упоминание о древних болгарах относится к 334 г., чаще они упоминаются к концу IV в. в связи с их постепенным выделением из многоэтничного гуннского объединения. Высказано мнение, что этот этноним получают "кочевые племена смешанного происхождения, в формировании которых приняли участие тюркский, угорский и иранский компоненты", шел процесс этнокультурного развития (3, с. 4-15). В дальнейшем в степях Восточной Европы, несмотря на развитие и продолжение данного процесса в V–VI вв., можно говорить "о существовании постоянной тенденции к усилению этнической консолидации в протоболгарской племенной среде", приведшей к созданию государственного объединения – Великой Болгарии.

Исторические события, в связи с которыми упоминаются болгарские племена, дают некоторую возможность оконтурить территорию расселения болгар в эпоху раннего Средневековья в Поволжье, на Северном Кавказе, в степном Приазовье и Причерноморье, в Подонцовье, на границе степи и лесостепи. Рассматриваемая нами территория Подонцовья и Приазовья являлась одной из важных составляющих земель в истории проболгарского этноса.

Сложность и многообразие компонентов в составе этноса, специфика эпохи формирования самого этноса, недостаточность и скудность письменных источников затруднили выделение археологических признаков болгарских древностей. В середине 50-х годов П.Н. Третьяков считал, что "письменные источники не дают убедительного и ясного ответа на вопрос о происхождении протоболгар. Археологический материал, который должен помочь в решении проблемы, добыт недостаточно". По его мнению, "необходимо специальное археологическое изучение приазовского района, где обитали протоболгары" (5, с.54).

Принято считать, что археологические исследования проболгарских древностей Подонцовья начались с раскопок В.А. Городцова на берегу Чернецкого озера у хут. Зливки (4,). Открытие самих захоронений, по-видимому, принадлежит Отцу Спесивцеву (10, с.111; 11), выявившему отдельные захоронения и могильники в Подонцовье в конце XIX – нач. XX вв. Нельзя не отметить полевые изыскания (разведки) А.И. Абрамова (г. Славянск) и известного исследователя Подонцовья Н.В. Сибилева, опубликовавшего "Древности Изюмщины".

---

[1] Мы разделяем принятые среди специалистов понятия "протоболгары" и "проболгары" по критериям хронологических периодов.

* Опубликовано: Швецов М.Л. Археологические древности прото- и проболгар Подонцовья и Приазовья. VII-XII вв. // Болгари Приазов'я. Історія та сучасність. Матеріали регіонального круглого столу. Донецьк, 22 грудня 2007 р. – Донецьк. 2007. С. 20-26.

Степные памятники: поселения и отдельные захоронения в Приазовье, на Нижнем Дону и Миусе открыты Х.И. Поповым. И все-таки это было еще только начало.

Необходимо отметить, что исследования и поиски древностей протоболгар продолжались. Мы приводим очень краткий историографический анализ, т.к. полный занял бы не один десяток страниц. Работы Волго-Донской экспедиции под руководством М.И. Артамонова были новым этапом в исследованиях раннесредневековых древностей, в том числе и проболгар (Артамонов, 1952, 1968). Велись исследования не только Саркела и прилегающих территорий Нижнего Подонья, но и междуречья Дона и Донца, Оскола. Это дало уникальные материалы, позволившие И.И. Ляпушкину характеризовать древности проболгар Подонья (Ляпушкин, 1962). В 60-х годах проболгарские памятники Подонцовья и мог. Зливки обследовала С.А. Плетнева. Исследовали проболгарские древности Д.Т. Березовец, 1962; Б.А. Шрамко, 1961, 1963; В.К. Михеев, 1958, 1964-1968, 1971; К.И. Красильников, 1978, 1979; О.В. Иченская, 1981; С.И. Татаринов, А. Копыл, А.В. Шамрай и др. Важно отметить работы В.С. Флерова, 1972-1976; 1983-1998; Е.И. Савченко в Нижнем Подонье и Приазовье.

В 1981 г. С.А. Плетнева в своей обобщающей статье "Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья", анализируя известные ей археологические источники, на основе особенностей погребального обряда выделяет пять групп болгарских могильников на данной территории (9, с. 10–12, рис. 2). Подводя итоги исследования жилых сооружений, типов поселений и кочевий, она выделяет определенные признаки проболгарских древностей Подонья и Приазовья. Она отмечает, что "несмотря на выделение нами достаточно выразительных признаков собственно проболгарской культуры, следует помнить, что ни одна из выявленных или намеченных характерных болгарских черт, взятая в отдельности, не может служить определением этнической принадлежности памятника" (9, с. 14).

Своеобразным анализом проболгарских древностей спустя десятилетие можно считать статью В.С. Аксенова и А.А. Тортика (1, с. 191–218). Рассмотрение исторических событий с привлечением археологических материалов могильников и отдельных захоронений дало возможность авторам "говорить о наличии захоронений, в которых достаточно четко прослеживаются черты тюркского, угорского и иранского (сарматского) погребального обрядов", что, по их мнению, "подтверждает данные письменных источников о достаточно пестром этническом составе населения на границе степной и лесостепной зон" (1, с. 211).

К столетию исследования могильника Зливки В.А. Городцовым нами была предложена краткая историография исследований и анализ погребального обряда могильников зливкинского типа (11). Были изложены основные положения и направления дальнейших исследований с учетом социальной градации могильников: сельские (типа Зливки), могильники поселений (типа Желтое, Рогалик) и городищ (типа Маяки, Сидорово), в дальнейшем в связи с ростом экономических условий переросшие в городские. Могильники Саркела должны быть выделены в отдельную категорию. Отдельно должны рассматриваться разновременные могильники как памятники смешанного кочевого и оседлого населения.

Специфика важности рассматриваемого нами региона Среднего Подонцовья обусловливается рядом причин, среди которых большую роль играют факторы пространственно-территориальные (граница биоценозов), экономические (трассы торговых путей), а также сырьевые базы (12, с.70-72; 13). По-видимому, следствием указанных условий можно считать наличие здесь компактной группы больших укрепленных поселений, занимающей небольшой участок среднего течения реки Северский Донец от места впадения р. Оскол до места впадения р. Казенный Торец. Общая протяженность этого участка не превышает 50 км. Здесь находятся не менее девяти городищ: у пос. Райгородок, пос. Донецкий,

«Царино городище» у с. Маяки, с. Сидорово, с. Татьяновка. г. Святогорск, с. Богородичное (Теплинское городище) Славянского р-на Донецкой обл.; пос. Кировск и с. Новоселовка – Дробышево Краснолиманского р-на Донецкой обл. Вокруг этих памятников сосредоточено значительное количество неукрепленных поселений, расположенных чаще всего в поймах и на небольших террасах (Зливки, Иличевка, Лиманское Озеро, Дробышево и др.).

Исследование нами в Подонцовье памятников типа Старица, датируемых третьей четвертью IV–VII вв., и открытие на них жилых сооружений кочевого населения VI–VII вв. (юрт) дало возможность подтвердить представления не только о совместном мирном сосуществовании двух разных этнических групп, но и о протболгарском раннем жилище в регионе Подонцовья, увязывая с аналогичными, но более поздними сооружениями в Приазовье (Бердянское, 1987). К сожалению, погребения VI–VII вв., эпохи становления протоболгар, в регионе исследованы единично (Городцов, 1901, Дневник архива с.64). Одним из результатов мирного сосуществования протоболгар и пеньковцев в регионе становится появление в VII – VIII веках, на пограничье степи и лесостепи населения материальная культура, которого несет в себе черты свойственные как первым так и другим. Это становится характерным в дальнейшим и для более северных лесостепных территорий, где проживало население с более сложным этническим компонентом (В.С. Аксенов, В.К. Михеев, 2006).

Если археологические материалы проболгар Среднего Подонцовья исследовались интенсивно и дают возможность воссоздать определенную картину, то о центральной и южной части региона этого сказать нельзя. Причиной такой ситуации было не отсутствие археологических памятников и возможности их дальнейшего изучения. Так, археологические разведки и раскопки, проводимые в начале и первой трети XX века Пиневичем, Н.Е. Макаренко в низовьях р. Кальмиус, дали интересный, хоть и небольшой материал, к сожалению, почти не опубликованный. В 50–60-е годы во время археологического обследования памятников по р. Кальмиус О.Г. Шапошниковой, а затем и В. Гладилиным были открыты не только отдельные кочевья, поселения эпохи Средневековья, но и наскальное изображение у. с. Раздольное (Большая Каракуба). Во время археологических работ Б.Ю. Михлиным в Приазовье, в пойме р. Камышеваха, в 1971 г. была составлена карта памятников, куда вошли и проболгарские, а в дальнейшем опубликован уникальный амулет, относящийся к гунно-болгарской эпохе. Обследование речных долин приазовской степи, выделение раннесредневековых памятников позволило В.К. Грибу выявить закономерности и топографию их распространения. Были открыты остатки хозяйственных построек и культовых сооружений у с. Безыменное, в материалах которых удалось обнаружить глиняные изделия мелкой пластики, изображавшие человека.

В полевой сезон 1987 года Донецкой Средневековой археологической экспедицией исследовалось кочевье у с. Бердянское Новоазовского района. Здесь были открыты и исследованы несколько жилых (юрты) и хозяйственных (ямы и погреба) сооружений, значительный керамический комплекс посуды (глиняные котлы с внутренними ушками, горшки, сковородки). Собранный на памятнике остеологический материал дает представление не только о составе стада, но и о хозяйственной направленности поселенцев. В 2001г. повторное обследование приазовского побережья дало нам возможность провести небольшие работы и выявить остатки конструкций на памятнике у с. Иличевское, под Мариуполем, где еще в 70-е годы О.Я. Приваловой и автором был открыт раннесредневековый пифос.

Необходимо отметить отдельные захоронения проболгарского времени, открытые нами во время раскопок курганов в Приазовье (Октябрьское) и уникальный комплекс с

серьгами и пальчатыми фибулами женского захоронения, найденный жителем с. Ново-Петровка Волновахского района (Амброз, 1981 , Б.Ю. Михлин, М.Л. Швецов, 1975).

Приведенные материалы еще раз указывают на заселение региона прото и проболгарами в VI–XII веках. Дальнейшие полевые исследования в Приазовье и Подонцовье дадут возможность открыть новые уникальные страницы истории древнеболгарского населения края.

Литература

1. Аксенов В.С., Тортика А.А. Протоболгарские погребения Подонья и Придонечья VIII–X вв.: проблема поливариантности обряда и этноисторической интерпретации // Степи Европы в эпоху Средневековья. — Донецк, 2001. — Т. 2.; Аксенов В.С. Михеев В.К. Население хазарского каганата в памятниках истории и культуры. "Сухогомольшанский могильник VIII – Хвв.// Хазарский альманах. Т.5. – Харьков, 2006.
2. Артамонов М.И. Саркел – Белая Вежа // МИА. — № 62. — М. – Л., 1958.
3. Генинг В.Ф. Некоторые вопросы периодизации этнической истории древних болгар // Ранние болгары в Восточной Европе. — Казань, 1989.
4. Городцов В.А. Материалы археологических исследований на берегу Донца Изюмского уезда Харьковской губернии // Тр. XII АС. — Т. 1. — М., 1905.
5. История Болгарии / Под ред. П.Н. Третьякова. — М., 1954. — Т. 1.
6. Иченская О.В. Об одном из вариантов погребального обряда салтовцев по материалам Нетайловского могильника // Древности Среднего Поднепровья. — К., 1981.
7. Красильников К.И. О некоторых вопросах погребального обряда проболгар Среднедонечья // Ранние болгары и финноугры в Восточной Европе. — Казань, 1990.
8. Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского Каганата. — Харьков, 1985.
9. Плетнева С.А. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья // Плиска – Преслав. Материали от българо-съветската среща, Шумен, 1976, София, 1981. — Т. 2.
10. Швецов М.Л. Могильник Зливки // Проблеми на прабългарската история и култура 2. Трета международна среща по праболгарската археология. — Шумен, 1990.
11. Швецов М.Л. Могильники зливкинского типа // Тезисы конференции, посвященной 100-летию деятельности В.А. Городцова. — М., 2003. — Ч. II.
12. Швецов М.Л. Проблемы взаимоотношения степного и лесостепного населения в эпоху раннего средневековья. // Культуры степей Евразии второй половины I тысячеления н.э. (Вопросы хронологии). — Самара, 1997.
13. Швецов М.Л. Взаимоотношения степного и лесостепного населения в эпоху раннего средневековья (на примере Подонцовья – Приазовья) // Археологическое изучение Центральной России (материалы конференции памяти В.П. Левенка). — Липецк, 2006.
14. Флеров В.С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. — М., 1996.

М.Л. Швецов

МОГИЛЬНИК ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В СРЕДНЕМ ТЕЧЕНИИ р. СЕВЕРСКИЙ ДОНЕЦ*

Среди исследователей, посвятивших свою жизнь изучению эпохи Средневековья Евразийской лесостепи, ее археологическим памятникам, одним из известнейших специалистов можно назвать Анатолия Захаровича Винникова. Хронология древностей изучаемых им составляет более полутысячилетия. Его работы посвящены древнерусским памятникам VIII – XIII в.в. лесостепного Дона, памятникам салтово-маяцкой культуры в Доно-Донецкой лесостепи, и древностям эпохи Золотой Орды Центрального Черноземья. Большой научный опыт и широкое знание материала, делает его статьи и монографии не только значимыми и актуальными, но и ставят перед исследователями сопредельных регионов новые задачи, давая возможность увидеть, что-то новое в исследованных ими материалах.

Целью нашей статьи является представление одного из нетипичных памятников "зливкинского" варианта салтово-маяцкой культуры, расположенного на границе биоценозов степи и лесостепи в Подонцовье. Памятники этой культуры представлены в Подонцовье не только поселениями, городищами, но и грунтовыми ямными могильниками (Плетнева, 1967). Среди них известны большие, которые оставленны населением городищ – Маяцкий (Царино городище), Сидоровский (Михеев, 1985; Копыл, 1979, и др.), Новолимаревка, Желтое, Новодачное (Красильников, 1991, Красильников, Тельнова, 1997, с. 66-80). В то же время большинство из исследованных и опубликованных поселенческих могильников являются небольшими: Платоновка, Дроновка – Лиманское озеро (Татаринов, Копыл, 1981, с.300-307; Татаринов, Федяев, 2001, с.365 – 373), Новодачное (Красильников, Тельнова, 1997, с.66-80), Черниково озеро и Серебрянка (Швецов, Санжаров, Прынь, 2001, с.333 – 345). Они включают от 20 до 100 захоронений. Время функционирования их определяется одним–двумя столетиями[1]. Нами уже отмечалась специфика этих небольших могильников (Швецов, 2001, с.334). В основном они расположены на дюнных и невысоких мысовых террасах берегов рек[2], рядом с небольшими поселениями (Плетнева, 1967; Она же, 1982; Швецов, 2001, с. 333-346). Взаимосвязь поселенческих памятников степного варианта и грунтовых могильников салтово-маяцкой культуры оценивалась С.А. Плетневой как один из элементов, отражающих процесс оседания кочевого населения Хазарской эпохи (Плетнева, 1967; 1982; 1999). Иная точка зрения на появление грунтовых могильников Подонцовья предложена В.С. Аксеновым и А.А. Тортика (Аксенов, Тортика, 2001, с. 191-2180). Рассматривая отдельные памятники в бассейне Северского Донца, нами была предложена их классификацию, в которой были выделены могильники, оставленные предположительно т.н. сельскими ("хуторскими") общинами (Швецов, 2001 с. 342-344),

* Опубликовано: Швецов М.Л. Могильник эпохи средневековья в среднем течении р. Северский Донец// Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья в эпоху раннего средневековья. Материалы научной конференции. – Воронеж. 2008. – С. 63-67.

[1] О хронологических рамках существования конкретных памятников имеются разные мнения.

[2] Отдельные могильники, например у с. Желтое Славяносербского р-на на Луганщине, изредка расположены на высоком коренном берегу, но связаны с одновременным им поселением.

постоянно функционировавшими на протяжении одного – двух (Швецов, 2001, с. 335-345) или нескольких столетий, как, например, Зливки (Швецов, 1999, с. 109-123). Необходимо отметить, что в число т.н. ямных могильников салтово-маяцкой культуры часто включают даже те, на которых исследовано 2-5 захоронений, порой разновременных или даже поздних (Дегерменджи, 1986, с. 39-42). Погребения, выявленные на данных объектах, чаще всего впущены в культурные слои более ранних эпох и встречаются с захоронениями этих и более поздних периодов. Возникает вопрос, оставлены ли они общинами, постоянно проживавшими на этом поселении, или это захоронения разных кочевых групп, приходивших сюда сезонно, использовавших территорию по необходимости для захоронения своих соплеменников. В контексте изучения данного вопроса вниманию читателя предлагается публикация одного из таких памятников.

Описание источников

Памятник находится в 0,5 км восточнее с. Ильичевка (бывш. Хайловщина), Красноли-манского района Донецкой области. Расположен на вытянутом в широтном направлении дюнном мысу, первой надпойменной террасы, на расстоянии 800 м от русла Северского Донца. С конца 1960-х гг. памятник исследовался раскопками экспедиций Донецкого госуниверситета под руководством Т.А. Шаповалова (1968-1972, 1974, 1977, 1979, 1989 гг.), а также Р.А. Литвиненко (2000 и 2001 гг.)[3]. Общая, хотя и вскрытая не сплошным массивом, площадь раскопок на памятнике (рис. 1; 2) составляет 2140 м^2 (т.е. более 60 %).

Средневековые могилы впущены в слой поселения эпохи бронзы. Для характеристики захоронений и определения особенностей могильника остановимся на их описании. Ко времени подготовки данной статьи на памятнике выявлено и исследовано десять захоронений средневековой эпохи, есть и погребения эпохи бронзы. По информации местных жителей, погребения здесь находили и до раскопок, при сооружении силосных ям и при размыве дюны полыми водами (Шаповалов, 1970, с. 29). Какой-либо системы в их взаимном расположении не наблюдается, если не считать, что погребения размещаются главным образом на северо-северо-восточном пологом склоне мыса, обращенном к реке (рис. 1).

Погребение 1 (1968 г.) (рис. 3, *1*) выявлено в кв. 33 раскопа 1, на глубине 1,2 м. Форма могильного сооружения не прослежена из-за заполнения его “желтым песком, в котором вырыта яма”, но даны размеры (яма 2,35Ч0,7 м). Однако автор раскопок отмечает: “...хоронили, пробив почти метровый слой земли, с массой керамики и крупных костей” (Шаповалов, дневник, с. 23). Погребенный мужчина положен вытянуто на спину, ноги прямо, стопы разведены. Руки кистями уложены на таз. Скелет вытянут по линии восток – запад со слабым отклонением к югу, куда и развернут лицевой частью череп. Впрочем, не исключено, что фиксируемый поворот черепа может являться результатом разрушения мягких тканей и мышц шеи с последующим смещением позвонков. Захоронение безинвентарное, лишь в заполнении ямы, найдены черепок эпохи бронзы и “четыре кости небольших размеров, очевидно пищевых отходов”. Автор раскопок отметил, что “эти кости отличаются от тех, что в слое эпохи бронзы” (Шаповалов, дневник, с. 22) и, значит, они относятся к более позднему времени. Нельзя исключить отнесение костей животных из заполнения к остаткам напутственной пищи, положенной в могилу. Необходимо также отметить, что “между бедренных костей скелета и чуть ниже найдены два кусочка древесного угля, чего нет в других местах” (Там же, с. 22).

[3] Считаем необходимым выразить свою признательность Т.А. Шаповалову за любезно предоставленные для публикации материалы эпохи Средневековья, а также В.К. Грибу за помощь в сборе интересующих нас данных.

Погребение 2 (1968 г.) (рис. 3, *2*) обнаружено в кв. 97 раскопа 1 на глубине 0,95 м. Как и в предыдущем случае, форма могильной ямы не определена. Отмечая это обстоятельство, автор указывает, что "погребение положено в черный грунт" (Шаповалов, дневник, с. 77), а "при осмотре профиля могилы, по западной стенке кв. 97, при погребении был нарушен слой черного грунта. Значит, весь черный грунт нарос позднее бронзы, то погребение позднее его" (Шаповалов, 1968, с. 78). Погребенная женщина (?) была положена на спину головой на запад, лицо повернуто к северу, ноги вытянуты, "чуть отброшены влево". Правая рука (лучевые кости) на крыле таза, левая чуть согнута в локте и положена кистью на крестец. В руки умершей было положено бронзовое зеркало в деревянном футляре, "который сохранился частично снизу". У шейных позвонков найдены одна "голубая стеклянная" бусина и "часть довольно крупной пустотелой бусинки (?) из тонкого серебряного листа". В материалах погребения значится еще одна большая круглая глазчатая бусина. Под черепом находилась часть серебряной серьги, изготовленной из проволоки.

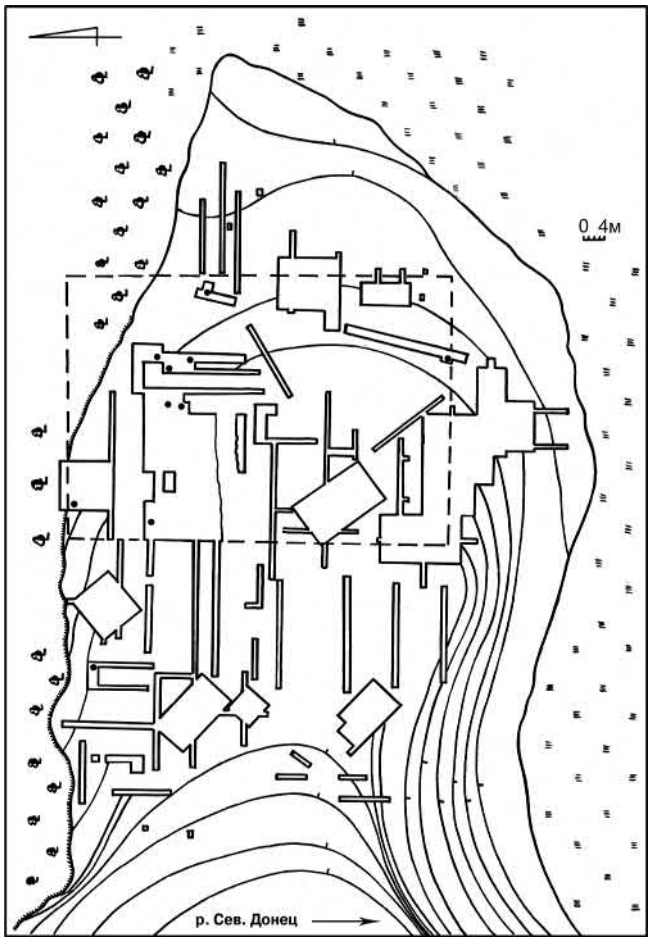


Рис. 1. Поселение у с. Ильичевка. Общий план с раскопами и погребениями (•).

1. Зеркало (рис. 3, б) диаметром 7,5 см изготовлено из бронзы, возможно, с добавлением (примесью) серебра. Рельефный орнамент на тыльной стороне зеркала, в виде вписанного в круг малого креста, с отходящими радиально к краю зеркала лучами и дополнительными дугами, образующими своими сторонами подобие мальтийского креста. Нижние дуги рассечены надвое хордами (лучами). На основании орнаментальных мотивов на тыльной стороне зеркала Г.А. Федоров-Давыдов выделяет аналогичные зеркала "в отдельный отдел Ж", а по диаметру делит на типы, отнеся зеркала данного диаметра к типу 3 (Федоров-Давыдов, с. 81). Известны аналогичные зеркала не только в кочевнических погребениях на территории нынешнего Донбасса (Швецов, 1974, с. 44, рис. 3), но и в материалах Нового Сарая, Болгара, Увека (Федоров-Давыдов, 1966, с. 81). Хронологически Г.А. Федоров-Давыдов данные зеркала относит к материалам XIII–XIV вв. (Федоров-Давыдов, с. 114, 116). Этим же временем датируют В.А. Иванов и В.А. Кригер аналогичное зеркало из погребения к. 4 могильника Шикулов II, выделяя данные зеркала в тип Ж-1 и относя их к сер. XIII в. (Иванов, Кригер, 1988, с. 38, рис. 14, *18, 19*).

2. Бусина (рис. 3, а). Половина стеклянной голубой (бирюзовой) подквадратной бусины (0,8 см). Полная аналогия данной бусины нам неизвестна. Близкие по форме и цвету экземпляры известны не только в средневековых памятниках Кавказа, но и в поздних золотоордынских Поволжья (Федоров-Давыдов, 1966).

3. Бусина (рис. 3, в) круглая (D – 2 см) пастовая со вставками «глаз», состоящими из 3 цветов. Аналогичные глазчатые бусины известны в средневековых материалах Кавказа,

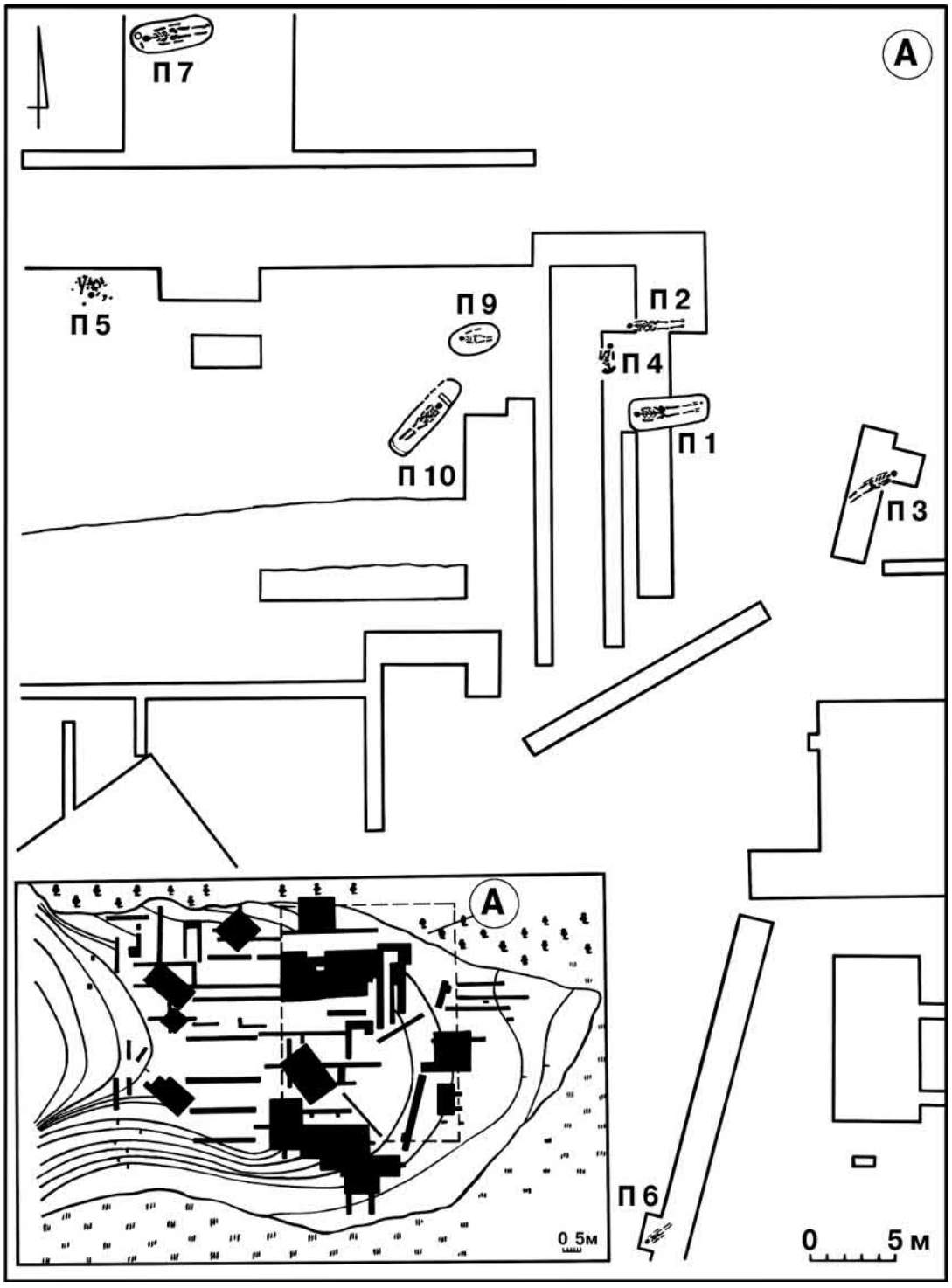


Рис. 2. Пос. у с. Ильичевка: план расположения погребений. А – зона локализации средневекового могильника.

Крыма, и, по мнению В.Б. Ковалевской (Ковалевская, 2000, с. 44), наибольшая их концентрация приходится на VIII–X вв. В то же время аналогичные глазчатые бусы Г.А. Федоров-Давыдов относит к более позднему периоду (1966, с. 73-74).

4. Серьга (рис. 3, г) изготовлена из серебряной тонкой (0,2 мм) проволоки, загнутой в кольцо, с выступающей ножкой, обмотанной по оси такой же проволокой. Нижний край серьги обломан и отсутствует. Возможно, в тексте отчета она упоминается как «бусина из

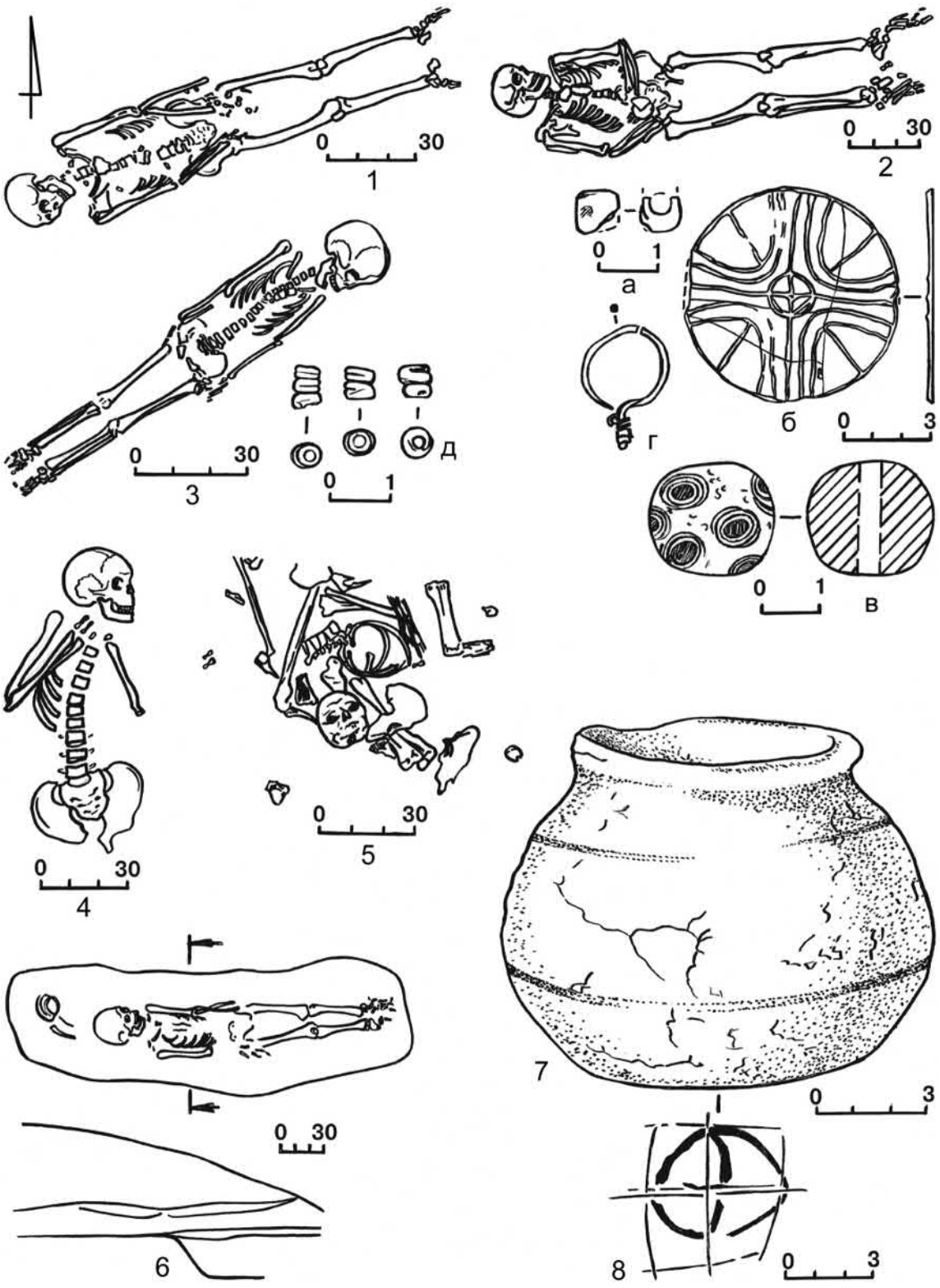


Рис. 3. Планы погребений и инвентарь: 1 – погребение 1; 2 – погребение 2 (а – фрагмент бусины, б – зеркало, в – фрагмент серьги, г – глазчатая бусина); 3 – погребение 3 (д – бусины из погребения 3); 4 – погребение 4; 5 – погребение 5, 6 – погребение 7; 7 – кубышка из кв. 12а (погребение 7 (?); 9 – клеймо на дне кубышки.

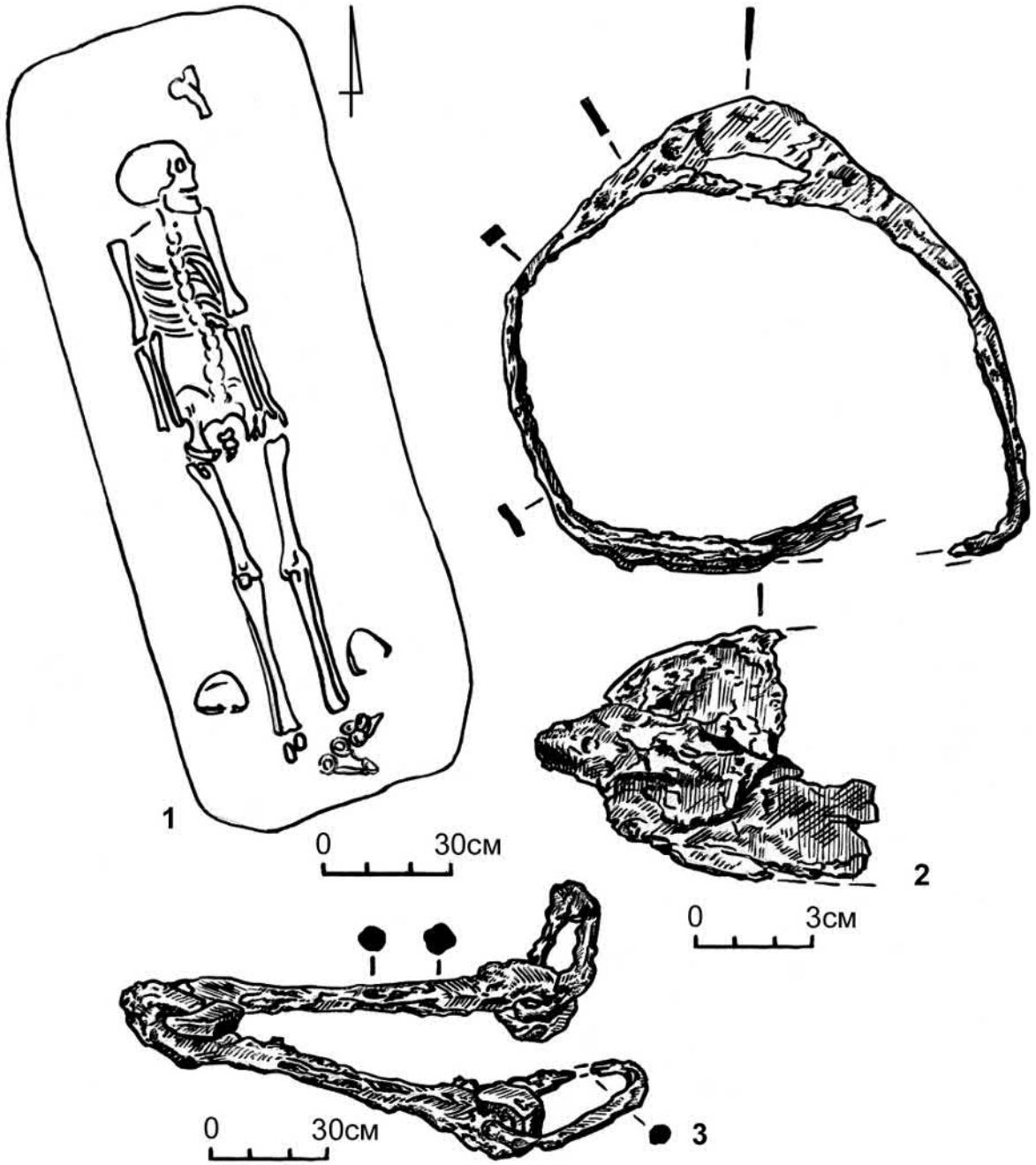


Рис. 4. Погребение 8: 1 – план погребения; 2 – стремя из погребения; 3 – удила.

тонкого серебра» (Шаповалов, 1968, с. 77). Аналогии данному типу серег широко известны (Федоров-Давыдов, 1966, с.39). В археологической литературе они определяются как “серьги в виде знака «?»” и связываются с поздними половецкими захоронениями эпохи Золотой Орды. В памятниках, приведенных в качестве аналогий по зеркалу из данного погребения, есть и похожие серьги (Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, рис. 14, *11*).

Погребение 3 (1968 г.) (рис. 3, *3*) выявлено в без номерной траншее, расположенной к юго-востоку-востоку от раскопа 1 (рис. II). Могильная яма не прослежена. На глубине 0,74 м находилось захоронение девочки 10–11 лет, лежавшей на спине, головой на северо-восток, с повернутым к югу лицом. Руки направлены вдоль тела, ноги вытянуты. В могиле найдены пять маленьких спиралевидных пастовых бусин синего и желтого цвета.

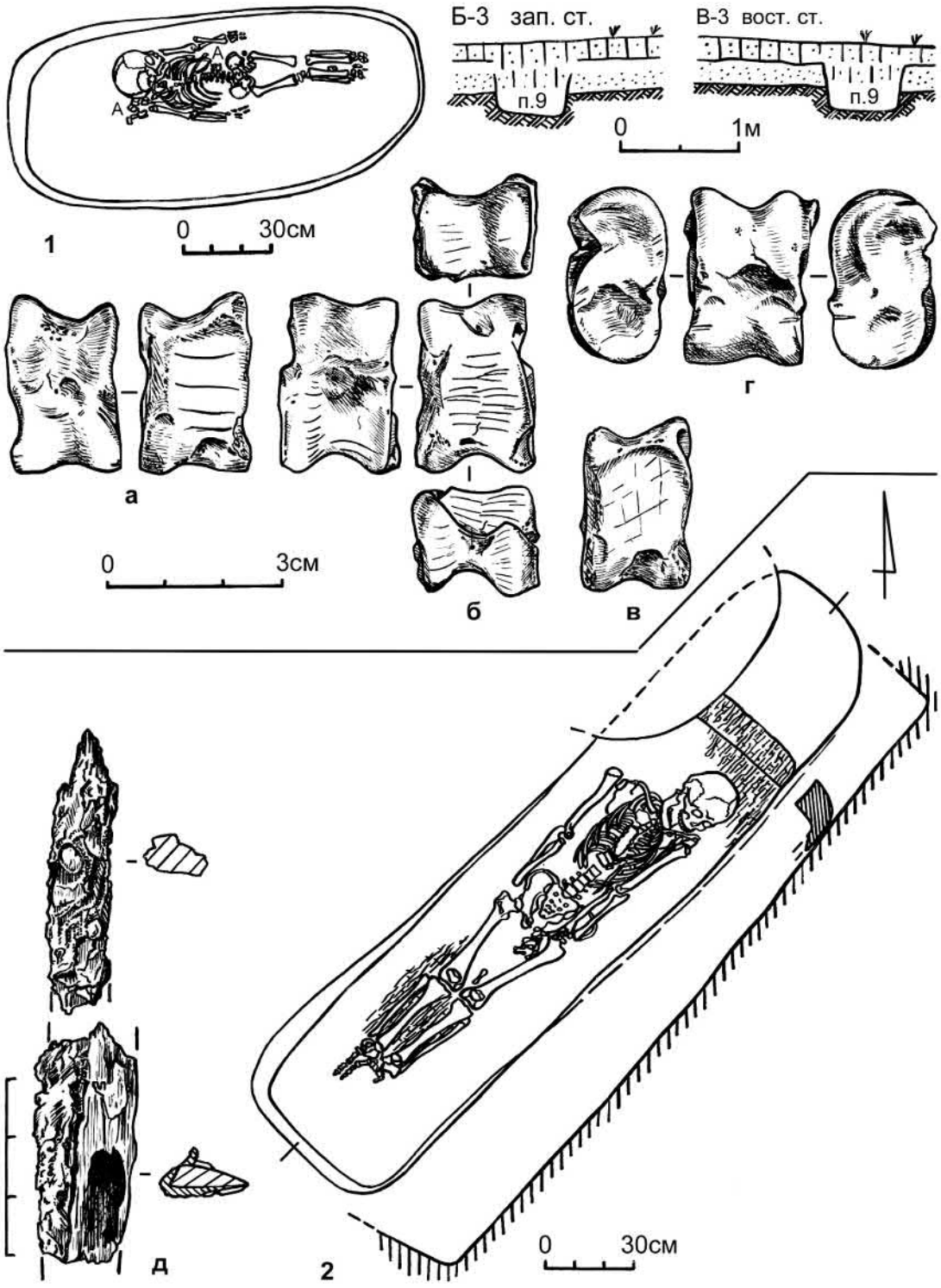


Рис. 5. Погребения 9, 10: 1 – погребение 9 (а-г – астрагалы); 2 – план погребения 10 (д – нож?).

1. Бусины (рис. 3, д) спиралевидной формы, изготовлены из стеклянной массы (пасты) синего и желтого цвета, диаметром 0,l–0,3 см. Время бытования их широко. Наиболее ранние для эпохи Средневековья, известны с V по X в. в Крыму, на Кавказе, и в Степи. Распространены они в Подонье, Подонцовье и Поволжье в VIII–X вв. (Ковалевская, 2000, с. 37). На могильнике «Зливки» они присутствуют в захоронениях с парчой XI в. (Швецов, 1999, с. 125).

Погребение 4 (1969г.) (рис. 3, *4*). Выявлено значительно западнее группы предыдущих захоронений (рис. II). На границе кв. 142-134, в кв. 135 раскопа 1, на гл. 0,6м. Судя по сохранившейся фотографии, скелет взрослого индивида нарушен и его кости находятся на разной глубине: рядом с черепом, лежащим на берцовых костях левой ноги, находилось крыло таза, севернее – ребра и позвонки. Не исключено вторичное захоронение останков в зольнике[4], так как автор раскопок отмечает в дневнике: "Нарушений почвы и зольного слоя (в котором был скелет) не прослеживается" (Шаповалов, 1970, с. 9). Как и в предыдущих случаях, яма не фиксировалась. В то же время Т.А. Шаповаловым сделан вывод, что сам скелет "нарушен в результате позднего перекопа". Могила без инвентаря. Необходимо отметить выявленные в слое зольника выше останков человека кости конечности КРС (Шаповалов, 1968–1970, с. 8, фото). Не исключено, что в данном случае зафиксирован обряд "погребения умерших в зольных и хозяйственных (т.н. «круглых и колоколовидных») ямах, широко известных в памятниках эпохи средневековья" (Артамонова, 1963; Швецов, 1999, с. 115; Плетнева, 1967, с. 96-97, рис. 24, *3, 4*).

Погребение 5 (1968 г.) (рис. 3, *5*) находилось юго-западнее погребения 2, в кв. 66 раскопа 1 на глубине 0,4 м, сохранилось не полностью. Выявлена верхняя часть скелета взрослого, лежащего на спине, головой на север. Позвоночник слегка искривлен, кости таза развернуты, правая рука согнута в локте и кистью направлена к шее. От левой руки сохранилась лишь плечевая кость, лежащая аналогично правой. Череп лежал на левой стороне, лицевой частью направлен к востоку. Сопровождающего инвентаря нет.

Погребение 6 (1969 г.) открыто на противоположной от остальных захоронений юго-восточной части мыса, в кв. 28 траншеи № 2 и прирезке к ней (рис. 2). Погребенный уложен вытянуто на спину, головой на запад–юго-запад. Руки направлены вдоль тела[5]. Сопровождающий инвентарь отсутствует.

Погребение 7 (1979 г.) (рис. 3, *6*) исследовано на краю северного склона центральной части дюнного мыса, северо-западнее всех захоронений, в кв. 12-11-Г раскопа XII. На глубине пятого штыка выявлена подовальная могильная яма, вытянутая по линии восток – запад, с небольшим изгибом северной ее стенки к северу (рис. III, 6). Столь необычная линия изгиба северной стенки ямы может быть объяснена первоначальным наличием ступеньки или небольшого подбоя. На это как будто указывает профиль стенки ямы на чертеже, приведенном исследователем в материалах раскопок (рис. III, 6). В то же время небольшая глубина захоронения (0,7–0,4 м от поверхности) и сыпучесть супесчаного грунта не подтверждают такое предположение. Умерший уложен вытянуто на спину, головой на запад. Руки вдоль тела, ноги сведены в коленках, стопы вместе (рис. 3, *6*). В 0,2 м за черепом лежало ребро животного, а за ним — лепная круглобокая кубышка с узким горлом и прямым венчиком. Идентификация этого сосуда с материалами раскопок, хранящихся в фондах Донецкого университета, вызвала затруднение: удалось найти сходную с описываемой посудину (рис. 3, *7*), которая, однако, по полевой документации значится как отдельно найденный в кв. 12а раскопа XII сосуд. Аналогии подобным кубышкам известны в материалах не только ямных могильников Подонцовья (Швецов, 1999; 2001), но и в лесостепных катакомбных памятниках салтово-маяцкой культуры (Плетнева, 1967; 1982).

Погребение 8 (1989 г.) (рис. 4, *1*), располагалось юго-западнее п. 7, в кв. 6-7 траншеи 1. Выявлено в материковом песке по черному пятну могильной ямы, в плане прямоугольной с закругленными углами формы, вытянутой по линии северо-северо-запад и имевшей размеры 2×0,75 м. В ней на глубине 1,15 м от современной поверхности на-

[4] Аналогичное по обряду захоронение известно на близлежащем могильнике «Зливки» (Швецов, 1999, п. 37).

[5] В материалах архива Т.А. Шаповалова и отчетах чертеж данного погребения отсутствует.

ходились остатки деревянного гроба. В нем лежал вытянуто на спине скелет человека, головой на северо-северо-запад. Левая рука была вытянута и кистью положена на таз, правая вытянута вдоль тела. У стоп погребенного, справа и слева была положена сбруя: железные стремена арочной формы, немного выше – двукольчатые железные удила, железная пряжка. Возможно, сбруя была положена на гроб, о наличии которого говорят находки кованых гвоздей на уровне 0,4 м выше уровня дна могилы. Между костями стоп найден железный черешковый наконечник стрелы с плоским пером. Между бедренными костями выявлены "остатки железного кинжала (или меча?)", наконечник (?) которого изготовлен из свернутого "в кулечек" листочка меди. Он обнаружен между коленными чашечками погребенного. Слева от костяка прослежены тонкие костяные пластинки украшенные растительным орнаментом, возможно, обкладки от лука (?). У копчика, под тазом, находились 4 овечьих астрагала, без признаков обработки. В изголовье, у северной стенки ямы, выявлены остатки напутственной пищи (?) – лопатка овцы.

1. Стремена (рис. 4, *2*) железные, арочной формы с расплющенной верхней частью дужки (2,5 см), верхний край которой образует округлый выступ (1,5 см) над прорезью для путалища. Боковые стенки стремени, под квадратные в сечении (0,5). В верхней части и в нижней, у подножки стенки, не только расширяются, но и утолщены (рис. IV, 2). Подножка широкая, (6 см) под овальная, (рис. IV, 2а). В месте перехода к боковой стенке сужается и утолщается. Стремя деформировано, но можно говорить о его размерах: высота и ширина – 12см. Оно относится к типу Е-I по классификации Г.А. Федорова-Давыдова и датируется XIV в. (Федоров-Давыдов, 1966, с. 16).

2. Удила железные, кованые, двукольчатые. Длина части грызла 10 см. Центральная часть их круглая в сечении, при переходе к неподвижным кольцам – квадратная, сечением 0,8см (рис. 4, *3*). Близки удилам типа Г-I по классификации Г.А. Федорова-Давыдова (1966, с.17, рис.2). Небольшие подвижные кольца для крепления узды, диаметром до 3,5 см, изготовлены из круглого, сечением 0,3 см, прута. Датируются в широком диапазоне.

3. Пряжка железная сбруйная.

4. Костяные накладки на лук, украшенные растительным орнаментом.

5. Астрагалы необработанные[6].

Погребение 9 (2000 г.) (рис. 5, *1*). Выявлено с уровня материкового песка по гумусированному заполнению ямы. Находилось западнее погребений 1, 2 и 4, в кв. 3-Б/В прирезки, соединившей раскоп 1 с траншеей 26. Могильное сооружение представляло собой яму, имевшую форму широтно вытянутого овала (1,42×0,66 м). В стратиграфических профилях яма фиксировалась с глубины 0,15 м от поверхности. Имела ширину до 0,7м. На дне могилы, несколько понижавшемся к западу с глубины 0,52 м до 0,55 м от поверхности, было совершено захоронение ребенка возрастом около 3 лет[7], лежавшего со смещением к северной стенке вытянуто на спине, головой на запад, с поворотом лица к северу. В изголовье, у правого плеча и затылка черепа, зафиксировано скопление из 8 астрагалов МРС (рис. 5, а-г), из которых 3 имели нанесенные острым предметом (ножом?) полоски и насечки, образующие в одном случае решетчатую композицию (знак). Кроме того, в могиле находились еще два астрагала, один из которых имел поперечные насечки и лежал слева у поясных позвонков, а другой – в заполнении, на 0,1 м выше запястья правой руки (рис.

[6] К сожалению, не все предметы из состава инвентаря рассматриваемого погребения удалось обнаружить среди фондовых материалов раскопок Ильичевского поселения. Вызывает определенное сомнение даже идентификация стремени и удил, рисунки которых приведены в настоящей статье.

[7] Антропологические определения пола и возраста умерших из погребений 9 и 10 осуществлены аспирантом Музея антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера) А.А. Казарницким, за что авторы ему искренне признательны.

5, *1*). Аналогии как самим астрагалам, так системе и способу нанесения рисунка широко известны в материалах степных памятников от эпохи бронзы до Средневековья. Широко они известны и в памятниках салтово-маяцкой культуры.

Погребение 10 (2001 г.) (рис. 5, *2*) выявлено в кв. 4-Б и 9-А, с глубины 0,75-0,8 м по пятну гумусированного заполнения могильного сооружения. Совершено в длинной узкой яме, вытянутой по линии юго-запад–северо-восток и размерами 2,60 × 0,58-0,64 м, в деревянном гробу-колоде. Дно ямы имело некоторый уклон к ногам, понижаясь от 0,96 до 1,06 м. Гробовище фиксировалось частично, по насыщенному истлевшим деревом заполнению в северо-восточной части ямы (с уровня 0,86 м от поверхности или 0,13 м от дна) и по древесному тлену на дне в юго-западной части. Гроб занимал только часть могильной ямы, по-видимому, был изготовлен из цельного ствола дерева и имел следы воздействия огня. Погребенный мужчина в возрасте 35-40 лет положен вытянуто на спине, с руками вдоль тела и кистями, направленными к основанию таза. Стопы сведены вместе. Череп наклонен к левому плечу. При разборе костяка среди костей грудной клетки найден обломок железного ножа (?). Наличие гробовища (колоды) в могиле дает возможность увязывать данное погребение с поздним этапом салтовской культуры (Плетнева, 1999) и, возможно, с началом периода христианизации местного населения (Швецов, 1999).

1. Железный нож (?) (рис. 5, д) сохранился плохо. Похож на обломки железного предмета, похожего на нож, с под треугольным в сечении лезвием и рукоятью. На части лезвия – следы деревянной оправы или ножен. Общая длина – до 10 см, ширина лезвия до 2 см.

Анализ и выводы

Предложенное описание и характеристика погребений на памятнике дают возможность убедиться в значительной протяженности периода использования данной территории в качестве места для погребения соплеменников. Так, все представленные к рассмотрению захоронения можно разделить на две хронологические группы – раннюю (VIII–X вв.) и позднюю (XIII–XIV вв.). Впрочем, такое разделение комплексов, как мы уже отметили, является условным, но существенное различие двух периодов, несомненно, имеет место.

К первой — поздней (XIII–XIV вв.) — отнесены два погребения (№ 2, 8).

Сопоставление погребений 2 и 8, относящихся к одной эпохе, отличаемых по половым признакам и, соответственно, по составу сопровождающего инвентаря, показывает, что они имеют и одинаковые черты:

а) совершены по единому языческому обряду;

б) имеют одинаковое положение умерших в могиле;

в) оба сопровождаются сопутствующим инвентарем, столь характерным для этой эпохи.

Их различная локализация на памятнике может намекать на некоторую разновременность. Также на сравнительно ранее время погребения 2, по отношению к погребению 8, может указывать наличие в первом из них бус, известных в более ранних древностях.

Вторая — раннесредневековая группа (VIII–X вв.) представлена захоронениями 3, 5, 7, 9. Ближе к ней стоят также погребения 1 и 10. На время совершения захоронений указывают: кубышка из погребения 7 (рис. 3, *7*), астрагалы из детской могилы 9, конструкции могильной ямы, специфический обряд погребения 5, широко представленный в памятниках данной эпохи (Артамонова, 1963; Плетнева, 1967, с. 96-97; Швецов, 1999, с. 115). Об определенной временной близости этой группы может говорить их расположение на одном участке памятника (рис. I). Интересно, что погребения 1 и 6, совершенные по абсолютно идентичному обряду, находятся на разных участках памятника, что может говорить об их разновременности. Интересно в этом плане и частично разрушенное погре-

бение 4 (рис. 3, *5*), также вполне соотносимое по обряду с памятниками рассматриваемой группы, для которой наиболее убедительные временные рамки могут быть очерчены в пределах X–XI вв.

Как уже отмечалось, в материалах раскопок памятника, кроме погребальных комплексов, представлена коллекция керамики средневекового времени: сосуд из кв. 12а раскопа 12, 1979 г. (рис. 3, *7*), фрагмент красноглиняного сосуда с ручкой, фрагмент широкогорлой средневековой амфоры (раскоп 1, 1969г.) и другие единичные изделия, относящиеся к VIII – XIII вв. Однако постоянных жилых комплексов этого времени на памятнике не обнаружено. Поэтому, наличие упоминавшихся Т.А. Шаповаловым незначительных хозяйственных остатков в виде керамики, скоплений костей животных, зольных пятен этого периода в совокупности с разновременными комплексами погребений дает возможность говорить о краткосрочном, эпизодическом пребывании в данной местности средневекового населения. Вероятно, оно наведывалось на довольно удобный для временной стоянки дюнный мыс в левобережной пойме Донца в период сезонных перекочевок. Интересным может оказаться факт существования значительно более поздних разновременных христианских захоронений невдалеке от мыса, на котором расположены средневековые погребения (Дегерменджи, 1986; 1987, с.39-42).

Список источников и литературы

1. Аксенов В.С., Тортика А.А. Протоболгарские погребения Подонья и Придонечья VIII–X вв. Проблема поливариантности обряда и этноисторической интерпретации // Степи Европы в эпоху средневековья. Труды по археологии. – Донецк, 2001. – Т. 2. – С. 191-218.
2. Артамонова О.А. Могильник Саркела Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции: МИА. – 1963. – № 109.
3. Дегерменджи С.М., Дубовская О.Р., Колесник А.В. Отчет об археологических исследованиях Донецкой области в 1986 г. сектором археологии отдела охраны памятников // Науковий архів ІА НАНУ. – № 1986/47; 1987/97.
4. Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). — М., 1988. — 90 с.
5. Иченская О.В. Об одном из вариантов погребального обряда салтовцев по материалам Нетайловского могильника // Древности Среднего Поднепровья. – К., 1981. – С. 80-95.
6. Ковалевская В.Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. — М., 2000.
7. Красильников К.И. Могильник древних болгар у с. Желтое на Северском Донце // Проблеми на пробългарската история и култура. – Вип. 2. – София, 1991 – С. 62-81.
8. Красильников К. И., Тельнова Л.И. Грунтовый могильник у пос. Новодачное. //Древности Подонцовья. Луганск, 1997.
9. Копыл А.Г., Татаринов С.И. Охранные раскопки городища Маяки на Северском Донце // СА. – 1979. – № 1. – С. 267-269. Они же Дроновские древнеболгарские могильники на р. Севрский Донец.// СА, 1981, №1– С.300-307
10. Литвиненко Р.О. Звіт про розкопки поселення поблизу с. Іллічівка Краснолиманського р-ну Донецької обл. 2000 р. // Науковий архів археологічної лабораторії Дон НУ.
11. Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. – Харьков, 1985. – 147 с.
12. Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. – 1967. – № 142. — 196 с.

13. Плетнева С.А. Кочевники средневековья. – М., 1982. – 187 с.
14. Плетнева С.А. Очерки Хазарской археологии. – М.; Иерусалим, 1999. – 365 с.
15. Шаповалов Т.А. Дневник раскопок Северодонецкой археологической экспедиции Дон ГУ. Раскопки поселения эпохи бронзы у с. Ильичевка в Краснолиманском районе на берегу Сев. Донца // Науковий архів археологічної лабораторії Дон НУ.
16. Шаповалов Т.А. Отчет по теме 7001493 "Исследования археологических и этнографических памятников северной части Донецкой области". – Донецк, 1970. – 31 с. // Науковий архів археологічної лабораторії Дон НУ.
17. Шаповалов Т.А. Отчет о раскопках поселения эпохи поздней бронзы у с. Ильичевки на Северском Донце (1968–1970 гг.) // Науковий архів ІА НАНУ. – Ф.е. № 5802. – 12 с.
18. Шаповалов Т.А. Отчет об археологических раскопках в 1970 г. // Науковий архів ІА НАНУ. – Ф.е. 5802 с.
19. Шаповалов Т.А. Отчет о раскопках поселения эпохи поздней бронзы у с. Ильичевки на Северском Донце в 1971 г. // Науковий архів ІА НАНУ. – Ф.е. № 7078-7079. – 20 с.
21. Швецов М.Л. Поховання знатної кочовниці з кургану біля с. Новоіванівки // Археологія. – 1974. – № 13. – С. 42-45.
22. Швецов М.Л. Могильник «Зливки» // Проблеми на прабългарската история и култура: Трета международна среща по прабългарската археология. – Шумен, 1990; – София, 1991. – С. 109-123.
23. Швецов М.Л., Санжаров С.Н., Прынь А.В. Два новых сельских могильника в Подонцовье // Степи Европы в эпоху средневековья. Труды по археологии. – Донецк, 2001. – Т. 2. – С. 333-346.
24. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М., 1966. – 273 с.

Список сокращений:

Дон ГУ – Донецкий государственный университет
Дон НУ – Донецкий национальный университет
ІА НАНУ – Институт археологии Национальной академии наук Украины
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
СА – Советская археология

М.Л. Швецов

ОБ АНТРОПОМОРФНЫХ АМУЛЕТАХ И ИЗОБРАЖЕНИЯХ ГУННО-БОЛГАРСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ СЕВЕРНОГО ПРИАЗОВЬЯ*

Антропоморфные металлические амулеты благодаря своему разнообразию и массовости являются специфической особенностью памятников аланской культуры на Северном Кавказе и Кубани (Ковалевская, 1981, с. 87; 1983, с. 43, 44). Распространение их в одновременных памятниках на территории Евразии рассматривается ею как результат связей с Кавказом (Ковалевская, 1981, с. 87). Направление этих связей, элементы культурного влияния или распространение самих носителей культуры подчеркивается находками характерных предметов культуры не только в Подонье и Крыму, но и в Северном Приазовье (Ковалевская, 1983, с. 43).

Среди значительного многообразия рассматриваемых ею амулетов «на основе иконографических и анатомических признаков выделены отдельные типы», среди которых тип I – «небольшие бронзовые, односторонние литые фигурки со средней высотой 4,5 и шириной 1,8 см. Изображение мужское, обнаженное, фаллическое. Голова круглая или в коническом головном уборе (возможно, изображается искусственно деформированная). Черты лиц отсутствуют либо схематичны. Плечи прямые, опущенные руки расположены параллельно туловищу с отогнутыми в сторону кистями. Туловище, как правило, вытянутое прямоугольное. Линии ног повторяют линию рук. Ноги чаще с выделенными стопами. Ушко для подвешивания находится сзади головы» (Ковалевская, 1981, с. 87, рис. 64, *1, 10, 11;* 1983, рис. 1, *1-4).* Данные амулеты (36 экз.) выделены З.Х. Албеговой в «отдел 3, тип 1, как фаллические фигурки в коническом головном уборе и без него». (Албегова, 2008, с. 9).

Хронологически время существования этих оберегов, по мнению В.Б. Ковалевской, приходится на VI-VII века (Ковалевская, 1983, с. 45), в то время как авторами, опубликовавшими амулеты Крыма и Приазовья, они отнесены к гуннской эпохе IV-V веков (Кругликова, 1957, с. 253-257; Пятышева, 1967, с. 186; Михлин, 1972, с. 95, 96 и др.)[1]. Время бытования таких оберегов, как считает З.Х. Албегова, ссылаясь на находку на городище Зилги, «могло относиться и к более раннему периоду» (Албегова, 2008, с. 9). В вопросе об этнической принадлежности таких амулетов тоже нет единого мнения. Авторы публикаций указанных находок связывают их появление в Крыму и Приазовье с гуннами. Интересно, что даже В.Б. Ковалевская включает в число аланских материалов антропоморфные изображения и амулеты, находимые далеко не в аланских древностях, и высказывается в пользу их болгарской принадлежности (Ковалевская, 1983, с. 45, 46). Как отмечает З.Х. Албегова, «накопление материала показывает достаточно широкое распространение антропоморфных амулетов этого типа во времени и пространстве» (Албегова, 2008, с. 9). Не ставя перед собой задачи решения проблемы в целом, попытаемся еще раз на примере одной из находок рассмотреть один из вопросов.

* Опубликовано: Швецов М.Л. Об антропоморфных амулетах и изображениях гунно-болгарского времени из Северного Приазовья// Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы к конференции. – Краснодар. 2009. С. 431-434.

[1] Перечень всех публикаций данных находок на рубеже предыдущего столетия нам известен, но из-за небольшого объема работы мы приводим чаще всего обобщающие или сводные статьи.

В этой связи несомненный интерес представляет еще одна находка аналогичного амулета в Приазовье[2], в бассейне верхнего течения р. Волчей на распаханных огородах, расположенных на невысокой первой надпойменной террасе правого берега р. Осыковой, на территории районного центра Марьинка Донецкой области. Осмотр места находки позволил обнаружить на прилегающей территории отдельные фрагменты амфорных стенок, мелкие невыразительные фрагменты лепной керамики с шамотом в тесте и окатанные фрагменты костей животных со следами действия огня и порезами[3]. К сожалению, хронологических характеристик указанный подъемный материал не дает.

Амулет представляет собой небольшую бронзовую односторонне-литую человеческую фаллическую фигурку (4,9×1,9 см), изображающую обнаженного мужчину. Голова округлая, сужающаяся кверху, покрыта направленными косыми насечками, передающими прическу. Лицо с намеченными в виде слабых углублений глазами (один глаз почти не виден), выступом на месте носа и полоской вместо рта. Туловище вытянутое, прямое. На груди от плеча к плечу намечены две параллельные линии. Руки с выступающими в стороны кистями опущены вниз. Линия ног повторяет линию рук. Стопы отсутствуют. Ушко для подвешивания находится сзади головы.

Ближайшей и наиболее точной аналогией марьинской находки можно считать амулет, найденный на Белосарайской косе, опубликованный Б.Ю. Михлиным (Мих- лин, 1972, с. 95, 96). Отличительные элементы белосарайской находки от марьинской: наличие стоп и «головного убора». Интересно, что линии прически на амулете, публикуемом нами, направлены наискось к лицу, а не вертикально со лба, как на сравниваемой находке (Михлин, 1972, рис. 1). Горизонтальные линии на поясе у марьинской фигурки, по-видимому, заменены деталями гениталий. Другой близкой аналогией нашему амулету можно считать амулет из детского захоронения, исследованного И.Т. Кругликовой в слое эллинистического поселения в дер. Айвазовское в Крыму (Кругликова, 1957, с. 253, 254, рис. 1, *3;* 2, *2).* От двух рассматриваемых нами он отличается не только трактовкой и исполнением лица (выделенными глазами, выпуклым носом), но и отсутствием (?) прорисовки прически. Наиболее близкой и аналогичной ему находкой, как считает И.Т. Кругликова, можно назвать подвеску-амулет из разрушенного детского погребения, найденного в 1909 г. на северном склоне горы Митридат в Керчи (Кругликова, 1957, с. 255, рис. 2, *2).* Она же приводит аналогичную находку 1897 г. из детского захоронения на Сююр-Таше у Азовского моря (Кругликова, с. 254, 255). Близкая, почти аналогичная подвеска, с руками, упирающимися в колени, происходит также из детского захоронения в земляной гробнице, открытой в 1909 г. на Глинище (Кругликова, 1957, с. 254, рис. 2, *1).* Еще у одной фигурки, найденной в погребении в катакомбе № 52, кисти рук намечены выступами (Кругликова, 1972, с. 255, рис. 2, *6).* Ей же близка, по-видимому, плохо сохранившаяся аналогичная подвеска-амулет из Керчи, хранящаяся в ГИМе (Кругликова, 1957, с. 255, рис. 2, *4).* По мнению того же автора, еще пять аналогичных амулетов происходят из Керченских разрушенных захоронений и хранятся в фондах ГИМа (Кругликова, 1957, с. 254-255). Автор статьи приводит данные об аналогичных неопубликованных подвесках-амулетах, хранящихся в Одесском историко-археологическом музее (Кругликова, с. 254, сноска 1). О них, видимо, говорит В.Б. Ковалевская, приводя также данные о двенадцати амулетах из материалов Боспора, Херсонеса и из фондов того же музея (Ковалевская, 1981; 1983, с. 44, 45). В то же время,

[2] Считаем своим долгом выразить признательность жителю пгт Марьинка А.Конько, нашедшему амулет, за предоставление возможности его публикации и ознакомления с местом находки.

[3] Материалы осмотра хранятся в фондах Донецкой Средневековой археологической экспедиции (инв. № 12/2007). В 80-е годы здесь также были найдены фрагменты тонкостенных светло- оранжевых амфор или кувшинов (информация В.В. Цимиданова, ДОКМ).

среди ближайших аналогий рассматриваемых подвесок-амулетов в памятниках Прикубанья мы можем назвать находки из Первого пашковского могильника (Кругликова, 1957, с. 255, рис. 2, 7; Ковалевская, 1981; 1983, с. 44, рис. 1, *1).* Близкий, но не аналогичный, амулет происходит из-под Кисловодска (Ковалевская, 1983, с. 44, рис. 1, *2, 4).* Далеки, по нашему мнению, от типа рассматриваемых амулетов «амулет из комплекса VII в. в станице Преградной», а, тем более, «танцующая пара» из Мартыновки (Ковалевская, 1983, с. 46).

Рассматривая антропоморфные фаллические амулеты-подвески, нельзя обойти стороной и аналогичные изображения на камнях и стелах. Находки таких изображений известны в памятниках античного, позднеантичного и раннесредневекового времени. Приводятся они как аналогии исследователями, рассматривающими амулеты (Ковалевская, 1981, с. 90; Айбабин, 1974, с. 248, 249, рис. 1). В качестве полной аналогии сюжету марьинской и белосарайской находок, и как наиболее близкую территориально и хронологически, но выполненную на камне, необходимо упомянуть стелу из Пикузы в Приазовье (Швецов, 1980, с. 269, рис. 1). Иконографически сюжет изображения на стеле повторяет в деталях находку из Марьинки. Однако это не подвеска-амулет, а центральная стелла из комплекса святилища V-VII вв. Территориально все три находки оконтуривают небольшой степной участок, в рамках чуть более 100 км. К числу таких памятников необходимо отнести аналогичный сюжета на плите ракушечника (?) вблизи с. Скельки у г. Запорожье[4]. Хронология данных изображений, по-видимому, также широка и неоднозначна. Сюжет стелы из Пикузы, по мнению А.К. Амброза, что и отметила В.Б. Ковалевская (Ковалевская, 1983, с. 50), уходит своими корнями и прямыми параллелями к изображению бога Беса на каменном алтаре из римского лагеря Сайала (Zakharov, 1933, p. 77, fig. 49-50; Kromer, 1967, taf. 27; fig. 17) и связан с распространением этого культа в эпоху эллинизма в Причерноморье (Алексеева, 1965, табл. 6, фиг. 26-29, табл. 12, 29, 32).

Изображения данного типа на камне, по своим функциональным особенностям отличаются от рассматриваемых нами амулетов, являясь какой то частью или объектом поклонения, возможно, как мы уже отмечали, входя в комплекс святилища. Со временем, данный сюжет неоднократно трансформировался и изменялся в конфессиональных представлениях средневекового населения Степи, о чем говорит изображение на тыльной стороне каменного изваяния половецкого времени. Изваяние из песчаника, рисунок частично нарушен в верхней части, привезено из дер. Кондратьевка, хранится в музее г. Константиновка Донецкой области.

Разнообразие амулетов-подвесок у населения Крыма и Приазовья, столь хорошо представленное в материалах эпохи средневековья, становится в дальнейшем традиционным. Возможно, далеким трансформированным отражением данного явления можно считать распространение специфических амулетов-оберегов у переселенцев из Крыма – греков Приазовья. Такие находки хранятся в музеях юга Украины.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Айбабин А.И. Варварский рельеф из Феодосии // СА. 1974. № 3.

Албегова З.Х. Бронзовые амулеты аланской культуры // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Тез. докл. Самара, 2008.

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ-Г1-12. М., 1962.

Горбова М.В. Вотивные привески в собрании Донецкого областного краеведческого

[4] Изображения на каменной плите, материалы разведок А. Бодянского у г. Запорожье (архив Запорожского краеведческого музея). Мы, к сожалению, имеем только несколько фотографий не очень хорошего качества, подаренных нам А. Бурцевым, соавтором разведок.

музея. Каталог. Донецк, 2003.

Ковалевская В.Б. Северокавказские древности. В кн. Степи Евразии в эпоху средневековья //Археология СССР. М, 1981.

Ковалевская В.Б. Антропоморфные амулеты VI-IX вв. на Северном Кавказе // КСИА. Средняя Азия и Кавказ. М., 1983. № 176.

Левша Л.М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тыс. н.э. М., 1971.

Михлин Б.Ю. Гуннський амулет з Ждановського музею//Археологія. 1972. №5.

Пятышева Н.В. К вопросу об этническом составе населения Херсонеса в I–IV вв. н.э. // Античное общество. М., 1967.

Швецов М.Л. Стела V–VII вв. из Приазовья // СА. 1980. № 4.

Швецов М.Л. Подкурганные погребения Хазарской эпохи. Донецк, 1983.

Zakharov A.A. Material for the archaeology of the Caucasus. Anthopomorphie bronze statuettes, «Swiatovit», t. XV, Warszawa, 1933.

Kromer K. Romische weinstuben in Sayala (Untemubien). Berichte des Osterreichischen Nationalkomitees der Unesko-Aktion fur die Rettung der Nubischen Altertumer. Wien. IV. 1967.

М.Л. Швецов

ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В КУЛЬТОВЫХ КОМПЛЕКСАХ ТЮРКСКОЙ ЭПОХИ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ СТЕПЕЙ*

В 1992 году в Донецке была проведена совместно с Национальным Комитетом ЮНЕСКО «Великий Шелковый Путь» международная конференция «Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в Средневековье» (Степи, 1992). История и развитие в VI-XII веках на просторах евразийской степи государств тюркоязычных этнических групп, несомненно, была одной из главных тем конференции. И не удивительно. Более столетия данная тема неоднократно рассматривалась медиевистами: Бартольд В.В, 1968; Берштам А.Н., 1952; Артамонов, 1962; Плетнева С.А., 1967, 1981, 1999; Кызласов Л.Р, 1984; Савинов Д.Г., 1984; Федоров Я.А., Федоров Г.С., 1978; Масон В.М., 1989; Ермоленко Л.Н., 1990; Гумилев Л.Н., 1993; Прщак О.Й., 1997; Кляшторный С.Г., 2000, Приходнюк О.М., 2001, Комар А.В., 2005, и др. И все же, несмотря на большую проделанную работу, многие вопросы данной тематики еще остаются дискуссионными. Полученные за эти годы новые археологические, лингвистические и антропологические материалы указывают, что решение проблем далеко до завершения. Сложность и неясность вопросов связана не только с нестабильной исторической ситуацией рассматриваемого периода, фиксируемой письменными источниками, но и порой с их интерпретацией. Одним из таких проблемных вопросов является территория распространения населения и памятников, связываемых с древностями эпохи Тюркских каганатов в Восточноевропейской степи. Если присутствие самих тюрок почти не у кого из исследователей не вызывает сомнений, то территория их распространения и наличие памятников, отражающих тюркскую культурную традицию, часто вызывает дискуссии.

Характеризуя историческую ситуацию в Восточноевропейской степи в третьей четверти VIII ст., М.И. Артамонов, ссылаясь на Менандра, пишет: «...очевидно, к этому времени тюркюты перешли Волгу и подчинили народы Северного Кавказа и степей Азово-Каспийского междуморья. Турксанф двинул свои многочисленные войска под начальством Бохана на завоевание Боспора (Артамонов М.И., 1962, с. 137-138). И тут же (с. 160): «...но вместе с тем не известно, чтобы тюркюты распространили свою власть западнее Дона, на Поднепровье». Есть полностью противоположные мнения, ограничивающие распространение культуры до Северного Кавказа и Крыма.

Мы считаем, что распространение тюркской культурной традиции в Восточной Европе, а возможно, и представителями самого этноса хорошо иллюстрируется в памятниках археологии Восточноевропейской степи. Важно то, что древности представлены не только погребальными комплексами (оградки или захоронения по обряду трупосожжения)[1], но и

* Опубликовано: Швецов М.Л. Центральноазиатские параллели в культовых комплексах тюркской эпохи восточноевропейских степей // Древности Сибири и Центральной Азии. 2009. №1-2 (13-14). – Горно-Алтайск. С.130-139.

[1] Не ставя целью в данном случае разбор всех аспектов столь интересной и сложной проблемы, считаем необходимым обратить внимание на полные параллели и аналогии в составе и типологии погребального инвентаря тюркских трупосожжений в памятниках Южной Сибири, Алтая с аналогичным набором инвентаря

культовыми комплексами, вызывающими многолетние дискуссии (Гринченко В.А., 1950, с. 61-63; Артамонов М.И., 1962; Амброз А.К., 1981, с. 10-22; Он же, 1982, с. 217; Плетнева С.А., 1967, 1981, с. 72; Она же, 1999; Ольховский В.С., 1993, с. 210-222; Приходнюк О.М., 2001, с. 7,13-18; Швецов М.Л., 1992, с. 96; Он же, 2000, с. 39-40). Подробно и обстоятельно широко известные памятники рассматривал О.М. Приходнюк, назвавший также «тюркскими погребениями» захоронения так называемого «сивашевского типа» (Приходнюк О.М., 2001, с. 25-32, 34-41).

Интересно, что почти все исследователи, рассматривая эти древности, приводя свои аргументы к интерпретационной характеристике инвентаря, оружия или украшений, не только используют термин «тюркский»[2], но и указывают на основные параллели в памятниках Алтая, Южной Сибири и даже Средней Азии. Особенно с так называемыми определениями погребальных каменных конструкций («оградок тюркского типа») или культовых строений – святилищ. Несомненно, такие святилища и являются воплощением элементов тюркского мировоззрения, выраженного материально. К сожалению, материалы исследованных древностей в степной зоне Восточной Европы далеко не всегда опубликованы. Примером могут быть: курган II с каменными конструкциями, исследованный в Провальской степи на Луганщине, урочище Майка; оградка в ур. «Грушевая балка», с. Провалье (Гладких М.И., 1975, с. 268). Частично опубликованы: оградка со стелой у с. Нагольная Тарасовка (Гераськова Л.С., 1980, с.261). Это памятники с изваяниями и захоронениями в Приазовье, Грузское и Петровское (Привалов А.И., Привалова О.Я., 1988, с. 42, 94, 96, рис. 21-1,20). К изваяниям этой же эпохи, по-видимому, необходимо отнести и изваяние лошади (пос. Железный) и льва (пос. Луганское). Возможно к этой группе памятников относится и комплекс с изваянием и трупосожжением в кургане 8 у с. Большая Белозерка, исследованный В.В. Отрощенко в 1975 г.?

В.С. Ольховский одним из первых поставил столь важный вопрос, опубликовав некоторые материалы из степной части Крыма и Нижнего Поднепровья (Ольховский В.С., 1993, с. 210-222) и определив публикуемые изваяния как тюркские. В последние годы было выявлено и исследовано еще несколько уникальных новых комплексов и отдельных изваяний, расширяющих территорию местонахождения и данные, приведенные В.С. Ольховским. Поэтому основной целью нашей статьи является публикация одного из приведенных В.С. Ольховским комплексов[3].

В качестве одного из таких ярких памятников можно назвать уже упоминавшийся в литературе (Отрощенко В.В., 1987, с. 106; Ольховский В.С., 1993, с. 212-213; Швецов М.Л., 2000, с. 39-40; Швецов М.Л., 2005, с. 166), но не опубликованный культовый комплекс в кургане 1, у с. Черноземное в Приазовье. Рассмотрим его подробно.

Одиночный курган (h – 0,95 м, d – 36 м), расположенный на водоразделе небольшого плато, в 1 км к востоку от с. Черноземное Запорожской области, насыпанный в эпоху бронзы (7 погребений срубной культуры) и использовавшийся в эпоху Средневековья (рис. I). Создание первичной насыпи, досыпки и сооружение прерывистого ровика связано со строительной деятельностью носителей срубной культуры. В эпоху Средневековья ровик был, вероятно, углублен и расширен. Он имел кольцеобразную форму (внешний диаметр – 19,5 м, ширина в материке – 0,6 м) в плане и усеченно-коническую – в разрезе. Глубина от

в погребениях и могильниках, относимых к «памятникам то салтово-маяцкой культуры, то к славянским или древностям угров».

[2] К сожалению, не всегда авторы конкретизируют, что они видят при упоминании данного термина: этнос, элементы культурной или мировоззренческой традиции или древности тюркоязычного населения.

[3] Объем предложенной статьи из-за количества рисунков не позволяет нам дать не только полную интерпретацию комплекса, но и включить в публикацию еще несколько аналогичных памятников.

погребенного чернозема – 0,9 м. Четыре перемычки различной ширины разделяли ровик на неравные отрезки. Две перемычки находились в северо-восточном секторе, третья – в юговосточном и четвертая – в юго-западном. В заполнении северо-восточного и восточного отрезков ровика находились 9 каменных изваяний (рис. I – а, в). На дне ровика, в южном и северном отрезках, были найдены фрагменты средневековой амфоры, черепа и кости лошадей. Фрагмент срубной керамики в северо-восточном отрезке ровика у перемычки (рис. I – а-2). Так как поверженные изваяния покоились в заполнении ровика цепочкой, то можно предположить, что примерно в таком же порядке они были первоначально установлены у края ровика, образуя своеобразный алтарь (рис. I – в; VI – 2). Расположение изваяний с севера на юг представляется нам следующим: медведь с раскрытой пастью, волк (?), всадник на верблюде (?), всадник, антропоморфная стела, еще два всадника, хвост к хвосту, медведь в спокойной позе, дикий кабан с полураскрытой пастью (рис. I – а-10). Рядом с диким кабаном обнаружены две половинки нижней челюсти лошади. Приведем описание изваяний в той последовательности, как они находились во рву по отношению к центральной фигуре комплекса – антропоморфному изваянию (рис. IV – 1) и зафиксированы in situ, начиная с севера к центру, а затем с юга.

1. Верблюд со всадником вырезан из плиты ракушечника (рис. II – 1). Одна сторона изваяния вертикально обтесана, другая немного подправлена. Следы резца прослеживаются слабо. Фигура имеет асимметричные очертания: кособокая фигура животного с массивной шеей, укороченным туловищем и неотесанным широким крупом. Часть головы животного утрачена в результате продольного скола. У всадника отбита голова и правая сторона туловища, а левая стесана ножом бульдозера. Морда животного поднята вверх, на темени имеется выступ. Детали головы не проработаны, грива отсутствует, но выделен хвост с отбитым концом. Основание статуи имеет вид слабоизогнутой дуги и, вероятно, вкапывалось в землю. Длина фигуры от носа до хвоста – 71 см, длина основания – 35 см, ширина: впереди – 15 см, сзади – 22 см; длина головы – 22 см, высота – 14,5 см, ширина затылка – 14 см, длина от затылочной части головы до хвоста – 43 см, высота в холке – 23 см, высота крупа – 29 см, ширина – 22 см, длина хвоста – 6 см, а ширина – 7 см. От фигуры всадника сохранилось погрудье. Согнутая в локте правая рука держит у живота ритуальный сосуд. Сохранившаяся высота всадника – 15 см, ширина – ок. 13,5 см, ширина правой руки у плеча – 6 см.

2. Волк (рис. II – 2). Поджарая фигура животного, вытянутого, с изогнутой линией спины, была вырезана из куска светлого ракушечника. Передняя часть головы отколота в древности, четко выражены уши треугольной формы и нос, заметен поворот головы вправо. Спина животного от головы плавно понижается к хвосту, вырезанному в виде шишечки (длина – 4,5 см). Длина изваяния – 60,5 см, высота от основания до конца уха – 30,5 см, до хвоста – 14,5 см, в плечах – 18 см, длина основания – 43,5 см.

3. Медведь с запрокинутой мордой, присевший на задние лапы (рис. III – 1), был вырезан из толстой плиты ракушечника. Туловище хищника оконтурено, выпуклым рельефом переданы морда, скулы, нос, язык и овальные уши. Глаза и ноздри выделены двумя углублениями. Пасть приоткрыта, язык высунут, подбородок округлен. За массивной головой намечен выпуклый загривок. В подпрямоугольном основании фигуры имеется широкая выемка. Длина изваяния – 80 см, высота – 51 см, длина головы – 30 см, высота ее – 21 см, ширина носа – 9 см, ширина груди – 20 см, длина ушей – 9 см, а ширина – 7 см.

4. Всадник восседает на животном (рис. III – 2). Вырезан из плоской плиты ракушечника. У животного проработана голова, шея, спина и хвост. Голова небольшая, округлой в сечении формы, с короткой шеей. Уши переданы продолговатыми продольными выступа-

ми. От них к носу проходит невысокий валик, надбровные дуги едва намечены, нос отбит. Широкая и короткая голова завершается спереди горизонтально прорезанной пастью. Сзади от ушей опускается по крутой, почти вертикальной шее грива в виде треугольного в сечении валика, заканчивающаяся при переходе шеи в туловище. Спина немного вогнута, а возле хвоста плоская. Хвост сделан в виде выступа, но почти полностью отбит. На спине, с заходом на шею, выступом подчеркнуто седло. На нем восседает всадник, Фигура человека, непропорционально маленькая по сравнению с телом животного, вследствие этого голова всадника оказывается ниже головы животного. Она маленькая, продолговатая, отделена от шеи желобком. Макушка головы отбита. Лицо человека широкоскулое, глаза намечены двумя углублениями неправильной формы, как и рот. Углубления глаз и рта как бы образуют нос. Грудь человека выдается вперед, она плоская, уже головы. Плечи прямые, руки в виде валиков согнуты в локтях и держат перед животом сосуд прямоугольной формы. Изображение человека поясное. По обе стороны от слегка прогнутого седла свисают короткие плоские валики, обрубленные горизонтально внизу, имитирующие подпружные ремни. Длина изваяния от носа до хвоста – 60 см при высоте – 55 см. Голова от носа до ушей – 15 см, ширина возле ушей – 12,5 см, высота от подбородка до лба – 12 см, а до ушей – 13,5 см, ширина – 2,5 см. Длина шеи – 12 см, высота в спине – 30 см, ширина груди – 14 см. Высота всадника – 14 см, ширина в плечах – 13 см при диаметре головы – 8 см, высота лица – 5 см. Ширина сосуда – 4 см. Размеры седла:18 × 15 см, высота – 4 см.

5. Антропоморфная стела (рис. IV – 1) сделана из тонкой (9 см) плиты ракушечника подпрямоугольной формы. В верхнем торце выделена голова и прилегающие к ней прямые плечи. Отделенная от туловища глубокой канавкой, голова наклонена к левому плечу, намечена овальная личина, увенчанная треугольным головным убором с шишечкой (?) на макушке. Слабо намечены раскосые глаза, подчеркнут небольшой плоский нос. Туловище слегка расширяется к основанию, углы закруглены. На левой половине груди есть валик, отходящий от предполагаемого локтя левой руки к валику нагрудному и заканчивающийся небольшим выпуклым расширением. На спине, между лопаток, углубленной замкнутой линией намечен предмет овальной формы. Нижняя часть изваяния, по-видимому, вкапывалась в землю на 15 см, так как верхняя часть выделялась более светлым тоном. Высота изваяния – 58 см, ширина в плечах – 33 см, в основании – 37 см. Высота головы – 18 см, ширина – 19 см. Высота личины с шапкой – 16,5 см, шапки – 5,5 см, а ширина лица – 10 см.

6. Всадник (рис. IV – 2) на животном также вырезан из плиты ракушечника, но с помощью долота с узким рабочим краем. Обработанная поверхность впоследствии заглажена. Четко выделены голова, шея, уши и надбровные дуги морды животного. Передняя часть морды животного обломана. Фигура всадника смоделирована в виде гладкого столба. У основания фигуры выдолблено углубление. Длина изваяния от морды до хвоста – 49 см, высота от основания до края уха животного – 40,5 см, высота в холке – 30,5 см, ширина изваяния – 15,5 см. Фигура всадника имеет круглую в сечении форму: высота – 9 см от крупа, диаметр – 12 см. Сохранившаяся часть всадника – 37,5 см, высота до крупа животного – 29,5 см. Глубина выемки в основании фигуры всадника – 5 см.

7. Медведь умиротворенный (рис. V – 1), по контрасту с фигурой 3 (рис. III – 1), вытесан из глыбы ракушечника. У животного четко выделена голова с широкими скулами, приоткрытая пасть, ноздри в виде углублений, уши в виде круглых выпуклостей. С темени на спину идет загривок в виде валика, спина дугообразно изогнута. Левый бок медведя закруглен, а на правом имеется небольшой скол. Длина изваяния от носа до задней части – 79 см, высота от основания до загривка – 35,5 см, длина морды – 28 см при ширине – 19 см. Ширина в холке – 20 см. Размеры плоского основания: 65 × 19 см.

8. Всадник на лошади (рис. V – 2) вытесан из плиты ракушечника с помощью долотовидного инструмента с узким лезвием. Следы орудия в верхней части фигуры тщательно заглажены. Четко выделены голова, рот, ноздри, глаза, уши, грива и хвост лошади, выдержаны общие пропорции животного. Бока лошади подтесаны до уровня закапывания фигуры. Погрудное изображение всадника на спине лошади непропорционально мало. Фигура всадника с отбитой головой, представляет собой вертикальный столбик, на котором справа и слева высечены руки, согнутые в локтях и поддерживающие перед животом прямоугольный сосуд. Седло под всадником выделено широким овалом со спускающимися по обе стороны подпружными (?) ремнями. Длина изваяния от носа до кончика хвоста – 75 см, высота от основания до кончика ушей – 42,5 см, высота в холке – 30 см, по крупу – 32 см, длина головы лошади – 19 см, расстояние между головой и крупом – 40 см, длина крупа – 12 см, хвоста – 5 см, ширина хвоста – 6,5 см, кончик хвоста отбит. Не исключено, что хвост изображался подвязанным. Размеры основания лошади: 43 × 23 см, ширина морды – 12,5 см, крупа – 18 см. Сохранившаяся высота всадника – 7,5 см, ширина – 10,5 см, ширина руки – 1,8 см. Размеры седла: 16 × 14,5 см, толщина – 2 см. Длина подпружного ремня – 9 см, ширина – 4 см.

9. Кабан (рис. VI -1), присевший на задние ноги, вытесан из плоской плиты ракушечника. Наиболее четко проработана голова: в технике плоского рельефа проработаны нос и уши животного. Уши переданы в виде полукруглых выступов, а ноздри – углубленными выемками, так же как и два близко посаженные один от другого глаза на плоском лбу. Основание фигуры внизу имеет широкую выемку. Запрокинутая вверх голова кабана придает фигуре агрессивность, что сближает ее с фигурой 3 (медведь с оскаленной пастью). Высота изваяния кабана – 49 см, длина – 62 см. Толщина изваяния – 11 см. Длина головы – 30 см, высота носовой части – 10 см, диаметр «пятачка» – 10 см.

В центральной части курганной насыпи, кроме погребений эпохи бронзы, было выявлено и исследовано одно полностью уничтоженное поздним перекопом захоронение, относящееся к эпохе Средневековья. Были обнаружены лишь разрозненные кости скелета человека, осколки железа и обломки гробовища. Данная ситуация, к сожалению, не позволяет рассмотреть вопрос о стратиграфической и хронологической связи этих двух объектов. Возможно, они и не взаимосвязаны. Однако выше мы отмечали пример (Елизаветовка, к. 1, п. 2), где в погребении есть изваяние животного, установленное в изголовье умершего.

Приведенные нами материалы дают представление о существовании в Восточноевропейской степи культовых сооружений, относящихся к периоду раннего Средневековья. Композиционно и семантически данное сооружение воспроизводит в миниатюре божественный пантеон тюркского населения степи раннего Средневековья, возможно, оно связано с богиней Умай. Полной аналогии комплексу изваяний из кургана у с. Черноземное нам неизвестно. Мы уже отмечали, что есть святилища и захоронения с двумя, тремя изваяниями, и границы локализации были впервые очерчены (Ольховский В.С., 1993, с. 210222). Представленные нами материалы дают возможность на сегодня продлить их восточнее по северному Приазовью к Подонью.

Каменные и деревянные изваяния животных и всадников хорошо известны в памятниках тюркской эпохи: Монголии (Потанин Г.Н., 1981, с. 73-74; Кисилев С.В., 1949; Войтов В.Е., 1987), Центральной Азии, Южной Сибири (Могильников В.А., 1981, с.29-43), Тувы (Евтюхова Л.А., 1952, с 89, рис. 29; Кызласов Л.Р, 1975, с.129-130), Алтая (Кызласов Л.Р1981) и распространение их в Восточноевропейской степи, несомненно, связано с тюркским этносом и древностями тюрок.

Не решенным до конца остается вопрос хронологии существования этого интересного обычая. Существует ли связь рассмотренных нами изваяний животных с подобными (близкими стилистически) изваяниями более поздней, половецкой эпохи? (Швецов М.Л., 1979, с. 205, рис. 3). Вариант ли это трансформации существующего на протяжении нескольких сотен лет мировоззренческого представления или заимствование в культуре других народов?

Библиографический список

1. Амброз, А.К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи в V – первой половине VIII в. // Археология СССР Степи Евразии в эпоху Средневековья / А.К. Амброз. – М.: Наука, 1981. - С. 10-23.
2. Амброз, А.К. О вознесенском комплексе VIII в. на Днепре – вопрос интерпретации // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII вв. / А.К. Амброз. – М.: Наука, 1982. - С. 204-222.
3. Артамонов, М.И. История Хазар / М.И. Артамонов – Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1962. – 523 с.
4. Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций / Под ред. В.М. Массона, РБ. Сулейменова и др. – Алма-Ата: Наука, 1989. – 463 с.
5. Гладких, М.И. Исследования на Луганщине // АО 1974 года / М.И. Гладких, И.А. Писларий, А.А. Кротова, и др. – М., 1975. – С. 266-268.
6. Грінченко, В.А. Пам'ятка VIII ст. коло с. Вознесенка на Запоріжжі // Археологія / В.А. Грінченко. – К.: Видавництво АН УРСР 1950. – Т III. – С. 37-63.
7. Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев — М.: Гидрометеоиздат, 1993. – 526 с.
8. Евтюхова, Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА / Л.А. Евтюхова. – М.: Изд. Академии наук, 1952. – № 24. – С. 72-121.
9. Кляшторный, С.Г. Государства и народы евразийских степей / С.Г. Кляшторный, Т.И. Султанов. – СПб., 2000.
10. Кызласов, Л.Р Древняя Тува / Л.Р Кызласов.- М.: МГУ, 1979. – 205 с.
11. Кызласов, Л.Р История Южной Сибири в средние века / Л.Р Кызласов.- М.: Высшая школа, 1984. – 165 с.
12. Могильников, В.А. Сибирские Древности VI – X вв, Тюрки // Археология СССР Степи Еразии в эпоху Средневековья / В.А. Могильников. – М.: Наука,1981. – С.29-43.
13. Ольховский, В.С. Зооморфные изваяния из западного Крыма (о раннетюркских святилищах Причерноморья) // Вестник Шелкового пути. Археологические источники / В.С. Ольховский. – М., 1993. – Вып. I. – С. 210-222.
14. Отрощенко, В.В. Отчет Запорожской экспедиции за 1980 г. // НА ИА НАН Украины / В.В. Отрощенко, Н.В. Ковалев, С.Ж. Пустовалов, и др. – 1980/5. – С. 49-57.
15. Отрощенко, В.В. Охранные раскопки в бассейне р. Молочной (особенности топографии курганов) // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе: Тезисы докладов областного научно-практического семинара / В.В. Отрощенко. – Донецк, 1987. – С. 104-106.
16. Плетнева, С.А. От кочевий к городам // МИА / С.А. Плетнева. – М.: Наука, 1967. – № 142. – 195 с.
17. Плетнева, С.А. Салтово-маяцкая культура // Археология СССР Степи Евразии в эпоху Средневековья / С.А. Плетнева. – М.: Наука, 1981. – С. 62-75.

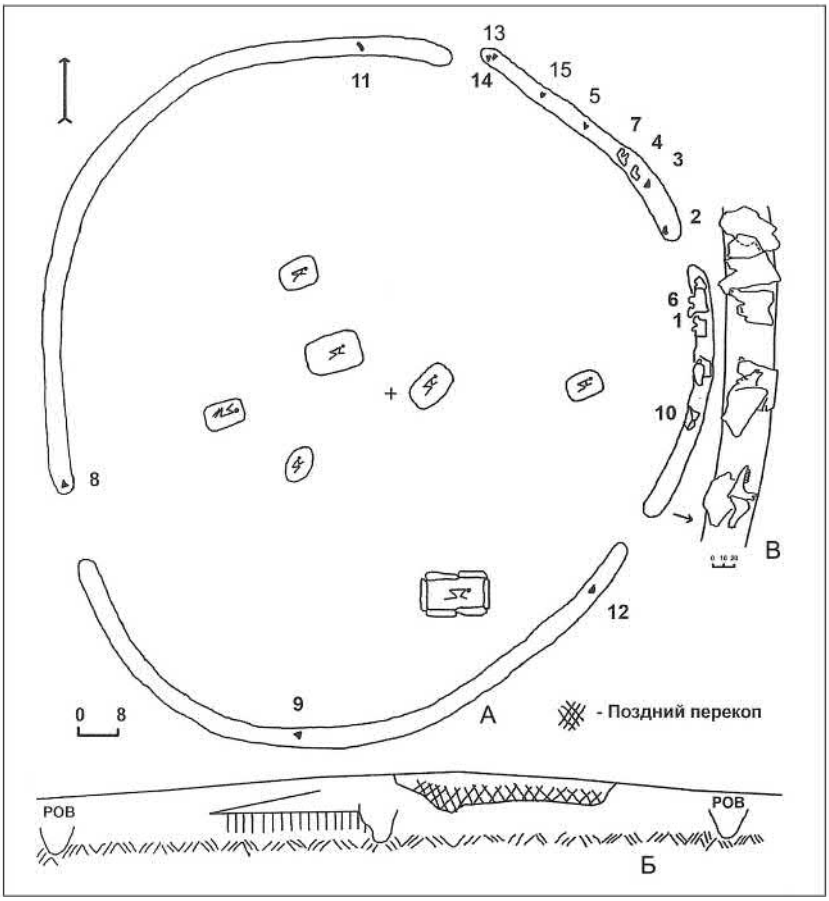


Рис.I План размещения погребений и изваяний в кургане 1 у с. Черноземное: а – план кургана; б – разрез профиля насыпи; в – план размещения основной части изваяний во рву; 1, 3, 4, 6, 7, 10 – изваяния; 9, 11-15 – фрагменты амфоры, черепа и костей лошадей; 2 – фрагменты керамики эпохи бронзы.

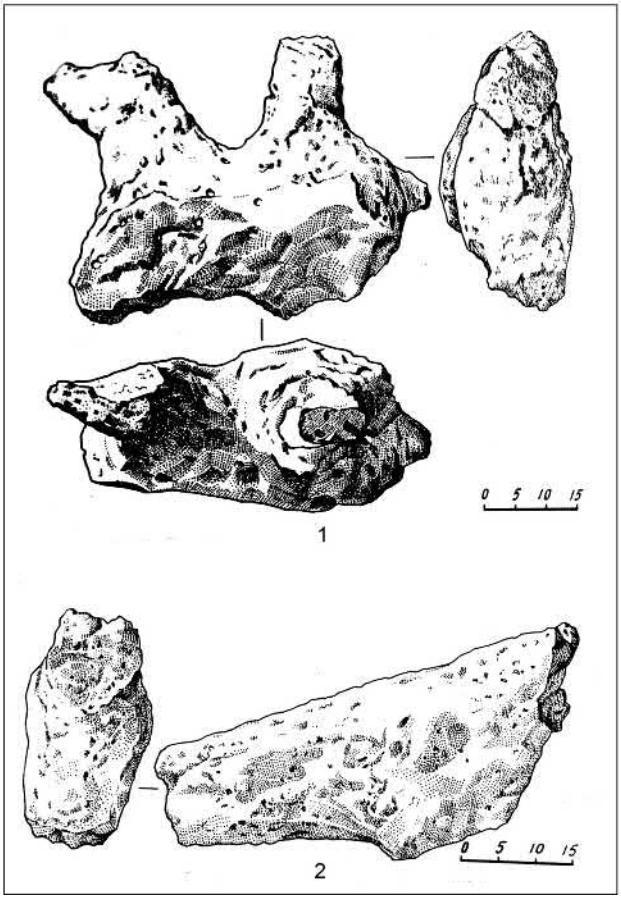


Рис.II Изваяния из северо-восточного сектора рва. 1 – верблюд с всадником; 2 – волк (?).

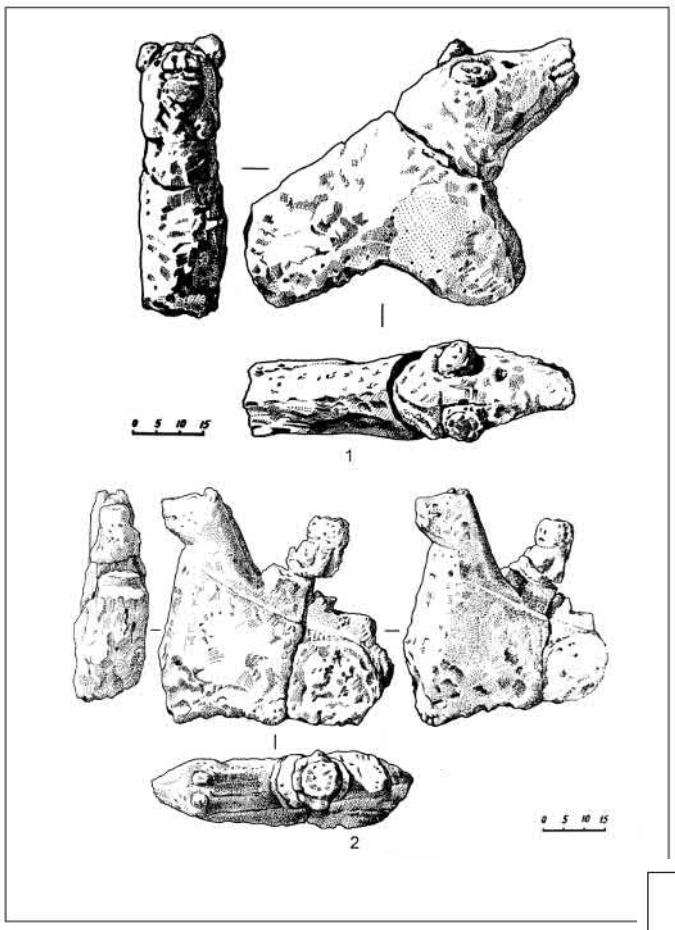


Рис.III Изваяния:
1 – медведь, 2 – всадник.

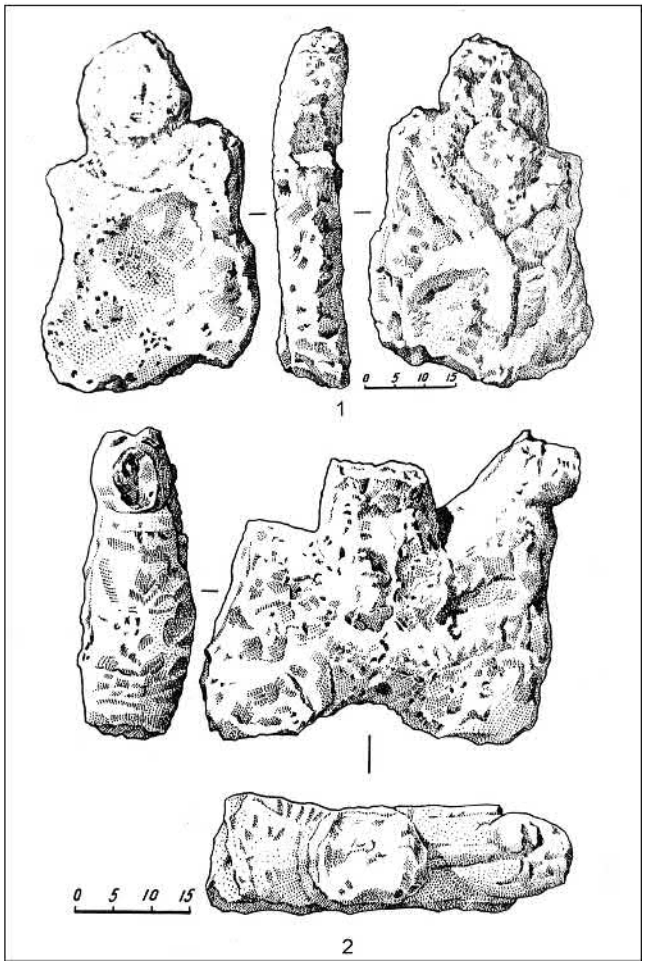


Рис.IV Изваяния
из центральной части святилища.
1 – антропоморфное изваяние;
2 – всадник.

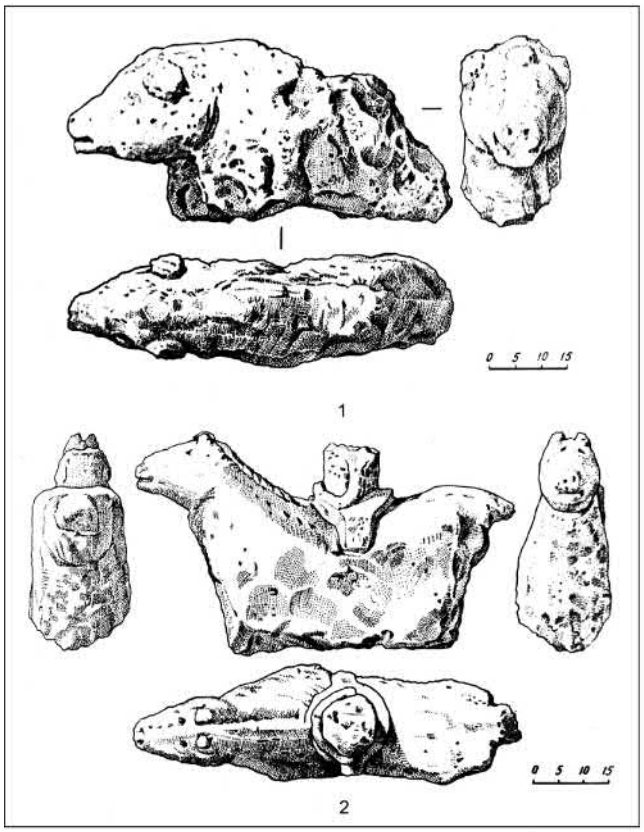


Рис.V Изваяния
из восточного сектора рва:
1 – медведь; 2 – всадник на лошади.

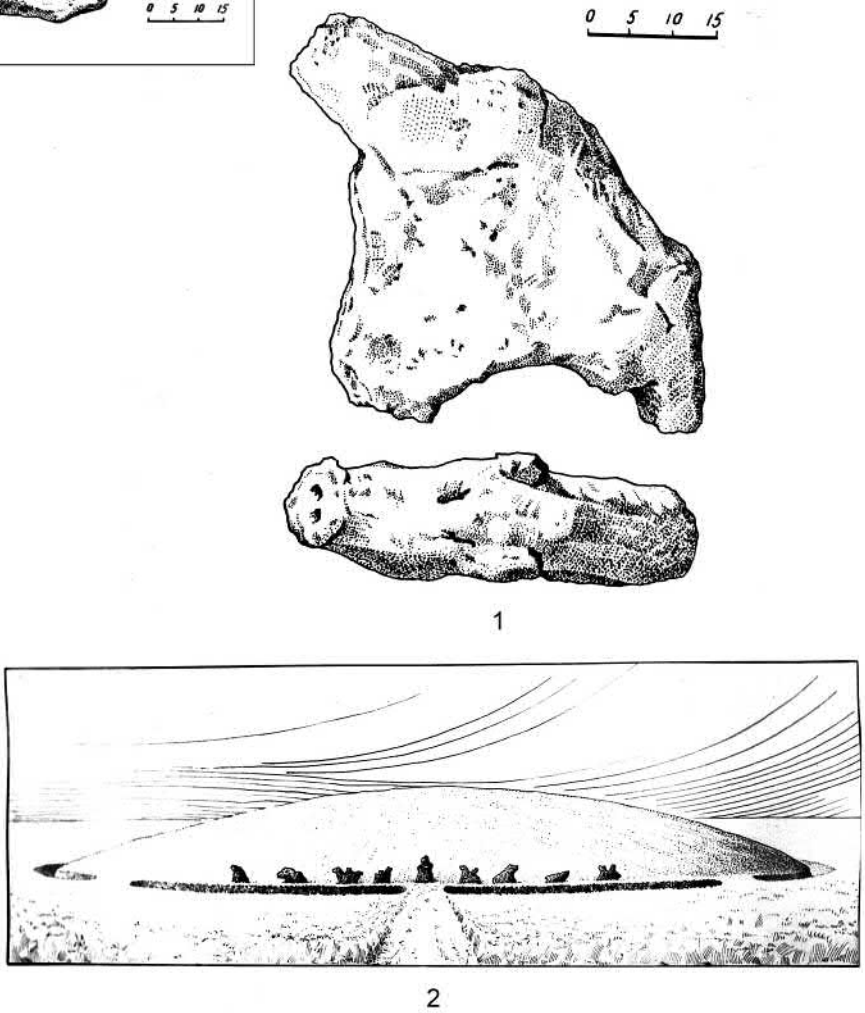


Рис.VI 1 – изваяние кабана; 2 – реконструкция святилища (по В.В. Отрощенко).

18. Плетнева, С.А. Очерки Хазарской археологии / С.А. Плетнева. – Москва – Иерусалим: Мосты культуры, 1999. – 380 с.
19. Привалов, А.И. Список памятников археологии Украины. Донецкая область / А.И. Привалов, О.Я. Привалова. – К.: Изд. УоОп, 1988. – 109 с.
20. Пріцак, О.Й. Походження Русі / О.Й. Пріцак. – К., 1971. – Т 1.
21. Приходнюк, О.М. Степове населення України та східні слов'яни (друга половина I тис. н.е) / О.М. Приходнюк. – Київ – Чернівці: Прут, 2001. – 284 с.
22. Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в средневековье: Тезисы докладов международной конференции. – Донецк: Ашина, 1992. – 101 с.
23. Савинов, Д.Г. Народы южной Сибири в древнетюркскую эпоху / Д.Г. Савинов. – Л.: Изд. ЛГУ, 1984. – 175 с.
24. Сміленко, А.Т. Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї (И-ХШ ст.) / А.Т. Сміленко. – К.: Наукова думка, 1975. – 210 с.
25. Федоров, Я.А. Ранние тюрки на Северном Кавказе / Я.А. Федоров, Г.С. Федоров. – М.: Изд. МГУ, 1978. – 295 с.
26. Ходжайов, Т.К. Археолого-антропологические исследования Маяк XIII-XIV вв. // Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в Средневековье: Тезисы докладов международной конференции / Т.К. Ходжайов, М.Л. Швецов. – Донецк: Ашина, 1992. – С. 74-78.
27. Швецов, М.Л. Бедин Л.В. и исследование культовых сооружений восточных народов эпохи средневекоья в Донбассе // Матеріали наукової конференції археологів і краєзнавців, присвяченої 75-річчю від дня народження Л.В. Бедіна / М.Л. Швецов. – Луганск, 2005. – С. 161-168.
28. Швецов, М.Л. Святилища степного населения восточно-европейских степей эпохи средневековья // Проблемы древней архитектуры. Сб. статей / М.Л. Швецов. – Донецк: Донеччина, 2000. – С. 39-40.
29. Швецов, М.Л. Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в Средневековье // Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в Средневековье: Тезисы докладов международной конференции / М.Л. Швецов. – Донецк: Ашина, 1992. – С. 93-98.
30. Швецов, М.Л. Половецкие святилища // СА / М.Л. Швецов. – 1979. – № 2. – С. 202-207.

Список сокращений

АО – Археологические открытия
МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии
НА ИА НАН – Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины
СА – Советская археология
УООП – Украинское общество охраны памятников истории и культуры

М. Швецов

ТЮРКСКИЙ МИР ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ СТЕПИ*

История и развитие в VI–XII вв. на просторах евразийской степи тюркских объединений и государств, несомненно, является одной из важных и многогранных тем отечественной истории. И это не удивительно. Данная тема неоднократно рассматривалась медиевистами (Бернштам 1952; Артамонов 1962; Плетнева 1967; 1981; 1999; Амброз 1981; 1982; Кызласов 1984; Савинов 1984; Федоров Я., Федоров Г. 1978; Взаимодействие... 1989; Гумилев 1993; Пріцак 1997; Кляшторный, Султанов 2000, Приходнюк 2001 и др.). Общую направленность истории изучения данной тематики можно разделить на четыре этапа. Характеристика исследований первых двух этапов связана с работами А. Н. Бернштама, С. В. Киселева, Л. А. Евтюховой, Л. Р. Кызласова, М. И. Артамонова, С. А. Плетневой, Л. Н. Гумилева и других исследователей 1950–1960-х гг., и нам нет необходимости вновь останавливаться на ее описании. В 1970-е гг., в период волны новостроечных экспедиций и полученных новых археологических источников, вопросы истории тюркского населения степи становятся вновь актуальными. Им посвящены исследования как локальных территорий (Федоров Я., Федоров Г. 1978), так и всей степи. Особое значение «приобретают исследования А.К. Амброза, посвященные вооружению и конскому снаряжению, как хронологическим индикаторам раннесредневековых древностей от Дальнего Востока до Подунавья». К тюркскому кругу древностей он относит памятники круга Перещепино и Вознесенки, «при этом избегая жесткой племенной привязки». Еще шире тюркская проблематика исследована в конце 90-х гг. XX–начале XXI в. в работах С. Г. Кляшторного, Д. Г. Савинова, С. А. Плетневой, С. Ваклинова, А. И. Семенова, Ч. Балинт, И. Л. Кызласова, Л. С. Гераськовой, А. В. Комара и многих других ученых. Последней из известных нам статей, связанной с рассматриваемой темой, является работа Н. Хрисимова, датирующего Вознесенский комплекс 30-ми годами VI в. и считающего, «что комплекс имеет отношение к вытеснению авар на запад южнорусских степей владетелем болгар Кубратом» (Хрисимов 2009: 37–38).

И все же во многом эта проблематика остается дискуссионной. Полученные за эти годы новые археологические, лингвистические и антропологические материалы указывают, что решение проблем далеко до завершения. Сложность и неясность вопросов связана не только с нестабильной исторической ситуацией рассматриваемого периода, фиксируемой письменными источниками, но порой и с их интерпретацией.

Одной из таких проблем является вопрос о территории распространения населения и памятников, связываемых с древностями эпохи тюркских каганатов в восточноевропейской степи, другой — какие именно памятники представляют тюркский мир восточноевропейской степи. Если присутствие самих тюрок почти ни у кого из исследователей не вызывает сомнений, то территория их распространения и наличие памятников, отражающих тюркскую культурную традицию, часто вызывают дискуссии.

Характеризуя историческую ситуацию в восточноевропейской степи в третьей четверти VIII в., М. И. Артамонов, ссылаясь на Менандра, пишет: «Очевидно, к этому времени тюр-

* Опубликовано: Швецов М.Л. Тюркский мир восточноевропейской степи // Древние культуры Евразии. Материалы Международной научной конференции, посвященной столетию со дня рождения А.Н. Бернштама. СПб, 13-15 декабря 2010 г. – СПб., РАН, ИИМК. 2010. С.311-321.

кюты перешли Волгу и подчинили народы Северного Кавказа и степей Азово-Каспийского междуморья. Турксанф двинул свои многочисленные войска под начальством Бохана на завоевание Боспора (Артамонов 1962: 137–138). И тут же: «Но вместе с тем не известно, чтобы тюркюты распространили свою власть западнее Дона, на Поднепровье» (Там же: 160). Есть мнения, ограничивающие распространение культуры до Северного Кавказа и Крыма. Анализируя исторические события и кочевнические древности Восточной Европы и Средней Азии V–VIII вв., А. К. Амброз указывает, что «к 555 г. под власть I Тюркского Каганата попали степи до Приаралья, а в 567–576 гг. до Северного Кавказа, область утигуров и г. Боспор» (Амброз 1981: 11). По его мнению, в могилах выделенной им V группы: Малое Перещепино, Келегейские хутора, Глодосы — похоронена высшая тюркская знать того времени, а древности, входящие в комплексы IV группы, принадлежат рядовому населению (Амброз 1981). В 70-х годах VI века, считает В. А. Могильников, Тюркский каганат распространил свою власть до Северного Кавказа и степей Северного Причерноморья, установив дипломатические отношения с Ираном и Византией (Могильников 1981: 29). Аргументами в пользу принадлежности к тюркскому миру, по мнению В. А. Могильникова, являются приведенные им разнообразные мнения исследователей об обряде погребения человека с конем (Там же: 31). В «особое мнение» автор выделяет идею Л. Н. Гумилева, согласно которой тюрки-тугю не меняли своего погребального ритуала на протяжении VI–VIII вв., сохраняя обряд кремации останков праха в оградках (Гумилев 1967: 260–261). Погребения по данному обряду были исследованы в восточноевропейской степи, но, к сожалению, они не всегда атрибутированы и опубликованы. По мнению С. А. Плетневой, наиболее обоснована точка зрения А. К. Амброза (1982), «считавшего Вознесенское укрепление обычным тюркским поминальным (не погребальным) храмом». Есть также гипотеза о том, «что все каменные тюркские оградки являются такими же поминальными храмиками, устроенными для рядовых тюрок» (Плетнева 1999: 174). Н. Хрисимов, приводя широкий круг восточноевропейских и северокавказских аналогий, считает эти памятники мемориальными комплексами (Хрисимов 2009: 38).

Мы считаем, что распространение тюркской культурной традиции в Восточной Европе, возможно даже представителями самого этноса, хорошо иллюстрируется памятниками археологии восточноевропейской степи. Важно, что эти древности представлены не только погребальными комплексами (оградки или захоронения по обряду трупосожжения) и изваяниями (рис. 1; Гераськова 1991: 68, 75–76, рис. 12, 14), но и культовыми комплексами, вызывающими многолетние дискуссии (Артамонов 1962; Плетнева 1967; 1981; 1999; Ольховский 1993: 210–222; Приходнюк 2001: 7, 13–18; Швецов 1992: 96; 2000: 39–40). Подробно и обстоятельно широко известные памятники рассматривал О. М. Приходнюк, назвавший также «тюркскими погребениями» захоронения так называемого сивашевского типа (Приходнюк 2001: 25–32, 34–41). Интересными в данном случае можно считать культовые сооружения (рис. 2) и погребение из кургана у с. Петровское в Приазовье (рис. 3; Привалова, Миненкова 1998: 59–70). Следует также обратить внимание на полные параллели и аналогии в составе и типологии погребального инвентаря тюркских трупосожжений в памятниках Южной Сибири, Алтая с аналогичным набором инвентаря в погребениях и могильниках, относимых к «памятникам то салтово-маяцкой культуры, то к славянским древностям или угров».

Почти все исследователи, рассматривающие вышеупомянутые восточноевропейские древности, приводя свои аргументы для интерпретации инвентаря, оружия или украшений, не только используют термин «тюркский» (к сожалению, не всегда конкретизируя, что они понимают под данным термином: этнос, элементы культурной или мировоззренче-

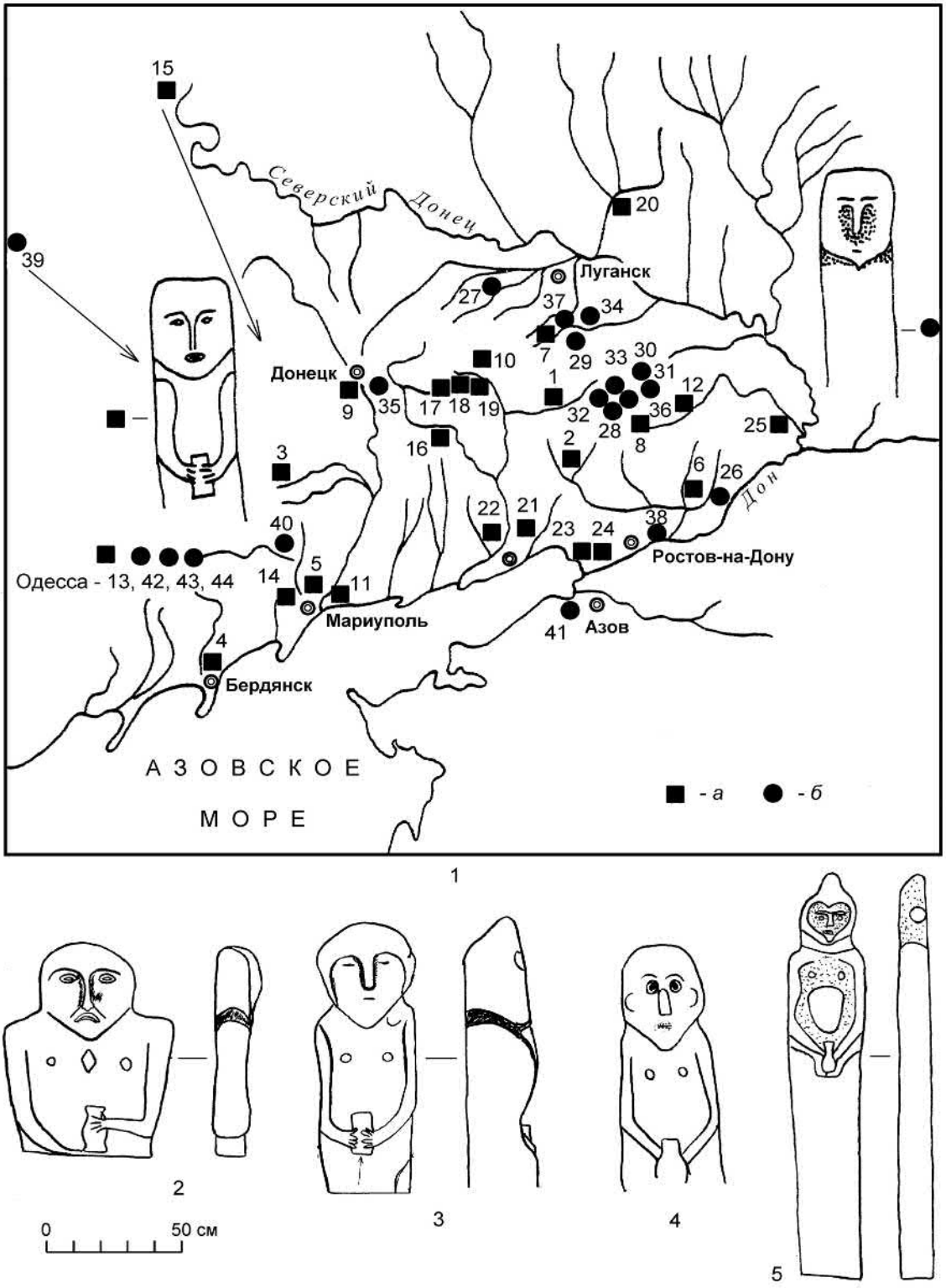


Рис. 1. Тюркские изваяния восточноевропейской степи: 1 — карта распространения изваяний (по Гераськова 1991); 2–5 — типы изваяний

ской традиции или древности тюркоязычного населения), но и указывают на основные параллели в памятниках Алтая, Южной Сибири и Средней Азии. Особенно наглядно это проявляется при определении погребальных каменных конструкций («оградок тюркского типа») или культовых строений — святилищ. Несомненно, эти святилища и являются

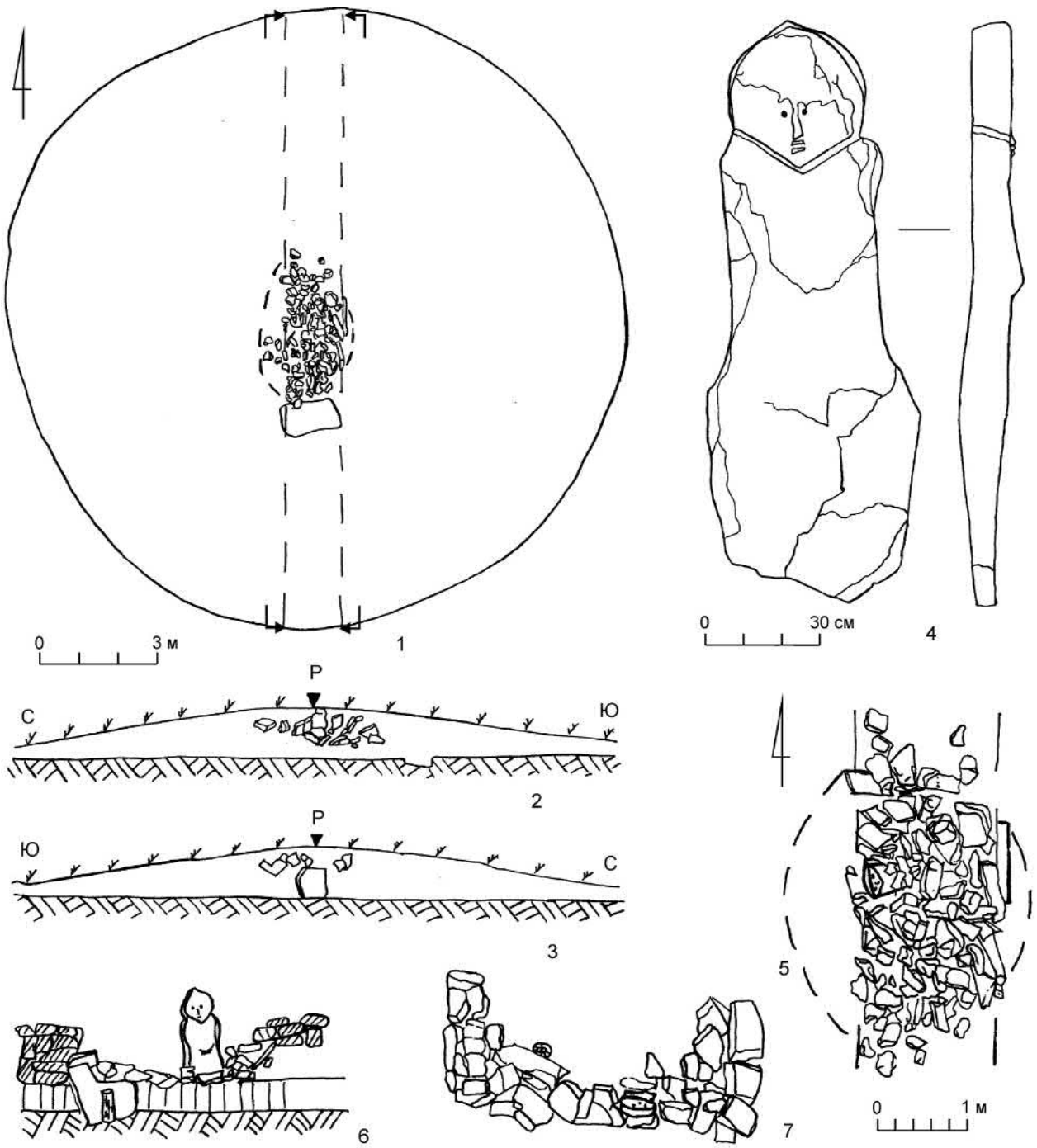


Рис. 2. Комплекс святилища с изваянием у с. Петровское: 1 — план кургана; 2, 3 — профили бровок; 4 — изваяние из сооружения в кургане; 5-7 — каменное сооружение с изваянием (5 — вид сверху; 6 — вид с востока; 7 — вид кладки)

воплощением элементов тюркского мировоззрения, выраженного материально. К сожалению, материалы исследованных древностей в степной зоне Восточной Европы далеко не всегда опубликованы. Примером могут быть: курган II с каменными конструкциями, исследованный в Провальской степи на Луганщине (урочище Майка); оградка в урочище Грушевая балка, село Провалье (Гладких и др. 1975: 268), а также отдельные стелы, которые, по-видимому, тоже были связаны с существовавшими ранее оградками. Частично опубликованы: оградка со стелой у с. Нагольная Тарасовка; памятники с изваяниями и

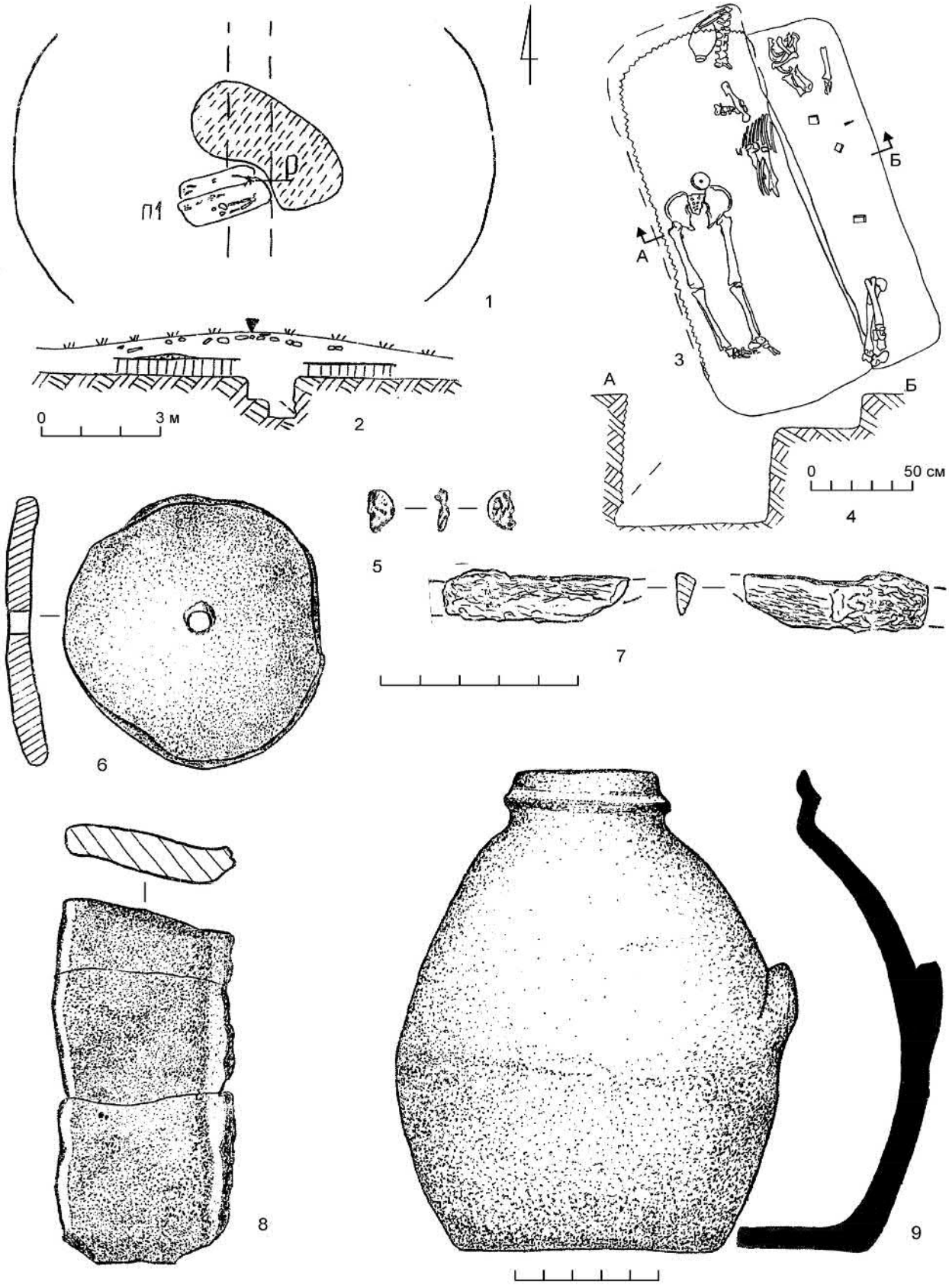


Рис. 3. Погребение из кургана у с. Петровское: 1 и 2 — план и разрез насыпи; 3 и 4 — план и разрез погребения; 5-9 — находки из погребения (5 — бляшка, 6 — пряслице, 7 — фрагмент железного ножа, 8 — брусок, 9 — сосуд)

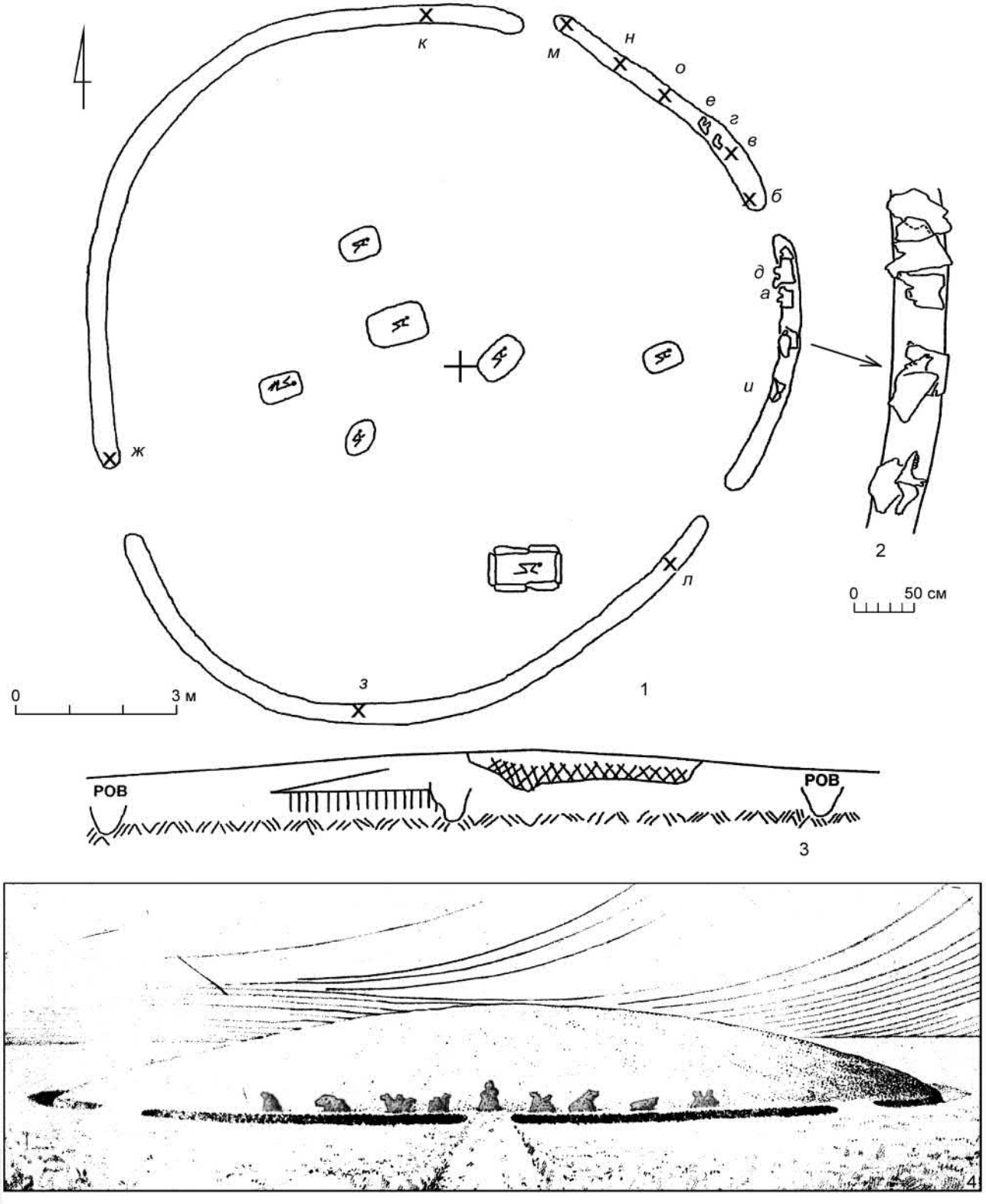


Рис. 4. Размещение погребений и изваяний в кургане 1 у с. Черноземное: 1 — план кургана (а, в-е, и — изваяния; б — фрагменты керамики эпохи бронзы; з, к-о — фрагменты амфоры, черепа и костей лошадей); 2 — план размещения основной части изваяний во рву; 3 — профиль насыпи; 4 — реконструкция святилища

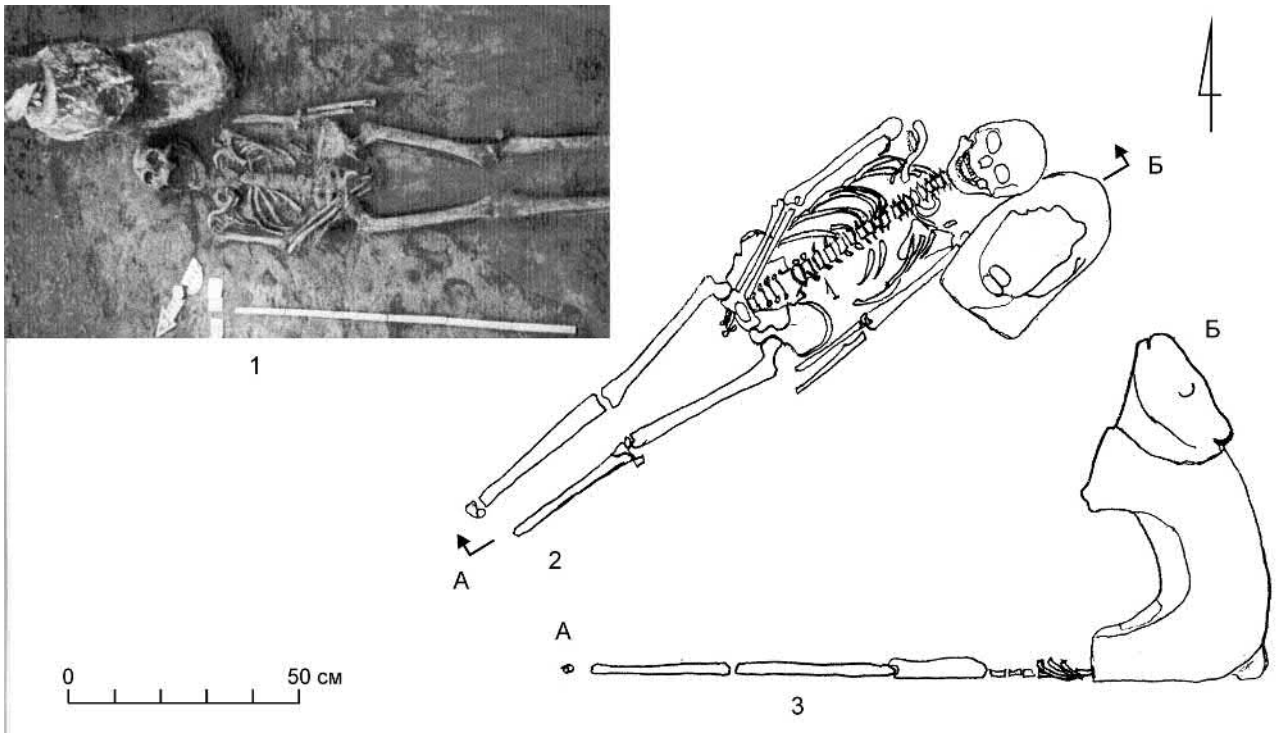


Рис. 5. Комплекс из кургана у с. Елизаветовка, погребение с изваянием: 1 — вид с северо-востока; 2 — план; 3 — разрез

захоронениями в Приазовье — Грузское и Петровское (Привалов, Привалова 1988: 42, 94, 96, рис. 21, *1, 20*).

К отдельному типу (виду) тюркских памятников необходимо отнести и комплексы с изваяниями животных, исследованные в последние десятилетия. В. С. Ольховский одним из первых поставил столь важный вопрос, опубликовав некоторые материалы из степной части Крыма и Нижнего Поднепровья (Ольховский 1993: 210-222) и определив публикуемые изваяния как тюркские.

В последние годы было выявлено и исследовано еще несколько уникальных новых комплексов и отдельных изваяний, расширяющих территорию местонахождения и данные, приведенные В. С. Ольховским. Это комплекс из кургана 1 у с. Елизаветовка Веселовского р-на Запорожской обл., в котором изваяние животного установлено в могиле у изголовья погребенного[1].

Не менее интересны каменные изображения хищников (львов?) из курганов «Рясні могили» у с. Балки Запорожской обл. Скульптуры хищных животных известны и в памятниках более ранних эпох в Армении и на Тамани. Изваяния львов, приведенные нами, имеют аналогии в раннесредневековых древностях Сибири. К изображениям этой эпохи необходимо отнести также изваяние лошади (пос. Железный) и льва (пос. Луганское). К памятникам этого типа можно отнести комплекс с изваянием и трупосожжением в кургане 8 у с. Большая Белозерка, исследованный В. В. Отрощенко в 1975 г. Одним из таких важных памятников можно считать уже упоминавшийся в литературе культовый комплекс в кургане 1 у с. Черноземное в Приазовье (Отрощенко 1987: 106; Ольховский 1993: 212–213; Швецов 2000: 39–40; 2005: 166), рассмотренный нами подробно (Швецов 2009: 130–139).

Одиночный курган (высота — 0,95 м, диаметр — 36 м), расположенный на водоразделе небольшого плато, в 1 км к востоку от с. Черноземное Запорожской обл., насыпан в эпоху

[1] Объем статьи не позволяет нам не только дать полную интерпретацию комплекса, но и включить в публикацию еще несколько аналогичных памятников.

бронзы (7 погребений срубной культуры) и использован в Средневековье (рис. 4, *1, 3*). Создание первичной насыпи, досыпки и сооружение прерывистого ровика связано с деятельностью носителей срубной культуры. В Средние века ровик был, вероятно, углублен и расширен. Он имел кольцеобразную в плане форму (внешний диаметр — 19,5 м, ширина в материке — 0,6 м) и усечено-коническую — в разрезе. Глубина ровика от погребенного чернозема составляет 0,9 м. Четыре перемычки различной ширины разделяли ровик на неравные отрезки. Две перемычки находились в северо-восточном секторе, третья — в юго-восточном и четвертая — в юго-западном. В заполнении северовосточного и восточного отрезков ровика находились 9 каменных изваяний (рис. 4, *1, 2*). На дне ровика, в южном и северном отрезках, были найдены фрагменты средневековой амфоры, черепа и кости лошадей. Фрагмент срубной керамики обнаружен в северо-восточном отрезке ровика у перемычки (рис. 4, *1, б*). Так как поверженные изваяния покоились цепочкой в заполнении ровика, то можно предположить, что примерно в таком же порядке они были первоначально установлены у края ровика, образуя своеобразный алтарь (рис. 4, *2*). Расположение изваяний с севера на юг представляется нам следующим: медведь с раскрытой пастью, волк (?), всадник на верблюде (?), всадник, антропоморфная стела, еще два всадника, лошади которых стоят хвостом к хвосту, медведь, дикий кабан с полураскрытой пастью (рис. 4, *1, и*). Рядом с диким кабаном обнаружены две половинки нижней челюсти лошади. Предложенная реконструкция дает представление об исследованном комплексе (рис. 4, *4*).

В связи с вышеупомянутым святилищем приобретают особый интерес и другие случаи обнаружения изваяний животных в курганах. В 1975 г. Запорожской экспедицией В. В. Отрощенко обнаружено «кочевническое погребение в кургане 1 погребение 1, у села Михайловка, Запорожской области, впущенное в курган срубной культуры, к северо-западу от условного центра. На глубине 0,85 м, в черноземе насыпи, обнаружен разрушенный скелет коня (?). Ниже, на глубине 1,3 м выявлен заклад из необработанных плит известняка и ракушечника, среди которых выделялся обломок гранита. Заклад, имеющий размеры: 2,1 × 1,5 м и ориентированный по линии северозапад — юго-восток, оказался нарушен грабителями. Упомянутые выше кости животного находились над юго-восточным краем заклада. Среди необработанных камней находились два изваяния. Фигура медведя в северной части заклада, скорее всего, зафиксирована на месте, так как хищник стоял на «ногах» и был обращен мордой к западу. Изваяние же барана, стоящего в юго-восточной части заклада, оказалось смещено. Здесь между камнями встречались человеческие кости. Захоронение человека находилось под закладом, на глубине 1,75 м. По сохранившимся на месте костям установлено, что умерший лежал в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Правая рука лежала вдоль тела, а левая слегка согнута в локте, кисть ее находилась у тазовых костей. Под скелетом человека зафиксированы поперечно лежащие деревянные плашки, шириной до 0,1 м. Вдоль левой руки прослежены остатки железного изделия на протяжении 0,55 м, вероятно, сабли (?). Отдельные фрагменты этого предмета найдены у стоп погребенного. У шейных позвонков обнаружены две бронзовые, полые внутри шаровидные подвески с петелькой (?) и с небольшим шипом и круглыми шишечками вокруг него» (Отрощенко и др. 1980).

Скульптура стоящего медведя вытесана из куска известняка, ноги фигуры сливаются с ее прямоугольным основанием. Туловище имеет овальную форму. Наиболее реалистично выполнена голова: полуокруглыми выступами переданы уши, выпуклыми — глаза, тщательно проработана открытая пасть с высунутым языком. Длина изваяния составляет 0,72 м, ширина в основании — 0,25 м, высота — 0,35 м.

Скульптура стоящего барана вытесана из куска известняка, «но основание фигуры более высокое, по сравнению с медведем. Вероятно, это изваяние было вкопано в грунт, а предыдущее просто поставлено на землю». Условно передано туловище и задняя часть животного, более тщательно — голова. Вновь подчеркнут открытый рот с вытянутым языком, выпуклостями переданы глаза. На затылке небольшое возвышение со следами изломов: возможно, основание рогов (?). Половина морды барана, вдоль переносицы, отбита. Высота изваяния составляет 0,6 см, длина — 0,7 см, ширина — 0,23 см (рис. 5, 3).

Комплекс из кургана 1 у с. Елизаветовка Веселовского р-на Запорожской обл., в котором изваяние животного установлено в могилу у изголовья погребенного (рис. 5, 2). В насыпь срубной культуры, в 9 м от условного центра, впущено погребение 2, которое авторы раскопок считают кочевническим. На глубине 1,55 м зафиксирован скелет женщины (?), уложенной в вытянутом положении, на спине, головой на северо-восток. Левая рука погребенной протянута вдоль туловища, а правая слегка согнута в локте. Кисть ее слегка перекрывала сочленение тазовых костей. В основании позвоночного столба обнаружен обломок железной пластины, возможно, наконечник стрелы. Изваяние барана было помещено в изголовье умершей, у левого виска. Фигура была установлена необычно, по вертикали, т. е. как бы была запрокинута вверх, обрубком хвоста и задней частью вниз (усажена на зад). Не исключено, что это положение изваяния вторично.

Фигура барана вытесана из известняка. Выступами намечены передняя и задняя пара ног, выделен хвост с обломанным кончиком. Как обычно, наиболее тщательно проработана узкая мордочка, поврежденная при обнаружении скрепером. Длина изваяния от кончика носа до хвоста равняется 0,75 м.

Приведенные нами материалы дают представление о существовании в восточноевропейской степи культовых сооружений, относящихся к периоду раннего Средневековья. Композиционно и семантически некоторые сооружения воспроизводят, по-видимому, в миниатюре божественный пантеон тюркского населения степи раннего Средневековья, возможно, святилище посвящено богине Умай. Полной аналогии комплексу изваяний из кургана у с. Черноземное нам неизвестно. Но как видно из представленных материалов, есть и другие святилища и захоронения с двумя, тремя изваяниями, и границы их локализации были впервые очерчены В. С. Ольховским (1993: 210–222). Представленные нами материалы дают возможность отодвинуть эту границу к востоку по северному Приазовью к Подонью.

Г. А. Федоров-Давыдов, ссылаясь на исследования Ф. Страленберга, А. А. Формозова, М. П. Грязнова и С. В. Киселева, считает каменные изваяния животных характерными для искусства народов Сибири. Так, «в кыргызскую эпоху продолжали бытовать отдельные статуарные и реалистические изображения животных, столь характерные для звериного стиля таштыкской эпохи и видимо вообще обычные для восточного варианта степного искусства» (Федоров-Давыдов 1976: 79). В качестве примера он приводит изображения «в заупокойном храме Кюль-Тегина, два каменных барана, выполненных в довольно реалистичной манере» (Там же: 88), а в храме в честь Бильге-кагана «вместо баранов, охраняющих вход в святилище — были львы» (Там же: 80).

Каменные и деревянные изваяния животных и всадников хорошо известны также в памятниках тюркской эпохи Монголии, Центральной Азии, Южной Сибири (Могильников 1981: 29–43) и Тувы (Евтюхова 1952: 89, рис. 29). Распространение рассматриваемых памятников указывает на общность пантеона, мифологии, обрядности, архаических верований и суеверий, сложившихся у тюркских племен Центральной Азии, Северного Кавказа и восточноевропейских степей, простирающихся до Дуная (Кляшторный, Савинов 1994: 88).

Необходимо отметить, что изображения животных, установленные в храмах и рядом с ними, явление распространенное не только в культах народов Сибири (Соколова 1972). Интересно в этом отношении использование языческих святилищ. Так, в 399 г. в христианском храме св. Аврелия находилось изображение с богиней, восседающей на льве (Вейс 1999: 533). Сохранилось предание о епископской кафедре, находившейся в базилике св. Иоанна в Латеранне, сооруженное (?) в 1177 г. из мрамора. На ведущих в базилику ступеньках были изваяния: медведя, василиска, змея, дракона (Там же).

Не решенным до конца остается вопрос о времени существования обычая установки или положения в святилищах изваяний животных. Существует ли связь рассмотренных нами изваяний животных с подобными (близкими стилистически) изваяниями более поздней, половецкой эпохи? (Швецов 1979: 205, рис. 3). Вариант ли это трансформации существующего на протяжении нескольких сотен лет мировоззренческого представления или заимствование из культурного багажа других народов?

Наиболее вероятным объяснением характера и природы восточных элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы является распространение государственной религии представителями тюркского рода Ашина — культа единого божества Тенгри-хана, существовавшего в Степи в более раннее время. Появление вышеупомянутых элементов в восточноевропейской степи, несомненно, связано с тюркским этносом и древностями тюрок.

Амброз 1981 — *Амброз А. К.* Восточноевропейские и среднеазиатские степи в V — первой половине VIII в. // Степи Евразии в эпоху Средневековья. М., 1981. С. 10–23 (Археология СССР).

Амброз 1982 — *Амброз А. К.* О вознесенском комплексе VIII в. на Днепре — вопрос интерпретации // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII вв. М., 1982. С. 204–222.

Артамонов 1962 — *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962.

Бернштам 1952 — *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М., 1952 (МИА. № 26).

Вейс 1999 — *Вейс Г*. История цивилизаций. М., 1999.

Взаимодействие... 1989 — Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989.

Гераськова 1980 — *Гераськова Л. С.* Находки древнетюркских «каменных баб» на Украине // АО 1979 года. 1980. С. 261.

Гераськова 1991 — *Гераськова Л. С.* Скульптура середньовічних кочовиків степів Східної Європи. Київ, 1991.

Гладких и др. 1975 — *Гладких М. И., Писларий И. А., Кротова А. А., Гераськова Л. С.* Исследования на Луганщине // АО 1974 года. 1975. С. 266–268.

Грінченко 1950 — *Грінченко В. А.* Пам'ятка VIII ст. коло с. Вознесенка на Запоріжжі // Археологія. 1950. Т. 3. С. 37–63.

Гумилев 1967 — *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М., 1967.

Гумилев 1993 — *Гумилев Л. Н*. Этногенез и биосфера Земли. М., 1993.

Евтюхова 1952 — *Евтюхова Л. А.* Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. М., 1952. № 24. С. 72–121.

Кляшторный, Савинов 1994 — *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи Евразии. СПб., 1994.

Кляшторный, Султанов 2000 — *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Государства и народы евразийских степей. СПб., 2000.

Кызласов 1979 — *Кызласов Л. Р.* Древняя Тува. М., 1979.
Кызласов 1984 — *Кызласов Л. Р.* История Южной Сибири в средние века. М., 1984.
Могильников 1981 — *Могильников В. А*. Сибирские древности VI–X вв. Тюрки //. Степи Еразии в эпоху Средневековья. М., 1981. С. 29–43 (Археология СССР).
Ольховский 1993 — *Ольховский В. С.* Зооморфные изваяния из западного Крыма (о раннетюркских святилищах Причерноморья) // Вестник Шелкового пути. Археологические источники. М., 1993. Вып. 1. С. 210–222.
Отрощенко и др. 1980 — *Отрощенко В. В., Ковалев Н. В., Пустовалов С. Ж. и др*. Отчет Запорожской экспедиции за 1980 г. // НА ІА НАНУ. 1980/5.
Отрощенко 1987 — *Отрощенко В. В.* Охранные раскопки в бассейне р. Молочной (особенности топографии курганов) // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе: ТД областного научно-практического семинара. Донецк, 1987. С. 104–106.
Плетнева 1967 — *Плетнева С. А*. От кочевий к городам. М., 1967 (МИА. № 142).
Плетнева 1981 — *Плетнева С. А*. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху Средневековья. М., 1981. С. 62–75 (Археология СССР).
Плетнева 1999 — *Плетнева С. А.* Очерки Хазарской археологии. М.; Иерусалим, 1999.
Привалов, Привалова 1988 — *Привалов А. И., Привалова О. Я*. Список памятников археологии Украины. Донецкая область. Киев, 1988.
Привалова, Миненкова 1998 — *Привалова О. Я., Миненкова Н. Е*. О двух культовых памятниках средневековых кочевников степей юго-восточной Европы // Донецкий археологический сборник. Донецк, 1998. № 8.
Пріцак 1971 — *Пріцак О. Й*. Походження Русі. Київ, 1971. Т. 1.
Приходнюк 2001 — *Приходнюк О. М*. Степове населення України та східні слов'яни (друга половина I тис. н. е.). Київ; Чернівці, 2001.
Савинов 1984 — *Савинов Д. Г.* Народы южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984.
Соколова 1972 — *Соколова З. П*. Культ животных в религиях. М., 1972.
Федоров-Давыдов 1976 — *Федоров-Давыдов Г. А.* Искусство кочевников и Золотой орды. М., 1976.
Федоров Я., Федоров Г. 1978 — *Федоров Я. А., Федоров Г. С*. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978.
Хрисимов 2009 — *Хрисимов Н*. Вознесенский комплекс: проблемы хронологии и интерпретации // Степи Европы в эпоху Средневековья. Донецк, 2009. Т. 7.
Швецов 1979 — *Швецов М. Л*. Половецкие святилища // СА. 1979. № 2. С. 202–207.
Швецов 1992 — *Швецов М. Л*. Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в Средневековье // Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в Средневековье: ТД междунар. конф. Донецк, 1992. С. 93–98.
Швецов 2000 — *Швецов М. Л*. Святилища степного населения восточноевропейских степей эпохи средневековья // Проблемы древней архитектуры. Донецк, 2000. С. 39–40.
Швецов 2005 — *Швецов М. Л.* Л. В. Бедин и исследование культовых сооружений восточных народов эпохи средневековья в Донбассе // Матеріали наукової конференції археологів і краєзнавців, присвяченої 75-річчю від дня народження Л. В. Бедіна. Луганськ, 2005. С. 161–168.
Швецов 2009 — *Швецов М. Л*. Центральноазиатские параллели в культовых комплексах тюркской эпохи восточноевропейских степей // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2009. № 1–2 (13–14). С. 130–139.

М.Л. Швецов

НОВОГРИГОРЬЕВСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ И ЭТНИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ПРИАЗОВЬЕ IV-VIII вв.*

В мае 1967 г. учащиеся Ново-Павловской школы Волновахского района Донецкой области у села Ново-Григорьевка этого же района, на правом берегу р. Мокрая Волноваха, в обрезе строящегося пруда обнаружили разрушенное захоронение человека (кости скелета) и сопровождающие захоронение вещи (набор украшений и фрагменты керамики). Находки были «отнесены в местную, Ново-Павловскую, школу и переданы директору школы (историку), а часть находок (половинку глиняного сосуда (?) и череп из захоронения) увезли с собой студенты Великоанадольского лесного техникума» (Саенко, 1971, лист 2). «2 пальчатые фибулы с циркульным орнаментом, 2 медных проволочных браслета, с утолщениями на концах; 3 медных височных серьги с напаянной кубической бусиной (у двух сняты грани), железная В-образная маленькая пряжка с язычком и несколько фрагментов глиняного сосуда» были переданы в Мариупольский краеведческий музей директором Ново-Павловской школы (Саенко, 1971. С. 2). В школу выехала научный сотрудник музея Р. И. Саенко (1967. С. 1), которая осмотрела место, опросила местных жителей, написала отчет (Саенко, 1967), а в дальнейшем описала всю ситуацию в письме к Б.Ю. Михлину, готовя с ним находки к публикации (Михлин, Саенко, 1973. С. 84-85).

В письме с ссылкой на нашедшего погребение А. Иванюшкина и директора школы было упомянуто, что «захоронение было обнаружено в воде, на юго- западном берегу среднего ставка. Кости находчиками были извлечены из воды и сложены кучкой на берегу. При осмотре костей была найдена железная пряжка и несколько фрагментов глиняного сосуда. Погребенная была ориентирована головой на запад (возможно, на северо-запад – Р.С.)[1], костяк находился в вытянутом положении, «руки» вытянуты вдоль «туловища» и слегка разведены в стороны. «Вещи были найдены на следующих местах: фибулы – на груди, кажется, лучами вниз, височные кольца – у черепа, проволочные браслеты – у запястий».

В апреле 1974 г. на симпозиум «Проблемы археологии Донбасса» нами был подготовлен и прочитан доклад «О находках антского времени на территории Донбасса». В нем в числе других памятников был представлен и комплекс из Ново-Григорьевки[2] и Ясиноватой (Швецов, 1974. С. 3).

В дальнейшем о комплексе упоминается в издании по истории городов и сел Донецкой области (История, 1976. С. 230). Как о погребении IX в. о нем писали Приваловы

* *Опубликовано: Швецов М.Л. Новогригорьевское погребение и этническая ситуация в Приазовье IV-VIII вв. // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия). – Самара. 2010. С. 93-102.*

[1] *Здесь, как и далее по тексту, полностью цитируется письмо Р. Саенко к Б. Михлину (1971 г.) (личный архив автора).*

[2] *В археологической литературе упоминание о комплексе было введено как о погребении из Ново-Павловки. (Михлин, Саенко, 1973 (?), Швецов, 1974; История городов, 1976. С. 230; Привалов, Привалова, 1988. С. 59). Однако осмотр места находки, показанного нам А. Ванюшкиным летом 1992 г., и последующие археологические работы на месте находки дали возможность не только уточнить правильность территориальной привязки объекта, но и определить условия залегания грунтов берега, собрать мелкие фрагменты керамики и костей животных в обрезе берега и прилегающих участков.*

(Привалов, Привалова, 1988. С. 59). К «настоящим боспорским вещам, только изредка встречающимся в кочевнических древностях VI—VII веков», относил находки из данного погребения А.К. Амброз, объединяя их с находкой детского антропоморфного амулета с Белосарайской косы (Михлин, 1974. С. 95-96) и обломками двух двупластинчатых фибул с золотыми накладками в Волобуевке (Сибилев, 1926. Табл. XXXI, *8, 11).* А.К. Амброз считал, что «эти чуждые кочевникам находки отражают или брачные союзы, или плен, или обмен подарками (что менее вероятно, учитывая чужеродность этих вещей кочевникам). Возможно, на окраинах степи имелись отдельные небольшие оседлые поселения выходцев с юга» (1981. С. 23). Находки из Ново-Григорьевки привлекались нами, наряду с другими материалами, в качестве иллюстрации взаимоотношений степного кочевого и земледельческого населения (Швецов, 1989. С. 41; 1990. С. 31-33; 1992. С. 3-6; 1993. С. 67-80; 2006. С. 275-278). Рассматривая систему и многообразие аспектов взаимосвязи и взаимовлияния населения, проживающего на территории смежных (контактных) или буферных зон, границ биоценозов, чаще всего разноэтничного и поликонфессионального, мы привлекали известные нам памятники для иллюстрации своих выводов. В дальнейшем оказалось, что некоторые интересные и важные, на наш взгляд, материалы, о которых мы говорили, оказались мало известны или почти недоступны для других специалистов. В числе их комплекс находок из погребения у Ново-Григорьевка и находки из погребения (?) у ст. Ясиноватая.

Поэтому цель публикации указанных материалов – введение их в научный оборот и попытка определения их этноисторической принадлежности. Так как на рассматриваемой территории указанные материалы не являются единственными[3], необходимо, как нам представляется, рассмотрение материалов памятников этой же эпохи, открытых нами в Подонцовье в последние годы. Мы предлагаем краткую характеристику памятника «Старица», а также материалы этой же эпохи на близлежащих памятниках «Зливки» и «Маяки», известных в литературе только как «памятники зливкинского варианта салтово-маяцкой культуры» (Плетнева, 1967. С. 84; 1981. С. 62-80; Михеев, 1985; и др.).

Для выполнения поставленной цели еще раз обратимся к комплексу *ново-григорьевских* находок из разрушенного погребения.

Как отмечено Р. И. Саенко, в комплексе погребения обнаружены:

I. *Две пальчатые фибулы*, украшенные циркульным орнаментом (рис. 1; *1, 2).* Длина – 10 см, отлиты по восковой модели, украшены концентрическими кружками, объединенными в композиционный рисунок, имеют зооморфную ножку в виде головки змеи. Игла, как и корпус, бронзовая, с внутренней тетивой, приемники не сохранились.

II. *Два медных небольших проволочных* (0,3 см в сечении), с утолщениями на концах, *браслета* (рис. 1, *3, 4),* диаметром до 6 см.

III. *Три медные проволочные* (0,3 см в сечении) *височные серьги* (D – 3,2 см) (рис. 1, *5–7*) с напаянной кубической сантиметровой бусиной. У двух сняты грани (рис. 1, *5*, *6*).

IV. Маленькая железная пряжка (рис. 1, *8*) В-образной формы (4 × 2,5 см), с маленьким язычком длиной 1 см.

V. *Фрагменты лепного округлобокого горшка* (12×10×12 см) (рис. 1, *9*) с невысоким оттогнутым венчиком. Поверхность горшка хорошо заглажена, глина рыхлая с волокнистыми включениями.

VI. *Стенка лепного округлого горшка* (рис. 2, *2*) (12×8×10 см) с отогнутым, срезанным по краю венчиком. Поверхность сосуда ровная, слегка заглажена, в тесте кроме растительных добавок присутствует песок. На участке со-

[3] *К сожалению, из-за объема публикации невозможно включить в данную работу материалы степных комплексов или отдельные находки, собранные нами в рассматриваемом регионе за последнее десятилетие. Это не только отдельные случайные находки, но и исследованные в разное время коллегами материалы, не классифицированные хронологически и не определенные культурологически. Надеемся на публикацию их в дальнейшем.*

хранившегося плечика процарапан по мокрой глине рисунок в виде пояска со сходящимися к вершине линиями (рис. 2, *2*). Фрагмент этого сосуда, по данным Р.И. Саенко, привезен из Великоанадольского лесного техникума.

Публикуемые нами материалы из погребения у Ново-Григорьевки имеют общие аналогии в памятниках Восточной Европы середины I тысячелетия и рассматриваются специалистами при характеристике этноисторической ситуации в степной и лесостепной зонах[4] (Амброз, 1981. С. 23; Горюнов, 1981; Терпиловский, Абашина, 1992; Гавритухин, Обломский, 1996; Приходнюк, 1998; Острая Лука, 2004; Памятники, 2007; Восточная Европа, 2007). Полные аналогии отдельным вещам комплекса редки. Так, пальчатые фибулы известны в могильнике Суук-Су, в Херсонесе и по отдельным находкам в лесостепи (Репников, 1900. Табл. VI, *1*, *7*; Кропоткин, 1953. С. 8 и сл.; Якобсон, 1958. С. 464-265; 1959. С. 271. Рис. 137, *6*; Рыбаков, 1948. С. 64, 65; Шрамко, 1962. С. 264. Рис. 101). Несмотря на значительное число близких изделий, подобных по форме и орнаментации очень мало. Почти аналогичной мы можем считать фибулу, происходящую из Луганщины, опубликованную И.О. Гавритухиным (Гавритухин, 2004. Рис. 122, *13.* С. 307). По мнению автора, «это поздние формы рассматриваемых им фибул на Днепровском лесостепном Левобережье» (Гавритухин, 2004. Рис. 122, *3-14, 31*). Фибула, найденная на Луганщине, отличается от новогригорьевской, по- видимому, размерами. Общая длина новогригорьевской фибулы – 10 см (рис. 1, *1*).

К широко известному типу относятся и небольшие проволочные браслеты (рис. 1, *3*, *4*) с утолщениями на концах, датируемые V-VII веками, известные в комплексах с аналогичными пальчатыми фибулами. Концы браслетов очень плохо сохранились, и не ясно, заканчивались ли они изображениями головок, столь характерных для этих комплексов (Амброз, 1981. С. 23; Горюнов, 1981; Терпиловский, Абашина, 1992; Гавритухин, Обломский, 1996; Приходнюк, 1998; Острая Лука, 2004; Памятники, 2007; Восточная Европа, 2007; Шрамко, 1962. С. 264. Рис. 101, *2, 3*; Рыбаков, 1948. С. 66-67; Березовец, 1968. Рис. 25, *4*; Якобсон, 1959. С. 280. Рис. 144, *2, 3, 7*).

Хорошо известны в древностях рассматриваемого времени и височные серьги (рис. 1, *5-7*). К более раннему периоду относятся аналогичные золотые серьги, найденные в низовье Дона и в детском погребении склепа 75 могильника у с. Лучистое, которое датируется второй пол. V – первой пол. VI вв. (Айбабин и др., 1994. С. 14. Рис. 1). Полные аналогии таким серьгам, иногда в комплексах с аналогичными браслетами, широко известны в древностях эпохи Великого переселения (Kazanski, Mastykova, 2006, fig. 14, *1, 14-16;* 42, *2*).

Железная В-образная пряжка (рис. 1, *8*), возможно, от обуви, также указывает на ранний хронологический диапазон и имеется в древностях IV-V вв. (Акимов, 2008. С. 6. Рис. 3).

Аналоги керамических изделий из данного погребения, ранее известные в Среднем и Верхнем Поднепровье и лесостепи (см. приведенные нами аналогии древностей середины I тыс.) и в последние годы открытые нами в Подонцовье (Приходнюк, Швецов, 1989; Швецов, 1989, 1990, 1997), соотносятся с памятниками Пеньковского облика и датируются в Подонцовье на материалах Ведилыхи и Старицы сер. IV-VI веками.

Как видим, хронологически материалы из погребения у Ново-Григорьевки укладываются в древности середины I тыс. Однако большой размер фибул из комплекса может указывать на более позднее их бытование (до VI века).

В рассматриваемом аспекте не меньший интерес представляет и другой комплекс, выставленный в экспозиции ДОКМ (Швецов, 1974; Привалов, Привалова, 1988. Рис.

[4] *В связи с объемом публикации мы не можем привести огромный объем литературы, отражающий научный интерес к памятникам и отдельным находкам этой эпохи. Постараемся приводить в основном литературу наиболее важную, на наш взгляд, или с публикациями аналогичных материалов.*

18, *2*, *3*; 19, *16*; Швецов, 1993; Швецов, 2006. С. 275-277).

Обстоятельства находки неясны, и лишь место, южный район пгт. Ясиноватая, можно считать относительно точным. Наличие курганной насыпи находчиком не зафиксировано, количество и пол погребенных (-ного) установить не удалось. В музей поступила лишь часть комплекса: антропоморфная фибула, серьга и железный втульчатый наконечник стрелы.

Антропоморфная фибула (рис. 1, *10*), изготовленная из низкопробного серебра, состоит из двух пластин, соединенных массивной дужкой. Одна пластина имеет сверху выступ, композиционно соответствующий голове человеческой фигурки, а другая представляет собой стилизованное изображение бедер и ног. Фигурка выполнена в схематической манере, но одновременно она реалистична. Плавность форм и наличие узкого бортика по контуру фибулы усиливают это впечатление. Рассматриваемая фибула имеет длину 9,5 см, ширина ее 3,7 см. На ее оборотной стороне сохранились приемник и иглодержатель.

Близкие фибулы хорошо известны в Подонцовье (Сибилев, 1926), а больше — среди материалов Пастырского городища (Брайчевский, 1960. С. 107. Рис. 1, 2; Древности Поднепровья, IV. Табл. V). Среди них обломки и целые фибулы (Третьяков, 1947. Рис. 31; Приходнюк, 2001. Рис. 79, *12*; 82, *12, 13*), датируемые О.М. Приходнюком рубежом VII—VIII вв.

Серьга (рис. 1, *11*), изготовленная из низкопробного серебра, представляет собой круглый щиток с полусферическим выступом на внешней и внутренней стороне. Гурт щитка украшен тремя пирамидками псевдозерни, по шесть шариков каждая. На самом щитке имеется изображение сходящихся к центру лучей. Сверху щиток переходит в дужку, нижняя часть которой представляет собой пластину в виде полумесяца. Она также украшена псевдозернью, расположенной как в два ряда по краю, так и двумя пирамидками по три шарика каждая, прикрепленными к ее широкой части. Изготовлена рассматриваемая серьга способом литья по восковой модели.

Данный тип серег хорошо известен в древностях I тыс. Восточной Европы. По материалам Пастырского городища соотносится О.М. Приходнюком с «древностями антов», датируется VI—VII веками, в то же время фибулы, аналогичные публикуемым, он относит к рубежу VII—VIII вв. (Приходнюк, 2001. Рис. 82, *12, 13*).

Железный втульчатый наконечник стрелы (рис. 1, *12*) относится к одному из типов раннесредневековых наконечников стрел и датируется широко.

Как и первый комплекс из Ново-Григорьевки, Ясиноватский комплекс не единичен в древностях Подонцовья и Приазовья рассматриваемого периода. И если в степной зоне, к сожалению, известны и частично опубликованы только отдельные находки (Михлин, 1974. С. 95-96; Швецов, 1980. С.268-269; Швецов, 1993. С. 34-38; Швецов, 2006. С. 275-277), то в Подонцовье в течение нескольких лет исследуются открытые нами в 1986 г. поселенческие памятники третьей четверти IV—VII веков типа «Старица» (Швецов, 1990. С. 32; Приходнюк, Швецов, 1990. С. 158-159). Менее исследованы поселения: Ведилиха, Славяногорск (Банное), Выла, Казачье Поле и др. Приведем краткую характеристику наиболее исследованного памятника «Старица».

Памятник расположен в ур. Старица на первой надпойменной террасе (дюнного характера) левого берега старого русла Северского Донца, в 1 км от с. Богородичное Славянского района Донецкой области. От основного левого берега современной реки поселение отделено и скрыто лесной полосой (до 100 м) и маленьким притоком р. Старица. Вскрытая площадь более 1000 м^2. На исследованной площади вскрыто более 10 жилых сооружений, мастерские, более 40 хозяйственных ям, расположенных невдалеке от жилых помещений, два культовых сооружения, одно, по-видимому, общественное

хранилище зерна (?), и участки добычи сырья (ожелезненный песчаник) для железоделательного производства. На восточной части памятника открыт небольшой грунтовый могильник, захоронения которого впущены в более древнюю курганную насыпь, сооруженную в пойме.

Полуземлянки (рис. 3, *1-5*) были четырехугольные в плане, площадью от 4,7 до 16 м^2, глубиной 0,4-0,9 м от уровня современной поверхности. В сооружениях было от 1 до 3 овальных или круглых в плане хоз. ям, выходивших иногда за периметр котлована (рис. 3, *1*). В некоторых помещениях прослеживаются ямки от вертикальных опор деревянных каркасных стен. В двух полуземлянках такие ямы отсутствовали, что определенно свидетельствовало в пользу срубной конструкции сооружения (рис. 3, *3, 5*). Остатки сруба в виде обгоревших бревен прослежены в полуземлянке № 4, где зафиксировано также упавшее основное бревно двухскатной кровли (рис. 3, *5*). В помещениях зафиксированы очаги не только из выложенных камней (обломки жерновов), но и глиняные.

На памятнике кроме полуземляночных квадратных помещений открыты два жилых круглых в плане *юртообразных* (?) сооружения с очагами в центре. В одном случае по краю сооружения были выявлены маленькие ямки (от кольев?), с положенными с внешней их стороны небольшими камнями для крепления (?).

Хозяйственные ямы, круглой и колоколовидной формы, расположенные невдалеке от жилых помещений, чаще всего заполнены фрагментами костей животных и мелкими фрагментами керамики.

В центральной части памятника в 1986 г. было открыто, а затем доисследовано сооружение 1.

Сооружение 1, находящееся в центральной части поселения, было отделено от общей территории круглым рвом с перемычкой в восточном секторе. Для создания сооружения была использована каменная курганная насыпь эпохи ранней бронзы, почти правильной круглой формы. На вершине, в ее центральной части, на месте просевшего перекрытия, над погребением эпохи ранней бронзы, в подквадратной в плане яме находился толстый слой (до 0,3 м) древесного пепла, свидетельствующий о долговременном горении огня. После позднего изменения и укрепления каменного сооружения массивными мергелевыми глыбами оно приняло почти пятиугольную в плане форму. С трех сторон конструкции – юго-западной, северо-западной и северо-восточной – находились круглые ямы-кострища, стенки некоторых из них были обложены изнутри мелкими камнями. Заполнение ям составляли угли, шлак, керамика, кости животных со следами действия огня. По-видимому, аналогичной по функции можно считать яму 12, не присоединявшуюся непосредственно к каменному сооружению, но находящуюся рядом, немного ближе к юго- восточному сектору. Южнее каменного сооружения с ямами-кострищами находилась большая круглая яма со ступенчатыми стенками, частично заполненная большими камнями, по-видимому, крепившими когда-то «идола» (?). Вокруг каменной конструкции с ямами-кострищами и ямой от «идола» (?), в зоне внутреннего края рва, окаймляющего сооружение, выявлены небольшие круглые, эллипсовидные, овальные ямы, заполненные керамикой, костями животных, обгорелыми глиняными изделиями.

Сооружение 2 расположено на северо-западной окраине памятника, отделенной от основной населенной части небольшим ярком, состояло, по- видимому, из трех конструктивных элементов: кромлеха, большого помещения и группы «зерновых» ям, примыкавших с юго-восточной стороны к помещению.

Кромлех диаметром 2,7 м. Северная часть сооружения, созданная в эпоху энеолита — ранней бронзы, занимала северную часть комплекса и состояла из двух полуколец, восточного и западного, между которыми сохранились два прохода, размещенных по линии С-Ю. Большие камни восточного по-

лукольца плотно прилегали один к одному, а наклоненное полукольцо, состоящее из 11 больших валунов и 5 меловых глыб, еще плотней. В середине восточного полукольца расположены десять пирамид (столбиков), сложенных из 3, реже 4 или 2 белых плиток песчаника, аналогичных пирамидкам из сооружения 1 (1986 г.). В западном полукольце кромлеха столбиков из плиток, кроме северного прохода, нет. В заполнении кромлеха, кроме отдельных кремневых изделий эпохи неолита, в культурном слое и в 5 небольших круглых ямах находились лепные горшки и в основном фрагменты лепной и чернолощеной Черняховской керамики, а также кости домашних животных (свиньи, овцы-козы, коня, быка – определения Ю.Я. Кожевниковой-Мягковой).

К югу от кромлеха на расстоянии 1 м располагался котлован помещения вытянутой овальной формы (6×2 м), ориентированный длинной стороной точно по линии С-Ю, что совмещается с центральной осью проходов между полукольцами кромлеха. Заполнение котлована дает возможность говорить о том, что он долго стоял открытым и полузаплывшим. Не исключено, что частью заполнения котлована была одна из стен помещения, упавшая внутрь. Интересно наличие в культурном слое и в заполнении части котлована мелких кусочков пережженной земли, глины. Третьим конструктивным элементом сооружения 2, по-видимому, является группа из 12 круглых «зерновых» ям, расположенных в два ряда, находящихся к юго-востоку от помещения.

Время функционирования соор. 1 и анализ керамического материала комплекса сооружений 1 и 2 указывают на его аналогии керамическому материалу из жилых и хозяйственных помещений на поселении; сооружение относится к памятникам Пеньковского типа (Приходнюк, Швецов, 1990. С. 158-159). Находка бронзовой двухсоставной подвязной фибулы Черняховского типа подгруппы б-2 (по Гороховскому) в северо-восточном секторе соор. 1 уточняет один из ранних этапов его функционирования – третью четверть IV в. (определение Е. Гороховского). А прямоугольный приемник медной пряжки, найденный во рву сооружения, датирует его поздний этап VII в. (Гавритухин, Обломский, 1996. Рис. 68а, 11-б). Наличие в составе керамического материала соор. 2 чернолощеной керамики Черняховского облика удревняет его бытование до начала века и эпохи раннего этапа формирования пеньковской культуры на основе памятников киевского типа (Терпиловский, 1992; Гавритухин, Обломский, 1996. С. 121; Швецов, 2006. С. 121-129).

Ближайшие аналогии в сооружениях сакральных объектов, где учтена сакрализация мира, маркирование центра, изображающих и вмещающих космогоническую картину мироздания, известны в памятниках восточных и западных славян (Herrman, 1971; 1974; Рыбаков, 1981; 1987; Vana, 1983; Русанова, Тимощук, 1986; Русанова, 1988; 1992; Орлов, 1998) и на северо-западе Руси (Седов, 1982).

Представленные нами материалы дают краткую характеристику одного из наиболее исследованных памятников рассматриваемой эпохи в Подонцовье. Вопрос о хронологических рамках его существования в общих чертах ясен. Определение его этнокультурной принадлежности и отнесение к кругу памятников пеньковского облика можно считать оправданным с учетом рассмотрения истоков его появления в Подонцовье как следствия движения населения в эпоху Великого переселения. В то же время наличие целого куста близких и аналогичных древностей (памятники: Ведилиха, Вила, Святогорск (Банное), Скит, Казачье поле) и открытых нами ранних слоев этого типа на известных праболгарских памятниках Зливки и Маяки дает возможность говорить не только о широком территориальном их распространении[5], но и длительном хронологическом диапазоне до начала VIII в.

[5] *В 1972 г. во время археологических разведок на Луганщине Северско-Донецкой экспедицией (рук. С. Н. Братченко), на левом берегу реки у моста (г. Лисичанск) была найдена керамика (блюдо и части лепных горшков Пеньковского типа).*

Литература:

Айбабин А.И., Мульд С.А., Хайрединова Э.А. Исследование раннесредневекового могильника у с. Лучистое // Археологические исследования в Крыму. 1994. Симферополь, 1997.

Акимов Д.В., Разуваев Ю. Д., Сурков А.В. Погребение эпохи Великого переселения народов у с. Ямное на Верхнем Дону // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 2008.

Амброз А.К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V — первой половины VIII в. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981.

Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н.э. Археология восточноевропейской степи. Вып. 12. Воронеж, 1998.

Березовец Д. Т. Поселение древних уличей на р. Тясмине //МИА, 108, 1963.

Восточная Европа в середине I тыс. н.э.: Коллективная монография / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А. М. Обломский. М., 2007.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996.

Горюнов Е.А. Ранние этапы истории славян. Л., 1981.

История городов и сел Донецкой области. К., 1976.

Брайчевский М.Ю. Новые находки VII-VIII вв. н.э. на Пастырском городище //КСИА, АН УССР, 10, 1960.

Кропоткин В. В. Население Юго-Западного Крыма в эпоху раннего средневековья: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1953.

Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.

Михлин Б.Ю., Саенко Р.И. Погребение антского времени в Донецкой области // Археологические экспедиции 1965- 1970 гг. Краткий информационный сборник. М., 1972.

Міхлін Б.Ю. Гуннський амулет з Ждановського музею // Археологія, 1974, № 5.

Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени: Коллективная монография / Сост. А.М. Обломский. М., 2004.

Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.): Коллективная монография / Отв. ред. А.М. Обломский. М., 2007.

Плетнева С.А. От кочевий к городам. МИА, № 142. М., 1967.

Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981.

Привалов А.И., Привалова О.Я. Список памятников археологии Украины. Донецкая область. К., 1988.

Приходнюк О.М. Пеньковская культура. Воронеж, 1998.

Приходнюк О.М. Степове населення України та східних слов'ян (друга пол. I тис. н.е.). Київ — Чернівці, 2001.

Репников Н.И. Некоторые могильники области крымских готов // ИАК. Вып. 19. 1906.

Репников Н.И. Некоторые могильники области крымских готов. II, ЗООИД, XXVII, 1907.

Русанова И.П. Культовые места и языческие святилища IV-XIII вв. // СА, 1992, № 4.

Русанова И.П., Тимощук Б.А. Языческие святилища древних славян. М., 1993.

Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.

Рыбаков Б.А. Древние Русы // СА. XVII, 1953.

Рыбаков Б.А. Новый Суджанский клад антского времени // КСИИМК, XXVIII, 1949.

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981.

Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М., 1987.

Саенко Р.И. Отчет о командировке в Волновахский район. 1967 г. // Фонды Ждановского краеведческого музея. Фонд 4 к.л.1-4; инв. № Ар-5/1; 2; 6/1, 23; 7/1,2; 75, 76.

Седов В. В. Восточные славяне VI—XIII веков // Археология СССР. М., 1982.

Терпиловский Р.В., Абашина Н.С. Памятники киевской культуры. К., 1992.

Третьяков П.Н. Днепровская экспедиция // КСИИМК, XXI, 1947.

Швецов М.Л. Находки антского времени на территории Донбасса // Проблемы ар-

хеологии Донбасса (тезисы симпозиума). Донецк, 1974.

Швецов М.Л. Стелла V-VII вв. из Приазовья // СА, 1980, № 4.

Швецов М.Л. Средневековые бескурганные могильники на территории Донбасса // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Тезисы научно-практического семинара. Донецк, 1989.

Швецов М.Л. Подонцовье – Приазовье в эпоху раннего средневековья // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века (тезисы докладов V областного семинара). Ростов-на-Дону, 1997.

Швецов М.Л. Степи Евразии во взаимосвязи Востока и Запада в эпоху средневековья // Материалы международной конференции в рамках программы «Великий Шелковый Путь». Донецк, 1992.

Швецов М.Л. Материалы эпохи средневековья // Археологический альманах, № 1. Донецк, 1993.

Швецов М.Л. Проблемы взаимоотношений степного и лесостепного населения в эпоху раннего средневековья // Культуры степей Евразии второй пол. 1 тыс. н.э. Самара, 1997.

Швецов М.Л. Культовые сооружения в Подонцовье и их западные и северо-западные параллели // Археология и архитектура Левобережной Украины и сопредельных территорий. Донецк, 2000.

Швецов М.Л. Культові комплекси IV-VII століть на Південному Сході України // Історія релігії в Україні. Львів, 2006.

Швецов М.Л. Взаимоотношения степного и лесостепного населения в эпоху раннего средневековья (на примере Подонцовья – Приазовья) // Археологическое изучение Центральной России. Липецк, 2006.

Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. Харьков, 1962.

Якобсон А.Л. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма//МИА, 85, 1958.

Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. № 63. 1959.

Vugadin I., Kazanski M., Mastykova A. Les necropoles de Viminacium.

A Welt der Slawen: Geschichte, Ges., Kultur / Hrsg. J. Herrmann. Leipzig: Jena: Berlin: Urania-Verlag, 1986.

Vana Z. Die welt der alten Slawen. Praha, 1983.

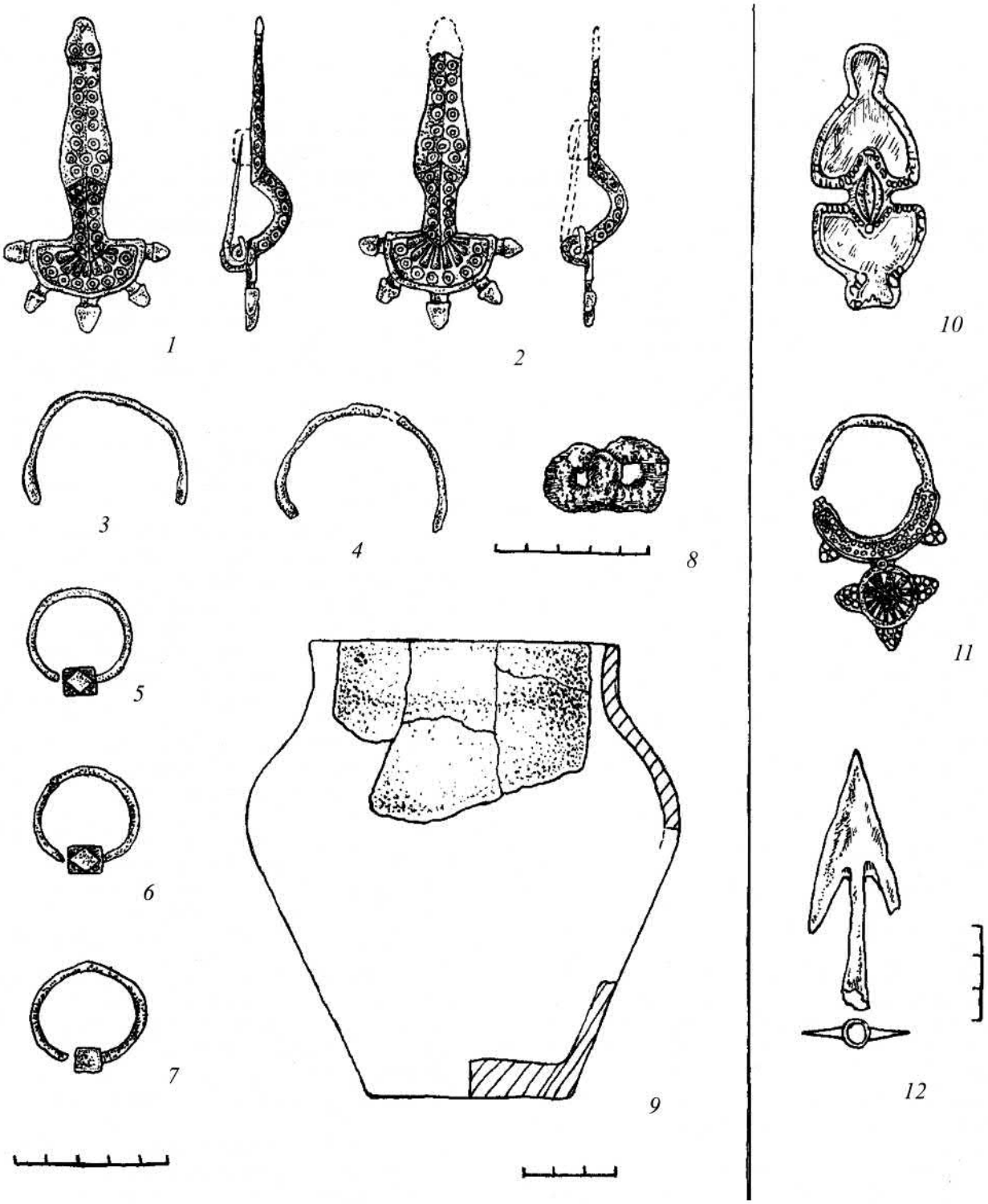


Рис. 1. Комплекс из Ново-Григорьевки и Ясиноватой.
1, 2. – пальчатые фибулы из погребения у Ново-Григорьевки. 3, 4 – браслеты из погребения, 5-7 – серьги из погребения у Ново-Григорьевки, 8 – железная пряжка, 9 – реконструкция сосуда из погребения. 10 – антропоморфная фибула из Ясиноватой, 11 – серьга пастырского типа из Ясиноватой. 12 – наконечник стрелы.

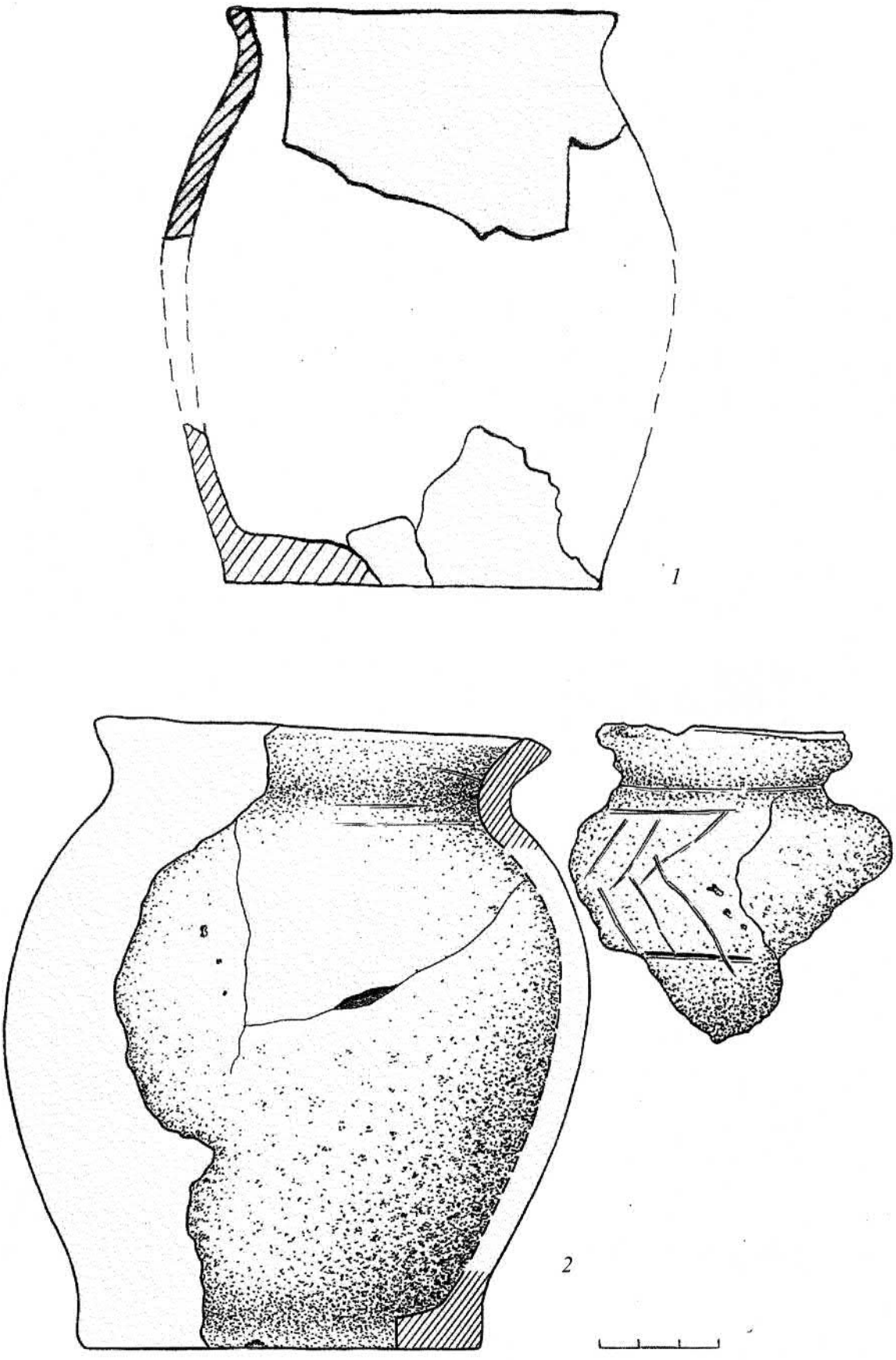


Рис. 2. Сосуды из погребения у Ново-Григорьевки («из музея Великоанадольского лесного техникума»)

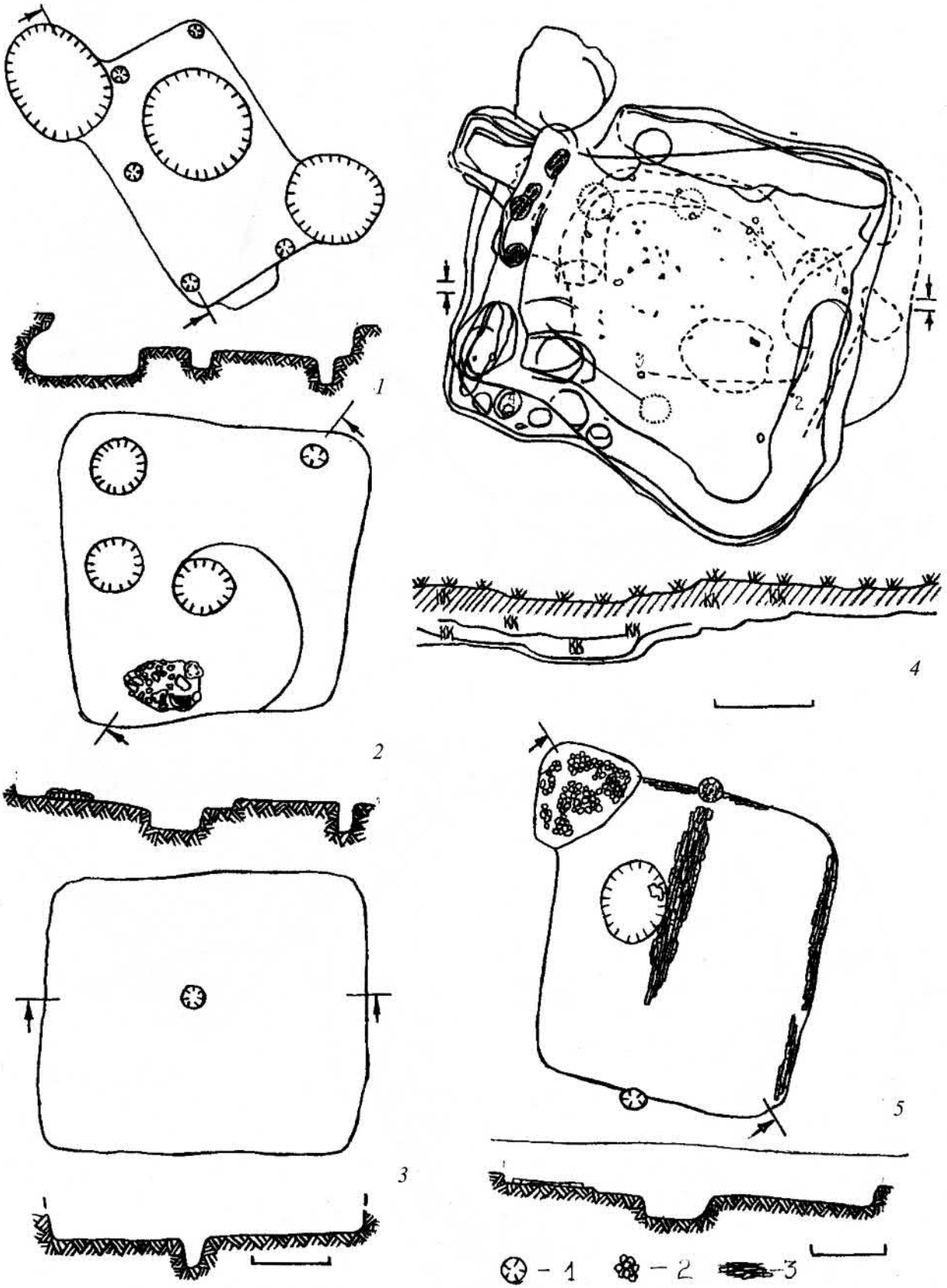


Рис. 3. Поселение «Старица». 1, 2, 3, 5 – типы жилых сооружений, 4 – мастерская.

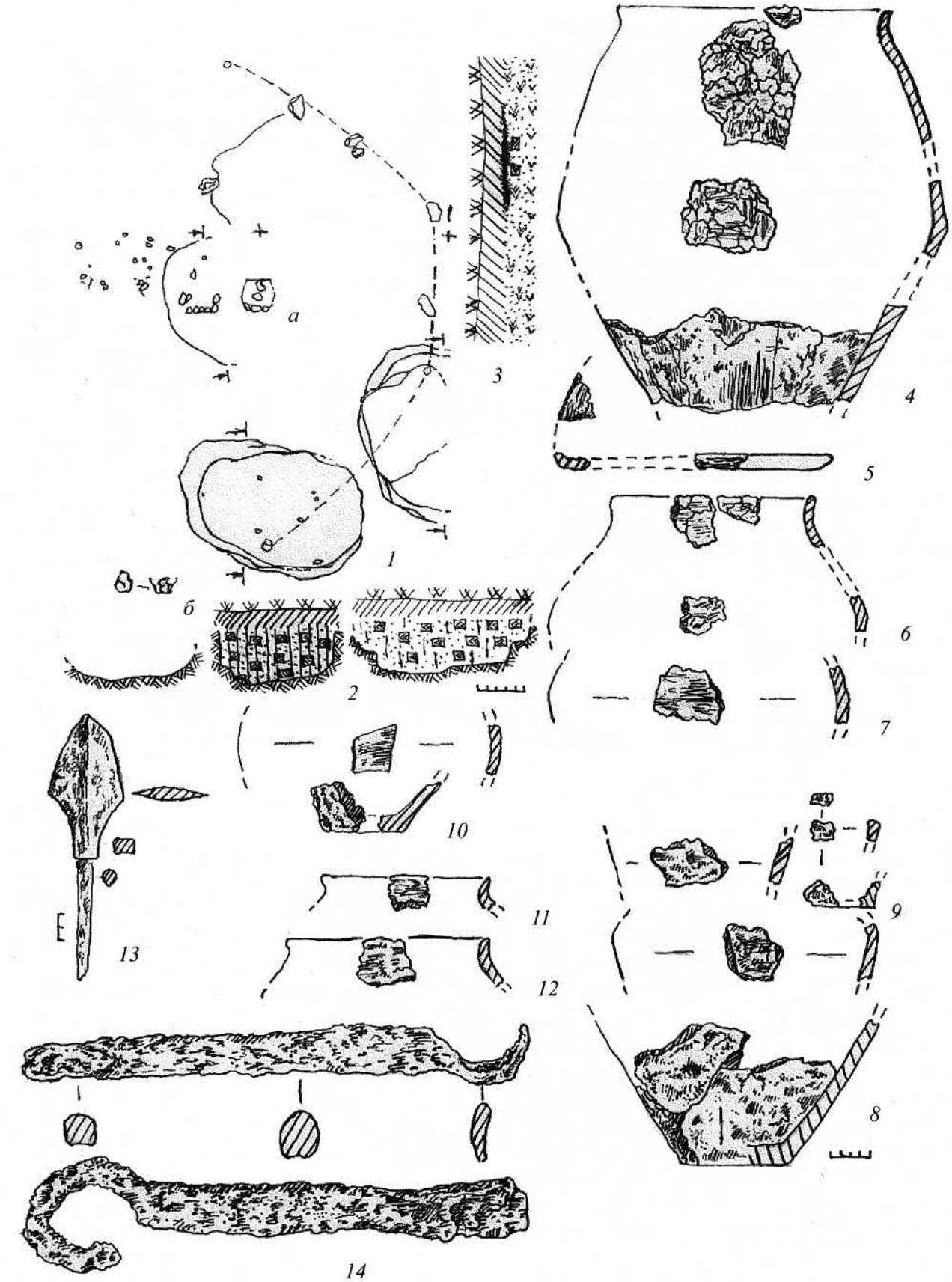


Рис. 4. Поселение «Старица». 1-3 – круглое сооружение с очагом в центре; 4-12 – керамика из данного сооружения; 13 – наконечник стрелы; 14 – фрагмент удил из слоя.

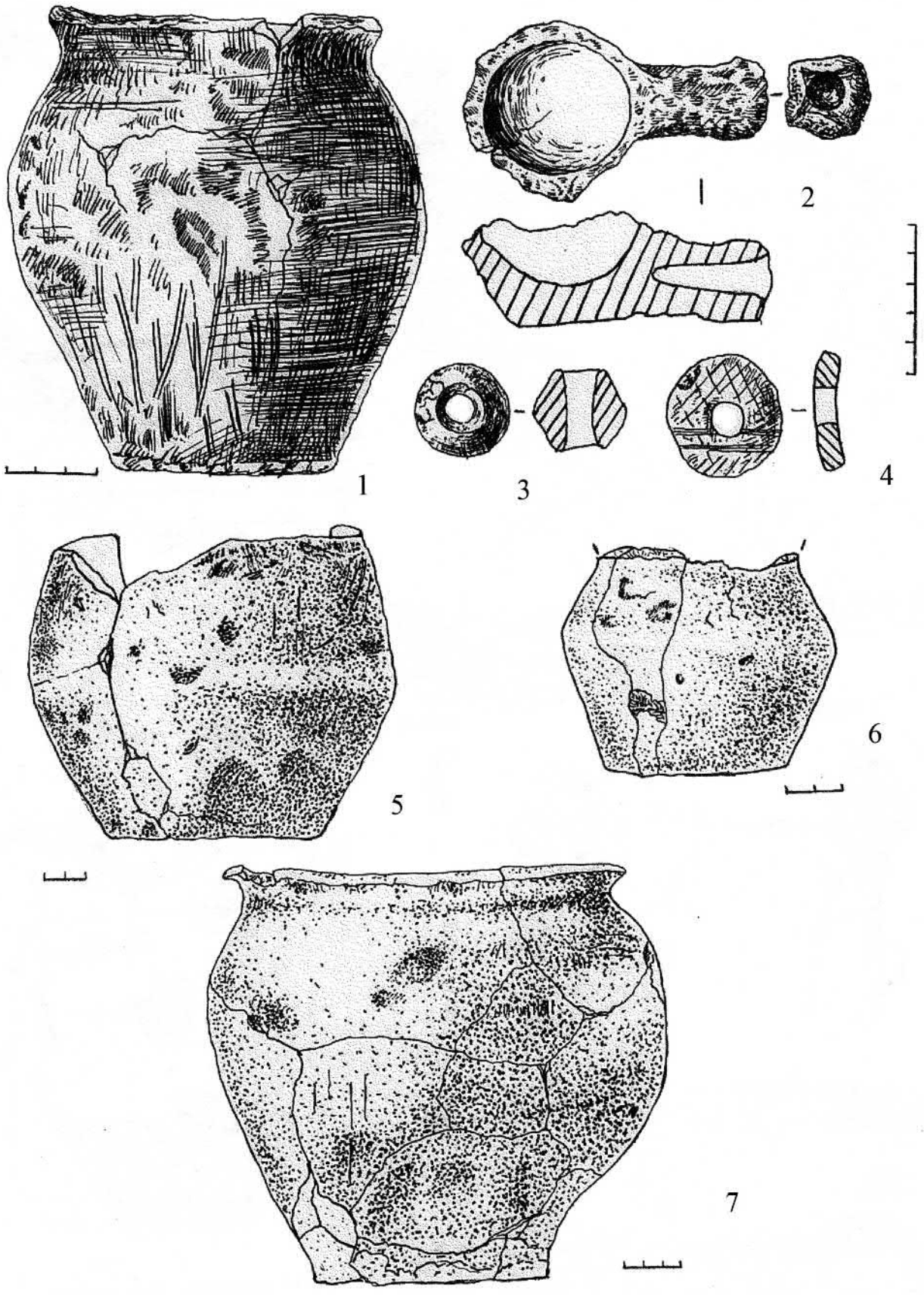


Рис. 5. Материалы из ранних слоев памятников: 1-4 – «Зливки»; 5-7 – Маяки.

М.Л. Швецов

ПРОБОЛГАРЫ ПОДОНЦОВЬЯ И ПРИАЗОВЬЯ VII-XIII вв. – ВОПРОС ГОСУДАРСТВЕННОСТИ?

Письменные источники, дающие представление об этносах, заселивших степи Восточной Европы в эпоху раннего Средневековья, в числе друга народов упоминают и предков современных болгар. Многие исследователи, в основном археологи, начальный этап истории их формирования связывают с гуннами. Первое упоминание о древних болгарах (протоболгарах, или степном населении Восточной Европы до формирования Великой Болгарии, населении степи и лесостепи в эпоху раннего Средневековья до XII в.) относится к 334 г., однако чаще эти данные связывают с концом IV в. в связи с постепенным выделением протоболгар из многоэтничного гуннского объединения. Высказывалось мнение о том, что данный этноним получали «кочевые племена смешанного происхождения, в формировании которых приняли участие тюркский, угорский и иранский компоненты», шел процесс этнокультурного развития (Генинг, 1989, с.4-15). Несмотря на развитие и продолжение данного процесса в V-VI вв. в степях Восточной Европы можно говорить «о существовании постоянной тенденции к усилению этнической консолидации в протоболгарской племенной среде», приведшей к созданию государственного объединения – Великой Болгарии (Генинг,1989, с.12).

Исторические события, в связи с которыми в дальнейшем упоминаются проболгарские племена, дают некоторую возможность оконтурить территорию расселения проболгар в эпоху раннего Средневековья в Поволжье, на Северном Кавказе, в степном Приазовье и Причерноморье и в Подонцовье на границе степи и лесостепи. Рассматриваемая нами территория Приазовья и Подонцовья являлась одной из важных составляющих земель в истории проболгарского этноса.

Специфика эпохи формирования, скудность письменных источников, сложность и многообразие компонентов в составе протоболгарского этноса, затруднили выделение археологических признаков проболгарских древностей. В середине 50-х годов П.Н. Третьяков считал, что «письменные источники не дают убедительного и ясного ответа на вопрос о происхождении протоболгар. Археологический материал, который должен помочь в решении проблемы, добыт недостаточно» (Третьяков, 1954, с.53). По его мнению, «необходимо специальное археологическое изучение приазовского района, где обитали протоболгары» (Третьяков, 1954, с.54). Последние более полустолетия в этом направлении определенные исследования велись. Однако современное состояние данных археологических источников в регионе по рассматриваемому периоду представлено неравномерно не только территориально, но и типологически. Причинами такой неравномерности и типологической разницы являются неравнозначное изучение памятников на этих территориях, их типологическая неоднородность, отражающая разные экономические (хозяйственные)

* Опубликовано: Швецов М.Л. Проболгары Подонцовья и Приазовья VII–XIII вв. – вопрос государственности? // Государственность восточных булгар IX–XIII вв. / Материалы международной конференции «Государственность восточных булгар IX–XIII вв.». Чебоксары, 2–3 декабря 2011 г. / Сост. и научн. ред. Д. Ф. Мадуров. – Чебоксары: «Таус», 2012. С. 70-95.

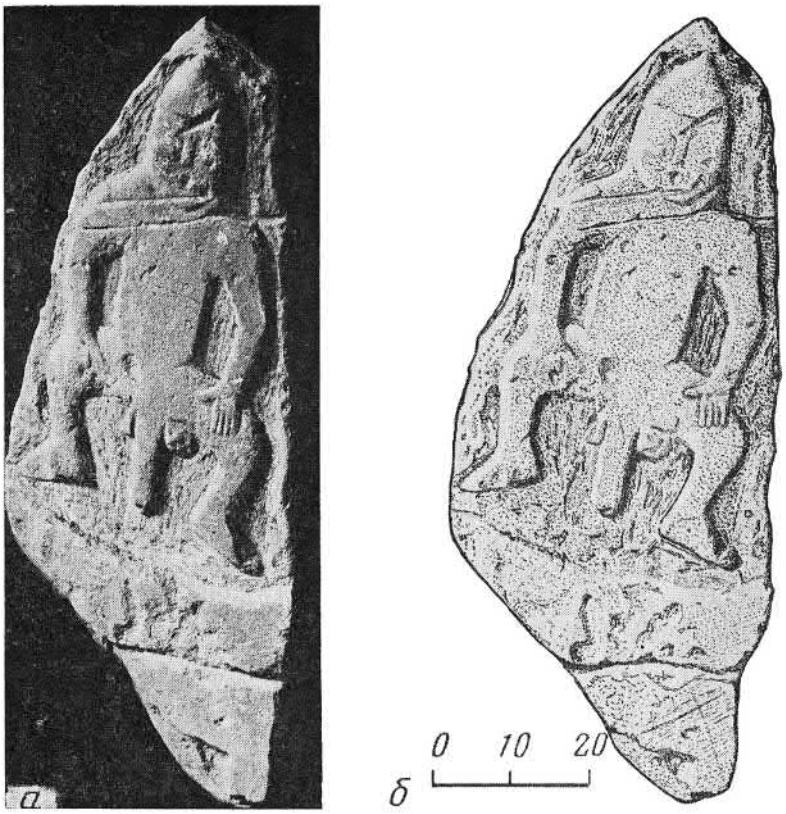


Рис. 1. Стела IV-VII вв., найденная у хутора Пикузы (низовья р.Кальмиус).
1. *Фотография.* ***2.*** *Прорисовка.*

системы жизненного обеспечения, связанные с ландшафтно-экологическими зонами (Швецов, 1997, с.275), а не с этническими факторами (Красильников, 2009, с.371-384). Следовательно, целью нашего доклада является общая характеристика материалов археологических древностей Приазовья и Подонцовья VI–XIII веков, дающих возможность, как нам представляется, выделить определенные хозяйственно-культурные типы археологических объектов, отражающие специфику прото- и проболгарских памятников рассматриваемого региона.

Структурно данные материалы разделены нами на две региональные зоны: Приазовье и Среднее Подонцовье, а хронологически, при наличии источников, – на три, что дает возможность предварительного сравнения.

После падения Боспорского Царства в период эпохи Великого переселения народов жизнь в Северо-Восточном Приазовье, как и во всем Причерноморье, не исчезает. Наличие кочевий и пока еще отдельных находок IV–VII вв. (Михлин, 1972, с.11-14; Плетнева, 1976) указывает на это. Археологические разведки и раскопки, проводимые в начале и первой трети XX века П.М. Пиневичем, Н.Е. Макаренко в низовьях р. Кальмиус дали интересный, но небольшой материал, к сожалению, почти не опубликованный, исключая небольшую публикацию Л.И. Кучугуры (Кучугура, 1998, с.41-56). В 50-60-е годы во время археологического обследования памятников по р. Кальмиус О.Г. Шапошниковой, а затем и В. Н. Гладилиным были открыты не только отдельные кочевья, поселения эпохи Средневековья у с. Кременевка, Раздольное («техникум»), Ст. Ласпа, Стыла, но и наскальное изображение у с. Раздольное (Большая Каракуба). В 1971 году Б.Ю. Михлиным в Приазовье, в пойме р. Камышеваха открыты и обследованы более десятка кочевий, относящихся, согласно датированным материалам, к VII–IX векам (Михлин, 1972, с. 11-14). Была составлена карта памятников, куда вошли и праболгарские, а в дальнейшем опубликовано изображение уникального амулета, относящегося к гунно-болгарской эпохе (Михлин, 1971, с.35). В 1976-1978 годах во время работ Донецкой археологической экспедиции ИА АН УССР в Приазовье нами на этих памятниках были проведены небольшие зачистки и раскопки. Полученный материал, дающий стратиграфические и хронологические наблюдения, позволил уточнить характеристику памятников и выделить среди них кочевья и поселения (Швецов, 2000, с.75). В 80-х годах обследование речных долин приазовской степи, открытие раннесредневековых памятников позволило В.К. Грибу выявить закономерности и

топографию их распространения (Гриб, 1987, с.92-93). Тогда же были открыты остатки наземных жилых и хозяйственных построек (Швецов, 2003; Швецов, 2006), а также культовые сооружения у с. Безыменное, в материалах которых удалось обнаружить глиняные изделия мелкой пластики, изображавшие человека, близкие типологически к случайным находкам в Приазовье и Нижнем Поднепровье (рис. 2; 4) (Швецов,1987,с. 42].

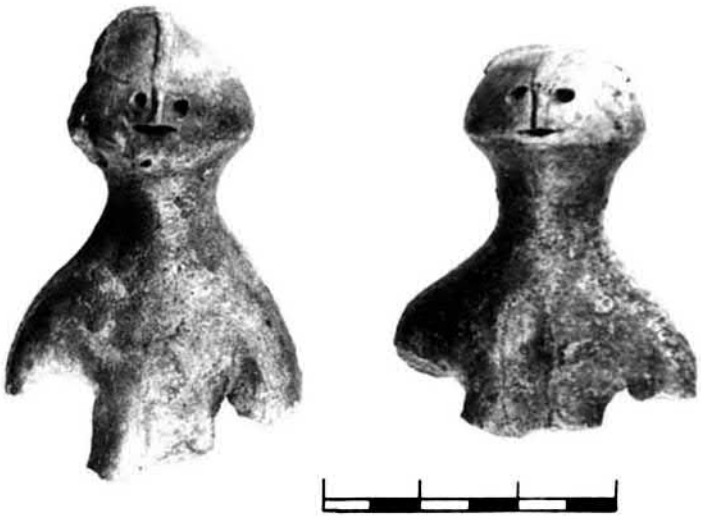


Рис. 2. Верхняя часть глиняных статуэток VI-VII вв.
1. *Балка Широкая (р.Еланчик в Приазовье).*
2. *Балка Звонацкая в Надпорожье.*

В полевой сезон 1987 года Донецкая средневековая археологическая экспедиция исследовала кочевье у с. Бердянское Новоазовского района. Здесь были открыты несколько жилых (юрты) и хозяйственных (ямы и погреба) сооружений, значительный керамический комплекс посуды (глиняные котлы с внутренними ушками, горшки, сковородки). Собранный на памятнике остеологический материал дает представление не только о составе стада, но и о хозяйственной направленности поселенцев. В 2001 году повторное обследование приазовского побережья дало нам возможность провести небольшие работы и выявить остатки конструкций на памятнике у с. Иличевское, под Мариуполем, где еще в 70-е годы О.Я. Приваловой и автором был открыт раннесредневековый пифос (рис. 5) (Кириенко, 1970, с.273-274). Необходимо отметить также отдельные захоронения проболгарского времени, открытые нами во время раскопок курганов в Приазовье (Октябрьское), комплекс сооружений в Ляпиной балке и публикацию стелы VI-VII вв. из Пикузы (Рис.1.: а, б) (Швецов, 1980, с. 55). Сюжет изображения на стеле, аналогичный фаллическим танцующим человечкам, широко известен в гунно-болгарской древности Северного Кавказа, Ставрополья, Крыма и Тамани. Такой амулет из находок на Белосарайской косе был опубликован Б.Ю. Михлиным в 1971 году (Михлин, 1971). Спустя 35 лет в центральном Донбассе, на территории районного центра Марьинка, в бассейне верхнего течения р. Волчьей, на распаханных огородах, расположенных на невысокой первой надпойменной террасе правого берега р. Осыковой, был найден еще один такой же амулет (Швецов, 2009, с.431-434). Несколькими годами раньше местным краеведом здесь же было обследовано кочевье, собран небольшой керамический материал, представленный фрагментами лепной и гончарной керамики, среди которой преобладали фрагменты светлоглиняных амфор, кувшинов и лепных горшков, предварительно датируемых VI-VII веками. Необходимо отметить отдельные захоронения проболгарского времени, открытые нами во время раскопок курганов в Приазовье (Октябрьское), и уникальный комплекс с серьгами и пальчатыми фибулами женского захоронения (рис. 6), найденный жителем с. Новопетровка Волновахского района (Швецов, 2010, с.431-434).

Центральные районы Донбасса не исследовались планомерно для выявления памятников прото- и проболгар эпохи Средневековья. Однако во время археологических разведок были открыты отдельные памятники: кочевья, небольшие поселения и отдельные погребения. Приведем некоторые примеры. Так, учительницей Моспинской школы

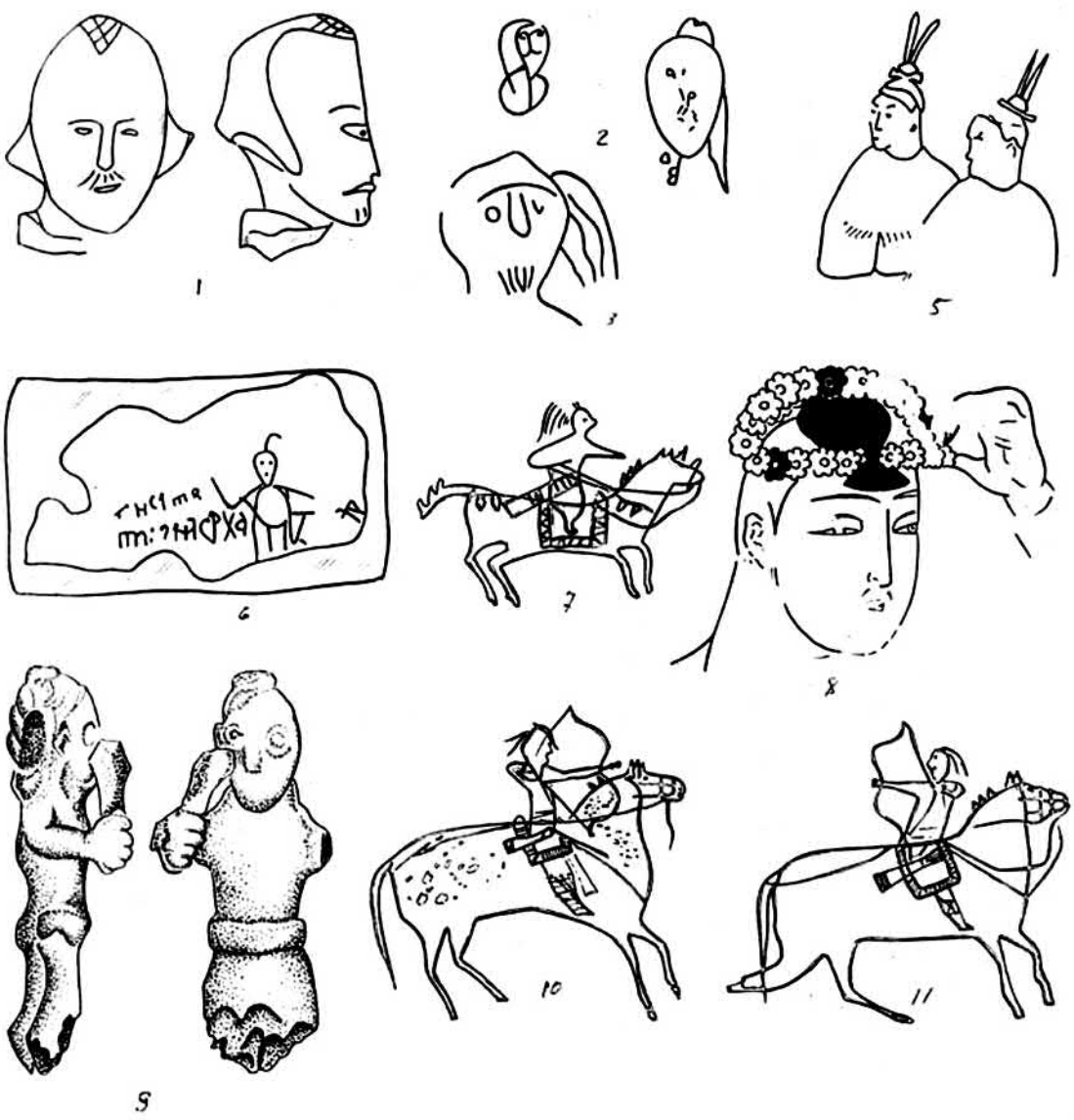


Рис. 3. Прически с чубом и косой.
1. *Уйбат. Чаатас, земляной курган.* ***2-3.*** *Преслав.* ***4.*** *Плиска.* ***5.*** *Китай.*
6. *Плиска (Базилика).* ***7.*** *Сулек (по М.И. Артамонову).*
8. *Пенджикент, помещение 23, объект XXV (по Б.Я. Маршаку и В.И. Распоповой).*
9. *Саркел.* ***10-11.*** *Сулек (по М.И. Артамонову).*

О.А. Файнвейнц вместе с учащимися в районе пос. Моспино, у пруда, на склоне правого берега маленькой речушки, было обнаружено поселение. Материалы разведок хранились в школьном музее. В 1971 году осмотр и шурфовка памятника были проведены Б.Ю. Михлиным, выявившим на нем отдельные находки сарматского времени VII-IX веков. Материалы разведок поселений, проведенных В.С. Косиковым на территории г. Макеевки и его окрестностей, дали интересные находки, относящиеся к VIII-X векам, они хранятся в Макеевском художественно-краеведческом музее.

Наиболее характерным и типичным для центральной части степного Донбасса можно считать небольшое поселение Веровка II, расположенное на террасе правого берега балки Росоховатая, на западной окраине г. Енакиево. Поселение исследовано С.Н. Постниковым,

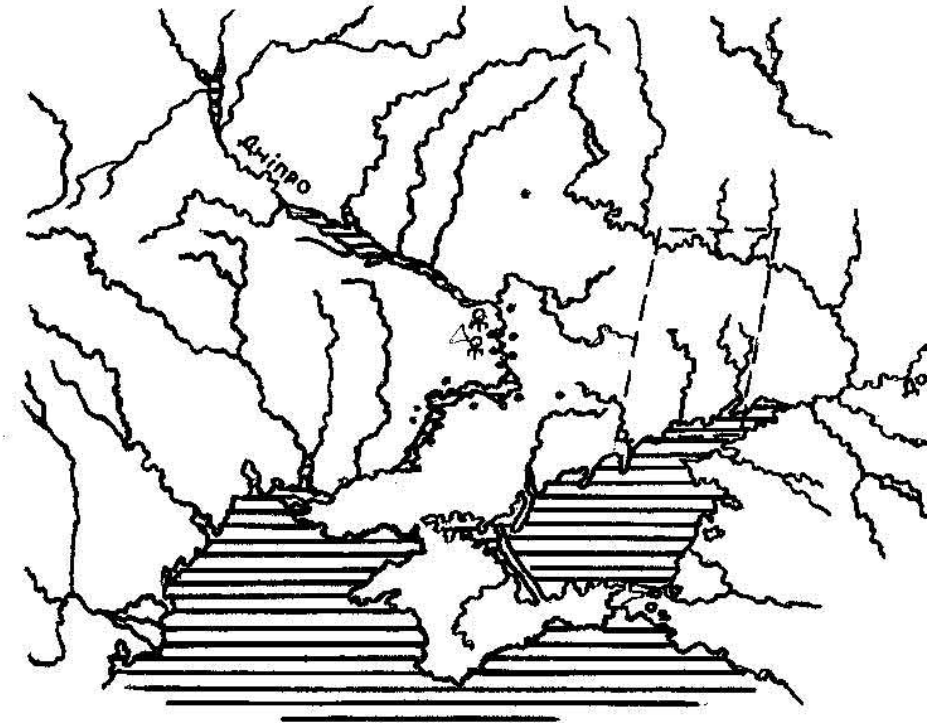


Рис. 4. Карта распространения статуэток и их аналогий к ним.

1. *Еланчик.*
2. *Звонацкая.*
3. *Капуливка.*
4. *Галагановка.*
5. *Азов.*
6. *Нижне-кундрючья.*
7. *Новаяковлевка.*

результаты опубликованы совместно с Я. Быковой (Постников, Быкова, 1999, с.9). На памятнике были обнаружены материалы, относящиеся к разным историческим периодам, в том числе к эпохе Средневековья. Самой массовой категорией находок здесь является керамический материал, представленный кухонной, столовой и тарной керамикой. К кухонной посуде относятся небольшие лепные горшки со слегка отогнутым и прямым венчиком. К горшкам, сделанным на гончарном круге, относятся опуклобокие сосуды, тулово которых покрыто сплошным линейным орнаментом. Кроме горшков, кухонная посуда представлена обломками сковородок и жаровен, украшенных по срезу венчика пальцевыми вдавлениями или насечками. К числу кухонной посуды авторы относят найденные на поселении лепные котлы с внутренними ушками.

Столовая посуда представлена фрагментами нескольких сосудов. Глина хорошо отмученная, тонкая, без видимых примесей. Черепок тонкий и звонкий, цвет сосудов черный и желтый, покрыт лощением.

Тарная посуда гончарная, но в подавляющем большинстве не местного производства. В основном это фрагменты амфор, кувшинов и даже больших пифосов. Поверхность амфор иногда покрыта рифлением (реберчатые) или горизонтальным линейным орнаментом. Здесь же найдены фрагменты толстостенной сероглиняной трехручной корчаги.

Основные керамические материалы из памятника Веровка II находят аналогии в кругу памятников салтово-маяцкой культуры Подонья, Подонцовья и Крыма и даже Молдавии, а их общий состав характерен в основном для степных поселений Нижнего Подонья и Приазовья. Авторы предвари-

Рис. 5. Пифос (фото) (с. Иличевское в Приазовье).

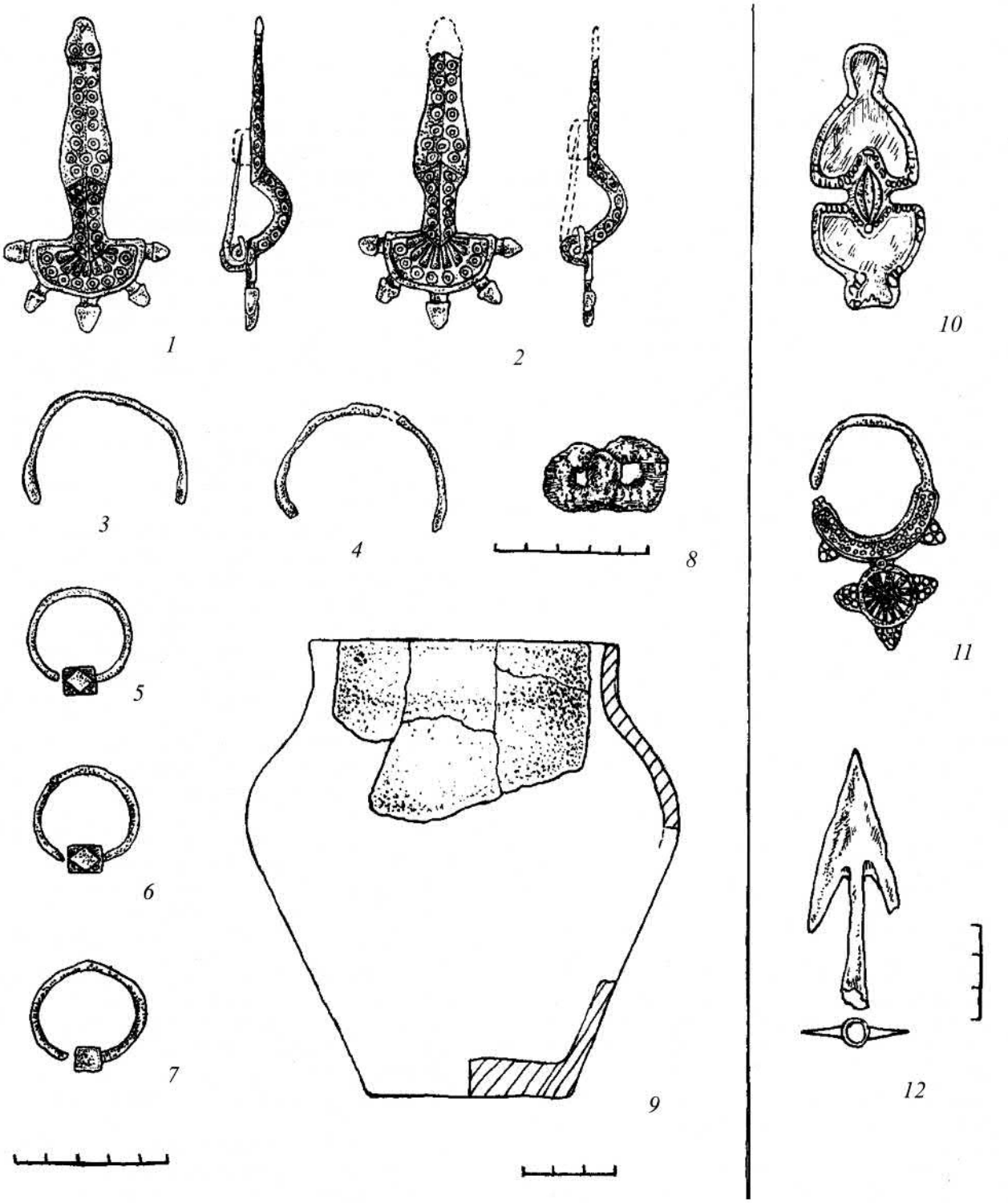


Рис. 6. Комплекс из Новопетровки.

тельного исследования (Постников, Быкова, 1999, с.11) отмечают «достаточно широкие хронологические границы» существования памятника. Это начало VIII – первая половина X веков, а отдельные находки «позволяют продлить дату до XI века» (Постников, Быкова, 1999, с.7-8). По мнению исследователей, памятник принадлежит к «болгарскому или степному варианту салтово-маяцкой культуры (котлы с внутренними ушками, горшки с линейно-волнистым орнаментом)». А «находки лепных горшков вносят некоторое своеобразие в керамический комплекс и их можно гипотетически относить к последнему этапу существования памятника, времени завоевания степи печенегами» (Постников, Быкова, 1999, с.9). К сожалению, во время полевых исследований на памятнике не было зафиксировано жилых сооружений, и классифицировать тип построек – наземных или углубленных – не представляется сегодня возможным в отличие от памятников Азовского побережья [у сел Безыменное (рис.7, 8) и Бердянское Новоазовского района].

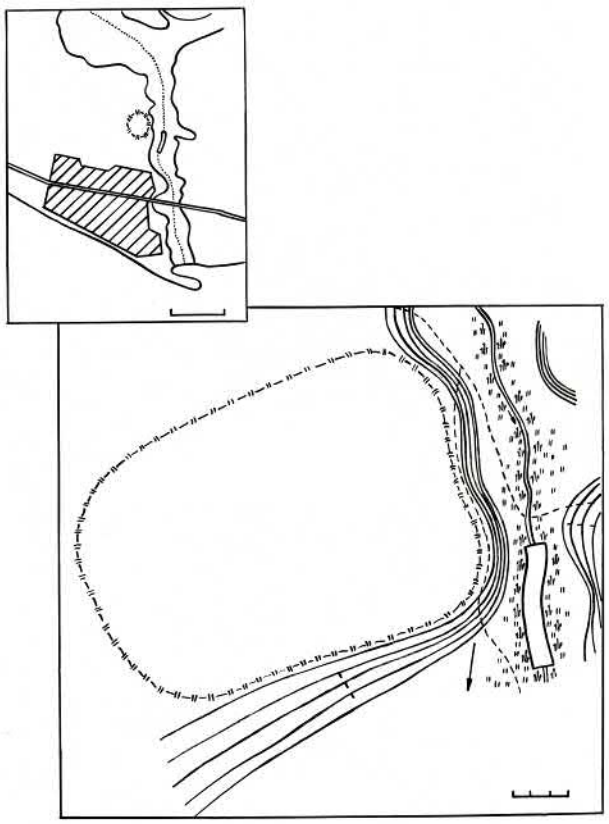


Рис. 7. Безыменное. Планы жилых построек.

Более перспективными в дальнейших исследованиях для определения характеристики этой территории можно считать памятники, расположенные юго-западнее г. Мариуполя, у с. Иличевское. Здесь, по-видимому, находилось большое поселение и торговая фактория, на что указывают находки пифоса (Кириенко, 1970, с.273-274) и остатки каменных конструкций и разрушенное сооружение с большим количеством боя амфорной посуды (Швецов, 2000, с.76). Интересные материалы могут дать планомерные и широкие работы на памятнике «Скеля», открытом А.А. Кротовой в 1972 году в Володарском районе, а также на поселении с сохранившимися оборонительными сооружениями в среднем течении р. Кальмиус, напротив с. Красный Октябрь (открытым А.И. Приваловым), и обследованным автором в 2009 году.

Приведенные нами археологические материалы подтверждают данные письменных источников о распространении племен прото- и проболгар в Северном Приазовье с VI-VII до X-XI веков. На сегодняшний день археологическими источниками, характеризующими ранний период, эпоху становления и существования Великой Болгарии, являются в основном отдельные погребения, находки изваяний [изваяние из кургана (?) у с. Пикузы является частью несохранившегося святилища, разрушенного в дальнейшем. По объяснению местных жителей и учителя сельской школы, после разрушения каменной насыпи (сооружения), в центре которого стояло изваяние, жители и школьники находили здесь много костей животных и фрагменты лепной керамики], амулетов, украшений и керамический материал, собранный на местах кочевий. Последующий период – эпоха Хазарского каганата – в Приазовье представлен материалами археологических раскопок кочевий с жилыми, хозяйственными (Бердянское, Безыменное) и даже культовыми сооружениями (Безыменное) (Гриб, 1987, с.92-93; Швецов, 2000) (рис. 7). Памятники данного типа, как

Рис. 8. Безыменное. Хозяйственная яма и жернова.

мы уже отмечали, распространяются на север в верховья рек Кальмиуса, Клебан-Бык, выходящими своими истоками к Донецкому кряжу. Севернее, за склонами Донецкого кряжа, к меловым берегам Северского Донца, распространены древности, оставленные проболгарским населением, проживавшим на землях Подонцовья.

Специфика важности региона Среднего Подонцовья обусловливается рядом причин, среди которых большую роль играют факторы пространственно-территориальные (граница биоценозов), экономические (трассы торговых путей), а также сырьевые базы (Швецов, 1997, с.70-72; Швецов, 2006). По-видимому, следствием указанных условий можно считать наличие здесь компактной группы больших укрепленных поселений, занимающей небольшой участок среднего течения реки Северский Донец от места впадения р. Оскол до места впадения р. Казенный Торец. Общая протяженность этого участка не превышает 50 км. Здесь находятся не менее девяти городищ: у пос. Райгородок; у пос. Донецкий, «Царино городище» (рис. 9), у с. Маяки; у с. Сидорово; у с. Татьяновка; у г. Святогорск, у с. Богородичное (Теплинское городище) Славянского р-на Донецкой обл.; пос. Кировск и с. Новоселовка-Дробышево Краснолиманского р-на Донецкой обл. Вокруг этих памятников сосредоточено значительное количество неукрепленных поселений, расположенных чаще всего в поймах и на небольших террасах (Зливки, Иличевка, Лиманское Озеро, Дробышево и др.).

Исследование нами в Подонцовье памятников типа Старица, датируемых третьей четвертью IV-VII вв., и открытие на них жилых сооружений кочевого населения VI-VII вв. (юрт) (вкладка рис. В1), дало возможность подтвердить представления о совместном мирном сосуществовании двух разных этнических групп; а также и о протоболгарском раннем жилище в регионе Подонцовья, указывающееся с аналогичными, но более поздними сооружениями в Приазовье (Бердянское, 1987). К сожалению, погребения VI–VII вв. эпохи становления протоболгар на данных землях исследованы единично [Городцов, 1905; Дневник архива, с.64). Одним из результатов мирного сосуществования протоболгар и пеньковцев в Подонцовье становится появление в VII–VIII веках на пограничье степи и лесостепи населения, материальная культура которого несет в себе черты, свойственные как первым, так и другим. Это будет характерно в дальнейшем и для более северных лесостепных территорий, где проживало население с более сложным этническим составом (Аксенов, Тортика, 2006, с.96).

Принято считать, что археологические исследования проболгарских древностей Подонцовья, ставших классическими, начались с раскопок В.А. Городцова на берегу Чернецкого

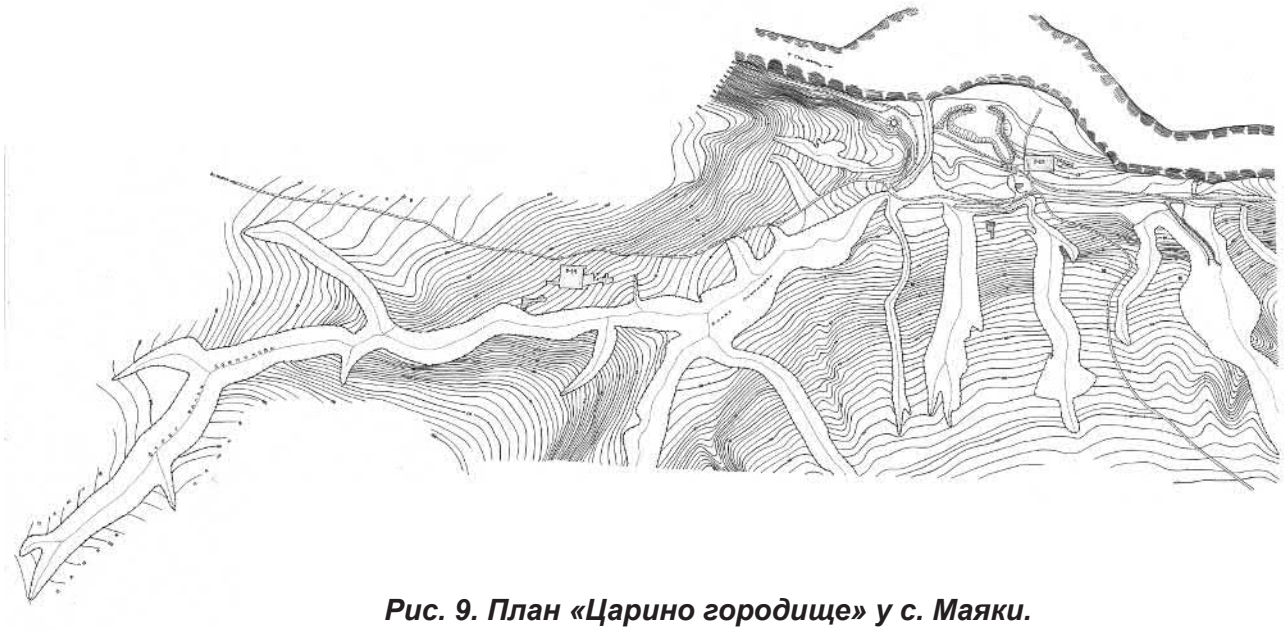


Рис. 9. План «Царино городище» у с. Маяки.

озера у хут. Зливки (Генинг, 1989, с.249-252). Открытие самих захоронений, по-видимому, принадлежит Отцу Спесивцеву (Швецов, 1990, с.111; Швецов, 2003, с. 109), выявившему отдельные захоронения и могильники в Подонцовье в конце XIX – начале XX века. Нельзя не отметить также полевые изыскания (разведки) А.И. Абрамова (г. Славянск) и известного исследователя Подонцовья Н.В. Сибилева, опубликовавшего «Древности Изюмщины». Очень интересны и важны исследования, проведенные Г.Г. Афендиком в Ложниковом Яру на Царином городище у с. Маяки в 1936, 1940 годах. Материалы сохранились в архиве В.К. Евсеева (Евсеев, 15-1-1949) в Мариупольском краеведческом музее (Материалы архива представлены археологом Мариупольского краеведческого музея Л. Кучугурой) (Рис. 10). В послевоенные годы В.К. Евсеев вновь возвращается к обследованию проболгарских памятников в Подонцовье (Евсеев, 15-1-1949). В 50-60 годы XX столетия основное направление изучения болгарских древностей ведет М.Л. Артамонов. Широкие исследования М.И. Артамонова древностей проболгар в Подонье и восточном Приазовье в той или иной мере касались и памятников Подонцовья. Широкая и многообразная историография этих исследований хорошо известна и, как мы понимаем, не нуждается в повторении. Велись исследования не только Саркела и прилегающих территорий Нижнего Подонья, но и междуречья Дона и Донца, Оскола. Это дало уникальные материалы, позволившие И.И. Ляпушкину характеризовать древности проболгар Подонья, Подонцовья в Трудах Волго- Донской экспедиции, включившей памятник у с. Маяки в число древностей салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дон (Плетнева, 1967, с. 149).

В 60-х годах проболгарские древности Подонцовья и могильники Зливки раскапывала С.А. Плетнева (Плетнева, 1957, 1956/1230; Плетнева, 1967, с.92-95). Ею же во время работ советско-болгарской экспедиции АН СССР в 1956 году, был обследован археологический комплекс у с. Маяки. В своей монографии она отмечает, «что по научному интересу это городище нисколько не уступает котлубанским. На его поверхности ясно прослеживаются зольные пятна... и по-видимому, неукрепленное поселение, размеры которого равны городищу (рис.9). Поселение в целом, судя по подъемному материалу, двухслойное» (Плетнева, 1967, с.22). Исследовали проболгарские древности в регионе Д.Т. Березовец в 1962 году, Б.А. Шрамко в 1961 году. Б.А. Шрамко, осмотрев городище у с. Маяки, характеризовал его как неукрепленное поселение. По-видимому, в этих разведках участвовал

Рис. 10. Маяки. Погребение из архива В.К. Евсеева.

и В.К. Михеев, посвятивший свои дальнейшие исследования памятникам проболгар Подонья и Подонцовья (Михеев, 1985). Особое внимание уделено им «Царину городищу» (Маяки). Исследование памятника необходимо связывать с его работами в 1963-1968, 1971 гг. городищах и могильниках. Уже в начале работ, в 1963 г., на склоне вала на глубине 30 см со стороны городища им были вскрыты разрушенные человеческие скелеты. «На площади 9 кв. м были обнаружены 4 человеческих скелета, плохой сохранности. Расположены они вдоль вала, на его глиняной основе, в различных позах» (Михеев, 1963, с.6, 8). В полевой сезон 1964 года в раскопе IX В.К. Михеевым вновь открыты и исследованы отдельные захоронения, определенные им как «погребения не стационарного могильника, а как захоронения погибших, лежащих длительное время на поверхности». В слое памятника был найден дирхем. По мнению В.К. Михеева, «памятник близок Карноуховскому поселению» (Михеев, 1964, с.7; табл. IV; Михеев, 1989, с.22). В 1965 году В.К. Михеев продолжает работы «в северных границах городища» и раскопки могильника. Изучено более 20 погребений. Интересно, что на фотографиях хорошо видно положение умерших на левом боку и лицом к югу (Михеев, 1965, с.2-25; фото с.XXXIII, XXXVII]. Автор раскопок сравнивает раскапываемый им могильник со Зливкинским (Михеев, 1985, с.25). Исследования памятника в 1966 году, как отметил В.К. Михеев, «убедили в том, что, кроме основного могильника, к востоку от городища и к югу от него имеется еще один могильник, расположенный на селище». Всего на памятнике, по его мнению, находилось 4 могильника (Михеев, 1966, с.12), в то же время «отдельные погребения и их группы как бы сжимают кольцом площадь городища» (Михеев, 1966, с. 16). Появление погребений на селище, по мнению В.К. Михеева, «можно связывать с сокращением площади поселения после разгрома. А могилы с раскопа VI являются более поздними по сравнению с основным могильником» (Михеев, 1966, с.20). Работы на могильнике были продолжены и в 1968 году. На раскопе XX исследовано 7 могил: 5 (п.25-29) захоронений по христианскому обряду и 2 (п. 30-31) по языческому (Михеев, 1968, с.21-24; табл. XIX, XXII, в, з). Работы на Маяках 1971 года не включены в научные отчеты В.К. Михеева. Они частично вошли в вышедшую в 1985 году монографию. Он пишет: «Вокруг поселения зафиксировано несколько групп погребений. Планировка поселения такова, что отдельные погребения и их группы как бы сжимают кольцом площадь городища» (Михеев, 1985, с. 16). Автор указывает на их этническое и хронологическое разнообразие. По его мнению, «могильник 1 – (сер.VIII – нач. IX в.) антропологический тип погребенных – короткоголовый» (Михеев, 1985, с. 16). Могильник 2 датируется 1-й третью IX века. «Захоронения могильника представляют особую группу, и для них характерны обряд трупосожжения и наличие комплексов вещей, отдельно сложенных в тайниках. Такие трупосожжения относятся к коллективным захоронениям воинов-всадников» (Михеев, 1985, с. 16). «Могильник 3 (IX век) представлен погребенными, принадлежащими к короткоголовому антропологическому типу» (Михеев, 1985, с.17-18).

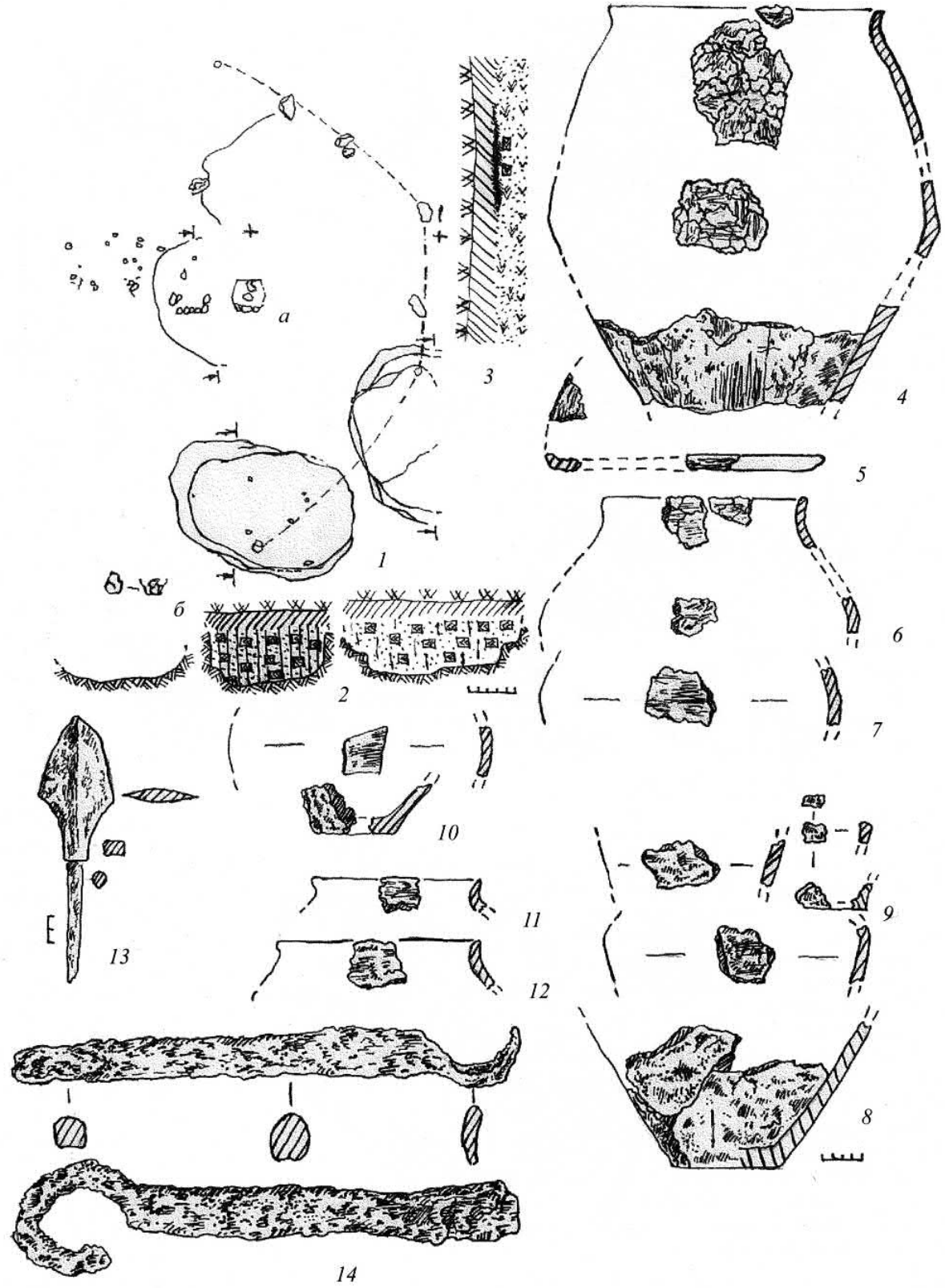


Рис. 11. Поселение "Старица".

1-3. *Круглое сооружение с очагом в центре.* ***4-12.*** *Керамика из данного сооружения.*
13. *Наконечник стрелы,* ***14.*** *Фрагмент удил из слоя.*

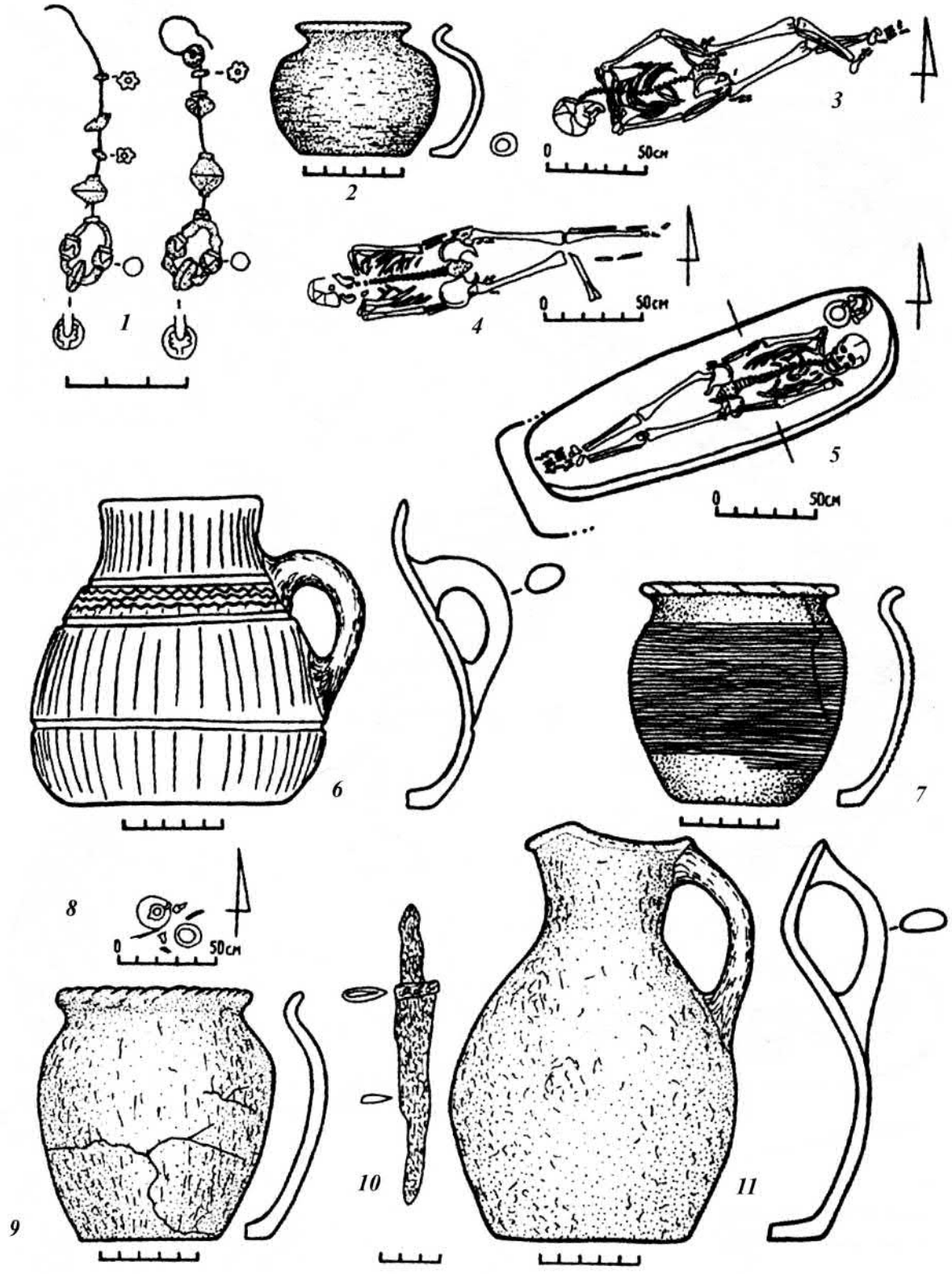


Рис. 12. Захоронения и находки в могильнике Серебрянское.
1-3. *Погребение 6. (1 Бронза, серебро).* ***4.*** *Погребение 7.*
5-7. *Погребение 8.* ***8-11.*** *Погребение 9. (8; 10 Железо).*

Могильник 4, расположенный на крутом склоне южного края городища у Ложникова Яра, относится к более позднему периоду существования поселения. Открыты 18 погребений в узких ямах, размерами 110х40 см или 119х20 см, в вытянутом положении на спине или на правом боку, головой на юго-запад и запад. Безынвентарны. «Погребения могильника 4 не относятся к салтово-маяцкой культуре. Их поздняя датировка подтверждается стратиграфическими данными (могилы с дневной поверхности перерезают салтовский культурный слой нижнего посада), а так же, наличием в подъемном материале обломков чугунных котлов, и золотоордынских монет XIV в., в частности Абдаллах-хана (1362-1369 гг.» (Михеев, 1985, с. 18).

Краткий анализ полевых исследований В.К. Михеева на Маяках, представленный в его монографии (Михеев, 1985; Михеев, Копыл, 1989), дает возможность говорить о том, что многослойный памятник у с.Маяки («Царино городище») представляет собой укрепленное земляными валами городище с разными типами жилых, хозяйственных и ремесленных сооружений и окружающими его могильниками. «Захоронения в могильниках относятся не только к разным, сменяющим друг друга хронологическим периодам, но и с обрядом разных конфессиональных групп и разных антропологических типов погребенных» (Михеев, 1985, с.16-18; Михеев, Копыл, 1989, с.50-53).

С 1967 года на участках частично разрушенного строителями могильника между с. Маяки и пос. Донецким начинает копать С.И. Татаринов (Татаринов, Копыл, 1981) и др. После 1971 года на памятнике периодически появлялись и копали В.Ф. Клименко, С.И. Татаринов и местные краеведы. Нельзя не отметить исследования К.И. Красильникова, изучавшего памятники бассейна левобережья Северского Донца в течение многих лет (Красильников, 1990; Красильников, 2009). Необходимо сказать, что исследуемый им регион имеет специфические зональные и топографические условия, что находит своеобразное проявление в археологических памятниках проболгар, населявших лесостепь и степь между Приазовьем и Подоньем (Красильников, 2009). В 1981 году С.А. Плетнева в своей обобщающей статье «Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья», анализируя известные ей археологические источники, на основе особенностей погребального обряда выделяет пять групп болгарских могильников на данной территории (Плетнева, 1981, с.10-13; рис.2). Подводя итоги исследованию жилых сооружений, типов поселений и кочевий, С.А. Плетнева выделяет определенные признаки проболгарских древностей Подонья и Приазовья. Автор отмечает, что «несмотря на выделение нами достаточно выразительных признаков собственно проболгарской культуры, следует помнить, что ни одна из выявленных или намеченных характерных болгарских черт, взятая в отдельности, не может служить определением этнической принадлежности памятника» (Плетнева, 1981, с.14).

Увеличение возможностей и усовершенствование методов полевых исследований дали новые данные для изучения погребального обряда ямных могильников. Публикация ранее исследованных материалов погребений, составление общих хронологических построений для эпохи раннего средневековья степей Восточной Европы во многом изменили и дополнили подход к методологии исследования. Обобщающая работа С.А. Плетневой к началу 90-х годов стала своеобразным завершением предыдущего этапа исследований (Плетнева, 1981). К этому времени стало ясным отсутствие однородности в погребальном обряде даже отдельных зливкинских могильников (рис. 12), что хорошо было проиллюстрировано на примере могильника Зливок (Швецов, 1990). Тогда же вновь встал вопрос о конфессиональной и обрядовой неоднородности не только погребений крымских памятников (И.А. Баранов, И.А. Айбабин), но и могильников Подонцовья, Подонья, поставленный О. Иченской-Пархоменко (Иченская, 1981) и Г.Е. Афанасьевым. Возникла необходимость в

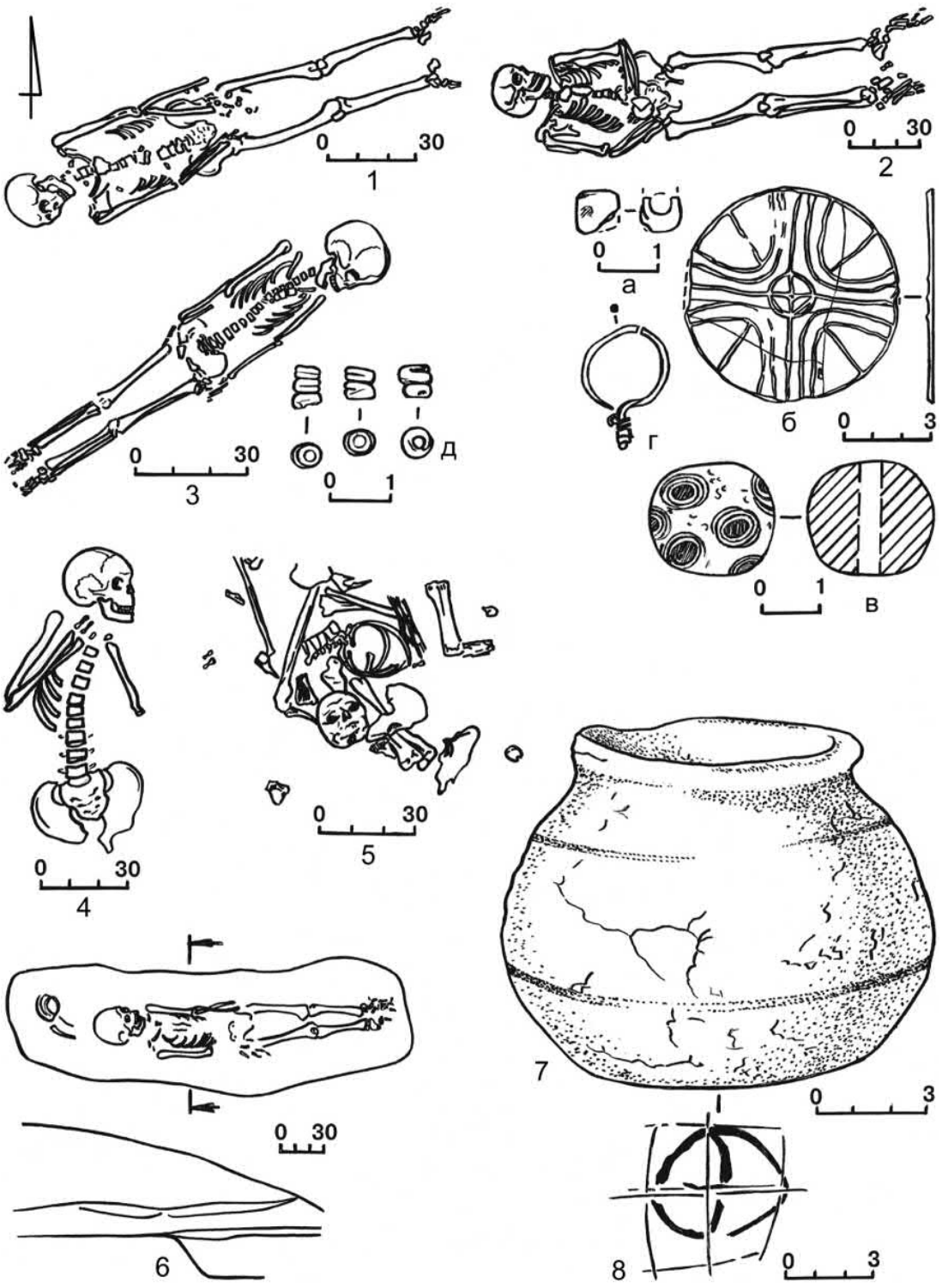


Рис. 13. Могильник Иличевка. Планы погребений и инвентарь.

1. *Погребение 1.* ***2.*** *Погребение 2 (а – фрагмент бусины, б – зеркало, в – фрагмент серьги, г – глазчатая бусина).* ***3.*** *Погребение 3 (д – бусины из погребения 3).*
4. *Погребение 4.* ***5.*** *Погребение 5.* ***6.*** *Погребение 7.*
7. *Кубышка из кв. 12а (погребение 7 (?).*
8. *Клеймо на дне кубышки.*

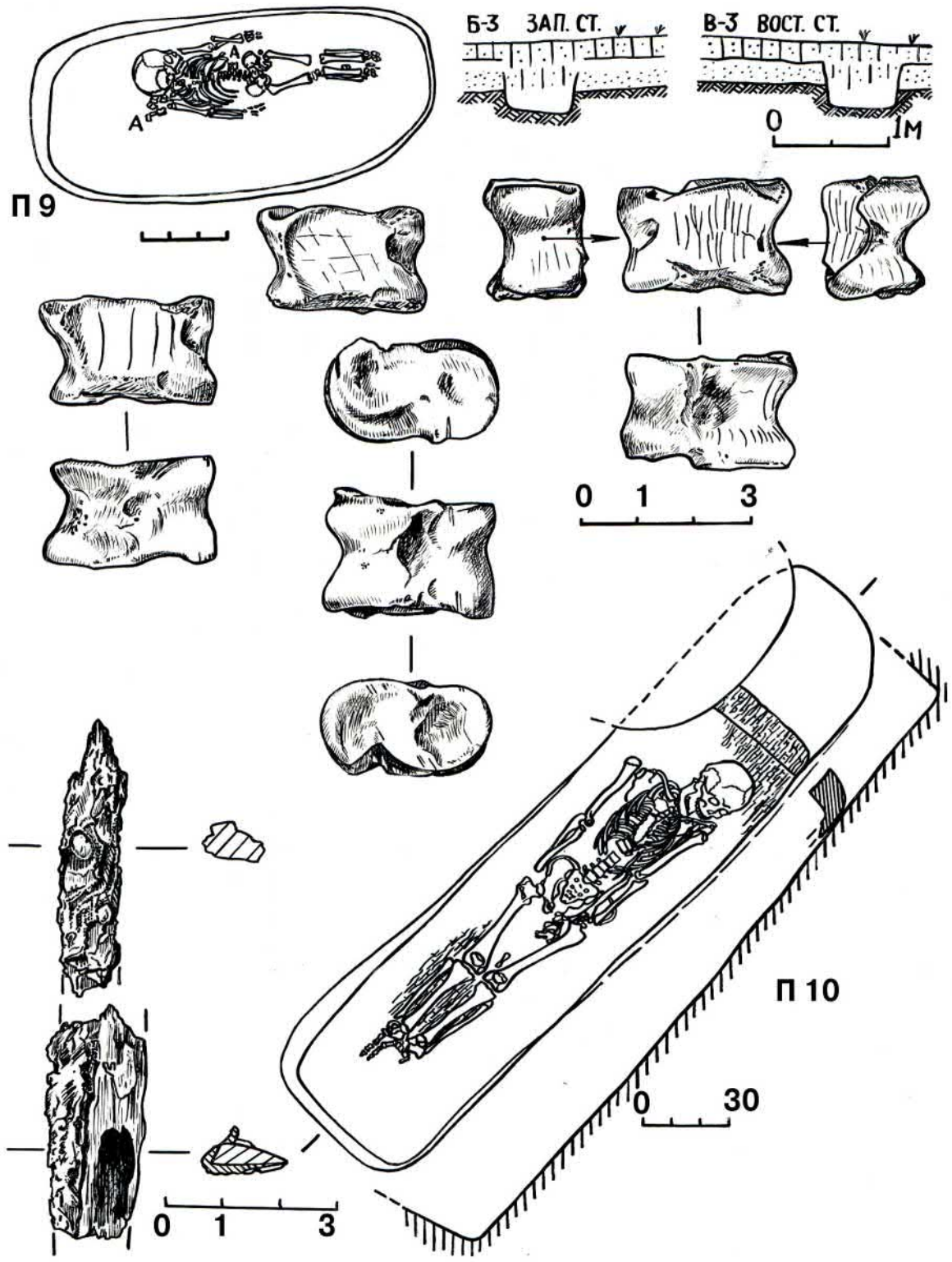


Рис. 14. Могильник Иличевка. Погребения 9, 10.
1. *Погребение 9 (а – астрагалы).* ***2.*** *План погребения 10 (б – нож?).*

постановке проблемы объяснения как отдельных элементов обряда (идея В.С. Флерова.), так и появления неоднородности погребальных обрядов, отражающих, по-видимому, не только хронологические, конфессиональные, социальные, половозрастные, но и другие факторы. Возможно, это и проявилось уже в своеобразном анализе проболгарских древностей спустя десятилетие в статье В.С. Аксенова и А.А. Тортики (Аксенов, Тортика, 2001, с.191-218). Рассмотрение исторических событий с привлечением археологических материалов могильников и отдельных захоронений дало возможность авторам говорить «о наличии захоронений, в которых достаточно четко прослеживаются черты тюркского, угорского и иранского (сарматского) погребального обрядов», что, по их мнению, «подтверждает данные письменных источников о достаточно пестром этническом составе населения на границе степной и лесостепной зон» (Аксенов, Тортика, 2001, с.211).

К столетию исследования могильника Зливки В.А. Городцовым, нами была предложена краткая историография исследований и анализ погребального обряда могильников зливкинского типа (Швецов, 2003). Были изложены основные положения и направления дальнейших исследований с учетом социальной градации могильников: сельские (типа Зливки), могильники поселений (типа Желтое, Рогалик) и городищ (типа Маяки, Сидорово), а в дальнейшем – в связи с ростом экономических условий – переросшие в городские. Могильники Саркела должны быть выделены в отдельную категорию. Отдельно должны рассматриваться разновременные могильники как памятники смешанного кочевого и оседлого населения. К памятникам такого типа, по-видимому, необходимо отнести, рассматриваемый нами комплекс (Царино городище) около с. Маяки, на Северском Донце. В материалах этих исследований хорошо видна специфика формирования самого памятника от небольшого поселения конца VII – середины VIII вв., со смешанным населением Пеньковского и зливкинского типа, в крупное городище с системой оборонительных укреплений IX-XI столетия. Материалы, представленные хронологическим периодом XIII – третья четверть XIV века, дают возможность классифицировать этот памятник как крупный ремесленно-торговый объект – город, сформировавшийся на трассах Великого шелкового пути. Различие погребальной обрядности могильников указывает на поликонфессиональность его населения: язычники, христиане, мусульмане и, по-видимому, иудеи. Интересен факт нахождения на памятнике захоронений, совершенных по христианской обрядности. Это не только вытянутые, лежащие на спине головой на запад погребения, но и отдельные элементы в обряде, положении рук, и ног (рис.15). Хронологию существования погребений данного типа на памятнике из-за отсутствия в них находок трудно соотнести с определенным временным периодом. Однако необходимо отметить их стратиграфическую последовательность после ранних захоронений по зливкинскому обряду, первых двух типов ингумаций и комплексов кремаций. Косвенным указанием на время бытования захоронений данного типа могут являться прямые аналогии им в обряде могильника Зливки-II, датируемые XI-XII веками. Основой для датировки и определения христианской принадлежности погребенных в могильнике «Зливки» являются два «шитых золотом воротника-ожерелья, шириной 35 см. Один из синего, другой из чревчато-красного шелка, византийского происхождения XI-XII вв.». На погребенных (п. 5; п. 21) зафиксированы фрагменты древнерусской и византийской парчи, украшенной христианской символикой (Швецов, 1990, с.120-121; рис.VI) (вкладка рис. В2). Подтверждением наличия христианского населения на Маяках являются, по-видимому, находки христианской культовой атрибутики XI-XIII вв.: нашивной золоченый медальон с изображением Св. Николая, выполненного в технике перегородчатой эмали, шиферная иконка с изображением Св. Николая и Семи Спящих Отроков Эфесских (Шамрай, 1995,

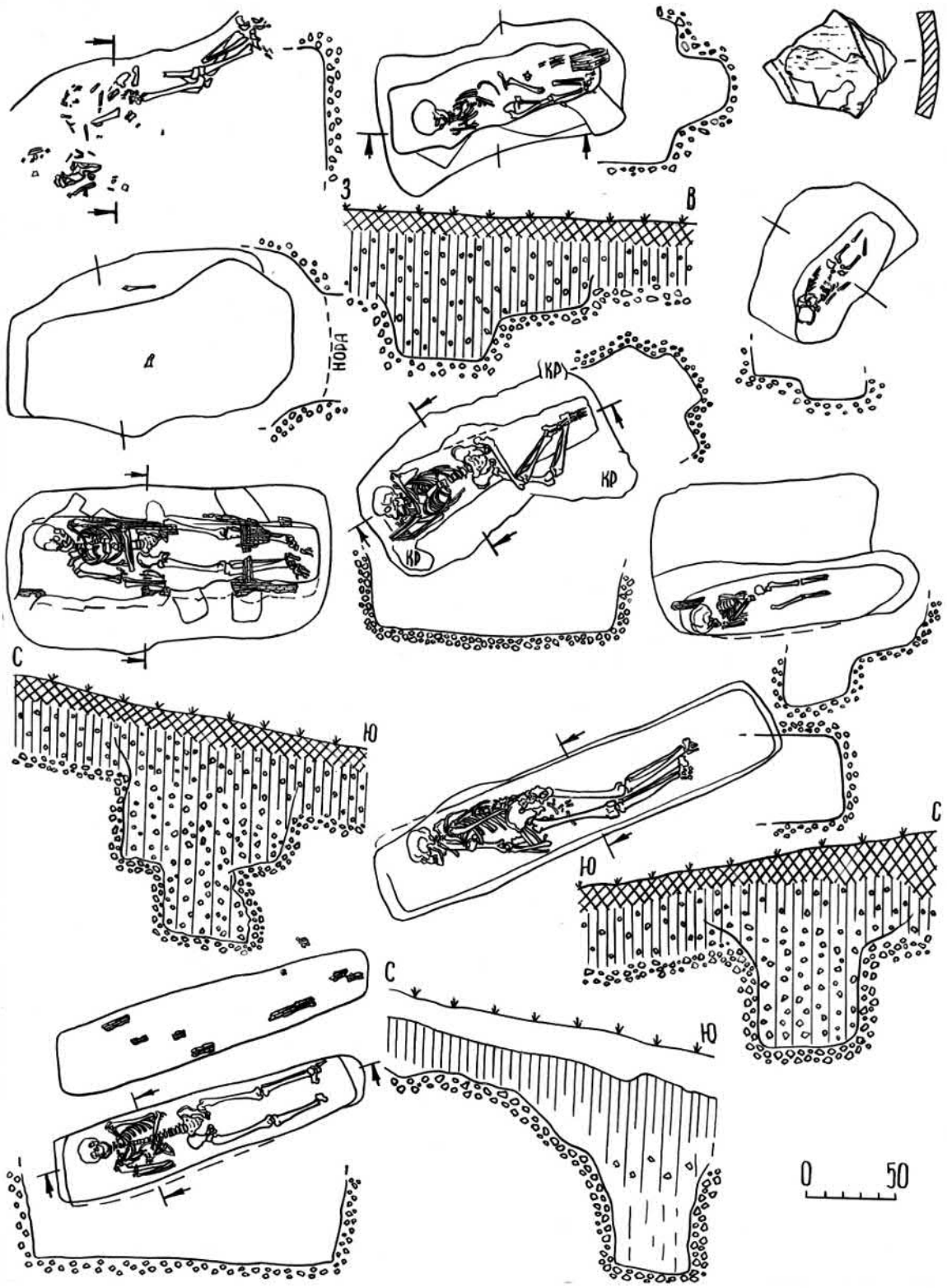


Рис. 15. Христианские захоронения могильника «Царино городище».

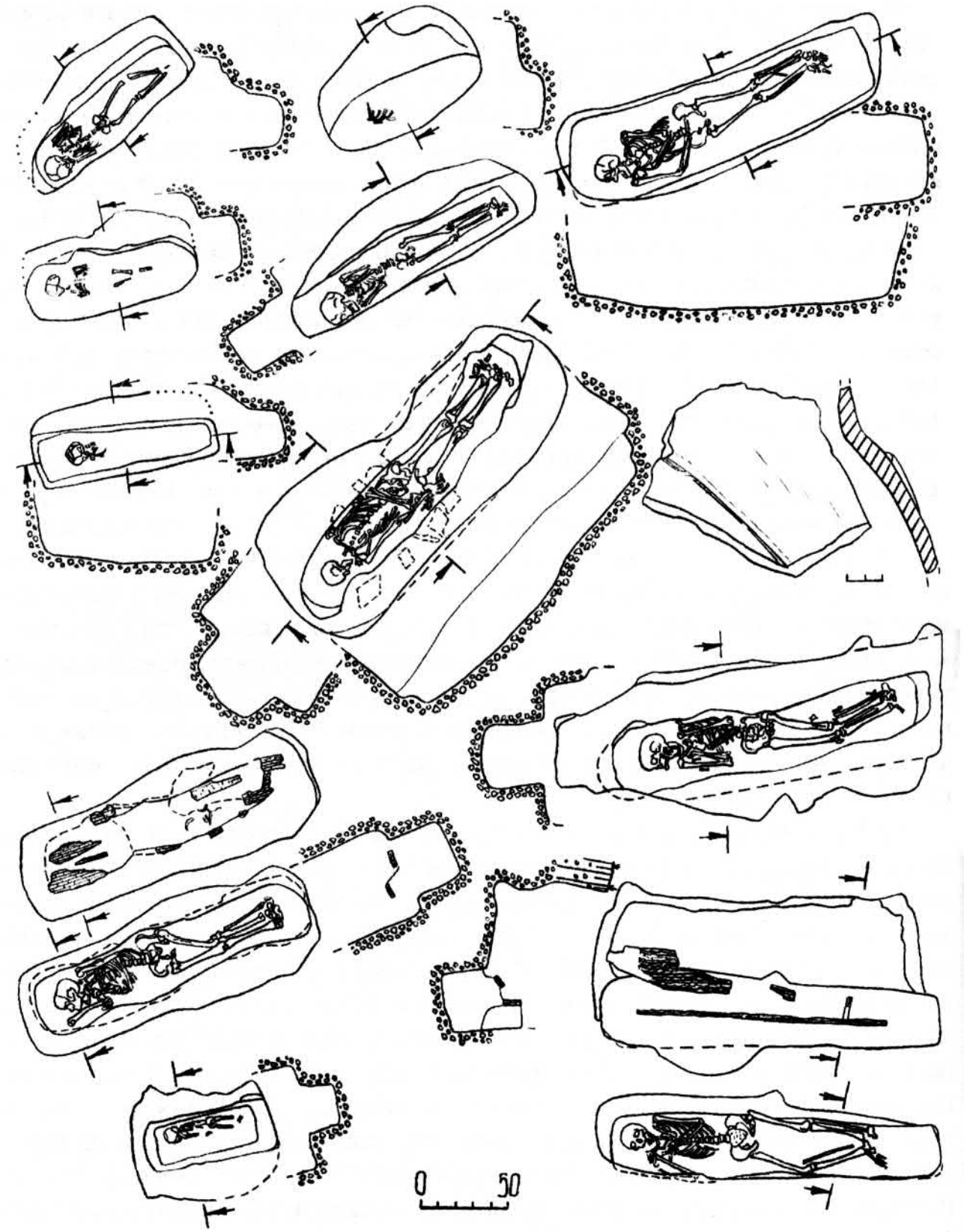


Рис. 16. Могильник «Царино городище». Захоронения по мусульманскому канону XIII-XIV вв.

с.67-70). К тому же, как мы уже отмечали, В.К. Михеев в 1968 году исследовал 7 могил: 5 (п.25-29) захоронений по христианскому обряду и 2 – по языческому (п. 30, 31) (Михеев, 1968, с.21-24; табл.XIX, XXII, в, з). Еще одним важным аргументом принадлежности части погребений из могильников Царина городища к христианам можно считать значительное количество находок нательных крестов и крестов-энколпионов, обнаруженных на памятнике местными краеведами (Шамрай, 2009, с.56-58; рис.1, 3; Шамрай, 2010, с.50-53, рис.1). По их мнению, «к хазарскому времени функционирования городища относятся два предмета: стеклянная вставка с выгравированным схематическим изображением Святого Георгия на коне и каменная иконка (литейная форма?) с изображением змеевика и креста с расширяющимися и закругленными концами» (Шамрай, 2010, с.49). Остальные находки авторы относят к XI-XII вв. и считают, что они, возможно, связаны с известными походами русских князей на половцев (Шамрай, 2009, с.57-59).

Последующий этап средневековой эпохи данного региона представлен захоронениями по мусульманскому обряду. Так, общий анализ погребений 5 могильников, исследованных на двух памятниках Подонцовья: Царино городище у с. Маяки и могильники у с. Сидорово дают возможность выделить характерные черты погребального обряда захоронений, относящихся к эпохе Золотой Орды.

Топографически захоронения мусульманского кладбища расположены наклонными рядами вниз по склону с севера на юг (Маяки) и «неправильными рядами, вытянутыми вдоль по склону» (Сидорово).

Конструктивно погребальные сооружения отличаются одно от другого формами могильных ям и способами погребения умерших. Выделяются три типа погребальных ям: простые ямы с прямыми стенками, с боковыми уступами (заплечиками) вдоль сторон и ямы с подбоями.

Основным, явно преобладающим типом могильного сооружения (до 70%) являются ямы с заплечиками, расположенными вдоль длинных и иногда коротких сторон. Конструктивно наличие заплечиков в захоронении могильника Сидорово взаимосвязано с формой деревянных конструкций. В случае неплотности грунта – «меловой крошки, в качестве замены им выступали деревянные гробовища». В отличие от захоронений могильников «Царина городища», деревянные конструкции присущи почти всем погребальным конструкциям могильника Сидоровского комплекса. Конструктивные особенности деревянных сооружений в могилах в разных случаях имеют свою специфику: от «специальных пазов-подрубок для установки досок, до специальных конструкций, образующих двускатное перекрытие или гробовища без дна».

Процент взаимосвязи признаков положения умерших в разных видах ям дает разные результаты. Основная масса захоронений (до 80%) Сидоровского могильника уложена на правый бок или с разворотом на правый бок лицом к югу, в могильниках «Царина городища» этот элемент обряда составляет всего до 40%. Если в ямах с подбоями представлены в большинстве детские погребения, то в простых ямах захоронены взрослые. Есть и кенотафы. К тому же оба типа захоронений отличаются большим процентом отклонений от мусульманского погребального канона. Приведенные данные, характеризующие погребальный обряд могильников Подонцовья («Царино городища» у с. Маяки и могильников у с. Сидорово), дают возможность говорить об их принадлежности к захоронениям по мусульманскому обряду и о специфике их неоднородности. Разнообразие типов погребальных конструкций для захоронений по мусульманскому обряду отражает, скорее всего, не их хронологическую последовательность, ибо они все относятся к золотоордынской эпохе, а, по-видимому, разницу их этнической составляющей.

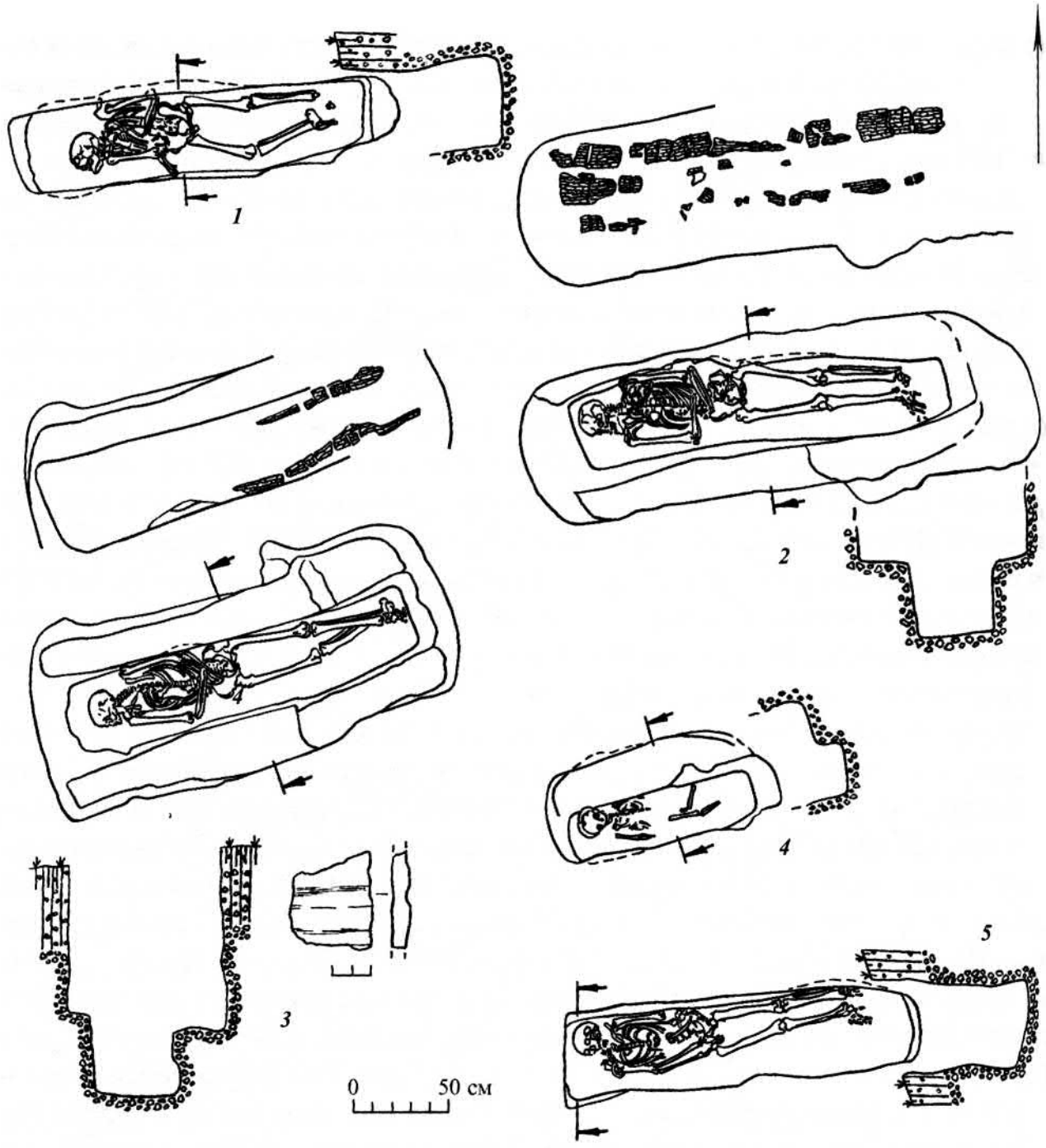


Рис. 17. Могильник «Царино городище». Захоронения в могилах с подбоем по мусульманскому канону.

1. *П.21, план и разрез.* ***2.*** *П.22, деревянное перекрытие, план погребения, разрез.*
3. *П.23, план перекрытия, план погребения, разрез, фрагмент керамики из заполнения ямы.*
4. *П.24, план и разрез.* ***5.*** *П.25, план и разрез.*

Рис. В1. Поселение Старица. Реконструкция раскопанной части памятника.

Рис. В2. Парча из христианских захоронений могильника «Зливки» XI-XII вв.

Предложенный анализ древностей Среднего Подонцовья дает возможность, как и в предыдущем случае, выделить не только разные хронологические периоды, но и показать смену хозяйственной направленности и социальной структуры населения данного региона. Формирование городских и сельских коллективов связано, по-видимому, с изменением в этническом и конфессиональном составе данного населения, что и прослеживается в антропологическом материале. Однако основной состав населения Среднего Подонцовья с VII по XI века представлен проболгарами эпохи Хазарского каганата. В дальнейшем, вероятно, здесь прослеживается инфильтрация степного (половецкого ?) и аланского компонентов в состав жителей региона. Подтверждением этому можно считать наличие в Среднем Подонцовье катакомбных могильников аланского типа – Райгородок, Кривая Лука.

Литература:

1. *Аксенов В. С., Тортика А.А. Протоболгарские погребения Подонья и Придонечья VIII-X вв.: проблема поливариантности обряда и этноисторической интерпретации // Степи Европы в эпоху Средневековья. Т. 2. – Донецк, 2001.*
2. *Аксенов В. С., Михеев В.К. Население хазарского каганата в памятниках истории и культуры. "Сухогомольшанский могильник VIII – X вв.// Хазарский альманах. Т.5. Харьков, 2006.*
3. *Артамонов М.И. Саркел – Белая Вежа // Материалы и исследования по археологии СССР Института Археологии. – № 62. – М.; Л., 1958.*
4. *Болгари Приазов'я. Історія та сучасність. Матеріали регіонального круглого столу. 22 грудня 2007 року. – Донецьк, 2007. – 105 с.*
5. *Генинг В. Ф. Некоторые вопросы периодизации этнической истории древних болгар // Ранние болгары в Восточной Европе. – Казань, 1989.*
6. *Городцов В.А. Материалы археологических исследований на берегу Донца Изюмского уезда Харьковской губернии // Труды XII АС. Т. 1. – М., 1905.*
7. *Гриб В.К. О населении северо-восточного Приазовья в VIII-X вв. (К постановке проблемы) // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе: Тезисы докладов обласного научно-практического семинара. – Донецк, 1987. – С. 92-93.*
8. *История Болгарии / Под ред. П.Н. Третьякова. Т. 1. – М, 1954.*
9. *Иченская О.В. Об одном из вариантов погребального обряда салтовцев по материалам Нетайловского могильника // Древности Среднего Поднепровья. – Киев, 1981.*
10. *Евсеев В.К. Заметки о Маяцком городище и меловой скульптуре, ф.р.486 (BF4p № 486, 15-1-1949.*
11. *Кириенко О.Я. Первая находка пифоса на юге Донецкой области // Археологические открытия. – 1970. М, 1971.*
12. *Красильников К.И. О некоторых вопросах погребального обряда проболгар Среднедонечья // Ранние болгары и финноугры в Восточной Европе. – Казань, 1990.*
13. *Красильников К.И. Бурджане (булг-р) степного Подонцовья в составе Хазарии // Степи Европы в эпоху Средневековья. Труды по археологии. Т. 7. – Донецк, 2009.*
14. *Кучугура Л.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в устье р. Кальмиус (по материалам П.М. Пиневича и Н.Е. Макаренко) // Донецкий Археологический сборник. – Донецк, 1998. – № 8. – С. 41-58.*
15. *Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского Каганата. – Харьков, 1985.*
16. *Михеев В.К. Отчет о раскопках поселения и могильника салтовской культуры у с. Маяки летом 1965 г.// НА ИА НАНУ. Ф.е. 4331 (альбом), 4430.*

17. Михеев В.К. 1966. Отчет об археологических раскопках у с. Маяки Славянского района Донецкой области в 1966 г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 4793; 4794.
18. Михеев В.К. Отчет об археологических исследованиях поселения салтовской культуры у с. Маяки в 1968 г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 5242, 5243.
19. Михеев В.К., Копыл А.Г. Средневековые поселения и могильники Подонцовья. Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе: Тезисы докладов обласного научно-практического семинара. – Донецк, 1989. – С. 50-53.
20. Михлин Б.Ю. Отчет о работе Азовского отряда Донецкой экспедиции в 1971 г. // НА ИА НАНУ ф. э. /1972. – С. 11-14.
21. Михлин Б.Ю. Гуннский амулет из Мариупольского музея // Археологія. – 1971. № 14
22. Михеев В.К. Результаты археологических работ на Маяцком городище в 1963 г.// НА ИА НАНУ. Ф.е. 4182. 1963
23 Михеев В.К. Отчет об археологических раскопках поселения у с. Маяки в 1964 г.// НА ИА НАНУ. Ф.е. 4328. 1964
24. Плетнева С.А. Отчет о работе Северско-Донецкого отряда Советско-Болгарской экспедиции в 1956 г.// Архив ИА АН СССР, ф.I, 1957/1446
25. Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтовская культура // МИА. – 1967. – № 142.
26. Плетнева С.А. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья // Плиска – Преслав. Материали от българо-съветската среща. Т. 2. – Шумен, 1976, София, 1981.
27. Постников С., Быкова Я. Матеріали доби середньовіччя поселення Віровка у центральному Донбасі. Тези доповіді. – Донецьк, 1999 р.
28. Сибилев Н.В. Маяцко-Сидоровская культура ф.5 с.59., Изюмщина р. Сев. Донец ф.5 с. 128. 129, ф.5 с. 131, 142, 151 а.
29. Дневник Н.Сибилева за 1924 г., с.123 «у Райгородка могильник Городок, хазарського времен (?)
30. Татаринов С.И., Копыл А.Г. Дроновские древнеболгарские могильники на р. Северский Донец // СА. – 1981. – № 1.
31. Флеров В. С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. – М, 1996.
32. Шамрай А.В. Каменная иконка с Царина городища // Материалы научно-практического семинара, посвященного 15-летию Славяногорского историко-архитектурного заповедника. – Святогорск, 1995
33. Шамрай А.В., Соловкин А.А., Филиппов А.П. Средневековые христианские древности в среднем течении Северского Донца // Святогірський альманах. – Донецьк, 2009.
34. Шамрай А.В., Соловкин А.А., Филиппов А.П. Христианское население среднего течения Северского Донца в X-XIII вв. // Святогірський альманах. – Донецьк, 2010.
35. Шаповалов Т.А. Дневник раскопок Северодонецкой археологической экспедиции ДонПИ. Раскопки поселения эпохи бронзы у с. Иличевка в Краснолиманском районе на берегу Сев. Донца, 1968. – С. 21-23, 64.
36. Шаповалов Т.А. Отчет об археологических раскопках в 1970 г. // Архив ИА. – Ф.э. 5802. 12 с.
37. Шаповалов Т.А. Отчет об археологических раскопках в 1971 г. // Архив ИА. – Ф.э. 7078-79. 20 с.
38. Ходжаев Т.К., Швецов М.Л., Ходжаева Г.К., Фризен А.Ю. Археология и антропология населения Подонцовья эпохи Золотой Орды (по материалам могильников у с. Маяки на Северском Донце) // Материалы Международной научно-практической конференции «Проблемы комплексного изучения древних и современных популяций человека». – Минск, 2010.
39. Швецов М.Л. Стела VI-VII вв. из Пикузы // СА. – 1980. – № 4.

40. Швецов М.Л. К вопросу о заселении Подонцовья в IV-XIII вв. // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Тезисы докладов областного научно-практического семинара. – Донецк, 1987. – С. 96-98
41. Швецов М.Л. Средневековые безкурганные могильники на территории Донбасса // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Тезисы докладов областного научно-практического семинара. – Донецк, 1989. – С. 53-55.
42. Швецов М.Л. Могильник Зливки // Проблеми на прабългарската история и култура 2. Трета международна среща по праболгарската археология. – Шумен, 1990.
43. Швецов М.Л. Проблемы взаимоотношения степного и лесостепного населения в эпоху раннего средневековья. // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (Вопросы хронологии). – Самара, 1997.
44. Швецов М.Л. Раннесредневековые древности Приазовья и проблема возникновения города в низовьях реки Кальмиус // История г. Мариуполя. 2000.
45. Швецов М.Л. Об одной из причесок эпохи средневековья. Культура Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). – Самара, 2001.
46. Швецов М.Л. Могильники зливкинского типа // Тезисы конференции, посвященной 100-летию деятельности В.А. Городцова. Ч. II. – М., 2003.
47. Швецов М.Л. Взаимоотношения степного и лесостепного населения в эпоху раннего средневековья (на примере Подонцовья – Приазовья) // Археологическое изучение Центральной России (материалы конференции памяти В.П. Левенка). – Липецк, 2006.
48. Швецов М.Л. Об антропоморфных амулетах и изображениях гуно-болгарского времени из Северного Приазовья // Материалы Пятой Кубанской археологической конференции. – Краснодар, 2009. – С.431-434.
49. Швецов М.Л., Литвиненко Р.А. Могильник эпохи Средневековья у с. Иличевка в среднем течении р. Северский Донец // Проблемы охраны и изучения памятников археологии степной зоны Восточной Европы: Сборник памяти В. Самойленко. – Луганск, 2010. – С. 229-240.
50. Швецов М.Л. Новогригорьевское погребение и этническая ситуация в Приазовье в IV–VIII вв. // Культура евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия. – Самара, 2010.

Список сокращений:

ИА АН СССР *– институт археологии Академии наук Москва*
ИА АН УССР *– институт археологии Академии наук Украины*
МИА *– Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.*
СА *– Советская археология*
ТРХIIАС *– Труды XII археологического съезда*

Abstract

M.L. Shevtsov

Bulgarians of Priazovye and Podontsovye of VII-XIV centuries

The article provides the data on archeological ancientry of proto-bulgarians on the territory of Northern Priazovye and Podontsovye. There have been considered the camping-grounds, dwellings, fortified settlements, towns of Podontsovye according to the archeological classification of artefacts. There were found the camping- gronds (Berdyanskoye), dwellings (Verovka II) and apparently trading stations (Ilichevskoye) in Priazovye.

Т.К. Ходжайов, М.Л. Швецов, Г.К. Ходжайова, С.Ю. Фризен

НАСЕЛЕНИЕ ПОДОНЦОВЬЯ ЭПОХИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКОВ У СЕЛА МАЯКИ)*

Этническая история оседлых и кочевых народов средневековой Восточной Европы тесно связана с процессами формирования населения Хазарского каганата, Волжской Булгарии, Дешт и-Кыпчак и Древней Руси, а также сложения большинства современных восточноевропейских народов. Комплексные археолого-антропологические исследования дают возможность не только выявить изменения морфологического и расового состава населения, но и решить вопросы палеодемографического, экологического и этногенетического характера. Золотоордынская эпоха Восточной Европы в результате больших исторических изменений характеризуется значительными миграциями, а часто и сменой населения, что находит отражение в археологических и антропологических источниках. К сожалению, материалы таких комплексных исследований недостаточно введены в научный оборот. Поэтому публикуемые данные о захоронениях Подонцовья этой эпохи являются весьма ценными для реконструкции материальной культуры, морфологии, антропологии, демографии, экологии указанного региона и Степи в целом. Целью данной статьи является анализ и систематизация археологических и антропологических материалов могильников, исследованных на одном из крупнейших памятников в среднем течении Северского Донца – "Царино городище" у с.Маяки. Структура статьи, обусловленная поставленной целью и задачами, включает историографический обзор исследования публикуемого памятника, краткую археологическую характеристику могильников, классификацию типов погребальных комплексов, их хронологическое членение, а также анализ и характеристики антропологического материала рассматриваемых могильников.

Памятник, на котором исследованы в 1989-1991 гг золотоордынские захоронения, датируется VII – 3-й четв.XIV века. Здесь, в среднем течении реки Северский Донец, на крайней южной границе со степью приречных и буерачных лесов, в зоне смены границ биоценозов степи и лесостепи (Артюшенко А.Т., 1970, с.156-159; Швецов М.Л., 2006, с.275-278), расположена группа укрепленных и неукрепленных поселений. На небольшом участке, длиной около полусотни километров, зафиксировано несколько городищ, среди которых археологический комплекс у с.Маяки является одним из наибольших. Памятник находится на высоком выступе правого коренного берега, состоящем из меловых выходов, местами изрезанных оврагами, с восточной стороны подрезан небольшой лощиной со стекающей к Донцу маленькой речушкой. С напольной южной и западной сторон хорошо прослеживаются остатки земляных оборонительных сооружений. Основной въезд на городище располагался с востока, из небольшой лощины, примыкавшей северной стороной к берегу Северского Донца, а южной – к напольному склону, изрезанному большими балками (рис.1). Это значительный по площади памятник, где "на распаханной поверхности встречается множество керамики, целые круглые жернова, железные мечи, кинжалы, топоры, наконечники копий, стрел,

* Опубликовано: Ходжайов Т.К., Швецов М.Л., Ходжайова Г.К., Фризен С.Ю. Население Подонцовья эпохи Золотой Орды (по материалам могильников у с. Маяки) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.11. – Донецк: ДонНУ. 2012. С. 125-192.

привлекавших к себе интерес местных жителей, в народной этимологии получивший имя «Царино городище»" (Багалей Д.И., 1890, с.36). Отдельные находки, происходящие с территории памятника, найденные местными жителями, попадали еще в середине XIX в. в музеи России. Начало обследования памятника и осмотр его В.Ф.Спесивцевым, по-видимому, нужно отнести к 3-й четв.XIX в.; найденные вещи из Маяк и Райгородка были переданы им в Эрмитаж и в Харьков. Тогда же последовала первичная интерпретация древностей памятника (Багалей Д.И., 1890, с.36-48). При проведении археологических работ в Бахмутском уезде в 1901-1902 гг памятник был осмотрен В.А.Городцовым, который отнес его к салтовским древностям (Городцов В.А., 1905, с.211). Уже в 30 гг XX в. Д.И.Багалей писал, "что полное сходство материальной культуры VI-IX вв. на Донце и Дону с одновременной культурой на Кавказе не позволяет отнести первую из них ни к кому иному, кроме тех же алан. Их присутствие на Донце и Дону вполне вероятно" (Багалей Д.И., 1930, с.86). И далее, ссылаясь на данные русской летописи, он пишет: "Еще в начале XII в. ясы, т.е. аланы, обитали где-то около низовий Дона: в 1116 г. Ярополк Владимирович, сын Мономаха, «ходи на половечьскую землю к реце, зовомой Дон, и тута взя полон многи 3 городы взя половечьскые: Балин, Чешуев и Сугров и приведе с собой ясы и жену полони ясеню, красы вельми»" (Багалей Д.И., 1930, с.86). В 20-е гг широкое обследование древностей Подонцовья, и Маяк в том числе, проводит Н.В.Сибилев (1924, с.10-11). Результаты его исследований нашли отражение не только в изданных им "Древностях Изюмщины" (Сибилев Н.В., 1928), но и в частично опубликованных (Сибилев Н.В., 1926а, с.10-14) и неопубликованных статьях (Сибилев Н.В., 1926б; год не известен, ф.14), посвященных археологическим комплексам у с.Маяки и Сидорово. Увязывая исторические события, связанные с походами князя Владимира в 1111 г и 1119 г в степь, на Донец, Н.В.Сибилев даже выделяет особую "Маяцко-Сидоровскую культуру Изюмщины на р.Сев. Донец" (Сибилев Н.В., 1924; 1926б, с.59, 126-129). В 1936 г на памятнике велись работы под руководством Г.Г.Афендика (Сталинский краеведческий музей), который раскопал погребения умерших, "положенных вытянуто, головой на Запад", на левой кромке оврага (Евсеев В.М., 1949, с.2). Материалы раскопок не были им опубликованы и попали в разные музеи (Сталинский и Мариупольский). Описание отдельных захоронений сохранилось в архиве Мариупольского музея и было использовано при публикации Л.И.Кучугурой (2003, с.90-94). В 1940 г в овраге (в разломах) Г.Г.Афендик обнаруживает скульптуру человека (бюст) из мела (высота – 35 см, ширина – 17 см), переданную тоже в Мариупольский музей. В 1949 г на обследование памятника выезжает В.М.Евсеев и проводит небольшие работы в восточном секторе городища, в районе добычи мела местными жителями. Одной из причин поездки стала необычная находка Г.Г.Афендика на месте карьера. Здесь жителями села были обнаружены остатки "святилища" и меловая скульптура (Афендик Г.Г., 1948, с.4). Место данного святилища, остатки его конструктивных деталей были найдены нами в 1990 г, зарисованы и включены в отчет.

В 1956 г, во время работ советско-болгарской экспедиции АН СССР под руководством С.А.Плетневой, был обследован и археологический комплекс у с.Маяки. С.А.Плетнева отметила, "что по научному интересу это городище нисколько не уступает котлубанским. На его поверхности ясно прослеживаются зольные пятна и, по-видимому, неукрепленное поселение, размеры которого равны городищу. Поселение в целом, судя по подъемному материалу, двухслойное" (Плетнева С.А., 1957, с.22). Необходимо отметить и работу И.И.Ляпушкина, вышедшую в 1958 г в "Трудах Волго-Донской экспедиции", включившего памятник у с.Маяки в число древностей салтово-маяцкой культуры в бассейне р.Дон (Ляпушкин И.И., 1958, с.149). В 1961 г Б.А.Шрамко, осматривая городище у с.Маяки, охарактеризовал его как неукрепленное (?)

поселение. Как видим, планомерных или широких работ на памятнике со времени его открытия до 60 гг XX в. не проводилось. Основными характеристиками его являлись: принадлежность памятника к салтово-маяцким древностям хазарской эпохи VIII-X вв., возможность его существования до XII в. (Готье Ю.В., 1930, с.53-57; Багалей Д.И., 1930, с.86; Сибилев Н.В., 1924; 1926б). Вопрос о наличии оборонительных сооружений и классификации его как городища или поселения оставался неясен. Открытым оставался также вопрос об этнической принадлежности его населения.

Новый этап исследований памятника необходимо связывать с работами В.К.Михеева, в 1963-1968 гг и 1971 г широко изучавшего городище и могильники. Уже в начале работ, в 1963 г, на склоне вала, на глубине 30 см, со стороны городища им были вскрыты разрушенные человеческие скелеты. "На площади 9 кв.м были обнаружены 4 человеческих скелета, плохой сохранности. Расположены они вдоль вала, на его глиняной основе, в различных позах" (Михеев В.К., 1963, с.6, 8). В полевой сезон 1964 г в раскопе IX В.К.Михеевым вновь открыты и исследованы отдельные захоронения, определенные им как "погребения не стационарного могильника, а как захоронения погибших, лежащих длительное время на поверхности". В слое памятника был найден дирхем. По мнению В.К.Михеева, "памятник близок Карноуховскому поселению" (Михеев В.К., 1964, с.7, табл.IV, 15, с.22). В 1965 г В.К.Михеев продолжает работы "в северных границах городища" и раскопки могильника. Изучено более 20 погребений. Интересно, что на фотографиях хорошо видно положение умерших на левом боку и лицом к югу (Михеев В.К., 1965, с.2-25, фото с.XXXIII, XXXVII). Автор раскопок сравнивает раскапываемый им могильник со Зливкинским (Михеев В.К., 1965, с.25). Исследования памятника в 1966 г, как отметил В.К.Михеев, "убедили в том, что, кроме основного могильника, к востоку от городища и к югу от него имеется еще один могильник, расположенный на селище". Всего на памятнике, по его мнению, находилось 4 могильника (Михеев В.К., 1966, с.12), в то же время "отдельные погребения и их группы как бы сжимают кольцом площадь городища" (Михеев В.К., 1966, с.16). Появление погребений на селище, по мнению В.К.Михеева, "можно связывать с сокращением площади поселения после разгрома. А могилы с раскопа VI являются более поздними по сравнению с основным могильником" (Михеев В.К., 1966, с.20). Работы на могильнике были продолжены и в 1968 году. На раскопе XX исследовано 7 могил – 5 (п.25-29) захоронений по христианскому обряду и 2 (п.30-31) по языческому (Михеев В.К., 1968, с.21-24, табл.XIX, XXII, в, з). Работы на Маяках 1971 г не включены в научные отчеты В.К.Михеева. Они частично вошли в вышедшую в 1985 г монографию. Он пишет: "Вокруг поселения зафиксировано несколько групп погребений. Планировка поселения такова, что отдельные погребения и их группы как бы сжимают кольцом площадь городища" (Михеев В.К., 1985, с.16). Автор указывает на их этническое и хронологическое разнообразие. По его мнению, "могильник 1 – (сер.VIII – нач. IX в.) антропологический тип погребенных – короткоголовый" (Михеев В.К., 1985, с.16). Могильник 2 датируется 1-й третью IX века. "Захоронения могильника представляют особую группу, и для них характерны обряд трупосожжения и наличие комплексов вещей, отдельно сложенных в тайниках. Такие трупосожжения относятся к коллективным захоронениям воинов-всадников" (Михеев В.К., 1985, с.16). "Могильник 3 – (IX век) представлен погребенными, принадлежащими к короткоголовому антропологическому типу" (Михеев В.К., 1985, с.17-18). Могильник 4, расположенный на крутом склоне южного края городища у Ложникова Яра, относится к более позднему периоду существования поселения. Открыты 18 погребений в узких ямах, размерами 110×40 см или 119×20 см в вытянутом положении на спине или на правом боку, головой на юго-запад и запад. Безынвентарны. "Погребения могильника

4 не относятся к салтово-маяцкой культуре. Их поздняя датировка подтверждается стратиграфическими данными (могилы с дневной поверхности перерезают салтовский культурный слой нижнего посада), наличием в подъемном материале обломков чугунных котлов и золотоордынских монет XIV в., в частности Абдаллах-хана (1362-1369 гг.)" (Михеев В.К., 1985, с.18).

Краткий анализ полевых исследований В.К.Михеева на Маяках, представленный в его монографии (Михеев В.К., 1985), дает возможность говорить о том, что многослойный памятник у с.Маяки ("Царино городище") представляет собой укрепленное земляными валами городище с разными типами жилых, хозяйственных и ремесленных сооружений и окружающими его могильниками. "Захоронения в могильниках относятся не только к разным, сменяющим друг друга хронологическим периодам, но и с обрядом разных конфессиональных групп и разных антропологических типов погребенных" (Михеев В.К., 1985, с.16-18).

С 1976 г на участках частично разрушенного строителями Укрпромводчермета могильника проводит раскопки С.И.Татаринов (Копыл А.Г. и др., 1977; 1979). Кроме погребений IX-X вв. по языческому обряду, расположенных на склонах Ложникова Яра, им были обнаружены умершие, "захороненные по мусульманскому канону, датируемые автором этой же эпохой" (Копыл А.Г., Татаринов С.И., 1979, с.267-269; 1990, с.24; Татаринов С.И., Копыл А.Г., 1981, с.300-301). Основанием датировки для А.Г.Копыла и С.И.Татаринова явились элементы погребального обряда и их аналогии, известные в могильниках Поволжья (Копыл А.Г., Татаринов С.И., 1990, с.24). Хронологические рамки захоронений с требованиями мусульманского обряда, предложенные В.К.Михеевым, были поставлены под сомнение (Дадашов О.С., Татаринов С.И., 2009, с.20-24).

В 1999 г С.А.Плетнева в "Очерках Хазарской археологии", давая характеристику древностям "Донских степей I", пишет: "Маяки – самый крупный и полнее других городищ этого типа на Северском Донце исследованный памятник" (Плетнева С.А., 1999, с.72). Подчеркивая важность работ, проведенных В.К.Михеевым, исследовательница в обобщенном виде анализирует материалы памятника, отмечая высокий уровень и значимость керамики (Плетнева С.А., 1999, с.68-69), значительный и многообразный "железный инвентарь, свидетельствующий несомненно о высоком экономическом развитии этого комплекса" (Плетнева С.А., 1999, с.70). Экономическая значимость населенного пункта и высокий уровень ремесла населения, по ее мнению, обусловлены тем, что "городище стояло на оживленных торговых путях – водном и сухопутном, играя весьма видную роль в экономике Средне-Донецкого региона". Наличие торговых связей подтверждается не только большим многообразием импорта, но также "находками деталей весов: коромысел, бронзовых весовых чашек и небольшой сферической гирьки" (Плетнева С.А., 1999, с.70). Необходимо упомянуть и находки литых гирь (из чугуна?) в период раскопок 1988 г (Швецов М.Л., 1988, с.36, рис.4). Характеризуя могильники, С.А.Плетнева, как и В.К.Михеев, отмечает, что они "окружают жилые территории городища и поселений, практически два из них не только примыкают к ним, но и располагаются на их земле. Один – это типичный грунтовый могильник «зливкинского типа». Могилы неглубокие, покойники в них уложены на спине, с вытянутыми вдоль тела руками. Ориентированы они головами на запад, один на юго-восток. Всего было вскрыто 6 погребений, все брахикраны-европеоиды. Вещей с ними немного – это горшки, поставленные у головы, пряслице из амфоры, ножик, однако ясно, что это не бедность погребенных, а особенность обряда, т.к. в одном из погребений была обнаружена золотая серьга, а в другом сабля" (Плетнева С.А., 1999, с.70). Касаясь захоронений третьего могильника с комплексами по обряду кремации, она отмечает их параллели на памятниках в других могильниках лесостепи бассейна Северского

Донца. В то же время, обращая внимание на своеобразную специфику погребения в подбойной яме, где были захоронены четыре человеческих черепа, указывает, что "неясно, кому принадлежали черепа: покойникам, чьи тела были сожжены, или сопровождающим их рабам (рабыням?)" (Плетнева С.А., 1999, с.71). Материалы исследований памятника после работ В.К.Михеева не вошли в монографию С.А.Плетневой и поэтому также представляют несомненный интерес.

После раскопок в 1976-1978 гг экспедиции С.И.Татаринова земляные работы в зоне строительства очистных сооружений Укрпромводчермета, в районе южнее памятника и прилегающих территорий, не прекращались. За этот период строителями были уничтожены сотни захоронений. К сожалению, археологические исследования на памятнике в это время не проводились, велись только спорадические "поиски интересных находок". Экспедицией под руководством М.Л.Швецова перед началом работ в 1988 г "были зафиксированы десятки шурфов, траншей и небольших раскопов по всему памятнику" (Швецов М.Л., 1988, с.2). С 1988 по 1991 гг в связи с угрозой затопления Ложникова Яра и большей части оставшихся могильников городища проводились спасательные археологические исследования Донецкой Средневековой археологической экспедицией (Швецов М.Л., 1988; 1989; 1990; 1991). Наличие по всей протяженности восточного края яра отдельных "раскопов" и уничтоженных участков сделало необходимым проведение исследований, объединяющих все участки, сохранившиеся к данному времени и подлежащие затоплению (Швецов М.Л., 1988, с.2). На первом этапе работы проводились на двух раскопах – I, II. На них были исследованы еще два основных мусульманских могильника XIII – 3-й четв.XIV в., перекрывавших участки захоронений языческих могильников VIII-IX вв. (рис.1; 2; 16), и небольшой участок с погребениями на двух останцах Ложникова Яра (рис.1; 18, *1, 3*). Предварительные результаты исследования были опубликованы нами в 1992 г (Ходжайов Т.К., Швецов М.Л., 1992, с.74-78; Ходжайова Г.К., 1992, с.79-81), где мы указали, что были получены новые материалы, отражающие историю и хронологию существования памятника, специфику хозяйственной, ремесленной и торговой деятельности его поселения (Швецов М.Л., 1992, с.96). В дальнейшем, в некоторых наших статьях, мы коротко возвращались к исследованному материалу. Анализ археологического и антропологического материала, проведение дополнительных технологических исследований находок из металла, руды и камня, к сожалению, оказались длительными, и их результаты теперь мы считаем возможным опубликовать. Так, проведение комплексных археолого-антропологических и этнографических исследований погребальных объектов, распределение их по хронологическим периодам и дифференциация краниологического материала дают характеристику не только отдельным могильникам, но и отвечают на вопросы конфессиональной и этнической принадлежности населения Маяк в эпоху средневековья. Согласно структуре статьи, перейдем к следующему этапу – характеристике погребальной обрядности и хронологии публикуемых могильников. Вначале кратко остановимся на характеристике раскопов, а в дальнейшем – на описании типов захоронений.

Раскоп I (рис.1; 2) находится на правой стороне Ложникова Яра, на т.н. "посаде городища" (по В.К.Михееву), заложен между раскопами 1976-1978 гг С.И.Татаринова и С.А.Федотова и "неизвестными раскопами" указанных авторов (Швецов М.Л., 1988, с.2). Первое же погребение было открыто рядом с юго-восточным краем раскопа и траншей С.И.Татаринова (Швецов М.Л., 1988, с.2). Необходимо отметить, что в процессе работ были выявлены уже "раскопанные частично захоронения (в изголовье и в ногах)", без сбора антропологического материала.[1] Частично раскопанные погребения были полностью исследованы, зафиксированы и описаны. Это погребения: 1, 3, 20, 27 (Швецов М.Л.,

[1] О чем был составлен информационный акт (см.: Швецов М.Л., 1988, ф.1989/ дополнение к отчету 2 стр.).

1988, с.3, 6, 7). В раскопе I (1988-1989 гг) на территории могильника было исследовано 50 ингумационных захоронений двух основных хронологических групп IX-X вв. и XIII – сер.XIV в., а также 3 захоронения по обряду трупосожжения, датируемые по инвентарю VIII-X вв. Два погребения могильника (9, 47), по-видимому, относятся к XI-XII вв. и предшествуют золотоордынским. Захоронения мусульманского кладбища, впущенные с верхних слоев памятника (иногда разрушая более ранние комплексы), расположены наклонными рядами вниз по склону с севера на юг. Они отличаются друг от друга формой могильных ям и деталями погребения умерших (половозрастные определения см. табл.1). Выделяются три типа погребальных ям: с уступами вдоль длинных сторон, простые с прямыми стенками и ямы с подбоями. Процент взаимосвязи признаков положения умерших в разных видах ям дает разные результаты. Если в ямах с подбоями представлены в большинстве детские погребения, то в простых ямах и ямах с заплечиками захоронены взрослые. Есть и кенотафы. К тому же захоронениям присущ большой процент отклонений от мусульманского погребального канона.

Раскоп II (рис.1; 16) расположен на склоне, его нижняя кромка, уходящая в Ложников Яр, является верхней кромкой раскопа 1976 и 1978 гг, т.е. находится севернее его. "Необходимость прирезки диктуется попаданием всего склона в зону затопления. По хорошо сохранившейся северной стороне раскопа 1976, 1978 годов был заложен раскоп II. Необходимо отметить, что восточный край раскопа II также почти стыкуется с раскопом С.И.Татаринова, а в северо-западной его части замыкает раскопы 1976 и 1978 годов и участки между ними. Погребения, выявленные здесь, по залеганию можно разделить на 2 группы: I группа – захоронены мелко, в простых ямах как более ранние, чем погребения II группы, II группа – захоронения в меловом материке, в узких ямах" (Швецов М.Л., 1988, с.10).

Останец I (рис.18, *1, 2*) расположен восточнее южного края "раскопа 1976 года". Под отвалом, в срезе, были обнаружены кости человека. После снятия отвала высотой до 1 м зафиксирован участок со срезанным верхним слоем на краю Яра. После расчистки выявлены два захоронения, видимо, самые южные на склоне (рис.18, *1, 2*). Форма могильной ямы не фиксируется, погребенные положены: п.1 – вытянуто, на спине, п.2 – слегка с поворотом на бок, головой на запад, северо-запад (рис.18, *2*). Анализируя остатки двух захоронений, можно отметить их близость к погребениям "раскопа 1976-1978 годов", и не исключено, что это еще участок предыдущих исследований (Швецов М.Л., 1988, с.130).

Останец II (рис.18, *3-7*; 19, *1-6*) находится на северном склоне Ложникова Яра. Образован двумя небольшими оврагами, расположенными перпендикулярно яру. Находится северо-западнее раскопов I, II и Останца I (рис.18, *3*). В течение ряда лет местные краеведы выявляли на останце остатки разрушенных погребений. В 1988 г нами при осмотре Ложникова Яра перед началом работ зафиксированы срезанные верхние слои грунта и 2 разрушенных погребения (Швецов М.Л., Приходнюк О.М., 1989, с.15). После проведения зачистки западного склона останца в юго-западном секторе срезанного участка[2] был выявлен ряд захоронений (рис.18; 19). Погребения на данном участке могильника были совершены в слое материкового суглинка. Могильные ямы располагались рядами (как и на раскопе I) в направлении с севера на юг, ориентированными по линии В-З, с небольшим отклонением. Стратиграфически картина следующая: дерновый слой, частично нарушенный, толщиной до 10 см сменяется осветленным черноземом со слабым добавлением глины, могильная яма фиксировалась почти у материка, иногда по заполнению. Преобладают ямы с низкими

[2] Необходимо отметить, что часть овражка образовалась после срезки бульдозером участка верхнего слоя в 1967-1968 гг.

заплечиками, но форма ямы может быть как узкощелевой (погребения 4, 8, 10, 11), так и расширенной со сглаженными заплечиками (погребения 7, 9). В двух случаях (погребения 6, 12) зафиксирована своеобразная приступка с северной стороны и слабо выраженный подбой – с южной. Объединяющими чертами захоронений на данном участке могильника можно считать: 1 – положение умершего на спине, с небольшим поворотом на бок, 2 – ориентировка головой на запад-северо-запад, лицом к югу, 3 – отсутствие инвентаря.

Всего нами исследовано на этом участке памятника 79 погребений по обряду ингумации. Приведенный выше детальный анализ захоронений по раскопам показывает наличие в них погребений разных хронологических групп. Основой для такого деления могут служить не только стратиграфические наблюдения, конструкция могильных сооружений, но и инвентарь, сопровождавший умерших. В погребениях ранней группы найдены набор поясных круглых пряжек в п.39, Р.I (рис.20, *2, 3*); половинка арабского серебряного дирхема в п.44, Р.I (рис.20, *1*); серьга салтовского типа с навесной бусиной в п.8, Р.II (рис.17, *7*); железная накладка, изготовленная из двух дуговидных пластин, соединенных штифтом в п.9, Р.II (рис.17, *8*). Все указанные находки датируют данные захоронения IX-X веками. Для характеристики погребального обряда ранней группы приведем описание типов захоронений, соотнеся их с предварительной классификацией, предложенной нами при рассмотрении материалов раскопов.

Погребения первого типа. Погребение 44, Р.I (рис.11, *6*; 20, *1*) расположено в юго-западном секторе раскопа. Могильная яма размерами 1,7×0,65 м, глубиной 0,55 м прослеживалась лишь частично, с севера. Вероятно, имела овальную форму. Скелет погребенного плохой сохранности, раздавлен. Лежал вытянуто на спине, головой к западу, руки вдоль тела. В кисти левой руки найдена половинка арабского серебряного дирхема (Швецов М.Л., Приходнюк О.М., 1989, с.12).

Погребения второго типа. Погребение 8, Р.II (рис.17, *7*; 20, *1*), кв. Э11, Щ 11-12, "раскоп 1978 года", его северо-западная часть. После выявления угла раскопа и его зачистки было выявлено пятно ямы, уходящей в раскоп 1978 г. Зачистка выделила могильную яму подпрямоугольной формы с закругленными углами (1,8×0,8 м). Ориентирована по линии ЮЗ-СВ. В яме находилось 2 скелета: скелет 1 захоронен раньше скелета 2. Уложен на правом боку, слабо скорчен. Плохо сохранившийся череп лежал на правом боку, лицевой частью на восток, шейный отдел позвоночника сильно изогнут вниз, части ребер нет. Правая рука вытянута вдоль туловища к ногам. От левой сохранилась плечевая кость. Ноги слабо подогнуты так, что на правую положена левая. На ноги рядом с тазом скелета 1 уложен скорченно скелет 2 (рис.7, *1*). Как и первый, ориентирован на ЮЗ. На правом боку. Голова лежит на правой щеке, лицом к югу. Левая рука вытянута к коленям. Ноги подогнуты. Нижняя часть ног нарушена кротовиной. Костяк 2 подзахоронен к костяку 1 спустя некоторое непродолжительное время. На левой височной кости костяка 2 находилась серьга салтовского типа с навесной бусиной (рис.17, *7*; 21, *1*). Дно зафиксировано на глубине -0,47 м (Швецов М.Л., 1988, с.11).

Приведенные нами два типа ранних захоронений из раскопов 1988 и 1989 гг почти аналогичны другим погребениям этих раскопов. К первому типу (рис.20, *1* – п.44; *2* – п.39) наиболее близки погребения: 39, 49, 50, Р.I и 9-12, Р.II. Для них характерны овальная форма и небольшая глубина могильных ям, западная ориентация скелета. Ко второму типу ранних захоронений относятся погребения: 8, Р.II и 6, Р.I (рис.7, *1, 2*; 21, *1* – п.8; *2* – п.6). Наиболее близки им погребения 3, 4, Р.II (рис.7, *3*). Для них характерны подквадратная или подовальная форма неглубокой могильной ямы, скорченное положение скелета, уложенного головой на запад. Нельзя признать аргументированным отнесение п.6, Р.I к захоронениям, совершенным по требованиям мусульманского обряда (Кравченко Э.Е., 2004, с.156). На

это указывают не только стратиграфические данные (рис.21, *2*), но и скорченное положение погребенного в могиле (рис.7, *2*).

Рассмотренные нами типы погребений отражают элементы погребального обряда, характерные для грунтовых могильников зливкинского типа (Городцов В.А., 1905, с.11-12; Готье Ю.В., 1927, с.70-71; Плетнева С.А., 1967, с.92-94; 1999, с.65-70; Михеев В.К., 1985, с.15-16; Швецов М.Л., 1991, с.117-120), чаще всего существующих в рамках VIII-X вв. или IX-X вв. (Городцов В.А., 1905, с.211; Багалей Д.И., 1930; Артамонов М.И., 1962; Артамонова О.А., 1963; Ляпушкин И.И., 1958, с.85, 88, 106, 108; Плетнева С.А., 1967, с.98; 1999, с.67-58; Михеев В.К., 1965, с.25; 1985, с.17-18). Однако открытые нами в 1982-1983 гг захоронения второго этапа Зливкинского могильника, датируемые XI-XII вв. (Швецов М.Л., 1985; 1991, с.117-120) указывают на продолжение жизни на поселениях зливкинского типа в последующие столетия. О продолжении жизни на Маяках в XII в. пишет С.А.Плетнева (1999, с.72). В этом отношении также представляет несомненный интерес погребение 9 раскопа I могильника Маяки.

Погребения третьего типа. Погребение 9 (рис.22, *1*). Могильная яма узкая, длинная, вытянута по линии СВ-ЮЗ (1,85×0,4 м). В заполнении фиксируются следы деревянных плах, положенных вдоль. По-видимому, обуглены. Скелет лежит вытянуто на спине, головой на юго-запад, лицом вверх, левая рука согнута в локте, кистью направлена к локтю правой. Правая согнута в локте, кистью к лицу (Символ Оранты). Безынвентарно. Аналогично данному третьему типу погребение 47 (рис.22, *2*). Возможно, к этому же типу относится п.1, Останец I (рис.18, *2*). Хронологию существования погребений данного типа на памятнике из-за отсутствия в них находок трудно соотнести с определенным временным периодом. Однако необходимо отметить их стратиграфическую последовательность после ранних захоронений первых двух типов ингумаций и комплексов кремаций. Косвенным указанием на время бытования захоронений третьего типа могут являться прямые аналогии им в обряде могильника Зливки-II, датируемые XI-XII веками. Основой для датировки и определения христианской принадлежности погребенных в могильнике являются два "шитых золотом воротника-ожерелья, шириной 35 см. Один из синего, другой из чревчато-красного шелка, византийского происхождения XI-XII вв.". Кроме воротников, на погребенных (п.5 и п.21) зафиксированы фрагменты древнерусской и византийской парчи, украшенной христианской символикой (Елкина А.К., 1989, с.170-171; Швецов М.Л., 1991, с.120-121, рис.V). Подтверждением наличия христианского населения на Маяках являются, по-видимому, находки христианской культовой атрибутики XI-XIII вв.: нашивного золоченого медальона с изображением Св.Николая, выполненного в технике перегородчатой эмали, и шиферной иконки с изображением Св.Николая и Семи Спящих Отроков Эфесских (Шамрай А.В., 1995, с.67-70). К тому же, как мы уже отмечали, В.К. Михеев в 1968 г исследовал 7 могил: 5 (п.25-29) захоронений по христианскому обряду и 2 – по языческому (п.30, 31) (Михеев В.К., 1968, с.21-24, табл.XIX, XXII, в, з). Еще одним важным аргументом принадлежности части погребений из могильников Царина городища к христианским можно считать значительное количество находок нательных крестов и крестов-энколпионов, обнаруженных на памятнике местными краеведами (Шамрай А.В. и др., 2009, с.56-58, рис.1, 3; 2010, с.50-53, рис.1). По их мнению, "к хазарскому времени функционирования городища относятся два предмета: стеклянная вставка с выгравированным схематическим изображением Святого Георгия на коне и каменная иконка (литейная форма?) с изображением змеевика и креста с расширяющимися и закругленными концами" (Шамрай А.В. и др., 2010 с.49). Остальные находки авторы относят к XI-XII вв. и считают, что они, возможно, связаны с известными походами русских князей на половцев (Шамрай А.В. и др., 2009, с.57-59).

Мы не настаиваем на христианской обрядности погребений третьего типа из-за некоторых неясных деталей. Так, наличие на территории одного могильника погребений разных конфессиональных групп – явление невозможное. К тому же не до конца ясна система планировки расположения захоронений языческого могильника и отдельных христианских погребений на данном участке. Но необходимо отметить их территориальное расположение в юго-восточном или северо-восточном участках раскопа, не в системе более поздних мусульманских захоронений (рис.2). В то же время хронологическая стратиграфия захоронений хорошо фиксируется на раскопе I. При анализе планировки погребений раскопа I было отмечено следующее: 1) случаи нарушения ранних погребальных комплексов поздними; 2) поздние погребения впущены с уровня поверхности или верхнего слоя; 3) погребения позднего периода с характерными чертами мусульманской погребальной обрядности располагались наклонными рядами вниз по склону с севера на юг. Поэтому элементы погребального ритуала (положение скелета умершего вытянуто на спине, головой на запад, с характерным специфическим положением рук умершего), используемые, в основном, в системе христианских представлений, делают возможным отнесение данного комплекса к захоронениям христианского обряда XI-XII вв. (Артамонова О.А., 1963) (рис.22). О данных погребениях как о христианских говорят и Э.Е.Кравченко и В.В.Кушпир (2010, с.324, 325).

Для характеристики погребального обряда и определения типов погребений позднего (золотоордынского) этапа существования могильника, приведем в качестве примера описание нескольких типичных захоронений.

Погребения четвертого типа в простой яме (рис.23, *1*) – п.21, P.I. Узкая подпрямоугольная яма, слегка расширяющаяся ко дну (2,0×0,43 м), длинной осью ориентирована по линии В-З. Прослежена с поверхности (0,10 м), выявлена по южной стенке в среде заполнения. На глубине 0,85 м находился скелет человека, лежащий на боку. Это захоронение "горбуна" – человека со сросшимся позвоночником, сильно изогнутым на отдельных участках. Под лопатками – наросшие бугры. На костях ног – наросты. Ориентирован на запад, лежит с разворотом на правый бок. В засыпке встречено 2 фрагмента керамики из культурного слоя. Глубина дна – 0,89 м. Безынвентарно (Швецов М.Л., 1988, с.6-7). Аналогичные конструктивные детали могилы и положение скелета зафиксированы в п.12, P.I (рис.5, *3*) и в погребениях 5, 6, P.II (рис.17, *5, 6*), а также в п.25, P.I (рис.27, *2*), впущенном с поверхности.

Погребения пятого типа (рис.24) – ямы с заплечиками (или уступами). Погребение 23, P.I. Могильная яма с заплечиками, ориентирована по линии ЮЗ-СВ (2,25×0,95 м), глубиной 1,2 м, зафиксирована с уровня современной поверхности. Заплечики узкие – 0,25 м, расположены вдоль длинных сторон ямы, на них – остатки досок (двух плах). Погребенный лежит вытянуто на спине, головой на запад, позвоночный столб изогнут. Голова на правой щеке, лицом к югу. Руки сложены на тазе, ноги скрещены в стопах. Безынвентарен (Швецов М.Л., 1988, с.7). Полной аналогией данному типу погребения можно считать захоронения: 22, 36, 38. Отличительной чертой погребения 22 можно считать положение рук умершего, сложенных на животе (рис.25), а также идеально сохранившийся скелет и особенно череп (рис.25). Однако, по меткому высказыванию В.Я.Проппа, как и "в жизни, нет идеальной аналогии и в смерти". Каждое из погребений индивидуально. Интересна в этом случае конструкция деревянного перекрытия, а возможно, и специальной подсыпки в погребении 17 этого же могильника (рис.27, *1*). Специфика ступенчатого деревянного перекрытия в могиле над погребенным связана, по-видимому, с подзахоронением (?) "грудного ребенка, кости которого были найдены на нем, выше скелета взрослого индивида" (рис.27, *1*) (Швецов М.Л., 1988, с.5-6). Необходимо обратить внимание еще на один погребальный комплекс раскопа I,

расположенный в центре восточного сектора могильника. Это погребение 5 в кв. Б, 2-3 (рис.28). Могильная яма подпрямоугольной формы с округлыми углами, ориентирована точно по линии В-З (1,85×0,87 м). Прослежена почти с поверхности (0,35 м), что говорит о ее позднем, золотоордынском времени. На глубине 0,85 м расположены заплечики, на которых сохранились остатки дерева. Перекрытие состоит из плах, лежащих поперек ямы (ширина 0,05 м), а лаги – вдоль нее (рис.28). По-видимому, для поперечных плах были сделаны пазы. Дно ямы ниже заплечиков на 0,35-0,40 м. На дне ямы лежал массивный скелет человека, на спине, головой на З. Левая рука согнута в локте и уложена кистью на локте правой, которая вытянута вдоль тела, а кисть подогнута к локтю. Дно находилось на глубине 1,18 м. Безынвентарно (Швецов М.Л., 1988, с.3). Сложность и специфика деревянных конструкций в могилах, отмеченная нами на могильнике Маяки, отражает не столько характерные элементы известных гробовищ, сколько систему отделения деревянными конструкциями умершего от верхней части могильного сооружения (п.5), или перекрытия входа в подбой (п.19, Р.I), что мы наблюдаем в подбойных погребениях следующего типа.

Погребения шестого типа (рис.23, *2*; 29). Погребения в ямах с подбоем и ступенькой наиболее характерны, если прослеживается конструктивно, для детских погребений могильника, что мы видим в материалах Р.I: 4, 7, 10, 11, 13, 16, 24, 37. Но есть и погребения взрослых в могилах с подбоями. Это п.19, как мы уже отмечали, со сложными элементами деревянных конструкций (рис.23, *2*). Могильная яма прослеживается почти сверху (0,3 м). Особенно хорошо сохранилась северная часть ямы (1,96×0,87 м). Ступенька расположена с северной стороны (ширина 0,45 м) с небольшим наклоном переходит в узкую яму, подбой которой слабо выделен, но отгорожен досками, поставленными под углом. Интересно, что одна из досок, стоящих прямо, подпирала свод подбоя (рис.23, *2*), закрывая вход. На дне ямы погребенный лежит на спине, головой на запад, лицом вверх, левая рука согнута в локте и прижата к груди, а правая согнута так, чтобы кисть лежала к лицу. Дно – на глубине 1 м. Безынвентарно (Швецов М.Л., 1988, с.6). Однако наиболее правильная конструктивная особенность подбойных захоронений могильника представлена в п.40, Р.I (рис.29). Расположено в северной части могильника (рис.2; 11, *2*). Впущено с уровня дернового слоя, хорошо прослеживалось по заполнению (рис.29). Могильная яма размерами 190×0,80×0,65 м, в плане подпрямоугольная. В верхней части ямы – остатки деревянного перекрытия (рис.29). Вдоль северной стенки – ступенька шириной 28 см. Вход в подбой закрыт плашками 35×30 см; 40×15 см. Дно – на уровне 1,33 м от поверхности. Безынвентарно (Швецов М.Л., Приходнюк О.М., 1989, с.11).

Как было отмечено выше, в раскопе I, кроме погребений, совершенных по обряду ингумации, открыты три захоронения по обряду кремации: ТС-1, ТС-2 и ТС-3. Материалы таких захоронений известны на памятнике с первых полевых исследований В.К.Михеева. Это захоронения могильника 2, датируемые им 1-й третью IX в., и, по мнению В.К.Михеева, “составляют особую группу, расположенную на территории южной части селища № 2. Для них характерен обряд трупосожжения и наличие комплексов отдельно сложенных вещей в тайниках. Такие трупосожжения относятся к коллективным захоронениям воинов-всадников” (Михеев В.К., 1985, с.16-17; рис.16, 5-8). Известны и отдельные аналогичные “находки С.И.Татаринова” (Дадашов О.С., Татаринов С.И., 2009, с.57, рис.31). К сожалению, комплексы из данных могил в монографии В.К.Михеева не детализированы (Михеев В.К., 1985, с.16-17, рис.16, с.12) и нуждаются в полной публикации всех материалов этих погребений. От исследованных нами комплексов трупосожжения отличаются наличием в “яме № 34 остатков кальцинированных костей”, а в “яме № 53 четырех черепов человека” (Михеев В.К., 1985, с.17). Нельзя согласиться

с предположением В.С.Аксенова о том, что "в данном случае мы имеем дело с какими-то объектами хозяйственного назначения, в которых хранился разнообразный инвентарь" (Аксенов В.С., 2003, с.67). Тем более что в публикации материалов могильника Сухая Гомольша, исследованных В.К.Михеевым, В.С.Аксенов рассматривает аналогичные захоронения уже как материалы погребальных комплексов, совершенных по обряду трупосожжения (Аксенов В.С., Михеев В.К., 2006). Полученные нами данные, фиксирующие элементы обряда и стратиграфические наблюдения, указывают на исключительность и важность материалов для характеристики данного типа захоронений.

ТС-1 (рис.12, *1*; 13, *1-6*). Расположено на северо-восточной части раскопа I, на глубине до 10 см от поверхности. Разрушено погребением 46 (рис.13, *1*). Зафиксирована площадка с фрагментами толстостенного прогорелого сосуда (рис.13, *2*). Под ними найден обгорелый кетмень (рис.13, *3*). При зачистке погребения 46 найдены фрагменты пережженных удил с псалиями (рис.13, *6*), железный стержень (рис.13, *4*).

1. Трехручный сероглиняный лощеный кувшин-корчага (рис.13, *2*; 15, *1*). Венчик невысокий, эйнохоевидный. Горло прямое. Две ручки расположены с боков, на середине тулова, третья находилась под горловиной. Тулово опоясано двойной линией на уровне нижних ручек[3]. На тулове отмечены отверстия для крепления трещины, т.е. для трупосожжения использовался сосуд, бывший в ремонте. Его размеры: Н – 62 см, Дв – 8 см, Д мах. – 40 см, Дд – 20 см. Аналогичный сосуд известен в материалах памятника из раскопок В.К. Михеева (Михеев В.К., 1985, с.124, рис.15, 19).

2. Кетмень (рис.13, *3*) с прямым, слегка загнутым лезвием (сохранился частично). Сильно перепален. Нижняя кромка рассыпалась из-за сильной прокаленности. Шейка удлиненная, квадратная в сечении, плавно расширяется к лезвию. Обух (насадка) с подтреугольным отверстием, округлыми щечками и клювовидной спинкой. Размеры: 25×14×2,5×4 см.

3. Железные удила (рис.13, *6*) сохранились не полностью. По-видимому, двукольчатые с крылатовидными псалиями, подтреугольными в сечении. Размеры: 12×2,5×6×1,5 см.

4. Железный прокаленный стержень (рис.13, *4*) и железная пластина (рис.13, *5*) сильно прокалены.

Сильная прокаленность находок и сгустки прокаленного металла и пепла дают возможность предполагать наличие в погребении и других изделий.

ТС-2 (рис.12, *3*; 13, *7*). Расположено юго-западнее ТС-1. Разрушено погребением 48. Яма для совершения обряда круглая в плане, с почти прямыми, слегка расширяющимися кверху (устью) стенками. Размеры: 85×80×70×65 см. В заполнении зола и отдельные фрагменты керамики от амфоры. Большинство фрагментов от этого сосуда и некоторые вещи (рис.12, *7*) находились в близлежащих квадратах. Из ямы с остатками трупосожжения были выброшены или находились в заполнении п.48 фрагмент фибулы, ледоступ, нож и наконечник копья.

1. Амфора (рис.13, *14*; 15, *2*) красноглиняная, круглодонная, с редкими желобками по средней части тулова[4]. Размеры: Н – 42 см, Дт – 32 см, Дд – 7 см. Аналогичные амфоры известны на памятнике из раскопок В.К.Михеева (Михеев В.К., 1985, с.122, рис.13, 1).

2. Железная пластинчатая фибула (рис.13, *8*) с плоской спинкой, округлой головкой и прямым приемником. Размеры: 13×1,5×5 см.

3. Ледоступ (рис.13, *9*) железный с овальной подножкой, двумя усами по краям и прорезью в центре. Размеры: 8×3×1,5 см.

---

[3] В.К.Михеев, классифицировавший керамический материал из Маяк, данный тип сосудов отнес к "отдельному типу – узкогорлые полупифосы-полукувшины. Как правило, они двуручные, но есть и трехручные" (Михеев В.К., 1985, с.15, рис.15, 19).

[4] По мнению В.К.Михеева, привозная керамическая тара (а именно, амфоры) на Маяках составляют 12%. Аналогичные публикуемой "с высоко конусовидным горлом и ручками, не доходящими в изгибе до уровня венчика", датируются 2-й пол.VII – IX в. (Михеев В.К., 1985, с.15 рис.13, 1).

4. Нож (рис.13, *10*) железный, с треугольным в сечении лезвием, длиной 13 см, шириной 2 см.

5. Железный наконечник копья (рис.13, *12*) втульчатый с листовидным пером, обоюдоострым и овальным в сечении. Длина – 14 см, длина пера – 11 см, ширина – 14 см, диаметр втулки – 1,5 см.

6. Фрагмент железного ножа (рис.13, *11*).

7. Пряслице керамическое из стенки сосуда (рис.13, *13*).

ТС-3 (рис.14). Открыто в западной части раскопа I (рис.2; 14, *1*). Яма зафиксирована с уровня верхнего слоя в профиле северного участка раскопа. В заполнении ямы обнаружены фрагменты 4 сосудов и железные предметы. Часть из них находилась в слое пепла и носила следы воздействия огня. В верхнем слое, на уровне 60 см, найдены железные пряжки от сбруи. На глубине 60-80 см зафиксировано скопление углей и пепла. На глубине 90 см обнаружены железный нож и фрагмент лощеного сосуда, а ниже – стремена, колодки-наручники (путы). Еще ниже находились фрагменты тонкостенной обожженной амфоры. На самом дне в большом скоплении пепла – кружка. Необходимо отметить следующее: 1) кремация совершалась на стороне, 2) из сосудов подверглась обжигу тонкостенная рифленая амфора, т.к. именно ее куски находились в слое пепла; 3) сильному обжигу подверглись железные предметы, за исключением стремян, деталей узды и, возможно, клевца. Особенно обожжены пряжки, кольца, тесла; 4) остатки кремации ссыпались в яму и сдвигались к западной стенке. У восточной стенки, примерно до центра ямы, были сложены железные предметы; 5) поверх предметов положены битые сосуды (фрагменты керамики от разных сосудов лежали смешанно), следов огня на них почти нет; 6) у западной стенки, на дне небольшого участка, уходящего в стенку, находилась ручкой вверх кружка. Описание инвентаря погребения:

1. Горшок (рис.14, *2*; 15, *4*) тонкостенный, сероглиняный, опуклобокий. В верхней трети тулова украшен волнистым орнаментом.

2. Горшок (рис.14, *3*) сероглиняный лощеный, с двумя ручками, широкой горловиной. Н – 28 см, Дт – 30 см, Дд – 15 см.

3. Амфора (рис.14, *4*) красноглиняная рифленая, сильно прокалена. Сохранилась частично.

4. Кружка (рис.14, *5*) сероглиняная лепная, с петлевидной ручкой, идущей от тулова прямо к горлу.

5. Корчага (рис.14, *6*; 15, *3*) – большой толстостенный сосуд с двумя ручками. По плечику украшен рифленым орнаментом.

6. Стремена (рис.14, *7*) арочной формы, с высокой петлей для путлища, подножка с нервюрой.

7. Пряжка-кольцо (рис.14, *8*), круглая в сечении.

8. Колодки-наручники “путы” (рис.14, *9*) – пластина, по краям которой две подпрямоугольные петли.

9. Железный “клевец” (рис.14, *10*) в виде квадратного в сечении прямоугольного металлического изделия с перпендикулярно расположенными остриями.

10. Пряжка (рис.14, *11*) железная трапециевидной формы, с квадратным в сечении железным язычком. Размеры рамки: 8×6,5×1,5 см, она плоская, в сечении прямоугольная.

11. Пряжка сбруйная (рис.14, *12*) железная трапециевидной формы с квадратным в сечении язычком (6×6,5×0,5×1).

12. Тесло-мотыжка (рис.14, *13, 14*) с узким обушком для крепления и прямым лезвием – 2 экз. Размеры: Н – 9,5 см; 4,8 см; Н лезвия – 6 см (рис.14, *13*) и Н – 9,5 см; 4,8 см; Н лезвия – 5 см (рис.14, *14*).

13. Три железных ножа (рис.14, *15-17*) с прямым упором и клиновидным лезвием.

Приведенные нами материалы, характеризующие своеобразный обряд захоронений, несомненно, представляют большой интерес не только спецификой погребального обряда, но и в комплексе с другими находками на памятнике. Многообразие и сложность погребальных обрядов в исследованных могильниках делают необходимым коротко охарактеризовать и данные погребальные

комплексы в системе анализа древностей рассматриваемой эпохи. Так, вопрос об этнической принадлежности погребений по обряду кремации эпохи средневековья в бассейне Северского Донца до сих пор еще остается нерешенным, несмотря на наличие четырех гипотез: славянской, тюркской, угорской, иранской. Не останавливаясь на разборе теоретических построений, мы считаем необходимым отметить своеобразие исследованных нами комплексов и их близость к ритуалам данного типа не только Прикубанья, Северного Кавказа, но и памятников Сибири и Тувы. Наличие данных погребений на могильнике не является случайным и единовременным явлением, а связано с целым комплексом материалов, отражающих элементы хозяйственной и культурной жизни оставившего его населения. Как отмечено В.К.Михеевым, именно на территории "селища № 2, где открыты захоронения по обряду кремации, основная часть жилищ была представлена юртами и наземными жилищами" с размещенными в центре тарелкообразными очагами (Михеев В.К., 1985, с.13). Данный элемент культуры наиболее характерен для населения восточно-казахстанских и среднеазиатских степей эпохи средневековья.

Подводя итог рассмотрения материалов исследованных нами могильников, необходимо отметить основные полученные результаты о хронологических этапах их формирования и возможность этнической и конфессиональной атрибуции.

Предложенная типологическая характеристика погребений могильника, основанная на материалах раскопов I и II, дает представление не только о разновременности его формирования, но и о сложности и поливариантности типов погребальных обрядов. Так, для ранней группы погребений наиболее характерны простые конструкции могильных ям, небольшая глубина захоронений, иногда "скорченное" положение умершего, наличие редких находок (серьги, монеты, пряжки), что сближает данные захоронения по обряду со "зливкинской" группой могильников. Но от захоронений раннего этапа могильника "Зливки", принадлежащих сельскому (хуторскому) населению Подонцовья (Швецов М.Л., 2001, с.110-111; Швецов М.Л. и др., 2001, с.333-344), погребения, исследованные на Маяках, отличаются отсутствием рядом с умершим керамических сосудов и напутственной пищи. Не исключено, что данный элемент обряда постепенно исчезает или переосмысливается жителями городских поселений (Швецов М.Л., 2001, с.110-111; 2001б, с.333-344). Подобные захоронения уже исследованы на памятнике. Ближайшие им аналогии известны в материалах раскопок В.К.Михеева. Это захоронения "могильника № 3 (IX в.), расположенного в юго-западной части нижнего посада. Здесь открыто 38 погребений. Захороненные принадлежат к короткоголовому антропологическому типу. Погребения совершались на глубине 60-130 см. Контуры могильных ям, как правило, не прослеживаются. Погребения ориентированы на запад, иногда с отклонениями на юг и северо-запад. Они уложены на спине, руки скрещены на животе или левая согнута в локте так, что кисть находится у подбородка. Как правило, погребения одиночны, инвентарь беден. Единичными являются находки салтовских сережек, подвесок, браслетов" (Михеев В.К., 1985, с.17-18; рис.16, *1-4*). Еще раз необходимо отметить нахождение погребений ранней группы в северо-западном секторе Р.I: п.39, 49, 50, или за его пределами – п.44. (рис.2), что может также указывать на их предшествование последующим захоронениям. Не исключено, что к этой группе захоронений относятся некоторые погребения из раскопок С.И.Татаринова, А.Г.Копыла.

К этому, а возможно, и к более раннему периоду относятся три комплекса погребений, совершенные по обряду кремации (рис.12-14). Как было отмечено нами, близкие, почти аналогичные, комплексы на памятнике были исследованы В.К.Михеевым, выделившим их в отдельный "могильник № 2, датируемый первой половиной IX в., отметив, что захоро-

нения составляют особую группу, расположенную на территории южной части селища" (Михеев В.К., 1985, с.16-17). Комплексы с аналогичными элементами обряда известны в памятниках эпохи средневековья Степи и Лесостепи. Одним из крупнейших, полностью исследованных близлежащих памятников с салтовскими кремационными погребениями можно считать Сухогомольшанский некрополь VIII-X вв. (Аксенов В.С., Михеев В.К., 2006). В то же время из "317 исследованных погребений и 17 поминальных комплексов", где тщательно выделены при детальном анализе и классификации не только погребальные типологические комплексы обряда, но и локальные группы формирования могильника, полных аналогий маяцким нет. Исследованные нами кремационные захоронения имеют комплекс деталей погребального обряда, в котором соединены элементы урновых (?) и ямных захоронений, объединенных с "поминальными" комплексами. В качестве примера можно привести наличие в ямах захоронений крупных керамических сосудов (амфора в п.182) (Михеев В.К., 1985, рис.93, *12*) и комплекса набора инвентаря, аналогичного ритуальному комплексу XVII Сухогомольшанского могильника (Аксенов В.С., Михеев В.К., 2006, с.74; рис.81). Данная локальная группа формирования могильника, согласно исследованиям авторов, может быть отнесена к сер. – 2-й пол.VIII в. или к 1-й пол. IX в. (Аксенов В.С., Михеев В.К., 2006, с. 164, 165). Мы не считаем, что в кремационных погребениях Маяк присутствуют признаки традиции поминальных обрядов с ритуалом подношений умершему. По деталям погребального обряда рассматриваемые комплексы наиболее близки комплексам сожжений Южной Сибири и Тувы (Киселев С.В., 1951; Кызласов Л.Р., 1981, с.55). Показательно, что набор состава инвентаря в данных кремационных комплексах в основном повторяет сибирские и тувинские захоронения. В качестве примера можно привести наличие сбруи, оружия, тесел-мотыжек в комплексах Маяк (рис.14, *7, 13, 14*) и Тувы (Кызласов Л.Р., 1981, рис.24, 41). Уникальной является находка кетменя (рис.13, *3*) в комплексе ТС-1, раскоп I. Данный предмет наиболее характерен для земледельческих культур Средней Азии и отражает, по-видимому, как и находки костей домашнего верблюда на поселении у с.Богородичное, на Северском Донце (Сібільов Н.В., 1950, с.102), длительные торговые и экономические отношения населения Подонцовья и Средней Азии. Уже позднее, в золотоордынскую эпоху, здесь даже появляются купцы из Тараза. Не останавливаясь на детальном разборе интереснейшего и своеобразного обряда кремации умерших, по которому существует огромная источниковедческая база, еще раз напомним его восточные тюркские и среднеазиатские параллели и аналогии и возможные исторические традиции. Как считает С.Г.Кляшторный, во время беспрерывных войн большая группа племен теле мигрировала на Запад, в степи Юго-Восточной Европы. Изменения в обряде, по-видимому, отражают частичное смешение (влияние?) этносов, поскольку, как отмечает Ю.Зуев, "чистых этносов не бывает" (Зуев Ю., 2002, с.7).

Сложна и многообразна типология погребений позднего этапа существования памятника, относящегося к золотоордынской эпохе. При рассмотрении типологии погребений этого времени, как указывалось выше, было выделено три типа погребений: в простой яме – тип четыре (рис.23, *1*) и их близкие аналогии (рис.5, *3*; 17, *4, 6*; 27, *2*); в яме с заплечиками – тип пять (рис.24; 25; 27; 28); в яме с подбоем – тип шесть (рис.23, *2*; 29). Все они, как было отмечено нами ранее, впущены с поверхности культурного слоя городища, в заполнении их ям часто встречаются фрагменты керамики, обломки кирпича, отдельные вещи. Попытки отнести некоторые захоронения данного типа к числу ранних (п.5, P.I) "погребений, произведенных с соблюдением мусульманских канонов", которые "были раскопаны на салтовском безынвентарном кладбище" (Кравченко Э.Е., 2004, с.156), не могут быть признаны. Стратиграфия данной могилы (рис.28) "хорошо

прослеживается почти с поверхности (0,35 м), что говорит об ее позднем, золотоордынском времени" (Швецов М.Л., 1988, с.3). Захоронения на участке могильника Останец II дают более однородную характеристику погребений, близких к пятому типу (рис.18, *3-7*; 19). Уничтожение верхнего грунтового покрова останца строителями привело, по-видимому, к разрушению верхних слоев и конструкций могильных ям захоронений, а сохранившиеся нижние участки могил дают однотипную картину. Отмеченная нами система расположения погребений рядами с севера на юг, ориентированных с отклонениями по линии В-З (рис.18, *3*), сближает данные захоронения с погребениями золотоордынской эпохи по мусульманскому обряду.

Захоронения третьего типа (рис.22, *1, 2*), хронологически предшествующие погребениям мусульманского кладбища, по-видимому, относятся к XI-XII векам. Об этом свидетельствуют, как было отмечено нами, не только обряд погребения, но и значительные хозяйственный инвентарь, наличие жилых и хозяйственных построек, мастерских, относящихся к указанному периоду памятника.

Рассмотрение нами археологического материала погребальных комплексов могильника Маяки не может быть окончательным и полным без проведения антропологических исследований захоронений и их комплексного изучения. Перейдем к анализу и характеристике антропологических материалов, согласно поставленной цели.

Нами предпринята попытка дифференциации краниологического материала в соответствии с типами захоронений. Исходя из данных, представленных в табл.2, выявлена достоверная связь типов захоронений только с возрастом погребенных и с положением костяка. Взрослых хоронили в ямах с заплечиками, в простых ямах и очень редко – в ямах с подбоем.

Анализируемая краниологическая серия состоит из 47 черепов различной сохранности (из них 9 детских, 2 юношеских, 17 мужских и 19 женских). Индивидуальные данные черепов представлены в табл.3-5. Нами был проведен анализ среднеквадратических отклонений общей серии и серии, разделенной по типу погребений. Помимо этого, во втором случае был рассчитан t-критерий Стьюдента (табл.6, 7). В мужской части общей серии представлены черепа только из погребений I и II типов. Она характеризуется завышенным значением среднеквадратического отклонения по большинству признаков, что свидетельствует о ее значительной неоднородности. При разделении общей выборки по типам погребений выявляется несколько большая однородность серии из погребений типа I. На наш взгляд, эта особенность связана, скорее всего, с разной численностью черепов (I тип – 4, II – 13). По t-критерию достоверно различаются только значения назомолярного угла. Таким образом, разделение выборки по типу погребений, по нашему мнению, является искусственным и анализ их на межгрупповом уровне не имеет смысла.

Результаты проведенного внутригруппового анализа по методу главных компонент также говорят о неоднородности изучаемой серии. На первую и вторую компоненты приходится более 52% внутригрупповой изменчивости. Таксономически значимы по первой компоненте скуловой (45) и поперечный (8) диаметры, ширина орбиты (51) и верхняя высота лица (48); по второй – продольный диаметр (1), дакриальная (DS) и симотическая (SS) высоты и зигомаксиллярный угол (<Zm) с отрицательным значением. Черепа из погребений 39, 42 и 8 выделяются на дендрограмме (рис.30) в отдельный кластер. Значительно отличается от всей серии череп из погребения 5. В связи с этим при межгрупповом анализе последний был исключен из подсчета средних, а черепа из двух выделенных кластеров анализировались отдельно.

Анализ среднеквадратических отклонений и t-критерия Стьюдента (табл.7), проведенный для женской выборки, также демонстрирует ее значительную неоднородность. Среднеквадратическое отклонение завышено по большинству показателей как в общей

серии, так и в выборках по типу погребений. Как и в мужской части, достоверные различия в сериях по типу погребений отсутствуют. Следовательно, еще раз подтверждается вывод об искусственности разделения серии на основании типа погребального сооружения. Проведенный внутригрупповой анализ женской выборки с использованием метода главных компонент показал, что на первую и вторую компоненты приходится более 52% изменчивости. По первой компоненте наиболее значимы дакриальная высота (DS), ширина орбиты (51), верхняя высота лица (48) и высота носа (55); по второй – назомолярный угол (77), ширина носа (54), скуловой диаметр (45) и зигомаксиллярный угол (<Zm). Полученная дендрограмма подтверждает очевидную неоднородность серии, которая разделяется на два больших кластера (рис.31). По нашему мнению, они также могут анализироваться раздельно на межгрупповом уровне.

Межгрупповой анализ мужской серии проводился в два этапа, на первом изучалась общая серия, на втором – разделенная на группы, выявленные при внутригрупповом анализе. Выборка исследовалась по 16 признакам (1, 8, 17, 45, 48, 55, 54, 51, 52, 77, <Zm, DC, DS, SC, SS, 75(1)) с применением метода главных компонент. Для сравнения были привлечены 37 серий эпохи средневековья юга Восточной Европы, севера Средней Азии и Казахстана. При анализе общей выборки на первую и вторую компоненты приходится более 50% изменчивости. Наиболее значимыми по первой компоненте являются зигомаксиллярный угол (<Zm), скуловой диаметр (45), назомолярный угол (77) и поперечный диаметр (8), по второй – продольный диаметр (1), угол выступания носа (75(1)), высота орбиты (52) и симотическая высота (SS). Серия из могильника Маяки (рис.32) объединяется в один кластер с сериями из следующих могильников: Измерского, Хан-Тюбе, Малого минарета (Булгар), Кайбелы и Саркела.

При анализе выделенных морфологических групп нагрузка на первые две компоненты несколько снижается (более 48%), но при этом значимыми остаются те же признаки. На графике (рис.33) наблюдается несколько иная картина. Первая группа (М1) перемещается в нижнюю левую часть графика и объединяется с серией из Бахчисарая, к ней близка мусульманская серия Евпаторийского уезда; вторая же (М2) – в противоположном направлении и располагается очень близко к выборке из Ханской усыпальницы г.Булгар. Учитывая тот факт, что местоположение остальных серий при сопоставлении этих двух графиков не изменяется, можно считать, что общая выборка, представленная на первом графике, является результатом механического смешения двух различных антропологических комплексов. Таким образом, по нашему мнению, второй график более точно характеризует антропологические особенности серии из могильника Маяки. Археологические материалы также подтверждают неоднородность населения городищ Подонцовья, которое сформировалось на основе местного праболгарского (зливкинского) и половецкого XII – 1-й пол.XIII в., а, согласно данным письменных источников, – частично и аланского населения IX-XI вв.

Женская выборка анализировалась по 13 признакам (1, 8, 17, 45, 48, 55, 54, 51, 52, 77, <Zm, SC, SS). Во многих сравнительных сериях отсутствовали такие важные признаки, как дакриальные ширина и высота (DC и DS) и угол выступания носа – 75(1). Для сравнения были привлечены 30 серий эпохи средневековья юга Восточной Европы, севера Средней Азии и Казахстана. При анализе общей выборки на первые две компоненты приходится более 50% внутригрупповой изменчивости. Значимыми по первой компоненте являются следующие признаки: высота носа (55), скуловой (45) и продольный (8) диаметры и верхняя высота лица (48), а по второй – симотические высота и ширина (SC и SS), высота орбиты (52) и высотный диаметр (17) с отрицательным значением. На рис.34 серия из могильника Маяки, находясь практически в центре графика, объединяется с сериями из могильников: Маджар, Каменка, Старый

Орхей и Кайбелы. Этот вывод не противоречит историческим данным. Проведенные археологические исследования на одном из крупнейших памятников на Донце у с.Маяки выявили наличие как западных, так и восточных элементов в материальной и духовной культуре населения XIII-XIV веков. Одним из важнейших проявлений элементов восточной духовной культуры является присутствие в пределах памятника мусульманского могильника. Городища Подонцовья располагались на стыке трасс Великого Шелкового пути, и в изучаемый отрезок времени местное население подвергалось даже насильственному перемещению (переселению монголами после прихода в степи Дешт-и-Кыпчак) (Федоров-Давыдов Г.А., 1966).

Анализ выделенных морфологических групп полностью выявляет ту же картину, которая была получена для мужской выборки. В незначительной степени уменьшается нагрузка на I и II компоненты (более 48%), при этом значимыми остаются те же признаки. На графике (рис.35) группа М1 объединяется в один кластер с сериями из Саркела (Правобережное городище), могильников Восточного Казахстана, Булгара и Селитренного, а М2 – с сериями из могильников Измерский и Старо-Куйбышевский (X-XII вв.). По историческим и археологическим данным, земли между Поволжьем и Крымом были заселены популяциями, близкими по морфологическому облику. Население степей Казахстана в этот период характеризуется в основном тем же антропологическим типом.

* * *

Подводя общий итог предложенного исследования, необходимо отметить:

1. Материалы полевых исследований 1988-1991 гг на памятнике дают возможность говорить о его заселении с VII по 3-ю четв.XIV века. Захоронения в могильниках, исследованных экспедицией в этот период, относятся не только к разным, сменяющим друг друга хронологическим периодам, но и к обрядам, присущим разным конфессиональным группам населения и разным антропологическим группам погребенных. Значительные отличия от всей серии черепов из погребений 39, 42 и 8, объединяющихся в отдельный кластер, подтверждаются и отличием в их погребальном обряде.

2. Наличие на одном участке исследованных могильников погребений с разным погребальным обрядом, по-видимому, говорит не об их совместимости, а о функционировании участков могильника в разные хронологические периоды. На это указывают и выявленные случаи стратиграфических нарушений отдельных захоронений. Однако для разных хронологических групп или этапов могут быть свойственны не только одинаковые элементы погребальных обрядов, но и обряды, существующие во все хронологические периоды, имеющие черты разных конфессиональных групп.

3. Разнообразие типов погребальных конструкций для захоронений по мусульманскому обряду отражает не их хронологическую последовательность, ибо они все относятся к золотоордынской эпохе, а, по-видимому, разницу их этнической составляющей. Это хорошо видно по значительному отличию от всей серии черепа из погребения 5.

4. Материалы антропологического анализа могильников подтверждают неоднородность населения городищ Подонцовья, сформировавшегося на основе местного праболгарского (зливкинского) и степного половецкого (?) населения XII – 1-й пол.XIII века. Согласно данным письменных источников, частичным компонентом является и аланское население IX-XI веков. Однако данных о заселении региона Среднего Подонцовья и близлежащих территорий в IX-XII вв. мусульманами, тем более в таком значительными количестве, нет. Ни византийские, ни тем более русские летописи не могли бы не отметить такого важного политического и тем более конфессионального фактора о своих соседях.

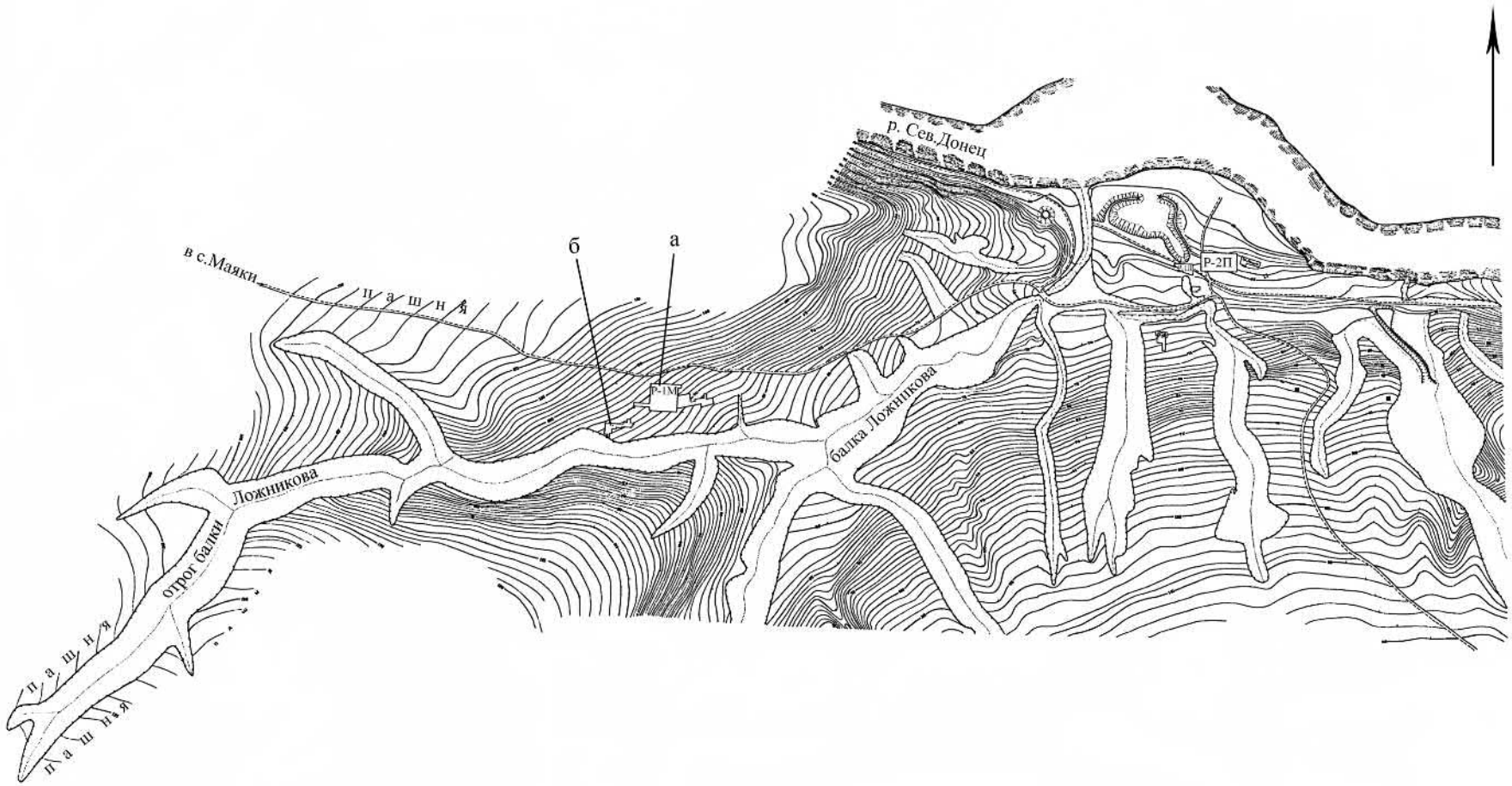


Рис. 1. Ситуационный план памятника “Царино городище” у с.Маяки Славянского р-на, на правом берегу р.Северский Донец: *а – могильник I; б – могильник II.*

Fig. 1. The general location plan of the “Tsarino hillfort” site near Maiaki village of Slaviansk region, on the right bank of the Severskii Donets river: *а – burial ground I; б – burial ground II*

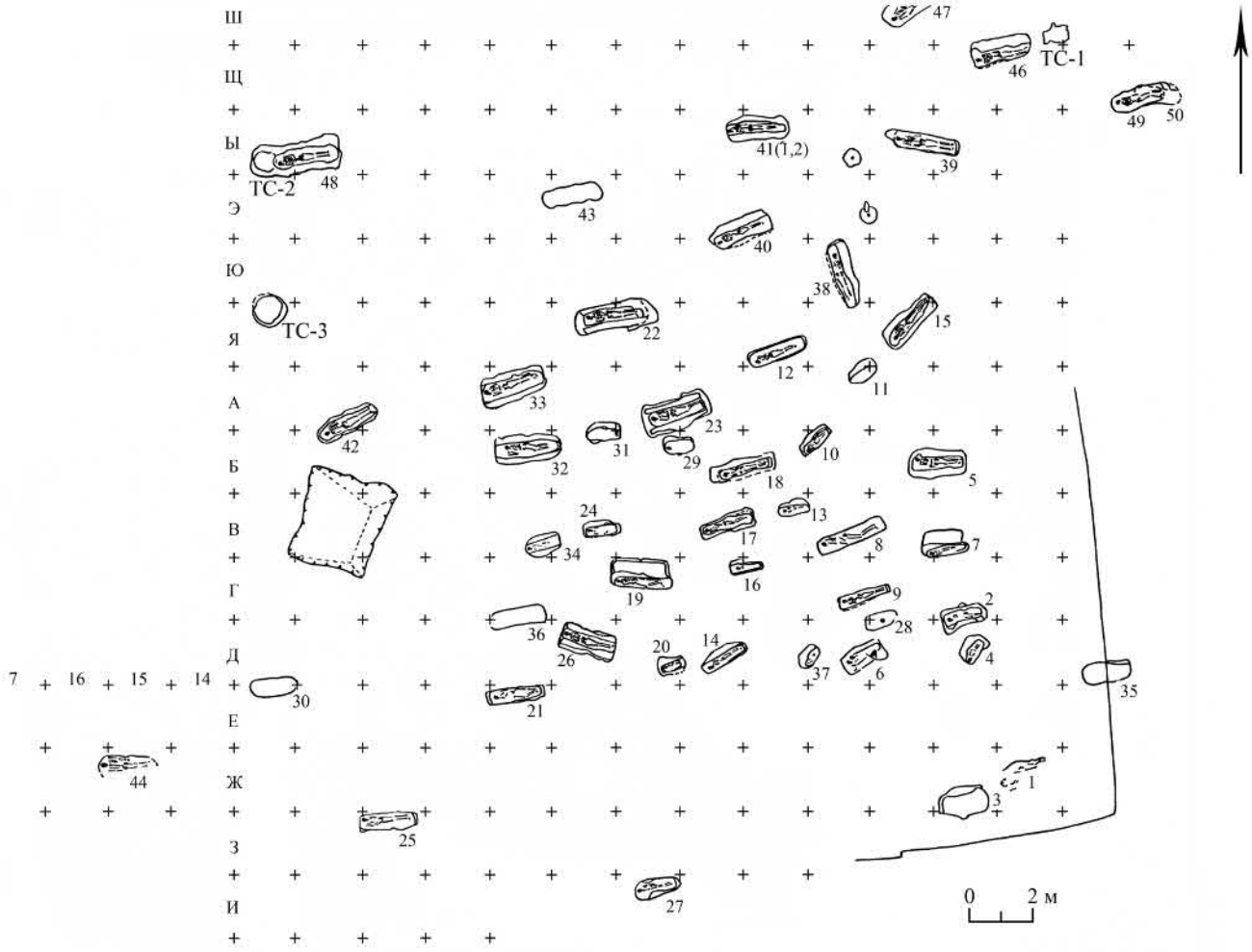


Рис. 2. Общий план могильника I. Раскоп I. 1988-1989 гг.: *1-50 – захоронения по обряду трупоположения; ТС-1, ТС-2, ТС-3 – погребения по обряду трупосожжения.*

Fig. 2. The general layout of burial ground I. Excavation site I. 1988-1989: *1-50 – inhumations; TC-1, TC-2, TC-3 – cremations*

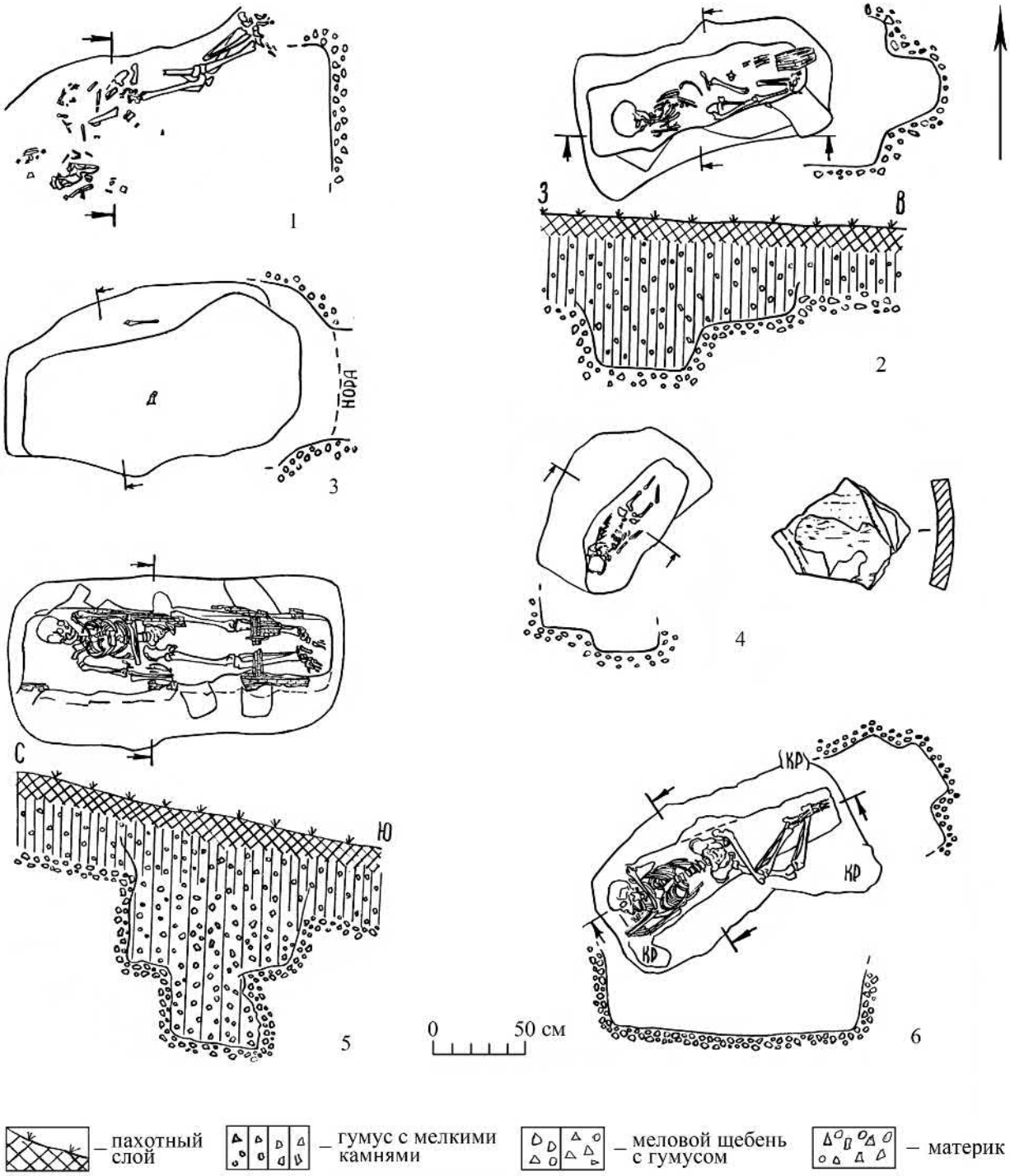


Рис. 3. Погребения из раскопа I: *1 – п.1, план и разрез; 2 – п.2, план и разрезы; 3 – п.3, план и разрез; 4 – п.4, план, разрез, фрагмент керамики из заполнения ямы; 5 – п.5, план и разрез; 6 – п.6, план и разрезы.*

Fig. 3. Burials from excavation site I: *1 – burial 1, the layout and section; 2 – burial 2, the layout and sections; 3 – burial 3, the layout and the section; 4 – burial 4, the layout, section, a fragment of pottery from the filling of a pit; 5 – burial 5, the layout and the section; 6 – burial 6, the layout and the sections*

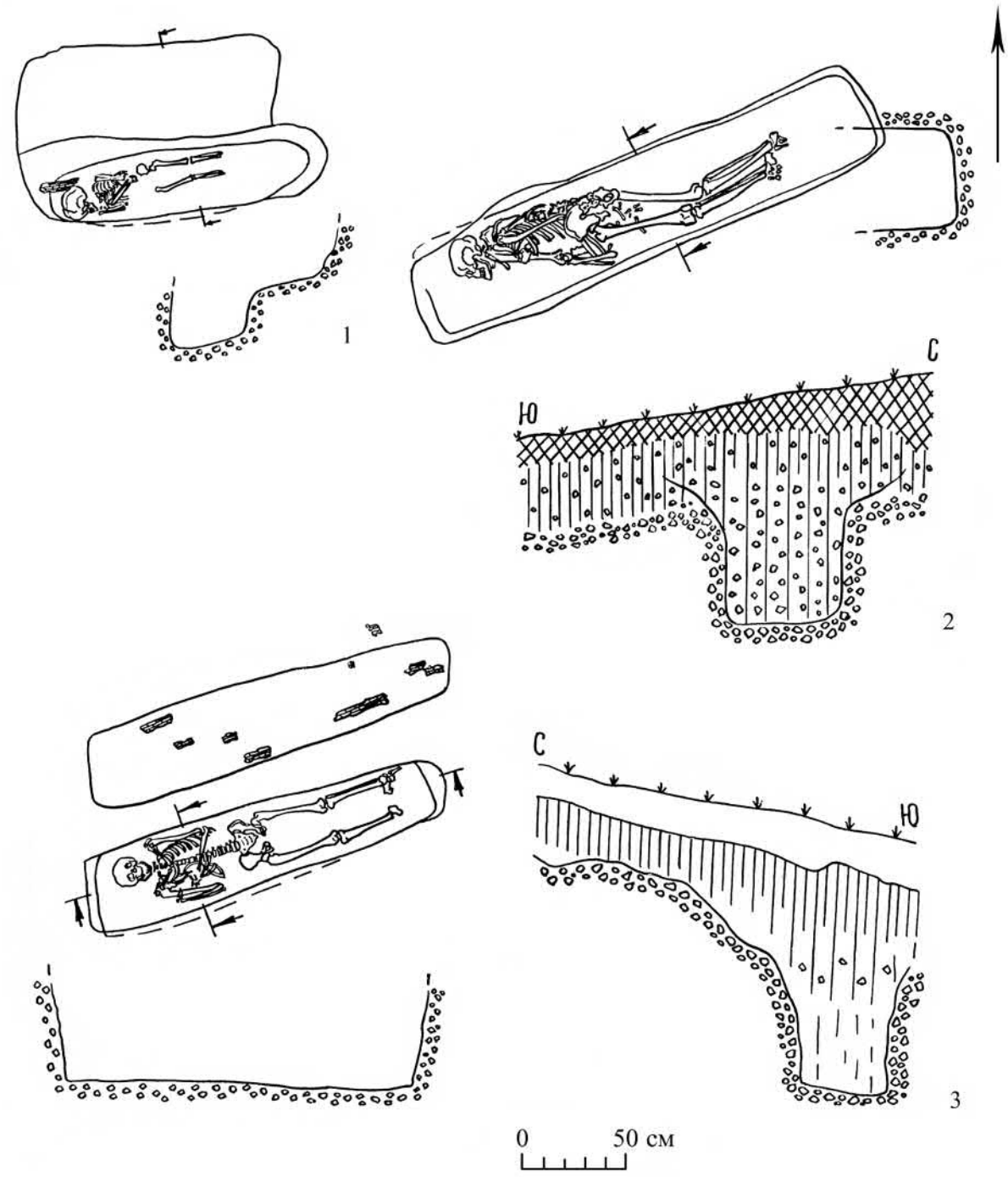


Рис. 4. Погребения из раскопа I: *1 – п.7, план и разрез; 2 – п.8, план и разрез; 3 – п.9, план перекрытия, план погребения, разрезы.*

Fig. 4. Burials from excavation site I: *1 – burial 7, the layout and section; 2 – burial 8, the layout and section; 3 – burial 9, the layout of the covering, the burial layout, sections*

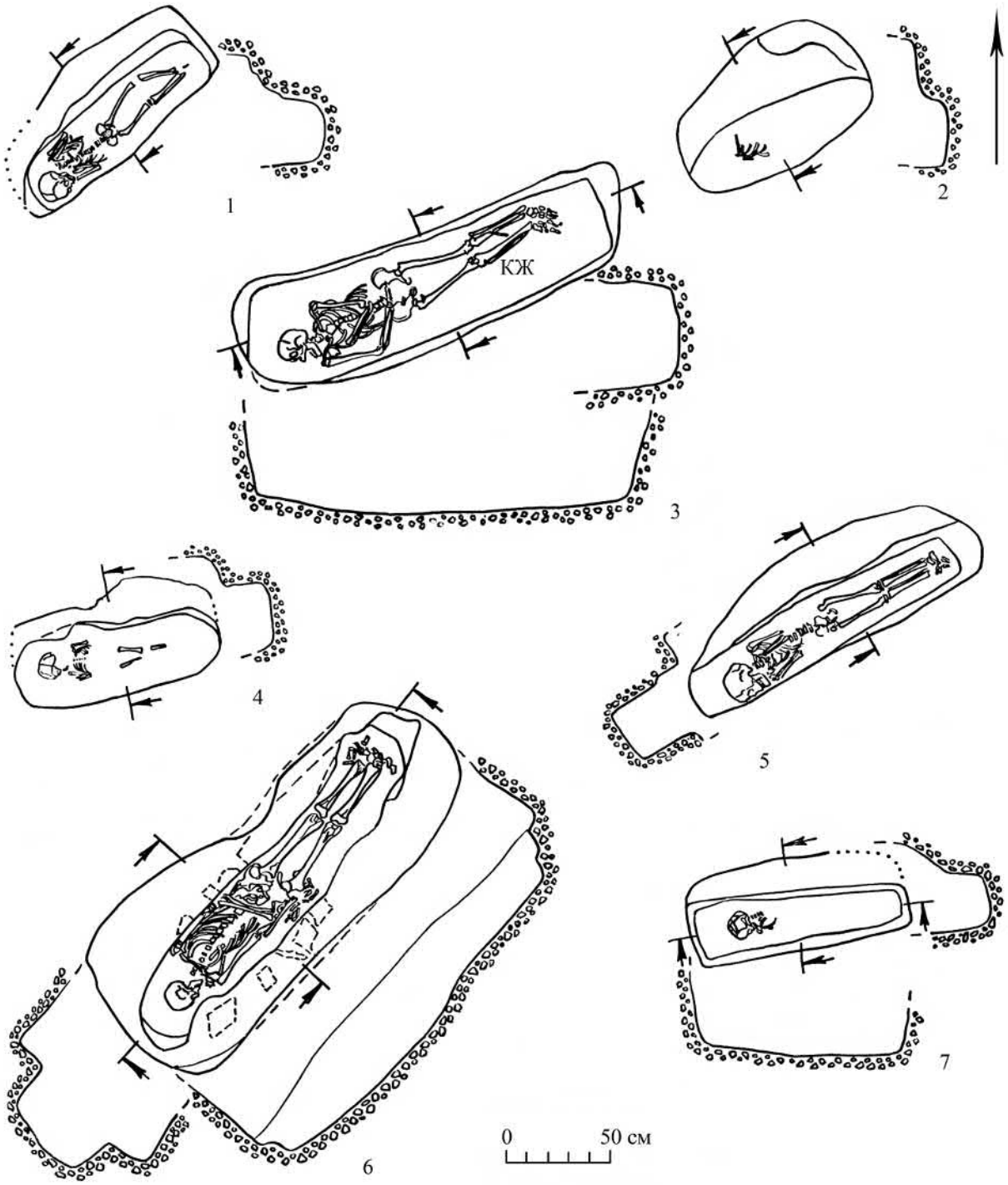


Рис. 5. Погребения из раскопа I: *1 – п.10, план и разрез; 2 – п.11, план и разрез; 3 – п.12, план и разрезы; 4 – п.13, план и разрез; 5 – п.14, план и разрез; 6 – п.15, план и разрезы; 7 – п.16, план и разрезы.*

Fig. 5. Burials from excavation site I: *1 – burial 10, the layout and section; 2 – burial 11, the layout and section; 3 – burial 12, the layout and sections; 4 – burial 13, the layout and section; 5 – burial 14, the layout and the section; 6 – burial 15, the layout and sections; 7 – burial 16, the layout and sections*

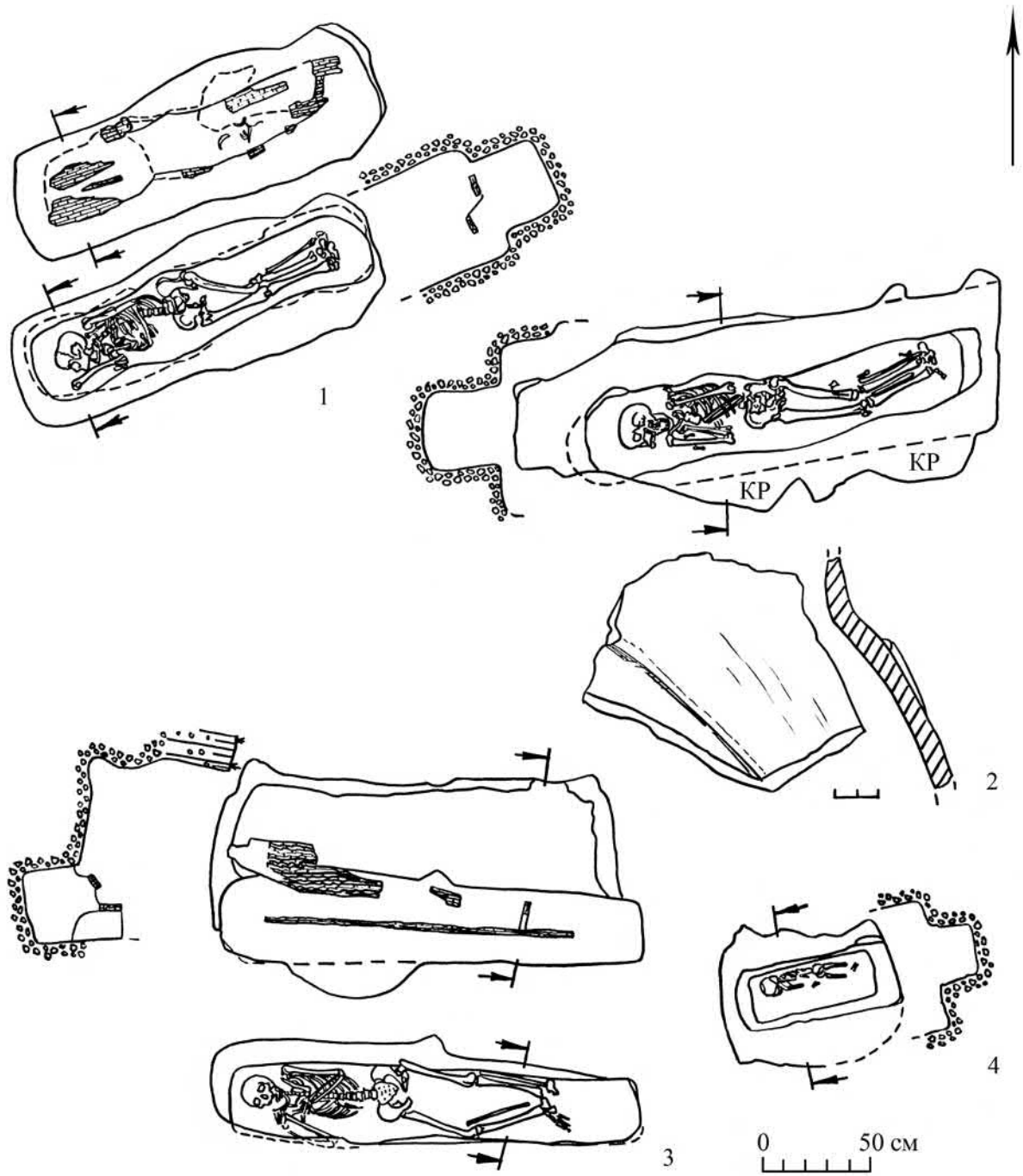


Рис. 6. Погребения из раскопа I: *1 – п.17, план перекрытия, план погребения, разрез; 2 – п.18, план и разрез, фрагмент керамики; 3 – п.19, план перекрытия подбоя, план погребения, разрез; 4 – п.20, план и разрез.*

Fig. 6. Burials from excavation site I: *1 – burial 17, the layout of the covering, the burial layout, the section; 2 – burial 18, the layout and the section, a fragment of pottery; 3 – burial 19, the layout of the covering of a grave niche, the burial layout, the section; 4 – burial 20, the layout and the section*

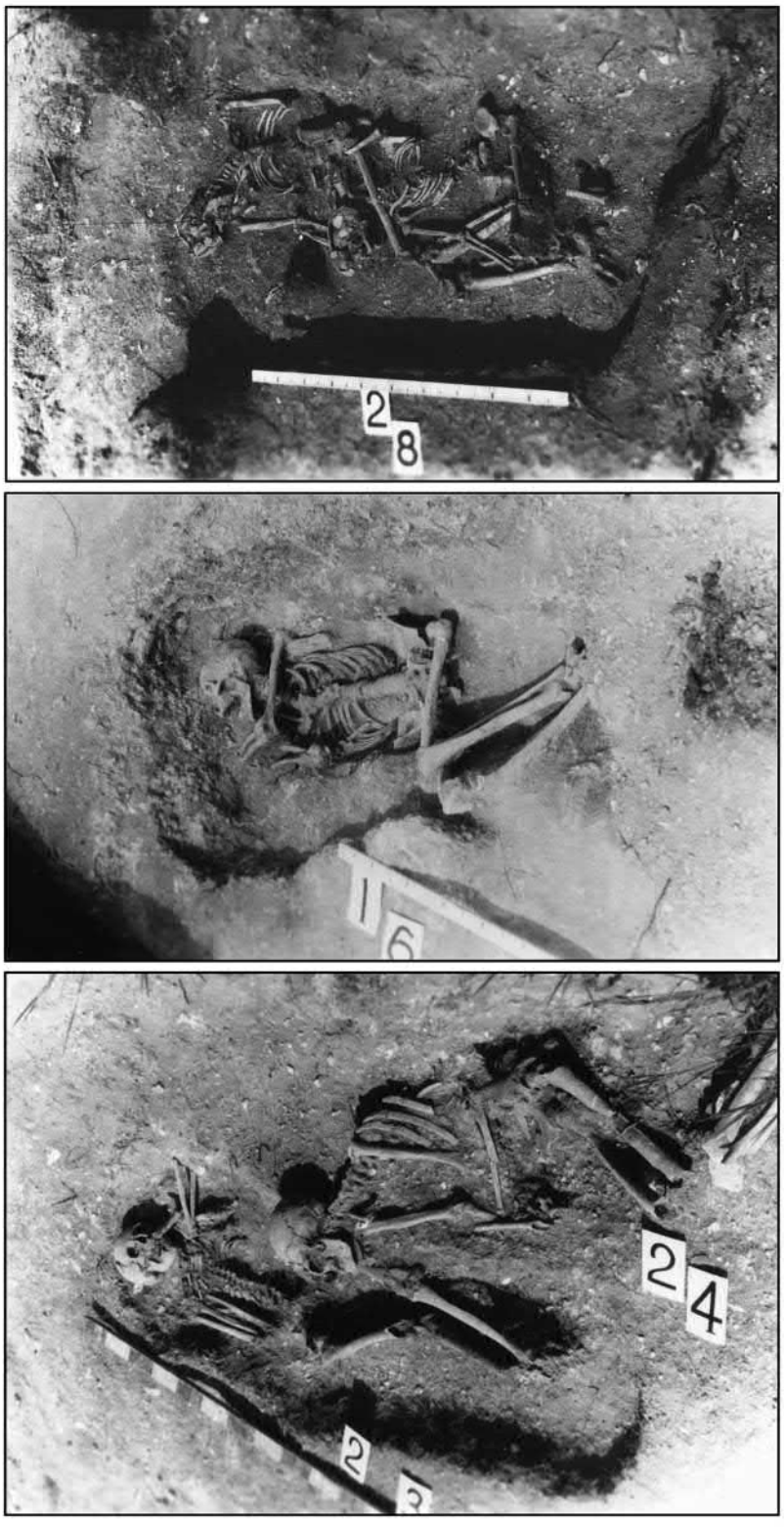


Рис. 7. Фото: *1 – погребение 8, P.II; 2 – погребение 6, P.I; 3 – погребение 3, 4, P.II.*

Fig. 7. Photos: *1 – burial 8, excavation site II; 2 – burial 6, excavation site I; 3 – burials 3, 4, excavation site II*

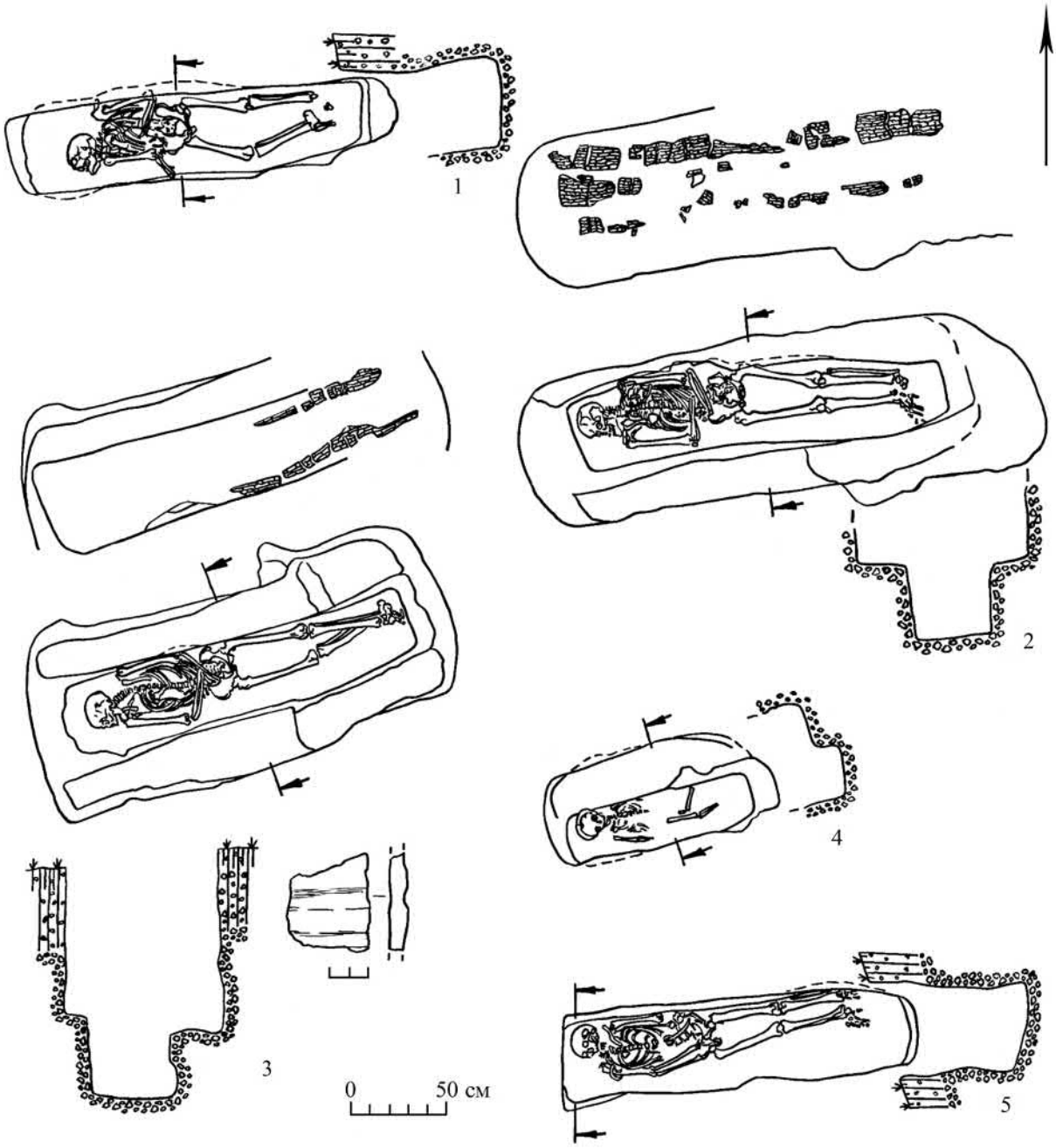


Рис. 8. Погребения из раскопа I: *1 – п.21, план и разрез; 2 – п.22, деревянное перекрытие, план погребения, разрез; 3 – п.23, план перекрытия, план погребения, разрез, фрагмент керамики из заполнения ямы; 4 – п.24, план и разрез; 5 – п.25, план и разрез.*

Fig. 8. Burials from excavation site I: *1 – burial 21, the layout and the section; 2 – burial 22, a wooden covering, the burial layout, the section; 3 – burial 23, the layout of the covering, the burial layout, the section, a fragment of pottery from the pit filling; 4 – burial 24, the layout and the section; 5 – burial 25, the layout and the section*

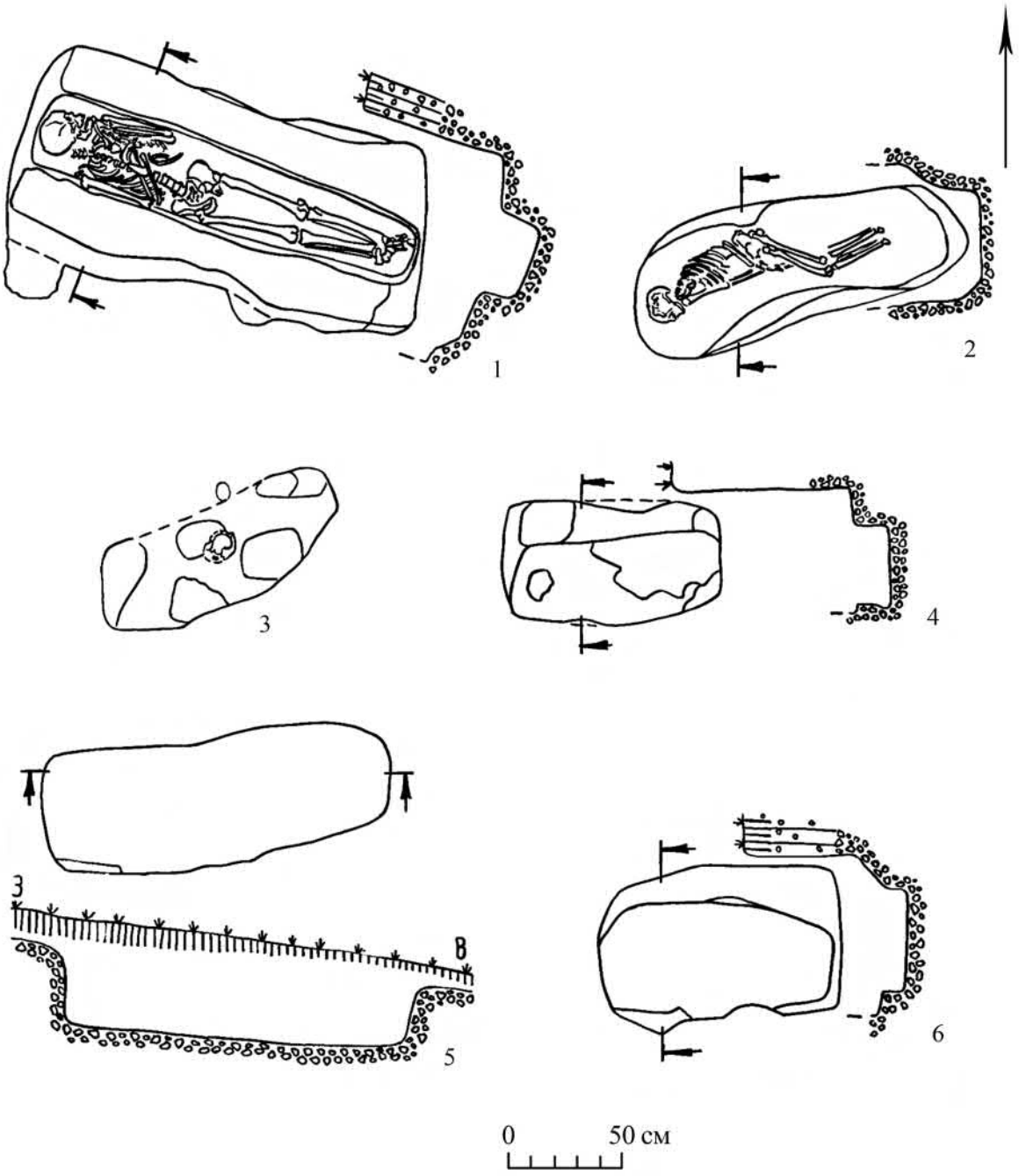


Рис. 9. Погребения из раскопа I: *1 – п.26, план и разрез; 2 – п.27, план и разрез; 3 – п.28, план; 4 – п.29, план и разрез; 5 – п.30, план и разрез; 6 – п.31, план и разрез.*

Fig. 9. Burials from excavation site I: *1 – burial 26, the layout and the section; 2 – burial 27, the layout and the section; 3 – burial 28, the layout; 4 – burial 29, the layout and the section; 5 – burial 30, the layout and the section; 6 – burial 31, the layout and the section*

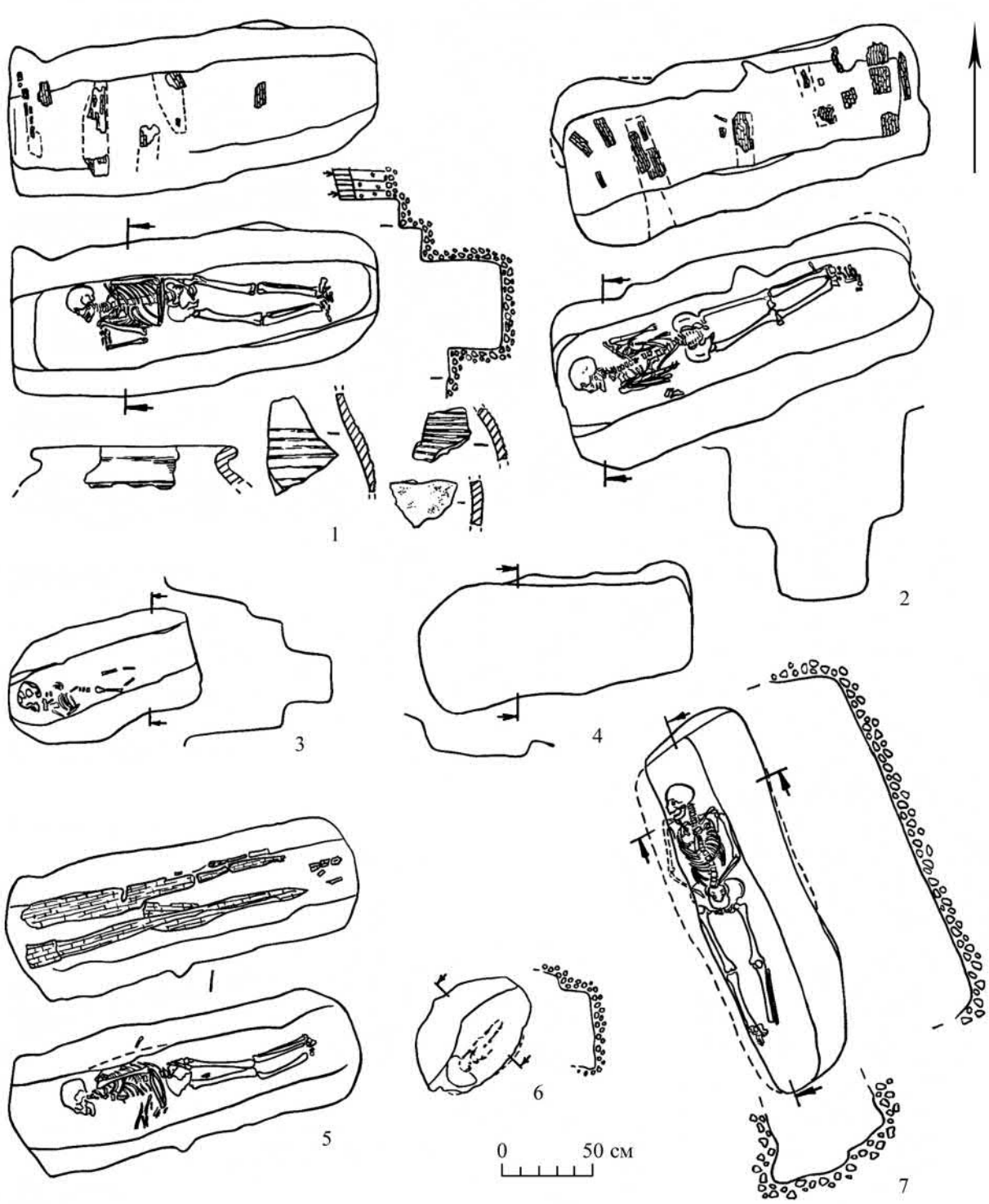


Рис. 10. Погребения из раскопа I: *1 – п.32, план перекрытия, план погребения, разрез, фрагменты керамики из заполнения ямы; 2 – п.33, план перекрытия, план погребения, разрез; 3 – п.34, план и разрез; 4 – п.35, план ямы; 5 – п.36, план перекрытия, план погребения; 6 – п.37, план и разрез; 7 – п.38, план и разрезы.*

Fig. 10. Burials from excavation site I: *1 – burial 32, the layout of the covering, the burial layout, the section, fragments of pottery from the pit filling; 2 – burial 33, the layout of the covering, the burial layout, the section; 3 – burial 34, the layout and the section; 4 – burial 35, the pit layout; 5 – burial 36, the layout of the covering, the burial layout; 6 – burial 37, the layout and the section; 7 – burial 38, the layout and the sections*

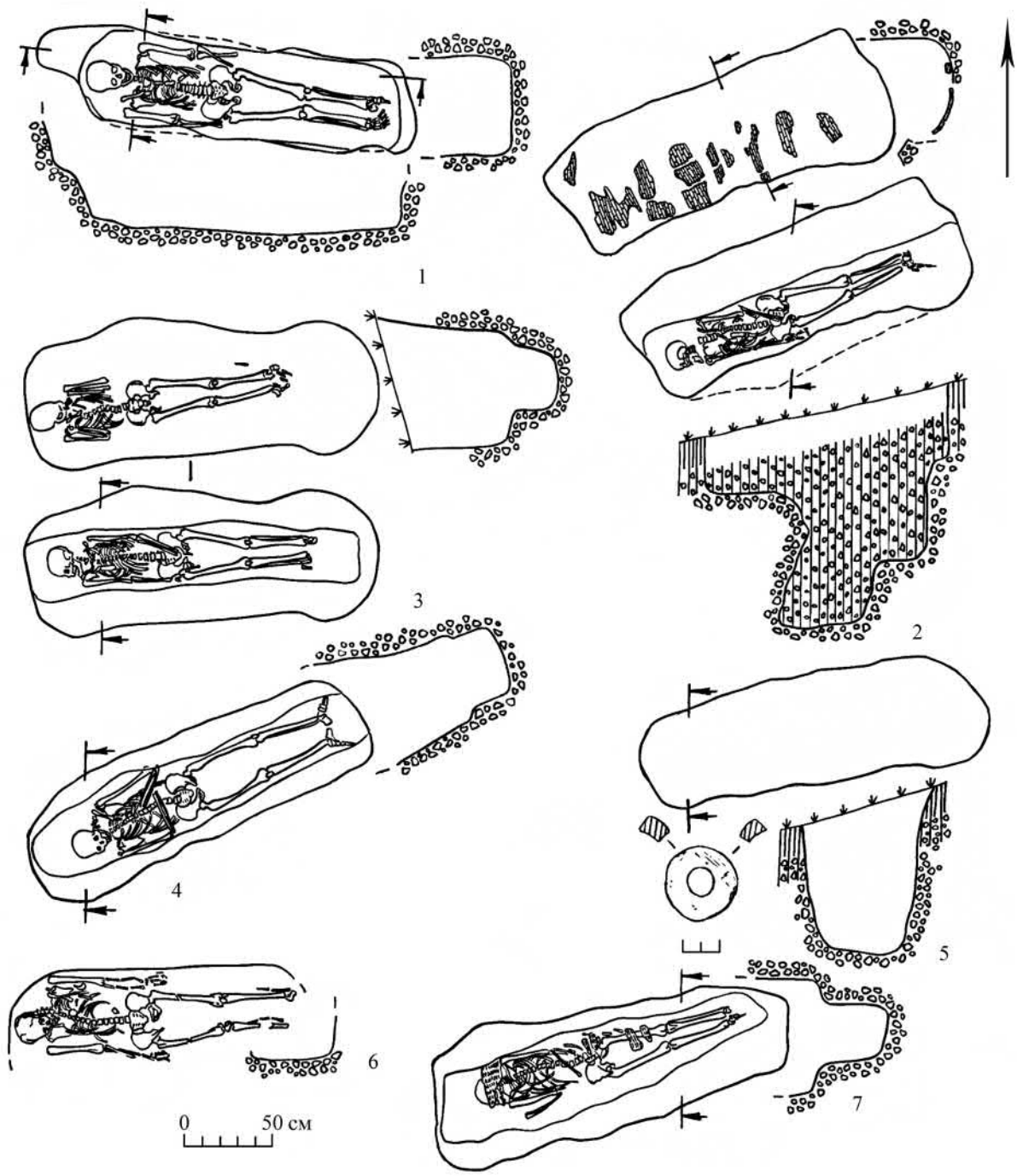


Рис. 11. Погребения из раскопа I: *1 – п.39, план и разрезы; 2 – п.40, план деревянного перекрытия входа в подбой, разрез входа в подбой, план погребения, разрез ямы с уровня впуска в слой; 3 – п.41, план верхнего захоронения, план нижнего скелета, разрез ямы; 4 – п.42, план и разрез; 5 – п.43, план и разрез, пряслице из стенки амфоры; 6 – п.44, план и разрез; 7 – п.45, план и разрез.*

Fig. 11. Burials from excavation site I: *1 – burial 39, the layout and the sections; 2 – burial 40, the layout of a wooden covering of a grave niche entrance, the section of a grave niche entrance, the burial layout, the pit section at the level of its inlet in a layer; 3 – burial 41, the layout of the upper burial, the layout of the lower skeleton, the pit section; 4 – burial 42, the layout and the section; 5 – burial 43, the layout and the section, a spindle whorl made of an amphora wall; 6 – burial 44, the layout and the section; 7 – burial 45, the layout and the section*

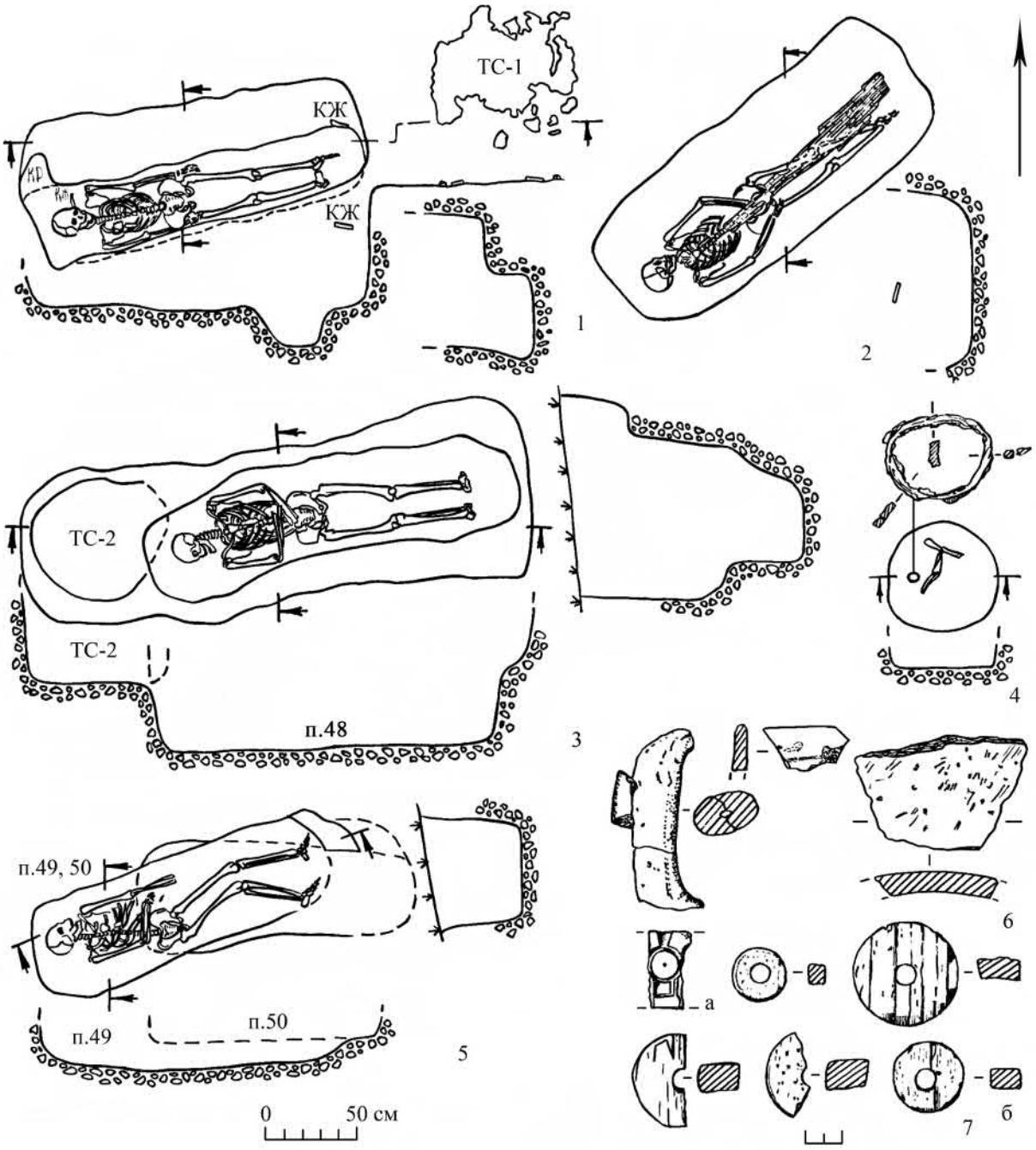


Рис. 12. Погребения из раскопа I: *1 – п.46 и ТС-1, планы и разрезы; 2 – п.47, план и разрез; 3 – п.48 и ТС-2, план, разрезы; 4 – разрушенная яма от трупосожжений в центральной части раскопа I, железное кольцо из ямы; 5 – п.49, 50, план и разрезы; 6 – отдельные находки из заполнения ям п.49, 50; 7 – вещи, выброшенные из ТС-2 при совершении погребения 48: а – фрагмент литейной формы, б – пряслица и их фрагменты, найденные вокруг п.48.*

Fig. 12. Burials from excavation site I: *1 – burial 46 and TC-1, the layouts and the sections; 2 – burial 47, the layout and the section; 3 – burial 48 and TC-2, the layout, the sections; 4 – the destroyed pit of cremations in the middle of excavation site I, an iron ring from a pit; 5 – burial 49, 50, the layout and the sections; 6 – single findings from the pits filling of burials 49, 50; 7 – the artifacts which have been thrown out of TC-2 when digging burial 48: a – a casting mould fragment, б – spindle whorls and their fragments found around burial 48*

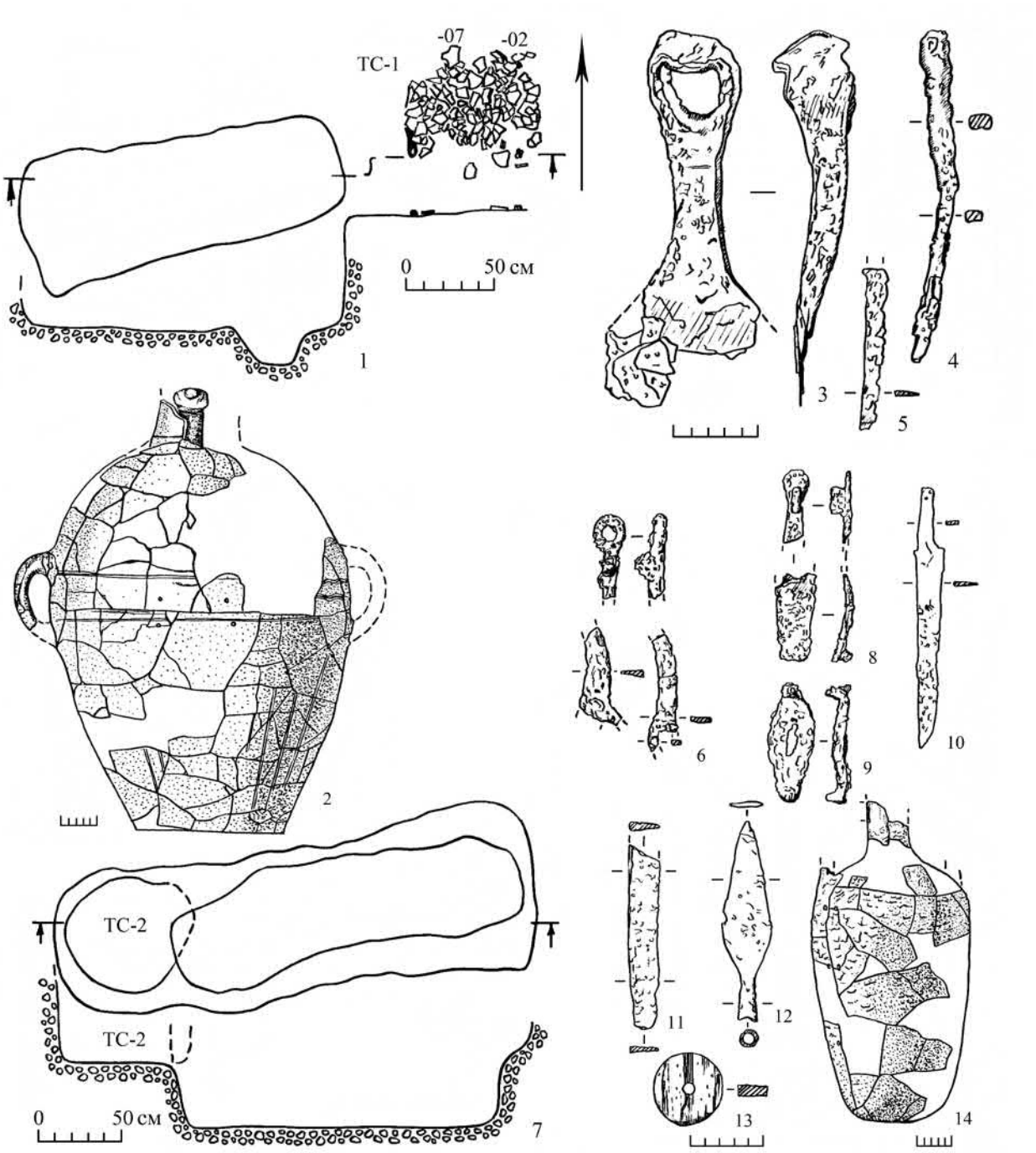


Рис. 13. Погребения по обряду кремации из раскопа I: *1 – п.46 и ТС-1, планы и разрез; 2 – трехручный сосуд из ТС-1; 3 – кетмень из ТС-1; 4 – железный стержень из ТС-1; 5 – железная пластина из ТС-1 (фрагмент ножа?); 6 – фрагменты от прокаленных удил с псалиями из ТС-1; 7 – п.48 и ТС-2, план и разрез; 8 – фрагменты железной фибулы из ТС-2; 9 – ледоступ из ТС-2; 10 – железный нож из ТС-2; 11 – фрагмент железного ножа из ТС-2; 12 – наконечник копья из ТС-2; 13 – пряслице из ТС-2; 14 – двуручная красноглиняная амфора из ТС-2.*

Fig. 13. Cremations from excavation site I: *1 – burial 46 and TC-1, the layouts and the section; 2 – a three-handle vessel from TC-1; 3 – a ketmen from TC-1; 4 – an iron rod from TC-1; 5 – an iron plate from TC-1 (a fragment of a knife?); 6 – fragments of the burnt bits with cheek-pieces from TC-1; 7 – burial 48 and TC-2, the layout and the section; 8 – fragments of iron fibula from TC-2; 9 – an ice step from TC-2; 10 – an iron knife from TC-2; 11 – a fragment of an iron knife from TC-2; 12 – a spearhead from TC-2; 13 – a spindle whorl from TC-2; 14 – a two-handle red-clay amphora from TC-2*

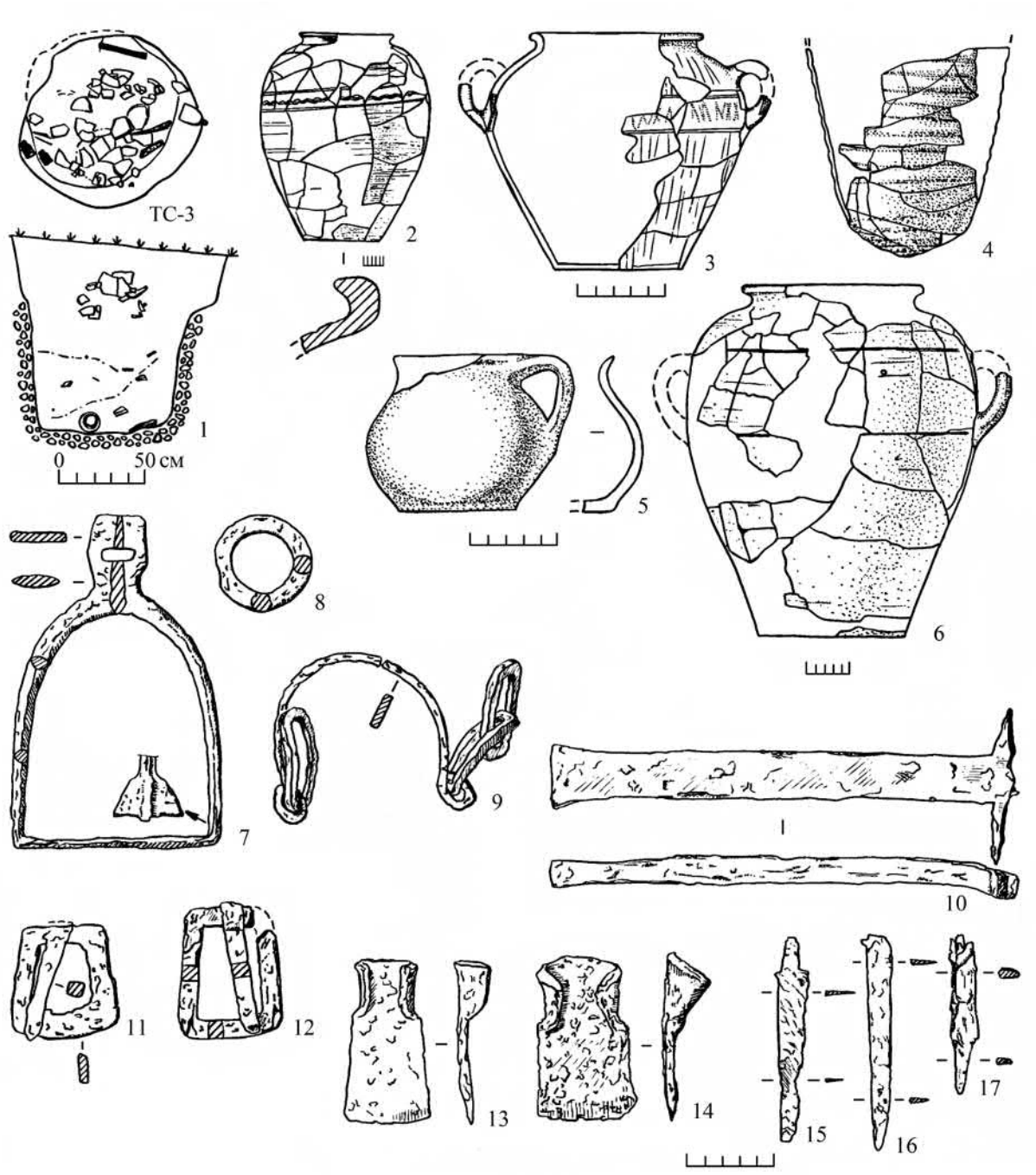


Рис. 14. Погребение по обряду кремации из раскопа I (ТС-3): *1 – план и разрез; 2 – горшок-корчага сероглиняная; 3 – горшок сероглиняный с двумя ручками; 4 – амфора красноглиняная, круглодонная; 5 – кружка; 6 – корчага; 7 – стремя; 8 – кольцо сбруйное; 9 – "путы"; 10 – "клевец"; 11, 12 – подпружные пряжки; 13, 14 – тесла-мотыжки; 15-17 – ножи.*

Fig. 14. Cremation from excavation site I (TC-3): *1 – the layout and the section; 2 – a grey-clay pot-korchaga; 3 – a grey-clay pot with two handles; 4 – a red-clay amphora with a round bottom; 5 – a mug; 6 – a large earthenware pot; 7 – a stirrup; 8 – a horse harness ring; 9 – a "hobble"; 10 – a "spike-hummer"; 11, 12 – girth buckles; 13, 14 – little adze-mattocks; 15-17 – knives*

Рис. 15. Фото сосудов из кремаций: *1 – трехручный сосуд из ТС-1; 2 – двуручная красноглиняная амфора из ТС-2; 3 – горшок-корчага из ТС-3; 4 – горшок сероглиняный из ТС-3.*

Fig. 15. Photos of vessels from cremations: *1 –a three-handle vessel from TC-1; 2 – a two-handle red-clay amphora from TC-2; 3 – a large earthenware pot from TC-3; 4 – a pot grey-clay from TC-3*

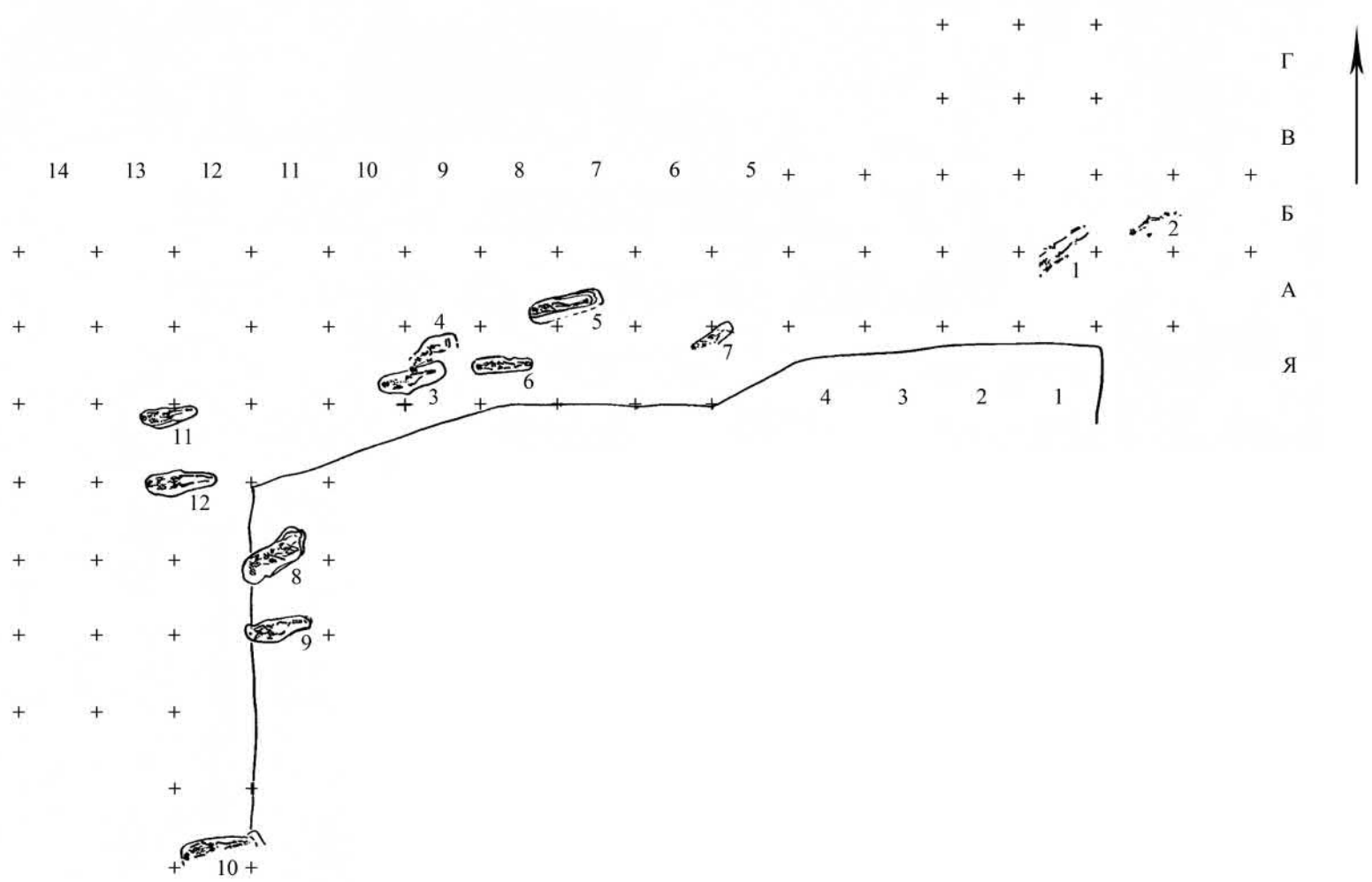


Рис.16. Раскоп II. План погребений.
Fig. 16. Excavation site II. The layout of burials

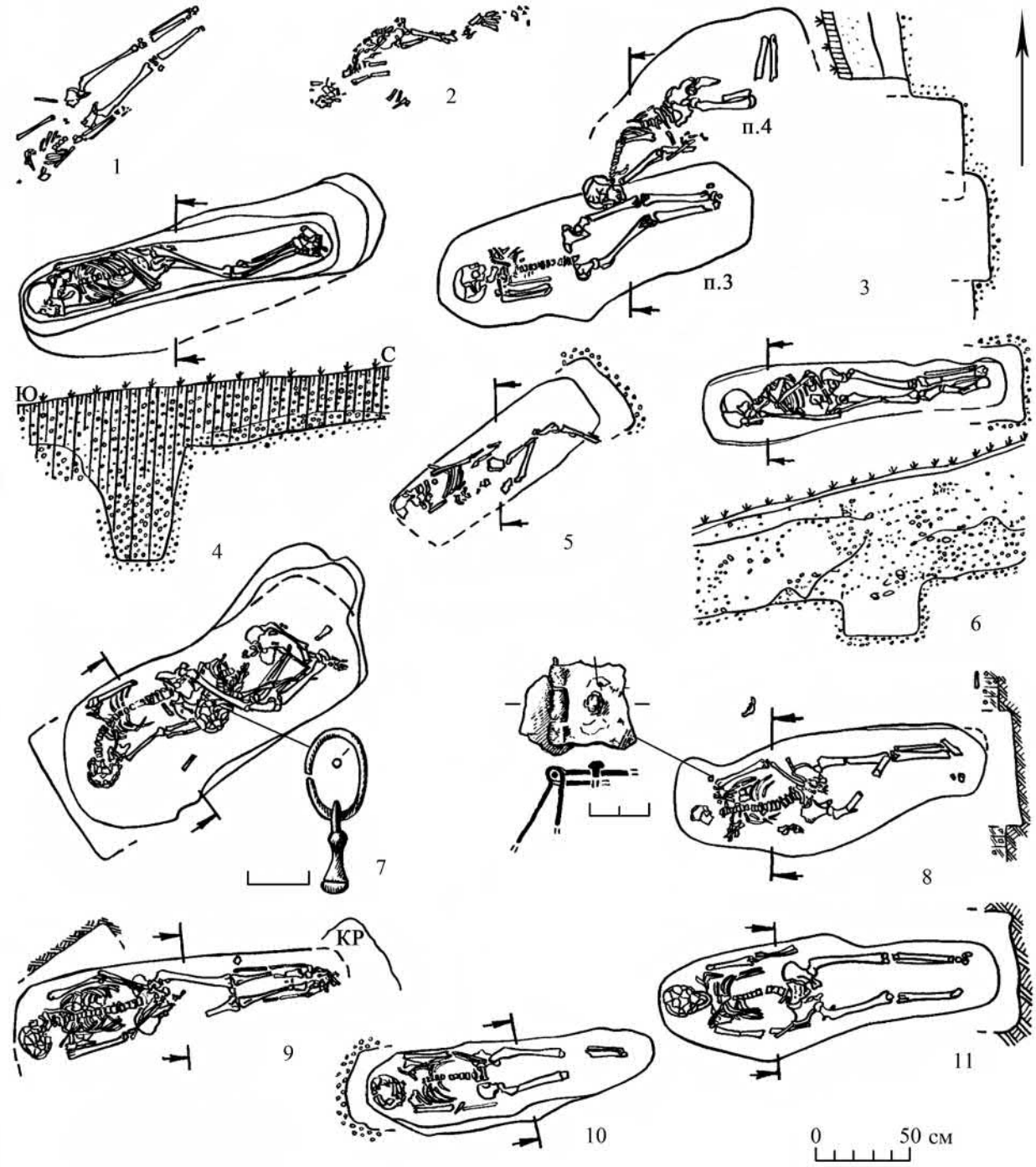


Рис. 17. Погребения из раскопа II: *1 – п.1; 2 – п.2; 3 – п.3, 4, план и разрез; 4 – п.5, план и разрез, профиль бровки; 5 – п.7, план и разрез; 6 – п.6, план и разрез, профиль бровки; 7 – п.8, план и разрез, серьга; 8 – п.9, план и разрез, фрагмент железной накладки от доспеха; 9 – п.10, план и разрез; 10 – п.11, план и разрез; 11 – п.12, план и разрез.*

Fig. 17. Burials from excavation site II: *1 – burial 1; 2 – burial 2; 3 – burial 3, 4, the layout and the section; 4 – burial 5, the layout and the section, a section of the edge; 5 – burial 7, the layout and the section; 6 – burial 6, the layout and the section, a section of the edge; 7 – burial 8, the layout and the section, an earring; 8 – burial 9, the layout and the section, a fragment of an iron overlay of an armour; 9 – burial 10, the layout and the section; 10 – burial 11, the layout and the section; 11 – burial 12, the layout and the section*

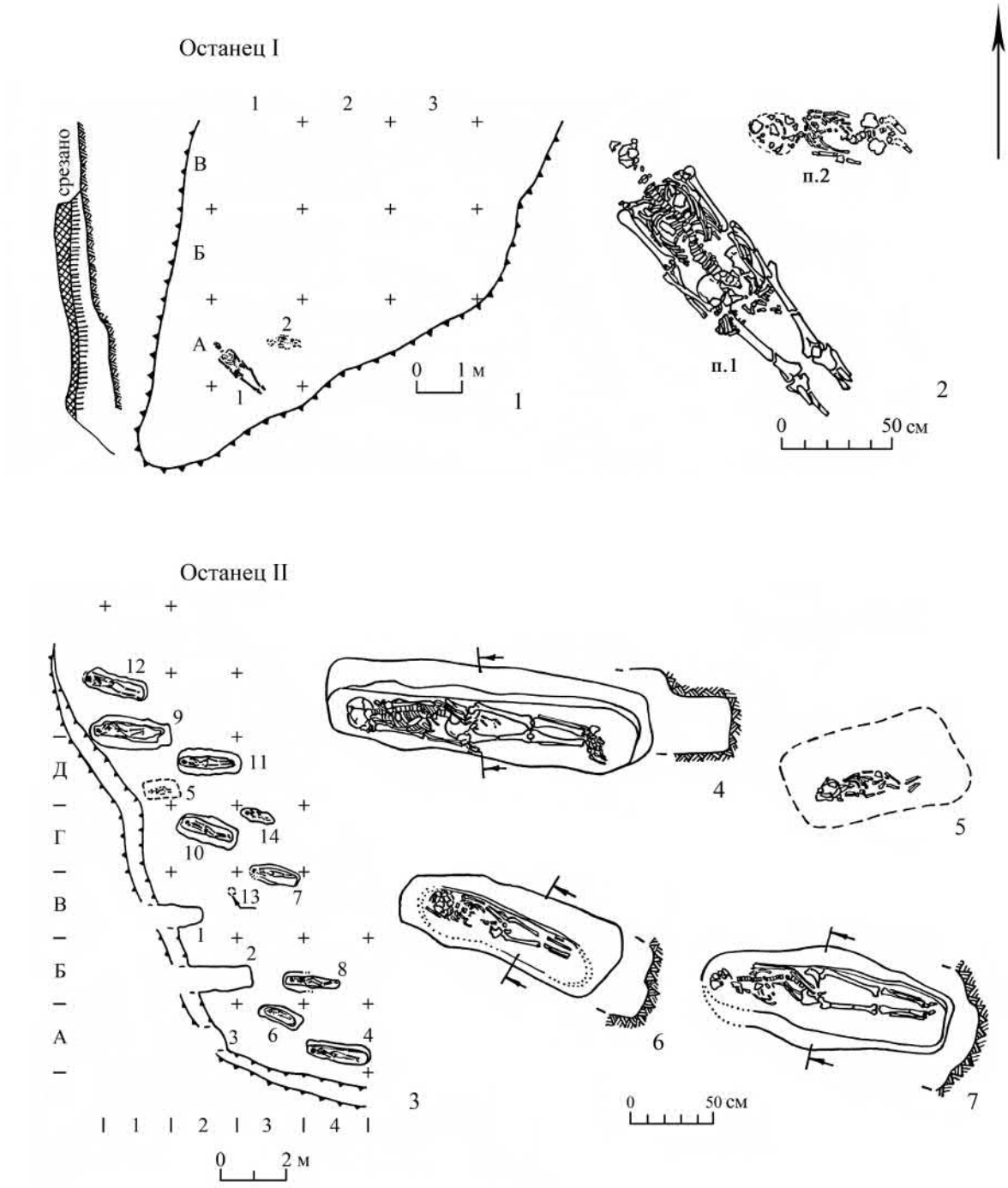


Рис. 18. Останец I: *1 – общий план погребений; 2 – погребения 1 и 2. Останец II: 3 – общий план погребений; 4 – п.4, план и разрез; 5 – п.5; 6 – п.6, план и разрез; 7 – п.7, план и разрез; 8 – п.8, план, разрез, профиль бровки; 9 – п.9, план и разрез.*

Fig. 18. Butte I: *1 – the general layout of burials; 2 – burials 1 and 2. Butte II: 3 – the general layout of burials; 4 – burial 4, the layout and the section; 5 – burial 5; 6 – burial 6, the layout and the section; 7 – burial 7, the layout and the section; 8 – burial 8, the layout, the section, a section of the edge; 9 – burial 9, the layout and the section*

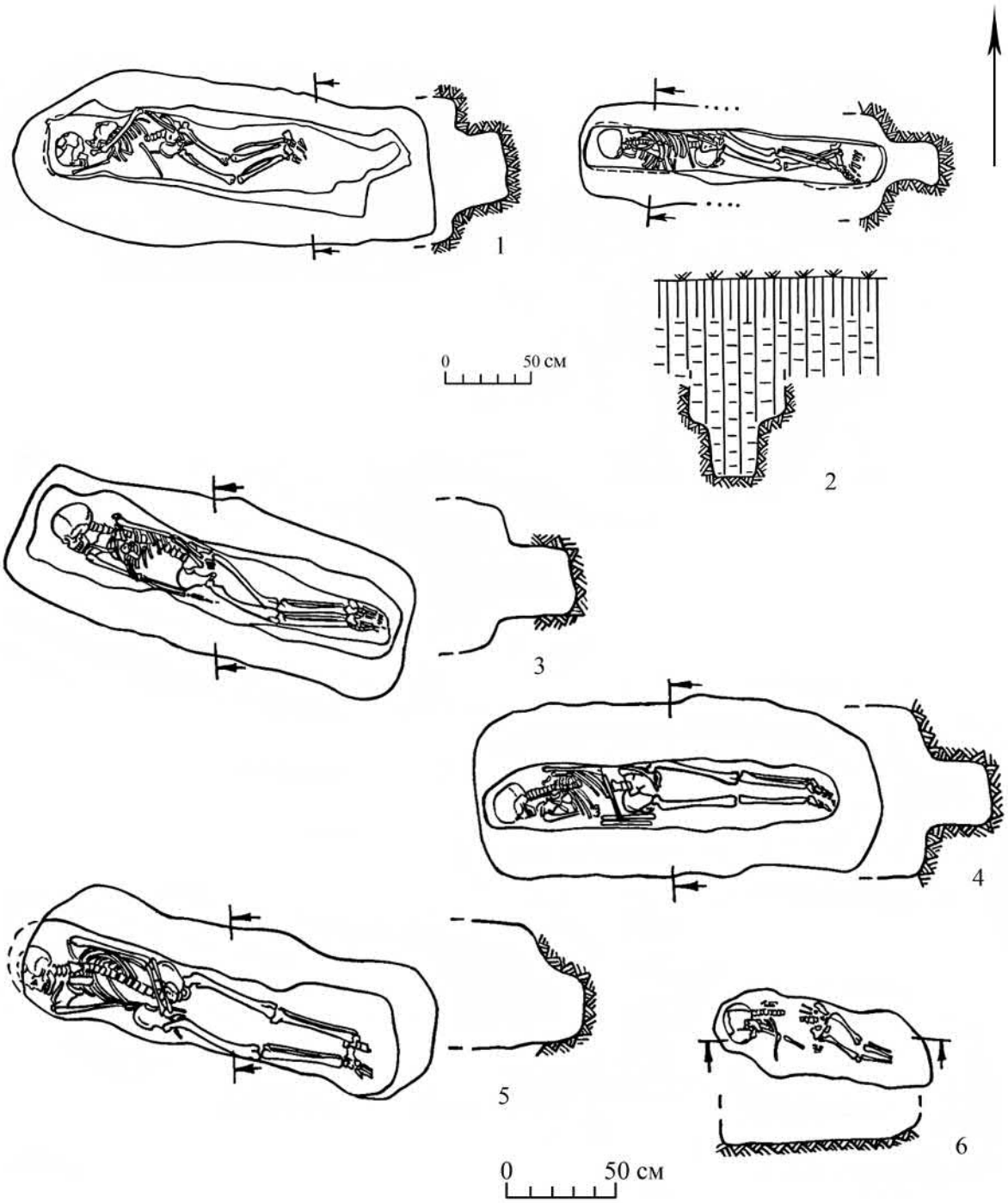


Рис. 19. Погребения Останца II: *1 – п.10, план и разрез; 2 – п.11, план и разрез; 3 – п.12, план и разрез; 4 – п.14, план и разрез.*

Fig. 19. Burials of Butte II: *1 – burial 10, the layout and the section; 2 – burial 11, the layout and the section; 3 – burial 12, the layout and the section; 4 – burial 14, the layout and the section*

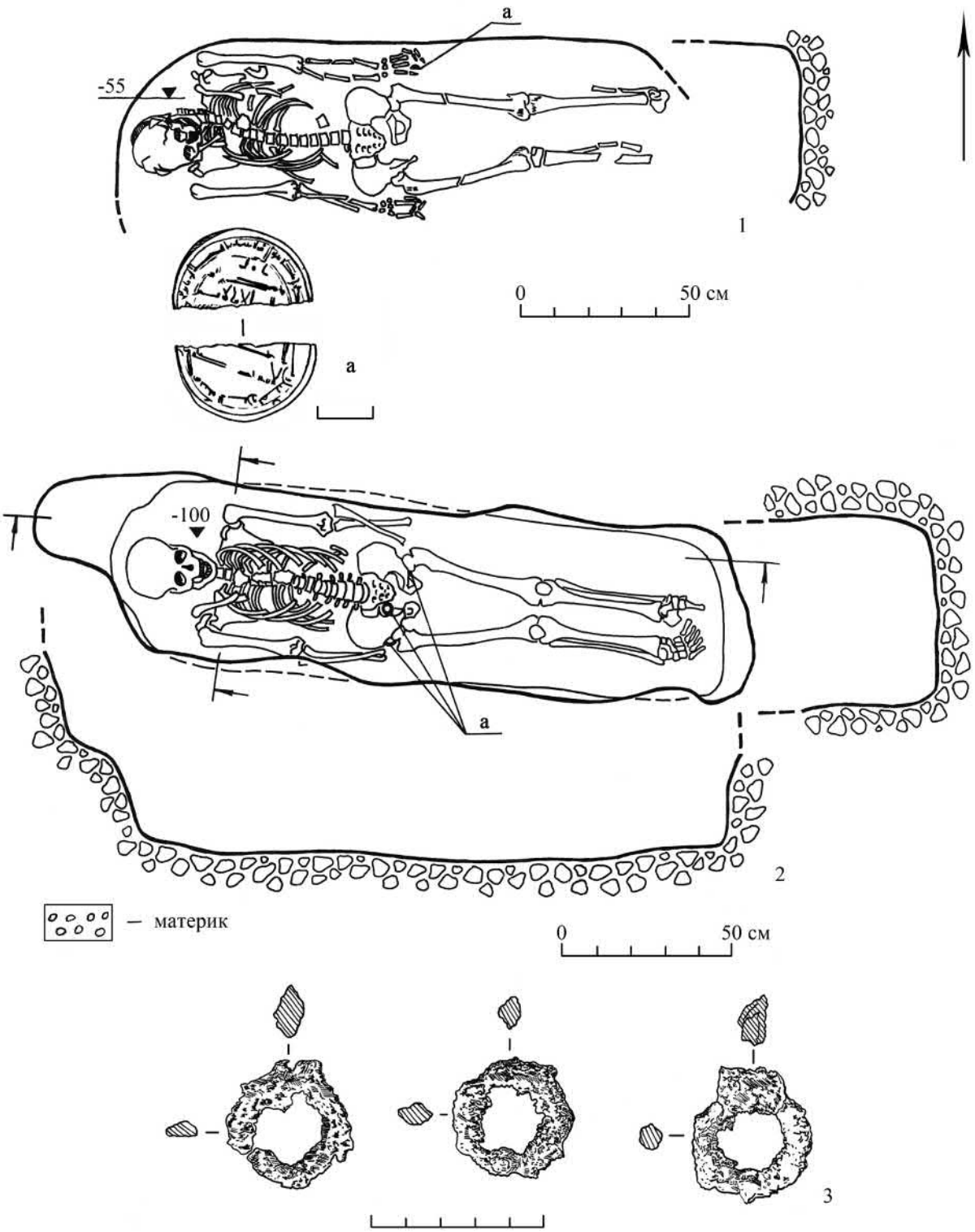


Рис. 20. Погребения I типа, раннего периода (2-я пол.VIII – X в.): *1 – п.44, план и разрез, а – половинка серебряного дирхема из кисти левой руки погребенного; 2 – п.39, план и разрезы, а – железные пряжки-кольца; 3 – поясные пряжки (?).*

Fig. 20. Burials of type I, the early period (the 2nd half of the 8th – the 10th century): *1 – burial 44, the layout and the section, a – a half of a silver dirkhem from the left hand of the deceased; 2 – burial 39, the layout and the sections, a – iron buckles-rings; 3 – belt buckles (?)*

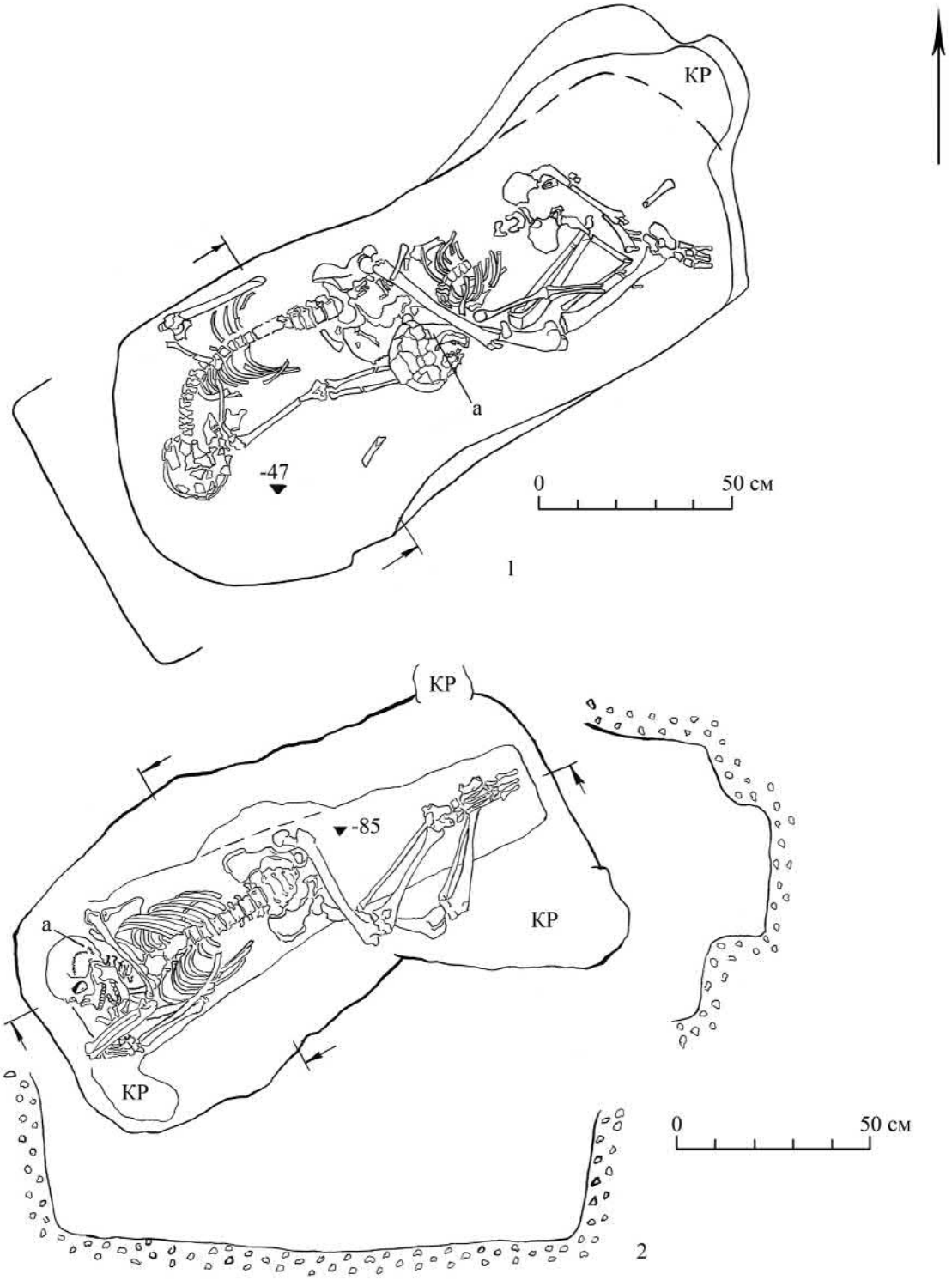


Рис. 21. Погребения II типа, раннего периода (2-я пол.VIII – X в.): *1 – п.8, план и разрез, а – серьга; 2 – п.6, план и разрезы, а – окись бронзы (остатки серьги?).*

Fig. 21. Burials of type II, the early period (the 2nd half of the 8th – the 10th century): *1 – burial 8, the layout and the section, a – an earring; 2 – burial 6, the layout and the sections, a – bronze oxide (the remnants of an earring?)*

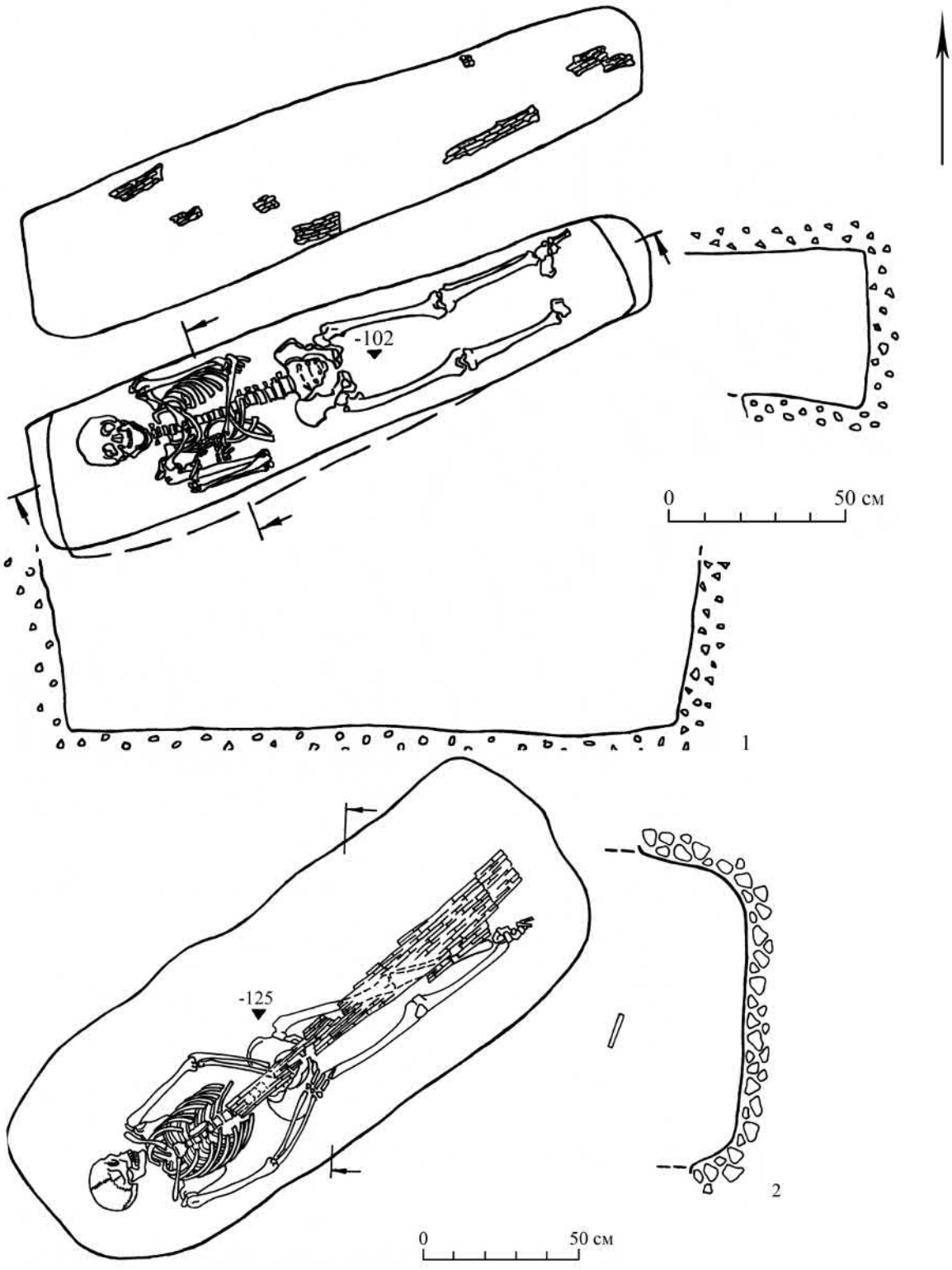


Рис. 22. Погребения III типа (XI-XII (?) вв.). Христианский обряд погребения: *1 – п.9, P.I, остатки деревянного перекрытия, план погребения, разрезы; 2 – п.47, P.I, план и разрез.*

Fig. 22. Burials of type III (the 11th-12th (?) centuries). Buried by the Christian ceremony: *1 – burial 9, excavation site I, the remnants of the wooden covering, the burial layout, the sections; 2 – burial 47, excavation site I, the layout and the section*

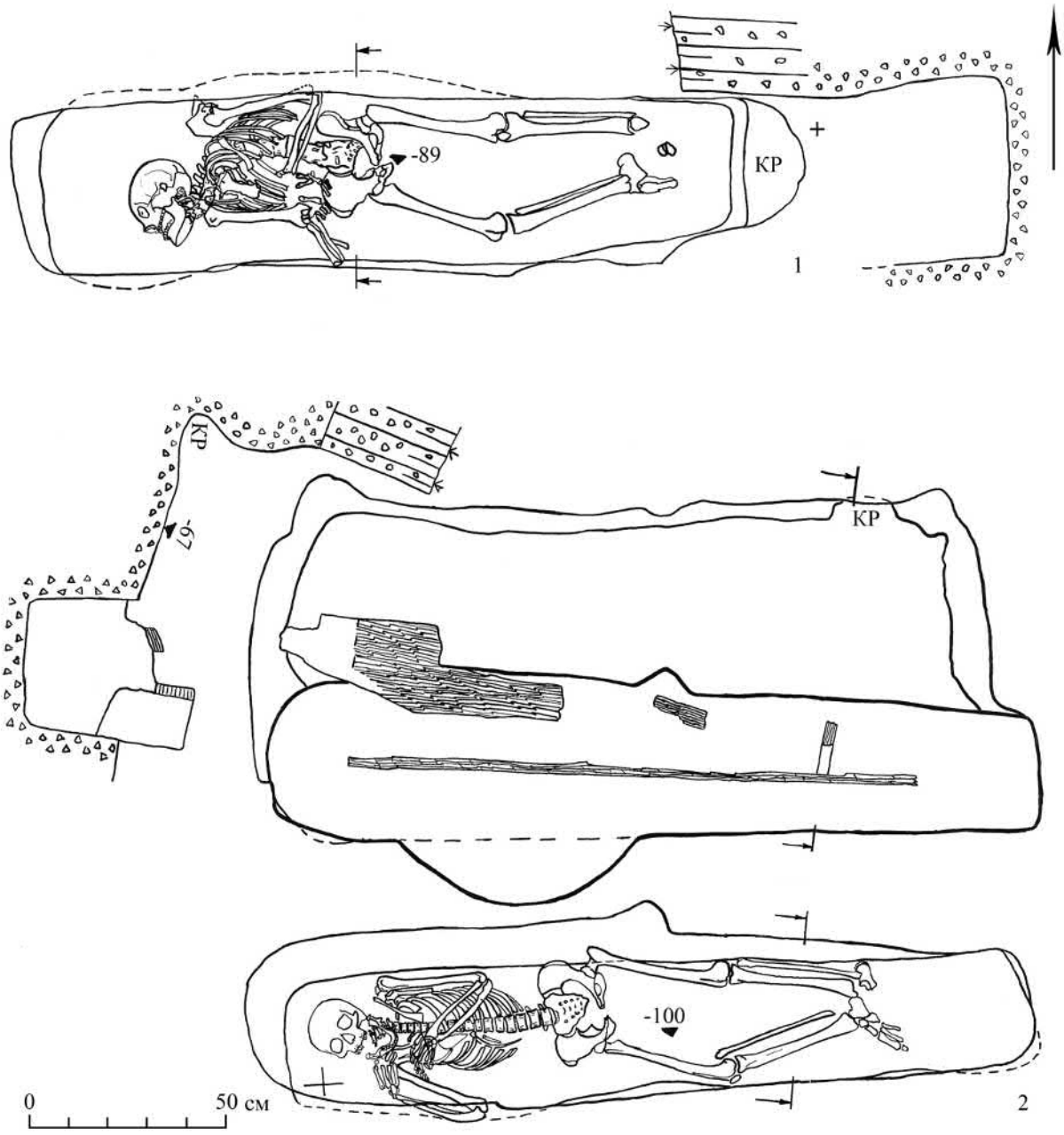


Рис. 23. Погребения IV и VI типов (2-я пол.XIII – сер.XIV в.). Мусульманский обряд погребения: *1 – п.21, P.I, план погребения, разрез; 2 – п.19, план верхней части конструкции ямы с подбоем и деревянными перекрытиями, план погребения, разрез.*

Fig. 23. Burials of type IV and VI (the 2nd half of the 13th – the mid 14th century). Buried by the Muslim ceremony: *1 – burial 21, excavation site I, the burial layout, the section; 2 – burial 19, the layout of the upper part of the construction of the grave with a niche and wooden coverings, the burial layout, the section*

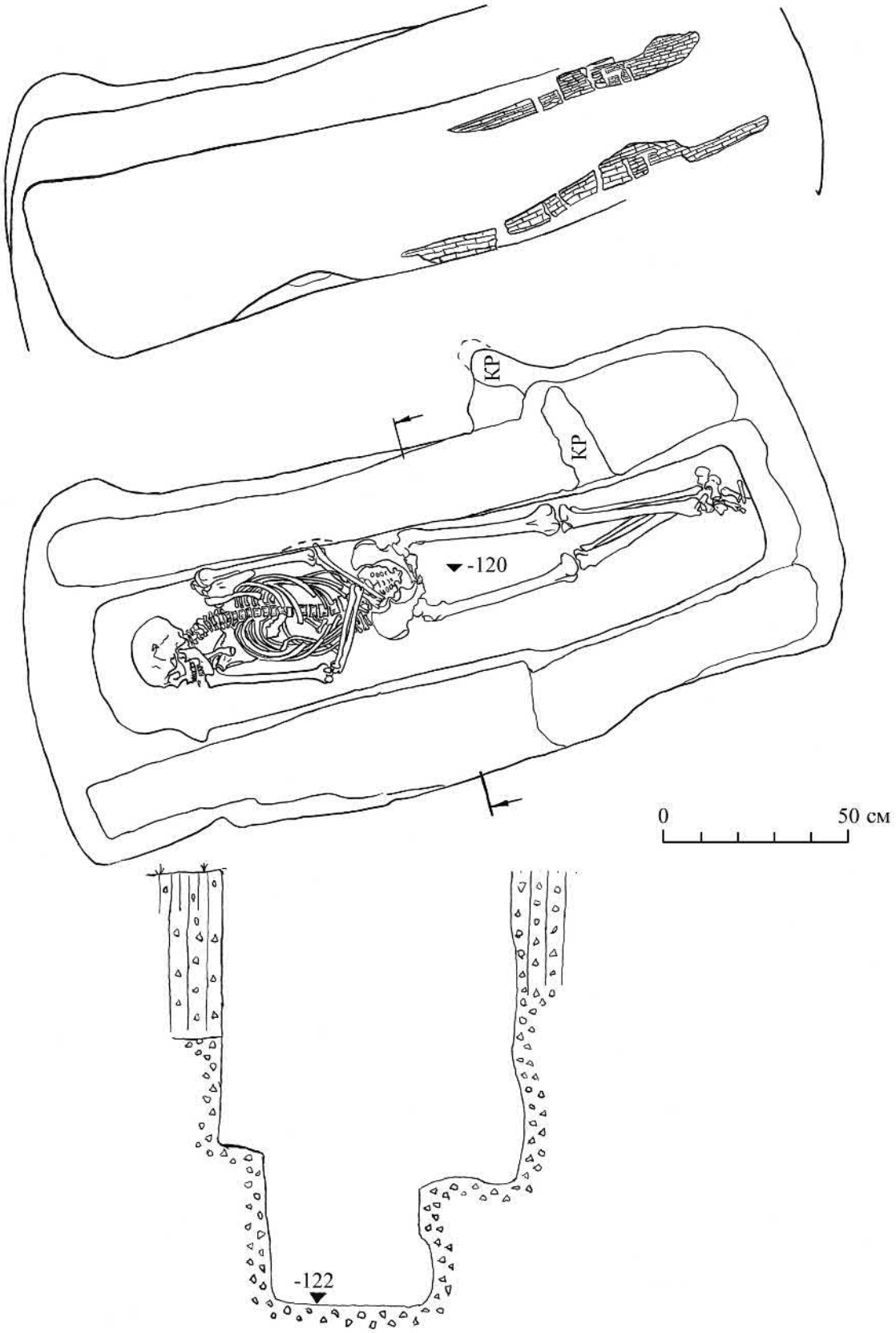


Рис. 24. Погребение V типа: *п.23; верхний план ямы с остатками перекрытия, план погребения, разрез ямы в профиле с поверхности.*

Fig. 24. Burial of type V: *burial 23; the upper layout of the grave with the remnants of the covering, the burial layout, the section of the grave in a section from the surface*

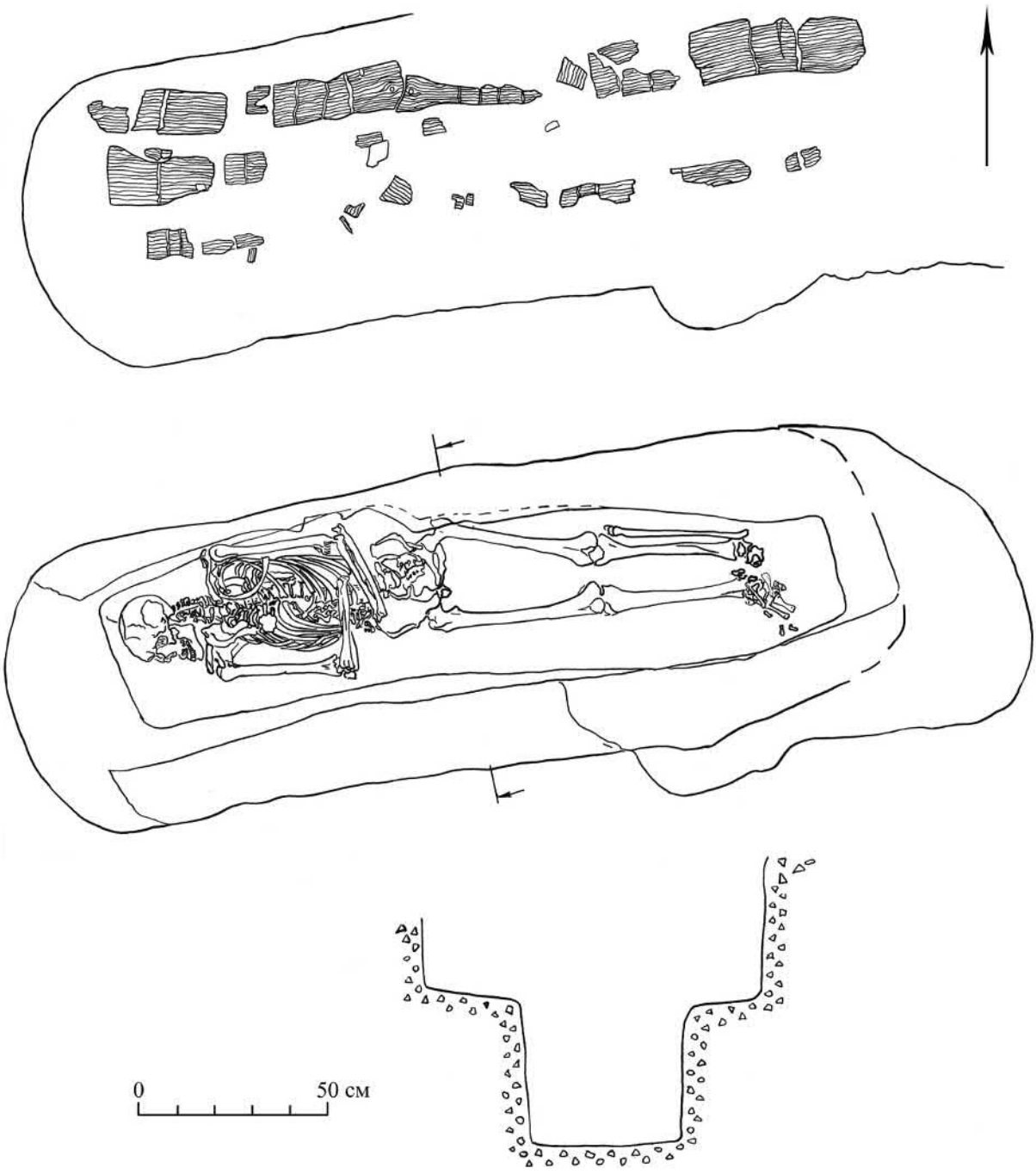


Рис. 25. Погребение 22, P.I, остатки конструкций деревянного перекрытия, план погребения, разрез.

Fig. 25. Burial 22, excavation site I, the remnants of constructions of the wooden covering, the burial layout, the section

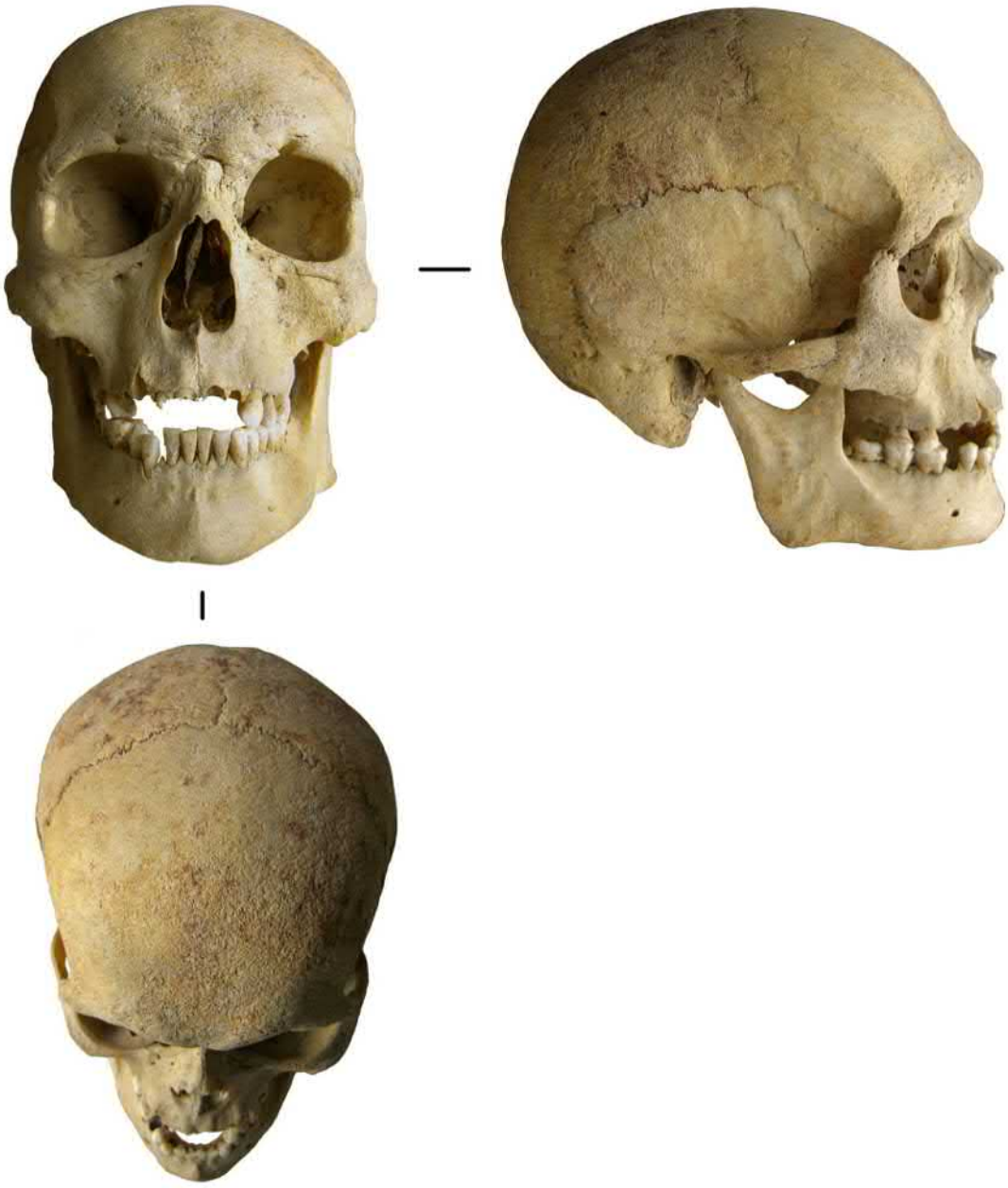


Рис. 26. Череп из погребения 22, P.I.
Fig. 26. A skull from burial 22, excavation site I

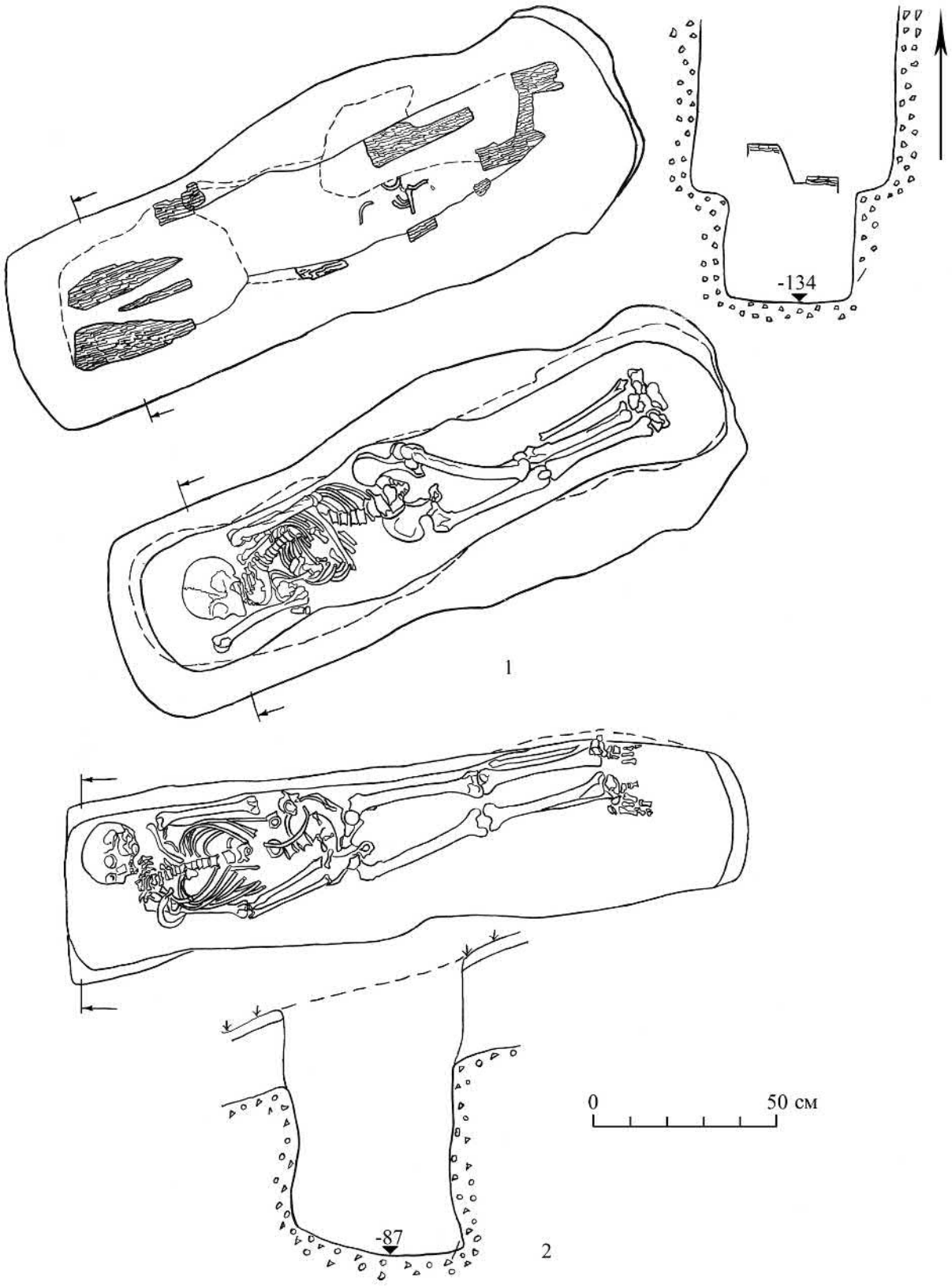


Рис. 27. Погребения из раскопа I: *1 – п.17, конструкции деревянного перекрытия, остатки скелета ребенка, план погребения взрослого, разрез; 2 – п.25, план погребения, разрез.*

Fig. 27. Burials from excavation site I: *1 – burial 17, constructions of the wooden covering, the remnants of a child's skeleton, the layout of an adult's burial, the section; 2 – burial 25, the burial layout, the section*

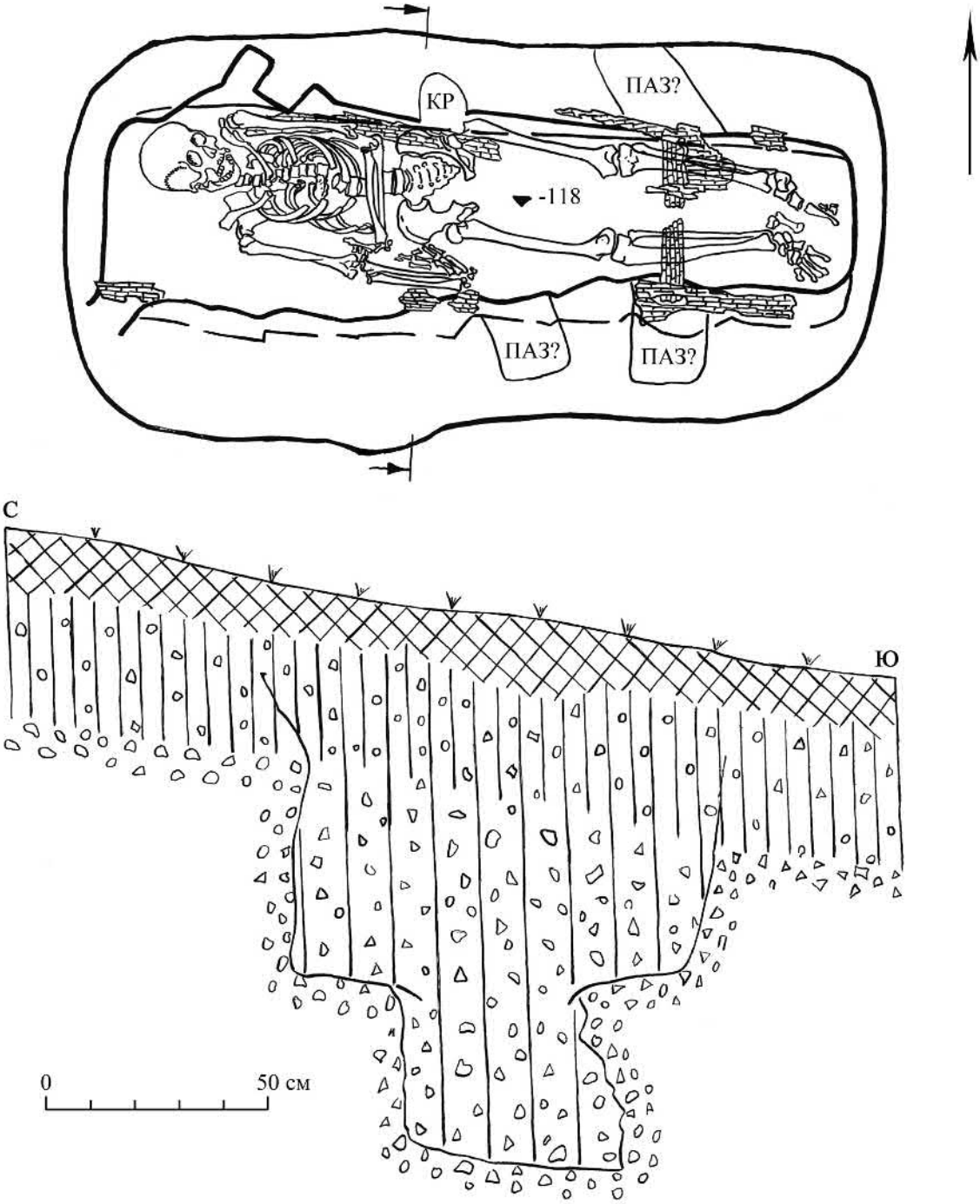


Рис. 28. Погребение 5, P.I: *план погребения, разрез могильной ямы в профиле стенки раскопа.*
Fig. 28. Burial 5, excavation site I: *the burial layout, the section of the grave in a section of the wall of the excavation site*

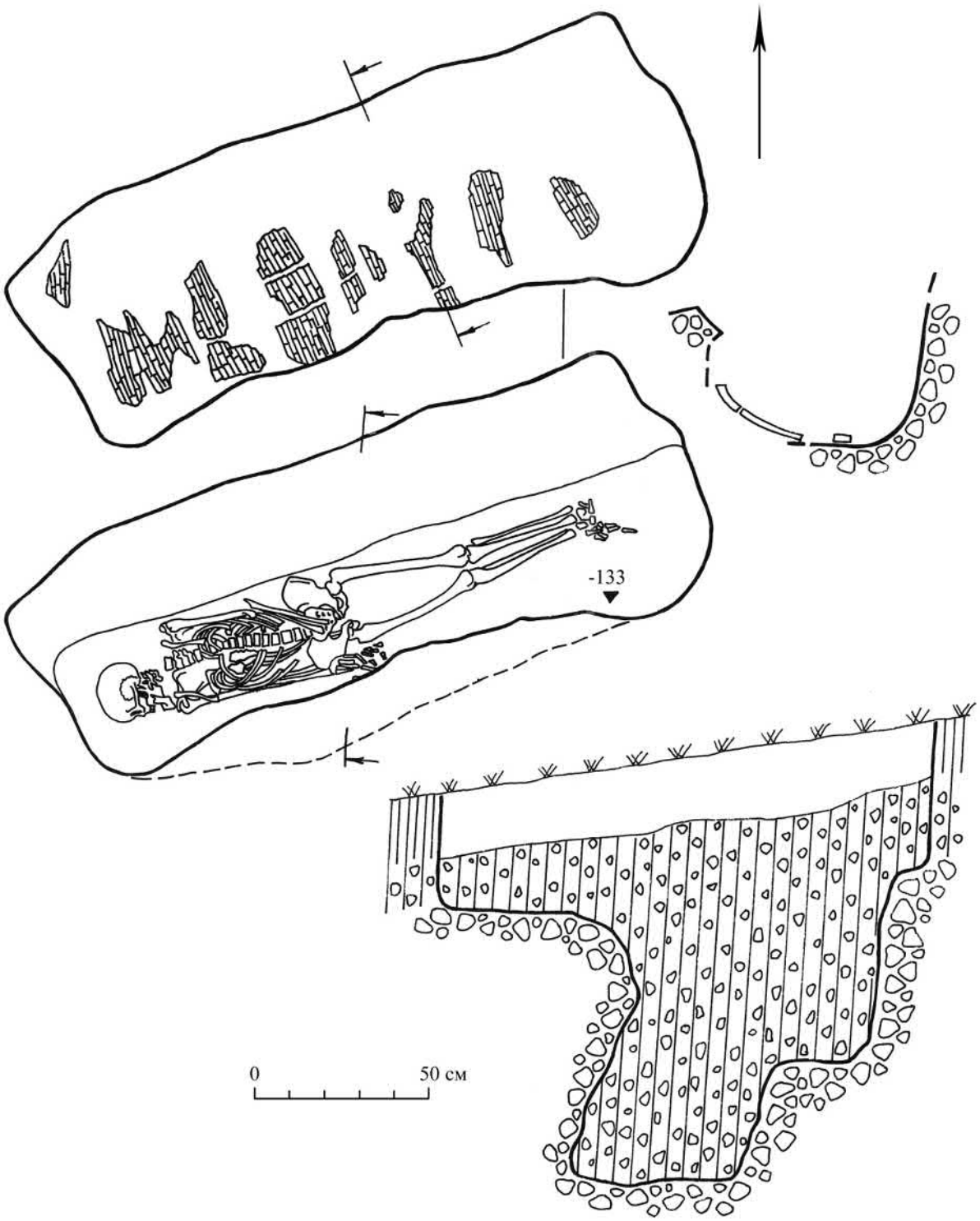


Рис. 29. Погребение VI типа: *п.40, Р.I; план перекрытия подбоя деревянной конструкцией, план погребения в подбое, разрез перекрытия входа в подбой, разрез могильной ямы в профиле стенки раскопа.*

Fig. 29. A burial of VI type: *burial 40, excavation site I; the layout of the covering of a niche with a wooden construction, the layout of the burial in the grave niche, the section of the covering of the entrance to a grave niche, the section of the grave in a section of the wall of the excavation site*

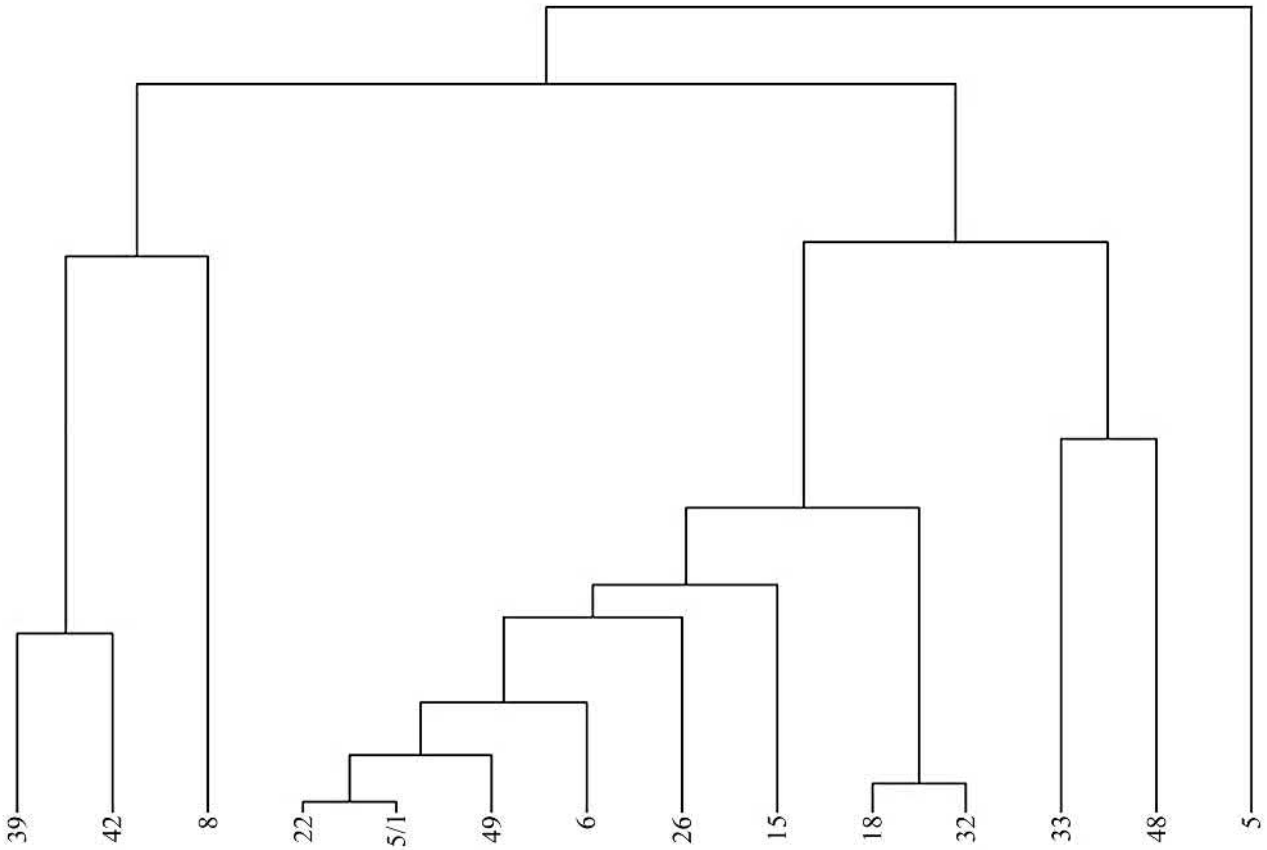


Рис. 30. Дендрограмма. Компонентный анализ мужской серии из могильника Маяки.

Fig. 30. A dendrogram. The componential analysis of the male series from the Maiaki burial ground

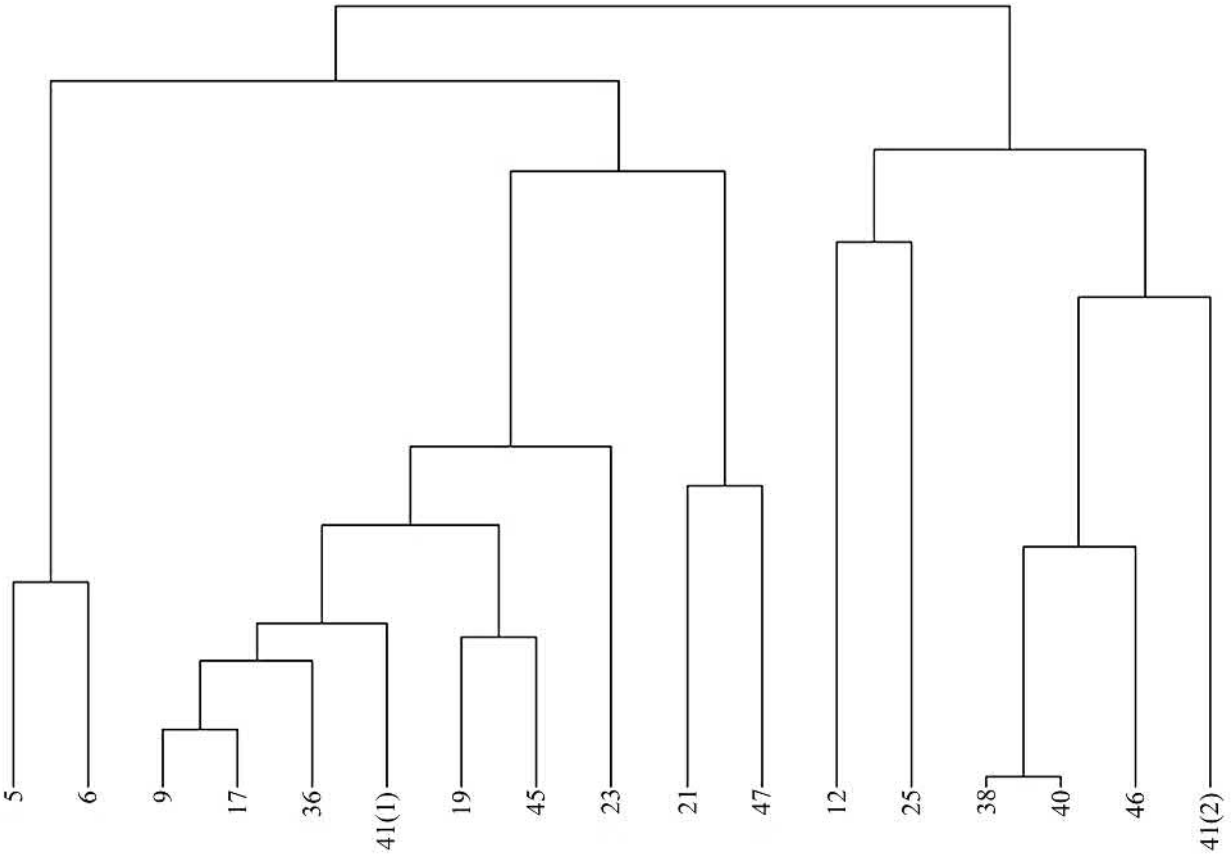


Рис. 31. Дендрограмма. Компонентный анализ женской серии из могильника Маяки.

Fig. 31. A dendrogram. The componential analysis of the female series from the Maiaki burial ground

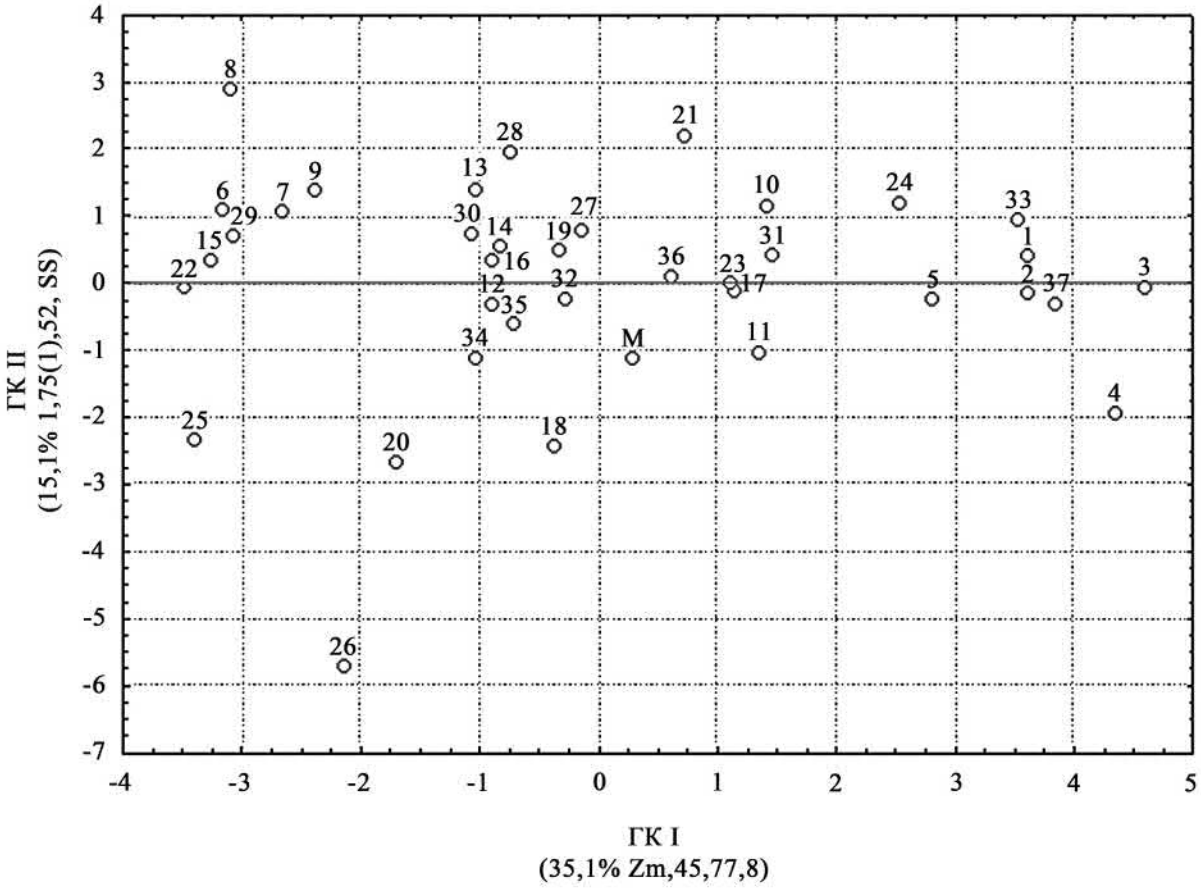


Рис. 32. Межгрупповой анализ мужской серии из могильника Маяки: *1 – Тянь-Шань X-XIII вв.; 2 – Западный Казахстан XI-XV вв.; 3 – Центральный Казахстан XIII-XV вв.; 4 – Северный Казахстан VIII-X вв.; 5 – Восточный Казахстан VII-XII вв.; 6 – Дмитриевский; 7 – Маяцкий; 8 – В.Салтовский VIII-IX вв.; 9 – Маяцкий, селище; 10 – Саркел, кочевники IX в.; 11 – Саркел, Правобережное городище; 12 – Каменка VIII-IX вв.; 13 – Старый Орхей XIII-XV вв.; 14 – Б.Тиганский IX в.; 15 – Каиры; 16 – Лимбарь; 17 – Кайбелы X-XII вв.; 18 – Измерский; 19 – Булгар "Четырехугольник" X-XIII вв.; 20 – Булгар "Четырехугольник" XIII-XIV вв.; 21 – Булгар "Четырехугольник" X-XII вв.; 22 – Булгар "Бабий бугор" X-XV вв.; 23 – Малый минарет, Булгар XIII-XIV вв.; 24 – Ханская усыпальница, Булгар XIV-XV вв.; 25 – Старо-Куйбышевский X-XII вв.; 26 – Старо-Куйбышевский XIII-XIV вв.; 27 – Зливки VIII-IX вв.; 28 – Венгры X в. 29 – Биляр XI-XII вв.; 30 – Маджар; 31 – Селитренное; 32 – Водянское; 33 – Сарайчик; 34 – Бахчисарай; 35 – Евпаторийский уезд, мусульмане; 36 – Хан-Тюбе; 37 – курганы Нижнего Поволжья; M – Маяки XIII-XIV вв.*

Fig. 32. The intergroup analysis of the male series from the Maiaki burial ground: *1 – Tien Shan of the 10th-13th centuries; 2 – the Western Kazakhstan of the 11th-15th centuries; 3 – the Central Kazakhstan of the 13th-15th centuries; 4 – The Northern Kazakhstan of the 8th-10th centuries; 5 – The Eastern Kazakhstan of the 7th-12th centuries; 6 – Dmitriyevskii; 7 – Maiatskii; 8 – Verkhne Saltovskii of the 8th-9th centuries; 9 – Maiatskii, the ancient settlement; 10 – Sarkel, nomads of the 9th century; 11 – Sarkel, the right-bank hillfort; 12 – Kamenka of the 8th-9th centuries; 13 – Staryi Orhei of the 13th-15th centuries; 14 – Bolshoi Tiganskii of the 9th century; 15 – Kairy; 16 – Limbar; 17 – Kaibely of the 10th-12th centuries; 18 – Izmerskii; 19 – Bulgar "Chetyriokhugolnik" of the 10th-13th centuries; 20 – Bulgar "Chetyriokhugolnik" of the 13th-14th centuries; 21 – Bulgar "Chetyriokhugolnik" of the 10th-12th centuries; 22 – Bulgar "Babii bugor" of the 10th-15th centuries; 23 – Small minaret, Bulgar of the 13th-14th centuries; 24 – Khan's burial vault, Bulgar of the 14th-15th centuries; 25 – Staro-Kuibyshevskii of the 10th-12th centuries; 26 – Staro-Kuibyshevskii of the 13th-14th centuries; 27 – Zlivki of the 8th-9th centuries; 28 – Hungarians of the 10th century 29 – Biliar of the 11th-12th centuries; 30 – Majar; 31 – Selitrennoie; 32 – Vodianskoie; 33 – Saraychik; 34 – Bakhchisarai; 35 – Yevpatoriya district, Moslems; 36 – Khan-Tiube; 37 – barrows of the Lower Volga region; M – Maiaki of the 13th-14th centuries*

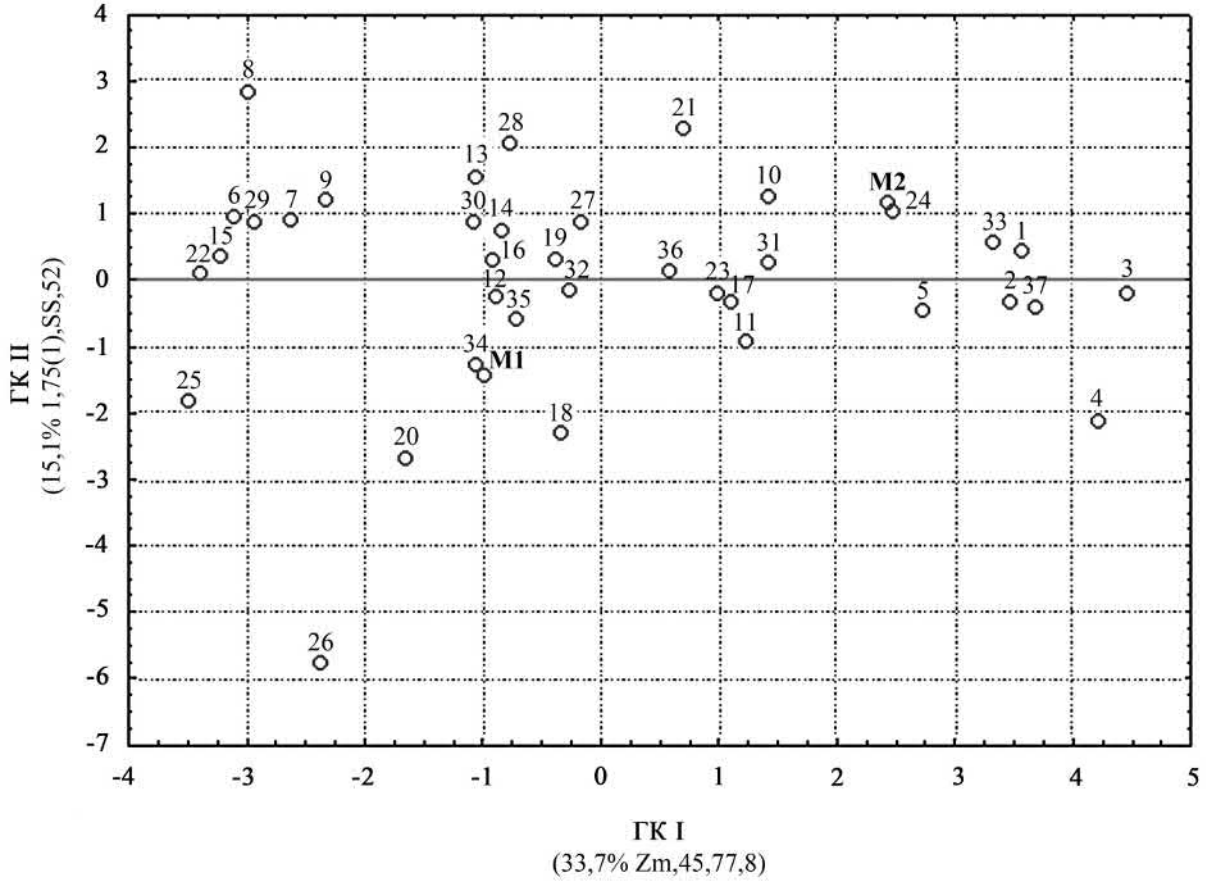


Рис. 33. Межгрупповой анализ морфологических групп мужской серии из могильника Маяки (1-37 – см. рис.32; М1, М2 – морфологические группы из могильника Маяки).

Fig. 33. The intergroup analysis of morphological groups of the male series from the Maiaki burial ground (1-37 – see Fig.32; M1, M2 – morphological groups of Maiaki burial ground)

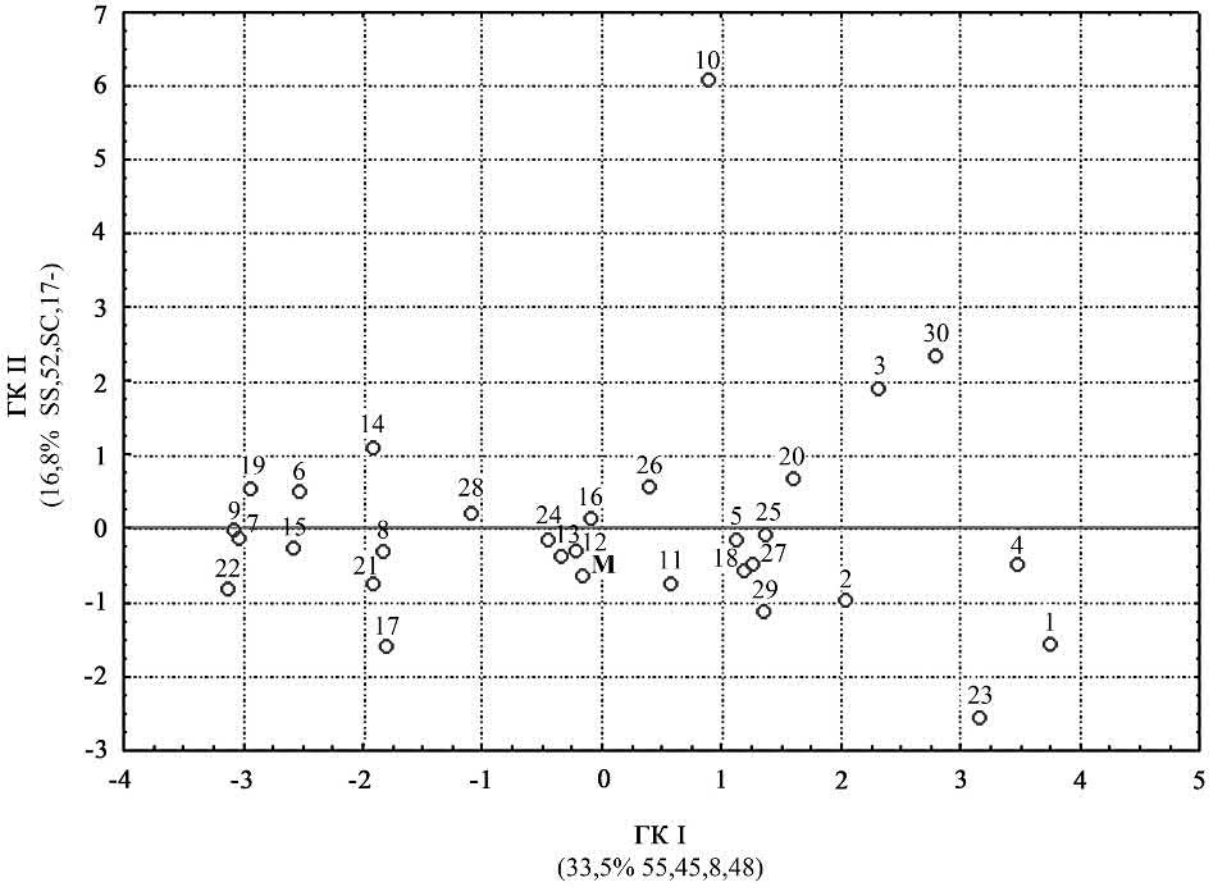


Рис. 34. Межгрупповой анализ женской серии из могильника Маяки: *1 – Тянь-Шань X-XIII вв.; 2 – Западный Казахстан XI-XV вв.; 3 – Центральный Казахстан XIII-XV вв.; 4 – Северный Казахстан VIII-X вв.; 5 – Восточный Казахстан VII-XII вв.; 6 – Дмитриевский; 7 – Маяцкий; 8 – В.Салтовский VIII-IX вв.; 9 – Маяцкий, селище; 10 – Саркел, кочевники IX в.; 11 – Саркел, Правобережное городище; 12 – Каменка VIII-IX вв.; 13 – Старый Орхей XIII-XV вв.; 14 – Каиры; 15 – Лимбарь; 16 – Кайбелы X-XII вв.; 17 – Измерский; 18 – Булгар; 19 – Малый минарет, Булгар XIII-XIV вв.; 20 – Ханская усыпальница, Булгар XIV-XV вв.; 21 – Старо-Куйбышевский X-XII вв.; 22 – Старо-Куйбышевский XIII-XIV вв.; 23 – Зливки VIII-IX вв.; 24 – Маджар; 25 – Селитренное; 26 – Водянское; 27 – Сарайчик; 28 – Евпаторийский уезд, мусульмане; 29 – Хан-Тюбе; 30 – курганы Нижнего Поволжья; М – Маяки XIII-XIV вв.*

Fig. 34. The intergroup analysis of the female series from the Maiaki burial ground: *1 – Tien Shan of the 10th-13th centuries; 2 – the Western Kazakhstan of the 11th-15th centuries; 3 – the Central Kazakhstan of the 13th-15th centuries; 4 – The Northern Kazakhstan of the 8th-10th centuries; 5 – The Eastern Kazakhstan of the 7th-12th centuries; 6 – Dmitriyevskii; 7 – Maiatskii; 8 – Verkhne Saltovskii of the 8th-9th centuries; 9 – Maiatskii, ancient settlement; 10 – Sarkel, nomads of the 9th century; 11 – Sarkel, the right-bank hillfort; 12 – Kamenka of the 8th-9th centuries; 13 – Staryi Orhei of the 13th-15th centuries; 14 – Kairy; 15 – Limbar; 16 – Kaibely of the 10th-12th centuries; 17 – Izmerskii; 18 – Bulgar; 19 – Small minaret, Bulgar of the 13th-14th centuries; 20 – Khan's burial vault, Bulgar of the 14th-15th centuries; 21 – Staro-Kuibyshevskii of the 10th-12th centuries; 22 – Staro-Kuibyshevskii of the 13th-14th centuries; 23 – Zlivki of the 8th-9th centuries; 24 – Majar; 25 – Selitrennoie; 26 – Vodianskoie; 27 – Saraychik; 28 – Yevpatoriya district, Moslems; 29 – Khan-Tiube; 30 – barrows of the Lower Volga region; M – Maiaki of the 13th-14th centuries*

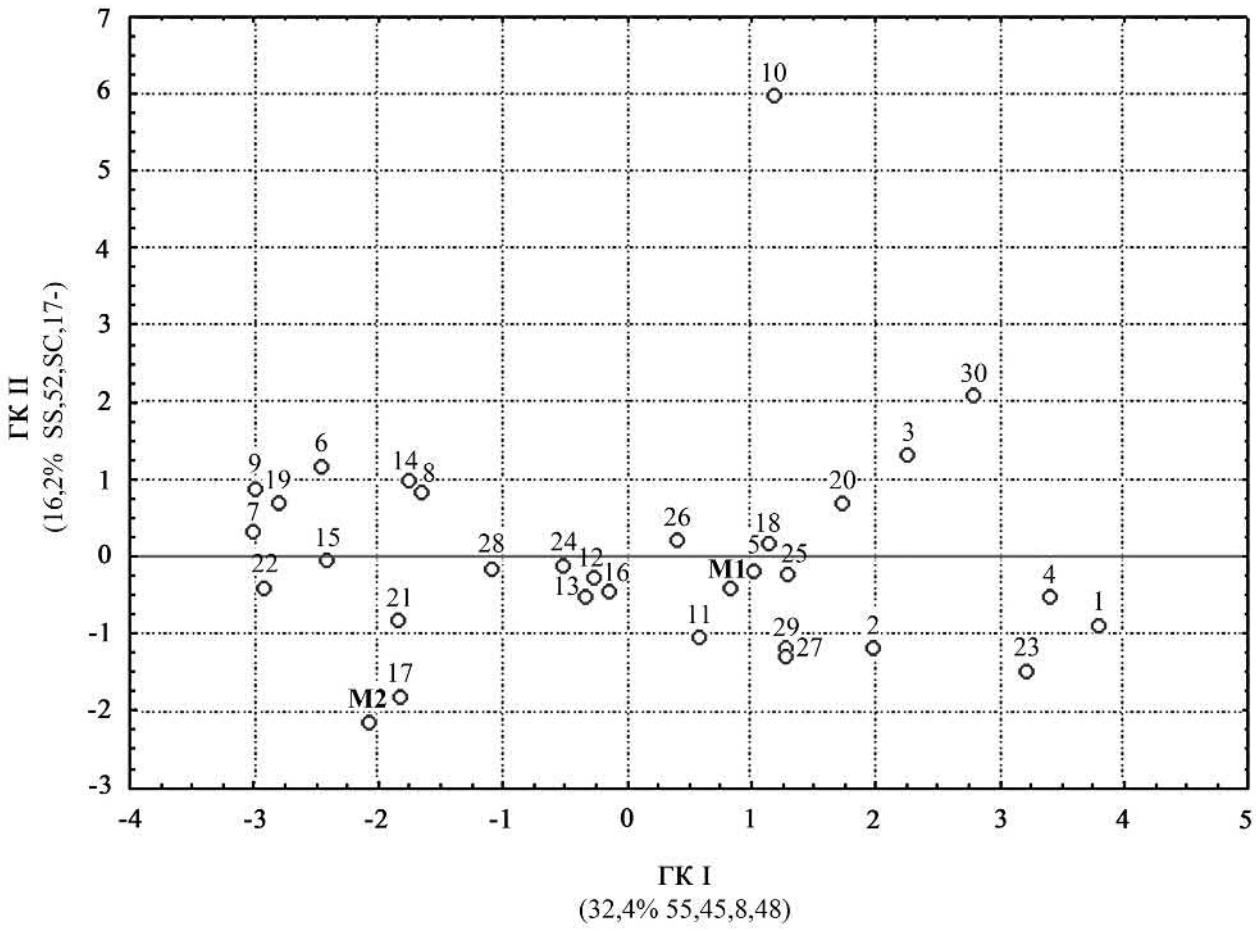


Рис. 35. Межгрупповой анализ морфологических групп женской серии из могильника Маяки (1-30 – см. рис.34; М1, М2 – морфологические группы из могильника Маяки).

Fig. 35. The intergroup analysis of morphological groups of the female series from the Maiaki burial ground (1-30 – see Fig.34; M1, M2 – morphological groups of Maiaki burial ground)

Табл. 1. Могильник Маяки. Происхождение, датировка, пол и возраст погребенных

№ п/п	Происхождение	Датировка	Пол	Возраст, лет
1	1988 г., р.I, п.8	XIII-XIV вв.	муж.	45-50
2	р.I, п.15	–II–	–II–	40-45
3	р.I, п.18	–II–	–II–	20-25
4	р.I, п.22	–II–	–II–	35-40
5	р.I, п.26	–II–	–II–	30-35
6	р.I, п.32	–II–	–II–	45-50
7	р.I, п.33	–II–	–II–	25-30
8	р.I, п.39	–II–	–II–	25-30
9	р.I, п.42	–II–	–II–	30-35
10	р.I, п.48	–II–	–II–	35-40
11	р.I, п.49	–II–	–II–	30-35
12	р.II, п.5	–II–	–II–	25-30
13	р.II, п.6	–II–	–II–	20-25
14	р.I, п.3	–II–	–II–	35-40
15	1989, Останец 2, п.4	–II–	–II–	40-45
16	1989 Останец 2, п.8	–II–	–II–	30-35
17	Останец 2, п.12	–II–	–II–	40-45
18	1991, ПДП, п.5	–II–	–II–	19-22
19	р.II, п.8	–II–	–II–	30-35
20	р.II, п.7	–II–	–II–	40-45
21	р.I, п.36	–II–	жен.	40-45
22	р.I, п.38	–II–	–II–	35-40
23	р.I, п.40	–II–	–II–	35-40
24	р.I, п.5	–II–	–II–	30-35
25	р.I, п.41(1)	–II–	–II–	17-18
26	р.I, п.41(2)	–II–	–II–	40-45
27	р.I, п.45	–II–	–II–	40-45
28	р.I, п.46	–II–	–II–	19-25
29	р.I, п.47	–II–	–II–	35-40
30	р.I, п.9	–II–	–II–	20-25
31	р.I, п.21	–II–	–II–	30-35
32	р.I, п.25	–II–	–II–	30-35
33	р.I, п.6	–II–	–II–	45-50
34	р.I, п.12	–II–	–II–	19-20
35	р.I, п.17	–II–	–II–	45-50
36	р.I, п.23	–II–	–II–	40-45
37	р.I, п.19	–II–	–II–	35-40
38	1988, р.II, п.8, к.2	–II–	–II–	35-40
39	1991, р.II (пригород), п.6	–II–	–II–	30-35
40	р.I, п.7	–II–	дет.	6-7
41	р.I, п.10	–II–	–II–	6-7
42	р.I, п.13	–II–	–II–	12-14 мес.
43	р.I, п.14	–II–	–II–	12-13
44	р.I, п.16	–II–	–II–	12-20 мес.
45	р.I, п.20	–II–	–II–	6-8 мес.
46	р.I, п.24	–II–	–II–	6-7
47	р.I, п.28	–II–	–II–	12-14 мес.
48	р.I, п.2	–II–	–II–	9-10
49	р.I, п.27	–II–	–II–	12-13
50	р.I, п.34	–II–	–II–	6-8 мес.

Табл. 2. Могильник Маяки. Взаимосвязь возраста и пола погребенных с особенностями погребального обряда

I. Взаимосвязь типов захоронения с возрастом и полом погребенных в могильнике Маяки. XIII-XIV вв.

	I (простая яма)	***II (яма с заплечиками)***	***III (яма с подбоем)***	***IV (кенотаф)***
мужчины	49; 8; р. II,п.6; р. I, п.3 (Донецк. насос.)	39; 42; 48; 15; 22; 18; 32; 26; 33; р. II,п.5		
женщины	25; 9; 41(1); 21	6; 17; 5; 12; 36; 41(2); 23; 45	38; 46; 47; 40; 19	
дети	28	20; 2; 14; 34	13; 4; 16; 27; 10; 7; 24; 37	29; 30; 31; 35; 43

II. Взаимосвязь типов захоронения с возрастом погребенных в могильнике Маяки. XIII-XIV вв.

	I	***II***	***III***	***IV***	***Сумма***
Взрослые	8	18	5	0	31
Дети	1	4	8	5	18
Суммарно	9	22	13	5	49

Взрослых хоронили в ямах с заплечиками и в простых ямах, а детей в ямах с подбоем. Это статистически достоверно на высоком уровне (Рокицкий П.Ф., 1967, табл X, с.321)
(df=3; X2=7,81 (0,05); X2=11,34 (0,01); X2=18,04)

III. Взаимосвязь типов захоронения с полом погребенных в могильнике Маяки. XIII-XIV вв.

	I	***II***	***III***	***Сумма***
Мужчины	4	10	0	14
Женщины	4	8	5	17
Сумма	8	18	5	31

Связь пола и типа захоронения статистически недостоверна.
(df=2; P(0,05)=5,99; P(0,01)=9,21; X2=5,16)

IV. Взаимосвязь положения костяка с полом погребенных в могильнике Маяки. XIII-XIV вв.

	На правом боку лицом к югу	***На левом боку***	***На спине лицом вверх***	***Сумма***
Мужчины	9	2	3	14
Женщины	12	0	5	17
Сумма	21	2	8	31

Связи положения костяка с полом нет.
(df=2; X(0,05)=5,99; df(0,01)=9,21; X2=2,67)

V. Взаимосвязь типов захоронения с положением костяка погребенных в могильнике Маяки. XIII-XIV вв.

	На правом боку лицом к югу	***На левом боку***	***На спине лицом вверх***	***Сумма***
Взрослые	21	2	8	31
Дети	9	0	4	13
Сумма	30	2	12	44

Достоверная, на уровне (P 0,01), связь типов захоронения с положением костяка: II тип (яма с заплечиками) погребений тесно сопряжен с положением костяка на правом боку лицом к югу (т.е. мусульмане хоронили умерших в ямах с заплечиками). Язычники лежат на спине лицом вверх, их хоронили одинаково как в простых ямах и ямах с заплечиками, так и в ямах с подбоем.
(df=4; X2=28,75; P(0,05)=9,49; P(0,01)=13,28)

Табл.3. Индивидуальные размеры и указатели мужских черепов XIII-XIV вв. из могильника Маяки

№ по Мартину	Тип погребения	I	II	II	II	II	II	II	II	II	II	I	II	I	I	II	II	II
	№ раскопа	I	I	I	I	I	I	I	I	I	I	I	II	II	I	ПДП	II	II
	№ погребения	8	15	18	22	26	32	33	39	42	48	49	5	6	3	5	8	7
	Признак/Возраст	45-50	40-45	20-25	35-40	30-35	45-50	25-30	25-30	30-35	35-40	30-35	25-30	20-25	35-40	19-22	30-35	40-45
1	Продольный диаметр	192	178	168	179	180	176	191	173	173	182	182	169	181	180	180	180	
8	Поперечный диаметр	151	138	150	147	141	131	152	166	155	128	146	150	144	146	157		
17	Высотный диаметр от ba	138	129	128	134	132	123	141	131	134	143	132	141	132	130			
20	Высотный диаметр от po					112	102	123					117	116		118		
5	Длина основания черепа	105	99	93	108	99	95	101	111	99	108	101	103	97	101			
9	Наименьший лобный диаметр	106	93	102	95	94	85	96	104	97	94	100	99	99		103	98	90
10	Наибольший лобный диаметр	125	120	128	122	119	106	133	137	125	114	121	138	128		132	127	115
11	Ширина основания черепа	135	120	124	130	120	120	133	147	143	117	129	133	135	132	137		
12	Ширина затылка	112	103	110	110	101	103	135	112	103	114	118	107	113			102	
24	Поперечная дуга po-br-po	340	312	331	317	310	286	341	323	329	305	311	333		313			
29	Лобная хорда	117	111	107	107	113	99	125	114	114	108	108	109	109		106	116	110
Sub.пв	Высота изгиба лобной кости	28	27	27	24	26	21	32	26	24	24	23	24	28		25	26	25
Sub. пв/29	Указатель выпуклости лба	23,9	24,3	25,2	22,4	23,0	21,2	25,6	22,8	21,1	22,2	21,3	22,0	25,7		23,6	22,4	22,7
	Ширина лба	108	92	98	95	92	85		103	95	93	98	96	97		101	97,0	88,0
	Высота лба	21	19	18	18	17	12		17	13	19	21	13	19		17	14	18

Табл.3. (продолжение)

	Указатель попереч-ного изгиба лба	19,4	20,7	18,4	18,9	18,5	14,1		16,5	13,7	20,4	21,4	13,5	19,6		16,8	14,4	20,4
УПИЛ	Угол поперечного изгиба лба	138	135	140	139	139	149		144	149	136	134	150	137		143	148	136
45	Скуловой диаметр	146	127	133	138	125	128	138	149	146	126	134	145	130	143	134		
40	Длина основания лица	101	91	90	100	94	93	98	107	90	102	98	103	82				
48	Верхняя высота лица	75	66	67	73	69	65	68	68	73	65	69	72	65		71		
47	Полная высота лица	128	114	112	118	114	106	111	116	119	112	108	119	116		117		
43	Верхняя ширина лица	116	97	111	107	103	100	101	113	107	102	104	110	107		109	113	
46	Средняя ширина лица	104	86	97	95	95	98	91	104	104	90	92	112	95		100		
62	Длина неба от st	49	42	43	47	45	42	45	49	43	47	47	50	45				
63	Ширина неба	45	39	44	42	42	38	43	42	45	39	43	48	40		41		
55	Высота носа	53	43	39	53	48	49	51	51	57	50	51	54	47		54		
54	Ширина носа	29	22	20	23	28	25	27	27	25	23	25	26	25		25	28	
51	Ширина орбиты mf	46	39	45	44	42	41	43	46	41	40	41	45			41	41	38
51a	Ширина орбиты d	40	35	42	40	37	38	40	41	39	36	39	41					
52	Высота орбиты	35	30	33	32	30	35	29	35	35	31	31	29	35		33	33	29
77	Бималярная хорда fmo-fmo	109	90	102	100	97	95	98	104	98	95	97	102	97		102	104	94
77	Высота назиона над б/м хордой	19	17	17	19	17	14	19	16	13	16	18	13	19		18	12	15

Табл.3. (продолжение)

77	указатель	17,4	18,9	16,7	19	17,5	14,7	19,4	15,4	13,3	16,8	18,6	12,7	19,6		17,6	11,5	16,0
77	Назомалярный угол	142	139	143	138	141	147	138	146	150	143	139	151	137		141	154	145
<Zm	Зигомаксиллярная хорда	103	84	98	93	92	102	89	106	100	91	93	112	95		99		
<Zm	Высота субспинале над з/м хордой	24	22	21	20	22	23	21	22	20	23	23	19	17		24		
<Zm	указатель	23,3	26,2	21,4	21,5	23,9	22,5	23,6	20,7	20	25,3	24,7	17	17,9		24,2		
<Zm	Зигомаксиллярный угол	130	125	134	133	129	132	129	135	136	126	127	142	141		128		
MC	Максиллофронтальная хорда	22	14	18	10	17	16	19	18	16	15	15	18			24		
MS	Максиллофронтальная высота	10	6	6	6	5	5	5	6	7	7	6	5			6		
DC	Дакриальная хорда	26	20	22	20	21	19	21	22	19	21	19	24					
DS	Дакриальная высота	13	10	10	11	9	10	12	12	11	13	11	9					
SC	Симотическая хорда	11	8	9	6	6	7	9	7	8	7	9	6			11		
SS	Симотическая высота	5,5	4	3,5	3,5	3	2,5	3,5	3	5	4	4,5	2,5			3		
	Высота изгиба скуловой кости		8	7	10	9	8	12	10	10	6	9	9					
	Ширина скуловой кости		46	50	55	50	42	54	59	60	43	50	55					
32	Угол лба от назиона	91	90	96	86	85	81	91	81	82	88	85	88	82		90		
	Угол лба от глабеллы	82	77	91	73	79	76	86	72	77	80	76	78			89		
72	Общий угол лица	88	95	92	90	86	83	90	86	92	82	88	85			88		

Табл.3. (продолжение)

73	Угол средней части лица	90	96	95	91	87	84	92	85	93	86	90	87			90		
74	Угол альвеолярной части лица	82	90	82	77	83	76	82	85	88	72	80	74					
75	Угол носовых костей к горизонтали	62	60	72	61	60	60	71	46	63	45	62	63			70		
75(1)	Угол выступания носа	26	30	22	29	26	23	29	42	29	37	26	22			18		
65	Мыщелковая ширина	123	113	113	120	112	120	124	122	129	113	126	119			129	134	117
66	Бигониальная ширина	113	97	91	106	97	98	103	109	111	96	94	108			103	108	105
71a	Наименьшая ширина ветви н/ч	35	29	30	35	30	30	32	36	33	34	31	37	32	34	34	37	31
	Форма черепной коробки	эллипс.	эллипс.	сфероид.	овоид.	эллипс.	овоид.	эллипс.	сфеноид.	сфероид.	эллипс.	эллипс.	сфероид.	сфероид.	сфероид.	сфероид	эллипс.	сфероид.
	Надпереносье (1-6)	4	4	1	5	4	2	3	3	3	3	3	3	4	4	3	6	2
	Надбровные дуги (1-3)	3	3	1	3	3	1	2	2	2	2	2	2	3	2	2	3	1
	Глубина клыковой ямки,мм	5	5	2	6,1	5,2	6,5	6,8	3,8	5	5	3,5	4,1	4,7		5,0		
	Нижн. край грушевидного отверстия	ant.	ant.	ant.	f.pr.	ant.	ant.	ant.	ant.	ant.	f.pr.	ant.	s.pr.	s.pr.		f.pr.	ant.	
	Передне-носовая ость (1-5)	3	4	3	3	4	2	3	4	3	3	3	4			3	4	2
	Наружный затылочный бугор (0-5)	3	1	0	2	3	2	2	2	1	1	2	1	1	3	1	3	2
	Сосцевидный отросток (1-3)	3	2	1	3	3	2	2	2	2	2	2	1	2	2	2	3	
	Деформация: степень (0-3)	0	0	0	0	0	0	0	3	0	0	0	2	0	0	2	0	0
	тип								затем				затем			затем		
	Указатели																	

Табл.3. (окончание)

8\1	Черепной	78,6	77,5	89,3	82,1	78,3	74,4	79,6	96,0	89,6	70,3	80,2	88,8	79,6	81,1	87,2		
17\1	Высотно-продольный	71,9	72,5	76,2	74,9	73,3	69,9	73,8	75,7	77,5	78,6	72,5	83,4	72,9	72,2			
17\8	Высотно-поперечный	91,4	93,5	85,3	91,2	93,6	93,9	92,8	78,9	86,5	111,7	90,4	94,0	91,7	89,0			
20\1	Высотно-продольный					62,2	58,0	64,4					69,2	64,1		65,6		
20\8	Высотно-поперечный					79,4	77,9	80,9					78,0	80,6		75,2		
9\8	Лобно-поперечный	70,2	67,4	68,0	64,6	66,7	64,9	63,2	62,7	62,6	73,4	68,5	66,0	68,8		65,6		
9\10	Лобный	127,2	129,0	112,0	121,8	127,7	134,4	125,7	104,2	111,6	142,2	124,7	112,7	125,7	123,3	114,6		
48\45	Верхнелицевой	51,4	52,0	50,4	52,9	55,2	50,8	49,3	45,6	50,0	51,6	51,5	49,7	50,0		53,0		
47\45	Лицевой	87,7	89,8	84,2	85,5	91,2	82,8	80,4	77,9	81,5	88,9	80,6	82,1	89,2		87,3		
40\5	Выступания лица	96,2	91,9	96,8	92,6	94,9	97,9	97,0	96,4	90,9	94,4	97,0	100,0	84,5				
48\17	Вертикальный краниофациальный	54,3	51,2	52,3	54,5	52,3	52,8	48,2	51,9	54,5	45,5	52,3	51,1	49,2				
63\62	Небный	91,8	92,9	102,3	89,4	93,3	90,5	95,6	85,7	104,7	83,0	91,5	96,0	88,9				
54\55	Носовой	54,7	51,2	51,3	43,4	58,3	51,0	52,9	52,9	43,9	46,0	49,0	48,1	53,2		46,3		
52\51	Орбитный от mf	76,1	76,9	73,3	72,7	71,4	85,4	67,4	76,1	85,4	77,5	75,6	64,4			80,5	80,5	76,3
52\51a	Орбитный от d	87,5	85,7	78,6	80,0	81,1	92,1	72,5	85,4	89,7	86,1	79,5	70,7					
MS/MC	Максиллофронтальный	45,5	42,9	33,3	60,0	29,4	31,3	26,3	33,3	43,8	46,7	40,0	27,8			25,0		
DS/DC	Дакриальный	50,0	50,0	45,5	55,0	42,9	52,6	57,1	54,5	57,9	61,9	57,9	37,5					
SS/SC	Симотический	50,0	50,0	38,9	58,3	50,0	35,7	38,9	42,9	62,5	57,1	50,0	41,7			27,3		
	Изгиба скуловой кости		17,4	14,0	18,2	18,0	19,0	22,2	16,9	16,7	14,0	18,0	16,4					

Табл.4. Индивидуальные размеры и указатели женских черепов XIII-XIV вв. из могильника Маяки

№ по Мартину	**Тип погребения**	I	I	I	I	II	II	II	II	II	II	II	II	р. II	р. II	III	III	III	III	III
	№ погребения	9	21	25	41(1)	5	6	12	17	41(2)	45	23	36	п.8, кост.2	п.6	38	40	19	46	47
	Признак/Возраст	20-25	30-35	30-35	17-18	30-35	45-50	19-20	45-50	40-45	40-45	40-45	40-45	35-40	30-35	35-40	35-40	35-40	19-25	35-40
1	Продольный диаметр	168	169	165	175	169	167	165	169	164	164	185	178	182		167	163	172	171	170
8	Поперечный диаметр	143	139	134	147	147	150	138	139	148	143	139	140	144		133	136	137	147	145
17	Высотный диаметр от ba	132	128	133	134	128	122	124	130	119	130	135	132			127	129	131	129	129
20	Высотный диаметр от po									106	119	117	111				108	110		
5	Длина основания черепа	98	98	92	102	97	93	89	97	95	95	105	100			92	95	103	96	101
9	Наименьший лобный диаметр	97	90	94	97	88	93	87	99	94	97	97	98	92		94	89	98	95	98
10	Наибольший лобный диаметр	121	115	118	125	119	123	117	124	119	123	119	123	122		113	114	117	122	125
11	Ширина основания черепа	119	126	121	117	129	115	120	122	131	133	127	125	112		119	117	120	122	130
12	Ширина затылка	108	103	107	107	107	112	104	103	113	104	112	109	103		102	102	104	114	110
24	Поперечная дуга po-br-po	315	311	297	326	302	321	302	309	304	324	312	312			300	292	308	329	319
29	Лобная хорда	107	109	104	112	107	106	104	109	105	105	108	107	102		101	108	108	108	102
Sub.пв	Высота изгиба лобной кости	26	26	27	25	24	26	27	26	23	25	25	30	23		28	25	28	24	22
Sub. пв/29	Указатель выпуклости лба	24,3	23,9	26,0	22,3	22,4	24,5	26,0	23,9	21,9	23,8	23,1	28,0	22,5		27,7	23,1	25,9	22,2	21,6
УПИЛ	Ширина лба	96	87	91	94	84	92	83	98	92	94	96	96	90		93	87	97	93	95
УПИЛ	Высота лба	19	17	17	21	15	18	15	20	16	18	27	19	17		20	16	18	19	17
УПИЛ	Указатель поперечного изгиба лба	19,8	19,5	18,7	22,3	17,9	19,6	18,1	20,4	17,4	19,1	28,1	19,8	18,9		21,5	18,4	18,6	20,4	17,9
УПИЛ	Угол поперечного изгиба лба	137	137	139	132	141	137	140	136	142	138	121	137	139		133	140	139	136	141
45	Скуловой диаметр	121	128	127	125	129	122	120	129	130	129	130	126	123		126	127	127	128	133
40	Длина основания лица	90	98	89	95	93	95	81	89	93	95	100	99			90	86	93	95	102

Табл.4. (продолжение)

48	Верхняя высота лица	67	75	65	68	71	65	64	66	61	70	67	69	68		64	59	69	65	79
47	Полная высота лица	109	118	103	118	115	107	107	110	101	121	110	113	108		106	99	115	109	130
43	Верхняя ширина лица	102	101	97	100	97	101	95	105	103	106	108	102	105		101	89	105	100	106
46	Средняя ширина лица	87	97	93	92	89	82	80	94	94	89	92	87	103		86	90	94	85	99
62	Длина неба от st	45	47	43	43	46	45	38	40	42	41	44	41	48		44	42	42	46	47
63	Ширина неба	37	44	43	40	41	34	35	33	41	40	40	39	40		40	38	39	38	44
55	Высота носа	48	52	48	50	52	49	47	50	47	52	49	50	50		47	47	50	48	56
54	Ширина носа	22	30	25	25	23	25	23	21	28	25	23	24	23		27	25	26	23	29
51	Ширина орбиты mf	41	40	40	41	40	41	38	42	40	43	44	42	43		40	40	42	41	44
51a	Ширина орбиты d	37	37	37	37	38	39	36	40	38	40	41	39	39		38	37	39	39	40
52	Высота орбиты	35	35	33	32	33	34	33	35	31	34	34	36	33		30	31	34	30	35
77	Бималярная хорда fmo-fmo	96	95	90	94	87	94	88	99	95	100	104	96			93	95	98	95	99
77	Высота назиона над б/м хордой	18	15	13	19	15	16	14	19	12	16	16	18			17	16	17	15	15
77	указатель	18,7	15,8	14,4	20,2	17,2	17,0	15,9	19,2	12,6	16	15,4	18,7			18,3	16,8	17,3	15,8	15,1
77	Назомалярный угол	139	145	148	136	141	142	145	138	152	144	146	139			140	143	142	145	146
<Zm	Зигомаксиллярная хорда	85	95	90	94	88	80	79	95	91	87	90	85			88	88	95	87	104
<Zm	Высота субспинале над з/м хордой	20	22	19	22	25	20	20	25	18	20	20	19			20	20	21	18	23
<Zm	указатель	23,5	23,2	21,1	23,4	28,4	25,0	25,3	26,3	19,8	23	22,2	22,3			22,7	22,7	22,1	20,7	22,1
<Zm	Зигомаксиллярный угол	130	130	134	130	121	127	126	124	137	131	132	132			131	131	132	135	132
MC	Максиллофронтальная хорда	20	19		17	13	13	13	20	17	19	21	17			18	16	17	7	18
MS	Максиллофронтальная высота	8	6		6	7	6	5	7	4	7	7	6			6	4	7	6	6
DC	Дакриальная хорда	21	21	19	22	17	16	16	20	20	22	22	19			17	19	22	20	20

Табл.4. (продолжение)

DS	Дакриальная высота	10	9	7	9	10	9	6	10	8	10	10	12			8	7	11	9	9
SC	Симотическая хорда	9	7	5	9	6	6	7	9	7	10	9	9			8	7	13	9	8
SS	Симотическая высота	5	3	0,2	3	4	4	2,5	3,5	2	4,5	3	4			3	2	4	4	3
	Ширина изгиба скуловой кости	46	48	47	50	47	46	51	49	50	50	49	53			52	50	51	51	43
	Высота скуловой кости	9	8	8	9	8	8	10	8	11	10	10	10			8	9	9	9	6
32	Угол лба от назиона	93	88	92	87	82	93	93	88	88	91	91	87			91	86	86	90	86
	Угол лба от глабеллы	82	80	86	82	77	85	85	82	78	85	82	83			85	82	84	85	85
72	Общий угол лица	88	86	85	92	83	87	90	92	88	87	88	88			87	86	90	88	87
73	Угол средней части лица	91	90	87	93	86	90	92	93	89	89	90	91			88	90	92	91	91
74	Угол альвеолярной части лица	76	79	71	74	72	70	75	85	86	70	77	77			73	63	73	70	66
75	Угол носовых костей к горизонтали	62	65	70	73	59	66	75	65	66	59	68	60			62	63	62	72	72
75(1)	Угол выступания носа	26	21	15	19	24	21	15	27	22	28	20	28	23	21	25	23	28	16	15
65	Мыщелковая ширина	109	117	109	110	125	113	113	118	121	112	119	121	111	110	110	115	112	111	117
66	Бигониальная ширина	91	98	93	98	104	88	95	97	94	88	96	89	91	92	94	97	95	89	96
71a	Наименьшая ширина ветви н/ч	30	32	27	32	27	31	31	28	32	32	31	34	34	34	33	32	36	33	34
	Форма черепной коробки	сфер.	овоид.	эллипс.	овоид.	сфен.	сфен.	овоид.	эллипс.	сфер.	сфен.	эллипс.	эллипс.	овоид	овоид	овоид.	овоид.	эллипс.	сфер.	сфер.
	Надпереносье	2	2	1	2	3	3	2	2	3	3	3	1	3	2	2	2	2	2	1
	Надбровные дуги	1	2	1	1	21	1	1	1	2	1	1	1	2	2	1	1	1	1	1
	Глубина клыковой ямки,мм	6,2	3,3	3,5	1,1	7,0	5,0	4,5	5,5	2,8	6,0	7,1	4,7	2,5		4,6	5,1	5,3	1,8	2,5
	Нижн. край грушевидного отверстия	ant	ant	ant.	f.pr	ant	f.pr	ant	ant	f.pr	f.pr	ant	ant.	s.pr	f.pr	f.pr	s.pr	ant	f.pr	f.pr
	Передне-носовая ость	4	2	2	3	3	2	3	4	3	3	4	3	2	2	2	2	3	2	1
	Наружный затылочный бугор	1	2	1	1	1	1	1	1	2	2	2	1	2	1	3	1	3	2	1

Табл.4. (окончание)

	Сосцевидный отросток	1	2	1	1	2	1	1	1	2	1	2	1	2	1	2	2	2	1	2
	Деформация: тип	зат.				зат.	зат.			зат.				зат-тем.						
	степень	1	0	0	0	1	2	0	0	2	0	0	0	2	0	0	0	0	0	0
	Указатели																			
8\1	Черепной	85,1	82,2	81,2	84,0	87,0	89,8	83,6	82,2	90,2	87,2	75,1	78,7	79,1		79,6	83,4	79,7	86,0	85,3
17\1	Высотно-продольный	78,6	75,7	80,6	76,6	75,7	73,1	75,2	76,9	72,6	79,3	73,0	74,2			76,0	79,1	76,2	75,4	75,9
17\8	Высотно-поперечный	92,3	92,1	99,3	91,2	87,1	81,3	89,9	93,5	80,4	90,9	97,1	94,3			95,5	94,9	95,6	87,8	89,0
20\1	Высотно-продольный											63,1						64,0		
20\8	Высотно-поперечный											84,0						80,4		
9\8	Лобно-поперечный	67,8	64,7	70,1	66,0	59,9	62,0	63,0	71,2	63,5	67,8	69,8	70,0	63,9		70,7	65,4	71,5	64,6	67,6
9\10	Лобный	80,2	78,3	79,7	77,6	73,9	75,6	74,4	79,8	79,0	78,9	81,5	79,7	75,4		83,2	78,1	83,8	77,9	78,4
48\45	Верхнелицевой	55,4	58,6	51,2	54,4	55,0	53,3	53,3	51,2	46,9	54,3	51,5	54,8	55,3		50,8	46,5	54,3	50,8	59,4
47\45	Лицевой	90,1	92,2	81,1	94,4	89,1	87,7	89,2	85,3	77,7	93,8	84,6	89,7	87,8		84,1	78,0	90,6	85,2	97,7
40\5	Выступания лица	91,8	100,0	96,7	93,1	95,9	102,2	91,0	91,8	97,9	100,0	95,2	99,0			97,8	90,5	90,3	99,0	101,0
48\17	Вертикальный краниофациальный	50,8	58,6	48,9	50,7	55,5	53,3	51,6	50,8	51,3	53,8	49,6	52,3			50,4	45,7	52,7	50,4	61,2
63/62	Небный	82,2	93,6	100,0	93,0	89,1	75,6	92,1	82,5	97,6	97,6	90,9	95,1	83,3		90,9	90,5	92,9	82,6	93,6
54\55	Носовой	45,8	57,7	52,1	50,0	44,2	51,0	48,9	42,0	59,6	48,1	46,9	48,0	46,0		57,4	53,2	52,0	47,9	51,8
52\51	Орбитный от mf	85,4	87,5	82,5	78,0	82,5	82,9	86,8	83,3	77,5	79,1	77,3	85,7	76,7		75,0	77,5	81,0	73,2	79,5
52\51a	Орбитный от d	94,6	94,6	89,2	86,5	86,8	87,2	91,7	87,5	81,6	85,0	82,9	92,3	84,6		78,9	83,8	87,2	76,9	87,5
MS\MC	Максиллофронтальный	40,0	31,6		35,3	53,8	46,2	38,5	35,0	23,5	36,8	33,3	35,3			33,3	25,0	41,2	85,7	33,3
DS\DC	Дакриальный	47,6	42,9	36,8	40,9	58,8	56,3	37,5	50,0	40,0	45,5	45,5	63,2			47,1	36,8	50,0	45,0	45,0
SS\SC	Симотический	55,6	42,9	4,0	33,3	66,7	66,7	35,7	38,9	28,6	45,0	33,3	44,4			37,5	28,6	30,8	44,4	37,5
	Изгиба скуловой кости	19,6	16,7	17,0	18,0	17,0	17,4	19,6	16,3	22,0	20,0	20,4	18,9			15,4	18,0	17,6	17,6	14,0

Табл. 5. Индивидуальные размеры и указатели детских черепов XIII-XIV вв. из могильника Маяки

№ по Мартину	**Тип погребения**	II	III	III	III	II	III	II	III	III	I	II	n	x
	№ раскопа	I	I	I	I	I	I	I	I	I	I	I		
	№ погребения	2	7	10	13	14	16	20	24	27	28	34		
	Признаки/Возраст	9-10 л.	6-7 л.	6-7 л.	12-14 м.	12-13 л.	12-20 м.	6-8 м.	6-7 л.	12-13 л.	12-14 м.	6-8 м.		
1	Продольный диаметр	167	157	168		165								
8	Поперечный диаметр	142	138	136		134								
УПИЛ	Ширина лба						70			89				
УПИЛ	Высота лба						11			19				
УПИЛ	Указатель поперечного изгиба лба						15,7			21,3				
УПИЛ	Угол поперечного изгиба лба						145			134			2	139,5
45	Скуловой диаметр	113	103	110		108			83	110				
48	Верхняя высота лица	51	50	54		54	37		47	57				
47	Полная высота лица	84	82	92		93			74					
55	Высота носа	38	38	39		42	27		33	44				
54	Ширина носа	22	20	22		21	15		21	22				
51a	Ширина орбиты d	36	35	36		36	30		32	38				
52	Высота орбиты	34	31	35		31	28		29	32				
77	Бималярная хорда fmo-fmo	88	80	86		84	78		76	90				
77	Высота назиона над б/м хордой	17	15	17		15	13		14	19				
77	указатель	19,3	18,7	19,8		17,9	16б7		18,4	21,1				
77	Назомалярный угол	138	139	137		141	143		140	134			7	138,9
<Zm	Зигомаксиллярная хорда	78	71	69		76				84				
<Zm	Высота субспинале над з/м хордой	19	16	20		20				20				
<Zm	указатель	24,3	22,5	29		26,3				23,8				
<Zm	Зигомаксиллярный угол	128	132	120		124				129			5	126,6
75(1)	Угол выступания носа	17	26	21		20				27			5	22,2
65	Мыщелковая ширина									106				

Табл.5. (окончание)

66	Бигониальная ширина									84				
71a	Наименьшая ширина ветви н/ч									31				
	Форма черепной коробки	сфен	сфер	эллипс		эллипс			сфер				5	эл-2,сфр-2
	Деформация: тип/степень (0-3)	0	0	0		0			0					
	Указатели													
8\1	Черепной	85,0	87,9	80,9		81,2							4	83,8
48\45	Верхнелицевой	45,1	48,5	49,1		50,0			56,6	51,8			6	50,2
47\45	Лицевой	74,3	79,6	83,6		86,1			89,2				5	82,6
54\55	Носовой	57,9	52,6	56,4		50,0			63,6	50,0			6	55,1
52\51a	Орбитный от d	94,4	88,6	102,9		86,1			90,6	84,2			6	91,1

Табл. 6. Могильник Маяки. Мужская серия. Значения среднеквадратического от уклонения в общей выборке и по типам погребений. Значения t-критерия Стьюдента

	Общая серия					**Тип I**					**Тип II**					**t-крит**
	n	**min**	**max**	**x**	**s**	**n**	**min**	**max**	**x**	**s**	**n**	**min**	**max**	**x**	**s**	
1	16	168,0	192,0	179,0	6,54	4	180,0	192,0	183,8	5,6	12	168,0	191,0	177,4	6,2	0,11
8	15	128,0	166,0	146,8	9,74	4	144,0	151,0	146,8	3,0	11	128,0	166,0	146,8	11,4	0,99
17	14	123,0	143,0	133,4	5,61	4	130,0	138,0	133,0	3,5	10	123,0	143,0	133,6	6,4	0,83
20	6	102,0	123,0	114,7	7,15	1	116,0	116,0	116,0		5	102,0	123,0	114,4	8,0	
5	14	93,0	111,0	101,4	5,14	4	97,0	105,0	101,0	3,3	10	93,0	111,0	101,6	5,9	0,81
9	16	85,0	106,0	97,2	5,42	3	99,0	106,0	101,7	3,8	13	85,0	104,0	96,2	5,3	0,10
45	15	125,0	149,0	136,1	8,13	4	130,0	146,0	138,3	7,5	11	125,0	149,0	135,4	8,6	0,55
40	13	82,0	107,0	96,1	6,84	3	82,0	101,0	93,7	10,2	10	90,0	107,0	96,8	6,1	0,66
48	14	65,0	75,0	69,0	3,33	3	65,0	75,0	69,7	5,0	11	65,0	73,0	68,8	3,0	0,80
47	14	106,0	128,0	115,0	5,42	3	108,0	128,0	117,3	10,1	11	106,0	119,0	114,4	4,0	0,66
43	15	97,0	116,0	106,7	5,45	3	104,0	116,0	109,0	6,2	12	97,0	113,0	106,1	5,4	0,51
55	14	39,0	57,0	50,0	4,69	3	47,0	53,0	50,3	3,1	11	39,0	57,0	49,9	5,2	0,86

Табл.6. (окончание)

54	15	20,0	29,0	25,2	2,46	3	25,0	29,0	26,3	2,3	12	20,0	28,0	24,9	2,5	0,41
51	15	38,0	46,0	42,2	2,51	2	41,0	46,0	43,5	3,5	13	38,0	46,0	42,0	2,4	0,66
52	16	29,0	35,0	32,2	2,37	3	31,0	35,0	33,7	2,3	13	29,0	35,0	31,8	2,3	0,31
77	16	137,0	154,0	143,4	5,08	3	137,0	142,0	139,3	2,5	13	138,0	154,0	144,3	5,1	0,05
<Zm	14	125,0	142,0	131,9	5,25	3	127,0	141,0	132,7	7,4	11	125,0	142,0	131,7	5,0	0,85
MC	13	10,0	24,0	17,1	3,52	2	15,0	22,0	18,5	4,9	11	10,0	24,0	16,8	3,5	0,72
MS	13	5,0	10,0	6,2	1,34	2	6,0	10,0	8,0	2,8	11	5,0	7,0	5,8	0,8	0,47
DC	12	19,0	26,0	21,2	2,12	2	19,0	26,0	22,5	4,9	10	19,0	24,0	20,9	1,5	0,73
DS	12	9,0	13,0	10,9	1,38	2	11,0	13,0	12,0	1,4	10	9,0	13,0	10,7	1,3	0,40
SC	13	6,0	11,0	8,0	1,73	2	9,0	11,0	10,0	1,4	11	6,0	11,0	7,6	1,6	0,21
SS	13	2,5	5,5	3,7	0,92	2	4,5	5,5	5,0	0,7	11	2,5	5,0	3,4	0,7	0,15
72	13	82,0	95,0	88,1	3,73	2	88,0	88,0	88,0	0,0	11	82,0	95,0	88,1	4,1	0,94
75(1)	13	18,0	42,0	27,6	6,40	2	26,0	26,0	26,0	0,0	11	18,0	42,0	27,9	7,0	0,38
8:1	15	70,3	96,0	82,2	6,72	4	78,6	81,1	79,9	1,0	11	70,3	96,0	83,0	7,7	0,22
48:45	14	45,6	55,2	50,9	2,20	3	50,0	51,5	51,0	0,8	11	45,6	55,2	50,9	2,5	0,99
47:45	14	77,9	91,2	84,9	4,15	3	80,6	89,2	85,8	4,6	11	77,9	91,2	84,7	4,2	0,72
40:5	13	84,5	100,0	94,7	3,96	3	84,5	97,0	92,6	7,0	10	90,9	100,0	95,3	2,9	0,57
48:17	13	45,5	54,5	51,5	2,62	3	49,2	54,3	52,0	2,6	10	45,5	54,5	51,4	2,8	0,77
54:55	14	43,4	58,3	50,2	4,28	3	49,0	54,7	52,3	2,9	11	43,4	58,3	49,6	4,5	0,27
52:51	15	64,4	85,4	76,0	5,76	2	75,6	76,1	75,8	0,3	13	64,4	85,4	76,0	6,2	0,94
MS:MC	13	25,0	60,0	37,3	10,17	2	40,0	45,5	42,7	3,9	11	25,0	60,0	36,3	10,8	0,19
DS:DC	12	37,5	61,9	51,9	7,10	2	50,0	57,9	53,9	5,6	10	37,5	61,9	51,5	7,6	0,65
SS:SC	13	27,3	62,5	46,4	9,99	2	50,0	50,0	50,0	0,0	11	27,3	62,5	45,8	10,8	0,22

Табл. 7. Могильник Маяки. Женская серия. Значения среднеквадратического от уклонения в общей выборке и по типам погребений. Значения t-критерия Стьюдента

	Общая серия					**ТИП I**					**ТИП II**					**ТИП III**					**t I-II**	**t I-III**	**t II-III**
	n	**min**	**max**	**x**	**s**	**n**	**min**	**max**	**x**	**s**	**n**	**min**	**max**	**x**	**s**	**n**	**min**	**max**	**x**	**s**			
1	18	163,0	185,0	170,2	6,22	4	165,0	175,0	169,3	4,19	9	164,0	185,0	171,4	8,08	5	163,0	172,0	168,6	3,65	0,53	0,81	0,38
8	18	133,0	150,0	141,6	5,09	4	134,0	147,0	140,8	5,56	9	138,0	150,0	143,1	4,43	5	133,0	147,0	139,6	6,07	0,49	0,78	0,30
17	17	119,0	135,0	128,9	4,19	4	128,0	134,0	131,8	2,63	8	119,0	135,0	127,5	5,40	5	127,0	131,0	129,0	1,41	0,10	0,13	0,48

Табл.7. (окончание)

20	6	105,7	118,6	111,6	5,08	0					4	105,7	118,6	113,0	5,83	2	107,5	110,1	108,8	1,84			0,26
5	17	89,0	105,0	96,9	4,29	4	92,0	102,0	97,5	4,12	8	89,0	105,0	96,4	4,75	5	92,0	103,0	97,4	4,51	0,68	0,97	0,71
9	18	87,0	99,0	94,3	3,75	4	90,0	97,0	94,5	3,32	9	87,0	99,0	93,9	4,31	5	89,0	98,0	94,8	3,70	0,79	0,90	0,69
45	18	120,0	133,0	126,7	3,41	4	121,0	128,0	125,3	3,10	9	120,0	130,0	126,4	3,84	5	126,0	133,0	128,2	2,77	0,57	0,19	0,35
40	17	81,0	102,0	93,1	5,30	4	89,0	98,0	93,0	4,24	8	81,0	100,0	93,1	6,01	5	86,0	102,0	93,2	5,97	0,97	0,95	0,98
48	18	59,0	79,0	67,3	4,68	4	65,0	75,0	68,8	4,35	9	61,0	71,0	66,8	3,15	5	59,0	79,0	67,2	7,50	0,46	0,71	0,91
47	18	99,0	130,0	111,1	7,59	4	103,0	118,0	112,0	7,35	9	101,0	121,0	110,2	5,67	5	99,0	130,0	111,8	11,69	0,69	0,98	0,79
43	18	89,0	108,0	101,3	4,64	4	97,0	102,0	100,0	2,16	9	95,0	108,0	102,4	4,25	5	89,0	106,0	100,2	6,76	0,20	0,95	0,53
55	18	47,0	56,0	49,6	2,36	4	48,0	52,0	49,5	1,91	9	47,0	52,0	49,6	1,81	5	47,0	56,0	49,6	3,78	0,96	0,96	0,98
54	18	21,0	30,0	24,8	2,43	4	22,0	30,0	25,5	3,32	9	21,0	28,0	23,9	1,96	5	23,0	29,0	26,0	2,24	0,42	0,81	0,12
51	18	38,0	44,0	41,2	1,59	4	40,0	41,0	40,5	0,58	9	38,0	44,0	41,4	1,88	5	40,0	44,0	41,4	1,67	0,20	0,31	0,96
52	18	30,0	36,0	33,2	1,80	4	32,0	35,0	33,8	1,50	9	31,0	36,0	33,7	1,41	5	30,0	35,0	32,0	2,35	0,93	0,22	0,20
77	17	136,0	152,0	143,0	4,02	4	136,0	148,0	142,0	5,48	8	138,0	152,0	143,4	4,47	5	140,0	146,0	143,2	2,39	0,68	0,70	0,93
<Zm	17	121,0	137,0	130,3	3,95	4	130,0	134,0	131,0	2,00	8	121,0	137,0	128,8	5,18	5	131,0	135,0	132,2	1,64	0,31	0,37	0,11
MC	16	7,0	21,0	16,6	3,56	3	17,0	20,0	18,7	1,53	8	13,0	21,0	16,6	3,29	5	7,0	18,0	15,2	4,66	0,20	0,18	0,57
MS	16	4,0	8,0	6,1	1,09	3	6,0	8,0	6,7	1,15	8	4,0	7,0	6,1	1,13	5	4,0	7,0	5,8	1,10	0,53	0,35	0,62
DC	17	16,0	22,0	19,6	2,06	4	19,0	22,0	20,8	1,26	8	16,0	22,0	19,0	2,45	5	17,0	22,0	19,6	1,82	0,13	0,30	0,62
DS	17	6,0	12,0	9,1	1,52	4	7,0	10,0	8,8	1,26	8	6,0	12,0	9,4	1,77	5	7,0	11,0	8,8	1,48	0,50	0,96	0,54
SC	17	5,0	13,0	8,1	1,87	4	5,0	9,0	7,5	1,91	8	6,0	10,0	7,9	1,55	5	7,0	13,0	9,0	2,35	0,75	0,33	0,38
SS	17	0,2	5,0	3,2	1,14	4	0,2	5,0	2,8	1,97	8	2,0	4,5	3,4	0,86	5	2,0	4,0	3,2	0,84	0,57	0,72	0,63
72	17	83,0	92,0	87,8	2,31	4	85,0	92,0	87,8	3,10	8	83,0	92,0	87,9	2,59	5	86,0	90,0	87,6	1,52	0,95	0,93	0,81
75(1)	19	15,0	28,0	21,9	4,49	4	15,0	26,0	20,3	4,57	10	15,0	28,0	22,9	4,07	5	15,0	28,0	21,4	5,68	0,36	0,75	0,62
8:1	18	75,1	90,2	83,3	4,01	4	81,2	85,1	83,1	1,75	9	75,1	90,2	83,7	5,31	5	79,6	86,0	82,8	3,02	0,79	0,84	0,70
48:45	18	46,5	59,4	53,2	3,38	4	51,2	58,6	54,9	3,05	9	46,9	55,3	52,8	2,66	5	46,5	59,4	52,4	4,83	0,30	0,37	0,84
40:5	17	90,3	102,2	96,1	3,96	4	91,8	100,0	95,4	3,69	8	91,0	102,2	96,6	3,91	5	90,3	101,0	95,7	4,98	0,62	0,92	0,74
48:17	17	45,7	61,2	52,2	3,63	4	48,9	58,6	52,2	4,33	8	49,6	55,5	52,3	1,87	5	45,7	61,2	52,1	5,71	0,99	0,96	0,95
54:55	18	42,0	59,6	50,2	4,74	4	45,8	57,7	51,4	4,93	9	42,0	59,6	48,3	4,98	5	47,9	57,4	52,5	3,42	0,34	0,73	0,09
52:51	18	73,2	87,5	80,6	4,18	4	78,0	87,5	83,4	4,09	9	76,7	86,8	81,3	3,79	5	73,2	81,0	77,2	3,19	0,43	0,05	0,06
MS:MC	16	23,5	85,7	39,2	14,36	3	31,6	40,0	35,6	4,22	8	23,5	53,8	37,8	8,99	5	25,0	85,7	43,7	24,17	0,60	0,50	0,62
DS:DC	17	36,8	63,2	46,4	7,55	4	36,8	47,6	42,1	4,48	8	37,5	63,2	49,6	9,15	5	36,8	50,0	44,8	4,89	0,08	0,41	0,24
SS:SC	17	4,0	66,7	39,6	14,79	4	4,0	55,6	33,9	21,94	8	28,6	66,7	44,9	14,49	5	163,0	172,0	168,6	3,65	0,53	0,81	0,38

Литература и архивные материалы

Аксенов В.С., 2003. К вопросу интерпретации некоторых комплексов Маяцкого селища// Проблеми історії та археології України: до 100-річчя XII Археологічного з'їзду в м.Харкові. Археологія та історія середньовіччя. Харків.

Аксенов В.С., Михеев В.К., 2006. Население Хазарского каганата в памятниках истории культуры "Сухогомольшанский могильник VIII-X вв."// Хазарский альманах. Т.5. Киев; Харьков.

Артамонов М.И., 1962. История Хазар. М.; Л.

Артамонова О.А., 1963. Могильник Саркела – Белой Вежи// МИА. № 109.

Артюшенко А.Т., 1970. Растительность лесостепи и степи Украины в четвертичном периоде. К.

Афендик Г.Г., 1948. Материалы записей к инвентарной книге 1948 г. Рукопись// НА ИА НАНУ. Рукописный фонд В.М.Евсеева. № 486/ВЕ. 4 р.

Багалей Д.И., 1890. Общий очерк древностей Харьковской губ.// Харьковский сборник. Харьков.

Багалей Д.И., 1930. Железный век в Восточной Европе. М.; Л.

Городцов В.А., 1905. Материалы археологических исследований на берегах Донца Изюмского уезда Харьковской губ. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии// Тр.XII АС. Т.1. М.

Готье Ю.В., 1927. Кто были обитатели Верхнего Салтова// Изв. ГАИМК. Т.V. Л.

Готье Ю.В., 1930. Железный век в Восточной Европе. М.; Л.

Дадашов О.С., Татаринов С.И., 2009. Бахмутский край и Хазарский каганат. Артемовск.

Евсеев В.М., 1949. Заметки о маяцком городище и меловой скульптуре. Рукопись// НА ИА НАНУ. Рукописный фонд В.М.Евсеева. Ф.4 р, № 486, 15/1.

Елкина А.К., 1989. Древний текстиль в находках Донецкой археологической экспедиции// Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Тезисы докл. научно-практического семинара. Донецк.

Зуев Ю., 2002. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы.

Киселев С.В., 1951. Древняя истории Южной Сибири. М.

Копыл А.Г., Драголюбов А.В., Татаринов С.И., 1977. Работы в Донецкой области// АО 1976 года.

Копыл А.Г., Татаринов С.И., 1979. Охранные раскопки городища Маяки на Северском Донце// СА. № 1.

Копыл А.Г., Татаринов С.И., 1990. Мусульманские элементы в погребальном обряде протоболгар Среднедонечья// Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань.

Копыл А.Г., Шамрай А.В., Татаринов С.И., 1979. Раскопки раннесредневекового могильника у с.Маяки // АО 1978 года.

Кравченко Э.Е., 2004. Мусульманское население среднего течения Северского Донца и распространение ислама в Восточной Европе в Хазарское время// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.4. Хазарское время. Донецк.

Кравченко Э.Е., Кушпир В.В., 2010. Археологические свидетельства о распространении христианства в Донецких степях в эпоху средневековья// Матеріали IV міжнародної науково-практичної конференції "Історія запорозького козацтва: в пам'ятках та музейній практиці". Запоріжжя.

Кучугура Л.И., 2003. Новые материалы к биографии исследователя палеолита Донбасса В.М.Евсеева// Кам'яна доба України. Вип.4. Київ; Полтава.

Кызласов Л.Р., 1981. Культура древних уйгур (VIII-IX вв.)// Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.

Ляпушкин И.И., 1958. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р.Дона// МИА. № 6.
Михеев В.К., 1963. Результаты археологических работ на Маяцком городище в 1963 г.// НА ИА НАНУ. Ф.е. 4182.
Михеев В.К., 1964. Отчет об археологических раскопках поселения у с. Маяки в 1964 г.// НА ИА НАНУ. Ф.е. 4328.
Михеев В.К., 1965. Отчет о раскопках поселения и могильника салтовской культуры у с.Маяки летом 1965 г.// НА ИА НАНУ. Ф.е. 4331 (альбом), 4430.
Михеев В.К., 1966. Отчет об археологических раскопках у с.Маяки Славянского района Донецкой области в 1966 г.// НА ИА НАНУ. Ф.е. 4793; 4794.
Михеев В.К., 1968. Отчет об археологических исследованиях поселения салтовской культуры у с.Маяки в 1968 г.// НА ИА НАНУ. Ф.е. 5242, 5243.
Михеев В.К., 1985. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков.
Плетнева С.А., 1957. Отчет о полевых исследованиях у с.Маяки, Донецкой обл.// НА ИА РАН. 1957/1446.
Плетнева С.А., 1967. От кочевий к городам// МИА. № 142.
Плетнева С.А., 1999. Очерки Хазарской археологии// Современные исследования. Москва; Иерусалим.
Рокицкий П.Ф., 1967. Биологическая статистика. Минск.
Сибилев Н.В. (год не известен). Феодальное поселение на Донце. Рукопись// НА ИА НАНУ. Рукописный фонд Н.В.Сибилева. Ф.14.
Сибилев Н.В., 1924. Дневник Н.В.Сибилева за 1924 год. Рукопись// НА ИА НАНУ. Рукописный фонд Н.В.Сибилева.
Сибилев Н.В., 1926а. Древности Изюмщины. Вып.I. Изюм.
Сибилев Н.В., 1926б. Маяцко-Сидоровская культура Изюмщины на р.Сев. Донец. Рукопись// НА ИА НАНУ. Рукописный фонд Н.В.Сибилева. Ф.5.
Сибилев Н.В., 1928. Древности Изюмщины. Вып.III. Изюм.
Сібільов Н.В., 1950. Археологічні пам'ятки на Дінці в зв'язку з походами Володимира Мономаха та Ігоря Сіверського// Археологія. IV. К.
Татаринов С.И., Копыл А.Г., 1981. Дроновские древнеболгарские могильники на р.Северский Донец// СА. № 1.
Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
Ходжайова Г.К., 1992. К одонтологической характеристике из могильников Желтое, Новолимаревка// Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в средневековье. Международный научный семинар. Тезисы докладов. Донецк.
Ходжайов Т.К., Швецов М.Л., 1992. Археолого-антропологическое исследование Маяк XIII-XIV вв.// Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в средневековье. Международный научный семинар. Тезисы докладов. Донецк.
Шамрай А.В., 1995. Каменная иконка с Царина городища// Материалы научно-практического семинара, посвященного 15-летию Славяногорского историко-архитектурного заповедника. Святогорск.
Шамрай А.В., Соловкин А.А., Филиппов А.П., 2009. Средневековые христианские древности в среднем течении Северского Донца// Святогірський альманах. 2009. Донецьк.
Шамрай А.В., Соловкин А.А., Филиппов А.П., 2010. Христианское население среднего течения Северского Донца в X-XIII вв.// Святогірський альманах. 2010. Донецьк.
Швецов М.Л., 1985. Работы на Зливкинском могильнике// АО 1983 года.
Швецов М.Л., 1988. Отчет об археологических работах на могильнике у с.Маяки в 1988 г.// НА ИА НАНУ. № 14/1989.

Швецов М.Л., 1990. Погребальный обряд и этнос (По материалам раннего средневековья)// Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. Тезисы докладов областной научно-практической конференции. Луганск.
Швецов М.Л., 1991. "Могильник "Зливки"// Проблеми на Прабългарската история и култура. Трета Международна среща по прабългаска археологя. Шумен.
Швецов М.Л., 1992. Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в эпоху средневековья// Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в средневековье. Международный научный семинар. Тезисы докладов. Донецк.
Швецов М.Л., 2001. Погребение 40 могильника "Зливки"// Проблемы истории археологии Украины. Харьков.
Швецов М.Л., 2006. Взаимоотношения степного и лесостепного населения в эпоху раннего средневековья (на примере Подонцовья - Приазовья)// Археологическое изучение Центральной России. Липецк.
Швецов М.Л., Приходнюк О.М., 1989. Отчет об археологических работах Донецкой археологической экспедиции в 1989 г.// НА ИА НАНУ. № 53/1990.
Швецов М.Л., Санжаров С.Н., Прынь А.В., 2001. Два новых сельских могильника в Подонцовье// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.2. Хазарское время. Донецк.

Summary

T.K.Khodzhaiov, M.L.Shvetsov, G.K.Khodzhaiova, S.Yu.Frizen
(Moscow, Russia; Donetsk, Ukraine; Moscow, Russia)

POPULATION OF SEVERSKII DONETS BASIN OF GOLDEN HORDE TIME (BASED ON EXCAVATIONS OF BURIAL GROUNDS NEAR MAIAKI VILLAGE)

The authors have categorized archaeological and anthropological findings from burial grounds explored near Maiaki village (Tsarino hillfort) in the medium reaches of the Severskii Donets river. An analysis of the findings allows the authors to assert that the site was settled from the 7th century to the 3rd quarter of the 14th century. The deceased were buried according to rites characteristic of different confessional population groups and anthropological types. Skulls from burials 8, 39 and 42 differ considerably from the other skulls found at the site; therefore, they could logically be classified in a separate cluster. In addition, complexes with these skulls display peculiar features of the funeral rite, thereby distinguishing it from all other burials of the site.

A diversity of the types of funeral constructions for burials in accordance with the Muslim ceremony is indicative of a difference in their ethnic composition and not of their chronological sequence (since all of them belong to the Golden Horde time).

The data of the anthropological analysis of the burial grounds confirm heterogeneity of the population in the hillforts of the Severskii Donets basin, which was formed on the basis of the local Proto-Bulgarians (Zlivki) and the steppe Polovtsian (?) population of the 12th century – the 1st half of the 13th century. According to the written records the population also included the Alans of the 9th-11th centuries. However, there is no evidence in support of the assertion that the Moslems settled the Middle Severskii Donets basin and its vicinity in the 9th-12th centuries, and certainly not in large numbers. Neither Byzantine, nor Russian chronicles could ignore this important political and confessional factor concerning their neighbours.

М.Л.Швецов

О КОМПЛЕКСЕ ЖИЛЫХ ПОСТРОЕК ЭПОХИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ НА ЦАРИНОМ ГОРОДИЩЕ*

Исследования Царина городища у с.Маяки на Северском Донце проводятся с небольшими перерывами уже более 100 лет. Однако начало планомерных широкомасштабных работ надо связывать с именем В.К.Михеева (1963, с.6-8; 1964, с.18-22; 1965, с.2-25; 1966, с.7-20; 1968; 1985). К сожалению, материалы золотоордынской эпохи, открытые им на памятнике, в его статьях и монографии (Михеев В.К., 1985) почти не опубликованы. То же можно сказать и о публикациях последующих раскопок в 70 гг XX в. (Копыл А.Г., Татаринов С.И., 1979; 1990). Не вполне корректно опубликована и часть материалов наших раскопок 90 гг (Кравченко Э.Е., 2000, с.75-98; 2004, с.153-186).

В 1988-1991 гг нами на городище были открыты не только могильники золотоордынской эпохи (см. статью Т.К.Ходжайова и др. в данном сборнике), но и комплексы жилых помещений, относящиеся к XIII-XIV вв. (Швецов М.Л., Приходнюк О.М., 1990). В 1990 гг были опубликованы тезисы небольшого доклада и ряд работ о конструктивных и хронологических особенностях открытых нами жилых помещений на памятнике, дающих представление о хронологии III этапа функционирования Царина городища (Кравченко Э.Е., Швецов М.Л., 1990, с.134-136; Швецов М.Л., 1990; 1992). В дальнейшем материалы городища по независящим от автора причинам так и не были опубликованы, несмотря на их актуальность. Поэтому целью статьи является полная публикация материалов раскопа, исследованного Донецкой Средневековой археологической экспедицией в 1989 г (Швецов М.Л., Приходнюк О.М., 1990).

Участок Р-1Г расположен в северо-западной части городища, приблизительно в 1,5 км к юго-западу от крайних домов с.Маяки (рис.1, *1*). Указанная часть памятника представляет собой узкую (до 100 м) полосу, идущую вдоль поля к северу от лесопосадки. Тянется эта полоса по всему северному склону городища, вдоль р.Северский Донец. По этому участку еще в 70 гг была проложена грунтовая дорога, подчистка которой бульдозером вскрыла пятно котлована помещения, зафиксированное нами в 1988 году. В 1989 г здесь был заложен раскоп. Первоначально раскоп площадью 32 м^2 был вытянут вдоль яра, опускающегося к Донцу, и ориентирован по линии север – юг. Позднее, в связи с поиском границ сооружения, были произведены прирезки к южной и западной сторонам раскопа, в результате чего площадь раскопа увеличилась до 200 м^2 (рис.2, *1*). Осмотр местности и опрос местных жителей указывали на то, что этот участок не подвергался распашке, что и подтвердилось данными стратиграфии (рис.2, *2*).

В целом на раскопе стратиграфическая ситуация следующая: в южной и юго-восточной части раскопа сразу под пятисантиметровым слоем дерна начинается слабонасыщенный культурный слой мощностью 0,25-0,3 м (рис.2, *2*). Находки, залегавшие в черноземе, представлены небольшим количеством керамики золотоордынского времени (рис.10), костями животных (далее КЖ), фрагментом чугунного котла (рис.4, *8, 9*) и четырьмя монетами, из которых одна датируется временем правле-

* Опубликовано: Швецов М.Л. О комплексе жилых построек эпохи Золотой Орды на Царином городище // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.11. – Донецк: ДонНУ. 2012. С. 97-116.

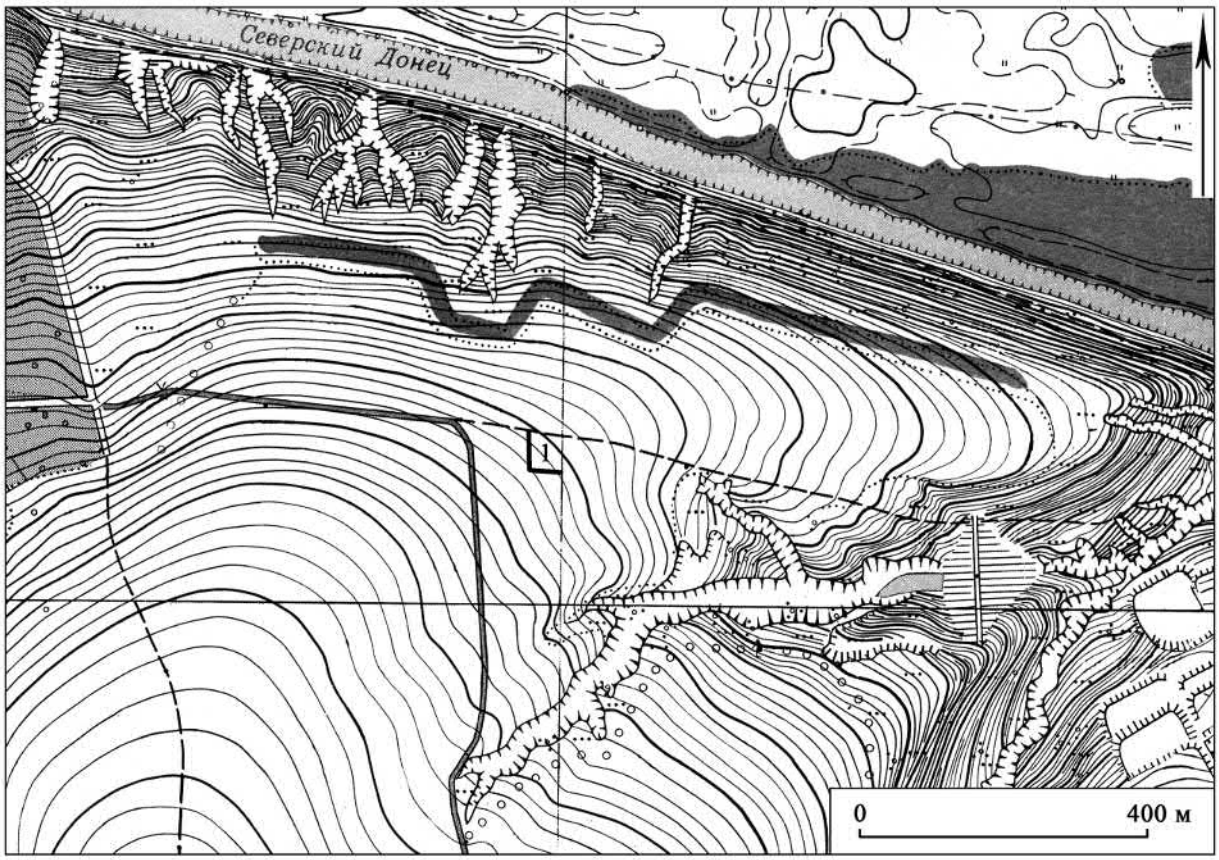


Рис. 1. Маяки. Северо-западный участок Царина городища: *1 – раскоп 1Г.*
Fig. 1. Maiaki village. The northwestern part of the Tsarino hillfort: *1 – 1Г excavation site*

ния хана Бердибека (1357-1359 гг) (рис.11, *1*), две – 60-80 гг XIV в. (рис.11, *2, 3*), и одна не определена (рис.11, *7*).[1] Ниже указанного слоя лежал материк, представленный на данном участке красноватой плотной глиной. Именно в этой глине и были выкопаны котлованы сооружений, а также хозяйственные ямы (рис.2, *1, 2*).

Несколько иную ситуацию мы наблюдаем в юго-западной части раскопа (рис.2, *2*). Здесь верхний слой с культурными остатками достигает мощности 0,5-0,6 м. Ниже он светлеет за счет значительного количества распыленного мела в грунте, а еще ниже, на глубине 1-1,1 м, наблюдается меловой материк, в котором выкопана хозяйственная яма 5 (рис.2, *3*). В центральной части раскопа, под сооружениями, прослежен все тот же культурный слой, который мы видим только на южной и юго-восточной части раскопа, достигающий мощности 0,2-0,4 м (рис.2, *2*). В раскопе были вскрыты котлованы 3 стратифицированных помещений и 5 хозяйственных ям (рис.2, *1*). Остановимся на их описании и характеристике.

Помещение 1 (рис.2, *1*; 3, *1*) Находилось в северо-восточной части раскопа (рис.2). Зафиксировано при выборке культурного слоя на уровне материка по заполнению черноземом. Находки встречались до глубины 0,4 м от современной поверхности. С этого же уровня была впущена в постройку хозяйственная яма 4 (рис.2, *1*; 9, *1*). Впуск четко фиксировался по мешаному заполнению. Выше уровня 0,4 м шел верхний слой с находками золотоордынского времени.

[1] Благодарим за определение А.В.Евглевского. Анализ монет из наших раскопок см.: Евглевский А.В. Определение джучидских монет с городища Царино (из раскопок М.Л.Швецова в 1988-1991 гг)// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.11. – Донецк: ДонНУ. 2012. С. 117-124.

Ниже – заполнение котлована, чернозем, практически без находок. Небольшое количество материала находилось лишь на дне котлована, на уровне 0,9 м от СП (рис.9, *2*).

Котлован прослежен не полностью. Восточный и северный углы помещения находились за пределами раскопа. Южная стенка котлована была нарушена хозяйственной ямой 1 (рис.2, *1*; 6, *1*) и помещением 2. Южный угол, нарушенный хозяйственной ямой 1, прослежен в квадрате Г-1. В квадратах А-1 и А-3 зафиксирована нижняя линия котлована (рис.2, *2*). В целом, судя по сохранившимся остаткам, котлован помещения 1 имел прямоугольную форму и был ориентирован длинной осью по линии северо-запад – юго-восток. Дно котлована относительно ровное. Вход обнаружен не был, возможно, находился за пределами раскопа, с юго-восточной стороны. Следы столбов и столбовых ям обнаружены не были. В западном углу котлована находилась печь.

Печь **(**рис.2, *1;* 3, *2, а, б*) прослежена при выборке заполнения котлована на уровне 0,75 м от СП. Подовая, округлой формы, диаметром 1,2 м. Перед входом в топку располагалась глинобитная овальная в плане обожженная площадка (1,5×1 м). Челюстями развернута на север. В центре – сильно прокаленный черень в виде усеченного конуса (меньший диаметр – 0,35 м, больший диаметр – 0,5 м). К северу, югу и частично к западу от череня зафиксированы остатки обвалившегося куполообразного свода. При входе в печь был вмурован зверек, по-видимому, щенок (рис.3, *2, а, 1*). Положен он поперек входа, вытянуто, головой на запад, лапами к выходу из топки. Внутри подовой ямы топочной камеры, а также в черене встречены фрагменты прокаленных костей животных и фрагменты керамики (рис.3, *3-7*). Подовая яма круглой формы, диаметром 1,2 м. На ее дне были положены белоглиняные вальки, по два с южной и восточной сторон. Вдоль северного, восточного и южного секторов ямы, под челюстями, выявлены остатки разложенных полукругом яиц (рис.3, *2, б*).

Керамический материал из печи представлен:

1. Фрагментами красноглиняного кувшинчика с узким вытянутым горлышком, оканчивающимся широким раструбом, украшенным каннелюрами (рис.3, *7*);

2. Фрагментами красноглиняного сосуда с узким, по-видимому, вытянутым горлышком. Сосуд имел ручки и, скорее всего, носик. Верхняя часть сосуда до середины покрыта зеленой поливой поверх белого ангоба. Частично полива обгорела (рис.3, *6*);

3. Фрагментами кумгана – сосуда (высотой до 30 см) с относительно широким дном (10 см), шарообразным туловом (диаметр – 20 см). Ручка крепилась немного выше наиболее широкой части тулова, украшенного волнистым орнаментом. Аналогичная полоса орнамента опоясывает сосуд в верхней части у плечиков (рис.8, *2*). У места перехода к горлышку – косые наколы. Носик кумгана, покрытого зеленой поливой (рис.8, *3*), как и основная часть фрагментов сосуда, обнаружены в хозяйственной яме 3 (рис.8, *2*).

На площадке перед печью найдены фрагменты красноглиняных сосудов золотоордынского времени, в том числе два фрагмента керамики с примесью песка коричневого цвета и венчик белоглиняного горшка с зауженным горлом, орнаментированным гребенчатым штампом (рис.3, *3-5*).

Яма 4 (рис.2, *1*; 3, *1*; 9, *1, 2*) исследована в квадрате А-В-1. Имела почти круглую форму диаметром 1,3 м. Уровень дна от СП – 0,96 м. Прорезала заполнение помещения 1. Заполнение верхней части ямы (0,3-0,4 м) мешанное, состоит из белой глины, кусков кирпича, угольков и КЖ (рис.9, *1, 2*). Нижняя часть ямы прорезала дно котлована жилища 1. На дне ямы зафиксировано скопление кусков кирпича (1/2; 1/4 часть). В заполнении встречены также КЖ, мелкие фрагменты керамики (рис.9, *1, 2, 7-8*), ручка от кувшина (рис.9, *5*), железная пластинка с отверстиями (рис.9, *6*), бронзовый бубенчик (рис.9, *4*) с кусочками веревки, а также фрагменты

кальяна, найденного в яме 1 (рис.5, *1*; 9, *3*) и в суфе помещения 2 (рис.4, *2*).

1. Кальян (рис.9, *3*) белоглиняный высотой 24 см, украшенный вертикальным волнистым орнаментом по тулову и горизонтальными канелюрами по венчику (диаметр – 7 см). Дно (диаметр – 11 см) плоское. Тулово расширяется до 20 см в месте крепления нижней части ручки (до 1,5 см в сечении) и сужается к горловине (диаметр – 10 см), где крепится верхняя часть ручки и носик слива (рис.9, *3*).

2. Ручка (рис.9, *5*) от кувшина, резко расширяющаяся в верхнем месте крепления к горловине сосуда. Овальная в сечении (4×1,5 см).

3. Железная трапециевидная пластина (рис.9, *6*) (длина – 8 см, ширина – 2-2,5 см) с отверстиями для нашивки по узкой короткой стороне. Широкий край обломан.

4. Бронзовый бубенчик (рис.9, *4*) с петелькой вверху и пояском в середине. Диаметр 1,5 см. По дну два отверстия. Возможно, использовался как застежка.

Подводя итог конструктивным особенностям помещения 1, необходимо отметить некоторые интересные и специфические черты описываемого комплекса. Если конструкции данного жилого сооружения не так редки на рассматриваемой территории (Михеев В.К., 1985), то аналогичные печи встречаются нечасто. Мнение С.А.Плетневой о том, что жилища, в которых вместо очага устроена печь, принадлежат славянам, нам представляется категоричным. Правда, далее исследовательница пишет: "Находки таких жилищ на салтовских поселениях являются, по-видимому, результатом слияния славян с местным алано-болгарским населением" (Плетнева С.А., 1967, с.51). Интересной особенностью печи данного жилища можно считать находку скелета щенка, замурованного у ее входа (рис.3, *2, а, 1*), прокаленных костей животных и фрагментов керамики внутри подовой ямы топочной камеры. Наличие сакральных комплексов в жилищах и печах эпохи средневековья не новость. М.В.Любичев считает, что "это первая группа сакральных комплексов в памятниках пеньковской культуры на данной территории" (Любичев М.В., 2001, с.6-7). Правда, в приводимых им комплексах скелеты собак зафиксированы в ямах жилищ (Любичев М.В., 2001, с.6-7), а не в печи. Корни таких ритуалов известны в более древних памятниках эпохи неолита и бронзы (Формозов А.А., 1984, с.239). Это черепа собак в материалах раннего этапа трипольской культуры (Лука Врублевецкая) и в древностях эпохи бронзы, таких как поселение Пустынка, исследованное С.С.Березанской (1982, с.88). Есть находки жертвенных собак и в Подонцовье на многослойном поселении Ильичевка, исследованном Т.А. Шаповаловым (1976). Интересный обзор и объяснение ритуала дает А.А.Формозов: "Это строительные жертвы. Очень часто жертвой становилась собака, которую зарывали живой. Люди думали не о том, чтобы у дома был защитник – собака" (Формозов А.А., 1984, с.240). По мнению С.С.Березанской, этот ритуал связан с "идеей обратимости и веры в возрождение животных" (Березанская С.С., 1982, с.88). А.А.Формозов (1984, с.340) с этой трактовкой не согласен. Он указывает на мнение С.Н.Бибикова, по которому эти жертвы являлись оберегами, вместилищами злых духов (Формозов А.А., 1984, с.239). Мы видим в комплексе данного ритуала, как минимум, две идеи: идея охраны (защиты) от злых духов и идея нового возрождения, на что указывают находящиеся на дне печи, в подовой яме, два ряда уложенных яиц.

Помещение 2 (рис.2, *1*; 4, *1*) открыто в центральной части раскопа. Его северо-восточный угол повредил помещение 1. Восточная стенка прорезала хозяйственную яму 1 (рис.4, *1*). Южной и западной стенкой, а также входом пересекло помещение 3 (рис.2, *1*). Вход в помещение 2 находился с южной стороны и представлял собой покатый спуск 1,5×1,5 м. Стены постройки, по-видимому, дерново-саманные. Об этом говорит то, что уже на глубине 0,2-0,3 м практически над всей постройкой было прослежено светлое пятно

(чернозем с примесью глины). Сохранились оплывший юго-западный угол постройки и часть западной стенки, сплывшей в тандыр (рис.4, *1*). В северо-восточной части помещения сохранился участок от суфы, сложенный из саманных кирпичей, являющихся, возможно, остатками стены (рис.4, *2*). Кирпичи имели размеры: 40×20×20 и 35×20×20 см (рис.4, *2, 3*). Столбов и столбовых ям обнаружено не было. Котлован помещения (размерами 6,5×7 м) ориентирован в направлении север – юг, с небольшим отклонением к западу (рис.4, *1*). Вдоль всей восточной и частично южной стенок котлована, на глубине -0,5 м от СП прослежено возвышение (суфа) шириной от 1,5 до 2 м (рис.4, *1, 2*). Остальная часть котлована углублена до 0,8 м, а у западной стенки, в районе тандыра, до -0,9 м. Описанные остатки саманных конструкций четко очерчивают площадь помещения (рис.2, *2*). Как отмечено нами выше, в помещении находились суфа и тандыр.

Суфа, занимая северо-восточную и центральную часть помещения, представляла собой вытянутое земляное сооружение, верхний край которого был обложен кирпичом (рис.4, *2*). Южный угол суфы (рис.4, *3*) был сложен в два ряда из кирпичей, соединенных между собой известковым раствором с примесью кусков мела. Размеры кирпичей: 22×22×4-5 см, толщина слоя раствора – до 2 см. Северная часть центра сооружения была обмазана известью с примесью кусочков мела и кирпичного щебня. Толщина обмазки – до 10-15 см при ширине 60 см. В центральной части сооружения, на углу вышеописанной вымостки, был расчищен очажок квадратной формы, обложенный кирпичом, лежащим с перевязкой в некоторых местах в 3 ряда (рис.4, *3*). Толщина известкового раствора – до 5 см, а внутри очажка – прокаленный грунт толщиной до 15 см. К этой конструкции примыкает с запада земляная площадка 2×2,5 м. С востока она оконтурена половинками кирпичей; с запада – наклонно стоящими на ребре кирпичами; с севера ограничена подпрямоугольной глиняной площадкой 1,5×1,2 м, с западной части которой примыкают наклонно стоящие кирпичи (рис.4, *2*). С южной стороны очажок и площадка ограничены глиняной прослойкой темно-коричневого цвета, подквадратной в сечении (20×20 см). В пространстве, расположенном от указанной прослойки к северу, обнаружен развал жженых кирпичей, среди которых есть и наклонно поставленные. Ниже кирпичей и на одном с ними уровне встречена темно-красная глина. Суфа имела небольшой наклон к центру жилища (рис.4, *2*). Разрез суфы показал (рис.4, *3*), что первоначально она сооружена из гумуса высотой от дна котлована 0,4 м. Позже суфа была уплотнена и покрыта известково-меловым раствором. Позднее ее северный край был завален остатками саманной стены. Грунт для суфы, видимо, брался из культурного слоя, т.к. в ней обнаружены КЖ, фрагменты золотоордынской керамики, в том числе и фрагмент белоглиняного кальяна (рис.9, *3*), части которого были найдены в хозяйственной яме 4 и хозяйственной яме 1, которую пересек котлован помещения 2 (рис.2, *2*).

Тандыр (рис.4, *4*) располагался у западной стены помещения напротив суфы на расстоянии 1,5 м от северо-западного угла и в 3 метрах от юго-западного (рис.4, *1*). Прослежен с уровня 0,2-0,25 м по более плотному грунту с примесью обожженной глины (рис.4, *4*). Круглый в плане, диаметром в верхней части до 2 м. В сечении тандыр имеет форму усеченного конуса с прокаленными стенками (толщиной более 10 см), опущенного в глубокую яму. Верхняя часть конструкции отогнута наружу (рис.4, *4*). Глубина ямы тандыра – 2 м от СП. В яме тандыра найдены:

1. Железный черешковый нож с прямой спинкой (рис.4, *5*);

2. Фрагмент красноглиняного кувшина, украшенного, по-видимому, на плечиках узкой полосой “расчеса” (рис.4, *6*);

3. Фрагменты пиалы, покрытой внутри желтой глазурью поверх ангоба. Орнамент – две врезные под глазурью полосы (рис.4, *7*).

Яма 1 (рис.2, *1*; 4, *1*; 6, *1*). Квадрат Г-Д-1. Как было отмечено выше, при сооружении данной ямы был нарушен южный угол помещения 1 (рис.2, *1*). Прослежена под слоем дерна (рис.2, *2*). Однако, учитывая, что в данном месте просматривалась визуально до проведения раскопок неглубокая (0,2-0,25 м) канавка, по-видимому, от срезки, говорить о том, что данная яма впущена сразу из-под дерна мы не можем. Заполнение ямы отличалось от окружающего чернозема большим количеством мелких древесных угольков, КЖ, кусочков кирпичного щебня. Именно по заполнению выбирался верхний контур ямы. Нижняя ее часть была углублена в материк. В западной части проследить полностью конфигурацию ямы не удалось, т.к. она обрезана котлованом помещения 2 (рис.4, *1*). В целом, форма ямы восстанавливается как грушевидная в плане (3,2×1,6 м) и трапециевидная в сечении. Глубина от СП – 0,5 м. Кроме угольков, КЖ и кирпичного щебня, изделия из железа, в яме встречено значительное количество фрагментов керамики.

1. Железное изделие (рис.6, *2*) длиной 8,5 см, прямоугольное в сечении (0,5×0,3 см), с расплющенным ромбовидным окончанием. Возможно, обломанная рукоять ножа.

2. Фрагмент верхней части кружки (рис.6, *3*), украшенной волнистым орнаментом.

3. Фрагмент горловины кружки с петлевидной овальной в сечении ручкой (рис.6, *4*), прилепленной к краю венчика.

4. Фрагмент стенки (плечика) сосуда, орнаментированного волнистой линией (рис.6, *5*).

5. Фрагмент стенки от рифленого сероглиняного сосуда (рис.6, *6*).

6. Фрагмент ручки кувшина с прочерченным до обжига крестом (рис.6, *7*).

7. Фрагмент стенки и нижней части тулова от кувшина (?) (рис.6, *8*).

8. Фрагменты венчиков, шейки горловины и донышка от кувшинов (рис.6, *9-13*).

9. Фрагменты белоглиняного кальяна, украшенные вертикальным волнистым орнаментом. Часть фрагментов кальяна найдены в заполнении хозяйственной ямы 4 (рис.9, *3*).

Подобные жилые комплексы, относящиеся к золотоордынской эпохе, редки на территории Среднего Подонцовья, но типичны для Поволжья (Егоров В.Л., 1970, с.172-193; Федоров-Давыдов Г.А. и др., 1974, с.90-95). В Булгарах, в Калмыкии, на городище у с.Бутырка (Шнайдштейн Е.В., 1989) жилых сооружений с суфой и тандыром известно много. Именно эти конструктивные элементы жилья характерны для рассматриваемой эпохи, определяя его социальный и культурный статус. Так, вдоль боковых и противоположной входу стен располагалась П- или Г-образная суфа (лежанка в виде широкой ступени, образованной подпорной стенкой и покрытием из сырцового кирпича, пространство под которой заполнено глиной и битым кирпичом), в один или два конца которой была вделана цилиндрическая или прямоугольная печь. В толще суфы от печи шли горизонтальные дымоходные каналы – каны, соединенные в углу или середине стены дома с вертикальным дымоходом из кирпичей (Федоров-Давыдов Г.А. и др., 1974, с.99). По мнению В.Л.Егорова, жилища простых горожан были гораздо скромнее. Они представляли собой, как правило, однокомнатные помещения, внутри которых вдоль трех стен располагалась П-образная лежанка-суфа с печью и горизонтальными дымоходами, вделанными в суфу для ее обогрева. Полы земляные, иногда имели в центре отверстие для умывальника-тошны, устроенное в виде резервуара, куда стекала вода. В выделяемой В.Л.Егоровым типологии жилищ и помещений отдельным подразделением определены однокомнатные дома (Егоров В.Л., 1970, с.174), размер которых 6×6 метров. Однако есть и землянки (Егоров В.Л., 1970, с.173, рис.9, *6*). Но от землянок рассматриваемое нами жилище отличает наличие саманных стен, тандыра, суфы с каном и печи (рис.4, *1, 2, 4*). Аналогичные печи подквадратных очертаний (0,5×0,5 м) известны в конструкции суф жилищ Царева

городища (Федоров-Давыдов Г.А. и др., 1974, с.96, 99), датируемых 2-й пол.XIV в. (Федоров-Давыдов Г.А. и др., 1974, с.95). Этой дате не противоречат находки в рассматриваемом нами жилом комплексе. При проведении зачистки ямы тандыра оказалось, что эта яма впущена в яму более раннего времени, относящуюся к северному углу помещения 3 (рис.4, *4*).

Помещение 3 (рис.2, *1*; 5, *1*) выявлено в южной части раскопа, его северная часть обрезана помещением 2 (рис.2, *1*). Из верхнего слоя в заполнение помещения 3 впущена хозяйственная яма 3 (рис.2, *1*; 5, *1, в*). А в заполнение сооружения в квадрате Ж-5-6 впущено погребение 1 (рис.5, *1а, 2*). Помещение представляет собой котлован прямоугольной формы размерами 8,4×6,25 м, ориентированный своей длинной осью по линии северо-восток – юго-запад. Вход, часть которого вышла за пределы раскопа, проходил через южный угол и имел ширину 2,25 м. Глубина котлована – 0,8 м от СП (рис.2, *2*). Материал из помещения 3:

1. Фрагмент венчика красноглиняного кувшина золотоордынского времени (рис.5, *4*).

2. Фрагмент лепного сосуда, украшенного по краю венчика насечками (рис.5, *5*).

3. Фрагмент горловины гончарного сосуда (рис.5, *6*).

4. Железный ключ с загнутым краем в виде колечка в верхней части и крестообразной головкой (рис.5, *7*).

В северо-западной стенке котлована, на расстоянии 2 м от южного угла и на расстоянии 4,5 м от тандыра помещения 2, находилась большая яма 5 (рис.2, *1, 3*; 5, *1, б*; 8, *4*) колоколовидной формы, вырублена в меловом материке, прослежена с уровня -0,4 м. Верхний диаметр ямы – 1,7 м, нижний – 2 м, глубина ямы – 0,67 м от дна котлована (1,47 м от СП). В ней найдена ручка сосуда золотоордынского времени (рис.8, *5*) и КЖ.

Еще одна яма, в которую была впущена яма тандыра помещения 2, находилась в северном углу котлована помещения 3 (рис.2, *1*; 5, *1, д*). Яма повреждена. Сохранившийся ее диаметр не менее 2 м, а глубина – 1,8-2 м.

Яма 2 (рис.2, *1*; 5, *1*; 7, *1*). Квадрат З-И-3. Прослежена с верхнего слоя по заполнению, состоящему из большого количества древесных угольков, кусочков кирпича и фрагментов керамики. С северо-западного края яма имеет ступеньку (уровень -0,43 м). Ниже яма принимает подпрямоугольную с округленными углами форму (рис.7, *1*). Глубина от СП – 0,2 м, а в материке – 0,1 м. Заполнение ямы слоистое, как фиксируется в разрезе, и отражает два этапа ее функционирования (рис.7, *1*).

Ранний период – погреб. Об этом говорит:

1. Внешняя конфигурация ямы со ступенькой;

2. Наличие глинистого заплыва, идущего от стенок ямы к дну, аналогичного по своей фактуре стенкам ямы;

3. Наличие натоптанного, с угольками, слоя на дне, перекрытого указанным выше заплывом, который является следами обвала погреба после того, как комплекс был заброшен (рис.7, *1*).

На дне погреба обнаружены один фрагмент золотоордынской керамики (рис.7, *10*) и кость животного.

Позднее обвалившаяся яма заброшенного погреба использовалась как хозяйственная. Материал представлен большим количеством кусочков печины, фрагментов кирпича и керамики (рис.7, *11, 12*). Кроме этого, найдены следующие предметы:

1) литок от чугунного котла (рис.7, *5*);

2) две бусинки (диаметром до 0,7 см) (рис.7, *7*);

3) три фрагмента глиняных грузиков диаметром до 3 см (рис.7, *6*);

4) монета последней четв.XIV в. (рис.11, *6*);

5) два пряслица диаметром 3,5 и 5 см (рис.7, *3*), выточенные из стенок сосудов;

6) обломок железного изделия (рис.7, *4*).

Среди керамического материала основная масса – фрагменты стенок, орнаментированные волнистыми и прямыми линиями (рис.7, *9, 16-21*), оттисками гребенчатого штампа

(рис.7, *13-15*) и донышек кувшинов (рис.7, *22-29*). Наибольший интерес представляют:

1. Горлышко эйнохоевидного гончарного кувшина (рис.7, *8*) с петлевидной, овальной в сечении (1 см) ручкой, прилепленной к венчику и плечику сосуда (диаметр горловины – 7 см, плечиков –14 см);

2. Фрагменты невысокого (27 см), опуклобокого кувшина (рис.7, *2*), с относительно широким, слегка расширяющимся кверху горлышком (с 12 до 14 см) и ручкой, прикрепленной вверху к средней части горлышка, а внизу – к расширяющемуся тулову. Кувшин орнаментирован по плечикам горизонтальным рядом косых оттисков трехзубого штампа и горизонтальным пояском многорядной волнистой линии. Венчик имеет валикообразное плоское утолщение, расчлененное горизонтальными параллельными нарезами (гофрированный). Тулово украшено вертикальными полосами лощения (рис.7, *2*).

Яма 3 (рис.2, *1*; 5, *1*; 8, *1*) неправильной округлой формы, диаметром 2 м, прослежена по заполнению, выходящему в верхний (дерновый) слой. Заполнение черное, с угольками, кусочками печины, КЖ, керамикой. Глубина ямы от СП колеблется от 0,37 м в восточной ее части до 0,53 м в западной. Прорезала заполнение помещения 3 (рис.5, *1*). На дне ямы – КЖ, кусочки печины, носик и фрагменты сосуда (кумгана), встреченного в верхнем слое и в печи помещения 1 (рис.3, *2, 4*), что указывает на их синхронность.

Кумган – сосуд (рис.8, *2*) высотой до 30 см, с относительно широким дном (10 см), шарообразным туловом (диаметр – 20 см). Ручка крепилась немного выше наиболее широкой части тулова, украшенного волнистым орнаментом. Аналогичная полоса орнамента опоясывает сосуд в верхней части у плечиков. У места перехода к горлышку – косые наколы. Носик кумгана покрыт зеленой поливой. Основная часть фрагментов сосуда обнаружена в хозяйственной яме 3 (рис.8, *2*).

Погребение 1 (рис.5, *2*) исследовано в заполнении помещения 3, в квадрате Ж-5-6, (рис.2, *1*) на глубине 0,43 м от СП. Скелет погребенного уложен вытянуто на спине, головой на запад, лицевым отделом черепа – на юг. Руки вытянуты, кистями сложены в центре таза. Ноги вытянуты и сведены в коленях и стопах. Часть позвоночника смещена влево. Верхняя часть скелета и череп нарушены. Вплотную к малой берцовой кости левой ноги положен железный наконечник стрелы (рис.5, *3*). Черешок обломан. Сохранилось плоское, овальное в сечении перо наконечника размерами 5×3 см.

Монеты

1. Дирхем Бердибека, 760 г.х., чекан ал-Джадид. Найден в культурном слое. Вес – 1,43 г (рис.11, *1*).

Л.с. В круглой рамке, обрамленной точечным ободком: [Султа]н / Мухаммад [Бердибе] к[хан] / да продлится царствие его. Монета в центральной части маркирована надчеканкой *Адиль* (законный).

О.с. В фигурной рамке: … / ал-Джадид / 760 года. В центре стертая выпуклость от надчеканки на л.с.

2. Пул Абдаллаха, 60 гг XIV в., чекан ал-Джадид. Найден: кв.И-3, глубина – 20 см. Вес – ? (рис.11, *2*).

Л.с.: в круглом и фигурном картуше фрагмент фразы: да продлится его царствие.

О.с.: в кругу неразборчивая легенда.

3. Пул Мухаммед-Булака, кон.70 гг XIV в., чекан г.Орды. Найден: кв.З-2, глубина – 20 см. Вес – ? (рис.11, *3*).

Л.с.: в сердцевидной рамке тамга-птичка, смотрящая вправо.

О.с.: цветочная розетка.

4. Пул Мухаммед-Булака, кон.70 гг XIV в., чекан г.Орды. Найден: кв.А-3, помещение 1, глубина – 44 см. Вес – ? (рис.11, *4*).

Л.с.: в сердцевидной рамке "тамга-птичка", смотрящая вправо.

О.с.: цветочная розетка.

5. Пул Токтамыша (?), 80 гг XIV в., чекан ал-Джадид. Найден: кв.2, уровень – 60, над кладкой суфы помещения 2. Вес – ? (рис.11, *5*).

Л.с. Шестилучевая звезда с виньеткой в центре. Между лучами звезды стоят миниатюрные шестилучевые звездочки.

О.с. В круглом ободке 2-3-х строчная неразборчивая легенда. В качестве версии начальную часть легенды можно прочитать так: Чекан ал-Джадида / …

6. Пул Токтамыша (?), 80 гг XIV в., чекан ал-Джадид. Найден: хоз. яма 2, глубина – 40 см. Вес – ? (рис.11, *6*).

Л.с. В точечном круге – шестилучевая звезда с виньеткой в центре. Между лучами звезды стоят миниатюрные шестилучевые звездочки.

О.с. В круглом ободке трехстрочная неразборчивая легенда. Опираясь на предыдущую монету и на пулы с шестилучевыми звездочками из публикаций, можно предположить, что и здесь написано: Чекан ал-Джадида /… .

7. Неопределяемая монета. Вес – ? (рис.11, *7*). Невозможно даже уверенно сказать: дирхем это или пул, но, судя по размеру монеты и характерному расположению фрагментов надписей и остатков рамки, можно предположить, что это серебряная монета (дирхем), причем, скорее всего, хана Узбека. Нельзя исключать и того, что данная монета медная, и выбита одним из правителей Ильханов.

Подводя итог рассмотрению материалов раскопа 1Г, необходимо отметить, что проведенные исследования на данном участке памятника дали возможность при послойном взятии материала сопоставить его с находками из закрытых комплексов, которые представлены здесь же тремя помещениями и пятью хозяйственными ямами. К тому же хозяйственная яма 2 имеет два периода функционирования (I – погреб, II – собственно хозяйственная яма), отделенными друг от друга прослойкой обвала. Практически все закрытые комплексы стратифицированы. Помещение 1 и помещение 3 прорезаны помещением 2. Хозяйственная яма 1 прорезала помещение 2. Хозяйственная яма 3 впущена с уровня верхнего слоя в помещение 3. Хозяйственная яма 4 впущена в помещение 1 с уровня -0,4 м, а хозяйственная яма 2, сооруженная на месте обвалившегося погреба, прослежена с верхнего слоя, датирующегося монетами, более поздняя из которых чеканена в 80 гг XIV века. Соотношение комплексов и сопоставление материалов показывают, что на раскопе представлены 2 строительных горизонта и четыре периода жизни городища.

I период: помещения первого строительного горизонта – помещение 1 – жилое и помещение 3 – хозяйственное. Об их принадлежности к одному горизонту свидетельствуют как взаимное расположение, функциональные особенности, близкий характер материала, так и наличие западных и северо-западных влияний в конструкции самих сооружений (печь помещения 1; ямы зернохранилища в углах помещения 3). Среди находок в помещении 1, кроме золотоордынской керамики, встречено и небольшое количество керамики “древнерусского облика” (рис.7, *25, 29*).

II период представлен хозяйственными ямами 2 и 4. Хронологически следовал за I и предшествовал II строительному горизонту, о чем говорят данные стратиграфии: так, хозяйственная яма 4 впущена в уже засыпанное помещение 1, а хозяйственная яма 1 прорезала помещение 2. Об отношении этих ям к одному периоду свидетельствует наличие в них фрагментов одного сосуда – керамического кальяна (рис.9, *3*), украшенного волнистым орнаментом. Интересен факт наличия в хозяйственной яме 4 значительного количества битого кирпича. Именно таким вторично использованным кирпичом облицована суфа помещения 2. Мы не исключаем, что II период жизни, представленный на раскопе 1Г, характеризовался расцветом населенного пункта в эпоху Золотой Орды.

III период (II строительный горизонт) представлен помещением 2 и погребом хозяйственной ямы 2, который, судя по его расположению, относится к этому помещению. Наличие в конструктивных деталях помещения суфы с очажком и тандыром указывает, как было отмечено нами, на значительные элементы восточного влияния.

IV период представлен хозяйственными ямами 2 и 3, а также верхним слоем, перекрывающим остатки помещений. По-видимому, к нему имеет отношение погребение 1 (рис.5, *2*), совершенное по христианскому обряду и впущенное в слой помещения 3. Отношение хозяйственной ямы 2 к верхнему слою подтверждается наличием в ней и в верхнем слое фрагментов лощеного широкогорлого кувшина (рис.7, *2*), орнаментированного зубчатым штампом, а также монеты (рис.11, *6*), аналогичной той, которая найдена в слое над кладкой суфы помещения 2 (рис.11, *5*).

Как мы видим даже из предварительного анализа полученных данных исследованного участка Царина городища у с.Маяки, перед нами предстают достаточно характерные признаки жилых и хозяйственных комплексов, типичных для городов золотоордынской эпохи (Егоров В.Л., 1970). Отсутствие на городище общественных или административных сооружений, по-видимому, объясняется не только неполной изученностью памятника, но и существованием рядом, в нескольких километрах, известного мусульманского центра. Таким известным памятником в регионе в нач.XX в. стал открытый священником В.Спесивцевым комплекс строений у с.Райгородок Изюмского уезда (Городцов В.А., 1905, с.260). "Южнее сл. Рай-городка проходитъ засечный валъ; онъ начинается на правомъ берегу р. Донца, въ разстоянии двухъ верстъ на ЮВ отъ с. Рай-городка и тянется прямою чертою къ ЮЗ, на протяжении около двухъ верстъ, затемъ поворачиваетъ на ЮЗЗ и, пересекая р. Торецъ, тянется также прямою чертою къ г. Славянску. <…> Местность, расположенная между валами и с. Рай-городкомъ, верстахъ въ 2-хъ къ Ю отъ последняго, называется «Городкомъ». Следовъ укреплений здесь никакихъ нетъ. Во время обработки земли, всюду выпахиваются древние кирпичи, какие-то кирпичные фундаменты (?) небольшихъ зданий, изразцы и множество серебряныхъ и медныхъ монетъ татарскихъ хановъ XIII-XVI века. Въ южномъ конце поля «Городка» существуетъ холмъ довольно значительныхъ размеровъ. Летъ пять тому назадъ Рай-городские крестьяне-кладоискатели раскопали двумя параллельными траншеями средину холма и нашли въ немъ сплошную массу цельнаго и битаго кирпича, плитчатый полъ какого-то здания, несколько десятковъ прекрасныхъ изразцовъ голубого, синяго и белаго цвета, и, наконецъ, каменное крыльцо или паперть, ведущую въ здание съ южной стороны. Холмъ, заключающий остатки здания, окружается землянымъ валомъ, отъ котораго сохранились ясные следы. Весьма возможно, что въ холме заключены остатки дворца или мечети" (Городцов В.А., 1905, с.263). Как отметил на заседании Московского археологического общества В.А.Городцов, "в сообщении священника В.Спесивцева показано, что вблизи Райгородка существует мусульманский центр" (Городцов В.А., 1902, с.260-263), где "найдены 22 табаристанские монеты: 3 – серебряные, 18 – медных. А на 16 сажень, остатки от мечети или церкви. Кирпичи для стен и пола – квадратные и покрыты даже бирюзой" (Городцов В.А., 1902, с.43). Упоминается также "татарский городок 1356-1384 гг." "Еще две кучи мусора на расстоянии вблизи Сорочина хутора, целый курган". В других источниках упомянуты "несколько монет Азовской орды и жилище кирпичной постройки" (Спесивцев В.Ф., 1901, с.438). Нельзя не упомянуть еще об одной находке у Райгородка, хранящейся в Эрмитаже. Это меч с арабской надписью, содержащей пожелание владельцу меча "эмиру Гарсъ-эд-дину, славы, счастья и господства", украшенный ажурным серебряным орнаментом, розетками и навершием с изображением лани и сокола (Gorelik M., 1979, Fig.25, *4*). По мнению М.В.Горелика, данный уникальный экземпляр именного оружия эмира Харис-ад-Дина изготовлен в Испании на заказ для его будущего хозяина.

О существовании городов эпохи Золотой Орды в бассейне левобережья Днепра и в Подонцовье известно из работ В.Г.Ляскоронского, А.С.Федоровского, Д.И.Яворницкого. Так, нельзя не упомянуть здесь об очень краткой публикации А.С.Федоровского, специально

посвященной остаткам золотоордынской культуры на рассматриваемой территории. Этот автор, к сожалению, лишь в общих словах сообщает об остатках оседлых золотоордынских населенных пунктов и построек религиозного характера, выявленных на Полтавщине, Харьковщине и в Донбассе (Федоровський О., 1928, с.288-289).

Таким образом, предварительный анализ материалов исследованного участка городища указывает на характерные признаки жилых и хозяйственных комплексов, типичных для городов золотоордынской эпохи. Существование рядом с Цариным городищем "известного мусульманского центра у с.Райгородок Изюмского уезда", открытого в конце XIX в. В.Ф.Спесивцевым, и неполная изученность памятника объясняют отсутствие на городище общественных или административных сооружений.

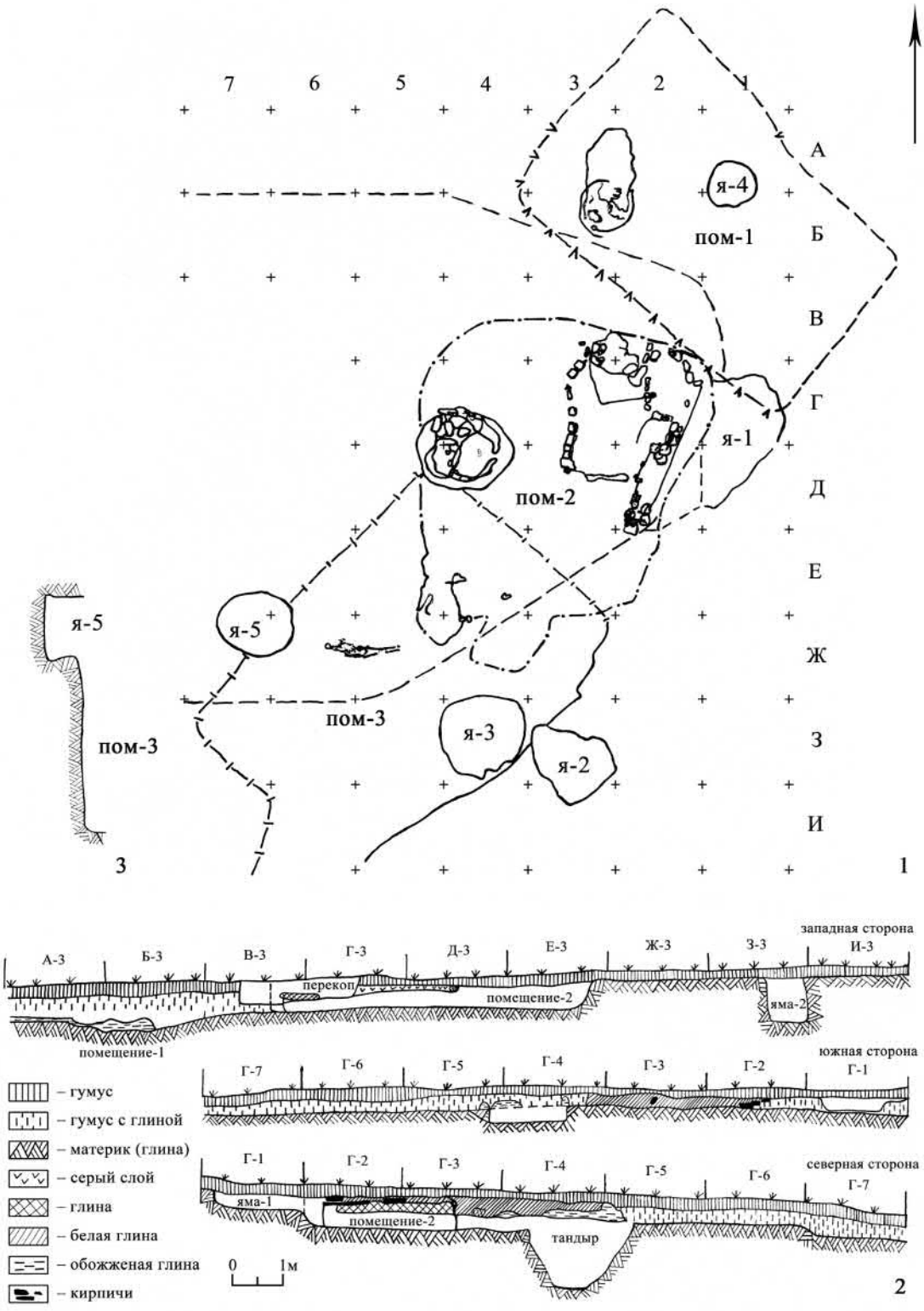


Рис. 2. План и профили разрезов раскопа 1Г: *1 – общий план раскопа; 2 – профили разрезов раскопа; 3 – профили разрезов ямы 5 и помещения 3.*

Fig. 2. The layout and section edges of 1Г excavation site: *1 – the general layout of the excavation site; 2 – edges of sections of the excavation site; 3 – edges of sections of pit 5 and dwelling 3*

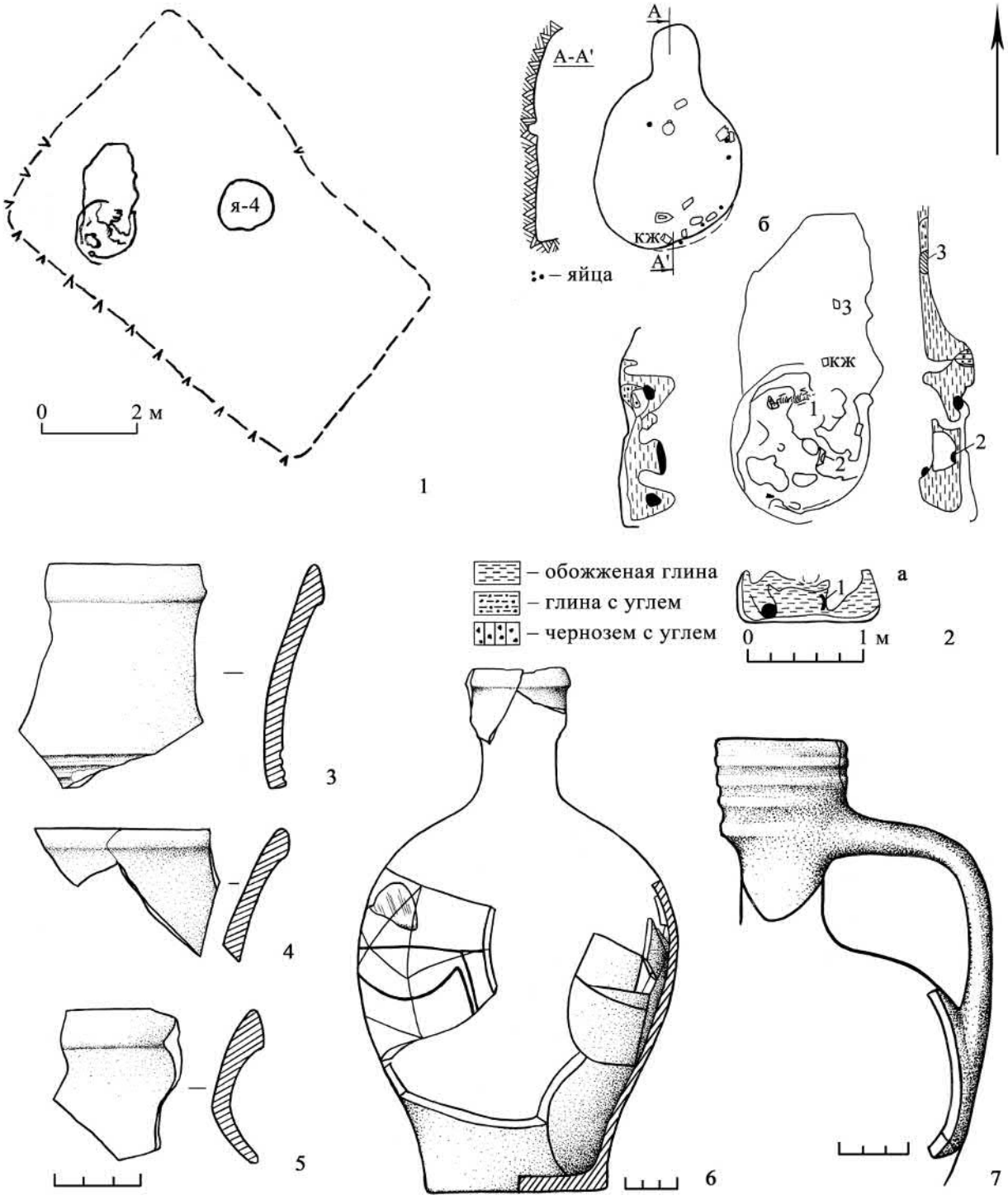


Рис. 3. Жилище 1: *1 – план; 2 – печь: а – вид сверху и разрезы (1 – скелет щенка, 2 – фрагмент сосуда, 3 – фрагмент кирпича), б – план и разрез подовой ямы печи; 3-7 – фрагменты керамики на площадке перед печью (6 – красноглиняный сосуд с зеленой поливой; 7 – красноглиняный кувшин).*

Fig. 3. Dwelling 1: *1 – the layout; 2 – a stove: a – the top view and sections (1 – a skeleton of a puppy, 2 – a fragment of a vessel, 3 – a fragment of a brick), б – the layout and section of hearth pit of the stove; 3-7 – fragments of pottery on the ground in front of the stove (6 – a red clay vessel with a green glaze; 7 – a red clay jug)*

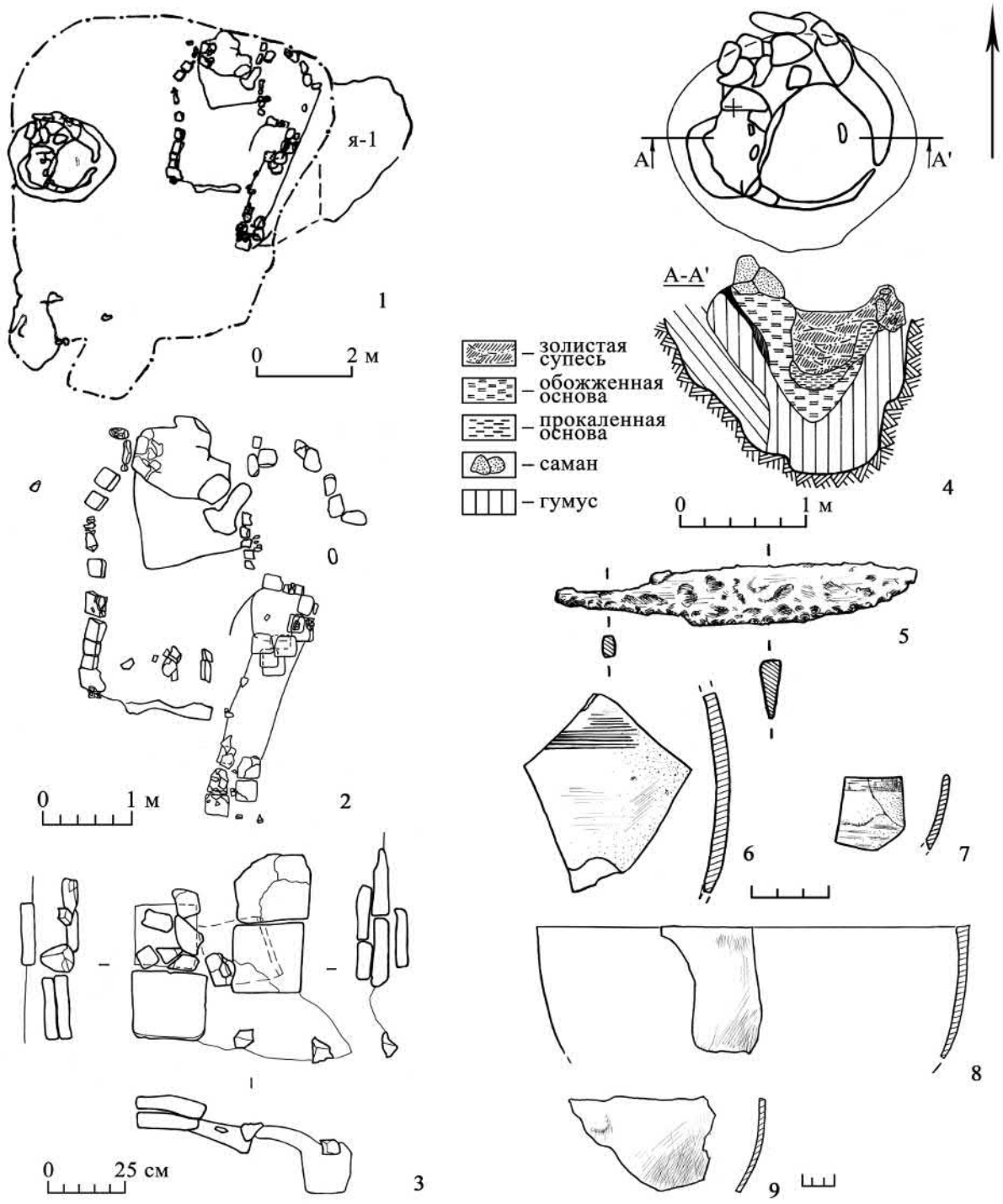


Рис. 4. Жилище 2: *1 – план помещения и конструкций; 2 – сооружение из кирпича (суфа) с очагом; 3 – южный край сооружения из кирпича, план и разрезы; 4 – тандыр, план и разрез; 5 – железный нож; 6 – фрагмент красноглиняного кувшина; 7 – фрагмент пиалы; 8, 9 – фрагменты чугунного котла*

Fig. 4. Dwelling 2: *1 – the layout of the dwelling and structures; 2 – a structure made of brick (sufa) with a hearth; 3 – the southern edge of a brick structure, the layout and sections; 4 – a tandyr, the layout and section; 5 – an iron knife; 6 – a fragment of a red clay jug; 7 – a fragment of a phiala; 8, 9 – fragments of a cast-iron cauldron*

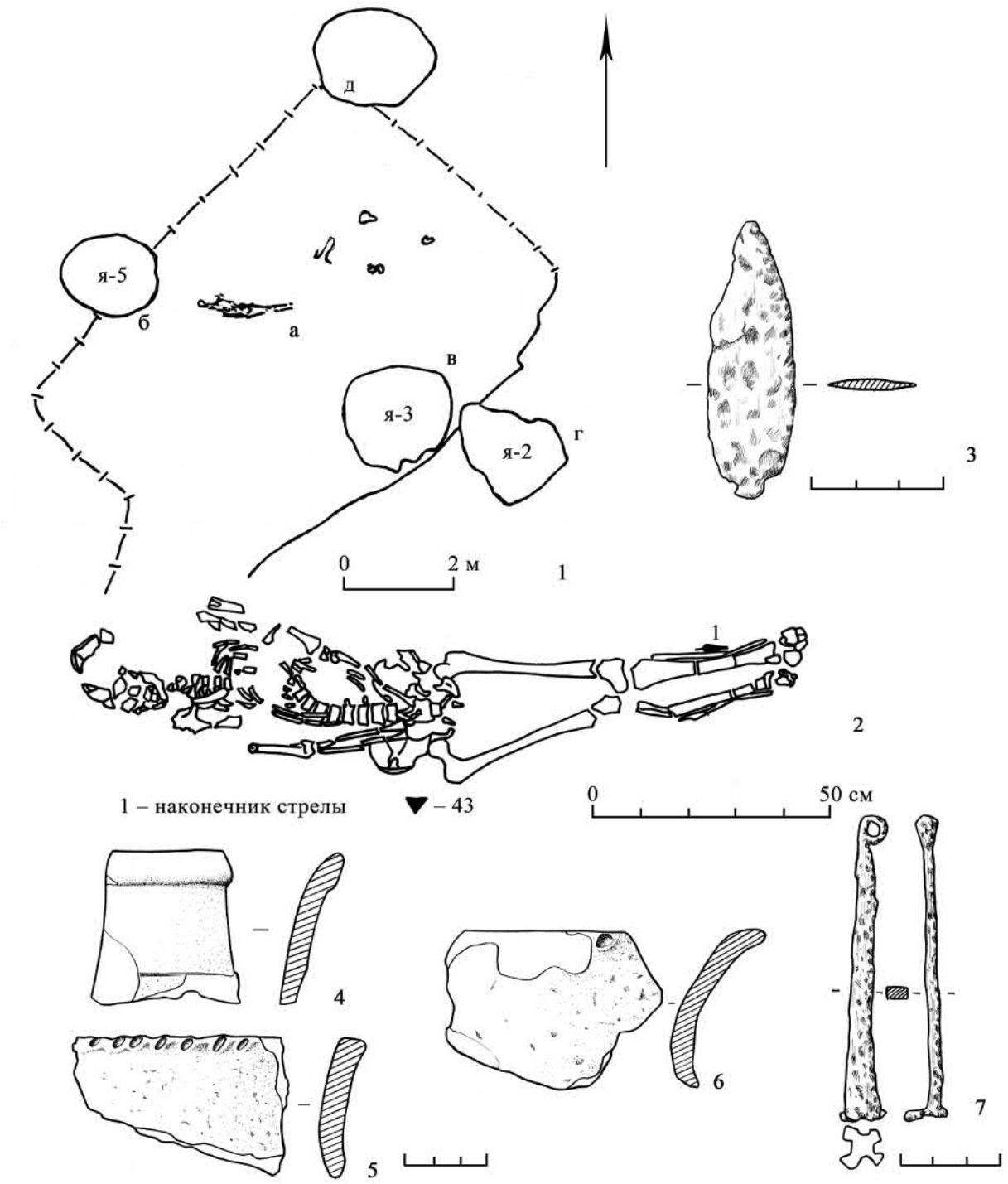


Рис. 5. Помещение 3 и погребение 1: *1 – общий план помещения, ям (б-д) и погребения (а); 2 – погребение 1; 3 – наконечник стрелы из погребения; 4 – фрагмент венчика красноглиняного сосуда; 5 – фрагмент венчика лепного сосуда; 6 – фрагмент горловины гончарного сосуда; 7 – железный ключ.*

Fig. 5. Dwelling 3 and burial 1: *1 – the general layout of the dwelling, pits (б-д) and a burial (а); 2 – burial 1; 3 – an arrowhead from the burial; 4 – a fragment of the rim of a red clay vessel; 5 – a fragment of the rim of a modelled vessel; 6 – a fragment of the mouth of a potter's vessel; 7 – an iron key*

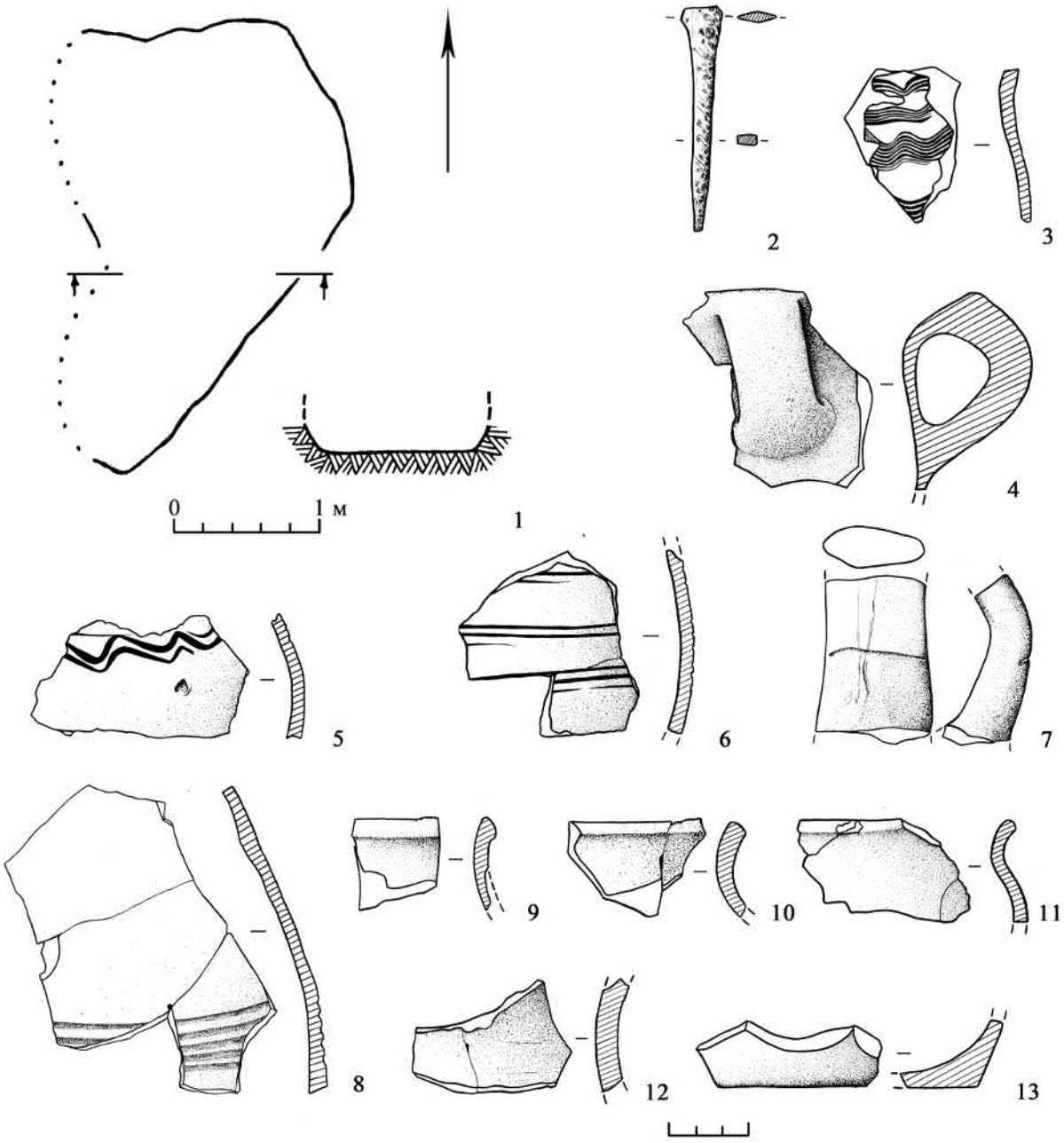


Рис. 6. Хозяйственная яма 1: *1 – план и разрез; 2 – железное изделие; 3 – фрагмент верхней части кружки, украшенной волнистым орнаментом; 4 – фрагмент горловины кружки с петлевидной овальной в сечении ручкой; 5 – фрагмент стенки (плечика) сосуда, орнаментированного волнистой линией; 6 – фрагмент стенки от рифленого сероглиняного сосуда; 7 – фрагмент ручки кувшина с прочерченным до обжига крестом; 8 – фрагмент стенки и нижней части тулова от кувшина (?); 9-13 – фрагменты венчиков, шейки горловины и донышка от кувшинов*.

Fig. 6. Household pit 1: *1 – the layout and section; 2 – an iron object; 3 – a fragment of the top part of a mug decorated with a wavy ornament; 4 – a fragment of the mouth of a mug with a loop-like handle, oval in the section; 5 – a fragment of the wall (shoulder) of a vessel ornamented with a wavy line; 6 – a fragment of the wall of a corrugated grey clay vessel; 7 – a fragment of the handle of a jug with a cross drawn before baking; 8 – a fragment of the wall and the bottom part of the body of a jug (?); 9-13 – fragments of rims, mouth necks and bottoms of jugs*

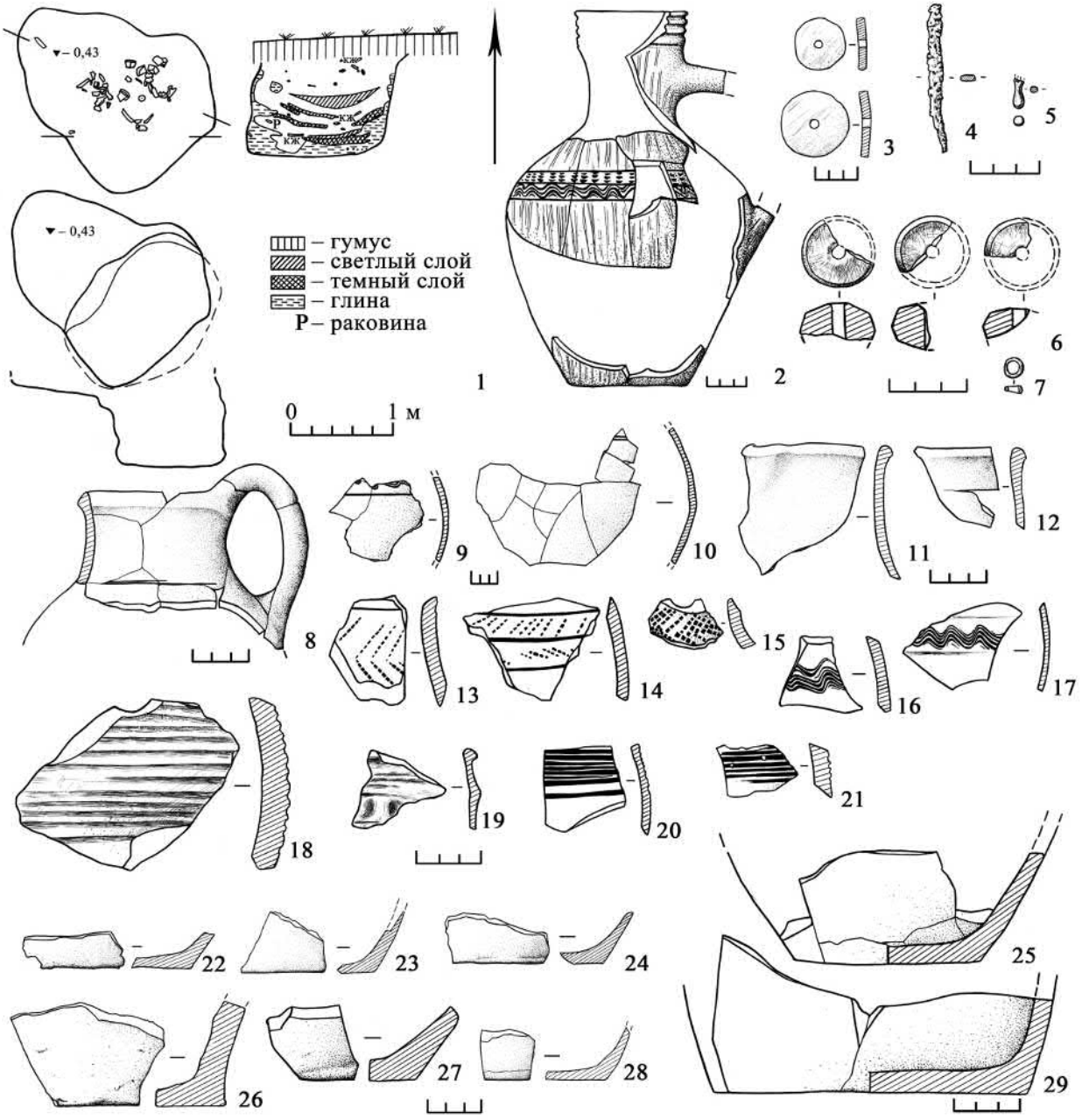


Рис. 7. Хозяйственная яма 2: *1 – план и разрезы ямы; 2 – опуклобокий кувшин; 3 – пряслица из стенок сосуда; 4 – обломок железного изделия; 5 – литок от чугунного котла; 6 – фрагменты глиняных грузиков; 7 – бусинка; 8 – верхняя часть эйнохоевидного гончарного кувшина; 9, 10, 22-29 – фрагменты стенок и днищ сосудов; 11, 12 – фрагменты венчиков кувшинов; 13-15 – фрагменты керамики, орнаментированные оттисками гребенчатого штампа; 16-21 – фрагменты керамики, орнаментированные волнистыми и прямыми линиями.*

Fig. 7. Household pit 2: *1 – the layout and section of the pit; 2 – a jug with convex sides; 3 – spindle weights made of vessel walls; 4 – a fragment of an iron object; 5 – a casting piece of a cast-iron cauldron; 6 – fragments of clay weights; 7 – a small bead; 8 – a top part of an oinochoe-shaped potter's jug; 9, 10, 22-29 – fragments of vessel walls and bottoms; 11, 12 – fragments of jug rims; 13-15 – fragments of pottery ornamented with prints of a comb-shaped stamp; 16-21 – fragments of pottery ornamented with wavy and straight lines*

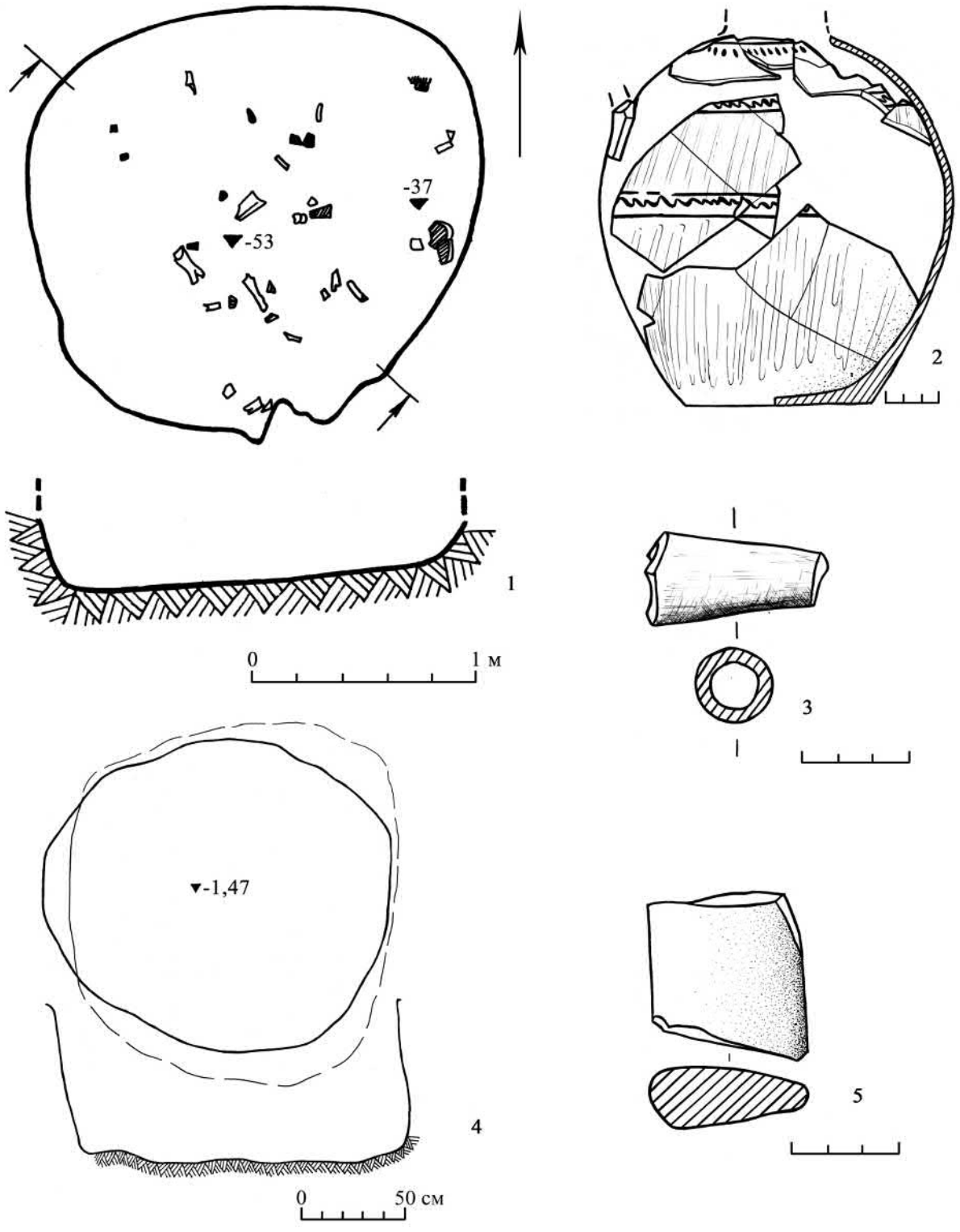


Рис. 8. Хозяйственная яма 3: *1 – план и разрез ямы; 2 – кумган; 3 – носик кумгана.* Хозяйственная яма 5: *4 – план и разрез ямы; 5 – ручка сосуда золотоордынского времени.*

Fig. 8. Household pit 3: *1 – the layout and section of the pit; 2 – a kumgan; 3 – a spout of a kumgan.* Household pit 5: *4 – the layout and section of the pit; 5 – a handle of the Golden Horde time vessel*

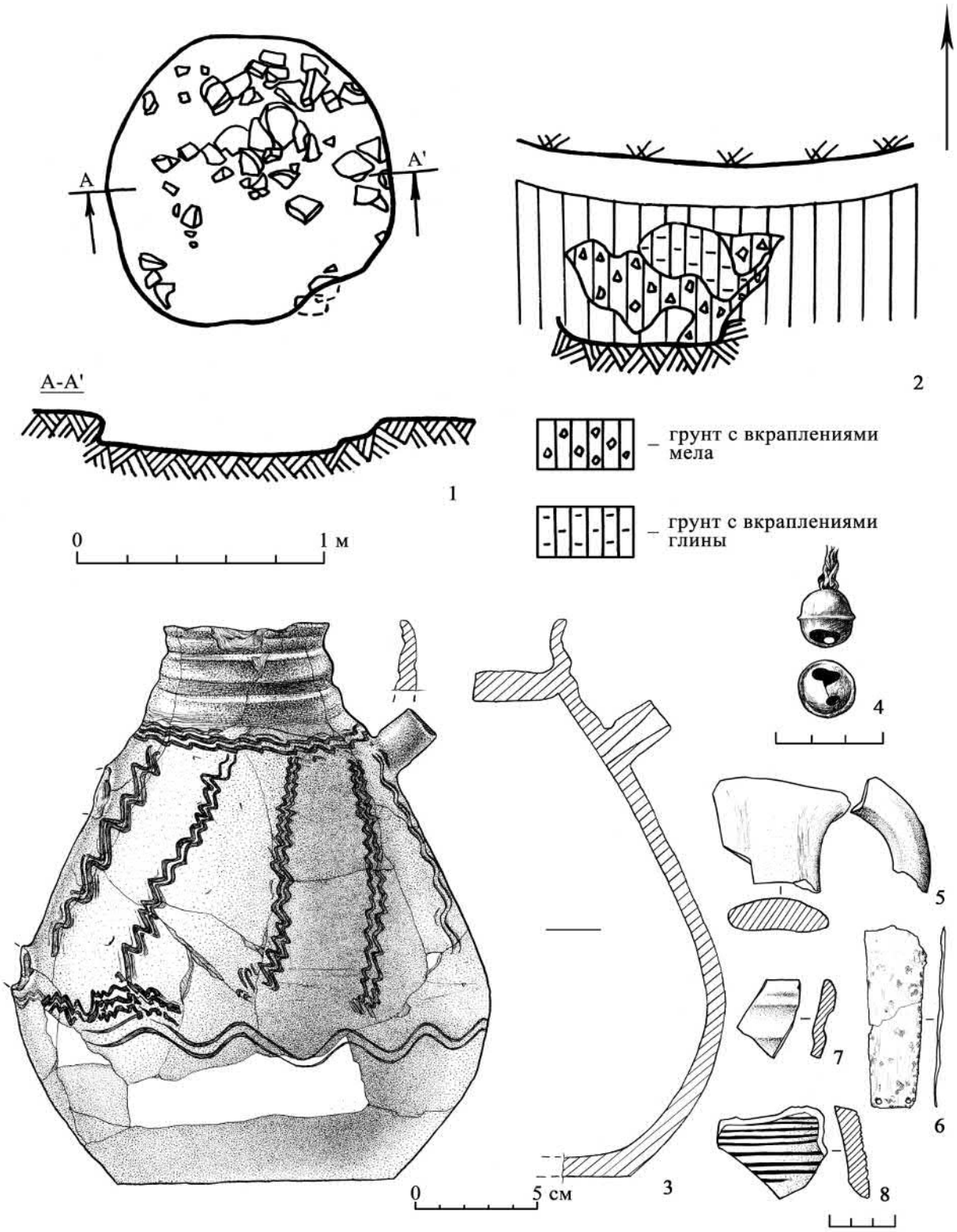


Рис. 9. Хозяйственная яма 4: *1 – план и разрез ямы; 2 – профиль заполнения ямы; 3 – кальян; 4 – бронзовый бубенчик; 5 – ручка от кувшина; 6 – железная пластина; 7, 8 – фрагменты керамики.*

Fig. 9. Household pit 4: *1 – the layout and section of the pit; 2 – a profile of the pit filling; 3 – a kalian; 4 – a bronze bell; 5 – a jug handle; 6 – an iron plate; 7, 8 – fragments of pottery*

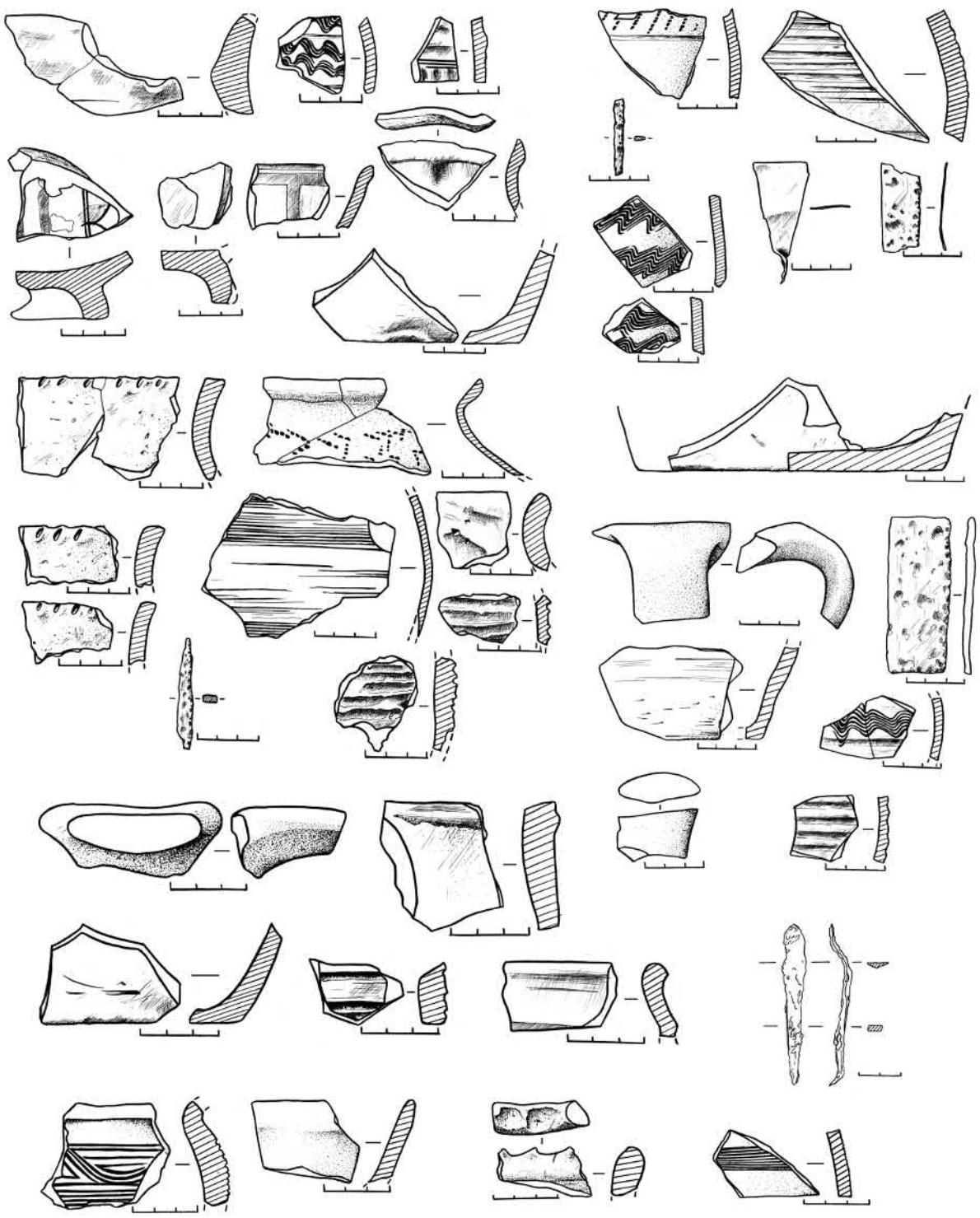


Рис. 10. Находки из культурного слоя раскопа.
Fig. 10. Finds from an occupation layer of the excavation site

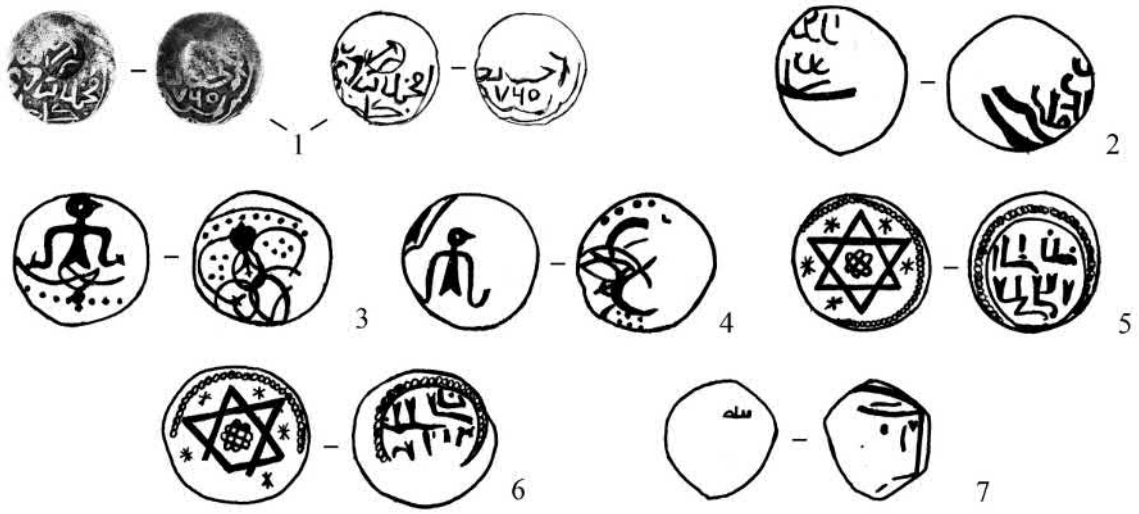


Рис. 11. Монеты из раскопа 1Г: *1-3, 7 – культурный слой; 4 – над печью помещения 1; 5 – над кладкой суфы помещения 2; 6 – хоз. яма 2.*

Fig. 11. Coins from 1Г excavation site: *1-3, 7 – an occupation layer; 4 – over the stove in dwelling 1; 5 – over the bricks of a sufa in dwelling 2; 6 – household pit 2*

Литература и архивные материалы

Березанская С.С., 1982. Пустынка – поселение эпохи бронзы на Днепре. К.

Городцов В.А., 1902. Материалы археологических исследований на бер. Дона Изюмского уезда// Труды Харьковского предварительного комитета по устройству XII АС. Харьков.

Городцов В.А., 1905. Материалы археологических исследований на берегах р.Донца, Изюмского уезда, Харьковской губернии// Труды двенадцатого археологического съезда в Харькове в 1902 г. Т.1. М.

Егоров В.Л., 1970. Жилища Нового Сарая (по материалам исследования 1959-1965 гг.)// МИА. № 164.

Копыл А.Г., Татаринов С.И., 1979. Охранные раскопки городища Маяки на Северском Донце// СА. № 1.

Копыл А.Г., Татаринов С.И., 1990. Мусульманские элементы в погребальном обряде протоболгар Среднедонечья// Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань.

Кравченко Э.Е., Швецов М.Л., 1990. О хронологии III этапа функционирования Царина городища// Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. Тезисы докладов областной научно-практической конференции. Луганск.

Кравченко Э.Е., 2000. Памятники оседлого населения XI-XIV вв. в среднем течении Северского Донца// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.1. Донецк.

Кравченко Э.Е., 2004. Мусульманское население среднего течения Северского Донца и распространение ислама в Восточной Европе в хазарское время// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.4. Хазарское время. Донецк.

Любичев М.В., 2001. Об одной группе сакральных памятников поселений верхнего течения Северского Донца в раннем средневековье// ВХУ. 256. История. Вып. 23. Харьков.

Михеев В.К., 1963. Результаты археологических работ на Маяцком городище в 1963 г.// НА ИА НАНУ, ф.е. № 4182.

Михеев В.К., 1964. Отчет об археологических раскопках поселения у с.Маяки в 1964 г.// НА ИА НАНУ, ф.е. № 4328.

Михеев В.К., 1965. Отчет о раскопках поселения и могильника салтовской культуры у с.Маяки летом 1965 г. Харьков// НА ИА НАНУ, ф.е. № 4331 (альбом), 4430.
Михеев В.К., 1966. Отчет об археологических раскопках у с.Маяки Славянского района Донецкой области в 1966 г. Харьков// НА ИА НАНУ, ф.е. № 4793; 4794.
Михеев В.К., 1968. Отчет об археологических исследованиях поселения салтовской культуры у с.Маяки в 1968 г.// НА ИА НАНУ, ф.е. № 5242, 5243.
Михеев В.К., 1985. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков.
Плетнева С.А., 1967. От кочевий к городам// МИА. № 142.
Спесивцев В.Ф., 1901. Находки в Райгородке// Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1898 год. СПб.
Федоровський О., 1928. Рештки культури татар Золотої Орди на Україні// Східний світ. № 2. Харьков.
Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Гусева Т.В., 1974. Исследование трех усадьб в восточном пригороде Нового Сарая (Царева городища)// Поволжье в средние века. М.
Формозов А.А., 1984. Строительные жертвы на поселениях и в жилищах эпохи раннего металла// СА. № 4.
Шаповалов Т.А., 1976. Поселение срубной культуры у с.Ильичевка на Северском Донце// Энеолит и бронзовый век Украины. К.
Швецов М.Л., 1990. Охоронні дослідження пам'ятника біля с.Маяки// Археологічні дослідження на Україні. К.
Швецов М.Л., Приходнюк О.М., 1990. Отчет об археологических работах Донецкой археологической экспедиции в 1989 г.// НА ИА НАНУ, ф.е. № 53/1990.
Швецов М.Л., 1992. Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада// Трассы Великого Шелкового Пути. Материалы международного семинара. Донецк.
Шнайдштейн Е.В., 1989. О происхождении астраханских татар// Материалы 2-й краеведческой конференции. Астрахань.
Gorelik M., 1979. Oriental armour of the Near and Middle East from the eighth to the fifteenth centuries as shown in works of art// Islamic Arms and Armour. London.

Summary

M.L.Shvetsov (Donetsk, Ukraine)

ON COMPLEX OF DWELLINGS OF GOLDEN HORDE TIME AT TSARINO HILLFORT

The excavated site P-1Г is located in the northwestern area of a hillfort near Maiaki village. During the excavation works the objects found level-by-level were compared with the finds from the closed complexes. Having examined the objects found, the author distinguished two constructive horizons and four periods of existence of the hillfort dated back to the Golden Horde time. The preliminary analysis of the finds from the excavated site of the hillfort demonstrates characteristic features of the inhabited and household constructions typical of the Golden Horde time towns. The second period seems to correspond to the period of prosperity of the hillfort in the Golden Horde time. The fact that there was a sufa with a little hearth and tandyr in dwelling 2 (the third period) indicates significant Oriental influence. The absence of public or administrative constructions at the site can be explained not only by incomplete investigation of the site, but also by the existence of "a well known Muslim centre near Raigorodok village of Izum district" next to it (at the distance of several kilometers) discovered by V.F.Spesivtsev in the late 19th century.

Швецов М.Л.

МЕТАЛЛУРГИЯ ЖЕЛЕЗА КАВКАЗА И ПОДОНЦОВЬЯ: ИСТОКИ ИЛИ ПАРАЛЛЕЛИ?*

Вряд ли у кого вызывает сомнение то, что металлургия эпохи бронзы Кавказа была настолько развита, что ее продукция проникала не только в соседние, но и в весьма отдаленные области Восточной Европы и Азии. По мнению Б.В. Техова (1977. С. 197-198) географическое положение Центрального Кавказа способствовало распространению продукции его металлургических и металлообрабатывающих мастерских в эпоху бронзы в двух направлениях: на север, в степи Подонья и Поволжья и на юг, в Малую Азию, Месопотамию и Иран (Техов, 1977. С. 201). В свою очередь, предметы металлообработки этих стран проникали на Кавказ, в бронзовой культуре которого известны импортные материалы. Было высказано критическое замечание точки зрения А.А. Иессена (Техов, 1977. С. 198), согласно которой в эпоху поздней бронзы доминирующее влияние Кавказа в качестве металлургического центра для юга Восточной Европы прекращается. Это, конечно, не означает, что металлические изделия с Кавказа в эту обширную область уже не поступали. Можно говорить о проникновении кавказских бронзовых изделий в Северное Причерноморье и другие районы Восточной Европы и в эпоху поздней бронзы. (Техов, 1977. С. 201-202). По мнению В.Г. Котовича (1995. С. 36) в эпоху поздней бронзы на Кавказе особенно широко практикуется выплавка меди из сульфидных руд, достигшая расцвета в кон. II – нач. I тыс. до н.э. В кавказских памятниках этого времени начинают встречаться различные железные изделия (оружие, украшения), повторяющие формы бронзовых прототипов, «при полном отсутствии каких-либо следов существования железной металлургии на соответствующих археологических памятниках» (Котович, 1995. С. 37). Однако, резюмируя изложенное, автор считает, что Кавказ, наряду с соседними областями Передней Азии, должен быть отнесен к числу тех областей, где впервые произошло знакомство с железом и разработаны способы его обработки. Это позволяет считать его одним из древнейших в мире центров железной металлургии, закономерно выросшим на базе высокоразвитой древней металлургии меди и бронзы.

Столь характерная специфика периода находит свое отражение и в памятниках соседних территорий Северной Евразии (Корякова, Кузьминых, Бельтикова, 2011. С. 11-12). Авторы делят весь путь перехода к эпохе железа на три периода, при этом второй (эпоха кричного железа) соотносится с периодом XIII-XII вв. до н.э. Один из основных выводов авторов – в позднем бронзовом веке или в пределах «протожелезного века» кричный процесс был освоен в степной и лесостепной зонах Восточной Европы (срубная, сабатиновская, белозерская, бондарихинская, маклашевская культуры), а также на Кавказе (вторая пол. II тыс. до н. э.) (Корякова, Кузьминых, Бельтикова, 2011. С. 15). Объяснением такого широкомасштабного явления для периода XIII-X вв. до н.э., по мнению Д.П. Куштан, стало значительное расширение процесса межплеменных экономических связей, в которых не

* Опубликовано: Швецов М.Л. Металлургия железа Кавказа и Подонцовья: истоки или параллели? // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 23-28 апреля 2012 г. – Махачкала: Мавраевъ, 2012. – С. 244-246.

последнюю роль сыграло тяготение к сырьевым ресурсам, необходимым для металлопроизводства (Куштан, 2011. С. 20-21).

Природные сырьевые базы (рудные местонахождения и места добычи сырья) для металлургии эпохи поздней бронзы неоднократно становились объектами археолого-геологических исследований и достаточно широко известны в Подонцовье (Грабянский, 1973; Пряхин, 1995). Такими на сегодня можно назвать горно-металлургические комплексы эпохи бронзы в урочище Картамыш (Бровендер, 2000) и Бахмутский у сс. Клиновое, Медная Руда, Лиманское озеро, Пилипчатино (Татаринов, 1975; 1976; 1980; 1986). Многолетние исследования дают возможность говорить не только об их эксплуатации на протяжении почти всей эпохи средней и поздней бронзы (Броведер, Татаринов), но и о существовании здесь следов металлургии железа, открытых С.И. Татариновым в 1977 г. (Татаринов, 1980. С. 280-283; 1986. С. 35-37). По его мнению, сырьем для плавки железа служили собираемые на перекатах р. Донец и в меловых отложениях лимониты, куски которых найдены и на поселении Лиманское озеро. Горн располагался на краю поселения, у воды. По находкам керамики в жилище 9 он относится к XI-X вв. до н.э. По конструкции он полностью аналогичен ямным горнам для выплавки меди на стоянке Пилипчатино. Автор отмечает, что шлаки с высоким содержанием железа встречены практически на всех медеплавильных мастерских, стоянках у Бахмутских рудников. Минералы халькозин и халькопирит, содержащие до 15% меди и до 50-60% железа, встречаются в Клиновом, Медной Руде, Картамыше.

В 2010 г. Донецкой археологической экспедицией совместно с геологами Донецкого национального технического университета проводились исследования памятника Зливки (берег Чернецкого озера). На участке между языческим и христианским могильником эпохи Средневековья, северо-восточнее жилых сооружений эпохи поздней бронзы (Швецов, 1990. С. 109-123) была выявлена и частично исследована яма 5 с керамикой XIII-XII вв. до н.э. и с материалами металлургического производства железа. В 2011 г. на данном участке были выявлены не только керамика, но и первично подготовленные к процессу выплавки куски железной руды, шлаки, металл.

Проведенные геологические исследования ближайших участков берега р. Северский Донец показывают, что встречаются образцы железной руды с содержанием железа от 16,7% (песчаник с гематитовым цементом) до 40% (лимонитовые конкреции). В некоторых из них содержится марганец (до 3,3%). Обнаружены старые (древние?) разработки руды – шурфы. Руды во многих местах выходят на поверхность, образуя рудную корку мощностью до 10-15 см. По особенностям минерального состава выделяются несколько типов железных руд: лимонитовые, рематитовые, сидеритовые. Часть из них содержит писломелан.

В заключение отмечу, что Кавказ является одним из древнейших в мире центров железной металлургии, закономерно выросшим на базе высокоразвитой древней металлургии меди и бронзы. Процесс освоения металлургии железа в степной зоне Подонцовья в эпоху поздней бронзы, по-видимому, можно отнести ко второй пол. II тыс. до н. э., а точнее – к XIII-XII вв. и, согласно Д.П. Куштан (Куштан, 2011. С. 22), это является отражением процесса межплеменных экономических связей, в которых не последнюю роль сыграло тяготение к сырьевым ресурсам и металлопроизводству.

Наличие рудных ресурсов с местами выхода железных руд на поверхность ускорило процесс их использования в эпоху бронзы у населения Подонцовья, имевшего опыт металлургии. Проведение спектральных и металлографических анализов позволит уточнить не только состав сырья, шлаков, металла, но и частично технологию процесса.

Литература

1. Бровендер Ю.М., 2000. Поселения срубной общности в среднем течении Северского Донца. Дис. ... канд. ист. наук. Институт археологии НАН Украины. К.
2. Грабянский В.В., Эдельман А.М., Юдельсон А.А., 1973. Некоторые особенности минералогии медных рудопроявлений восточной части Бахмутской котловины // Минералогический сборник Львовского университета. Вып. 4. № 2. Львов.
3. Корякова Л.Н., Кузьминых С.В., Бельтикова Г.В.Ю., 2011. Переход к использованию железа в Северной Евразии // Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии. Материалы Круглого стола 23-24 июня 2011 г. СПб.
4. Котович В.Г., 1995. О времени и путях возникновения железной металлургии на Кавказе // Пятые Крупновские чтения по археологии Кавказа. Махачкала.
5. Куштан Д.П., 2011. Трансевразийский «оловянный» путь эпохи поздней бронзы // Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии. Материалы Круглого стола 23-24 июня 2011 г. СПб.
6. Пряхин А.Д., 1995. К выделению Доно-Донецкой производственной зоны эпохи поздней бронзы // Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины. Тез. докл. Харьков.
7. Татаринов С.И., 1980. Железоделательный горн бондарихинской культуры // СА. № 3.
8. Татаринов С.И., 1986. Металлургия железа в эпоху поздней бронзы в Донбассе // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Тез. докл. Донецк.
9. Татаринов С.И., 2003. Минерально-сырьевая база Донецкого горно-металлургического центра эпохи бронзы в Восточной Украине // Проблеми гірничої археології (доповіді ІІ-го міжнародного Картамиського польового археологічного семінару). Алчевськ.
10. Техов Б.В., 1977. Центральный Кавказ XIV-X вв. до н.э. М.
11. Швецов М.Л., 1990. Могильник «Зливки» // Проблеми на проболгарската история и култура. Трета Международна среша по праболгарската археология. Шумен.

М.Л. Швецов

ПОГРЕБЕНИЕ ЗНАТНОЙ ПОЛОВЧАНКИ*

Статья посвящена публикации и интерпретации одного из интереснейших и значимых женских погребений половецкой степи конца XII – первой половины XIII вв.

Ключевые слова: *половецкая степь, захоронение, украшения половецкой эпохи, греческая надпись.*

Среди древностей степного населения Половецкой степи подкурганные захоронения половцев представлены очень широко и являются одним из основных источников реконструкции религиозных, социальных и исторических событий. Более тысячи изученных захоронений объединены в отдельные группы, типы по конструкции курганных и погребальных сооружений, положению и ориентировке погребенного, наличию и положению костей коня и, конечно, по составу сопровождающего инвентаря. Это прекрасно отражено в исследованиях ведущих археологов, изучающих памятники половецкой эпохи: В.А. Городцова, Н.Е. Бранденбурга, С.А. Плетневой, Г.А. Федорова-Давыдова и современных исследователей: М.В. Горелика, В.А. Тарабанова, А.А. Козловского, А.О. Добролюбского, В.Н. Шалобудова, В.Н. Чхаидзе, Т.М. Потемкиной. Выявляемые элементы погребального обряда разнообразны и отражают не только сложный состав населения, пестроту племенных групп и объединений, но и его социальную структуру, что хорошо отражено в одной из новых работ Т.М. Потемкиной [Потемкина, 2012, с. 7-36]. В то же время среди этого закономерного своеобразия встречаются иногда единичные погребения, заставляющие вновь и вновь возвращаться к их изучению. Многосторонний анализ материала из таких захоронений дает возможность увидеть не только значимые социальные характеристики, но и индивидуальные исторические [Отрощенко, Рассамакин, 1986, с. 14-36; Горелик, 2010, с. 128-129].

В качестве одного из примеров можно назвать захоронение богатой половчанки из кургана у с. Новоивановка Амвросиевского р-на Донецкой области [Швецов, 1974, с. 93-98].

В октябре 1962 г., учителем истории Новоивановской школы С.Г. Колесниковым при обследовании одного из курганов в группе у с. Новоивановка, Амвросиевского р-на Донецкой области, было раскопано одно из захоронений [Свод данных.., 2004, с. 73, № 107]. Результаты работ были детально описаны С.Г. Колесниковым в письме в Донецкий областной краеведческий музей, а материалы переданы Т.А. Шаповалову, отдавшему их в музей[1]. В дальнейшем место захоронения было обследовано и изучено нами в 1970 г. В процессе полевых работ на месте ранее существовавшего кургана было выявлено погребение срубной культуры. После публикации материалов половецкого захоронения [Швецов, 1974, с. 93-98] мы вновь обращались к его исследованию при изучении погребального обряда социально значимых половецких погребений [Швецов, 1980, с. 201], головного убора половецких женщин [Швецов, 1993, с. 104-114]. Отдельная статья была посвящена изучению греческой надписи на золотом перстне из этого захоронения [Михлин, Швецов, 1996, с. 38-40]. Наличие в комплексе других уникальных материалов, отражающих и

* Опубликовано: Швецов М.Л. Погребение знатной половчанки // Археологический альманах. – № 30. – 2013. – С. 307-318.

[1] Фонды Донецкого областного краеведческого музея (далее ДОКМ). ИНВ. № 514.

иллюстрирующих элементы культурологического характера эпохи, позволяют, как нам представляется, вновь вернуться к изучению данного интересного захоронения.

Целью данной статьи является комплексный анализ материалов из погребения в кургане у с. Новоивановка, его классификационная, социально-культурологическая, лингвистическая и историческая интерпретация. Детальное описание комплекса, как отмечено нами, было дано в первой публикации [Швецов, 1974, с. 93-98], поэтому мы предлагаем рассматривать:

1) не отраженные в ней элементы погребального обряда;
2) детали состава и классификации инвентаря;
3) описание и атрибуцию отдельных находок.

К сожалению, чертежей и фотографий процесса раскопок не существует, однако описание, присланное в музей С.Г. Колесниковым, дает возможность реконструировать погребальный обряд. Захоронение находилось под курганной насыпью высотой 2 и диаметром 10 м. На глубине 3 м от поверхности, в материке, *"выявлен скелет коня, уложенный черепом на юг"* (здесь и далее курсивом дается текст письма С.Г. Колесникова). Глубже, на 0,5 м, остатки сбруи: стремена (рис. 1, *1*), удила (рис. 1, *2*), овальная пряжка с язычком (рис. 1, *3*) и фрагменты кожаной сбруи, возможно изголовья, скрепленные на отдельных участках скобами из медной проволоки длиной до 2 см и 0,2 см в сечении. *"Ниже, перпендикулярно положению коня, на глубине еще 1 м, находилась могильная яма, ориентированная по линии восток – запад".* Такое расположение коня, столь редко встречающееся в погребальном обряде половецкого населения степи, известно по материалам раскопок В.А. Городцова и Н.Е. Бранденбурга и указывает на сложность и многоэтапность конструкции погребального сооружения. *"В могильной яме – 3 × 2 метра, в деревянном гробовище, лежал скелет (длина 1,75 м) женщины, вытянуто, на спине, руки вдоль тела, головой на восток".* Голову погребенной украшало серебряное очелье (рис. 2, *1*), изготовленное из желобчатых позолоченных пластин, укрепленных на тканевой основе, внутри которой находился деревянный прут. Слева от черепа, около ушного отверстия, найден медный бубенчик (рис. 3, *2*), возможная деталь головного убора. На груди, между ключицами, находилась витая золотая гривна (рис. 4), изготовленная из четырехгранного витого прута, с ушками-застежками на краях. Выше, между ключицами, около нижних шейных позвонков, находились две золотые составные серьги, состоящие из 2-х пластин: тыльной, украшенной штампованным зооморфным рисунком (рис. 5, *1, 2*), и лицевой, с растительным орнаментом и камнем-вставкой в верхней ее части (рис. 5, *3*).

По два браслета: круглый стеклянный (рис. 6, *1*) и плетеный серебряный, из четырех прутиков (рис. 6, *2*), найдены на предплечьях погребенной. Близкие им по форме серебряные кольца (рис. 5, *5*) находились на пальцах умершей. Там же найдены: золотое кольцо, украшенное пирамидкой с местом для вставки камня (рис. 7, *1*), и золотой перстень-печатка с греческой надписью (рис. 7, *2*). У кисти правой руки находилась серебряная позолоченная выпрямленная гривна (рис. 2, *2*) с обломанными ушками, представляющая, по-видимому, своеобразный символ власти.

Под скелетом, на уровне таза, найдено бронзовое зеркало, украшенное крестовидно-арочным орнаментом (рис. 3, *1*), линза из горного хрусталя в оправе (рис. 7, *3*), и фрагменты парчовой ткани. Линза из горного хрусталя (2,3 × 1,1 см) весьма интересная и редкая находка. По данным, приведенным В.А. Исаевым, И.В. Исаевой и О.А. Поляковой, из 141 комплекса погребений средневековых кочевников Восточной Европы только в трех найдены изделия из горного хрусталя, по-видимому, являющиеся амулетами [Исаев и др., 2012, с. 264, 276; табл. 3].

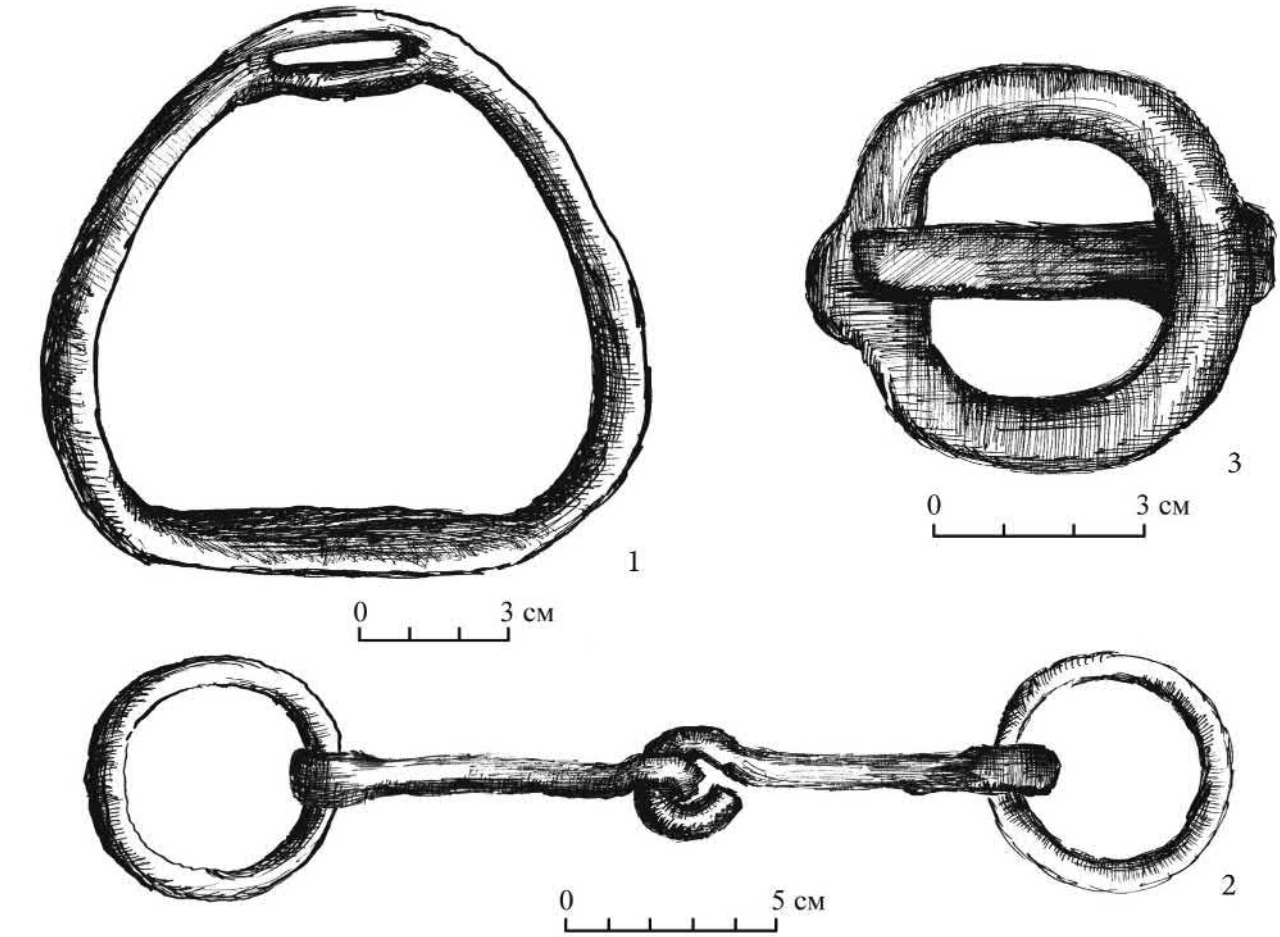


Рис. 1. Сбруйный набор из погребения: *1 – стремена; 2 – удила; 3 – овальная пряжка с язычком.*

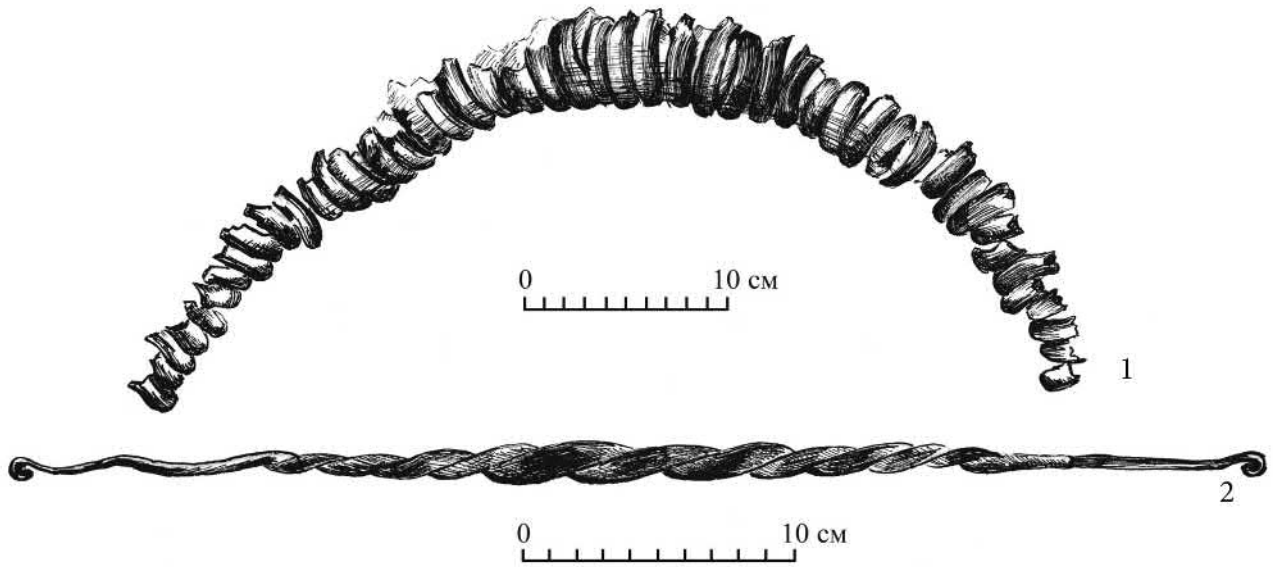


Рис. 2. *1 — очелье; 2 — серебряная позолоченная выпрямленная гривна.*

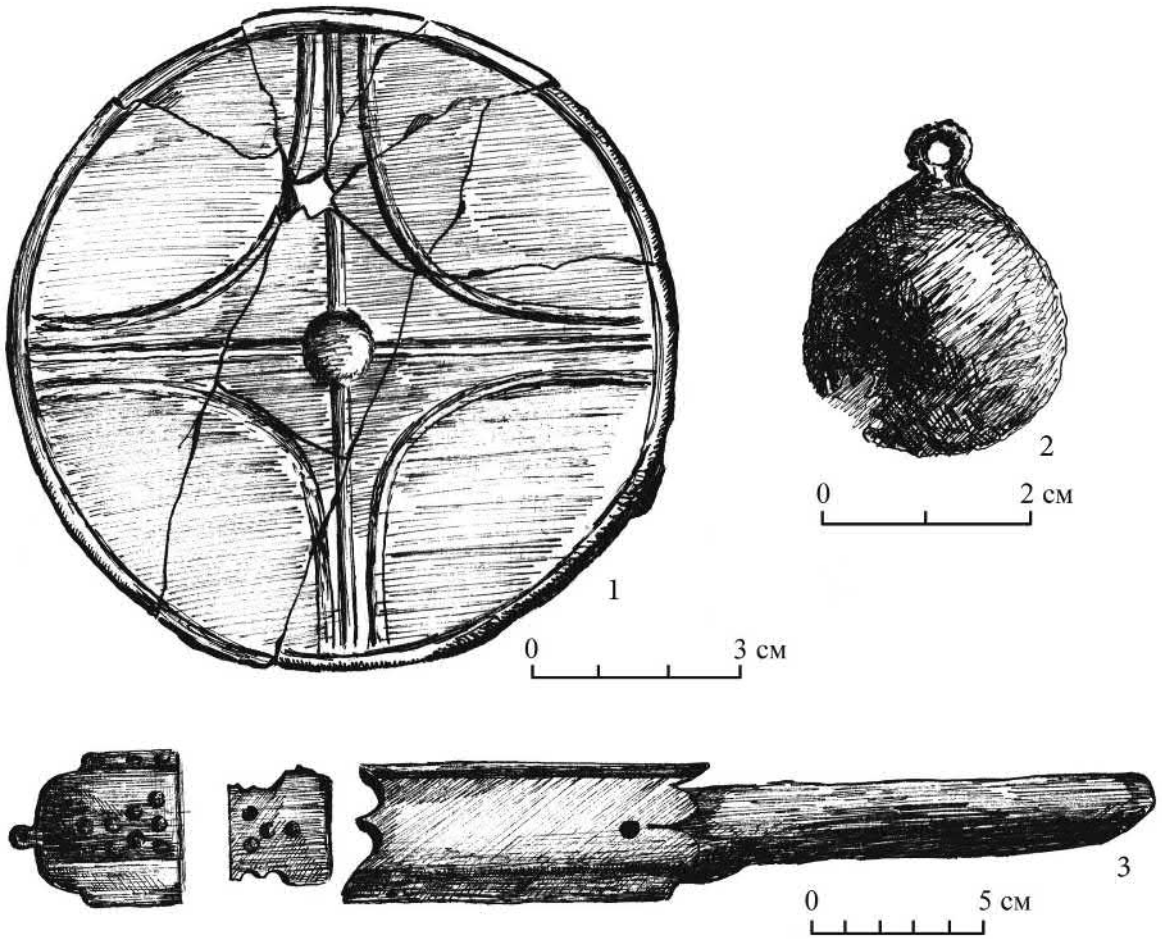


Рис. 3. Инвентарь погребения: *1 — бронзовое зеркало, украшенное крестовидно-арочным орнаментом, 2 — медный бубенчик, 3 — железный нож, с составной орнаментированной костяной ручкой.*

"В кисти правой руки находился железный нож, с составной орнаментированной костяной ручкой" (рис. 3, *3*). В изголовье, в 0,6 м западнее, стоял красноглиняный ойноховидный гончарный кувшин (рис. 8, *1*). В 0,5 м западнее ног погребенной, на 0,3 м ниже уложенной сбруи (стремян и удил), т.е. выше ног погребенной, находился медный казан (рис. 8, *2*) с остатками напутственной пищи – костями овцы.

Сбруйный набор из погребения (рис. 1, *1-3*), состоящий из стремян, удил, пряжки и фрагментов кожаных ремней, по-видимому, от оголовья, обычен и находит широкие аналогии в степных древностях [Бранденбург, 1908, с. 30, 172-173; Плетнева, 1958, с. 168, рис. 8, 8; Федоров-Давыдов, 1966, с. 12, рис. 1, тип Е-1; Гаврилова, 1965, табл. XXVII, 14; Генинг, Халиков, 1964, табл. XI, 13, 16]. Определить, взнуздан ли был конь, уложенный над погребенной, не представляется возможным. Фиксируемая деталь описания расположения казана в погребении – *"ниже на 0,3 м от уложенной сбруи (стремян и удил)"* – может говорить о том, что они были сложены вместе ниже скелета лошади.

Набор бытового инвентаря, сопровождавший умершую в потусторонний мир, сам по себе обычен, но знаковый и социально значимый. Это гончарный красноглиняный кувшин (рис.8, *1*), изготовленный из хорошо отмученной, чистой, без грубых включений глины, имеющий аналогии в Крыму, в памятниках Волжской Болгарии, в Танкеевке и на Северном Кавказе [Генинг, Халиков, 1964, с. 77, 166, рис. 26, 3; 20; Кузнецов, 1962, с. 136,

Рис. 4. Витая золотая гривна.

рис. 3]. По мнению А.В. Евглевского и Т.М. Потемкиной, гончарная керамика встречается в кочевнических захоронениях, “отличающихся повышенным социальным статусом” [Евглевский, Потемкина, 2000, с. 221]. Важным социально значимым предметом, находящимся в составе данного комплекса, можно назвать казан (рис. 8, *2*) [Швецов, 1980, с. 201-203]. Наличие казана в женских захоронениях половецкой эпохи является вторым признаком социальной градации и выделяется Т.М. Потемкиной в отдельную группу [2012, с. 13-15]. В то же время не обязательно, что данный атрибут сопровождал в потусторонний мир только вдову. По-видимому, в реальной жизни все было проще. К числу редких находок можно отнести и лежавший в кисти правой руки погребенной железный нож с костяной многосоставной, фигурно оформленной орнаментированной ручкой (рис. 3, *3*). Аналогии столь искусно изготовленной и украшенной костяной ручки для ножей в степных древностях нам не известны.

Серебряные, плетенные из проволоки браслеты со слегка расплющенными концами и круглые в сечении, и браслеты из темно-синего стекла, украшавшие руки умершей, известны в древностях степного и городского населения XI – первой половины XIII вв. Найдены в курганных погребениях: Поросья, могильниках Саркела, Кубани и Северного Кавказа. Широко известны и плетенные серебряные проволочные кольца, украшавшие пальцы рук умершей.

Золотой литой перстень (рис. 7, *2*) сравнительно массивный, шириной 2 см при высоте 2,3 см. Внутренняя часть дужки и ее боковые грани плоские, а внешняя поверхность выпуклая. Надпись на поверхности щитка перстня негативная, состоит из пяти строк и занимает всю поверхность (рис. 7, *2*). Буквы очень маленькие, высота и ширина самых крупных не превышает 2 мм. Выполнена надпись в совмещенной технике граффити и точечного накола. Точками-апексами украшены окончания почти всех букв, точками же выполнены йота и вертикальная гаста каппы во второй строке. Очевидно, надпись была обведена ободком из наколов, как это часто встречается на средневековых перстнях, но ободок стерт и от него сохранились только две точки справа от четвертой строки. Еще по четыре точки, сгруппированные в виде ромба (?), мы видим в начале и конце надписи (рис. 7, *2*).

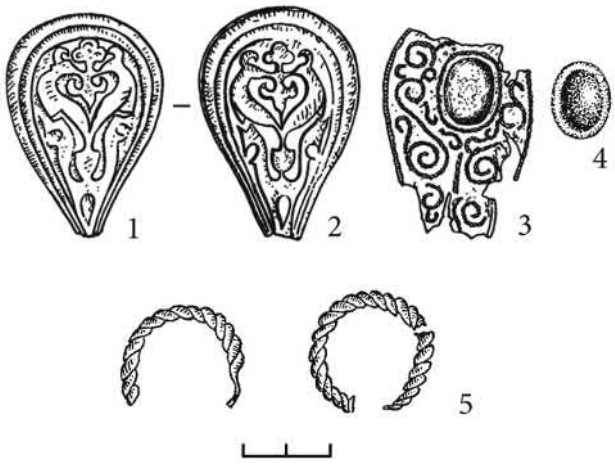


Рис. 5. Золотые двусоставные серьги (14) и серебряные кольца (5) из погребения: *1, 2 – штампованная, тыльная сторона, 3 – лицевая, 4 – каменная вставка из лицевой части серьги. 1-3 – прорисовка сюжета на серьгах; 5 – кольца из витой проволоки.*

Аналогии подобному перстню встречаются в эпоху средневековья. Наиболее близок ему перстень из думбартонского собрания, отлитый в Константинополе и отличающийся только несколько более удлиненным щитком [Ross Marvin, 1965, p. 1, LXIII, № 124]. Подобный, но не аналогичный перстень [Dalton, 1912, p. П, № 56]. В связи с сильной потертостью края щитка и стертостью букв предлагается два варианта прочтения надписи[2]:

1. Если принять, что четыре точки, сгруппированные в виде ромба в начале и в конце надписи, символизируют знак креста и встречаются в этом качестве в начале и в конце надписей христианского содержания, то возможна следующая реконструкция. В первой строчке легко восстанавливается Θεο. Следующая строка из шести букв начинается с *φ*, у которой стерта правая часть. Буква *P* здесь менее вероятна, если мы сравним ее с *в* третьей строки. Последующая буква второй строки, несомненно, альфа – *A*, так как здесь кроме трех расположенных треугольником точек сохранился элемент правой гасты и перекладины. Третья строка, состоящая из шести букв, начинается с каппы, перед которой имеется какая-то точка и черточка, заметные только при сильном увеличении. Заканчивается эта строка, как и предыдущая, альфой – от нее сохранились наклонная гаста и часть наклонной планки, *H* в этом случае должна быть широкой. В пятой строчке две буквы (?). Таким образом, надпись можно восстановить в следующем виде: *: (θεο / φ ι λακα /κότα όH ρυνοS) :* Θεο φίλακα κοταοπυνος.

Если согласиться с восстановленной надписью, то чтение ее хотя и затруднено наличием аббревиатур, столь характерных для средневековых надписей, особенно на мелких предметах, все же допускает различные варианты, содержащие имя бога, богородицы или святых. Учитывая это, можно предложить вариант чтения с наименьшими дополнениями:

Θεο (φίλακα κο(σ)τ(οι)αρα οπουν) οσ(εω): “Богу мил несчастный. Тебе мольба когда страдаю”. Возможен и другой перевод надписи: Θεο (φίλακα κοτ(ησ)αρα οπουν) οσ(εουσι): “Богу милы страдания и молитвы, когда терпят”.

При таком переводе окончание слова оправданно, так как соответствует окончанию Nominativ Dualis [Латышев, 1896, с. 39]. Оба перевода по смыслу близки и вполне соответствуют христианским канонам. Отсутствие аналогичной надписи в известных нам памятниках не исключает возможность того, что надпись отвечала каким-то личным обоснованиям заказчика.

2. Если мы откажемся от интерпретации точечных ромбов как крестов в конце и в начале текста, а представим их частью точечного контура вокруг надписи, столь характерного для перстней этого времени, то вариант богопожелательной надписи станет не единственным. В таком случае не исключается возможность прочтения имени собственного.

Предлагается следующий восстанавливаемый текст: Θεοφύλακτος εκουτα ζιοπουλος. В данном случае возможна грамматическая ошибка в имени Феофилакт – υ>с окончание

[2] Изучению надписи и прочтению ее отдано много времени и стараний Б.Ю. Михлиным, С.Н. Малаховым, а не только автором, который считает своим долгом высказать им слова признания и благодарности.

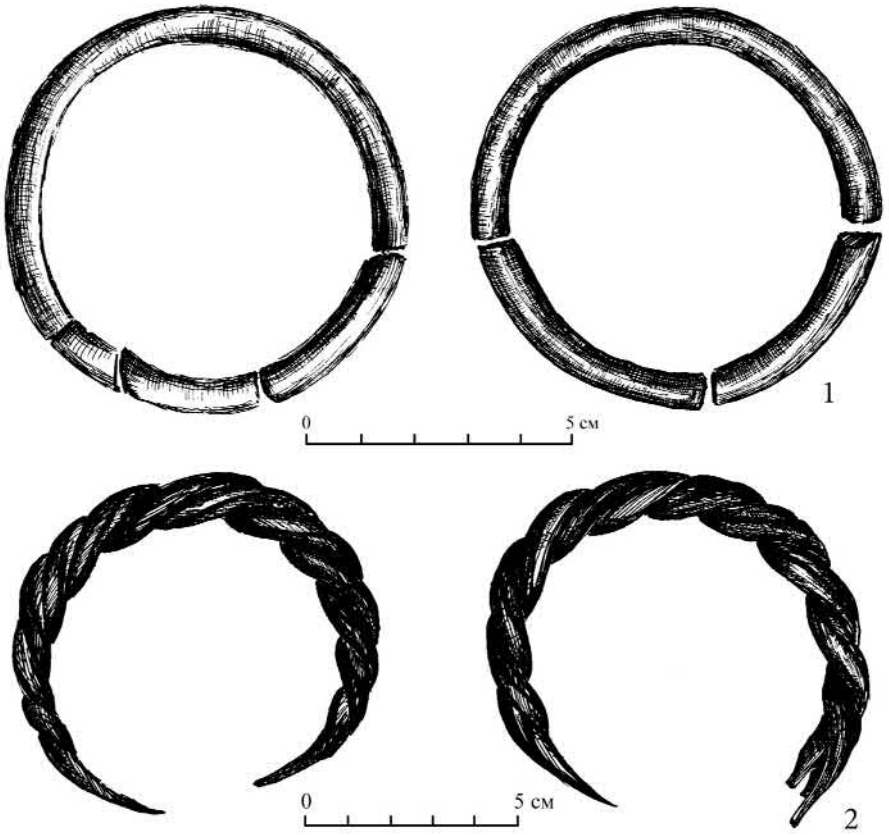


Рис. 6. Браслеты: *1 – круглые стеклянные. 2, 3 – плетеные серебряные, из четырех прутиков.*

изображено тремя вертикальными точками, что объясняется итацизмом. Окончание ος часто опускалось или подписывалось особым знаком. В целом же окончание не ясно, и вполне может быть, что имя дано в форме Θεοφύλακτος, т.е. аббревиатура *AC*. Форма слова φυλακτος ("хранитель", "страж") встречается в греческом языке, хотя в именах употребляется в основном φυλακτος.

Фамилия Скутариополос – буквально "сын Скутариота". Скутари – распространенная фамилия в XIII-XV вв. В лексике палеологовского времени встречаются подобные фамилии: № 26185 – Σκουταρογιευς, № 2618626215 Σκουταρογιευς и № 26216 [PLP, 1991].

Для восстановления имени на печати больше подходит форма: Εκουιαζω + πουλας = (Σκο(υ)ταζιωπουλος. Резчик вполне мог пропустить начальную сигму (Σ) и омегу заменить на маленькую (Co > o) (см. пример выпадения [Лихачев, 1928, с. 73, 74, 112, 113, рис. 30, 58; 1981, с. 162]). Этимология фамилии Σκουταζι по В.С. Шандровской – "щит" Σκουταρίσοτης (?), "щитоносец" [Шандровская, 1999, с. 152]. Но мы не исключаем и версии происхождения фамилии от Скутари – древнего Хризаполиса, предместья Константинополя на Малоазийском берегу Боспора.

Предложенная реконструкция прочтения надписи не является до конца однозначной. Первый вариант может быть еще одним свидетельством, по-видимому, проникновения христианства в Степь. Возможным является попадание перстня в результате торговых или военных контактов с Византией, через Крым (Херсонес) [Скабаланович, 1884, с. 339; Василевский, 1908, с. 52 и сл.; Якубовский, 1926, с. 53-76] или через русские княжества. Другой вариант сюжета не менее вероятный и интересный для реконструкции взаимоотношений

Рис. 7. *1 – золотое кольцо, украшенное пирамидкой с местом для вставки камня; 2 – золотой перстень-печатка; 3 – линза из горного хрусталя.*

между Степью и Византией, а именно: установить связь византийского христианского перстня с религиозными представлениями погребенной в кургане. Это предположение может быть подтверждено еще и наличием в данном захоронении византийских золотых серег с явным символическим христианским сюжетом.

Как было отмечено нами при описании погребения, между ключицами, около нижних шейных позвонков погребенной находились две золотые серьги[3] каплевидной формы, состоящие из 2 пластин: тыльной, украшенной штампованным зооморфным рисунком (рис. 5, *1, 2*), и лицевой, с растительным орнаментом и камнем-вставкой в верхней ее части (рис. 5, *3*). На тыльной стороне серьги мы видим сложную композицию, изображающую своеобразное древо жизни, состоящее из двуглавого (?) изображения животного (лошади, дракона) и двух противостоящих, прорастающих из одной основы птиц (павлинов), пьющих из одного цветка.

Данный сюжет, как считает А.А. Иерусалимская, широко распространен на христианских памятниках. “Павлины (сами по себе или пьющие из чаши) в христианской символике – мотив, олицетворяющий бессмертие” [Иерусалимская, 1985, с. 105]. По мнению А.Л. Якобсона, в византийском искусстве “эта восточная по происхождению тема скрестилась и слилась с темой двух павлинов – символом бессмертия, уходящая своими корнями еще в раннехристианскую символику” [Якобсон, 1959, с. 342]. Так, И. Вернер пишет, что изображения птиц, пьющих из одного цветка, клюющих один куст, имеются на византийских матрицах VII в. из Афин. Древо жизни и два противостоящих павлина известны из раннесредневекового храма из Мингечаура в Айзербайджане. Характерная аварская композиция горизонта Игар-Озора из двух обращенных клювами птиц (табл. I, 12,21,22) [Комар, 1999, с. 177 рис. 110] представлена на матрице из Херсонеса. Необходимо отметить близость изображения цветка на серьгах с изображением на княжеском костюме во фресковой композиции “Святой Кирилл учит писаря” (Кирилловская церковь XII в.).

[3] В первой публикации названа брошью [Швецов, 1974, с. 93, 96].

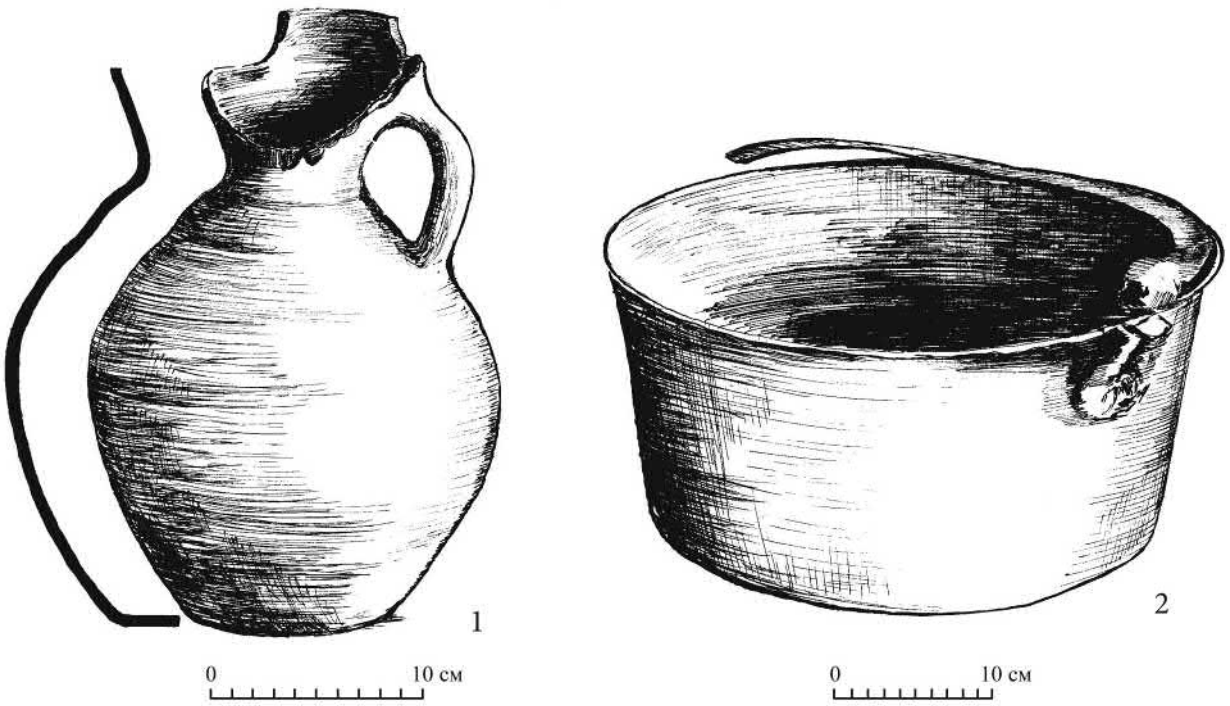


Рис. 8. Набор бытового инвентаря: *1 – кувшин, 2 – казан.*

Более ранний, аналогичный сюжет, изображающий двух птиц, пьющих из одного цветка, известен в древностях Болгарии (Старая Загора), связан, по мнению автора, с византийским влиянием и датируется IX-X веками [Гюзелев, 1969, с. 147]. Хронологически более близки и миниатюры с изображением двух павлинов у креста (сюжет "врата храма") из Юрьевского Евангелия (1120-1129 гг.). Сближает эти сюжеты и наличие цветка в верхней части свода [Асеев, 1980, с. 139, 142]. Браслеты с аналогичным изображением павлинов, стоящих по обеим сторонам византийского христианского символа, по-видимому, могли изготовляться в XII-XIII вв. и в Киеве, о чем говорит находка каменной формочки для литья с таким сюжетом, хранящейся в фондах Киевского государственного исторического музея [Тищенко, 1983, с. 47].

Как было отмечено нами, лицевая пластина серьги украшена растительным орнаментом из скани и камнем-вставкой в верхней ее части. Скань, изготовленная из тонкой золотой крученой проволоки, в основном из своеобразных завитков, в виде буквы S, создает красивый и сложный сюжетный рисунок. Интересно, что на иконе первой трети XIII в. в изображении Христа имеется скань в виде S-видных завитков, обрамляющих жемчужную рамку, очень близкую по технике рассматриваемой нами [Рыбаков, 1971, с. 25, № 23]. Необходимо отметить, что S-видный рисунок украшения "порты кесаря" очень близок к S-видному украшению из скани на лицевой стороне серьги [Брайчевская, 1985, рис. 1, с. 120]. Приведенные данные еще раз указывают на значимую христианскую символику рассматриваемых серег и могут существенно подчеркивать конфессиональную христианскую принадлежность погребенной. Что касается языческих элементов ритуала в захоронении умершей, то в данном случае уместно привести цитату Г. Рубрука, завершающую описание им погребения половца: "хотя и говорили про него, что он был окрещен" [Рубрук, 1957, с. 102].

Рассмотренные нами византийские корни христианской атрибутики находок в данном христианском погребении показательны и несомненно достоверны. В то же время,

считаем возможным высказать идею о местном варианте приобщения к данному учению, а возможно и к крещения половчанки.

Распространение христианства на землях Подонцовья в XI-XIII вв. хорошо известно по данным русских летописей (в 1111, 1116 гг.) [Повесть временных лет, 1999, с. 201; Спицын, 1909, с. 70], и находит подтверждение в археологических источниках [Швецов, 1991, с. 117-120; Швецов, 2012; Шамрай, 1995, с. 6770; Шамрай и др. 2009, с. 56-59; 2010 с. 49-54], и наличием погребений по христианскому обряду [Ходжайов и др., 2012, с. 127, 131-132]. Даже в маленьких сельских общинах Подонцовья проживало христианское население в XI – первой половине XIII вв., что иллюстрирует христианская часть Зливкинского могильника [Швецов, 1991, с. 118, рис. V]. Видимо, одним из существующих в тот период религиозных центров данного региона являлось Святогорье [Швецов, 2012, и не исключена возможность наличия служителей веры в степной зоне данного региона, где проживали половцы.

Находка в захоронении золотой шейной (рис. 4) и серебряной, позолоченной, выпрямленной гривны (рис. 2, *2*) у кисти правой руки придает данному погребению статус одного из редчайших комплексов половецкой эпохи. Как отмечает Т.П. Потемкина, "имущественный статус женщин из третьей группы (с тремя статусными предметами) достаточно высок: одно погребение (Новоивановка) мы отнесли к очень богатым" [2012, с. 17, 22]. Интересно, что четыре остальных захоронения этой группы территориально находятся: в Среднем Подонье – 1, в восточном Приазовье – 1, в Краснодарском крае и Прикубанье – по 1 [Потемкина, 2012, с. 18-19, рис. 4]. В данном случае еще раз можно подтвердить мнение Т.М. Потемкиной, что "все рассматриваемые погребения, как мужчин, так и женщин, являются представителями знати" [2012, с. 31]. Аристократическое происхождение умершей делает еще более вероятной идею о ее христианском вероисповедании.

ЛИТЕРАТУРА

Асеев Ю.С. Джерела. Нариси з історії українського мистецтва. Мистецтво Київської Русі. – К., Мистецтво, 1980. – 214 с.

Брайчевская Е.А. Летописные данные о древнерусском мужском костюме X-XIII вв. // Земли Южной Руси в IX-XIV вв. – К.: Наукова думка, 1995. – С. 118-124.

Бранденбург Н.Е. Журнал раскопок 1888-1902 гг. – СПб, 1908. – 238 с.

Васильевский В.Г. Византия и печенеги (1048-1094) // Труды. – Т. Т. – СПб., 1908. – С. 52, 116-165.

Гаврилова А.А. Могильник Кудерге как источник по истории алтайских племен. – М., Л., 1965. – 145 с.

Гийом Рубрук. Путешествие в Восточные страны / Пер. А.И. Малеина. – М.: Гос. изд-во географической литературы, 1957. – 270 с.

Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. – М.: Наука, 1964. – 200 с.

Горелик М.В. Половецкая знать на золотоордынской военной службе // Роль номадов Евразийских степей в развитии мирового военного искусства. Научные чтения памяти Н.Э. Масанова. – Алматы: LEM, 2010. – С. 127-186.

Гюзелев В. Княз Борис Първи. – София: Наука и искусство, 1969. – 531 с.

Евглевский А.В., Потемкина Т.М. О некоторых видах гончарной керамики у восточноевропейских номадов развитого Средневековья // Степи Европы в эпоху Средневековья. Т. 1. – Донецк, 2000. – С. 181-208.

Иерусалимская А.А. Предметы христианского культа из могильника Мощевая балка // Художественные памятники и проблемы культуры востока. – Л.: ГЭ, 1985. – С. 101-112.

Исаев В.А., Исаева И.В., Полякова О.А. Изделия из биоминеральных, минеральных образований и горных пород в погребениях средневековых кочевников Восточной Европы // Степи Европы в эпоху Средневековья. Т. 10. – Донецк, 2012. – С. 261-280.

Комар А.В. Предсалтовский и раннесалтовский горизонты Восточной Европы // Vita Antiqva. – К., 1999. – № 2. – С. 115-189.

Лихачев Н.П. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Вып. 1 // Труды музея палеографии. – Л., 1928. – Т. 1. – 175 с.

Лихачев Н.П. Моливдовулы греческого Востока / Сост. и автор комментариев В.С. Шандровская / Научное наследство. – М.: Наука, 1991. – Т 19. – 359 с.

Михлин Б.Ю., Швецов М.Л. О византийско-крымских связях со степью в XII-XIII вв. // Материалы Международной научно-практической конференции "Проблемы греческой культуры". – Симферополь, 1996. – С. 38-40.

Отрощенко В.В., Расамакін Ю.Я. Половецький комплекс Чингульського кургану // Археологія. – 1986. – Вип. 53. – С. 14 -36.

Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Труды Волго-Донской археологической экспедиции / МИА. – 1958. – № 62. – С. 151-226.

Повесть временных лет. Т. I, 2-е изд. Ч. 1. Текст и перевод. СПб, 1999. – С. 122-123.

Потемкина Т.М. Иерархия половецкой знати (по погребениям со статусными предметами) // Степи Европы в эпоху Средневековья. Т 10. – Донецк, 2012. – С. 7-36.

Рыбаков Б.А. Русское прикладное искусство X-XIII вв. – Л.: Аврора, 1971. – 187 с.

Свод данных об исследованных курганов на территории Донецкой области в XX веке / Авторы-составители А.Н. Усачук, Ю.Б. Полидович, В.В. Цимиданов, РА. Литвиненко // Археологический альманах, № 14. – Донецк, 2004.

Скабаланович Н. Византийское государство и церковь в XI в. – СПб., 1884. – 528 с.

Спицын А.А. Исконные обитатели Дона и Донца // Журнал Министерства народного просвещения. – 1909, январь. – С. 63-78.

Тищенко О.Р. Декоративно-прикладне мистецтво східних слов'ян і давньоруської народности (I ст. до н.е. – середина XIII ст. н.е.). – К., 1983. – 110 с.

Ходжайов Т.К., Швецов М.Л., Ходжаева Г.К., Фризен С.Ю. Население Подонцовья эпохи Золотой Орды // Степи Европы в эпоху Средневековья. – Донецк, 2012. Т. XI. – С. 125-192.

Шамрай А.В. Каменная иконка с Царина городища // Материалы научно-практического семинара, посвященные 15-летию Славяногорского историко-архитектурного заповедника. – Славяногорск, 1995. – С. 67-70.

Шамрай А.В., Соловкин А.А., Филиппов А.П. Средневековые христианские древности в среднем течении Северского Донца // Святогірський альманах. 2009. – Донецьк, 2009. – С. 56-59.

Шамрай А.В. Соловкин А.А., Филиппов А.П. Христианское население среднего течения Северского Донца в X-XIII вв. // Святогірський альманах. 2010. – Донецьк, 2010. – С. 49-54.

Шандровская В.С. Печати и монеты византийских императоров с изображением Богоматери // Византийский Временник. – СПб, 1999. – Т. 58. – С. 202-223.

Швецов М.Л. Багате кочовницьке поховання з Донбассу // Археологія. – 1974. – Вип. 13. – С. 93-98.

Швецов М.Л. Котлы из погребений поздних кочевников // СА. – 1980. – № 2. – С. 120-127.

Швецов М.Л. О головном уборе половчанок // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1993. – С. 104-114.

Щвецов М.Л. Могильник Зливки // Проблеми на Праболгарскате история и култура. – Шумен, 1990. – № 2. – С. 109-123.

Швецов М.Л. Конфессиональные отношения на юго-востоке Украины в эпоху средневековья // Наука, релігія, суспільство. – Донецьк, 2001. – № 1. – С. 68-76.

Швецов М.Л. Об архитектурных особенностях одного из пещерных храмов Святогорского монастыря и истоках его конструктивной хронологии. Материалы международной конференции. Полтава, 2012 (в печати).

Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. – М., Л., 1959. – № 63. – 363 с.

Якубовский А. Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак. Половцы и русские в начале XIII века. Черты из торговой жизни половецких степей // Византийский Временик. – Л., 1926. – Т. XXV. – С. 53-76.

Dalton O.M. Catalogue of the finger rings, rings, early Christian Byzantine, Teutonic, Mediaeval and later. – London, 1912. – 260 p.

Rous Marvin G. Catalogue of the Byzantine and Early Mediaeval in the Dumbarton oaks Collection, vol. II. – Washington, 1965. – 187 p.

PLP. T. 1. Bd. 11. – Wien, 1991.

Shvetsov M.L.

Burial of a noble Polovtsy woman

The paper analyses one of the most interesting and significant female burials of the Polovtsy steppe of the late 12th – first half of the 13th centuries.

Keywords: *the Polovtsy steppe, burial, jewelry of the Polovtsy time, Greek inscription.*

Швецов М.Л.

Поховання знатної половчанки

Стаття присвячена публікації і інтерпретації одного з цікавих і значимих жіночих поховань половецького степу кінця XII – першої половини XIII вв.

Ключові слова: *половецький степ, поховання, прикраси половецької епохи, грецький напис.*

М.Л. Швецов

ПЕСНЬ СТЕПИ*

В работе рассматриваются три известных в настоящее время кочевнических погребения с однотипным музыкальным инструментам — «комузом», являвшимся органической частью музыкальной культуры тюркских кочевников Средневековья. Все три погребения принадлежат половецким воинам.

Ключевые слова: средневековые номады. Восточная Европа, музыкальная культура, музыкальные инструменты.

Предлагаемая нами публикация материалов, отражающих одну из необычных сторон музыкальной культуры кочевого населения Восточно-Европейской степи эпохи Средневековья, неразрывно связана с Михаилом Викторовичем Гореликом. В 1986 году, во время нашей очередной встречи в Москве, я ознакомил его с отчетными материалами кочевнических погребений из раскопок курганов Краснознаменской экспедиции Института археологии АН СССР, переданными мне ее начальником Г.Л. Евдокимовым для совместной публикации (Евдокимов и др., 1984, Отчет, ф.э. 1984/16). Одним из наиболее ярких и необычных комплексов были «материалы из захоронения 4 в большом кургане 1 у с. Кирово, Бериславского района Херсонской области» (Там же. С. 70-74). Конструктивная сложность деревянного погребального сооружения (саней), интересный обряд захоронения воина и состав сопровождающего умершего инвентаря дополнялись уникальной находкой музыкального струнно-смычкового инструмента (Рис. 1). Обсуждение и характеристика комплекса, даже вызывая спорную интерпретацию, ставили вопрос о его немедленной публикации. Тогда же Михаил Викторович, в качестве аналогичного памятника, обратил наше внимание на материалы известнейшего «Кочевнического кургана близ г. Юрьева Польского», опубликованного А.А. Спицыным в начале века (Спицын, 1905. С. 78-83). Однако недоговоренность в характеристике воинской интерпретации обоих комплексов отодвинула сроки публикации на дальнейшее. В 1987 году, будучи в Саратове, благодаря И.Б. Васильеву, коллеги впервые ознакомили меня с материалами раскопок И.В. Синицыным могильника Усть-Курдюм, из кургана 8, хранящимися в фондах Саратовского музея. Именно в материалах данного комплекса были представлены детали деревянного музыкального инструмента.

Участие автора в работе международных конгрессов ЮНЕСКО по трассам Великого Шелкового пути, проходившего по республикам Средней Азии, знакомство с историей музыкальных инструментов Востока расширили круг материалов и источников для продолжения исследования и интерпретации рассматриваемых погребений. В 1991 году Г.Л. Евдокимов опубликовал данное погребение 4 из кургана 1 у с. Кирово в красочном международном сборнике «Золото степу. Археологія України» (Евдокимов, 1991. С. 281-283). В тот же год, на III краеведческих чтениях, посвященных 400-летию г. Саратова, нами был прочтен доклад «О находках музыкальных инструментов в памятниках Дешт-и-Кыпчак»[1]. Участие в работе кра-

* Опубликовано: Швецов М.Л. Песнь Степи // Археология евразийских степей. № 5. 2017. – С.105-113.

[1] Материалы представленного доклада, к сожалению, не были опубликованы в вышедшем в 1993 году сборнике (Краеведческие чтения, 1993).

еведческих чтений 1991 года в Саратове, посвященных 400-летию музея, дало возможность не только выступить с докладом, но и зарисовать и описать уникальный комплекс материалов погребения кочевника с музыкальным струнным инструментом из кургана 8 могильника Усть-Курдюм, раскопки И.В. Синицына в 1963 г. Участие в работе III краеведческих чтений в Самаре М.Г. Крамаровского и его консультации по материалам погребений могильника Усть-Курдюм дали возможность выступить с докладом о данных захоронениях на Маргулановских чтениях в Алма-Ате в 1992 г. (Евдокимов, Швецов, 1992. С. 249-249).

После возвращения из Алма-Аты в Москву и представления Михаилу Викторовичу новых материалов о средневековых музыкальных струнно-смычковых инструментах Средней Азии, собранных автором, были продолжены совместные исследования. Целью дальнейшей работы стали также вопросы изучения истории формирования струнно-смычковых инструментов, их связь с духовным миром и мировоззрением населения Восточно-Европейской степи эпохи Средневековья и их связь с военной элитой (?).

На Третьей международной конференции по изучению праболгарской археологии, истории и культуры в г. Шумен в 1990 году я с большой радостью встретился с известнейшим в мире ученым и путешественником Слави Дончевым, специалистом по истории происхождения и появления струнносмычковых инструментов в Европе. Именно его фундаментальное исследование «Към въпроса за происхода и най-ранната поява на струнните лъкови инструменти в Европа», изданное в 1984 году (Слави Дончев, 1984. С. 102-149), раскрывало одно из ранних направлений формирования данных музыкальных инструментов и их путь через Степи в Европу. Позднее, в 1992-1995 годах, объезжая музеи Израиля, Украины, России, Казахстана, мы собрали интереснейший материал по распространению и формированию струнно-смычковых инструментов, связанных с миром культуры степного и городского населения эпохи Средневековья. Тогда же были выявлены и новые малоизвестные памятники, оставленные населением как южнорусских степей, так и городов Крыма. Так, согласно тексту В.Н. Ястребова, «в 1894 г. крестьянин с. Тишовка, Херсонской губернии, раскопал погребение с остатками музыкального инструмента типа бандура (?), который был зарисован В.Н. Ястребовым», но рисунок не сохранился[2].

Необходимо отметить, что изображения этого вида инструментов известны и на изваяниях половецкого времени (Веселовский, 1915. Рис. 10,45; Плетнева, 1959. С. 212; Плетнева. 1974. С. 105). Ряд исследователей неоднократно обращался к их интерпретации и описанию, увязывая с данными письменных источников (Ипатьевская летопись. С. 479; Codex Cumanicus (Cobuxci). С. 206; Плано Карпини, 1957. С. 71; Гийом Рубрук, 1957. С. 95, 105, 111). Однако у Г. Рубрука и П. Карпини, по-видимому, упоминается щипковый инструмент, ведь смычковые инструменты неизвестны были в Европе ранее (Fidel) (Bvchner, 1956). К струнным смычковым инструментам Степи считают возможным отнести и изображение, заменяющее сосуд в руках статуи (изваяния) из Джамбульского музея. По мнению А.А. Чарикова, это изваяние музыканта XII века (Чариков, 1981. С. 289). Известны и в других археологических материалах детали музыкальных инструментов, правда, маленькие и значительно юго-восточнее. Мы имеем в виду гриф музыкального инструмента из раскопок в замке Чильхуджра, в окрестностях Бунджиката, к югу от Шахристана. По мнению автора, «сам фрагмент представляет собой головку грифа струнного инструмента, изготовленного из крепкого орехового дерева» (Древности Таджикистана, 1985. С. 262-263. Рис. 686).

[2] Ссылка на композитора П. Бородина, который при создании оперы «Князь Игорь» собирал все имеющие отношение к данной эпохе материалы. Так, венгр Гунфалев прислал ему напевы, записанные у потомков половцев, проживавших в Венгрии. К сожалению, прорисовки данного инструмента нам не известны.

Фрагмент струнного инструмента найден и в помещении Балыктепе. Это колок и две конусообразные головки грифов (Там же. С. 93). А также гриф от струнного инструмента, экспонируемого в Румянцевском музее, о котором мы упоминали ранее. Кроме рассмотренных материалов из погребений населения Степи, необходимо отметить уникальную глиняную статуэтку XII века (Рис. 2), изображающую византийского монаха, играющего на струнно-смычковом инструменте, найденную К.И. Красильниковым в Херсонесе[3]. Изображение музыканта-монаха, играющего на струнно-смычковом инструменте, не удивительно в христианских древностях Киевской Руси. Так, при описании музыкальной истории России и Украины приводится копия изображения музыканта в кафедральном соборе XI в. в Киеве (Buchiver, 1956. С. 294). По его мнению, «начиная с XIII – второй половины XIV в. широкое отражение в искусстве находит изображение трехструнных смычковых инструментов (Buchiver, 1956. С. 93).

Более широкий интерес к памятникам и материалам захоронений степного населения эпохи Средневековья с находками музыкальных инструментов проявляется в последующие годы. Так, материалы раскопок курганов И.В.Синицыным в Поволжье 1963 года были опубликованы в коллективной монографии «Средневековые кочевники Поволжья» Гарустовичем Г.Н., Ракушиным А.И., Яминовым А.Ф в 1989 году (Гарустович Г.Н. и др., 1989). В состав публикуемых древностей вошли и материалы из курганного могильника Усть-Курдюм, где, как мы уже отмечали, было открыто захоронение с музыкальным струнносмычковым инструментом (Гарустович, 1998. С. 211-215). Однако в процессе публикации данных материалов произошла неожиданная ошибка. Так, при описании комплекса захоронения из кургана 8 музыкальный инструмент был включен в состав находок кургана 9 этого же могильника (Гарустович и др., 1998. С. 213). К сожалению, текста описания материалов раскопок могильника И.В. Синицыным в музее не было. По объяснениям сотрудников музея, они, по-видимому, хранились (?) у Е.К. Максимова. По материалам и записям, собранным сотрудниками музея в 1987 г., нами было переписано описание захоронения. Приведем его: «Могильная яма погребения в кургане 8, в отличие от всех других захоронений могильника, была с подбоем. Входная яма, ориентированная по линии СВВ – ЮЗЗ, прямоугольной формы, длина – 2,10 м, глубина ямы в грунте – 1,20 м. Подбой, устроенный под южной стенкой, овальной формы, длина – 2,10 м и ширина 0,65 м, ниже дна могильной ямы на 10 см. Погребенный уложен головой на СВВ. Череп на левой стороне, лицом у югу, руки вытянуты вдоль туловища. В заполнении костяной предмет. На ребрах, в левой части грудной клетки, на правой кости таза, на животе и бедрах, уходя под левую бедренную кость, лежал кожаный пояс (Рис. 3) с бронзовыми накладками. Он состоит из двойных ремешков, соединенных друг с другом. Кожаная сумка-кошелек была закреплена на поясе (Рис. 3). В правой части погребения, вдоль стенки подбоя, сохранились остатки деревянного блюда и обрывки бересты с линейным орнаментом. За черепом погребенного найдены фрагменты деревянного музыкального инструмента и кусочки черной кожи»[4]. На приводимой фотографии погребения в публикации (С. 214) виден лежащий в изголовье погребенного музыкальный инструмент, что не уточнено в публикации. В описании же погребения из кургана 9 указано, что «недалеко от черепа была обнаружена трубочка от бокки» (с. 213), что указывает на принадлежность данного

[3] Считаем своим долгом высказать слова признательности К.И. Красильникову, за предоставление данной находки, хранящейся в археологическом музее Луганского университета, для публикации.

[4] При знакомстве с материалами раскопок И.В. Синицына, 1963 г., из фондов Саратовского музея, нами были описаны и зарисован комплекс, рассматриваемого погребения, кургана 8. Пользуясь возможность высказать слова признательности Наталье Петровой, научному сотруднику музея, слова благодарности за помощь в сборе материалов из комплекса могильника Усть Курдюм.

погребения женщине. О погребенном из кургана Усть-Курдюм 8: «Костяк мужчины лежал вытянуто на спине с вытянутыми вдоль туловища руками, ориентированный головой на СВ», что видно и на фотографии (Там же. С. 211). Что касается погребенной в кургане 9, в тексте описания указано, «что руки погребенной полусогнуты в локтях» (С. 213). Место якобы лежащего в погребении 9 музыкального инструмента не уточнено (С. 213).

Приводимая детализация описания материалов из захоронения в кургане 8 могильника Усть-Курдюм взаимосвязана и с характеристикой аналогичных погребений. Примером этого можно назвать элементы погребального обряда и сопровождающего инвентаря из приводимого нами погребения 4 из кургана 1 у с. Кирово (Евдокимов и др., 1984; Отчет, ф.э. 1984/16). Полная и уточненная публикация этого уникального комплекса была сделана дважды автором его раскопок (Гершкович. 2011. С. 40-49; Он же, 2012. С. 231-250). Частичная публикация и сравнительная характеристика музыкальных инструментов из данных погребений и пути их исторического развития были опубликованы нами в 1991, а затем в 1998 годах (Швецов, Хазова. 1998. С. 82-88). Во время обсуждения и подготовки материалов приведенных погребений с музыкальными инструментами к совместной публикации с Михаилом Викторовичем Гореликом одним из основных спорных вопросов была принадлежность этих погребений к военному сословию, а возможно, и к военной элите населения Степи. По военной атрибутике, а более точно, составу и набору военного инвентаря их можно разделить на три группы, представленные:

Погребением из кургана близ Юрьева-Польского. Захоронение половецкого воина с доспехами и оружием (сабля, лук, стрелы). XII в.

Погребением 1 из кургана у с. Кирово. Захоронение половецкого воина с оружием (колчан, лук, набор стрел). XII в.

Погребением 4 из кургана 1 могильника Усть-Курдюм. Захоронение половецкого воина (?) со статусным поясом и кошелем. XIII-XIV вв.

Необходимо сказать, что в захоронениях второй и третьей групп, в составе инвентаря, отражающего общие детали погребального обряда, можно отметить и наличие деревянных блюд, что характерно для определенного ритуала в погребальном обряде.

К числу элитных воинских захоронений Степи мы считаем необходимым отнести захоронение первой группы.

Именно образ этого воина и воссоздал Михаил Викторович Горелик в своей реконструкции (Рис. 5).

Объединяющим элементом рассмотренных комплексов можно считать «комуз, являющийся органической частью музыкальной культуры тюркских кочевников Средневековья (М. Крамаровский).

ЛИТЕРАТУРА:

Афоньков Н.Н. Стрелковый пояс и кошель золотоордынского времени из курганного могильника у с. Усть-Курдюм // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 10. Саратов: Полиграфия Поволжья, 2012. С.158-163.

Веселовский Н.И. Современное состояние вопроса о «каменных бабах» / Записки Одесского общества истории древностей. 1915. Том XXVII. 40 с. + 14 табл.

Гарустович Г.Н., Ракушин А.И. Ямшов А. Ф. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV в). Уфа: Гилем, 1998.

Гершкович Я.П. Половецкий кобызчи // Степи Восточной Европы в эпоху средневековья. Т. 11. Золотоордынское время. Донецк: ДонНУ. 2012. С. 221-250.

Гершкович Я.П. Спадщина Коркута в половецькому середовищі Північного Прчерномор'я // Археологія. 2011. № 1. С. 40-50.

Гийом Рубрук: Джованни дель Плано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны / Редакция, вступ, статья и примечания Н.П. Шастиной. М.: Изд-во географической литературы, 1957. 270 с.

Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе: Донині, 1985. 344 с.

Евдокимов Г.Е., Швецов М.Л. Погребение музыканта // Маргулановские чтения. Тезисы. Петропавловск: Петрозаводский ПИ, 1992.С. 249-250.

Евдокимов Г.Е. Співай же йому пісні половецькі // Золото степу. Археологія України. Шлезвіг, 1991. С. 281-283.

Евдокимов Г.Л. Отчет Краснознаменской экспедиции Института археологии АН Украины / Архив НА ИА НАНУ, 1984/16.

Краеведческие чтения: Доклады и сообщения I—III чтений / Саратовский обл. музей краеведения, Сарат. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского и др.; под общ. ред. Е.К. Максимова. – Саратов: [б. и.], 1993. 107 с.

Плано Карпини: Джованни дель Плано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны / Редакция, вступ, статья и примечания Н.П. Шастиной. М.: Изд-во географической литературы, 1957. 270 с.

Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. № 62. М.: Наука, 1959. С.151-226.

Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния // САИ. Е 4-2. М.: Наука, 1974. 200 с.

Слави Дончев. Към въпроса за происхода и най-ранната поява на струнните лъкови инструмент в Европа // Музикални горизонт. Союз на музикалниге дейци в Бъгарии. Бюлетин. № 3. София, 1984. С. 102-149.

Спицын А.А. Кочевнический курган близ г. Юрьево-Польского // ИАК. 1905. Вып. 15. С.78-83.

Чариков А.А. Статуя музыканта XII в. // СА. 1981. № 2. С. 289-291.

Швецов М. О находках музыкальных инструментов в памятниках Дешт-и-Кыпчака // III краеведческие чтения, посвященные 400-летию г. Саратова. Саратов: [б.и.], 1991. С. 33-34.

Швецов М.Л. Могильник Зливки // Проблеми на прабългарската история и култура. 2. Трета международна среща по праболгарската археология. Шумен: Аргес, 1990. С. 109-123.

Швецов М.Л., Хазова А.Г. К истории формирования струнно-смычковых инстментов // Музичне мистецтво: традиції, досягнення, перспективи. Донецк: [б.и.], 1998. С. 82-88.

Buchner A. Musikinstrumente der volker. Prague: ARTLA. 1968. 295 s.

M.L. Shvetsov

THE SONG OF THE STEPPE

The article considers three currently known nomadic burials with similar musical instruments – 'komuzes', which was an organic part of the musical culture of Turkic nomads in the Middle Ages. All three burials belong to the Cuman warriors.

Keywords: medieval nomads, Eastern Europe, musical culture, musical instruments.

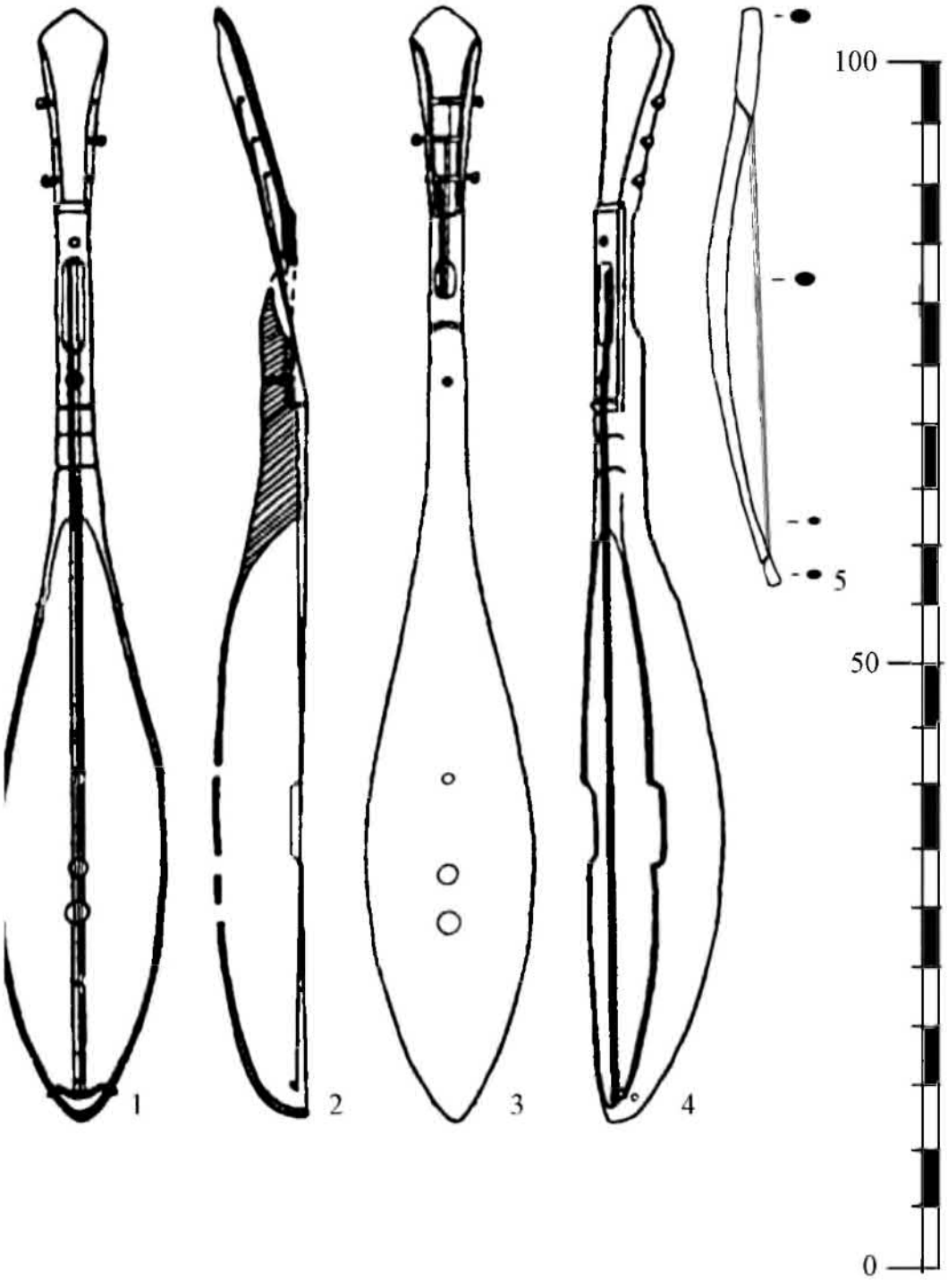


Рис. 1. Комуз из погребения 1 кургана 4 с. Кирово.

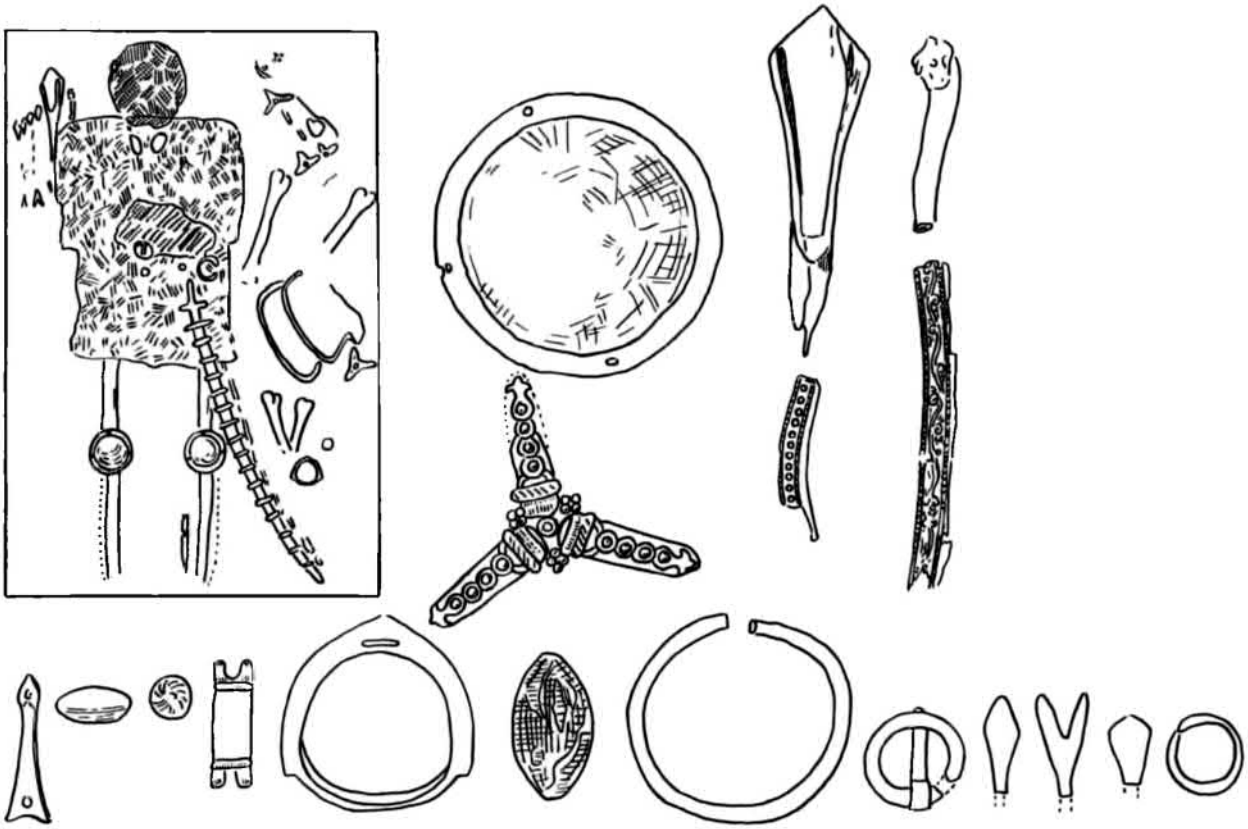


Рис. 2. Металлы из «Кочевнического кургана близ г. Юрьева Польского».

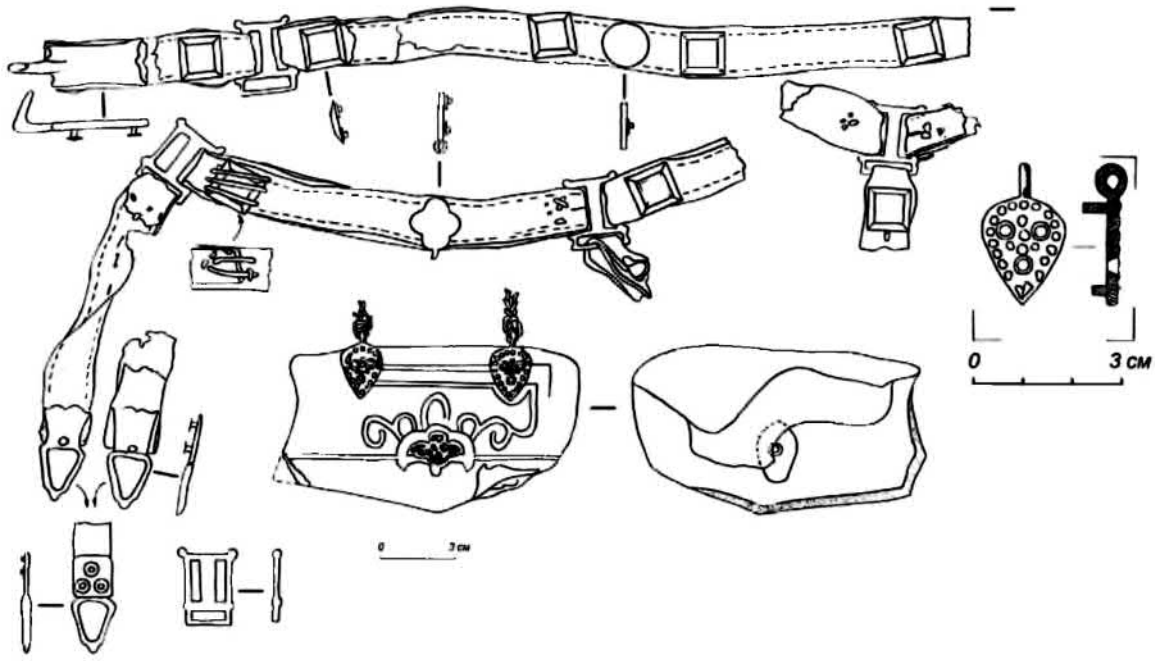


Рис. 3. Пояс и кошель из кургана 8 Усть-Курдюм.

Рис. 4. Реконструкция музыкального инструмента из кургана 8 Усть-Курдюм.

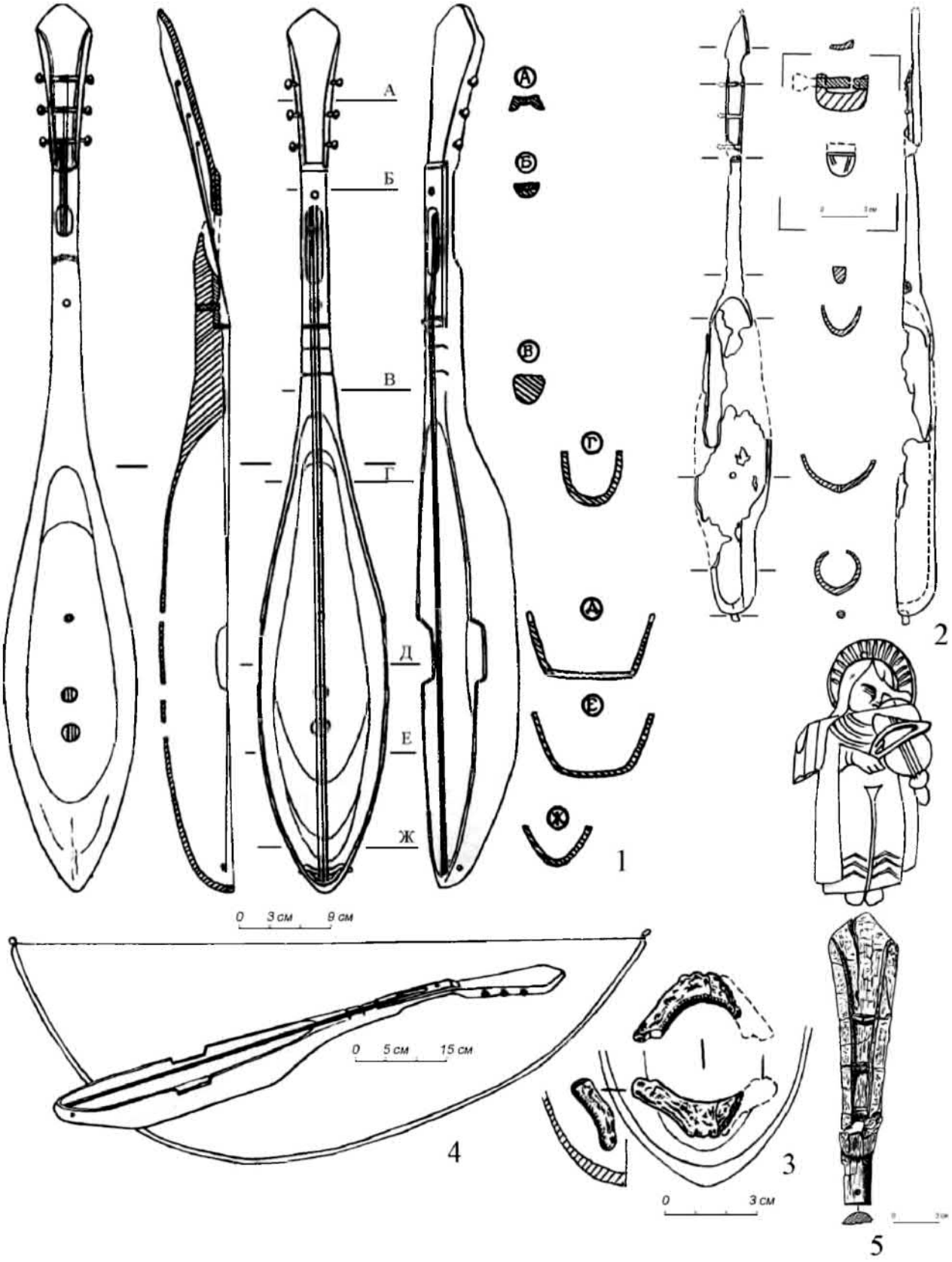


Рис. 5. Музыкальные инструменты из погребений населения Евразийской Степи. 1 – Инструмент из погребения у с. Кирово, 2 – Его реконструкция, 3 – Гриф инструмента из погребения у с. Кирово. 4 – Инструмент из погребения у с. Усть-Курдюм. 5 – глиняная статуэтка из Херсонеса.

Рис. 6. Реконструкция М.В. Горелика.

II. К ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ НА ЗЕМЛЯХ ДОНБАССА. КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

М.Л. Швецов, Е.Є. Кравченко

НОВІ МАТЕРІАЛИ ДО ІСТОРІЇ ІСЛАМУ В УКРАЇНІ*

Проникнення ісламу на терени сучасної України починається, на думку спеціалістів, від X ст. Якщо в міському середовищі він не отримує поширення, то серед кочових племен знаходить відгук (Полотнюк, 1994). Так, ал-Бекре (бл.400 р.х.) розповідає про вдалу проповідь ісламського місіонера серед печенігів (Голубовський, 1884, с. 227). Через 50 років ал-Гарнаті, перебуваючи в Києві, вчить основ Корану печенігів, які служили у війську Київського князя (Полотнюк, 1994). Прихід половців у степи Східної України, очевидно, послабив цей вплив, і даних про їх мусульманізацію в письмових джерелах нема, не відображено цього і в археологічних джерелах.

Поширення ісламу в Поволжі, Подонні і Криму добре висвітлено в письмових джерелах, тоді як регіон, який ми розглядаємо, в них не відображено, а представлено археологічними матеріалами (Швецов, Кравченко, 1988; 1989; 1990). Найповніше вони представлені на найбільшій пам'ятці регіону (можливо, місцевий центр) – Царицино городище (площа 70 га) в селі Маяки Слов'янського р-ну Донецької області (правий берег річки Півн. Донець). Тут особливо яскраво процес ісламізації населення виявився в матеріалах мусульманського могильника. До часу дослідження значну частину кладовища було зруйновано будівельниками, але збережені ділянки свідчать про кілька тисяч похованих індивідів.

Могильник займав схил Ложникового яру, поховання розміщені рівними рядами, орієнтованими з півночі на південь. Спрямованість рядів добре видно з поховань дорослих. Могили дітей втиснуто між ними. На могильнику зафіксовано три типи поховань: у простих ямах, з заплічниками і підбійні могили. В абсолютній більшості випадків простежено сліди дерев'яних перекрить, як довгими дошками по осі ями, так і короткими плашками, покладеними впоперек ями на заплічники. Трун на цьому цвинтарі не виявлено.

Антропологічне дослідження поховань могильника вказує на його значну спадковість щодо більш ранніх матеріалів регіону та раннього і синхронного населення Волзької Болгарії, а також на значні відмінності від антропологічного матеріалу населення як Середньої Азії та Казахстану, так і населення центральних областей Золотої Орди (Ходжайов, Швецов, 1992).

Проживання населення, яке залишило могильник, підтверджують і роботи на городищі. Тут простежено жилі комплекси, які в плані представляють напівземлянки підпрямокутної форми з безстовповою конструкцією. Як опалювальні споруди тут використовувались як підлогові печі, що за своєю конструкцією мають аналоги на руських землях, так і тандири. В одному з приміщень виявлено обкладену цеглою суфу. В конструкції цього житла зустрічаємо як сиру, так і випалену цеглу. Цікавим є вміст господарських ям на розкопі. Поряд з великою кількістю фрагментів цегли, тут були фрагменти червоно-жовтої неполиваної і поливаної кераміки, фрагменти піал (на городищі знайдено і кашин), білоглиняний кальян з діагональним хвилястим орнаментом, фрагменти чавунних казанів, нумізма-

* Опубликовано: Швецов М.Л., Кравченко Е.Є. Нові матеріали до історії ісламу в Україні // Історія релігій в Україні. Тези повідомлень Міжнародного V круглого столу (Львів, 3-5 травня 1995 року). Київ-Львів. 1995. Частина 5. – С. 503-505.

тичний матеріал. Серед останнього зібраного як у розкопі, так і на городищі за кількістю переважають монети 60-80 рр. XIV ст., срібні й мідні.

До кінця XIV ст. осілі поселення на Північному Сході України перестають існувати, ймовірно, у зв'язку з подіями 1395 року.

Проте процес ісламізації населення краю на цьому не припинився, про що свідчать дані І.Барбаро й А.Контаріні.

М. Швецов

ЕВРЕИ И ИУДЕИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ*

Вопросы истории, культуры, мировоззрения и религии восточноевропейских евреев и иудеев волновали многие поколения ученных и интеллигенции. Интерес к данным темам проявляется еще с эпохи средневековья, что хорошо известно из исторических источников (Еврейско-Хазарская переписка, Иегуда Бен га Леви и др.). Особенно яркое проявление такого интереса в России (и в бывшем СССР взаимосвязано с резким изменением в исторических событиях, происходящих в Восточной Европе в конце XIX – нач. XX века и в 80-90-х годах прошедшего столетия. Если для конца XIX – нач. XX ст. серьезное проявление такого интереса ограничивалось с хазарской проблематикой и историей народов Крыма (караимы) и Кавказа (таты), то последние десятилетия широта и охват изучаемых проблем связан не только с историей еврейского народа в Восточной Европе, с периода его появления, но и с изучения истории, культуры, языка и религии евреев и иудеев всего мира. В свете этого, по-видимому, интерес представляет и предлагаемый нами к рассмотрению, вопрос о путях проникновения и распространения евреев и иудеев в степной зоне Восточной Европы в эпоху раннего средневековья.

Основной территорией распространения евреев в Восточной Европе, в первых веках н. э., согласно данных письменных источников, по мнению исследователей, являются земли Боспора и Крыма (Ростовцев М., Гайдукевич В.Ф., Латышев В., Полак А., Артамонов М.И., Гумилев Л.Н., Соломоник Э.М., Кендель Ф. и др.). Археологические источники относят время появления евреев на Боспоре и в Крыму к I в. н. э. Подтверждением этого можно считать приводимые иудейские имена в надписях Боспора и упоминания о евреях, проживающих в греческих колониях и городах на Тамани, в Крыму. (Хвольсон Д.А., Даньшин Д.И., Левинская И.А., Павленко Ю., Парамов Я. М.). Существование в этих городах синагог подтверждает наличие в них иудейских общин, о чем говорят так же некоторые юридические документы. Интерес в данном случае представляет факт принятия иудаизма не евреями (прозелиты), что в дальнейшем, по-видимому, стало явлением не редким. Со II-III в. н.э. значительно увеличивается еврейское населения в рассматриваемом регионе и, по- видимому, к этому времени относится появление иудеев в Подонье (Танаис). Падение Римской империи и нашествия варваров в какой-то мере, отразилось на судьбе, расселившихся в Причерноморье иудеев, однако их общины в регионе сохранились. Становление Византии, рост торговых связей с регионом Северного Причерноморья, дал возможность расширения ремесленного производства в Крыму и сохранению, а возможно и росту, населения в захиревших городах Тамани (Феофан, см. также: Полак А., Артамонов М.И., Гумилев Л.Н). Преследование евреев в Византии Ираклием, еще в 20-х годах VII в., а затем и Львом III Исавром, стало одной из основных причин усиления притока евреев в Крым, Фанагорию и Хазарию (Артамонов М.И., Плетнева С.А.). Увеличение еврейских общин в Крыму и Приазовье в VIII-IX вв., связано также с ростом межконтинентальной торговли

* Опубликовано: Швецов М.Л. Евреи и Иудеи в Восточной Европе в эпоху раннего средневековья // Материалы ежегодной Международной междисциплинарной конференции по иудаике. – М. 1999.

по трасам Великого Шелкового Пути и расширения территории Хазарского Каганата (Ибн Хордадбех, см. также Прицак О., Голб Н., Новосельцев А.П.).

Проникновение иудеев с территории Сасанидской державы на земли нынешней Армении, Грузии и Азербайджана в первых столетиях н.э., известно на основе данных исторических хроник. Не исключено, что одним из регионов, откуда происходило так же переселение евреев вместе с христианами в III-IV вв., можно считать Каппадокию (Кесария). Одной из причин расширения притока еврейского населения из Сасанидского Ирана, явилось усиление при теснения иудеев в государстве, в особенности при подавлении движения Маздакидов (530 г. Артамонов М.И., Новосельцев А.П.). С территории Закавказья евреи распространяются в Предкавказье, заселяя не только земли Дагестана, но и Албании (Э.Газани см. Ф.Миллер). И если Газани описывает их как скотоводов (пастухов?), то материалы, приводимые Р.Геюшевым и Г. Кошкарлы с территории нынешнего Азербайджана, указывают на расцвет ремесленных и торговых поселений в период средневековья. По мнению А.П. Новосельцева, довольно рано иудеи расселяются в регионе Дагестана, формируя здесь ремесленные и торговые поселения. Рост экономического потенциала бывших переселенцев, расширение трасс торговых караванов, как через восточные (Дербент), так и западные коридоры (Мощевая Балка) Кавказа, связь с международными торговыми корпорациями, усилило экономическое значение иудеев в Восточной Европе, и сыграло важную роль в распространении иудаизма в степях между Волгой и Доном и возможно Днепром в VIII-IX веках.

Контроль над торговыми путями с Востока в Европу, уже в IX в., находился в руках еврейских купцов. Ибн Хордадбех отмечает, что "купцы-евреи, ездившие со своими товарами через Восточную Европу, Византию и другие страны, говорят по-арабски, по-персидски, по-румийски, на языке франков, по-андалусски и по-славянски". По-видимому, в числе маршрутов направления движения таких торговых караванов в Восточную Европу, необходимо учитывать и Среднеазиатское, пролегающее по восточному побережью Каспийского (Хазарского)моря, через Устюрт. Товары среднеазиатских рынков: шелк, красители, посуда, бирюза (Har-El M.), как и элементы культурного влияния, хорошо прослеживаемые в торевтике, украшениях, серебрянной посуде на материалах археологических памятников Восточноевропейской Степи.

Более чем полутысячелетнее проживание евреев и иудеев в Восточной Европе в эпоху раннего средневековья, оставило значительный вклад в культуре и истории его народов. Упадок Хазарского государства, изменение торговых трасс оказало негативное влияние на расселение евреев и иудеев. В XI-XII вв. они сохранили свои общины на Сев. Кавказе, Тамани, в Крыму, Киеве. Однако, уже в золотоордынскую эпоху, их поселения расширяются в Поволжье, в Приазовье, Азаке. Не смотря на изменение в политической обстановке, происшедшей в XIV в., значительная часть евреев и иудеев продолжала жить на этих землях в последующие века, усилившись и расширяясь за счет переселенцев с Западной Европы, частично слившись с другими народами история и культура которых сохранилась и сейчас.

Литература:

Артамонов М.И. История Хазар. Л. 1962.
Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М-Л., 1949.
Гарькави А.Я. Сказания еврейских писателей о хазарах и хазарском царстве. Спб., 1874.
Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. М., 1997.

Гумилев Л.Н. Киевская Русь и Степь. Л., 1998.
Кендель Ф. Очерки времен и событий. Иерусалим, 1988.
Коковцев П.К. Еврейско-Хазарская переписка в X веке. .Л., 1932.
Левинская И.А. Эпиграфические памятники..., Авт.реф. к.и.н.
Новосельцев А.П. Христианство, ислам и иудаизм в странах Восточной Европы и Кавказа в Средние века.//Древнейшие государства Восточной Европы. М., 1998.
Новосельцев А.П. Арабский географ Ибн Хардадбех о Восточной Европе// Древнейшие государства..,
Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
Павленко Ю. Иудейские общины Сев. Причерноморья позднеантичного времени // Євреї: історія та культура в Україні. Мат. конф. — К., 1997.
Петрухин В. Очерки хазарской археологии.Послесловие. М., 1999.
Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. М., 1999.
Полак А. Хазария (на иврите) Иерусалим, 1951.
Соломоник Э.М. Древнейшие еврейские поселения-общины в Крыму. Евреи Крыма-Симферополь, 1997.

М.Л. Швецов

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ЮГО-ВОСТОКЕ УКРАИНЫ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ*

В статье рассмотрена конфессиональная ситуация в регионе в эпоху раннего Средневековья. Ситуация отражает сложившуюся систему взаимоотношений в среде местного многонационального населения, исповедующего разные религиозные мировоззрения.

Для эпохи раннего Средневековья в Восточной Европе, частью которой является юго-восток Украины, наиболее характерным можно считать распространение языческих верований. Однако уже в V-VII веках, по-видимому, сюда проникали адепты великих монорелигий: христианства, иудаизма. Первые проповедники христианского учения пришли сюда, возможно, из Сирии через Кавказ, а также из Крыма, не исключая территорию Подунавья. В то же время представители другой древнейшей моноконфессии – иудаизма появляются здесь вместе с торговыми караванами из Переднего Востока через Среднюю Азию, Северный Кавказ (Мощевая Балка) и Тамань.

Однако широкое распространение этих конфессий, по-видимому, необходимо связывать с усилением Хазарского Каганата и ростом караванной торговли в степях Восточной Европы в период VIII-X вв. К этому же времени относятся первые упоминания о мусульманах и их появлении в регионе.

Вопрос о проникновении христианства и его распространении в исследуемом нами регионе отдельно не ставился в науке, а решался в общей схеме изучения появления этого учения в Восточной Европе и Украине. Так, еще Э. Сымонович, а за ним М. Брайчевский относили это явление к периоду существования племен Черняховской культуры, предлагая путь проникновения христианства из Западной Европы (точнее – из Подунавья) вместе с движением римских армий. Путь из Крыма неоднократно предлагался многими исследователями. Распространение христианского учения из указанных территорий не исключает восточный путь его продвижения через Среднюю Азию и Кавказ. Об этом говорят известия армянских и сирийских письменных источников. Широкое распространение христианства на землях, входящих в состав Хазарского Каганата, неоднократно рассматривалось специалистами.

В XI-XII веках сведения древнерусских летописей указывают на проживание в Подонцовье христианского населения [1]. Очень важно, что в данном случае это не абстрактное упоминание о территории, а конкретный факт с перечислением населенных пунктов (Балин, Сугров и Шарукань), находившихся в бассейне р. Северский Донец. Необходимо отметить и зафиксированное в летописи своеобразное христианское действие жителей г. Шаруканя, встретивших войско князя с «вином и рыбой.» [1]. Археологические источники XI-XII вв. подтверждают распространение христианства на указанной территории не только среди городского населения, но и сельского. Примером этого могут служить материалы раскопок христианского могильника на берегу Чернецкого [2] озера нынеш-

* Опубликовано: Швецов М.Л. Конфессиональные отношения на юго-востоке Украины в эпоху Средневековья // Наука, релігія, суспільство. №1. – Донецьк. 2001. С. 68-76.

него Краснолиманского района Донецкой области. Не исключено, что версия о возникновении Святогорского монастыря в XI-XII вв, предложенная П. Голубовским [3], близка к истине. Тогда необходимо учитывать, что появление топонима Святые Горы (Святое Место) приходится на более ранний период. С приходом на эти земли татаро-монгол и включением их в состав Золотой Орды христианское население продолжает существовать, несмотря на распространение здесь ислама, что подтверждается как письменными, так и археологическими источниками [4].

Проникновение ислама на территорию современной Украины начинается, по мнению специалистов, с X века, однако, возможно, и раньше. Одно из ранних упоминаний связано с событиями в Киеве («Диспут о вере»), другое – с появлением купцов-мусульман в Киеве. Не найдя поддержки в среде городского населения, ислам получает распространение среди кочевых племен [5]. Так, ал-Бекри рассказывает про удачную проповедь исламского миссионера среди печенегов [3], а спустя полстолетия аль Гарнати, находясь в Киеве (1150-1153), учит основам Корана печенегов, киевского князя [5]. Распространение учения Пророка среди населения Хазарского Каганата известно как по письменным, так и по археологическим источникам, хотя мало опубликованным до настоящего времени. В связи с приходом половцев в степи Восточной Европы, очевидно, уменьшается и распространение учения. Однако расширение торговых связей региона, в частности через Азак, участие кочевого населения края в событиях, происходящих на Кавказе, дают возможность говорить о наличии здесь мусульман.

Широкое распространение ислам получает на рассматриваемой территории в XIII-XIV веках. В этом случае хорошо известные сведения письменных источников прекрасно подтверждаются археологическими. Так, в бассейне р. Северский Донец, регион нынешнего Донецкого края, открыты поселения и города XIII-XIV веков (ус. Маяки, Сидорово, Богородичное [5], а в степи – не только отдельные захоронения [6], как в городе Донецке (Центральная поликлиника), но и целые грунтовые могильники, где языческий обряд сочетается с мусульманским (Мариуполь), Антропологический материал мусульманских могильников Подонцовья, по мнению профессора Т. Ходжаева, указывает на его значительную преемственность с более ранними материалами региона и синхронного населения Волжской Болгарии [8]. Как мы видим, распространение ислама на территорию юго-востока Украины проходило как из Востока (Волжская Болгария), так и из Крыма, и, по-видимому, носителями этого учения были не только купцы, но и проповедники, идущие в составе торговых караванов, что очень хорошо описано ибн Батутой [6]. Как уже было отмечено нами ранее, в состав торговых караванов входили адепты многих мировых конфессий – как христиан, мусульман, так и иудеев [10].

По мнению М.И. Артамонова, «евреи издавна жили в некоторых областях, входящих в состав Хазарии. Подтверждением этому являются еврейские надгробные памятники первых веков нашей эры» [9]. Большое влияние на распространение иудаизма среди нееврейского населения степи оказало принятие Хазарским каганом и его двором учения Моисея. Занимаясь трансконтинентальной торговлей между Востоком и Западом через Среднюю Азию и Причерноморье, евреи основывали торговые фактории во многих городах и портах Восточной Европы и Северного Кавказа (Дербент, Итиль, Тмутаракань, Тамань, Саркел, Азак, Киев), где проживали не только еврейские купцы, но и работали евреи-ремесленники [10]. Подтверждение данных письменных источников (Еврейско-хазарская переписка, ибн Хардобег, ибн Батута и др.) мы находим среди археологических [7]. Мало что изменилось в эпоху Золотой Орды в XШ – XIV вв. По-видимому, к ним можно отнести сообщение Иосифа Барбаро о колонии евреев и иудеев в г. Азаке, находившейся между

колониями венецианцев и генуэзцев, заселенной торговыми людьми и ремесленниками. Духовный и религиозный мир этих людей хорошо иллюстрирует цитата Эльдада Газани «Они занимаются Торой днем и ночью и исполняют стих. И да поучитесь в ней денно и ночно. Они ни с кем не воюют, кроме войны из-за Торы. Живут они в покое и спокойствии» (Гарькави) [10].

Приведенная конфессиональная ситуация в регионе в эпоху раннего Средневековья характерна не только для описанного выше сюжета, а отражает сложившуюся систему взаимоотношений в среде местного многонационального населения, исповедующего разные религиозные мировоззрения. Политика веротерпимости, проводимая центральной властью, столь характерная как для хазарской, так и для золотоордынской эпох, в первую очередь обуславливалась экономическими причинами и тем геополитическим положением, который занимал регион, рассматриваемый нами. Это явление, широко известное в мировой практике, влекло за собой не только демографический, но и экономический эффект, который выразился в росте населения края в эту эпоху (Т. Ходжаев) и появлении городов на берегах Северского Донца [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Полное собрание русских летописей / под редакцией Лихачева. М.: Наука, 1962. – Т2. – стлб. 266.
2. Швецов М.Л. Могильник Зливки. Проблеми на прабългарската история и культура. – София, 1990.
3. Голубовский П.В. Печенеги, тюрки, половцы до нашествия татар. – К., 1884. (см. также Куник А., Розен В. Известия аль Бекри и других авторов о Руси и славянах. – СПб,1878).
4. Швецов М.Л. К вопросу о заселении Подонцовья в IV-ХШ вв. Тезисы областного семинара «Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе». – Донецк, 1987.
5. Полотнюк Я.И. Мусульманская архитектура на территории Украины. – Релігія в Україні. – Львів, 1994.
6. Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде. – Харьков, 1902.
7. Ибн Батута Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – СПб, 1884.
8. Швецов М.Л. Трассы Великого Шелкового Пути во взаимосвязи Востока и Запада. Формирование и развитие трасс Великого Шелкового пути в Центральной Азии в древности и Средневековье. Ташкент, 1990.
9. Артамонов М.И. История Хазар. – Л., 1962. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М.,1990. Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. **- М.,** 1997.
10. Гарькави А.Я. Сказания еврейских писателей о хазарии и хазарском царстве. – СПб., 1874.

М.Л. Швецов

О ВРЕМЕНИ И ПУТЯХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИСЛАМА НА ЮГО-ВОСТОКЕ УКРАИНЫ*

Степные просторы Восточной Европы, неотъемлемой частью которых является современная юго-восточная Украина, представляли собой связующее звено между Западной Европой и Востоком, являясь своеобразной ареной исторических событий. Входя в Великий пояс Степи, сей регион был подвержен постоянным движениям как кочевого, так и оседлого многоэтничного населения. Появление в Степи носителей Великих Истин – пророков, странствующих проповедников, дервишей, монахов, миссионеров – находило благодатную почву, куда сеялись семена Знаний, Веры, Истины. Если вопрос распространения в регионе христианства и язычества не вызывает сомнений и дискуссии касаются только сроков и путей их проникновения, то об источниках и памятниках, связанных с появлением ислама на востоке Украины, о путях проникновения, распространения его мы знаем мало. Древности ислама в Поволжье, в Подонье и Крыму хорошо освещены археологическими, эпиграфическими и письменными источниками. Необходимо отметить, что в общих вопросах исследований истории ислама в России и Украине учеными-востоковедами конца XIX – начала XX веков – Д. Яворницким, М. Грушевским, А. Крымским – уделялось определенное внимание и рассматриваемой территории Украины. Нельзя не назвать и современных востоковедов: Я. Дашкевича, Я. Полотнюка, А. Колесникова, В. Рыбалко, В. Лубского, Н. Кирюшко, посвятивших свою жизнь исследованию мира ислама в Украине [1, с. 27-34]. Проведение во Львове более 20 научных международных конференций по истории религии в Украине (1990-2010) дало значимые результаты в решении рассматриваемой темы. В 1995 году на заседании секции «Східні релігії» данной конференции нами был поставлен вопрос о времени появления и исламских древностях юга-востока Украины [2, с. 503-505]. В дальнейшем мы вновь возвращались к данной теме [3].

Проникновение и распространение ислама на территории современной Украины начинается, по мнению специалистов, в X веке. В качестве одного из главных аргументов в пользу этой даты приводятся первые упоминания в древнерусских летописях о мусульманских проповедниках, относящиеся к X веку. Описывая религиозный диспут об истинной значимости Великих учений («выбор веры») в присутствии князя Владимира в 981 – 982 гг. и его выбор для Киевского государства, летопись одним из участников называет проповедника ислама (молу из Болгар), как считает Л. Гумилев. Летопись ярко описывает этот знаменитый сюжет из истории Киевской Руси. В диспуте принимали участие представители трех Великих учений: христианства, ислама и иудаизма. Еще более категоричен О. Прицак, считающий, что, «будучи новгородским князем (до 980 г.), Владимир Великий не только был заинтересован в поддержке хороших торговых связей с мусульманским купечеством Волжской Болгарии, которая, в свою очередь, была провинцией Хорезма». Ссылаясь на аль-Марвази (прибл. 1120 г.), О. Прицак считает, что «Владимир сам принял ислам» [4, с. 30-31]. В то же время проповедь среди кочевого населения степи могла существовать и

* Опубликовано: Швецов М.Л. О времени и путях распространения ислама на юго-востоке Украины // Матеріали І Міжнародної науково-практичної конференції «Іслам та ісламознавство в Україні». (Донецьк, 28 квітня 2011 року) – Донецьк : ІПШІ «Наука і освіта», 2011. С. 118-122.

ранее. Проповедники шли в степь вместе с торговыми караванами по Великому Шелковому Пути в Киев. П. Голубовский в 1884 г. писал, ссылаясь на данные ал-Бекре (ок. 400 г.х.), об удачной проповеди мусульманского проповедника среди печенегов [5], а по данным Л. Гумилева, это было в 1026 – 1027 годах. «Через 50 років ал-Гарнаті, перебуваючи в Київі, вчить основ Корану печенігів, які служили у війску київського князя» [2, с. 503- 505], [6]. Л. Гумилев относит эти события к 1034 году.

Как отмечено нами, распространение ислама в Поволжье, Подонье и в Крыму начиная с X – XI веков хорошо освещено письменными источниками и подтверждается археологически. К сожалению, древние авторы мало уделяли внимания нашему региону, а может, известия до нас не дошли (не сохранились). И если письменные источники не дают на сегодняшний день детального представления о времени и путях распространения ислама на юго-востоке Украины, то археологические и эпиграфические источники дают возможность говорить о проживании мусульман в рассматриваемом регионе еще с XIII-XIV веков. Это не только отдельные находки арабских дирхемов, известных в материалах края с X века, но и захоронения мусульман под отдельными курганами: на горе у г. Изюм [7], в г. Донецке (Сталино, центральная поликлиника, раскопки Н. Макаренко), Гусельщиково [8] и в больших могильниках у городов. Одной из уникальных находок можно назвать надгробную стелу в кургане у с. Гусельщиково, в Приазовье, с арабской надписью «Смерть покойного незабвенного напона Али Бек Тимур Булака, сына Али-Той Тимура (последовала) в год 781 Хиджры» [8, с. 38, 750]. Аналогичная стела с надписью «Велел сделать это Али Ад Дин сын Джамал ад Дина сына Али Тарази в день 11 шаваля из месяцев 734 года Хиджры» была обнаружена на горе Кременец под Изюмом [7, с. 10, т. 40]. Однако наиболее известным памятником в регионе в начале XX века стал открытый священником Спесивцевым комплекс строений у с. Райгородок Изюмского уезда. «Участок, окруженный валами, прямой чертой от г. Славянска на ЮЗЗ. Местность, расположенная между валами и с. Райгородок, называется «Городок». Следов укрепления здесь нет. Во время обработки земли выкапываются древние кирпичи, какие-то кирпичные фундаменты небольших зданий, изразцы и множество серебряных и медных монет татарских ханов XIII – XIV века. На южном конце поля существует холм. Крестьяне, раскопав траншею, нашли массу целого и разбитого кирпича, плиточный пол какого- то здания, несколько десятков прекрасных изразцов голубого цвета и каменное крыльцо или паперть, ведущее в здание с южной стороны. Возможно это остатки дворца или мечети» [9, с. 260, 263]. Как отметил В.А. Городцов на заседании Московского археологического общества, «в сообщении священника В. Спесивцева показано, что вблизи Райгородка существует мусульманский центр» [10, с. 260- 263], где «найдены 22 табаристанские монеты: 3 – серебряные, 18 – медных. А на 16 сажень, остатки от мечети или церкви. Кирпичи для стен и пола – квадратные и покрыты даже бирюзой» [10, с. 43]. Упоминается также «татарский городок 1356 – 1384 гг.» «Еще две кучи мусора на расстоянии вблизи Сорочина хутора, целый курган». В других источниках упомянуты «несколько монет Азовской орды и жилище кирпичной постройки». Нельзя не упомянуть о еще одной находке у Райгородка. Эго меч с арабской надписью, содержащей пожелание владельцу меча «эмиру Гарсъ- эд-дину, славы, счастья и господства» [9, с. 85, рис. 156, а-г], украшенный ажурным серебряным орнаментом, розетками и навершием с изображением лани и сокола. Хранится в Эрмитаже. По мнению М. Горелика, данный уникальный экземпляр именного оружия эмира Харис-ад-Дина изготовлен в Испании на заказ для его будущего хозяина [11, рис. 25,4].

Обследование в 30-е годы Н. Сибилевым городищ у сел Маяки, Сидорово, Тепленское и Татьяновка показало существование целого комплекса древностей этой эпохи. Даль-

нейшие раскопки В. Михеева на Царином городище у с. Маяки в 1966-1971 годы не только подтвердили идеи Н. Сибилева, но и открыли слои и захоронения золотоордынской эпохи. В 1988 – 1991 годах нами были исследованы на памятнике у с. Маяки могильники с многочисленными захоронениями по мусульманскому обряду, о чем и был прочитан доклад на конференции во Львове в 1995 и 1998 годах [2, с. 503-505], [3]. Продолжение полевых исследований на памятниках Подонцовья у с. Сидорово, Маяки показало проживание здесь мусульманского населения эпохи Средневековья в золотоордынскую эпоху.

Подводя итог нашему докладу, необходимо отметить: Представленные материалы показывают, что нельзя согласиться с мнением о невозможности определить ранние даты проникновения ислама на земли Украины и «об отсутствии имен, фактов, географических привязок на землях Руси- Украины» [12]. Да, элемент диффузии (постепенного распространения) в этом случае существует.

Появление и распространение ислама на землях юго- востока современной Украины обусловлено нахождением этих земель на трассах Великого Шелкового Пути, объединяющего Восток и Запад в эпоху Средневековья [12].

Нельзя не учитывать этнический фактор носителей этого учения, представленых тюркским и тюркоязычным населением, заселявшим эти земли с эпохи раннего Средневековья.

Литература

1. Кирюшко М.И. Питання вивчення ісламу в сучасній українській суспільствознавчій літературі // Історія релігій в Україні. Праці XII Міжнародної наукової конференції. Львів, 22-24 травня 2002.
2. Швецов М.Л. Нові матеріали до історії ісламу на Україні // Історія релігій на Україні. Тези повідомлень Міжнародного V круглого столу (Львів, 3-5 травня 1995). Ч. 5. Київ-Львів, 1995.
3. Швецов М.Л. Середньовічний мусульманський центр на Сіверському Дінці // Історія релігій в Україні. Праці Міжнародного VIII круглого столу, 11-13 травня 1998 р. Львів, 1998.
4. Прицак О.Й. Походження Русі. – К., 1997.
5. Полотнюк А.Е. Мусульманська культура на території сучасної України // Історія релігій в Україні. – К. – Львів, 1993.
6. Полотнюк Я.Е. Кримське ханство в контексті ідеологічного змісту мусульманської культури // Історія релігій в Україні. – К. – Львів.
7. Сибилев Н.В. Архив ВУАК, К. ф. 5, № 166, карточка № 51; он же: Древности Изюмщины, вып. 1, 1926 г. 1930 (1924).
8. Миллер А.А. ИАК, № 21-23,1902, с. 38; АЛЮР, Тр. XI1АС, 1905, с. 750.
9. Спесивцев. Находки в Райгородке, ТРХПАС. Т. 1,1905, см. также
10. ОАК за 1898 г.
11. Gorelik M. Oriental armour of the Near and Middle East from the 11-th to 15-th centuries as shown in works of art// Islands armsand armour, ad. By R. Elgood, London, 1979
12. Швецов М.Л. Степи Воосточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада. Трассы Великого Шелкового Пути, 1992.

М. Швецов, А. Жданов

ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ «МИФОВ О ПРОИСХОЖДЕНИИ» КАК РАННЯЯ ФОРМА ИНИЦИАЦИИ В АРХАИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ*

Любая мифология несет в себе время, когда происходили наиболее важные события, которые очень отличаются от позднего времени профанного (обычная временная протяженность). Для религиозного человека время является не однородным и не беспрерывным, оно всегда воспроизводит какое-либо «священное событие». В этом контексте следует обратить внимание на концепцию М. Элиаде, который уделял много внимания «мифам о происхождении», «начало всего». Данная концепция в своей основе содержит идею постоянного повторения мифического времени, в котором божественными сущностями предками, героями были даны жизненно-важные стереотипы. При выполнении которых, так или иначе, соблюдается социальная стабильность. «Ритуал не просто повторяет ритуал предыдущий (который сам является воспроизведением архитипа); он смежен ему и продолжает его периодическими или иным» [7, с. 291-292].

«Священное время по своей природе обратимо, в том смысле, что оно в буквальном смысле является первичным мифическим временем, преобразованным в настоящее…» [8, с. 48]. Таким образом, «начало всего» в мифологическом обществе можно считать началом человеческого общества вообще и поэтому эти мифы можно назвать «онтологическими» [1, с. 66].

Исходя из этого, можно даже теперь говорить о том, что онтологические мифы определяют собой и всю мифологическую систему, и структуру. Самой сакральной частью любой мифологии остается миф о сотворении человека, с этого момента время перестает быть аморфным. Для субъекта мифологической группы знание онтологических мифов обеспечивает не только жизнедеятельность, но и через определенную интеграцию дает возможность обладать искусством магического общения с духами и т.д.

Любой предмет или явление для субъекта мифологического общества является «участником» мифологической системы, так профанный миф онтологически, непосредственно через опыт, связаны с началом социума. Таким образом, сам миф является культурной парадигмой, которая организует и систематизирует человеческое бытие. Это можно понять только через определение, что с другой стороны есть факт, что объекты природы мыслятся и воспринимаются субъектом мифа только в контексте мифа. Исходя из этого, следует упомянуть также тот факт, что в большинстве мифологических обществ все предметы, вещи, природные явления, стороны света, небесные светила, цвет и т.д. – были разделены на такие классы, как члены самого общества. Леви-Брюль замечает: «…Здесь есть некоторая аналогия с тем, что мы отмечали по поводу ассоциированных тотемов и местного родства (local relationship), здесь обнаруживается умственная привычка, совершенно отличная от нашей заключающаяся в сближении и соединении существ главным образом по их мистическим сопричастностям» [4, с. 107-108]. Бранислав Малиновский в

* Опубликовано: Швецов М., Жданов А. Воспроизведение «мифов о происхождении» как ранняя форма инициации в архаических обществах // Філософські виміри сучасної соціальної реальності. Матеріали міжнародної наукової конференції. м.Донецьк, 14-16 квітня 2011 року. Т.І. Донецьк. 2011. С. 129-134.

своих прикладных антропологических исследованиях Новой Гвинеи, также замечает у местных племен похожие классификации. Он показывает, как онтологический миф влияет на социальный ранг первобытной группы. В данном мифе дана уже сама логика, по которой строится общественная взаимосвязь между представителями тотемов [6]. Таким образом, можно сделать заключение, что тотемизм и тотемная логика в широком смысле слова определяет социальную структуру мифологического общества. Другой знаменитый исследователь Э. Кассирер обращает внимание на тот факт, что данные мифологические классификации в определенной степени зависят от особых, не свойственных нам, знаковых и логических форм, данных в языке архаических племен. «Эти языковые феномены касаются той проблемы…, в них представлен особый тип классификации, весьма своеобразно отклоняющихся от знакомых нам логических норм образований норы и классов. Здесь перед нами совершенно другой способ членения и упорядочения наглядного содержания, нежели в теоретическом и эмпирическом, абстрактно-понятийном мышлении. Ибо в этой форме – там, где на первый взгляд вообще нет никакой логики, – обнаруживается самобытная закономерность. Возникшая точка зрения, на основании которой происходит сравнение в высшей степени, проводится через все части языка» [3, с. 197].

Таким образом, в этом отношении очень большое значение имеют онтологические или тотемные мифы, так как изначально определяют все формы языка, а, следовательно, практическую деятельность субъектов локальных мифологий.

Онтологические мифы определяют не только социальную структуру примитивных обществ, но и классифицируют в бытие предметы внешнего мира [4, с. 166]. Такая классификация, или как говорит Леви-Брюль – «система ассоциативных корреляций» [4, с. 166], делается практически необходимым для взаимосвязей в пределах данной мифологической конфигурации. Для субъекта данной конфигурации такая классификация помогает обладать определенным порядком.

Многие авторы исходят из того, что коль скоро в мифологической конфигурации существует очень четкая классификация объектов и их фиксация в бытие, то эти закономерности не меньше рациональные, нежели те, которыми пользуется современная цивилизация [1, с. 75]. Наиболее известными из этих авторов были К. Леви-Строс и К. Хюбнер. Эти авторы, если сказать в общих чертах, настаивали на том, что классификация, существующая в пределах мифологической конфигурации, определяет логику, по которой развиваются религиозные и светские институты. В частности, Леви-Строс обращал внимание на тот факт, что данные классификации имеют очень близкое по своей структуре логические взаимосвязи с научными [5]. Можно сделать вывод о том, что они также являются не меньше рациональными. Ориентация субъекта мифа полностью зависит от организации элементов и объектов самого мифа, это и отличает субъекта мифического сообщества от субъекта нашей цивилизации. Также следует обратить внимание на тот факт, что интенция субъекта мифа в основном направлена на свои тотемные истоки – первопредки, герои, умершие родичи, духи и т.д.

С другой стороны, субъектом мифа постоянно двигало желание «обладать» и «использовать» в полезных целях силы природы [1, с. 77]. Миф, таким образом, имеет статус реальности, если его схему действий и саму структуру в начальном виде принимать буквально.

Для субъекта первобытных обществ миф приводит окружающую действительность в порядок, выступает залогом развития общества и критерием социальной практики.

Сакральные мифы или мифы о происхождении не есть просто архивными носителями информации в памяти сообщества. Они имеют более актуальное значение – они являются инициаторами ритуала. Здесь необходимо вспомнить концепцию М. Элиаде, в

которой ритуал для мифологического коллектива имеет очень важное значение, так как он постоянно при его исполнении возвращает в «начало всего» [8, с. 55].

В своих работах М. Элиаде показал, что ритуал для архаического мышления выполняет функцию «возвращения», в священное время именно ритуал онтологично связан с окружающим миром, так как воспроизводит бытие предметов или прототипы действий, данные богом, героем в начале времени. М. Элиаде наиболее удачно раскрыл сущность и структуру ритуала на примере действующих ритуалов австралийских аборигенов, он делает замечание, что ритуалы, которые связаны с онтологическими мифами, имеют наибольшее значение для социальной организации этих племен. Возвращение к «действиям в начале времени» есть залог существования мира сегодня. Ежегодное повторение космогонии в Вавилоне во время церемонии akitu, которая происходила в последние дни старого и первые дни Нового года, торжественно динамировали «Поэму о сотворении» [8, с. 53].

Любое явление, которое имеет место в социальной жизни примитивных обществ должно сопоставляться с мифом, найти свое место в его онтологии. Также следует сказать, что факт рождения ребенка и его социализация также должно иметь место в контексте с онтологией мифа. Так называемые возрастные и половые инициации при их полноценном исполнении подключают человека к социальной жизни через миф [9, с. 12-13].

Выполнение обряда инициации дает новому субъекту общества определенный антропологический и экзистенциальный статус, инициация, таким образом, дает залог не оказаться вне мифа, что равносильно небытию и погибели [1, с. 80].

В определенном смысле инициация заключается в том, что субъект должен совершить те действия, которые совершил первопредок, герой или бог в «начале времени», создавая при этом данную культурную действительность, чтобы человеческое интенция онтологидировалась в этой действительности ему нужно совершить это действие – пройти обряд инициации. Это и выступает залогом социализации. После субъект становится полноправным носителем племенного тотема – это дает ему возможность вхождения в мифологический мир. Рождение человека, таким образом, вообще дает определенный ритм и баланс в мифологических обществах, а если рождается наследник трона или сын вождя — это событие приравнивается к Вселенскому, так нас обеспечивает тема социального развития [1, с. 81-82]. Так как вожди имеют космическое значение, появление нового вождя подразумевает будущее обновление бытия.

Вообще тема обновленного бытия в мифологических системах довольно актуально. Изначальный смысл празднования Нового Года определяется двумя важными факторами: ежегодное повторение космологии; обновление старого мира. По поводу последнего следует заметить, что очень часто «обновление старого мира» сопровождается карнавальными праздниками и танцами, что символизирует – «возврат к хаосу», можно вспомнить праздник Диониса в Греции [2, с. 45-48].

Ритуал несет в себе не только временной контекст. Те процессы, которые сводятся к построению Храма, святилища, города или жилища в мифологических сообществах всегда имеет свой космологический архитип, прообраз которого уводит в мифологические времена. На этом моменте принципиально делал акцент Элиаде. Субъект первобытного сообщества по-другому ориентирован в пространстве, нежели субъект нашей цивилизации. «Понятие причины и следствия должно «схематизироваться» в созерцании, оно должно создать себе пространственный или временной коррелят и образ» [3, с. 222].

Здесь Кассирер вслед за Кантом выводит априорные основы пространства и времени – причина и следствие. Что характерно для ментальности нашей цивилизации. Наше представление о пространстве всегда априорно. «Мы не можем помыслить никакой нити,

не протянув ее мысленно, никакой окружности не описав ее, а три измерения пространства не можем себе представить, не выводя из одной и той же точки три перпендикулярные друг другу линии» [3, с. 223]. Мифическая причинность еще больше придается в схематизации, чем научная; она не только все время возвращается к конкретному чувственному опыту, но и полностью в нем растворяется. «Если пространство растворяется в силе, то в астрологическом мышлении – сила в пространстве» [3, с. 225].

Кассирер здесь делает вывод, что мифологическое понимание пространства имеет другое основание, нежели в современной цивилизации. В мифическом пространстве легко уживаются вещи, исключающие друг друга. Здесь априорные положения не имеют такого значения как в нашей цивилизации.

Также необходимо обратить внимание на слова Элиаде: «Ландшафт, в котором живет субъект мифологического сообщества, одушевлен и наполнен божественным присутствием, т.е. каждый элемент имеет большое значение и насыщен «человеческой историей» [10, с. 337].

Исходя из этого, жизнь примитивного человека постоянно мотивируется мифом, через ритуальные действия. Он обеспечивает легитимный вход к мифологическим пластам культуры, а это в определенном смысле дает залог выживания, т.е. приобретение социального статуса. Таким образом, онтология мифа является двигателем социального развития и определяет его структуру.

Литература

1. Білокабильський О. Від науки до міфу. Онтологічні дослідження. Д.: «Апекс», 2004 – 204 с.
2. Генон Р. О смысле «карнавальных» праздников.Вопросы философии, 1991/4
3. Кассирер Э.Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарика, 1998 – 784 с
4. Леви-Брюль Л.Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика – Пресс, 1999 – 608 с.
5. Леви-Строс К.Первобытное мышление. М.: Книжный клуб, 1999 – 352 с.
6. Малиновский Б. Динамика культуры. М.: РПЭ, 2004 – 959 с.
7. Элиаде М. Трактат по истории религии. В 2-т. Т-2 СПб.: Алетейя, 2000 – 394 с.
8. Элиаде М. Священное и мирское. М.: МГУ, 1994 – 144 с.
9. Элиаде М. Тайные общества: обряды инициации и посвящения. К.: София, 2002 – 352 с.
10. Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. М.: Ладомир, 1999 – 488 с.

М.Швецов, А. Жданов

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СОФИИ В РУССКОЙ МЫСЛИ

Начало XX и начало XXI века во многом созвучны в нашей истории. Сегодня, как и век назад, Украина стоит на перепутье, в поисках очередной национальной идеи, новых идеалов, ибо старые, коммунистические, попраны, а новые, по преимуществу, западные, плохо соотносятся с нашей ментальностью. Поэтому ответ на традиционный вопрос: «Что делать?» закономерно искать в творчестве отечественных авторов, и в первую очередь, философов рубежа XIX- XX в.в., наследие которых далеко не в полной мере востребовано современниками. Именно поэтому современная философско-культурологическая мысль во многом вернулась к проблемам начала XX века: проблема свободы и вседозволенности, культуры и цивилизации, проблема взаимодействия с остальным миром, проблема зла, насилия и гуманизма и т.д. Многие исследователи отмечают, что сегодня идет процесс национальной самоидентификации. В понимании этого термина нам наиболее близка точка зрения А.В. Иванова, который считает, что национальная самоидентификация это «существование у индивида эталонно-идеальных представлений о своей культурно-национальной принадлежности, с которыми он соотносит свое реальное повседневное поведение». Как известно, каждая эпоха характеризуется своим типом мироотношения. XX век строился на атеистической ментальности, в которой человек воспринимался как конечное существо, живущее здесь и сейчас, для него существовал только этот, земной мир, земная реальность. А это не могло не повлиять на отношение человека к миру, да и к самому себе. Человек подменил собой Бога. Следствием этого становится духовная деградация человека и общества. Попытка переделать мир обернулась серьезными проблемами, а потому в сознании человека XXI века ощущается потребность в новом осмыслении утраченных ценностей. Они, заново осмысленные сквозь призму трагического опыта XX века, призваны лечь в основание нового духовного возрождения. Сегодня, в условиях социального, экономического кризиса, глобального переосмысления истории страны, утраты государством ведущего геополитического положения в мире потребность в глубинной и обстоятельной рефлексии над фундаментальными основаниями и целями национально-культурного бытия приобретает для личности и для всего общества острейший, жизненноважный характер.

Возникновение в философии и в богословии, «спора о Софии» не случайно. Это явление закономерное для того пути, которым в своем развитии последовала европейская мысль.

Запутанность этого важного догматического вопроса не разрешается в простоте односложных аргументов. Образ Софии как женственного начала, олицетворяющего связь между миром божественным и материальным, несотворенным и сотворенным, восходит к книге Притч Соломоновых: «Господь имел меня началом пути Своего, прежде созданий своих, искони: От века я помазана, от начала, прежде бытия земли». Именно эти слова легли в основание учения Каббалы о Hokhmah, Премудрости Божией.

* Опубликовано: Швецов М., Жданов А. Религиозно-философская интерпретация Софии в русской мысли //

Итак, основной задачей, стоящей перед культурой сегодня, является новое осмысление традиционных духовных ценностей, в том числе софийных истоков культуры. Один из путей осознания этого - анализ разных сфер русской культуры и, прежде всего, ее наивысших достижений. Представления о Софии связаны с платоновским миром идей: «София есть выраженная, осуществленная идея... София есть тело Божие, материя Божества, проникнутая началом Божественного единства» (Вл.С.Соловьев). София является связью между Творцом и творением, являет Божественную премудрость в тварном мире, в космосе и человечестве, есть идеальное человечество. Видения Софии открывают красоту Божественного космоса и преображенного мира. Представления о Софии связаны с платоновским миром идей, наиболее отчетливо это заметно в диологи «Тимей». Философская разработка идеи Софии проводилась в трудах представителей русской религиозной философии: В.С. Соловьева, С.Н. и Е.Н. Трубецких, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского, Л.П. Карсавина, Н.О. Лосского и др.

Среди современных авторов, исследующих становление и развитие софиологии, можно назвать Н.К. Бонецкую, А.В. Иванова, А.П. Козырева, А.Ф. Управителева, С.С. Хоружего и др. В данных работах анализируются глубинные истоки категории Софии вообще и в русской культуре в частности, выявляются ее основные характеристики и оцениваются ее различные аспекты (онтологический, гносеологический, эстетический, эсхатологический и т.д.).

Наиболее близки к теме данного изложения труды авторов, таких как В.А. Воропаева, С.А. Гончарова, И.А. Есаулова, В.Н. Захарова, М.В. Лосской-Семон, А.М. Любомудрова, В.С. Непомнящего, Л.А. Пермяковой и др.

Исходные мотивы формирования русской софиологии

Русская софиология, которая в значительной степени развита в концепциях Вл. Соловьева и С. Булгакова, началом своего развития обязана двум источникам. Первый – это немецкая классическая философия, второй – это средоточение русских национальных идей, воплощенных в славянофильстве. Самым ярким представителем немецкой классической философии, который повлиял на русскую религиозную мысль бесспорно был Шеллинг. Конечно возникает вопрос – почему ни Кант, ни Фихте, ни Гегель, а именно Шеллинг, в большей степени влиял на русскую религиозную философию XIX в. Такие представители русской интеллигенции как Д.М. Воланский, А.И. Галич, Г.С. Батенков, П.В. Кериевский, П.Я. Чаадаев, В.Ф. Адоевский, В.Е. Тютчев, Д.В. Веневентипов, Н.В. Станкевич, А.А. Григорьев, А. Хомяков, либо были студентами и у Шеллинга, либо вели с ним переписку, либо были лично знакомы. Об этом свидетельствует деятельность московского «Общества любомудрия» собиравшегося в 20-е годы XIX в. [5; с.290].

Как известно самому Шеллингу принадлежит двойная заслуга перед философией. Во-первых, своей системой «транцендеитального идеализма» он способствовал развитие, идущих от Канта, априорных оснований познания, которые подхватил Гегель; во-вторых, он же первый стал критиковать классический транцендеитальный реализм за его спекулятивный характер, пытаясь сместить общефилософский интерес к искусству, поэзии и мифу.

Это последняя тенденция была краеугольным камнем его «Философии откровения». Русских религиозных мыслителей привлекала именно эта тенденция. Можно сказать даже больше – русская религиозная философия, в лице лучших своих представителей выбрала ту линию европейского «рационализированного» мистицизма, которая на Западе нашла себе гениальное завершение философии позднего Шеллинга.

Но следует также отметить следующее, вся ирония заключается в том, что Шеллинг в «Философия откровения» отказывается от такого разделения на «бытие» и «сущие» и

настаивает на том, что само «бытие» все-таки имеет в себе сущностную сторону или экзистенциальную, ту которая лежит за пределами понятия бытия и таким образом бытие все-таки является «непредмыслимым». Следует также отметить, что именно на этом пути открытом поздними работами Шеллинга М. Хайдеггер построил «фундаментальную онтологию», направленную на анализ «непредмысленного» бытия, неопределенного с системе логических понятий и первичного по отношению к сущему. Соловьев по-видимому этого не учел и тем самым впадает в традицию «отвлеченных начал».

Несмотря на эти различия поздняя философия Шеллинга в своей общей установке на критику рационализма, очень сильно повлияло на русскую религиозную философию и собственно говоря на софиологию. Это станет более понятным когда мы непосредственно начнем рассматривать концепцию Софии у Вл. Соловьева и С.Булгакова.

Вторым источником русской софиологии можно назвать славянофильства, так как этот культурный феномен представлял собой синтез славянских национально-черновных идей. Но прежде всего славянофильства представляет собой интерес тем, что определило ряд важных направлений в последующем развитии русской религиозной мысли. Наиболее влиятельной в этом отношении была концепция «Соборности», которая исходила из церковного сознания.

Софиологи использовали эту концепцию для определения «духовного организма» видимой и исторической своей плоти. Славянофильство в лице Хомякова как бы способствует этой тенденции и в значительной степени влияет на русскую софиологию. Исходным пунктом влияния, как было замечено, являлось понятие «Соборности», в свою очередь исходившее из церковного сознания. Хомяков мыслил Церковь как «духовный организм» – в единстве двух моментов – духовности и органичности заключена сущность Церкви, поэтому она не просто коллектив, не просто некая идея отвлечения или открытая во внешней жизни, а цельная духовная реальность, обнимающая в живом и конкретном единстве видимую и невидимую свою сторону. Именно поэтому Церковь как богочеловеческое единство и есть целостный организм.

Становится понятным, что именно эту тенденцию в дальнейшем использовали софиологи в разработке концепции Софии как всеединство. Таким образом, русская софиология во многом определяется двумя философскими традициями – немецкая классическая философия и славянофильство.

Интерпретация идеи Софии в концепциии Вл. Соловьева.

Те проблемы, которые пытался решить Вл. Соловьев в своей философской системе относительно полярности двух сторон Абсолюта способствовали формированию новой, наиболее необычной, интерпретации. В основе этой интерпретации Абсолют понимался как совокупность «существ», каждое из которых подобно конкретной человеческой личности. Несмотря на то, что соответствующая концепция не имеет ясного логического обоснования и искусственным образом возникает в системе исходных философских принципов, она помогает в какой-то степени синтезировать указанные выше полярные способы понимания.

Используя центральную идею Шеленгауэра, Соловьев рассматривает весь внешний мир как «представление» данное человеку в его познании. «Если то, что мы видим есть только представление, то из этого следует, что это представление не имело независимых от нас причин, которые мы видим». Обязательный же характер этого представления делает допущения этих причин необходимым… Но так же относительная реальность этих предметов и явлений, множественных и разнообразных, предполагаем взаимоотношение

или взаимодействие многих причин, то и производящая их сущность должна представлять некоторую множественность, так как в противном случае она не могла бы заключать достаточно основания, или причин, данных явлений.

Поэтому общая основа представляется необходимо как совокупность множества элементарных сущностей или причин «вечных и неизменных, сопоставляющих последнее основание всякой реальности, из которых всякие предметы, всякие явления, всякое реальное бытие слагается и на которые это реальное бытие может разлагаться. Сами же эти элементы, будучи вечными и неизменными, неразложимы и неделимы. Эти основные сущности и называются атомами, т.е. неделимыми» [6; с.50].

Подобно тому, как отдельные группы понятий (группы идей в их обычном логическом смысле) в нашем познании связаны друг с другом родо-видовыми отношениями, связанные между собой и отдельные группы элементарных «метафизических» существ. «Так является сложный организм существ; несколько таких организмов находят свой центр в другом существе с еще более общей и широкой идеей, являясь таким образом, частями или органами нового организма высшего порядка, отвечающего или покрывающего собою все низшие, к нему относящиеся. Так постепенно восходя, мы доходим до самой общей и широкой идеи, которая должна внутренне покрывать собою все остальные. Это есть идея безусловного блага, или точнее безусловной благости и любви» [6; с.56]. При этом весь организм существ также является не только идеей, но и существом – это и есть христианский Бог, или Христос.

Нетрудно видеть (это признает и сам Соловьев), что вся конструкция, изложенная только что, представляет собой версию платоновского идеального космоса, в котором каждая идея превращена в самостоятельное существо, обладающее сознанием (волей, мышлением, чувством)

И все-таки самая главная трудность по-прежнему связана с недостаточной ясностью представлений о том, что же такое Абсолют. Как уже говорилось, сама концепция «организма» метафизических существ вводится Соловьевым для того, чтобы сгладить явное противоречие между двумя определениями Абсолюта: Абсолюта-сущего как онтологически реальное всеединство и Абсолюта как абсолютного личностного начала, наиболее адекватно выражающегося в Софии, всеедином человечестве (но также и в полноте каждой отдельной личности). Однако противоположность этих подходов к Абсолюту настолько существенно, что веденное понятие оказывается не естественным их синтезом, а просто промежуточным, гибридным вариантом, механически соединяющим отдельные характеры двух основных. В результате в «Учениях о Богочеловечестве» обнаруживаются уже целых три (!) Абсолюта «или три подхода к Абсолюту». При этом третий «промежуточный» Абсолют (организм существ), с одной стороны, похож на первый Абсолют, поскольку подобно ему представляет собой всеединство – органическое объединение всего существующего. Но с другой стороны, поскольку в качестве частично существующегося признаются только метафизические существа (т.е. по сути личности), их единство оказывается в свою очередь существом – личностью, Христом; в этом смысле третий Абсолют подобен второму, в котором все человеческие личности понимаются как целостная свободная личность – София.

Исходя из этих двух интерпретаций Софии, которые делает Вл. Соловьев, необходимо сделать следующий вывод. Для того, чтобы использовать идею Софии как универсального всеединства, он опирается на фундаментальную идею тройственного понимания божественной сущности, которая характеризует все религиозные направления в европейской мысли, начиная с Платона, у которого эта тенденция представлена как: Благо, Истина и

Красота; далее в неоплатенизме где: Единое, Ум и Душа является вертикальной триадой; и три ипостаси Св. Троицы в христианстве: Отец, Сын и Св. Дух.

Вл. Соловьев не видит смысловой разницы между отдельными ипостасями этих триад. Платоновское «Благо», неоплатоническое «Единое» и христианский «Отец» для Соловьева имеют один смысловой статус как положительная потенция. Разница именно в историко-культурной интерпретации этого феномена в классической античности, Эллинизме и раннем Средневековье, разница в культурном языке и методах религиозного мышления, которые были присущи этим эпохам. Но для Соловьева это не является определяющим фактором. Сам факт наличия такой религиозной установки в истории европейской религиозной мысли Соловьев рассматривает как Промысел Божий. И поэтому вся софиология разрабатывается им формируясь вокруг тринитарной проблематики, а именно в попытках определить отношение между ипостасями-именами Божественного существа. И здесь Соловьев использует гностическую идею о том, что человек воспринимает ипостаси-имена Божества, как безусловную и абсолютную истину, как раз Софию-Премудрость как посредницу между миром людей и миром Божественный сущностей.

Заключение.

Делая общий вывод необходимо сказать, что смыслообраз Софии имеет несколько вариантов интерпретации в истории европейской мысли. В данном изложении мы показали основной спектр развития именно русской софиологической мысли. Наиболее заметной и разрабатываемой софиологическая проблематика становится в русской религиозной философии 19 века. Русская религиозная философия при своём формировании имела два источника: православная традиция и немецкий трансцендентальный идеализм. Это напоминает формирование патристики и иудейской традиции, и античной философии. Нетрудно понять, что чему соответсвует в этой аналогии. Русская социология наиболее детально разрабатывается Владимиром Соловьёвым, последующие философы так или иначе опирались на результаты его работы. Сам Соловьёв, видя необходимость рациональной интерпретации смыслообраза Софии, во многом опирается на платоновскую конструкцию идеального космоса, в котором каждая идиллия выступает как самостоятельное существо. Новизна Соловьёва состоит в том, что он пытается проводить интерпретацию в терминах европейской философии и использует методы трансцендентального идеализма, в частности которые были разработаны философией Шеллинга. Но основной мотив русской софиологии всё-таки заимствован из тринитарного богословия, а именно Святую Троицу Соловьёв интерпретирует как сам Промысел Божий и предел его откровения, его Премудрости. София-Премудрость получает, таким образом, вполне онтологический статус.

Литература

1. Антология Средневековой мысли (теория и философия европейского средневековья) в 2 т. – СПб.: РХГИ, т. 1. – 2001. – 539 с.; Т-2, 2002. – 685 с .
2. Булгаков С.Н. Свет невечерний. – М.: АСТ, 2001. – 672 с.
3. Виллер Э.А. Учение о Едином в античности и средневековье. – СПб.: Алетейя, 2002. – 668 с.
4. Григорий Богослов. Собрание творений. – М.: АСТ, 2000. – 832 с.
5. Гулыга А.В. Шеллинг. – М.: Мол. гвардия, 1982. – 317 с.
6. Евлампиев И.И. История русской метафизики в XIX-XX вв. Русская философия в поисках абсолюта. – СПб.: Алетейя, 2000. – 415 с.

7. Лосев А.Ф. Вл. Соловьев и его время. – М.: Прогресс, 1990. – 748 с.
8. Лосский И.О. История русской философии. – М.: Советский писатель, 1991. – 480 с.
9. Соловьев В.С. Собрание сочинений в 15 т. – М.:Логос, 1993. – Т.3. – 430 с.
10. Соловьев В.С. Чтение о Богочеловечестве. – СПб.: Азбука, 2000. – 384 с.
11. Трубецкой С.Н. Учение о логосе в его истории. – М.: АСТ, 2000. –
12. Флоровский Г. Пути русского богословия. – Вильнюс: Православная епархия, 1991. – 559 с.
13. Философский словарь. – Мн.: Скакун, 1998. – 893 с.
14. Философия. Учебник для вузов. – М.: Норма, 2005. – 928 с.

М.Л. Швецов

ПОЯВЛЕНИЕ И ПУТИ РАЗВИТИЯ БУДДИЗМА В СТЕПЯХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В VI–XV вв.*

Древнейшая мировая религия – буддизм, зародившись в Индии в IV в. до н.э., спустя столетие начала активно распространяться за пределы исторической родины. Во времена Греко-Бактрийского царства буддизм стал известен в Средней Азии, где сохранялся вплоть до Средневековья. По мнению Б. А. Литвинского, с I в. до н. э., а может быть и ранее, буддизм получил распространение в юго-восточной части Парфянского государства и вскоре проник в Маргианну. Кушанская империя объединила в своем составе целый ряд стран с различными культурными традициями, пестрым этническим составом и разными религиозными верованиями. Весьма значительным было влияние буддизма на все страны, вошедшие в состав этой державы. Покровительствуя буддийскому вероучению, правители, несомненно, способствовали проникновению его далеко на север своих владений. Известен целый ряд буддийских памятников, расположенных на территории Кабулистанна, Паропамисад и Бактрии. Наряду с широким распространением буддизма и вызванных им к жизни культовых памятников (ступы, монастыри, святилища, реликварии, тематические барельефы) повсюду в Кушанской империи большое значение сохранили различные местные культы и религиозные верования. Даже различные сооружения, связанные с буддизмом, испытывали влияние местных художественных и архитектурных традиций. Сильное влияние буддизма и сохранение древних местных культов нашло яркое отражение в археологических древностях. Раскопки буддийских памятников от первых веков нашей эры до XII в. дали богатый материал для изучения путей проникновения буддийского учения и особенностей его развития в этом регионе. Наряду с письменными источниками это свидетельствует о том, что буддизм, хотя не являлся государственной религией в Кушанском государстве, существовал там параллельно с зороастризмом, манихейством, христианством и языческими верованиями и все же имел на разных исторических этапах достаточно приверженцев, в том числе и среди правящей династии.

Необходимо отметить, что в немалой степени успеху буддизма способствовала гибкость и приспособляемость учения к местным условиям. Буддизм никогда не претендовал на исключительную роль в умах автохтонного населения, но зато и приверженцы вероучения Будды практически не испытывали давления со стороны завоевателей, например эфталитов, а позднее тюрок. Во время военных действий кое-где буддийские религиозные сооружения разрушались и грабились. Однако новому подъему буддизма в VII в. способствовали тюркские правители, подвергшиеся его влиянию еще до прихода в Среднюю Азию. Известен тот факт, что Тун-шеху дружелюбно встретил монаха-буддиста Сюань-Цзана и слушал его проповедь[1]. Хой Чао утверждает, что западнотюркские правители основывали монастыри и слыли ревностными буддистами. Хинаяна, по его сообщениям,

* Опубликовано: Швецов М.Л. Появление и пути развития буддизма в степях Восточной Европы в VI-XV вв. // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство. Пятые Доржиевские чтения «Буддизм и современный мир». Материалы конференции. Санкт-Петербург, 13-15 июня 2012 г. – СПб. : Гиперион. 2013. С. 120-128.

[1] *Litvinsky B.A.* Outline History of Buddhism in Central Asia. Dushanbe, 1968. С. 33 – 37.

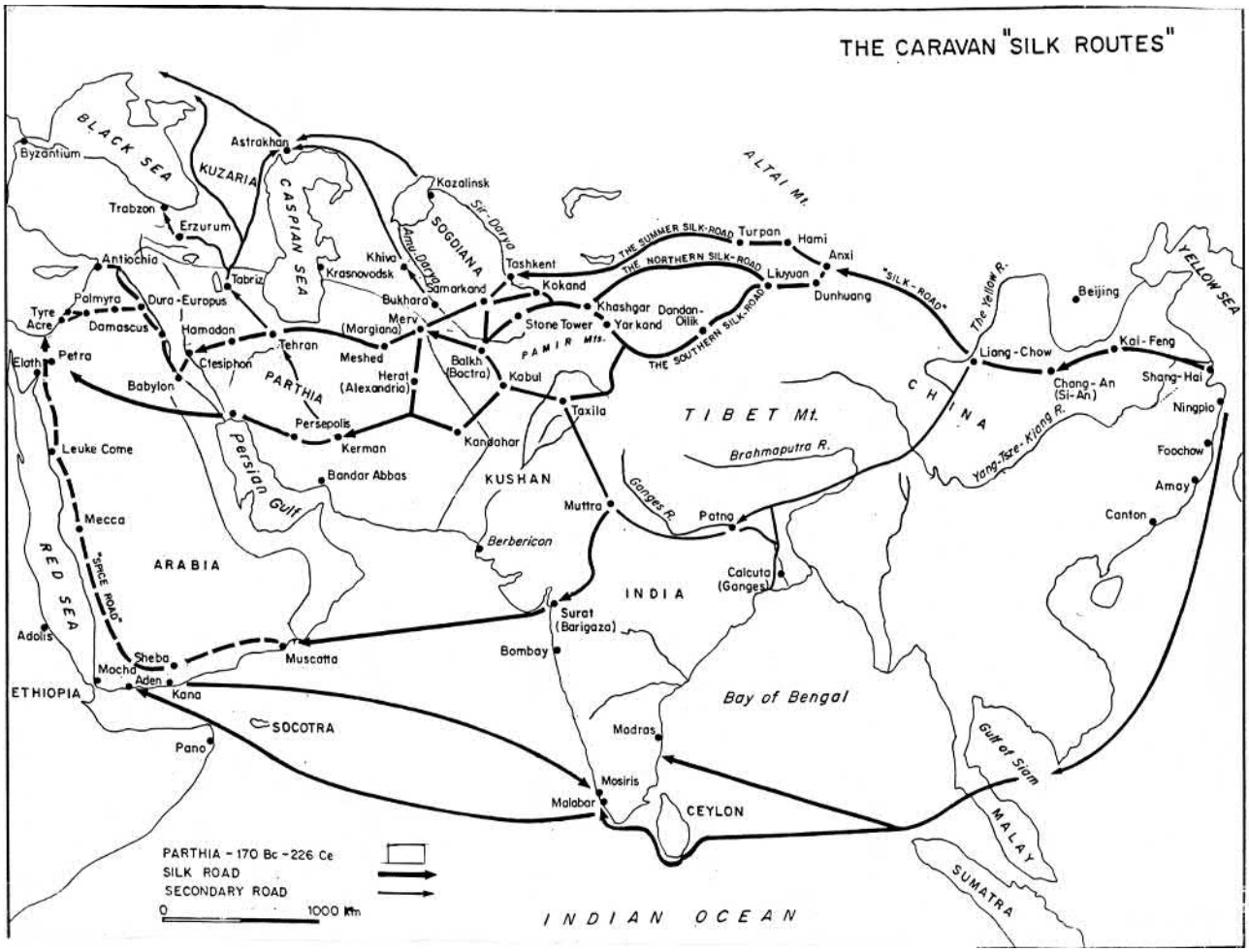


Рис. 1. Карта торговых маршрутов – Великого Шелкового Пути. (по Менахем хар-Эль) с небольшими добавлениями автора.

была распространена в Тохаристане. К VII в. относится строительство исследованных археологами памятников: монастырей Аджинатепа и Хиштепа, храма на Калаи Кафирниган, сооружения на Калаишадмон. В то время была перестроена ступа монастыря Шутурмулло в Кобадиане[2]. «Тюрки способствовали не только расцвету буддизма в Тохаристане, но и принесли из Восточного Туркестана в буддийское искусство полихромию. В частности, она отмечена для скульптуры храма на Калаи Кафирниган[3]».

По мнению О. Прицака, распространение буддийского учения у тюрок можно относить ко времени не раньше 550 г. н.э.[4] Выдвигая идею о создании тюрками своего варианта буддизма с переводом книг на местный язык, О. Прицак не исключает возможности знакомства с идеями буддизма и населения степей Восточной Европы и Боспора в более ранний период. Факт приезда готских и герульских торговцев в Индию во II веке н.э. позволяет предположить, что они могли познакомиться там с этим учением.

В свете этого очень интересно мнение Ю.А. Зуева об одном из сюжетов, приводимом Махмудом Кашгарским и имевшем хождение в его время (XI век): «Рассказ о дождевой

[2] *Латвийский Б.А., Зеймаль Т.И.* Аджина-Тепе. Архитектура. Живопись. Скульптура. М. 1971. С. 119, 186-203; *Зеймаль Т.И.* Буддийский комплекс Шутур-Мулло // Арт. 1986. Вып. 19(1979). С. 186 – 202.

[3] *Соловьев В. С.* Взаимодействие культур земледельцев и кочевников в раннесредневековом Тохаристане // Древние культуры Евразии: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.Н. Бернштама. СПб., 2010. С. 298-301.

[4] *Прицак О.* The Origin of Rus. Cambridge, Mas (Происхождение Руси). К., 1981. Т. 1, «Обереги», 1997. 1008 с.

туче за Ходжентской рекой, пролившей потоки воды на землю и грязи, которая оказалась непроходимой для войска Александра Македонского». Анализ сюжета: по мнению Ю.А. Зуева, «это закодированная информация о первом этапе распространения манихейской религии в тюркском мире[5]. Возносясь к Свету (стране богов), праведная душа манихейца омывается в дождевой туче, смывает весь земной грех, который вместе с дождем падает на землю и образует грязь. Грязь – материя, смешение Света и Мрака, и есть та субстанция, из которой порождается земной человек, а «строение» – это «школа», молельня юных послушников-манихеев. Второй раздел своей книги «О тюркском манихействе» Ю.А. Зуев рассматривает как опыт систематизации материала о внедрении и распространении этой мировой «религии Света» в тюркской Степи VI-X вв. На первых порах проповедниками были торговые согдийцы, главные на Великом шелковом пути, многочисленные дороги которого пронизывали весь континент. Торговля способствовала религиозной проповеди, а последняя становилась верной помощницей торговли. Принятие манихейства верхушкой большинства тюркских племен означало их приобщение к хозяйственным и культурным связям в масштабах континента[6]. По мнению Х. Гауссига, анализирующего движение народов в Степи в VI – VII вв., «народ Муагерис состоял из буддистов». И как подтверждение своего тезиса Х. Гаусссиг приводит факт существования у данного народа «идолов из благородных металлов», ссылаясь на Феофана[7]. Известны в монастырях также изображения бодхисатв, культ которых характерен для махаянистских направлений, но того исключительного положения, как раньше в Средней Азии, они не занимали.

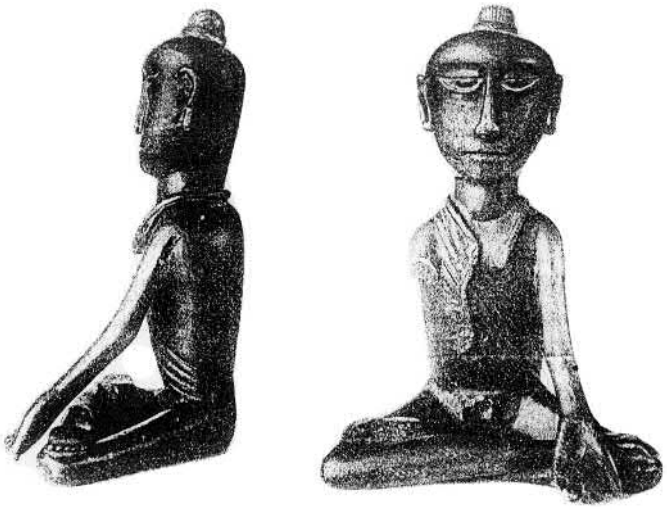


Рис. 2. Статуэтка из с. Стежек Козловского уезда Тамбовской губ. А Спицын

Арабское завоевание Средней Азии привело к утрате здесь позиций буддийского учения. И лишь на севере, за пределами влияния завоевателей, продолжали существовать буддийские монастыри и воздвигаться новые культовые постройки. В Семиречье и Восточном Туркестане к X в. буддизм вновь приобретает прежнее влияние, однако его возрождение было недолгим и не имело былого территориального размаха.

Из Средней Азии буддизм продвигался далее на север по южному (морскому) пути. По сухопутным трассам Великого шелкового пути, через земли парфянского, а позднее сасанидского Ирана, по степной дороге, ведущей из северных районов Средней Азии, через Казахстан, вдоль Узбоя и северных берегов Каспийского моря в низовья Волги и к берегам Черного моря[8]. Другая дорога, в Северное Причерноморье, шла через Кавказ, вдоль Куры и севернее, где фиксируется прохождение караванов и найдены предметы буддийского культа. Об одном из наиболее реальных путей на запад свидетельствует «находка комплекса китайского купца в историко- культурном памятнике VII – IX вв. „Мощевая Балка».

---

[5] *Зуев Ю.А*. Ранние тюрки: очерк истории и идеологии. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 3338 с. С. 9.

[6] *Зуев*, 2002, с. 10-11.

[7] *Haussig H.W*. 1984, 1987.

[8] *Stavisky, B*. The Fate of Buddhism in Middle Asia in the Light of Archeological Data. Silk Road Art Archeology. 3. Kamakura. 1993/1994. С. 110- 138.

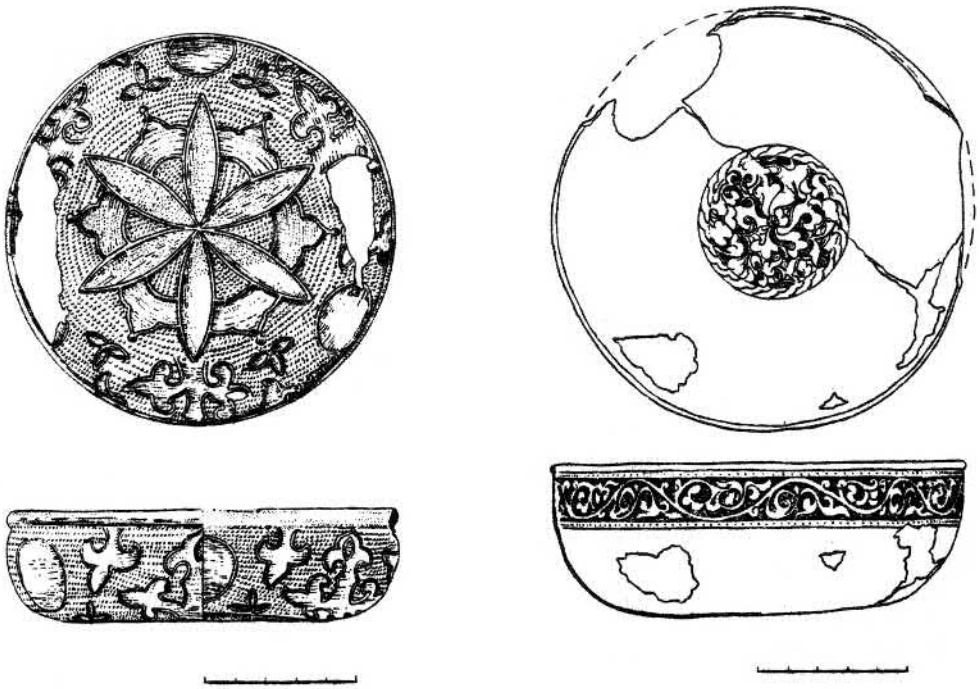


Рис. 3. Серебряные чаши с изображением лотоса. Материалы из курганных захоронений Хазарской эпохи. Нижний Дон.

В состав комплекса находок, по Веселовскому, входят: документ (расписка?), фрагмент буддийской иконы «Чистая земля Будды Амитабхи», фрагмент документа религиозного содержания (возможно, сутры). Фрагмент обкладки для рукописи, фрагмент буддийского плетения (?). Весь комплекс датируется VIII ст. и атрибутирован как китайский[9]. Преобладание предметов религиозного характера позволяет предположить, что владельцем их мог являться не «китайский купец», а монах, выполняющий некоторые деловые поручения (смотри «расписка»), который мог проповедовать и распространять учение. Бытование на любой территории какой-либо религиозной системы, учения или школы оставляет следы в материальной и духовной культуре данного общества. Поэтому важно выделить присущие в данном случае буддийскому вероучению элементы символики. Это числовые композиции и сюжеты, соответствующие геометрическим фигурам, изображения отдельных или групп животных, тесно связанные с предметами культа, характерные для учения; они применялись в мандалах, иконах и, возможно, при строительстве культовых сооружений (рис. 5).

Расширение торговых путей, по мнению специалистов, является характерным для эпохи раннего Средневековья в степной зоне Восточной Европы (рис. 1). На это указывает не только появление в материалах письменных источников описаний трасс торговых караванов, характеристики торговых центров и дорожников, расширение информационных источников и разнообразие товаров. Несомненно, что с торговыми караванами путешествовали адепты разных религий (монахи, миряне), которые знакомили жителей соседних стран и государств со своими учениями. Так как буддийские религиозные традиции не требуют комплексов для выполнения сложных ритуалов и уделяют боль-

[9] *Веселовский*, 1901, материалы из сборов: Кз5121/1-5. Цветная иллюстрация 16, Китай, VIII в., бумага, тушь. Фрагмент буддийской иконки 2 «Чистая земля Будды Амитабхи». Фрагмент буддийского флажка (кожа, бумага, шелк). *Иерусалимская А.Ю*. Кавказ на Шелковом Пути. Каталог. СПб., 1992. С. 72, фото 16.

шое внимание распространению учения, то такие путешествия буддистов представляются вполне вероятными. Известны многочисленные находки предметов сасанидского производства, привозимых караванами, и особенно серебряной посуды. Знаковым элементам данного товара присущи сюжеты с конкретной буддийской символикой[10], с широким распространением отдельных культовых сюжетов и композиций. Наиболее часто из таких композиций встречались геометрические фигуры: треугольник, четырехугольник с центром или без него, восьмиугольник, двенадцатиугольник, пустой круг. Именно в эпоху раннего Средневековья, в период Хазарского каганата, а возможно и раньше, в степях появляется художественный стиль, несущий в себе восточные традиции (рис. 3). Это изображения лотоса, горы и сочетания вписанных геометрических фигур на ювелирных изделиях, поясных наборах, посуде, украшениях сбруи. Так, большое количество собранного материала с данным сюжетом (500 единиц) позволило выделить Н.А. Фоняковой в отдельный параграф исследования: «Лотос в растительном орнаменте металлических изделий салтово-маяцкой культуры VIII – X веков»[11] при изучении прикладного искусства Хазарии. Автор указывает, что происхождение этого мотива В. Арендт связывал с искусством эпохи Тан, и приводит другие мнения. М.И. Артамонов вслед за Т. Арне считал, что мотивы растительного орнамента были заимствованы из Ирана, а Б.И. Маршак и А.П. Гадло связывают салтовские мотивы с согдийским или хорасанским бутоном лотоса, широко представленным в серебре этого круга древностей[12]. Интересно в данном случае также наличие на поясной пряжке из погребения хазарского времени в Подонье изображения «бабочки-совки», характерного атрибута символики буддистов. С. Дончев, рассматривая распространение культуры протоболгар в степях Восточной Европы, на примере анализа графических символов выделяет целый пласт характерных изображений лотоса, «прадеда и мандалы» (рис. 5), находя аналогии в буддийской символике[13]. К объектам с характерной буддийской символикой можно добавить украшение уздечного набора из погребений, открытых в Донбассе[14]. Одну из интереснейших находок – статуэтку

Рис. 4. «М 684. Статуэтка Будды сидящего на ветке лотоса»

«Статуэтка Бурхана найдена на ст. Росава Курской при копке земли на глубине 1,5м»

[10] *Смирнов Я.И.* Атлас древней серебряной, золотой посуды восточного происхождения, найденной в пределах Российской империи. СПб., 1901. С. 18., табл. 130, Чаша 43.

[11] *Фонякова (Чувило) Н.А.* Прикладное искусство Хазарии второй половины VIII – X вв. По материалам художественной металлообработки. Казань. Bibliotheca Tatarica, 2010. С. 166, рис. 18-22,25-26,28,32.

[12] *Фонякова (Чувило)*, 2010. С. 50-52.

[13] *Дончев С.Г.* Към въпроса за происхода к най-ранната поява на струните лъкови инструмента в Европа. Музикални хоризонти. Бюлитин 3. София, Болгария, 1984. Он же. К вопросу о происхождении струнных смычковых инструментов и наиболее раннем появлении их в Европе // Вопросы истории и теории искусств. Чебоксары, 1992. С. 44 – 47.

[14] *Швецов М., Петровская А.* О возможности проникновения буддизма в восточноевропейские степи в эпоху раннего средневековья // История религий в Украине. Материалы VIII международного круглого стола. 11-13 мая 1998 г. Львов, 1998. С. 287-288.

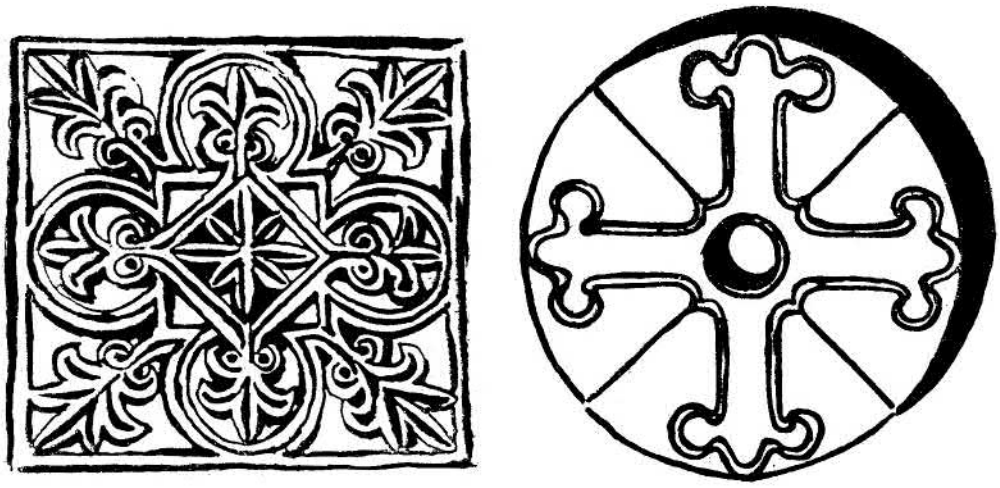


Рис.5. а-Мандала на мраморной плите из преславского дворца; б-мандала на крыше юрты (по С.Дончеву).

Будды, связанную с торговыми путями в Европу, можно считать уникальной. Найденная на раннесредневековом поселении Хельго, расположенном на запад от Стокгольма, на одном из небольших островов озера Мелорен (Швеция), статуэтка известна давно. По мнению Д. Аренса, она происходит из Восточного Туркестана. Изготовлена в пределах V ст. н. э. и по Великому шелковому пути попала в Сирию, а в дальнейшем, на кораблях арабов или викингов, в VII ст. в Швецию. Будду с Хельго связывают также с «кашмирскими бронзами», массовое изготовление которых относят к VII ст.[15] Мы не исключаем возможности, что, в соответствии с идеей Д. Аренса о морском участке пути, статуэтка на кораблях арабов или викингов попала в Хельго, однако считаем, что сухопутный путь более реален. Еще А. Спицын в «Известиях императорской археологической комиссии» опубликовал несколько буддийских статуэток из находок в степной и Центральной России[16]. Не менее интересна находка «древней буддийской статуэтки факира из Тамбовской губернии, найденной в 1900 году у с. Стежек Козловского уезда этой же губернии»[17]. К этой же группе находок можно, по-видимому, отнести вырезанную из минерала статуэтку Будды из фондов Донецкого краеведческого музея[18] (рис. 8). Интересно в данном случае определение Ю.И. Елихиной данной статуэтки, «как китайского божества долголетия – Шоу Син, известного под разными именами у разных народов, монгольский Белый старец».

Важно, что хронология распространения учения в Степи, по-видимому, совпадает с событиями, происходящими на его родине. Как отмечает А. Берзин, «в начале девятого века было переведено много буддистских текстов и составлен санскритско-тибетский словарь. В середине девятого века началось гонение на буддизм»[19]. Лангдарма закрыл монастыри, он вовсе не уничтожил буддизм. Буддизм продолжал развиваться, и Атиша, прибыв в Тибет спустя столетие, нашел буддийские библиотеки нетронутыми. Возможно, как и в случае с событиями, происходившими в Бактрии во времена арабского вторжения

[15] *Завьялов В.А.* К вопросу о происхождении статуэтки Будды из Хельго. Археологические вести №4, 1995. С. 137 – 140.

[16] *Спицын А.* Известия императорской археологической комиссии. Вып. 53. Петроград, 1914. С. 130, Рис.

[17] Известия, с. 16.

[18] Статуэтка Будды из фондов ДОКМ (Путиловка, 1951 г.).

[19] *Берзин А.* Избранные труды по буддизму и тибетологии. Ч. I. М.: Открытый мир, 2005, «Самадхи». 160 с. С. 21 – 22.

и распространения ислама, уход носителей веры и выплеск учения распространился не только на север и восток, что отмечено в материалах[20], но и на запад в Степи. И все же основным путем и способом распространения учения являлась международная торговля. По мнению М.Ф. Албедиль, «главной ареной становления связей между двумя странами поначалу была торговля, осуществлявшаяся через Поволжье. Русские[21] и индийские купцы могли встречаться и в хазарском Итиле, и в Булгаре, и в других местах оживленного волжско-каспийского пути. В эпоху Золотой Орды Русь была уже основательно вовлечена в интенсивный торговый обмен с Востоком, а в ордынской столице Сарай-Бату соседствовали русские и индийские базары и, надо полагать, индийские „бусурманы» рассказывали нашим средневековым соотечественникам немало интересного об индийских чудесах и богатствах, да и русским было чем удивить заморских „гостей“»[22]. Не одно поколение наших предков зачитывалось сказаниями о Рахманьском острове – стране брахманов и индийском царстве, о царевиче Иоасафе, в образе которого явно угадывается Будда. Упоминание о праведной жизни «рахманов» встречается еще в Несторовой летописи со ссылкой на хронику Георгия Амортола. Стоит лишь указать, для примера, найденную сравнительно недавно в Кубани статуэтку джайнского святого, датируемую XI – XVII вв.[23] Интересна найденная в 1960-х гг. в валу Азовской крепости группа предметов, среди которых находилась медная статуэтка Будды и крышка от сосуда с благопожелательной надписью XIV в. К сожалению, мы не располагаем изображениями этих предметов и сведениями об их сегодняшнем местонахождении. Однако нам не представляется возможным, что статуэтку Будды мог хранить у себя человек, не имеющий отношения к буддийской религии. Возможно, хозяином статуэтки из Азова тоже являлся торговец.

Рис. 6. Фото сатуэтки Будды (?) в одеянии XIV в. Материалы из Приазовья Донецкая область

Рис. 7. Зеркало с изображением Будды. Эпоха Золотой Орды.

В половецкую, а затем и в золотоордынскую эпоху распространение учения Будды явно расширилось. По мнению А. Берзина, анализирующего развитие разных школ тибетского буддизма, «линия сакья берет свое начало

[20] *Медведев В.Е.* О Буддизме на территории Приамурья. Интерпретация археологических и этнографических исследований. Одесса – Омск, 2007. С. 168.

[21] Приводимый в данном случае этнический термин «русские» не весьма точен.

[22] *Албедиль М.Ф.* Индия: беспредельная мудрость. М.: Алатея, 2003. С. 8.

[23] Там же. С. 9.

Рис. 8. Статуэтка Будды из фондов Донецкого краеведческого музея.

от индийского учителя Вирупы. Данное учение сочетает в себе подходы сутры и тантры. Школа сформировалась от Пяти ранних учителей. Один из них – Чагьял Пагпа – в тринадцатом веке получил от монгольского императора Хубилая политическую власть над Тибетом». Берзин считает, что «благодаря этому шагу, предпринятому монголами, впервые на протяжении периода новых переводов было установлено политическое единство Тибета»[24].

В эпоху Золотой Орды огромные территории Евразийской Степи, связывающие мир Востока и Запада, стали плацдармом не только военных, но и торговых действий. Огромные торговые караваны, двигаясь по Великому шелковому пути, были тем связующим звеном, в котором находили место купцы, ремесленники, дипломаты и путешественники, представители разных конфессий, в том числе и буддизма. Данные о существовании и распространении учения мы находим у Г. Рубрука[25], Марко Поло[26], Рашид-ад-Дина[27]. Не только письменные источники, но и археологические материалы подтверждают это (рис. 7). Очень подробно и обстоятельно данный вопрос рассматривается в прекрасной статье В.П. Костюкова «Буддизм в Золотой Орде». Собранные им материалы, проведенный анализ источников и историко-политических событий эпохи Ногая и Токты дали возможность найти отражение этих религиозных представлений в погребальном обряде населения степи[28]. Анализирует сообщения западных путешественников Г. Рубрука, Марко Поло, магистра ордена тамплиеров Поис де Обона и приводит данные Винсента де Бове, «добавляя к ним подробности, в которых заметны отзвуки буддийских ритуалов»[29]. По его мнению, «применение керамических сосудов для хранения остатков кремации в средневековье и в этнографическое время засвидетельствовано в разных частях буддийского мира. А слова Г. Рубрука о том, что „сохраняют прах на вершине пирамиды", предполагают использование некой емкости для хранения остатков кремации»[30]. Дальнейший анализ погребальных памятников Степи приводит автора к выделению маркирующих признаков: южная ориентировка погребений, наличие монет и драгоценностей во рту или руках погребенного, когда одна из рук погребенного прикрывает рот, случаи обертывания и покрытия тела, и в особенности головы тканью, и мумифицирование умерших»[31]. Результаты столь зна-

[24] *Берзин*, 2005. С. 26-27.

[25] *Рубрук Г.* Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 110-111.

[26] *Марко Поло*. Книга Марко Поло. М., 1955. С. 92.

[27] *Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. Т. I, кн. вторая. 1952.

[28] *Костюков В.П.* Буддизм в культуре Золотой Орды. Тюркологический сборник 2007 – 2008. М,, 2009. С. 189 – 236.

[29] Там же. С. 204.

[30] Там же. С. 211.

[31] Там же. С. 209.

чительного программного исследования стали основой для проведения аналогичных исследований П.В. Поповым на материалах «ряда могильников, расположенных на территории Золотой Орды, и выявления серии захоронений, содержащих черты буддийского погребального обряда» [32]. Признаками, на материалах выборки, представленной автором, являются случаи фиксации обертывания тканью головы покойного и положения монет или украшений в рот умершему, а также случаи возможной фиксации «воздушного» способа захоронений. Автор отмечает, что «погребальный обряд приведенных захоронений неоднороден. Данный факт не позволяет выделить какой-либо унифицированный обряд. В качестве причины подобной ситуации, отмечает он ссылкой на В.П. Костюкова, является отсутствие жестких требований в буддизме к погребальному ритуалу. По мнению автора, особо следует остановиться на распространении буддийских захоронений в мавзолеях как символа богатства и высокого социального статуса. Как пример приводит погребение, совершенное в мавзолее № 1 Мохши-Наровчати, свидетельствующее о сохранении позиций буддизма в среде золотоордынской аристократии вплоть до XV в.[33]

Фото. Погребение из могильника Зливки. Подонцовье.

Столь сложная ситуация в разнообразии элементов погребальной обрядности золотоордынской эпохи связана не только со смешанностью разнообразных этнических групп населения, их разным социальным статусом, но и со сложной поликонфессиональной ситуацией в Степи. Анализ такой сложной ситуации, разбор отличий в п.о., сделаны при разборе и выделении этнокультурных признаков «монгольських» погребальных памятников Восточной Европы Т.М. Потемкиной, считающей, «что причинами этих отличий могут быть этнокультурные, хронологические и социальные аспекты», нашедшие отражение в погребальном обряде[34].

Собранные материалы, анализ источников исторических и политических событий в Монголии и тюрок дают возможность автору распознать религиозные элементы, нашедшие отражение в погребальном обряде населения степи. Данные письменных источников подтверждаются еще одной из важных находок – буддийской статуэткой из Северного Приазовья. Это статуэтка стоящего на подставке бодихсатвы, одетого, по мнению М. Горелика, в ханские одежды чингизидов, датируемые серединой XIV века[35]. В то же время

[32] *Попов П.В.* К вопросу о распространении буддизма на территории улуса Джучи // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова, 2-6 октября 2011, Астрахань. С. 247 – 249.

[33] Там же. С. 248-249.

[34] *Потемкина Т.М.* Об этнокультурных признаках «монгольских» погребальных памятников Восточной Европы // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова, 2-6 октября 2011, Астрахань, 2011. С. 112-115.

[35] Благодарим Михаила Викторовича Горелика за научную консультацию находки из Приазовья.

Ю.И. Елихина считает, что данная статуэтка больше напоминает китайского стража в военном халате, аналогии которых есть в материалах коллекций Эрмитажа.

Подводя итог, необходимо отметить следующее. Великая мировая религия буддизм зародилась в Индии в IV в. до н.э., позднее, через столетие, распространяется за границы исторической родины в Центральной Азии. В дальнейшем, с VI – VIII вв., через земли государств Центральной и Средней Азии – в степи Восточной Европы. Представленные письменные и археологические источники иллюстрируют распространение учения по трассам Великого шелкового пути, через Поволжье и Кавказ в степи Восточной Европы, и определяют причины и модели этого движения. Материалы свидетельствуют о существовании четырех периодов данного процесса: VI в. – время власти в Центральной Азии эфталитов и тюрок; VIII-X вв. в степях Черного моря – хазар; XIII-XIV вв. – монголо-татар. С торговыми караванами шли адепты разных религий (монахи и проповедники), распространяя среди населения идеи, религиозные знания и догмы, учение буддизма (Ибн-Батута). Это дает возможность проследить историю распространения буддизма в Восточной Европе с VII до XV столетия и выделить модели закономерности интереса к новым религиозным учениям.

Считаем необходимым высказать признательность за профессиональные замечания и консультации в классификации материалов, приведенных в докладе, Юлией Игоревной Елихиной.

М.Швецов

ИСЛАМСКИЙ МИР НА ТЕРРИТОРИИ ДОНБАССА. (ЭТАПЫ И ВОПРОСЫ ИСТОРИИ)*

Весной 2011 года, во время проведении, в Донецке, I Международной научно-практической конференции «Іслам та ісламознавство в Україні» И. Козловский, в своем докладе «Про деякі проблеми українського ісламознавства», указал на необходимость констатировать что «велика кількість історичних і сучасних проявів феномену ісламу залишаються «білими плямами» для науки. Значний масив ісламської історії, науки, культури, філософії, процесів інкультурації ісламу в різних регіонах не досліджений» (1, с.40). Остаются недоступними не только отдельные письменные источники, документы, но и некоторые археологические и антропологические материалы. На землях нашего региона ведутся интенсивные исследования и изучаются материальные остатки, памятники мусульманского населения края эпохи средневековья и совренменности. Актуальным является то, что на сегодня выделен и обозначен только ранний этап появления и распространения ислама в Донбассе. Интересны в этом аспекте широкие и успешные исследования, проводимые на землях современной Запорожской и Днепропетровской областей, где открыты золотоордынские города с постройками [2-4]. Своеобразно, без конкретных хронологических периодов, представлена периодизация продвижения ислама на Украину И. Астаховым, выделяющим три периода: ознакомительный, военно-колонизационный и последующий «в котором ислам проявляет себя как фактор этнического, национального самовыражения мусульманских народов» (5, с.14). Необходимо отметить, что в общих вопросах исследований истории ислама в России и Украине учеными-востоковедами конца XIX – начала XX веков – Д. Яворницким, М. Грушевским, А. Крымским уделялось определенное внимание и рассматриваемой территории Украины. Нельзя не назвать и современных востоковедов: Я. Дашкевича, Я. Полотнюка, А. Колесникова, В. Рыбалко, В. Лубского, Н. Кирюшко. Целью нашего доклада является предварительное определение этапов распространения учения на землях Донбасса. Сделана попытка характеристики данных этапов, определение направлений их распространения и специфика. Очерчено определение этнической и социальной структуры носителей и последователей учения.

Вопросы рассмотрения раннего этапа появления учения, представлены нами в отдельных статьях и сформулированы в нашем предыдущем докладе «О времени и путях распространения ислама на юго-востоке Украины». Были очерчены, ранние ступени появлении учения, указаны памятники эпохи средневековья, отражающие его расцвет в эпоху Золотой Орды [6. с.118-122]. Коротко остановимся на данных материалах. Ссылаясь на аль-Марвази (прибл. 1120 г.), О. Прицак считает, что «Владимир сам принял ислам» [7, с. 30-31]. П. Голубовский в 1884 г. писал, ссылаясь на данные ал-Бекре (ок. 400 г.х.), об удачной проповеди мусульманского проповедника среди печенегов [8], по данным Л. Гумилева, это 1026–1027 годы, когда Абу Хамид аль-Гарнати, учит основам Корана

* Опубликовано: Швецов М.Л. Исламский мир на территории Донбасса (этапы и вопросы истории) // Аль-Калям. Випуск № 3 / Збірка наукових праць УЦІД / Матеріли III Міжнародної молодіжної літньої школи ісламознавства «Священний Коран та кораністика» (Київ, 4-8 серпня 2014 р.). – Донецьк: УЦІД, ЦРДМДС, Норд-Пресс, 2014.

печенегов, служивших в войске киевського княз [; 7, с. 503-505; 8]. В других источниках указан 1034год. Археологические и эпиграфические источники дают возможность говорить о проживании мусульман в рассматриваемом регионе с XIII–XIV веков. Это не только отдельные находки арабских дирхемов, известных в материалах края с X века, но и захоронения мусульман под отдельными курганами: на горе у г. Изюм [9], в г. Донецке (Сталино, центральная поликлиника, раскопки Н. Макаренко), Гусельщиково [10, с.38; с. 750] и в больших могильниках у городов, например Мариуполь. Одной из уникальных находок можно назвать надгробную стелу из кургана у с. Гусельщиково, в Приазовье, с арабской надписью «Смерть покойного незабвенного напона Али Бек Тимур Булака, сына Али-Той Тимура (последовала) в год 781 Хиджры» [8, с. 38, 750]. Аналогичная стела с надписью «Велел сделать это Али Ад Дин сын Джамал ад Дина сына Али Тарази в день 11 шаваля из месяцев 734 года Хиджры» была обнаружена на горе Кременец под Изюмом [9 с. 10, т. 40]. Однако наиболее известным памятником в регионе в начале XX века стал открытый священником Спесивцевым комплекс строений у с. Райгородок Изюмского уезда. Из за важности данных материалов, приведем их снова: «Участок, окруженный валами, прямой чертой от г. Славянска на ЮЗЗ. Местность, расположенная между валами и с. Райгородок, называется «Городок». Следов укрепления здесь нет. Во время обработки земли выкапываются древние кирпичи, какие-то кирпичные фундаменты небольших зданий, изразцы и множество серебряных и медных монет татарских ханов XIII–XIV века. На южном конце поля существует холм. Крестьяне, раскопав траншею, нашли массу целого и разбитого кирпича, плиточный пол какого-то здания, несколько десятков прекрасных изразцов голубого цвета и каменное крыльцо или паперть, ведущее в здание с южной стороны. Возможно это остатки дворца или мечети» [11, с. 260, 263]. Как отметил В.А. Городцов на заседании Московского археологического общества, «в сообщении священника В. Спесивцева показано, что в близи Райгородка существует мусульманский центр» [11, с. 43, 260-263]. Упоминается также «татарский городок 1356–1384 гг.» «Еще две кучи мусора на расстоянии вблизи Сорочина хутора, целый курган». В других источниках упомянуты «несколько монет Азовской орды и жилище кирпичной постройки». Нельзя не упомянуть о еще одной находке у РПредставленные материалы показывают, как мы уже отмечали, что нельзя согласиться с мнением о невозможности определить ранние даты проникновения ислама на земли Украины и «об отсутствии имен, фактов, географических привязок на землях Руси-Украины» [13]. Да, элемент диффузии (постепенного распространения) в этом случае существует. Мы считаем, что первый этап распространения учения можно предварительно разделить: на ранний и последующий.

Для раннего, первого этапа X –середина XI века, это появление и распространение ислама на землях юго-востока современной Украины, обусловлено нахождением этих земель на трассах Великого Шелкового Пути, объединяющего Восток и Запад в эпоху Средневековья [13].

Однако, широкого закрепления основ и традиций учения среди местного населения, по-видимому, в последующие полтора столетия, не последовало. Причинной тому стали, как изменение политических событий, во второй половине – конце XII века, так и смена основного этнического состава населения Степи, что нашло отражение, как в письменных, так и в археологических источниках. В то же время, продолжение торговых традиций, экономические связи с населением Поволжья и Средней Азии продолжались и купцы мусульмане, как и проповедники, несли учение среди степного населения. Нельзя не учитывать этнический фактор носителей этого учения, как и жителей степи, представленных тюркским и тюркоязычным населением, заселявшим эти земли с эпохи раннего Средневековья.

Новая волна распространения учения связана с последовавшими сложными историческими событиями, которые можно отнести к эпохе Золотой Орды. Формирование городского населения в Подонцовье [14, 97-116] и Приазовье, связанного экономически, с городами Средней Азии, Казахстана, Поволжья, Среднего Поднепровья. Одним из важных факторов в этом направлении, является принятие ханом Узбеком (1312 – 1343) ислама, как государственной религией. Хотя первые мечети и медресе начали строиться в Улусе Джучи еще при хане Берке, массовое возведение их относится ко времени хана Узбека, именем которого связано **п**ринятие Ислама как государственной религии и расцвет градостроительства. Как отмечено нами, археологические источники в регионе, хорошо иллюстрируют этот, последующий этап в развитии учения на землях нашего края. Так, приведенная нами надпись, на надгробной стеле в кургане у с. Гусельщиково, датируемая 1390 г. [8, с. 38, 750] указывает на проживание на юге региона мусульманского населения, что так же находит подтверждение в материалах могильника на окраине Мариуполя, исследованного В. Кульбакой. Однако, к завершению столетия ситуация изменилась. События конца XIV века, поход Тимура, и последствия разгрома Тохтамыша в 1395 г., оказали негативное влияния на заселение региона. Как сообщают источники «Тимур ограбил и опустошил земли, находившиеся под управлением Бек-Ярык-оглана, эмира Актау и Тимур-оглана. Два последних бежали за Днепр к врагу своему эмиру Хурамдаю, но спасения не нашли и скрылись в местности Исраяка, где и держались некоторое время. Повернув к реке Тану (Дону)». При исслеловании памятников Подонцовья в 60 годы, В.К. Михеев отмечает следы разгрома, датируемых этим временем [13 с. 104-105]. Это не означает, что население в Подонцовье и Приазовье было полностью уничтожено, оно проживало здесь, на поселениях в небольшом количестве до середины – второй половине XV века. Однако основная часть вернулась к кочевому образу жизни. Именно в этот период, в Крыму, в 1449 г. было утверждено Крымское ханство, а в Приазовье еще в начале XV века, кочевали ногайцы. Описаниях перекопских и ногайских татар...» Жана де Люка (монаха Доминиканского ордена) за 1625 год также отмечалось, что «ногайские татары живут вне полуострова и граничат с Россией... кочуют между Доном и Днепром, останавливаясь на берегах этих рек, где делают изгороди, боясь, чтобы стадо не подвергалось какому-нибудь несчастью: не было расхищения дикими зверями или черкесами». Согласно «Книге Большому Чертежу» (1627г.) на территории нашего края «проживала Джамбулуцкая Орда» (?), которая кочевала по бескрайним просторам южной степи, хотя и имела зимние поселения (аулы)». Однако, конкретных подтверждений территориальной привязки к нашим степям населения этих орд нам не известно. С научной точки зрения остается малоисследованной проблема и недостаточность познаний об этническом составе племен и географических границах этих орд в XVI - XVII вв. Известны отдельные маленькие поселения в среднем и нижнем течении рек: Кальмус, Волчья, и по побережью Азовского моря.

По-видимому, последующим новым этапом в расселении мусульманского населения на землях Донбасса можно считать период середины – второй половины XIX века, исторически обусловленного и связанный с ростом экономического потенциала региона. Интенсивное промышленное развитие края, вызвало значительную трудовую миграцию и формирование здесь полиэтнического состава населения. «Интенсивное промышленное развитие края, на протяжении столетия, вызвав волну трудовой миграции, ликвидирующую бытовую изоляцию отдельных национальных групп (языковую, психологическую, конфессиональную и социально-экономическую, ускорив тем самым, процессы межкультурного обмена» [15, с.14]. Как отмечает И. Корнацкий «Саме на цей час припадає процес активного розселення поволзьких татар та представників інших народів мусульманського віросповідання в До-

нецькому регіоні. Надзвичайно показовими для характеристики мусульманської громади Донеччини наприкінці XIX ст. є підсумки першого загального перепису населення Російської імперії станом на 28 січня 1897 р.». [16, с. 47]. По его мнению «істотний зв'язок між етнічними й конфесійними ознаками, з'ясований раніше, дозволяє зробити деякі висновки на підставі даних про татар і турків, які складали більшість мусульманської громади. На території Бахмутського повіту в 1897 р. мешкали 346 татар і 20 турків»[16, с. 49]. В губернии общая численность мусульман составляла 2090 человек. Согласно переписи национальный состав мусульман был представлен в основном татарами и турками и небольшая группа литовских татар (липки). Необходимо отметить, что уровень грамотности среди мусульман Бахмутского уезда, превышал средний показатель в губернии. В документах переписи зафиксирована один представитель духовного звания[16, с.172-175]. К сожалению, в указанных документах не отражено расселение на землях Донбасса представителей кавказских и среднеазиатских национальностей, проживавших как в Юзовке, Макеевке, так и Мариуполе. До событий октября 1917 в документах областного архива фиксируются как фамилии северокавказских переселенцев, казахов и узбеков. Интересно, что в Горловке, на одной из старейщих, шахт города и в рабочем поселке работали жители из Караганды. Уже в последующий период, 20-30-е годы, становлення советской власти в отношение к национальным и религиозным меншинам изменилось. На основании Декрета СНК УССР от 27 июля 1923 «О мероприятиях в деле украинизации школьно-воспитательных и культурно-образовательных учреждений» и декрет от 1 августа 1923г. «О мерах обеспечения равноправия языков и о помощи развитию украинского языка» .Перед местным аппаратом относились требования пополнять свои ряды за счет местных кадров, пользоваться языком местного населения в государственных учреждениях и учреждениях, содействовать развитию национальной культуры. Согласно данным о татарах, приводимых .А. Дынгесом «уже на 1923 г. 96,4% общей численности 5347 человек проживало в рудничных и шахто фабричных поселения. В Макеевке и Луганске существовали две мечете и в разных городах области молитвенные дома. По данным Екатеринославской епархии, в Донбассе жили 1272 мусульманина». Однако эти данные только по составу татарского населения региона. Конечно, мусульманское население было представлено значительно шире, в данном случае не учтены, как мы уже отмечали, жители приехавшие с земель Северного Кавказа, Казахстана и Поволжья. Последующие затем годы ликвидации национальных разноэтничных меньшинств, закрытия национальных школ и репрессии, отрицательно повлияли и на проживание мусульманского населения в регионе.

С наступлением Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. мусульманское население СССР было призвано на защиту Родины и это были не только жители Донбасса, а и всех республик союза. Не ставя своей целью полной характеристики этих событий, мы можем пока напомнить о том значительном вкладе, который внесло мусульманское население в защиту и освобождение от оккупации Донбасса. В качестве примера можно привести выступление на предыдущей конференции К.А. Омаровой «Дагестанцы Приазовья и Донецкой области: герои Великой Отечественной войны», раскрывшей только одну из страниц героического прошлого этого народа [18]. Более подробно собраны материалы В.А. Анденком, о героически погибших защитниках и освободителях земли Донецкой. «В настоящее время при изучении данных об общих потерях на территории области и по фамильная проверка на части региона (Донецк, Славянск, Велико-Новоселковкий район), позволяет примерно показать потери воинов мусульман. Например:

Донецк – погибших – 737 человек; умерших в госпиталях – 160 человек. Общее количество захороненных на территории города 2 тысячи, в том числе – мусульман – 300 человек.

Славянск и район – примерное общее количество погибших и умерших в госпиталях – 18 000 человек, из них более 1800 мусульман.

Потери убитых в области составляют 60-70 тысяч воинов, из них мусульман -5-6 тысяч человек и умерших в госпиталях – 700-800 воинов».

В то же время, приведенные материалы не отражают полной картины всех данных, которые выделены и собраны по спискам. В области до сих пор нет по фамильной базы о потерях Красной армии. Основным источником подсчета являются документы военкоматов. Это списки погибших и похороненных высылались из Генштаба Советской Армии, и на местах они дополнялись, Необходимо продолжить целенаправленно эти исследования.

Новый этап притока мусульманского населения с Кавказа, Средней Азии, Поволжья в Донецкий регион связан с восстановлением промышленного потенциала и дальнейшим развитием угольной и металлургической промышленности страны в 50-60-е годы.

Представленные материалы дают возможность, на основе анализа событий, письменных и археологических источников, а также архивных документальных данных, выделить предварительно четыре этапа распространения мусульманского населения и учения на землях современного Донбасса с эпохи средневековья до конца XX века.

В 80–90-е годы в связи с изменением политической обстановки в стране, а затем и в Украине начинается приток мусульманского населения не только из стран бывшего союза, а и из стран арабского Востока, Африки и даже Америки. Активный интерес к религиозным учениям, мировоззрению и канонам, восстановление национальных этнических центров, приток литературы, строительство мечетей и стремление к изучению своей религии – вот основные характерные черты еще одного нового этапа развития ислама в Донбассе

Литература

1. Козловський І.А. Про деякі проблеми українського ісламознавства. Матеріали І Міжнародної науково-практичної конференції «Іслам та ісламознавство в Україні», Донецьк, 2011, с. 39 - 44.
2. Андрух С.И., Тощев Г.Н. Могильник Мамай-Гора. Книга І. – Запорожье, 1999. – 232 с.
3. Андрух С.И. Могильник Мамай-Гора. Книга ІІ. – Запорожье, 2001. – 238 с.
4. Андрух С.И., Тощев Г.Н. Могильник Мамай-Гора. Книга ІІІ. – Запорожье, 2004. – . 203 с. .
5. Астахов П.А. Ислам в Украине. Матеріали І Міжнародної науково-практичної конференції «Іслам та ісламознавство в Україні», Донецьк, 2011, с. 10 - 14.
6. Швецов М Л. «О времени и путях распространения ислама на юго-востоке Украины». Матеріали І Міжнародної науково-практичної конференції «Іслам та ісламознавство в Україні», Донецьк, 2011, с.118-122.
7. Прицак О.Й. Походження Русі. – К., 1997.
8. Полотнюк Я.Е. Кримське ханство в контексті ідеологічного змісту мусульманської культури // Історія релігій в Україні. — К. – Львів.
9. Сибилев Н.В. Архив ВУАК, К. ф. 5, № 166, карточка № 51; он же: Древности Изюмщины, вып. 1, 1926 г. 1930 (1924).
10. Миллер А.А. ИАК, № 21-23, 1902, с. 38; АЛЮР, Тр. XIIАС, 1905, с. 750.
11. Спесивцев. Находки в Райгородке, ТРХIIАС. Т. 1, 1905, см. также ОАК за 1898 г.
12. Gorelsk M. Oriental armour of the Near and Middle East from the 11-th to15-th centuries as shown in works of art// Islamis armsand armour, ad. By R. Elgood, London, 1979.
13. Швецов М.Л. Степи Воосточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада. Трассы Великого Шелкового Пути, 1992.

14. Швецов М.Л. О комплексе жилых построек епохи Золотой Орды на Царином городище.// Степи Европы в епоху Средневековья. Труды по археологии, Донецк , 2011, т.11 с.97-116.
15. Бєлікова Н.В. Етноконфесійний простір Донецької області: етапи формування // Этнические сообщества Украины: история, современность, будущее: Сб. ст. – Донецк, 2006. – С. 13-42
16. Корнацкий І. А. Мусульмани Донетчины по переписом 1897 г. Матеріали І Міжнародної науково-практичної конференції «Іслам та ісламознавство в Україні», Донецьк, 2011, с.47-51
17. Бузаров А. И. Омарова К.А. Дагестанцы Приазовья и Донецкой области: герои Великой Отечественной войны. (в печати)

М.Л. Швецов

К ИСТОКАМ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СВЯТОГОРСКОЙ ЛАВРЫ*

В состав большого пещерного комплекса сооружений Святогорского монастыря (ныне называемого лаврой), представляющего собой «сложное пространственно-планировочное сооружение с определенной структурой и взаимосвязью отдельных элементов, как единого архитектурного организма» [1, с. 35], входят три пещерные церкви. «Это церковь Иоанна Предтечи (Никольская (Николаевская) — XVII в.) верхнего яруса пещер; Алексеевская церковь XIX в. нижнего яруса пещер и подземная церковь преподобных Антония и Феодосия, находящаяся в восточной части монастырского комплекса XIX века» [1, с. 36]. Анализируя архитектурные особенности храма и имеющиеся данные письменных источников, В.Н. Дедов считает «возможным утверждать, что хронологически первым пещерным храмом данного монастыря была церковь Иоанна Предтечи. Это название храм носит с середины XIX в., тогда как в XVII веке он именовался Николаевским» [1, с. 36]. Подборка материалов, опубликованная В.Н. Дедовым, дала ему возможность выделить этот храм из числа других в комплексе и датировать его XVII веком [1, с. 36-37]. Им же приведены версии, высказанные ранее, о возможной более ранней дате возникновения обители [1, с. 36-39; 2, с. 9-12]. Причина столь пристального внимания к данному объекту связана с решением одного из самых важных вопросов в истории всего памятника — определением времени его возникновения. Не ставя своей целью повторение всех версий, ибо это, как мы указывали, сделано В.Н. Дедовым, попытаемся рассмотреть архитектурные особенности этого храма, «выделяющие его из числа других», и на основе полученных данных и привлечения новых материалов выявить параллели в его конструкции и, возможно, подойти к решению основной задачи.

Анализ отдельных особенностей архитектурного построения данного храма [рис. 1] был предпринят В.Н. Дедовым, отметившим, что «в плане церковь имеет квадратную форму, площадью 42 кв. м» и в нем (храме) «фактически отсутствует алтарная часть. Роль алтаря играла небольшая ниша, арочной формы. К нише сделан отдельный вход с правой стороны. В левом углу восточной стенки вырублена ниша — жертвенник. В центре храма — массивный меловой столб, на который передается нагрузка свода. Храм освещается двумя небольшими окошками с килевидным завершением, вырубленными во внешней — северной части утеса. На противоположной, южной стене устроена ниша». Как видно из описания, основных требований, предъявляемых к традиционным конструктивным элементам христианского храма, в данном случае не прослеживается. Эту деталь отметил и В.Н. Дедов, указывая, что в Николаевской пещерной церкви «фактически отсутствует алтарная часть, чаще всего имеющая вид апсиды, отделенной от остальной части храма предалтарной преградой». По его мнению, «роль алтаря в то время (в XVII в. — М.Ш.) играла небольшая ниша арочной формы, на которой сохранились следы устройства небольшого иконостаса или киота» [2, с. 19]. Несоответствие и неприспособленность этого помещения

* Опубликовано: Швецов М.Л. К истокам возникновения Святогорской Лавры // Культурное и историческое наследие «Слова о полку Игореве» / Сборник статей всеукраинской конференции. 15-16 ноября 2012 года, Донецк, Украина. – Донецк: Изд-во «Гелиос Принт», 2014. С. 5-14.

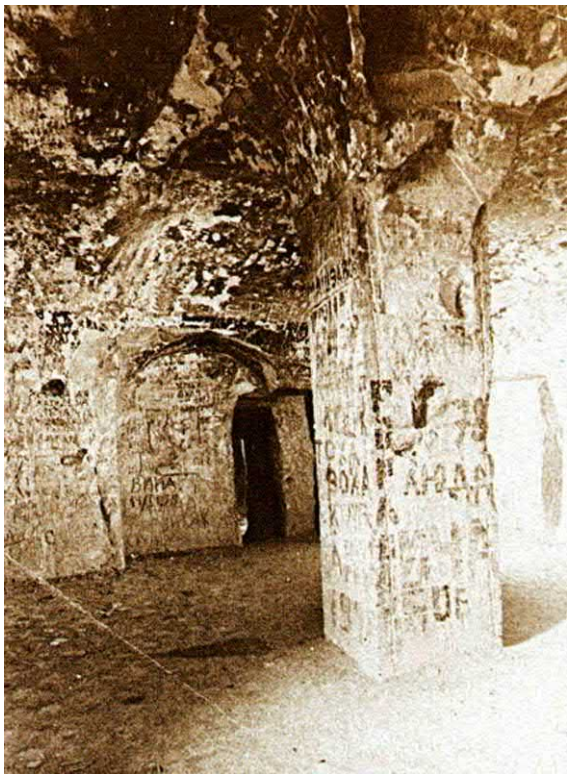


Рис. 1. Пещерный храм Св. Николая Святогорской лавры (до реставрации).

под христианский храм смущали также служителей монастыря. Недаром архимандрит пещерного монастыря в Святых горах, отец Иоиль, в 1679 году указывал на единственную (!) церковь в пещерах меловой скалы — Успения Пресвятой Богородицы [1, с. 36] и не считал помещение Николаевской церкви храмовой постройкой.

По мнению настоятеля монастыря Владыки Арсения, «изучение архитектурных особенностей храма Рождества Иоанна Предтечи (серединный несущий столп, аркообразная ниша в восточной стене) приводит к выводу, что в древности первоначальное помещение не предназначалось для храма, а служило монастырской трапезной. Подтверждением этого служит и находящаяся неподалеку келарня, где хранились продукты и стояла печь. Подобного рода архитектура трапезных палат известна в монастырском зодчестве с середины XV века».

По-видимому, такое положение храма было понятным для XVII века. Становится объяснимым, почему только в XIX веке, при перестройке помещения, за меловым столбом в северо-восточной части храма, как положено, был сооружен алтарь [2, с. 19-20]. Однако «святым» или «главным» в помещении храма являлся, по-видимому, стоящий «в центре храма массивный меловой столб, на который передается нагрузка свода» [2, с. 19]. Ведь недаром «именно на этом столбе, по преданию, и была обретена чудотворная икона святителя Николая». И что не менее важно, «с течением времени, сей храм со столбом стал местом паломничества. Богомольцы, веря в святость мелового столба, усердно его грызли». Объяснение этому явлению мы находим в том случае, если учтем, что конструктивные особенности данного сооружения более присущи языческим святилищам или первым пещерным храмам. Тогда сакральным центром расположенного внутри горы квадратного помещения являлся столб, «представляющийся основой или центром мироздания, микрокосмоса» [3, с. 31-34, 43-45; 4, с. 310-312]. Эта идея находит прямые параллели и объяснения в самой основе христианского мировоззрения, уходящего своими корнями в глубокую древность [3, с. 43-46; 6]. В истории строительства христианских храмов, а тем более пещерных, аналогичная «переориентация» — факт не исключительный, а скорее закономерный. В качестве ближайших аналогий можно привести Балаклаевский Георгиевский монастырь, храм близ Херсонеса, связываемый с «сакральной пещерой Парфенон» [5, с. 86]. Необходимо отметить, что «в горных районах Крыма и на побережье Черного и Средиземного морей в VIII–X вв. возникает множество пещерных монастырей, основанных поборниками христианской веры» [6, с. 109-110].

Появляются они и в горных районах Сев. Кавказа, Армении и Малой Азии [7]. Сообщениями о сооружении храма и установке креста на месте разрушенного святилища или капища как символа победы христианства над язычеством пестрят письменные источники, жития и деяния апостолов или мучеников за веру [7, с. 92, 168; 8, с. 80; и др.]. Да и сама идея святой пещеры, связанной с «сыном божьим, положенным в высеченную в скалах

погребальную пещеру», не только не противоречит этому, но и подчеркивает ее значимость [10, с. 39]. Необходимо отметить еще одну близкую параллель между крымскими и святогорским храмами. В качестве примера можно привести крымский храм Тепе-Кермен, по конструктивным особенностям и размерам аналогичный рассматриваемому. Как отмечает И. Завадская, «кроме того... самые ранние херсонесские храмы отличались незначительными размерами... и в плане представляли собой прямоугольные помещения» [10, с. 186]. Эту деталь в конструкции подчеркивают и другие исследователи [4, с. 109].

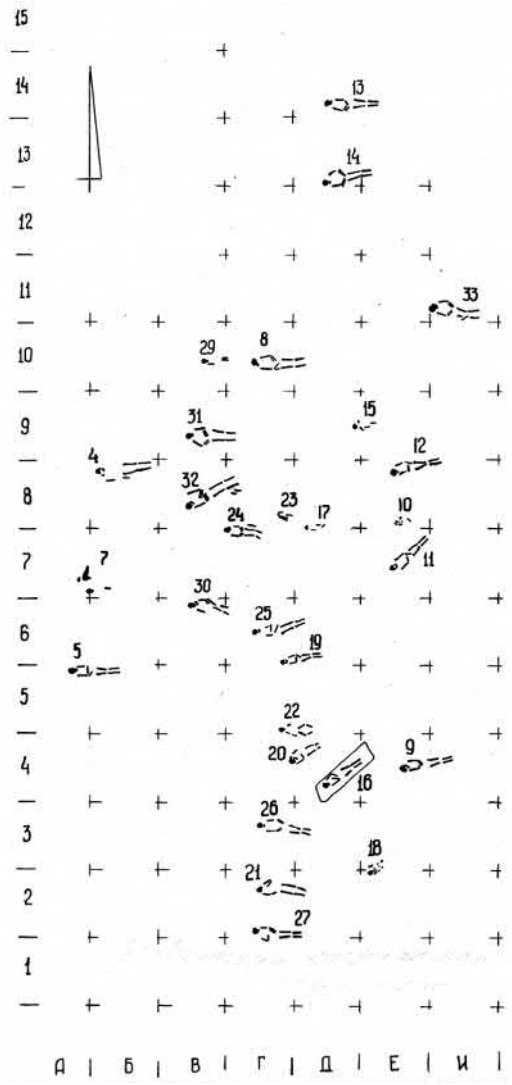


Рис. 2. «Зливки» План христианского могильника XI-XIII вв.

Существование языческого храма в меловом утесе Святогорья до заселения его христианами не может рассматриваться как что-то необычное или нереальное. Остановимся на этом подробнее. Первое письменное упоминание о Святых Горах является более ранним, чем данные о Святогорской обители. Оно приводится в «Записках…» германского посла Сигизмунда Герберштейна, который писал о том, «что русские воины сообщили ему о наличии возле места Великий Перевоз, у Святых Гор, каких-то мраморных и каменных статуй и изваяний». В.Н. Дедов объясняет это тем, что «казаки приняли за статуи меловые конуса» [2, с. 132]. Однако нельзя исключить и другой, не менее реальный вариант объяснения данного фрагмента текста. Ответом на этот сюжет из «Записок…» является открытое нами в 1986 г. в урочище Старица у с. Богородичное, у ранее известного как перевоз (брод) через Донец, языческого святилища IV–VII вв. [11, с. 32]. Центральной фигурой данного сооружения являлось антропоморфное изображение (изваяние), что не вызывает сомнения [11, с. 30]. Хорошо видимое с реки, оно могло быть известно и тем, кто обслуживал этот перевоз (брод), и тем, кто плавал по реке к Азову. В Московской и других русских летописях XVI, XVII веков Святые Горы неоднократно упоминаются в качестве южного сторожевого поста Российского государства. «Книга Большого Чертежа» (1547 год) указывает: «От устья реки Оскола на Донце, с крымской стороны, Святые Горы». Одно из первых упоминаний о Святых Горах находится в Львовской летописи 1555 года: «И как воеводы пришли верх Мжи и Коломака, и прибежал к ним сторож из Святых Гор, да станичник Лаврентий Колтовский товарища прислал с тем: царь крымский Донец перелез со многими людьми и идет к Рязанским и Тульским Украинам». В Никоновской летописи, в расписании Донецких сторож князя Воротынского, в 1571 году упомянута «5-ая сторожа Святогорская». О заселенности этого участка и в XVII–XVIII вв., и ранее говорят материалы раскопок, полученные в 1986 и 1989 годах Донецкой Средневековой археологической экспедицией. Наличие же культового сооружения на поселении, на данном участке, функционировавшего на протяжении не менее пяти столетий и являвшегося, по-видимому, местным религиозным центром, могло закрепить за ним понятие «святого» [3, с. 28-39].

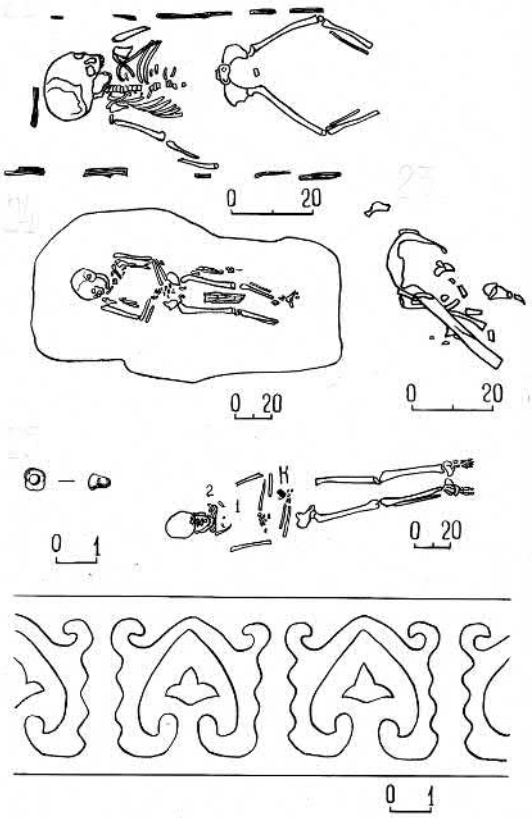


Рис. 3. Погребения христианского могильника XI-XIII вв. «Зливки» Рисунок парчи из погребения 25.

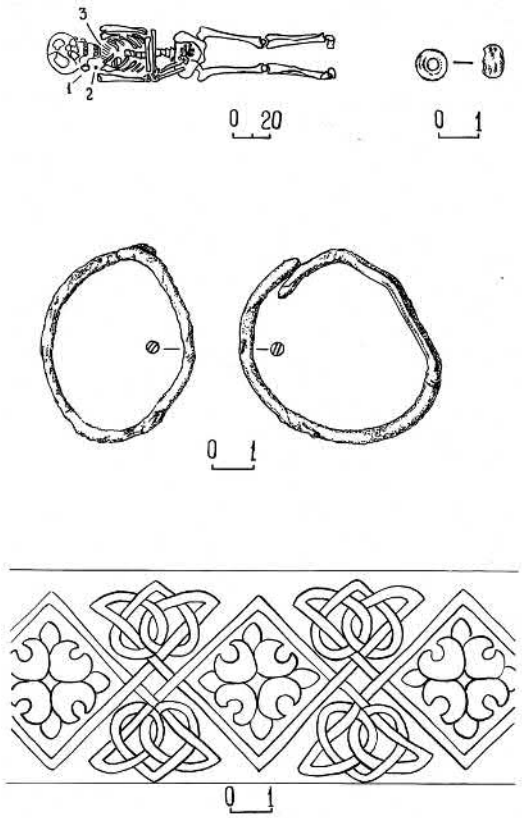


Рис. 4. Погребение 25 христианского могильника «Зливки». Фрагмент византийской парчи.

Рис.5. Парча из погребений могильника «Зливки» (после реставрации).

Известным элементом Святогорского комплекса является урочище Скит (преподобного Арсения), относимое В.Н. Дедовым к XVII–XIX векам, который, однако, не исключает его более раннее существование по отношению к монастырю. Археологические исследования 1989 г. и Донецкой Средневековой археологической экспедиции в 1994–1995 годах дали материалы о существовании здесь, на территории Скита, своеобразного оборонительно-защитного укрепления—убежища с эпохи раннего Средневековья, а возможно, и с раннего железного века [11;12]. На территории Скита существуют, ныне почти уничтоженные, два колодца, известные ранее как «святые колодцы», пользовавшиеся у богомольцев даже в XIX веке большим почитанием [10]. Существование здесь с древности комплекса, носящего защитные функции, оборудованного двумя стратегически важными питьевыми центрами (колодцами), явно обретало значение святого жизненно важного места в представлении человека [3, с. 37-38].

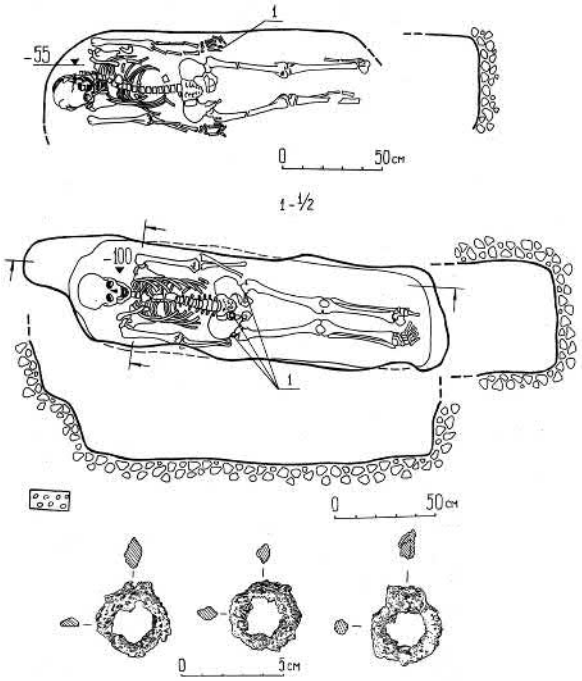


Рис.6. Маяки. Христианские захоронения XI –XII веков.

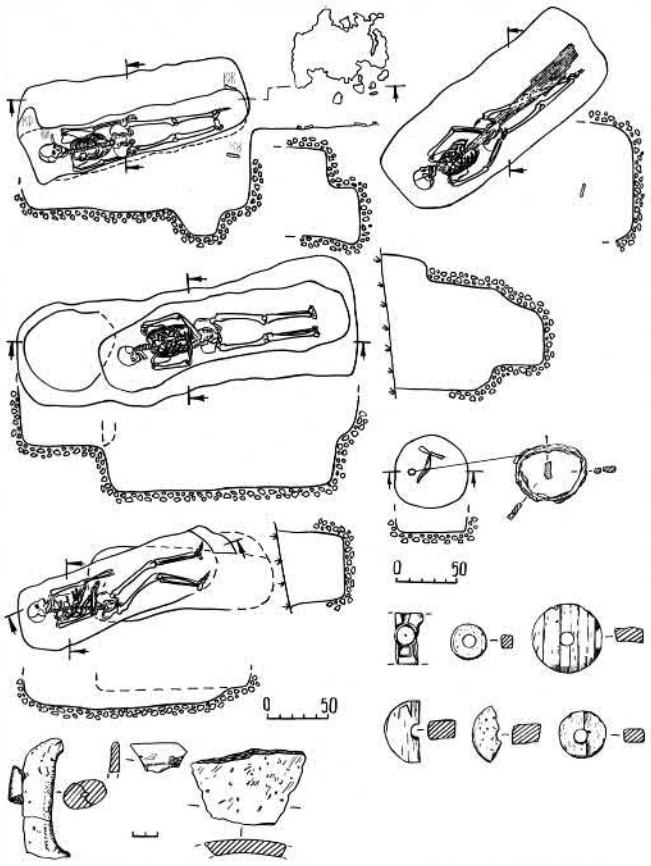


Рис.7. Маяки. Христианские погребения XI-XIII веков.

Возникает вопрос о времени формирования и создания данного христианского храма. Как нами было отмечено, по мнению специалистов, формирование аналогичных храмов в Крыму приходится на VIII–X века, и на одно-два столетия позже на Северном Кавказе. Указанные параллели могут говорить о времени начала функционирования рассматриваемого нами храма. Не исключено, что косвенным доводом в пользу хронологии формирования христианского храма в Подонцовье могут служить материалы христианских могильников XI–XIII веков Зливки [11, с. 117-118, рис. V, VI] и Маяки [13, с. рис.VII].

Христианский могильник Зливки, XI – первой половины XIII века, [рис.2] открытый нами в 1982 году на праболгарском памятнике на берегу Чернецкого озера [13], является продолжением могильника VIII–X веков, исследованным в 1901 г. В.А. Городцовым. Подтверждением христианской принадлежности жителей этого маленького хутора, погребенных на данном могильнике по христианскому обряду, явились также найденные в женских захоронениях парчовые воротнички от одежды, украшенные христианской символикой [рис.2-4]. Экономические связи населения данного памятника иллюстрируются наличием не только украшений, но и древнерусской и византийской парчи.[рис.5]

Еще одним доводом в пользу существования христианского центра в Подонцовье в XI – XII веках являются материалы раскопок могильника у с. Маяки (Царино городище) с христианским обрядом погребения [рис. 6-7], датируемые также XI — первой половиной XIII века [14]. Существование христианского населения на Маяках, одном из самых значительных памятников Среднего Подонцовья, являющимся, по-видимому, и крупнейшим торговым центром, находит подтверждение не только в христианских захоронениях мо-

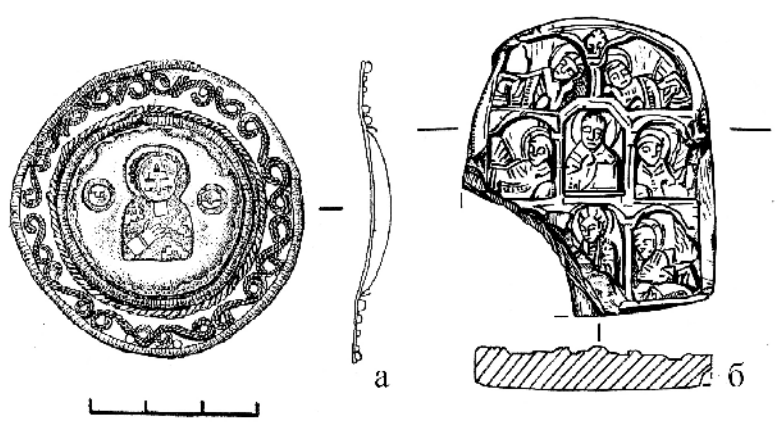


Рис.8. а – Золоченный медальон с перегородчатой эмалью. б – Иконка из аргиллита с изображением Св. Николай и Семь спящих отроков Эфесских.

Рис.9. Маяки. Медный крестик. Энколпион.

гильников, но и в случайных находках христианских медальонов, энколпионов и крестов с территории городища. [рис.8-9]. В то же время интересен сам факт отсутствия указанных христианских атрибутов в захоронениях и наличия их в слоях памятника.

Исследования, проводимые нами в 2011 году на берегу Чернецкого озера, не только подтвердили открытия 80-х годов, но и дали новые уникальные материалы. Так, западнее христианского могильника, исследованного нами в 1982–1984 годах, было открыто новое захоронение, совершенное по всем требованиям христианского канона. Прямая могильная яма (1 × 1,8 м) с закругленными в изголовье углами (фото 1.), ориентированная длинной стороной на юго-запад. В могиле скелет человека, положенный вытянуто, на спине, головой на юго-запад. Руки, согнутые в локтях, уложены на животе, чуть выше таза. Фаланги кисти левой руки как бы переплетены с фалангами кисти правой. Ноги вытянуты, прямые. Фаланги стоп отсутствуют. Вокруг черепа, справа налево, расположены небольшие круглые черные пятна (но не следы действия огня), указывающие на наличие на лицевой части черепа и выше его специального покрытия. По мнению Владыки Арсения, настоятеля Святогорской лавры, ознакомившегося с материалами раскопок и фотографиями погребения, в данном случае могло быть зафиксировано наличие специального лицевого покрытия из ткани (?), использовавшегося в период Средневековья при захоронении служителей храма (священника). Слева, выше черепа погребенного найден маленький железный нож.

Фото 1. «Зливки» 2011. Погребение

По-видимому, в данном случае нами было открыто захоронение священника, проживавшего в составе местной христианской общины. Однако не исключена и возможность его принадлежности к составу служителей близлежащего Святогорского монастыря, находящегося всего в нескольких километрах от поселения.

Представленные нами материалы дают возможность сделать следующие выводы:

1. Существование христианских могильников на поселениях и городищах Среднего Подонцовья, хронологически относящихся к X – середине XIII веков, не вызывает сомнения и указывает на возможность существования рядом христианского обители.

2. В письменных источниках, русских летописях (походы 1111, 1116 годов) прямо упоминается о проживании в данном регионе христианского населения.

3. Находки на данных памятниках атрибутов христианской символики и парчовой ткани византийского и древнерусского происхождения указывают не только на систему расширенной торговли в регионе, но и на возможность существования здесь христианского центра.

4. Архитектурные особенности ранней церкви Св. Николая Святогорской Лавры, характерные для эпохи раннего Средневековья, относящиеся к XI–XII векам, дают возможность говорить о существовании данной обители с указанного времени, не исключая и более ранний период.

Швецов М.Л., Донецк

К ИСТОКАМ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СВЯТОГОРСКОЙ ЛАВРЫ

Резюме. Открытие культовых сооружений на раннесредневековых памятниках Подонцовья, анализ архитектурных конструктивных особенностей одного из храмов Святогорского монастыря и их параллели в конструкции пещерных храмов Крыма и Северного Кавказа дают основание автору говорить о возможных языческих и раннехристианских истоках Николаевского храма Святогорского монастыря, датируемого предварительно XI–XII веками.

Швецов М.Л., Донецьк

ДО ВИТОКІВ ВИНИКНЕННЯ СВЯТОГОРСЬКОЇ ЛАВРИ

Резюме. Відкриття культових споруд на ранньосередньовічних памят'ках Подонцов'я, аналіз архітектурних конструктивних особливостей одного з храмів Святогорського монастиря та їх паралелі в конструкції печерних храмів Криму й Північного Кавказу дають змогу автору говорити про можливі язичницькі й ранньохристиянські витоки Миколаївського храму Святогорського монастиря, що датується XI–XII століттям.

Mihail Shvetsov

ABOUT TEMPLES OF SVYATOGORSKY MONASTERY

Summary. Opening of cult building on the monuments of early middle age of Podontsovya, analysis of architectural structural features of one of temples Svyatogorsk monostery and their likness with constructions of spelean temles of Crimea and Northern Caucasus allow to the autor to talk about the possible heathen and early-christian sources of one of temples Svyatogorsk monastery, dated, preliminary a period 11-12 centuries.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Дедов В.Н. Пещерные храмы Святогорского монастыря. Материалы научно практического семинара. — Славяногорск, 1995. — С. 35-42.
2. Дедов В.Н. Святые горы. — К., 1995. — 286 с.
3. Элиаде М. Священное и мирское. — М., 1994. — 143 с.
4. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. — М., 1996. — 415 с
5. Русяева А.С. О святилищах Партенос в Крыму // Проблемы греческой культуры в Крыму: Материалы международной научно-практической конференции. — Симферополь, 1997. — С. 85-87.
6. Тур В.Г. К вопросу о Сугдейской Епархии // Проблемы греческой культуры: Материалы международной научно-практической конференции. — Симферополь, 1997. — С. 107-110.
7. Артамонов М.И. История Хазар. — Л., 1962. — 520 с.
8. Чичуров И.С. Византийские исторические источники.– М.,1980-209с.
9. Winter P. On the trial of Jesus. — Berlin, 1974. — 147 с.
10. Завадская И. Этапы христианизации Херсонеса // Сходознавство. — К., 2000. — № 9-10. — С. 179-195.
11. Швецов М.Л. Отчет об археологических исследованиях в Скиту и на Славяногорском городище в 1994 г. Донецк, 1995, 1996. Архив Донецкой Средневековой археологической экспедиции. ДСАЭ1995/1, с. 1-16;1996/1.
12. Колесник А.В., Подобед В.А. Отчет об археологических исследованиях в Славяногорске в 1989 г. экспедицией «Фонд». Архив Славяногорского историко-архитектурного заповедника. — 60 с.
13. Щвецов М.Л. Могильник Зливки// Проблемина Праболгарскатеистория и култура. – Шумен, 2 1990
14. Ходжайов Т.К., Швецов М.Л. Население Подонцовья эпохи Золотой Орды (Археология и антропология, по материалам могильников у с. Маяки на Северском Донце // Степи Европы в эпоху Средневековья, Донецк, 2012, т. 11.

III. ПОЛИЭТНИЧНЫЙ ДОНБАСС. СТАТЬИ ПО ИСТОРИИ НАРОДОВ ДОНБАССА И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

М.Л. Швецов

АРМЯНЕ ЮГО-ВОСТОКА УКРАИНЫ (вопросы и проблемы)*

Одной из основных причин организации и проведения данного круглого стола явился анализ тематики докладов на Международной научной конференции, посвященной армяно-украинским связям, проходившей во Львове 29–31 мая 2008 г.[1] На этой очень серьезной и высоконаучной конференции, организованной Отделением арменистики Мичиганского университета, Украинским католическим университетом (Львов), Центром украинских исторических исследований им. П. Яцика (Канадского института украинских студий) и Львовским отделением Института украинской археографии и источниковедения, были рассмотрены и заслушаны более 20 докладов, посвященных в основном истории армян в Украине и истории Армении. При столь красочной палитре тематики выступлений, посвященных в основном истории армянской культуры Крыма и земель Западной Украины, Польши, только в одном докладе в общих чертах были поставлены вопросы истории заселения и проживания армянского населения на землях Юго-Востока Украины[2]. При подведении итогов конференции мною был поставлен вопрос о сложившейся ситуации и слабой изученности указанного региона. Тогда же было высказано предложение о подготовке и проведении круглого стола на тему: «Армяне Юго-Востока Украины». Предложение было поддержано учеными. Постановка вопроса и подготовка материалов, их сбор и анализ привели нас к мнению о небольшом расширении тематики, представленной к обсуждению. В программу был включен доклад об армянском населении одного из регионов Венгрии.

Один из важнейших и первостепенных вопросов о заселении любым народом земель другой страны начинается с истоков, причин и времени его расселения. Историю появления и расселения армян на землях Юго-Востока Украины традиционно и, конечно, научно обосновано связывают с событиями в России и Крыму в третьей четверти XVIII в. Так, В.А. Пирко описывает формирование многоэтничного населения Донетчины периода XVIII ст. с расселения и становления армян в Подонье, образования г. Нахичевань и пяти сел, которые стали центром переселения армян в Восточную Украину из Крыма. Им же приводятся данные первой переписи населения края в 1778 г. [18]. Аналогично характеризуя историю армян и их положение на конец XIX ст., М. Найман приводит данные об учреждении армянами – выходцами из Крыма г. Нахичевань и пяти больших сел: Большие и Малые Салы, Топты, Нисвита и Чалтырь [13]. Вопросам заселения Новороссии в XVIII — первой половине XIX ст. посвящена работа В.М. Кабузан [11]. Автор анализирует переселенческое движение, указывает причины процесса, этнический состав населения по губерниям и приводит данные о количестве армян, оказавшихся на данной территории после выхода

* Опубликовано: Швецов М.Л. 2009. Армяне Юго-Востока Украины (вопросы и проблемы) // Армяне Юго-Востока Украины и Восточной Европы (Историко-этнокультурное развитие армян Украины XV–XX века): Материалы международного круглого стола. — Донецк, 2009. С.48-66.

[1] Основные положения данной статьи были изложены нами в докладе: Швецов М., Геворгян К. Вірмени південно-східної України; Львів, 2008; по-видимому, материалы конференции так и не опубликованы.

[2] Там же.

из Крыма. Необходимо отметить и исследования Е.А. Калоерова, посвященные выходу греков из Крыма, в материалах которых приводятся свидетельства, аргументированные документами, о датах переселения и количестве переселенцев-армян [12, с. 52, 53].

Хронологию и исторические данные о переселении армян на земли Украины описывают исследователи: Л.О. Бабаян [4], Я.Р. Дашкевич [9], А.Л. Осипян [17], М.Г. Миргородская [16], И.Я. Гаюк [5], Дж. Галстян [8], О.А Габриелян [7] и др. Хронологическая разница в заселении земель современной Украины армянами не новость в исторических реалиях. Данные письменных источников и исторических описаний, по мнению специалистов, указывают на Крымский полуостров, где раньше других земель современной Украины появились первые переселенцы-армяне[3].

Среди исследователей армянской истории и истории армян на Украине в числе наиболее значительных надо выделить Я.Р. Дашкевича[4]. По его мнению, древнейшие следы формирования армянских колоний на территории современной Украины относятся к XI ст. [9]. Автор разделяет процесс миграции на несколько периодов с определением причин, которые приводили к образованию колоний и поселений, их расцвету и упадку. В XIX ст. армянские колонии постепенно растворились из-за ассимиляционных процессов на территории Правобережной и Западной Украины. Большой интерес представляет карта, приведенная Я.Р. Дашкевичем в этой работе [9, с. 153]. Рассматривая значительное место и весомость роли церкви в исторической и культурной жизни армян, на основе исторические данных и письменных источников исследует проблемы Армянской апостольской церкви И.Я. Гаюк [5, 6]. Ее работы дают возможность при анализе смены молитвенных домов строительством церквей глубже понять пути и этапы расселения армян на территории современной Украины.

Представленные материалы показывают неравномерное исследование процессов миграции, истории и культуры армян по восточным и юго-восточным регионам Украины в отличие от южных и западных. Не исключено, что такое же положение объясняется для эпохи Античности и Средневековья, с одной стороны, отсутствием данных письменных источников. А для эпохи раннего Средневековья — неполной исследованностью археологических материалов на открытых в Подонцовье и Приазовье памятниках эпохи Средневековья. Материалы раскопок дают возможность говорить о данных памятниках как о торговых факториях на трассах Великого Шелкового Пути [22, 23, с. 93–98]. Необходимо учитывать, что юго-восточные земли современной Украины с эпохи древности и Средневековья входили в систему евразийских торговых путей и коммуникаций. Существование известных торговых факторий в Прикавказье, Верхнем и Нижнем Подонье, Среднем Поднепровье и в Крыму и их взаимосвязь дают возможность предполагать и наличие торговых центров на землях юго-востока современной Украины. Для эпохи Хазарского каганата и половецкого времени (земли Дешт-и-Кыпчак), как и эпохи Золотой Орды, существование ремесленно-торговых центров на данной территории на сегодня реальность [10, вып. 10]. К тому же проверенный исследователями анализ собранных историко-географических и демографических данных дает возможность утверждать, что на процесс миграции армян влияют два основных фактора. Во-первых, большая подвижность армянских эмигрантов и армянских эмиграционных движений. Во-вторых, характер армянских эмиграционных

[3] Письменные и археологические источники, данные античной и византийской историографии неоднократно рассматривались учеными. Последние статьи на эту тему были опубликованы: Айбабиной Е.А., Майко В.В., Сидоренко В.А., Шапошниковой А.В.

[4] Только библиография его работ, рецензий, выступлений, посвященных взаимоотношениям Армении и Украины, изданная в 2001 г., составляет больше 130 названий, и их перечисление займет больше 20 страниц (Дашкевич Я.Р. Вірменія і Україна. Львів; Нью-Йорк.

движений. На первых этапах миграции непосредственно обозначилась четко выраженная профессиональная структура населения (преобладание ремесленников и купцов). Эта закономерность, обоснованная Я. Дашкевичем, находит подтверждение в материалах исследуемого региона. Поэтому пути продвижения армянского населения, на которых происходило возникновение армянских колоний, почти всегда совпадали с путями интенсивной международной торговой деятельности. Эти два фактора имеют большое значение при рассмотрении вопроса о развитии торговли и расселении армян в пределах прохождения трасс Великого Шелкового Пути.

Следующим этапом, как мы уже отмечали, является наиболее исследованный период — третья четверть — конец XVIII века. В конце XVIII столетия, фактически с момента активной колонизации края, резко растет многонациональное население региона. В приводимых В.А. Пирко данных, согласно переписи населения Азовской губернии 1778 г., армяне составляли 6,1 %, или 13 702 человека: из них 6952 мужчины и 6750 женщин. Эти же данные приводит и С.А. Калоеров [12, с. 52–53].

Необходимо отметить, что искусственная система переселения христианского населения из Крыма на земли степного Северного Приазовья во многом оказалась не только не подготовленной, но и неоправданно тяжелой. Эта проблема уже неоднократно привлекала внимание не только ученых, но и публицистов. Для нас важно отметить, что к концу XVIII — началу XIX вв. армянское население, заселявшее рассматриваемые земли, значительно уменьшилось. Однако ко второй половине XIX в. армянские общины зафиксированы в городах: Артемовске, Луганске, Мариуполе, Мелитополе, Ногайске (Запорожской обл.), в Харькове и Юзовке. И если не всегда в документах переписи населения (Харьков, 1855 г.) армяне представлены полностью, то, как отмечает И. Гаюк, именно в этих городах имелись молитвенные дома, а в дальнейшем построены церкви.

Экономический рост, первые шаги развития промышленности и формирование городского населения в Донбассе должны были стать одной из причин появления новых переселенцев-армян. В то же время данные по народам, населявшим Екатеринославскую губернию, согласно переписи 1897 года, указывают на уменьшение армянского населения в крае. «Численность их по губернии составляла всего 545 человек» [Корнацкий, см. наст. сб.].

Материалы о заселении армянами Донбасса в конце XIX – начале XX ст. мало исследованы и почти не изданы. Архивные данные конца XIX — начала XX ст. свидетельствуют о том, что на его территории в то время уже была значительная община армян. В Луганске «к концу 1905 г. насчитывалось более 100 семей. Широко известна в городе торговая сеть магазинов: Костаняна, Меликяна» [14, с. 6]. В списке купцов г. Славянска за 1903 г. мы находим фамилию Азадянц А.К. В городе Бахмуте (Артемовск) среди хозяев городских деревянных лавок находим фамилию Маркарьянц Яков Сергеевич [1]. Интересны и другие материалы Бахмутского уезда, в которых отражены данные о распределении армянского населения уезда по сословиям и состояниям. Но наибольшее количество армян в начале XX ст. мы находим в г. Юзовке. По данным Донецкого областного архива, в начале XX ст. всего в Юзовке проживало 54 718 человек 37 национальностей. Из них армян — 421 человек. В основном это были ремесленники: сапожники, столяры, слесари, пекари и торговцы. В Юзовке была армяно-григорианская церковь. В 1910 г. священником в ней был Довтьян Карапет Авдеевич. Ближайший армяно-григорианский религиозный центр был в Нахичевани, где находилась армяно-григорианская Свято-Крестовоздвиженская церковь и монастырь (фото 1790 года, фонды Ростовского музея). По материалам, хранящимся в фондах и архиве ДОКМ, можно проследить историю двух известных армянских семей,

которые проживали в г. Юзовке от основания учреждения — это семьи Мурадовых и Берберовых. По данным Донецкого краеведческого музея, в 1900 г. в Юзовку переселилась семья Мурадовых (Мурадян) из Нагорного Карабаха и начала здесь очень полезное дело — выпечку хлеба. В 1906–1925 гг. они имели собственную хлебопекарню, которая производила 150–160 кг хлеба в сутки. Работали здесь до 30 человек, преимущественно армян. Хлебопекарня представляла собой одноэтажный дом из кирпича с железной крышей и подвалом. Дом находился по адресу: 13-я линия, 71. Основателем его был Аведис Мурадов [2].

Международные перипетии начала XX века в Европе и геноцид армян, начавшийся в 1914 г. и дошедший до кровавых событий в 1915 г. в Западной Армении, стали одним из поводов для притока новых беженцев-армян из Турции. Не всегда это были случаи прямого переселения на земли Юго-Востока Украины, а переселение на земли Кавказа, в Ставропольский край и в Прикубанье, а позднее на земли Юго-Востока Украины. Примером может служить жизненный путь предков Э.М. Софьянца, родители которого были родом: бабушка из Карса, потом переехала в Тбилиси, а отец из Карахачи, приехавшие в Донбасс, где поселились близ Юзовки. И это не единичный случай такого пути переселения. Как пишет Б. Чилингарян, «волею судеб несколько сот армян беженцев из Турции нашли свое пристанище в молодом развивающемся городе Юзовка (Донецк)». Последующие за этим события 1917–1920 гг. не приостановили этот процесс. На примере материалов из жизни армянского населения Юзовки (Сталино) в период после революционных событий мало что изменилось.

Анализируя данные советского периода по материалам Донецкого облгосархива, примерно можно проследить, как отобразились на армянском населении региона процессы «культурно-национального подъема» и спада 20–35-х гг., экономические «перестройки» НЭПа. В качестве одного из показательных примеров можно привести частное предприятие Мурадовых.

У нас есть основания предположить, что именно из частного предприятия Мурадовых хлебопечение в городе стало делом многих армянских семей и даже поколений до настоящего времени. Так, например, в период, когда государство стимулировало развитие разных форм организации труда с целью увеличения производства продукции, в г. Сталино (Юзовка) появилось кооперативное предприятие «Серп и Молот» [1]. Но в период борьбы с НЭПом и с началом репрессий такие предприятия начали закрываться. Согласно архивным данным 30-х гг. XX ст., это был кооператив кустарей-армян, которые выпекали хлеб. Приводим отрывок акта обследования этого кооператива от 21.09.32 г. комиссией.

«В состав комиссии вошли следующие товарищи: нацменинструктор т. Свирский, культработник артели «Серп и Молот» т. Шиханов, культработник армян т. Колосьян и член артели т. Шаринян.

При обследовании выявлено следующее: всего в артели «Серп и Молот» работает 85 армян, которые составляют 50 % общего числа всех членов артели. Основа квалификации армян это хлебопечение. Процент выполнения промфинплана по хлебопечению 140. Имеются 6 хозрасчетных ударных бригад, между которыми заключены соцдоговора. Займом охвачены все на 100 % с перевыполнением на 18 %. Их 85 рабочих 60 человек ударники и премированы. Текучести среди них нет. Неграмотных 11, малограмотных 50, членов партии 2, кандидатов 3, комсомольцев 5.

Комиссия считает работу, проводимую Промкомбинатом среди национальных меньшинств — армян в артели «Серп и Молот» недостаточной. В дальнейшем необходимы следующие мероприятия:

1. Культотделу Промкомбината уделить больше внимания работе среди армян. Систематически заслушивать отчет армян, уполномоченных на своих заседаниях. Выработать общий календарный план работы.

2. Организовать политшколу на армянском языке.

3. Организовывать ликбезы ВРШ на армянском и русском языках.

4. Оживить работу редколлегии и возобновить выпуск газет на армянском языке.

5. Ввиду недостатка национальных кадров поставить вопрос перед правлением артели о посылке нескольких армян в Ереван на краткосрочные пропагандистские курсы.

6. Усилить работу среди женщин, выделив для этого специального человека».

Согласно данному документу, при этом кооперативе работали армянская школа, библиотека (с книгами на армянском языке), драматический кружок (на армянском языке).

В то же время ход национальных процессов в Донбассе в 20–30-е гг. XX ст. обусловливался изменениями в национальном составе населения, национальной и социально-экономической политикой советского правительства, национально-культурным возрождением. Индустриализация и коллективизация вместе с кампанией привлечения национальных меньшинств к работе в промышленности послужили причиной активизации миграции из села в город, повышения уровня урбанизации национальных меньшинств. Это время характеризуется появлением центров культурного возрождения, которыми стали национальные школы, пресса, культурные учреждения — театры, клубы, издательства. В 1927–1928 гг. в Донбассе было 2 армянские школы, в которых было 8 групп, 6 учителей-армян, 236 учеников [15]. Так, в списке школ Сталинского горсовета мы находим школы:

Армянская семилетка, которая находилась по адресу: 7 линия, 10.

Директор: Абрамян.

Массовая школа № 9, адрес: 9 линия, 4а[5] [1].

В Луганске в эти годы активно работала армянская община. С 1897 г. местный настоятель Нерсес Ованесян работал в молитвенном доме, который находился в советское время по ул. Ленина, 18 [14, с. 6]. По мнению И. Гаюк, официально община Армянской апостольской церкви в Луганске была зарегистрирована в 1923 г. [см. в данном сборнике]. С 1926 года работал Луганский районный комитет помощи Армении. Именно по инициативе этого комитета в городе часто организовывались благотворительные концерты, театральные представления, средства от которых шли в фонд помощи Армении. Так, например, афиша от 25 января 1926 г. гласила: «Пьеса-спектакль на армянском языке. 1 часть — ария из оперы «Ануш». II часть — концертное отделение. Участники: Мовсесян А., Костанян К.И., Варданян В., Туманян П.Г., Акопян Н.А. и др.» [14, с. 6]. В 1929 году в религиозном объединении насчитывалось более 200 человек. По материалам, опубликованным Матевосяном, «в 1927 г. в Луганске был открыт армянский клуб им. Шаумяна, работавший на общественных началах. Работой руководила ячейка завода ОР. При клубе организован пионерский отряд, кружки: музыкальный, драматический, шахматно-шашечный, ликбеза (армянский). Имелась библиотека, выпускались стенгазеты» [14, с. 6].

В конце 30-х гг. национально-культурное возрождение было полностью придушено репрессиями среди национальной интеллигенции, а также рабочих и наиболее активной части населения. Среди армян, которые вместе с представителями других национальностей были репрессированы, наиболее значимая личность — первый секретарь обкома Саркисов (Даниелян) Саркис Артемович, который руководил областью в 1933–1937 гг. Он

[5] Показательно, что данная школа, которой исполнилось 100 лет, работает и сейчас (директор Глущенко Елена Валерьевна). В 90-е годы прошедшего столетия здесь вновь была организована армянская воскресная школа, которую вела Чилингорян Людмила Азатовна, окончившая исторический факультет Донецкого университета.

родился 14 февраля 1898 года в г. Шуша, Нагорный Карабах. Образование среднее, член ВКП(б). Его деятельность на посту первого секретаря области была очень весомая [20, Смирнова, в наст. сб.]. Среди репрессированных армян-пекарей Донецкой области были такие: Зудерьян Оганес Бедрусович, 1873 г.р., заведующий пекарней, проживал: г. Артемовск Донецкой области; Казарьян Хачатур Артемович, 1905 г.р., заведующий пекарней, проживал: село Михайловка Сталинской области; Калустян Аршак Шагенович, 1895 г.р., пекарь горпищеторга, проживал: г. Сталино Донецкой области. К сожалению, материалы, существующие по армянскому населению 20–30-х годов г. Мариуполя, как и архивные данные начала XX века, так и остались на сегодня не обработаны. В таком же состоянии материалы по крупнейшим городам Донбасса: Горловке, Енакиево, Краматорску.

Таким образом, изменения в национальном составе населения Донбасса в 20–30-х гг. обусловливались активизацией миграции, урбанизацией национальных меньшинств и усилением ассимиляционных процессов. Административная политика правительства создавала условия для перемешивания населения и распыления национальных меньшинств. Национальная политика правительства была лишь средством привлечения национальных меньшинств к советскому строительству. Надо сказать, что репрессии не смогли до конца сломать представителей национальных армянских культурных объединений. Так, в начале 40-х годов в городе активно работала армянская община, руководитель которой Артем Арутюнов, репрессированный после войны, воссоздал армянскую церковь, школу и театр (дело Віббе 2187 ПФ, с. 67).

События, происшедшие в связи с началом и ходом Великой Отечественной войны на землях Юго-Востока Украины, в последнее двадцатилетие неоднократно привлекали к себе внимание ученых и публицистов, и только в общих работах упоминались армяне, принимавшие активное участие в защите и освобождении нашего края. Армянский народ внес большой вклад в дело борьбы с немецко-фашистскими оккупантами в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. За годы войны погибло 83 200 армян. Как пример, по материалам только Донецкой области была собрана картотека почти 500 фамилий воинов-армян, которые погибли или пропали без вести на территории края во время военных действий. В освобождении Украины принимали участие 4 армянские национальные дивизии. На территории Донбасса много воинов-армян принимали участие в боях в составе 51-й стрелковой дивизии, 130-й Таганрогской орденоносной дивизии, 301-й стрелковой дивизии и др. В этих дивизиях были наибольшие потери среди воинов-армян во время боевых действий на территории Донецкой области 1941–1943 гг. Всего погибло 464 воина-армянина. Данные нельзя считать полными. При обороне области погибло 126 человек, а при наступательных операциях — 88 воинов-армян. По г. Сталино эти потери составляют 25 воинов. Наибольшие потери были во время боевых действий в районах: Александровском (40 человек), Славянском (39 человек), Амвросиевском (10 человек). Общее количество потерь воинов-армян в боевых действиях на территории Донецкой области: погибли в боях 354 чел. (76,28 %), умерли в госпиталях 74 чел. (15,95 %), пропали без вести 36 человек (7,76 %). Собраны документальные данные (фамилии, имена, годы рождения, место гибели и прочие). Из общего количества потерь воинов-армян установлены даты рождения 355 человек. Выявлены материалы об участии армян в партизанском движении и потерях среди мирного населения. Немало погибло армян и на Луганщине. Отличились героизмом в боях за освобождение Луганска Степан Шамилян, Яков Абаджян.

Со времени освобождения края (осенью 1943 года) начинается новый приток армян, связанный с периодом восстановления разрушенного Донбасса. По мнению Артака Симоняна, священника армянской церкви Сурб Хач в г. Макеевке, в Донецкой области

наибольшее количество армян появилось в послевоенное время, в первую очередь по экономическим причинам. В этот период на работу в Донбасс приезжали горные инженеры, врачи, архитекторы, офицеры и др., чтобы поднимать из руин промышленность Донбасса. Таким образом, формировалась значительная община армян в Донбассе. Среди тех армян, которые приехали в этот период в Донбасс, было много таких, кто стали выдающимися людьми, яркими личностями, отдающими свой талант, силы и знания делу расцвета Донецкого края. В первую очередь надо назвать выдающегося медика К.Т. Овнатаняна. Он создал школу хирургов, анестезиологов, урологов. Среди его многочисленных учеников 35 кандидатов и 7 докторов наук. За заслуги в развитии здравоохранения, медицинской науки и подготовки кадров Каро Томасович был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Ему присвоено звание заслуженного деятеля науки УССР. Клинике факультетской хирургии ДонМИ, которой он руководил всю жизнь, и одной из улиц г. Донецка в 1971 году было присвоено имя К.Т. Овнатаняна. В Луганске и сейчас работает лауреат Государственной премии Украины, член Международной ассоциации хирургов, заведующий ожоговым центром областной клинической больницы О.В. Вартанян. Большой вклад в развитие промышленности был сделан Закаряном К.А., генеральным директором ассоциации «Укрогнеупор». После окончания Черкасского политехнического института в 1955 году он начал свою трудовую деятельность в Донбассе на Никитовском доломитном комбинате. С того времени он работал на разных должностях, но всегда ему доверяли руководить коллективами, что он с успехом и делал. Он и сейчас работает, несмотря на свой возраст. Среди многочисленных заслуг К.А. Закаряна — 15 изобретений в сфере огнеупорных материалов, 22 рационализаторских предложения и др. Он лауреат Государственной премии, дважды награжден орденом Трудового Красного Знамени, заслуженный работник промышленности Украины. Легендарным соотечественником К.Т. Овнатаняна был генерал-майор милиции А.Н. (Мкртычевич) Кукуджанов (Кукуджанян). В 1953–1959 гг. он был начальником городского управления милиции г. Сталино. Он прошел нелегкий путь от детского сиротского приюта до генерал-майора милиции. За многолетнюю работу награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, медалями.

Угольная промышленность Донбасса — одна из самых важных и значительных экономических отраслей края. Именно в ее техническом развитии и научном производственном оснащении виден серьезный вклад ученых Донецкого института угля — Героя Социалистического Труда С.Г. Арутюнова, генерального директора треста «Добропольуголь»; Лауреата Ленинской и государственных премий, конструктора угледобывающей техники, главного инженера С.М. Арутюняна и директора института С.А. Саратикянца, бывшего первого заместителя министра угольной промышленности Украины, начинавшего рабочий путь на шахтах г. Антрацита. Серьезный научный и технический вклад в испытание новой угольной техники Донбасса сделал Б.А. Чилингорян, родившийся в Нагорном Карабахе, окончивший механический факультет Московского горного института, работавший директором в Донецком филиале Гипроуглемаша. Успешно работали армяне в управлении Донецкой железной дороги и на железнодорожных станциях Донбасса. Известны их имена как работников в сфере культуры, науки и образования. Это профессор В.В. Хачванкян, главный редактор газеты «Армянский вестник — Наири», член-корреспондент АПН Украины, профессор Э.М. Софьянц. Родился Э.М. Софьянц в Авдеевке, в 1960 году окончил Сталинский пединститут, ныне Донецкий национальный университет. В течение многих лет руководил Донецким институтом повышения квалификации работников образования. В Луганске известны имена ученых-армян: профессора А.Х. Меликбекян и Д.Я. Якубович. Доцент А.А. Петросян, возглавивший в 1994 году армянское национально-культурное общество «Крунк» и организовавший в Луганске

армянскую воскресную школу, вокальный и танцевальный кружки [21, с. 4]. Необходимо назвать начальника патентно-технического отдела библиотеки им. Н. Крупской В.С. Пацехяна.

Значительное переселение армян-беженцев произошло в 90-е годы XX ст. Основной причиной, как известно, стали события в Азербайджане, в Арцахе (Нагорном Карабахе), а затем землетрясение, произошедшее в Армении, в Спитаке. По данным Всеукраинской переписи населения 2001 года, на территории Донецкой области проживают представители свыше 130 национальностей и народностей, среди которых 15,7 тыс. армян. За период 1979–2001 гг. наблюдается рост численности армян на территории области в 1,6 раза. Исторические события этого времени повлияли на усиление процесса миграции армян, в первую очередь из Армении. Основными причинами миграции были: экономические факторы; политические события в Нагорном Карабахе, экономическая и транспортная блокада со стороны Азербайджана. Количество городского населения армян значительно больше, чем сельского. В Донецкой области армяне расселены в больших городах. Прежде всего это Донецк (4050 чел.), Краматорск (1386 чел.), Мариуполь (1205 чел.), Константиновка (906 чел.), Горловка (784 чел.) и др.

Необходимо отметить, что консолидация армянского населения в Донбассе — явление, несомненно, постоянное, к сожалению, прерываемое не по вине армян, и именно в 90-х годах, в период процесса демократизации, на новом витке подъема национального движения начинается возрождение национальных культурных, религиозных и просветительских структур армян в Донбассе. «В 1990 году в Донецке была открыта армянская воскресная школа. 21 марта 1992 года было зарегистрировано армянское культурно-просветительское общество «Наири» [21, с. 3]. Как отмечает автор статьи, «этот день стал началом первого этапа — этапа становления Донецкого областного общества армян. Председателем «Наири» был избран горный инженер-механик Беник Чилингорян, организовавший вместе с супругой Чилингорян Л.А., окончившей в середине 70-х годов Ереванский университет, и другими энтузиастами воскресную школу» [21, с. 3]. В апреле 1995 года было создано Областное общество армян, председателем которого был избран профессор В.К. Гусак. Важным и, как исторически сложилось, традиционным событием явилось строительство армянской религиозной общиной Макеевки (председатель Сурен Асатрян) церкви Сурб Хач, освященной в 1998 г. [21, с. 3]. При церкви организована воскресная школа [21, с. 3]. В августе 1999 года председателем общества был избран А.З. Казарян. Как нами было отмечено, в этот период значительно увеличивается численность армян в городах Донбасса. Создаются региональные представительства армянских общин в Константиновке, Краматорске, Мариуполе, Селидово. Нельзя не назвать имя председателя Донецкого областного общества армян, директора «АрмРосгазпрома» Э.Л. Чахояна, награжденного в 2005 г. почетной грамотой и медалью Кабинета Министров Украины.

Значительным событием для армян Донбасса, как и для армян всего мира, явилось празднование в июне 2001 года 1700-летия принятия христианства народом Армении. В храме Сурб Хач была организована праздничная служба, на которую по приглашению Донецкого областного общества приехал глава Украинской армянской епархии из г. Львова архиепископ Григорий. А в областном академическом театре оперы и балета был организован праздничный концерт.

В Луганске армянское национально-культурное общество «Крунк» было организовано в 1994 году. Его возглавил доцент Ашот Петросян. После смерти Ашота Петросяна «Крунк» возглавил Я. Даниэлян, а в 1989 году — К. Андреасян [Наири, 2002, № 2, с. 4].

Представленные немногие имеющиеся в нашем распоряжении материалы дают возможность показать многообразие деятельности армян на Юго-Востоке Украины и в

городах Донбасса — это промышленность, бизнес, наука, сфера обслуживания, торговля, медицина, образование. Большинство армянского населения области использует русский язык (59,5 %). В то же время по сравнению с другими национальными меньшинствами значительное количество армян использует родной язык (38,6 %). Украинский язык использует незначительное число армян (1,3 %). Это связано с тем, что Донбасс — русскоязычный регион, что влияет на эти показатели.

Подводя итог, надо сказать, что процесс миграции армян на территорию Юго-Востока Украины можно разделить на 7 этапов и, по-видимому, начало его уходит своими корнями в эпоху Средневековья.

Один из первых документально зафиксированных периодов приходится на конец XVIII — нач. XIX ст. Это формирование армянских поселений в Подонье (г. Нахичевань) выходцами из Крыма и на землях нынешнего Донбасса.

Экономический подъем и начало капитализации Донбасса — еще один из этапов притока армянского населения из Армении, Турции и Карабаха (события 1914–1915 гг.).

Процессы индустриализации в этом регионе и национально-культурное возрождение в 20–30-е годы вызвали дополнительный приток армян на территорию Украины, в частности, бежавших из Турции и Армении. Жизнь армян тесно связана с историческими событиями того времени.

Вместе с другими национальностями они подвергались репрессиям в 40-е годы, принимали активное участие в освобождении Украины во время Великой Отечественной войны и др.

В послевоенный период мы наблюдаем новый приток армян-мигрантов, среди которых много специалистов, интеллигенции и той молодежи, которая, учась в вузах Харьковской, Донецкой, Луганской и Днепропетровской областей, после их окончания связала свою жизнь с этими землями.

Однако этот период, как и последующий период перехода в XXI век, остается неизученным и неисследованным. И в то же время можно сказать, что армяне Юго-Восточной Украины — это активные граждане государства, которые вносят весомый вклад в его историю, развитие и культуру.

Литература

1. Материалы Донецкого областного архива, Ф.10, оп. 1, дело № 5, л. 65.
2. Материалы архива и фондов Донецкого областного краеведческого музея. — НВФ, № 19855; 22855/1; 22855/2; 22144.
3. Данные статистики // Національний склад та рідна мова населення Донецької області. — Донецьк, 2003.
4. Бабаян Л.О. Социально-экономическая и политическая история Армении в XIII–XIV веках. — Москва, 1969. — 334 с.
5. Гаюк І.Я. Вірменська церква в Украні. — Львів: Логос, 2002. — 128 с.
6. Гаюк И.Я. Армянская церковь как уникальный феномен христианского мира. — Львов: Логос, 2005. — 228 с.
7. Габрелян О., Саргсян Т. Крымские армяне // Армянский вестник — Наири, 2003.
8. Галстян Дж. Поселения в Польше и Украине // Армянский вестник — Наири, 2002.
9. Дашкевич Я.Р. Розселення вірменів на Україні в XI–XVIII ст. Український історико-географічний збірник. — К.: Наукова думка, 1971. — Вип. 1. — 243 с.

10. Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы IV Международной конференции, посвященной памяти профессора МГУ Г.А. Федорова-Давыдова. 30 сентября — 3 октября 2008 г. — 526 с.
11. Кабузан В.М. Заселение Новороссии в XVIII — первой половине XIX века. — М.: Наука, 1976. — 307 с.
12. Калоеров С.А. Материалы по истории и культуре греков Украины. — Донецк, 1998. — Вып. 1. — 104 с.
13. Нейман Магда. Армяне. — Ер.: Литературная Армения, 1990. — 304 с.
14. Матевосян С. Община Луганщины: Вехи истории // Армянский вестник — Наири. — Донецк, 2007. — № 7.
15. Мартинчук І.І. Формування мережі загальноосвітніх шкіл етнічних груп Донбасу в 1920-і — першій пол. 1930-х років // Нові сторінки історії Донбасу: Збірн. статей. Кн. 12. — Донецьк: ДонНУ, 2006. — 298 с.
16. Миргородская М.Г. Великая Армения: от истоков до наших дней. — М., 2000.
17. Осіпян О.Л. Економічний розвиток вірменських колоній в Галичині, на Поділлі та Буковині у XIV–XIX ст. — Донецьк, 1999.
18. Пірко В.О. Заселення і господарське засвоєння Степової України в XVI–XVIII ст. — Донецьк, 2004.
19. Пономарьов А.П. Українська етнографія: Курс лекцій.
20. Парсенюк Б.Ф. Доля секретаря обкому // Реабілітовані історією: У 27 томах: Донецька область. Книга перша. Науково-документальні нариси. — Донецьк: Видавництво КП «Регіон», 2004. — 648 с.
21. Чилингорян Б.А. Донецкому обласному обществу армян — 10 лет // Армянский вестник — Наири. — Донецк, 2002. — № 2.
22. Швецов М.Л. Трассы Великого Шелкового пути во взаимосвязи Востока и Запада // Формирование и развитие трасс Великого Шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. — Ташкент, 1990.
23. Швецов М.Л. Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в Средневековье // Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в Средневековье: Тезисы докладов международной конференции. — Донецк: Ашина, 1992. — С. 93-98.

SUMMARY

THE ARMENIANS IN SOUTH-EAST UKRAINE

Concluding our research we should mention that Armenian migration process to Ukrainian territory in preceding researches we have divided into 5 periods and the last period coincides with the settlement of South-East Ukraine — the fall of XVIII–XX century. Armenian settlement formulating at Podonnia (Nahictchevan city) by Crimean people we bind with first Armenian emersion in South-East Ukraine territory, particularly in Donbass. Industrialization processes in this region and cultural and national revival stirred up additional fought of Armenians to Ukrainian territory, particularly from Turkey and Armenia. Armenian life deeply connected with historical events of that time. At onse with the other nationalities they suffered from repressions, took active part in Ukrainian liberation during the Patriotic War, etc. In the postwar period we observe new affluent of Armenian migrants, there are many specialists and elite among them. That is why the following conclusion may be drawn: Armenians of South-East Ukraine are both national minority and active citizens of our state who make significant contribute to its development.

М.Л. Швецов

АРМЯНСКАЯ ДИАСПОРА В ДОНБАССЕ (ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО СТРАНИЦ К ИСТОРИИ АРМЯН ЮГО-ВОСТОКА УКРАИНЫ)*

История и этапы формирования армянской диаспоры на землях нынешнего Донбасса мало изучены.[1] Как мы уже отмечали, традиционно появление и расселение армян на этих землях связывают с событиями в России и в Крыму в третей четверти XVIII в. По мнению В.А. Пирко, приводящего данные первой переписи населения края в 1778 г., этот процесс в регионе Донетчины начинается с образования г. Нахичевань и пяти сел, ставших центром переселения армян в Восточную Украину из Крыма [1]. М. Нейман приводит данные о пяти больших селах: Большие и Малые Салы, Топты, Нисвита и Чалтырь [2]. Е.А. Калоеров приводит данные, аргументированные документами, о датах переселения и количестве переселенцев-армян [3, с. 52, 53] в Приазовье. О расселении армян на землях Украины пишут: Л.О. Бабаян [4], Я.Р. Дашкевич [5], М.Г. Миргородская [6], И.Я. Гаюк [7; 8], Дж. Галстян [9], О.А Габриелян [10]. Данные письменных источников и исторических описаний указывают на Крымский полуостров, где раньше других земель современной Украины появились первые переселенцы-армяне.[2] Среди исследователей армянской истории и истории армян на Украине в числе наиболее значительных надо выделить Я.Р. Дашкевича[3]. По его мнению, древнейшие следы формирования армянских колоний на территории современной Украины относятся к XI ст. [5]. Вопрос о более раннем появлении армянского населения на землях современного Донбасса остается пока не до конца решенным (11, с. 48-66) из-за отсутствия данных не только в известных письменных источниках, но и археологических. Это можно объяснить неполной исследованностью археологических материалов на открытых в Подонцовье и Приазовье памятниках. В качестве примера можно привести материалы исследования Л.Г. Шепко в Донбассе [12, с. 16-24], в которых «на основе анализа одного из элементов сарматского декора выявлены аналогии, которые приводят к образцам древнеармянского орнамента». Истоки данного сюжета принадлежат к группе технического орнамента, связанного со строительной деятельностью, подобные изображения имеются на башнях крепости Тайшебаини, в слоях VIII–VI вв. до н.э. [12, с. 19]. Элементы данного орнамента можно увидеть также на фасаде усыпальницы и поминального храма князя Буртела в Нораванке, датирующихся началом XIV в. Автор правомерно ставит вопрос: «где и как пересеклись художественные традиции Древней Армении и сарматских племен Приазовья? [12, с. 21]. Необходимо заметить, что матери-

* Опубликовано: Швецов М.Л. Армянская диаспора в Донбассе (еще несколько страниц к истории армян Юго-Востока Украины) //

[1] Диаспора (арм – спюрк) – часть этноса, живущая вне исторической Родины и имеющая социальные институты для поддержки и развития своей культуры и представителей своего этноса.

[2] Письменные и археологические источники, данные античной и византийской историографии неоднократно рассматривались учеными. Последние статьи на эту тему были опубликованы: Айбабиной Е.А., Майко В.В., Сидоренко В.А., Шапошниковой А.В.

[3] Только библиография его работ, рецензий, выступлений, посвященных взаимоотношениям Армении и Украины, изданная в 2001 г., составляет больше 130 названий, и их перечисление займёт больше 20 страниц (Дашкевич Я.Р. Вірменія і Україна. – Львів–Нью-Йорк).

алы раскопок дают возможность говорить также о раннесредневековых памятниках как о торговых факториях на трассах Великого Шелкового Пути [13, 1990; 14, 1992, с. 93-98]. На землях Дешт-и-Кыпчак, как и Золотой Орды, существование ремесленно-торговых центров на сегодня реальность [15, вып. 10]. Имеются ли факторы, дающие возможность говорить о более ранних этапах рассматриваемых миграций? По-видимому, да. Так, анализ собранных историко-географических и демографических данных дает возможность утверждать, что на процесс миграции армян влияют два основных фактора.

Во-первых, большая подвижность армянских эмигрантов и армянских эмиграционных движений.

Во-вторых, характер армянских эмиграционных движений. На первых этапах миграции непосредственно обозначилась четко выраженная профессиональная структура населения (преобладание ремесленников и купцов) [5]. Эти два фактора имеют большое значение при рассмотрении вопроса о развитии торговли и расселении армян в пределах прохождения трасс Великого Шелкового Пути.

Третьим, не менее важным фактором является религиозная консолидация, а именно – армянская церковь. Значительное место и весомость роли Церкви в исторической и культурной жизни армян на основе исторических данных и письменных источников исследует И.Я. Гаюк [5; 6]. Жизнь вдали от родины вынуждала армян всячески препятствовать процессу ассимиляции, создавая определенные механизмы для сохранения родного языка, религии и культуры. В этом процессе ведущая консолидирующая роль возложена на общину и религию. Армянские священнослужители постоянно находились в центре религиозной, образовательной, культурной и даже деловой жизни армянских диаспор.

Интересно отметить, что при проведении круглого стола «Армяне Юго-Востока Украины и Восточной Европы» в ноябре 2009 года нашли отражение проблемы, характеризующие недостаток известных источников, освещающих все этапы жизни армянской диаспоры в регионе. Более половины докладов были посвящены истории армянского населения края конца XIX – начала XX ст., а их основу составили источники о заселении армянами Донбасса, мало исследованные и почти не опубликованные. Необходимо отметить, что согласно переписи населения Азовской губернии 1878 г., приводимой В.А. Пирко, армяне составляли 6,1 %, или 13 702 человека: из них 6952 мужчины и 6750 женщин. Эти же данные приводит и Е.А. Калоеров [3, с. 52-53]. История и расселение их на землях нашего края тоже не доисследованы. Присоединение Крыма к России и дальнейшая стабилизация конфессиональной проблемы стали поводом для возвращения в Крым части армянских переселенцев. Однако и эта тема не до конца исследована.

Архивные данные конца XIX – начала XX ст. свидетельствуют о том, что на территории региона в то время уже была значительная община армян. В Луганске «к концу 1905 г. насчитывалось более 100 семей. Широко известна в городе торговая сеть магазинов: Костаняна, Меликяна» [16, с. 6]. В списке купцов г. Славянска за 1903 г. мы находим фамилию Азадянц А.К. В городе Бахмуте (Артемовск) среди хозяев городских деревянных лавок находим фамилию Маркарьянц Яков Сергеевич [I]. Интересны и другие материалы Бахмутского уезда, в которых отражены данные о распределении армянского населения уезда по сословиям и состояниям. Но наибольшее количество армян в начале XX ст. мы находим в г. Юзовке. В основном это были ремесленники: сапожники, столяры, слесари, пекари и торговцы. В Юзовке была армяно-григорианская церковь. В 1910 г. священником в ней был Довтьян Карапет Авдеевич. Ближайший армяно-григорианский религиозный центр был в Нахичевани, где находилась армяно-григорианская Свято-Крестовоздвиженская церковь и монастырь [фото 1790 года, фонды Ростовского музея].

Следующий этап миграции армянского населения на земли Донбасса связан с событиями начала XX века. Международные перипетии начала XX века в Европе и геноцид армян, начавшийся в 1914 г. и дошедший до кровавых событий в 1915 г. в Западной Армении, стали одним из поводов для притока новых беженцев-армян из Турции. Не всегда это были случаи прямого переселения на земли Юго-Востока Украины, а переселение на земли Кавказа, в Ставропольский край и Прикубанье, а позднее на земли Юго-Востока Украины. Примером может служить жизненный путь предков Э.М. Софьянца, родители которого были родом: бабушка из Карса, потом переехала в Тбилиси, а отец из Карахачи, приехавших в Донбасс, где поселились близ Юзовки. И это не единичный случай такого пути переселения. Волею судеб несколько сот армян – беженцев из Турции нашли свое пристанище в молодом развивающемся городе Юзовке (Донецк).

Индустриализация и коллективизация вместе с кампанией привлечения национальных меньшинств к работе в промышленности послужили причиной активизации миграции из села в город, повышения уровня урбанизации национальных меньшинств. Это время характеризуется появлением центров культурного возрождения, которыми стали национальные школы, пресса, культурные учреждения – театры, клубы, издательства. В 1927–1928 гг. в Донбассе было 2 армянские школы, в которых было 8 групп, 6 учителей-армян, 236 учеников [15, 2006]. Так, в списке школ Сталинского горсовета мы находим школы: армянская семилетка, которая находилась по адресу: 7-я линия, 10, директор – Абрамян; массовая школа № 9, адрес: 9-я линия, 4а[4] [1].

В Луганске в эти годы активно работала армянская община. С 1897 г. местный настоятель Нерсес Ованесян работал в молитвенном доме, который находился в советское время по ул. Ленина, 18 [14, с. 6]. По мнению И. Гаюк, официально община Армянской апостольской церкви в Луганске была зарегистрирована в 1923 г. [см. в данном сборнике]. С 1926 года работал Луганский районный комитет помощи Армении. Именно по инициативе этого комитета в городе часто организовывались благотворительные концерты, театральные представления, средства от которых шли в фонд помощи Армении. Так, например, афиша от 25 января 1926 г. гласила: «Пьеса-спектакль на армянском языке. I часть – ария из оперы «Ануш». II часть – концертное отделение. Участники: Мовсесян А., Костанян К.И., Варданян В., Туманян П.Г., Акопян Н.А. и др.» [6, с. 6]. В 1929 году в религиозном объединении насчитывалось более 200 человек. По материалам, опубликованным С. Матевосян, «…в 1927 г. в Луганске был открыт армянский клуб им. Шаумяна, работавший на общественных началах. Работой руководила ячейка завода ОР. При клубе организован пионерский отряд, кружки: музыкальный, драматический, шахматно-шашечный, ликбеза (армянский). Имелась библиотека, выпускались стенгазеты» [16, с. 6].

В конце 30-х г. национально-культурное возрождение было полностью придушено репрессиями среди национальной интеллигенции, а также рабочих и наиболее активной части населения. Среди армян, которые вместе с представителями других национальностей были репрессированы, наиболее значимая личность – первый секретарь обкома Саркисов (Даниелян) Саркис Артемович, руководивший Сталинской областью с 1933 по 1937 г. Родился в Нагорном Карабахе в 1898 году, получил среднее образование, член ВКП(б). Нужно отметить, что его деятельность на посту секретаря была весьма весомой [17, с. 84-104]. Среди репрессированных армян-пекарей Донецкой области были такие: Зудерьян Оганес Бедрусович, 1873 г.р., заведующий пекарней, проживал: г. Артемовск Донецкой

[4] Показательно, что данная школа, которой исполнилось 100 лет, работает и сейчас (директор Глущенко Елена Валерьевна). В 90-е годы прошедшего столетия здесь вновь была организована армянская воскресная школа, которую вела Чилингорян Людмила Азатовна, окончившая исторический факультет Донецкого университета.

области; Казарьян Хачатур Артемович, 1905 г.р., заведующий пекарней, проживал: село Михайловка Сталинской области; Калустян Аршак Шагенович, 1895 г.р., пекарь горпищеторга, проживал: г. Сталино Донецкой области. К сожалению, богатейшие материалы, существующие по армянскому населению 20–30-х годов г. Мариуполя, как и архивные данные начала XX века, так и остались на сегодня не обработанными. В таком же состоянии материалы по крупнейшим городам Донбасса: Горловке, Енакиево, Краматорску. Надо сказать, что репрессии не смогли до конца сломать представителей национальных армянских культурных объединений. Так, в начале 40-х годов в Сталино активно работала армянская община, руководитель которой Артем Арутюнов, репрессированный после войны, воссоздал армянскую церковь, школу и театр (дело Віббе 2187 ПФ, с. 67).

Армянский народ внес большой вклад в дело борьбы с немецко-фашистскими оккупантами в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. За годы войны погибло 83 200 армян. Как пример, по материалам только Донецкой области была собрана картотека почти 500 фамилий воинов-армян, которые погибли или пропали без вести на территории края во время военных действий. В освобождении Украины принимали участие 4 армянские национальные дивизии. На территории Донбасса много воинов-армян принимали участие в боях в составе 51-й стрелковой дивизии, 130-й Таганрогской орденоносной дивизии, 301-й стрелковой дивизии и др. В этих дивизиях были наибольшие потери среди воинов-армян во время боевых действий на территории Донецкой области 1941–1943 гг. Всего погибло 464 воина-армянина. Данные нельзя считать полными. При обороне области погибло 126 человек, а при наступательных операциях – 88 воинов-армян. По г. Сталино эти потери составляют 25 воинов.

Со времени освобождения края (осенью 1943 года) начинается новый приток армян, связанный с периодом восстановления разрушенного Донбасса. В этот период на работу в Донбасс приезжали горные инженеры, врачи, архитекторы, офицеры и др., чтобы поднимать из руин промышленность Донбасса. Таким образом формировалась значительная община армян в Донбассе. Среди тех армян, которые приехали в этот период в Донбасс, было много таких, которые стали выдающимися людьми, яркими личностями, отдающими свой талант, силы и знания делу расцвета Донецкого края. В первую очередь надо назвать выдающегося медика К.Т. Овнатаняна. Он создал школу хирургов, анестезиологов, урологов. Среди его многочисленных учеников 35 кандидатов и 7 докторов наук. За заслуги в развитии здравоохранения, медицинской науки и подготовки кадров Каро Томасович был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Ему присвоено звание заслуженного деятеля науки УССР. Клинике факультетской хирургии ДонМИ, которой он руководил всю жизнь, и одной из улиц г. Донецка в 1971 году было присвоено имя К.Т. Овнатаняна.

Угольная промышленность Донбасса – одна из самых важных и значительных экономических отраслей края. Именно в ее техническом развитии и научно-производственном оснащении виден серьезный вклад ученых Донецкого института угля: Героя Социалистического труда С.Г. Артюнова, генерального директора треста Добропольуголь, лауреата Ленинской и Государственных премий, конструктора угледобывающей техники, главного инженера С.М. Арутюняна и директора института С.А Саратикянца, бывшего первого заместителя министра угольной промышленности Украины, начинавшего рабочий путь на шахтах г. Антрацита. Успешно работали армяне в Управлении Донецкой железной дороги и на железнодорожных станциях Донбасса. Известны их имена как работников в сфере культуры, науки и образования. Это профессор В.В. Хачванкян, главный редактор газеты «Армянский вестник – Наири», член-корреспондент АПН Украины, профессор. Э.М. Софьянц. В Луганске известны имена ученых-армян: профессора А.Х. Меликбекян и Д.Я. Якубович,

доцента А.А. Петросяна, возглавившего в 1994 году армянское национально-культурное общество «Крунк» и организовавшего в Луганске армянскую воскресную школу, вокальный и танцевальный кружки [21, с. 4].

Почти не исследованными остаются проблемы, связанные со значительным переселением армян-беженцев в 90-е годы XX ст. Основной причиной, как известно, стали события в Азербайджане, в Арцахе (Нагорном Карабахе), а затем землетрясение, произошедшее в Армении, в Спитаке. По данным Всеукраинской переписи населения 2001 года, на территории Донецкой области проживают представители свыше 130 национальностей и народностей, среди которых 15,7 тыс. армян. За период 1979–2001 гг. наблюдается рост численности армян на территории области в 1,6 раза. Исторические события этого времени повлияли на усиление процесса миграции армян, в первую очередь из Армении. Основными причинами миграции были: экономические факторы; политические события в Нагорном Карабахе, экономическая и транспортная блокада со стороны Азербайджана. Количество городского населения армян значительно больше, чем сельского. В Донецкой области армяне расселены в больших городах. Прежде всего это Донецк (4 050 чел.), Краматорск (1 386 чел.), Мариуполь (1 205 чел.), Константиновка (906 чел.), Горловка (784 чел.) и др.

Необходимо отметить, что консолидация армянского населения в Донбассе – явление, несомненно, постоянное, к сожалению, прерываемое не по вине армян, и именно в 90-х годах, в период процесса демократизации, на новом витке подъема национального движения начинается возрождение национальных культурных, религиозных и просветительских структур армян в Донбассе. «В 1990 году в Донецке была открыта армянская воскресная школа. 21 марта 1992 года было зарегистрировано армянское культурно-просветительское общество «Наири» [21, с. 3]. В апреле 1995 года было создано областное общество армян, председателем которого был избран профессор В.К. Гусак. Важным и, как исторически сложилось, традиционным событием явилось строительство армянской религиозной общиной церкви «Сурб Хач», освященной в 1998 г. [21, с. 3]. При церкви организована воскресная школа [21, с. 3]. Материалы об истории и формировании армянской церкви в Донбассе, уходящие корнями в конец XIX в., до конца не исследованы. Создаются региональные представительства армянских общин в Константиновке, Краматорске, Мариуполе, Селидово.

Значительным событием для армян Донбасса, как и для армян всего мира, явилось празднование в июне 2001 года 1700-летия принятия христианства народом Армении. В храме «Сурб Хач» была организована праздничная служба, на которую по приглашению Донецкого областного общества приехал глава украинской армянской епархии из г. Львова – архиепископ Григорий. А в областном академическом театре оперы и балета был организован праздничный концерт.

Представленные немногие имеющиеся в нашем распоряжении материалы дают возможность показать многообразие деятельности армян на Юго-Востоке Украины и в городах Донбасса – это промышленность, бизнес, наука, сфера обслуживания, торговля, медицина, образование. Большинство армянского населения области использует русский язык (59,5 %). В то же время по сравнению с другими национальными меньшинствами значительное количество армян использует родной язык (38,6 %). Украинский язык использует незначительное число армян (1,3 %). Это связано с тем, что Донбасс – русскоязычный регион, что влияет на эти показатели.

Подводя итог, надо сказать, что начало расселения армян на землях края уходит своими корнями в эпоху раннего Средневековья, а возможно и ранее.

Вместе с другими национальностями они подвергались репрессиям в 40-е годы, принимали активное участие в освобождении Украины во время Великой Отечественной войны и др.

В послевоенный период мы наблюдаем новый приток армян-мигрантов, среди которых много специалистов, интеллигенции и той молодежи, которая, учась в вузах Харьковской, Донецкой, Луганской и Днепропетровской областей, после их окончания связала свою жизнь с этими землями.

Однако этот период, как и последующий период перехода в XXI век, остается неизученным и неисследованным. И в то же время можно сказать, что армяне Юго-Восточной Украины – это активные граждане государства, которые вносят весомый вклад в его историю, развитие и культуру.

Источники

Материалы Донецкого областного архива, ф. 10, оп. 1, дело № 5, л. 65.

Литература

1. Пирко В.О. Заселення і господарське засвоєння Степової України в XVI–XVII Іст. – Донецьк, 2004.
2. Нейман М. Армяне. – Ереван: Литературная Армения, 1990. – 304 с.
3. Калоеров С.А. Материалы по истории и культуре греков Украины. – Донецк, 1998. – Вып. 1. – 104 с.
4. Бабоян Л.О.Социально-политическая и экономическая история Армении в XIII–XIV веках. – М., 1969. – 334 с.
5. Дашкевич Я.Р. Розселення вірменів на Україні в XI–XVIII ст. // Український історико-географічний збірник. – К.: Наукова думка, 1971. – Вип. 1. – 243 с.
6. Миргородська М.Г. Великая Армения: от истоков до наших дней. – М, 2000.
7. Гаюк І.Я. Вірменська церква в Україні. – Львів: Логос, 2002. – 128 с.
8. Гаюк И.Я. Армянская церковь как уникальный феномен христианского мира. – Львов: Логос, 2005. – 228 с.
9. Галстян Дж. Поселения в Польше и в Украине // Армянский вестник – Наири, 2002.
10. Габриэлян О.А., Саргсян Т. Крымские армяне // Армянский вестник – Наири, 2003.
11. Швецов М.Л. Армяне Юго-Востока Украины (вопросы и проблемы) // Материалы Международного круглого стола «Армяне Юго-Востока Украины и Восточной Европы». – Донецк, ноябрь 2002. – 124 с.
12. Шепко Л.Г. След древнеармянского искусства в Донецкой степи // Материалы Международного круглого стола «Армяне Юго-Востока Украины и Восточной Европы». – Донецк, ноябрь 2009.
13. Швецов М.Л. Трассы Великого Шелкового пути во взаимосвязи Востока и Запада // Формирование и развитие трасс Великого Шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. – Ташкент, 1990.
14. Швецов М.Л. Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в Средневековье // Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада. Тезисы докладов международной конференции. – Донецк: Ашина, 1992.

15. Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве // Материалы IV Международной конференции, посвященной памяти профессора МГУ Г.А. Федорова-Давыдова. 30 сентября – 3 октября 2008 г. – 526 с.
16. Мативосян С. Община Луганщины: вехи истории // Армянский вестник – Наири. – Донецк, 2007. – № 7.
17. Смирнова И.Е. Саркисов (Даниелян) Саркис Артемович: судьба первого секретаря Донецкого обкома КП(б)У // Материалы Международного круглого стола «Армяне Юго-Востока Украины и Восточной Европы». – Донецк, ноябрь 2009.
18. Чилингорян Б.А. Донецкому областному обществу армян – 10 лет // Армянский вестник – Наири. – Донецк, 2002. — № 2.

SUMMARY

Mikhail Shvetsov

THE ARMENIANS IN SOUTH-DONBAS

Concluding our research we should mention that Armenian migration process to Ukrainian territory in preceding researches we have divided into 5 periods and the last period coincides with the settlement of South-East Ukraine – the fall of XVIII – XX century. Armenian settlement formulating at Podonnia (Nahictchevan city) by Crimean people we bind with first Armenian emersion in South-East Ukraine territory, particularly in Donbass. Industrialization processes in this region and cultural and national revival stirred up additional fought of Armenians to Ukrainian territory, particularly from Turkey and Armenia. Armenian life deeply connected with historical events of that time. At onse with the other nationalities they suffered from repressions, took active part in Ukrainian liberation during the Patriotic War, etc. In the postwar period we observe new affluent of Armenian migrants, there are many specialists and elite among them. That is why the following conclusion may be.

М. Швецов

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО АРМЯН ДОНБАССА*

Предложенная тема, судя по исследованной нами литературе, не рассматривалась отдельно ни в публикациях армянских авторов в Армении, ни в пределах Украины. Небольшие заметки и публикации о армянах-художниках Донбасса и Украины представлены в альбомах и изданиях, посвященных художникам Донбасса[1], и каталогах Донецкого художественного музея. Интересные иллюстрированные статьи иногда украшают журналы армянской общины Донбасса[2]. Некоторая информация представлена и в появившихся статьях по истории армян юго-востока Украины[3].

Среди армянского населения, жившего в городах региона – Донецке (Юзовке, Сталино), Мариуполе, Артемовске, Славянске – были и художники-армяне. Формирование коллекций художественных галерей и музеев региона указывает на это, к сожалению, косвенно. Об этом говорят материалы большой коллекции произведений Донецкого художественного музея. Как отмечает И. Гаюк, это один из тех «редких четырех музеев, в котором экспонаты армянской культуры, выделены в отдельное собрание»[4]. Знакомясь с архивом и материалами коллекции этого музея, нам удалось выявить около восьмидесяти произведений искусства армянских художников и скульпторов[5]. Не менее интересны материалы собранные в Мариупольской картинной галерее, много лет в которой работал Вартан Вартанов – художник, историк и краевед.

Предварительный общий анализ коллекций дает возможность говорить о налички в музеях региона более 40 графических работ (линогравюры, офорты, эскизы). Это работы Мегера Абегяна, посвященные Второй мировой войне, бытовые сцены. Интересны сюжеты его пейзажей «Солнце и скалы. Бжни» (1958). Необходимо указать и работы Владимира Айвазяна, отражающие бытовые и хозяйственные сюжеты эпохи социализма – «Стрижка овец» (1957), «Перед спуском в забой» (1964), по-видимому, составляющие серию тематических произведений. Интересны восемь линогравюр Грайра Карапетяна, хранящихся в фондах музея, принадлежащие к серии «Две эры»; эти работы тематически связаны с событиями, отражающими достижения науки в исследованиях космоса: «Земля», «Космос», «Мать», «Мир. Дата». Цветная линогравюра «Строители» (1961) из серии «Строители газопровода» работы Николая Котанджяна, поступила в фонды музея из ДХВиП СССР в 1966 г.

---

* Опубликовано: Швецов М.Л. Культура и искусство армян Донбасса // Культура і мистецтво вірменської діаспори в Україні: Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції (Львів, 19-20 листопада 2011). – Львів. 2012. С.146-153.

[1] В. Ахунов. *Союз искусства и труда. Искусство*. Донецк 1987, с. 35-38; М. Касаткин. *Первое энциклопедическое издание художников Донбасса*. Донецк 1992; *Художники Донеччини*. Донецьк 2008.

[2] *Наири: Армянский вестник* (Донецк 2002/2) 69-70, 80-81; (2004/2) 6-8.

[3] *Армяне Юго-Восточной Украины и Восточной Европы*. Донецк 2009.

[4] І. Гаюк. Історія вірменської культури в Україні в духовних та матеріальних пам'ятках (досвід першого комплексного дослідження музейних колекцій України) // *Вірмено-українські історичні зв'язки: Матеріали міжнародної наукової конференції (Львів, 29-31 травня 2008 року).* Львів 2011, с. 65.

[5] Считаем своим долгом высказать слова благодарности ведущему научному сотруднику Донецкого художественного музея А. П. Близнюку.

В коллекцию входят плакаты: «Миру – мир» Альберта Асляна (род. 1922); «1917» Хачатура Гюламиряна (род. 1922), а также три эскиза декораций, созданных Саркисом Арутчяном к инсценировке повести Яна Отченашенко «Ромео, Джульетта и тьма» поставленной Ереванским Театром юного зрителя в Донецке в 1968 году.

Однако основу произведений живописи армянских художников из хранилищ музея представляют более 30 написанных на холсте картин, посвященных Армении. Это работы Александра Григоряна: «Сатир и нимфа» (1982), «Мегри», «Брюнетка» и «Дворик» (все 1986) и «Гоарик» (1987). Сюда также относятся работы «Арарат утром» (1956) Ернауи Асламазян и «Родное село» Карена Багдасарьяна (1969). Его же работы хранятся в Мариупольском музее. Нельзя не отметить светящееся романтикой «Утро в Неаполе. Везувий», написанную Дмитрием Налбандяном в 1962 г. Полный перечень работ армянских мастеров, хранящихся в данном музее, будет опубликован в готовящемся к печати специальном каталоге.

Знакомство с материалами других музеев региона позволяет нам привести интересные данные о сложном жизненном пути и некоторых полотнах одного из интереснейших наших современников – Викторе Арнаутове (*Ил. 1*), родившемся в 1896 г., в с. Успеньевка Токмакского района Запорожской области. Арнаутов известен как художник-монументалист, член Союза художников СССР. Был участником гражданской войны, награжден Орденом Святого Георгия. Жил в Китае (в Маньчжурии), в Мексике и США, где получил художественное образование у всемирно известного художника Диего Риверы. Работал в Сан-Франциско, оформлял станции метро, дом Всемирной библиотеки, башню Койт-Тауэр. Принимал активное участие в общественных мероприятиях на поддержку СССР, особенно во время Второй мировой войны. Преподавал в Калифорнийской школе изящных искусств, в 1933-1963 гг. – профессор Стэнфордского университета. В 1963 году, после выхода на пенсию и смерти жены, вернулся в Жданов (Мариуполь). Виктор Арнаутов является автором большого количества работ, из которых наиболее известны мозаичное панно «Покорение космоса» (1967) на Доме связи (сейчас под угрозой уничтожения) и памятник жертвам фашизма (1967) в Мариуполе. Оформлял также СШ № 54 и аэровокзал в Мариуполе. Здесь же похоронен. Многочисленное наследие Арнаутова пока не удостоилось надлежащей оценки.

Не менее интересна жизнь и творческий путь Михаила Бароянца. Живописец родился в г. Кропоткин Краснодарского края России. Учился в Ереванском художественном училище (1940-1942), затем в Ереванском художественном институте (1943). После войны – в Киевском художественном институте (1947-1953). Ученик Алексея Шовкуненко, Виктора Пузырькова и Татьяны Яблонской. Член Национального союза художников Украины с 1957 г. Несколько работ посвящено весне – «Май. Цветущая сирень» (1981), «Сирень с фиалками» (1990). Интересен пейзаж «Осенний этюд» (1974), «Подольский дворик зимой» (1974). Принимал участие в выставках с 1953. Писал пейзажи и натюрморты (*Ил. 2*). Произведения хранятся в музеях Киева, Донецка, Симферополя, а также в Японии, Англии, Италии, Франции и других странах.

Своеобразен и не менее интересен проживающий ныне в Артемовске живописец и график Гамлет Датоян. Он родился в 1933 г.; в 1964 г. окончил Тбилисскую академию художеств (графический факультет). Среди его учителей – известные грузинские художники Ладо Гудиашвили, Ираклий Тоидзе, Сергей Кобуладзе. Датоян писал графические и живописные портреты, преимущественно женские и детские, а также романтические по характеру пейзажи. Работы художника отличаются точным академическим рисунком, мастерской передачей фактуры предметов, гармоничным колоритом.

Экономические обстоятельства и политические события на землях Кавказа, привели на территорию современной Украины немало новых талантов. Среди них – армяне, родившиеся за пределами своей страны, но получившие образование и основы творческого мастерства в Армении. Среди последних следует назвать супругов Агабекян.

Мелик Агабекян родился в 1947 г. в Сухуми (Абхазия). В 1948 г. семья переехала в Армению, в г. Ленинакан (Гюмри). С 1958 по 1962 г. учился в Ленинаканской художественной школе им. Меркулова. В 1969 г. поступил на живописное отделение Ереванского художественного училища им. Ф. Терлемезяна. В 1973-1974 гг. преподавал рисунок в художественном училище, а в 1974 г. Поступил в Ереванский художественно-театральный институт на отделение живописи, окончив его в 1980 г. Ученик профессора Е. Исабекяна и И. Григоряна. Занимается станковой живописью. Член Союза художников с 1986 г. С 2004 г. живет и работает в Донецке. Творит в жанре тематической картины, портрета, натюрморта, пейзажа, а также в области книжной графики. Наиболее известные работы Мелика Агабекяна – «Армянский натюрморт» (2000), «Мир Сергея Параджанова» (2002, *Ил. 3*), пейзажи «Уж небо осенью дышало» (2000), «Изображенное совершенство» (2008), «Моя родина», «Родные просторы» (2004), «Горы Зангезура» (2007). На Автопортрете (2006, *Ил. 4*) изображены автор, жена, сын и дочь. В работах автора закономерно прослеживается существенное влияние армянских миниатюр, древнейших и современных исторических памятников Армении.

Не менее яркой и колоритной является живопись супруги Мелика – Лилии Агабекян, родившейся в 1951 г. в с. Щеки (Азербайджан). Как и Мелик, она училась в Ереванском художественном училище им. Ф. Терлемезяна, окончив его в 1973 г. В 1980 году с отличием окончила Ереванский художественный театральный институт (мастерская народного художника Армении, профессора Э. Исабекяна). Занимается станковой живописью. Член Союза художников Украины с 2002 г. Опубликованные работы: «Подруги» (1996), «Портрет дочки в осеннем саду» (2001), «Прощание с морем» (2001). Если в ее ранних работах можно было встретить холодные сероватые оттенки, то в картинах последнего периода – игра с образом, выходящая за границы конкретного мотива, переходящая в своеобразный полет фантазии (*Ил. 5*). Из души художника на полотно ложатся сюжеты боли и памяти «Армения. 1941 г.» (1985), «Над землей летели голуби» (2004); мысли о родине – «Осень в горах» (1997), «Рождение планеты» (1997), «Горный поток», «Севан» (2007, *Ил. 6*), «Портрет армянки» (2006).

В залах выставки Лилии Агабекян, открытой в Донецке в начале октября 2011 г., выставлялось более пятидесяти произведений. Работы супругов Агабекян находятся в Министерстве культуры и в Художественном Фонде Армении, в картинных галереях Гюмри, Ванадзора, а также в частных коллекциях Армении, Украины, России, США, Израиля, Италии и Беларуси. Эти художники и представляют лицо армянской живописи современного Донбасса.

Приведенные нами материалы открывают только одну из сторон, освещающих богатство мира культуры и искусства, свойственного армянскому населению Донецкого региона. В наше небольшое сообщение мы включили только данные о живописи и художниках, а также об их полотнах в залах и хранилищах музеев, но есть и другие произведения искусства – скульптура, керамика, камень. Уже сейчас у нас есть данные об архитектурных сооружениях, о поэтах и музыкантах армянского происхождения в Донбассе, но это сюжет дальнейших исследований.

Ил. 1. Виктор Арнаутов. Автопортрет (1941). Государственный Русский музей (Санкт-Петербург)

Ил. 2. Михаил Бароянц. «Сумерки»

Ил. 3. Мелик Агабекян. «Мир Сергея Параджанова»

Ил. 4. Мелик Агабекян. Автопортрет с семьей

Ил. 5. Лилия Агабекян. «Актрисы»

Ил. 6. Лилия Агабекян. «Озеро Севан»

М.Л. Швецов

АРМЯНЕ ДОНБАССА: ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, СОДРУЖЕСТВО*

Традиционно появление армян на землях современного Донбасса связывают с событиями в России, когда в 1780 г. армяне-григориане переселились к Дону, в район крепости святого Дмитрия Ростовского, согласно указу Азовской губернской канцелярии от 28 марта 1780 г. [1]. В.А. Пирко приводит данные первой переписи населения края в 1778 г. и считает, что этот процесс в регионе Донетчины начинается с образования г. Нахичевань и пяти сел, ставших центром переселения армян [2]. Большинство исследователей (Л.О. Бабаян, И.Я. Гаюк, О.А. Габриелян, Дж. Галстян, Я.Р. Дашкевич, М.Г Миргородская) связывают этот процесс с целевым выделением данных земель и земель юго-востока современной Украины с историей крымских армян и переселением христианского населения Крыма (армян и греков) в Азовскую и Екатеринославскую губернии.

В то же время исторические связи населения степей нынешнего Донбасса и Древней Армении имеют глубокие исторические корни. В качестве примера можно привести материалы исследования Л.Г. Шепко в Донбассе, в которых «на основе анализа одного из элементов сарматского декора выявлены аналогии, которые приводят к образцам древнеармянского орнамента». Элементы данного орнамента можно увидеть также на фасаде усыпальницы и поминального храма князя Буртела в Нораванке, датирующихся началом XIV в. Автор правомерно ставит вопрос: «Где и как пересеклись художественные традиции Древней Армении и сарматских племен Приазовья?» [3]. Необходимо заметить, что материалы раскопок дают возможность говорить также о раннесредневековых памятниках как о торговых факториях на трассах Великого шелкового пути [4].

Имеются ли факторы, дающие возможность говорить о более ранних этапах рассматриваемых миграций? По-видимому, да. Это события, связанные с взаимоотношениями Византии с Киевской Русью (Константинополем, Трапезундом, византийскими городами Причерноморья и населением Поднепровья), которые, несомненно, существовали и о которых все чаще пишут. Существование волн армянской эмиграции связывают также с событиями, приходящимися на вторую половину XI в., когда после падения Ани, столицы Армянского царства, захваченной турками-сельджуками в 1064 г., тысячи беженцев устремились на запад, в христианские страны. Значимость торговых и экономических факторов, связи населения двух стран усиливалась на протяжении столетий и той борьбой, и сложной обстановкой, которую приходилось переживать Армении как в древности, так и в эпоху раннего Средневековья. Анализ собранных историко-географических и демографических данных дает возможность утверждать, что на процесс миграции армян влияют два основных фактора.

Во-первых, это большая подвижность армянских эмигрантов и армянских эмиграционных движений. Во-вторых, их характер. На первых этапах миграции непосредственно

* Опубликовано: Швецов М.Л. Армяне Донбасса: история, культура, содружество // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее. Материалы Всероссийской научной конференции, 30 мая – 2 июня 2012 г. Ростов-на-Дону. Ростов-на-Дону. Издательство ЮНЦ РАН, 2012. С. 300-305.

обозначилась четко выраженная профессиональная структура населения (преобладание ремесленников и купцов), а в последующем и бытовая. Указанные два фактора имеют большое значение при рассмотрении вопроса о развитии торговли и расселении армян не только в пределах прохождения трасс Великого шелкового пути. Историческая закономерность таких связей, часто циклично, повторяется и сейчас. В качестве примера можно привести небольшой экономико-политический сюжет недавних событий. Так, в Казахстане выразили большую заинтересованность в строительстве железной дороги Иран – Армения, поскольку она является целесообразным продолжением строящейся дороги, и выходе к черноморскому побережью. Уже были проведены переговоры с министерством Армении, рассмотрены перспективы реализации проекта.

Третьим, не менее важным фактором, является религиозная консолидация, а именно – армянская церковь. Значительное место и весомость роли церкви в исторической и культурной жизни армян на основе исторических данных и письменных источников хорошо представлены И.Я. Гаюк [5]. Жизнь вдали от родины вынуждала армян всячески препятствовать процессу ассимиляции, создавая определенные механизмы для сохранения родного языка, религии и культуры. В этом процессе ведущая консолидирующая роль была возложена на общину и религию. Армянские священнослужители постоянно находились в центре религиозной, образовательной, культурной и даже деловой жизни армянских диаспор. Образование колоний фактически началось с переселения армян полуострова в 1778 г. в район современного Ростова-на-Дону. В Юзовке армянская колония, вероятно, была немалой, поскольку здесь функционировал армянский молитвенный дом (согласно записям о браке в паспорте Акопа Мурадова-оглы от 8.02.1911 г.), а позже была построена и церковь.

Если полную характеристику ранних этапов проникновения армянского населения на земли рассматриваемого региона на сегодняшний день предоставить трудно, то материалы последующих эпох, связанных часто с экономическими всплесками или подъемами в регионе, дают такую возможность. Поэтому изучение расселения и жизнедеятельности армянского населения, их роли в развитии экономики, культуры, искусства на востоке Украины является актуальным.

Новый экономический подъем региона Донецкого бассейна на рубеже XIX-XX вв. привлек на эти земли и армян, покинувших неспокойный Нагорный Карабах. В числе их была и семья Мурадовых (Мурадян), начавшая здесь очень полезное дело – выпечку хлеба. Уже в 1906 г. она имела собственную пекарню, зал которой украшала большая картина, изображавшая армянина-пекаря. Архивные данные конца XIX – начала XX вв. свидетельствуют о том, что на территории региона в то время уже была значительная община армян. В Луганске к концу 1905 г. насчитывалось более 100 семей. Широко известна в городе торговая сеть магазинов Костаняна, Меликяна. В списке купцов г. Славянска за 1903 г. мы находим фамилию А.К. Азадянц. В г. Бахмуте (Артемовск) среди хозяев городских деревянных лавок находим фамилию Я.С. Маркарьянц. Интересны и другие материалы Бахмутского уезда, в которых отражены данные о распределении армянского населения уезда по сословиям и состояниям. Но наибольшее количество армян в начале XX в. мы находим в г. Юзовке. В основном это были ремесленники: сапожники, столяры, слесари, пекари и торговцы. Известны мастерские: обувная Иосипа Петросяна, плотницкая Георгия Бабаняна, керосиновая лавка Аарона Казаряна. В Юзовке была армяно-григорианская церковь. В 1910 г. священником в ней был Довтьян Карапет Авдеевич. Ближайший армяно-григорианский религиозный центр был в Нахичевани, где находилась армяно-григорианская Свято-Крестовоздвиженская церковь и монастырь.

Следующий этап миграции армянского населения на земли Донбасса связан с событиями начала XX в. Международные перипетии в Европе и геноцид армян, начавшийся в 1914 г. и дошедший до кровавых событий в 1915 г. в Западной Армении, стали одним из поводов для притока новых беженцев- армян из Турции. Не всегда это были случаи прямого переселения на земли юго-востока Украины, а переселение на земли Кавказа, в Ставропольский край и Прикубанье, позднее – на земли юго-востока Украины.

Новая миграционная волна связна не только с постреволюционными событиями, но и с новым экономическим подъемом. Анализируя данные советского периода по материалам Донецкого областного архива, примерно можно проследить, как отразились на армянском населении региона процессы «культурно-национального подъема» и спада в 1920-1935 гг., экономические перестройки НЭПа. Индустриализация и коллективизация вместе с кампанией привлечения национальных меньшинств к работе в промышленности послужили причиной активизации миграции из села в город, повышения уровня урбанизации национальных меньшинств. Появились центры культурного возрождения, которыми стали национальные школы, пресса, культурные учреждения, театры, клубы, издательства. В 1927-1928 гг. в Донецке было 2 армянские школы, в которых было 8 групп, 6 учителей-армян, 236 учеников. И не только в Донецке, но и в Луганске, где были не только школы, но и театр, где ставили «пьесу-спектакль на армянском языке. 1 часть – ария из оперы "Ануш", а второе отделение – концертное» [6]. Однако в последующие 1930-е годы все было ликвидировано.

Мы не будем подробно рассматривать события Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., но должны отметить, что воины Армении отдавали свою жизнь за освобождение Донбасса. Нами собран большой материал с данными о более чем 500 армянах Армении, Азербайджана и Северного Кавказа, отдавших свою жизнь во имя великой Победы, во имя жизни на земле.

Новый послевоенный научный, экономический и культурный потенциал Донбасса связан с миграционными процессами. По мнению Артака Симоняна, священника армянской церкви Сурб Хач в г. Макеевке Донецкой области, наибольшее количество армян появилось здесь в послевоенное время и, в первую очередь, по экономическим причинам. В этот период на работу в Донецк приезжали горные инженеры, врачи, архитекторы, художники, офицеры и др., чтобы поднимать из руин промышленность Донбасса. Среди армян, приехавших в этот период в Донбасс, было много тех, кто стали выдающимися людьми, яркими личностями, отдавшими свой талант, силы и знания делу расцвета Донецкого края. Это выдающийся медик К.Т. Овнатанян, великий ученый, создавший школу хирургов, анестезиологов, урологов. В Луганске и сейчас работает лауреат Государственной премии Украины, член Международной ассоциации хирургов О.В. Вартанян. Большой вклад в развитие промышленности был сделан К.А. Закаряном, генеральным директором «Укрогнеупор». В угольной промышленности Донбасса хорошо известны Герои труда С.Г Арутюнов, генеральный директор треста «Добропольуголь», главный инженер и конструктор угледобывающей техники С.М. Арутюнян, директор института угля С.А. Саратикянц, ученый Б.А. Чилингорян. Известны имена ученых и педагогов, профессоров В.В. Хачванкяна, главного редактора газеты «Армянский вестник-Наири» А.Х. Меликбяна, академика АНПИ Э.М. Софьянца.

События 1970-1990-х гг. значительно нарушили экономические и этнокультурные традиции в регионе, сложившиеся в предыдущие годы. За период с 1989 г. количество армянского населения в регионе увеличилось почти вдвое. По официальным данным переписи 2001 г., в Донецкой области проживало 15 734 жителя армянского происхождения.

В последние годы, согласно данным статистики, количество армян выросло на 5 587 чел., т.е. в 1,6 раза. Только в Донецке их проживает более 4000 чел., в Краматорске – 1386 чел., в Константиновке – 906 чел.

Формирование армянской диаспоры г. Константиновки происходило в период с1970 по 2005 гг. Причинами миграции в период с 1970 по 1991 гг. стали события в Сумгаите, конфликт в Нагорном Карабахе, землетрясение в Спитаке. Именно тогда приехали в Константиновку армянские семьи из Карабаха, Армавира и Арарата. Массовая миграция армянского населения в город происходит с 1991 по 2005 гг. Причинами этой волны стали распад СССР, экономический кризис в Армении, военные действия в Нагорном Карабахе. Именно с переездом большого числа жителей из Гехаркунинского района Армении и из Еревана, с нехваткой рабочих мест и усугублением экономических проблем связывают формирование армянской диаспоры в городе. Если в 1986 г. армяне среди жителей города занимали 19-е место по численности населения, то согласно переписи 2009 г., в Константиновке проживают 1345 армян, и занимают они 3-е место. С 2005 по 2011 гг. тенденция притока новых мигрантов в город уменьшилась.

Армянская диаспора играет важную роль в политической, экономической и культурной жизни города. Необходимо отметить ее роль в административной структуре. Так, три представителя армянской диаспоры занимают депутатские места в городском совете, есть представители в городском суде, прокуратуре и милиции. Активность позиций, образование, работоспособность помогают адаптироваться в экономической жизни города, где армяне являются бизнесменами, банкирами, предпринимателями, учителями и политиками, артистами и музыкантами. И это не удивительно. Большой потенциал армянского населения в регионе известен не только в бизнесе, науке, культуре, но и в искусстве. Среди местного армянского населения, живущего в городах региона были и есть художники-армяне. Формирование коллекций художественных галерей и музеев региона указывает на это. Знакомясь с архивом и материалами коллекции Донецкого художественного музея, нам удалось выявить около восьмидесяти произведений искусства армянских художников и скульпторов. Не менее интересны материалы, собранные в Мариупольской картинной галерее, в которой много лет работал Вартанов Вартан Григорьевич – художник, историк и краевед. Предварительный общий анализ коллекций дает возможность говорить о наличии в музеях региона более 40 графических работ: линогравюры, офорты, эскизы. Это работы Абегяна Мегер Мануковича, посвященные Великой Отечественной войне. Необходимо указать и работы Айвазяна Владимира Тиграновича, отражающие бытовые и хозяйственные сюжеты эпохи социализма.

Знакомство с материалами других музеев региона позволяет нам привести интересные данные о сложном жизненном пути и некоторых полотнах одного из интереснейших наших современников известного художника- монументалиста Донбасса – Виктора Михайловича Арнаутова, родившегося в 1896 г. в с. Успеньевка Токмакского района Запорожской области. Среди современных известных художников необходимо назвать Агабекяна Мелика Хачиковича, родившегося в Сухуми. Не менее яркой и колоритной является живопись представительницы рода Агабекян – Лилии Александровны, родившейся в с. Щеки Азербайджана. Приведенные нами материалы открывают только одну из сторон, освещающих богатство мира культуры и искусства, свойственное армянскому населению Донецкого региона.

Примечания

1. Указ из Азовской губернской канцелярии № 1817 от 28 марта 1780 года в армянское и греческое общества // Донецкий областной краеведческий музей. НВФ. № 19855.
2. Пірко В.О. Заселення і господарське засвоєння Степової України в XVI-XVIII ст. Донецьк, 2004.
3. Шепко Л.Г. След древнеармянского искусства в Донецкой степи. Армяне юговосточной Украины и Восточной Европы. Донецк, 2009. С. 16-24.
4. Швецов М.Л. Трассы Великого шелкового пути во взаимосвязи Востока и Запада // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и Средневековье. Ташкент, 1990. С.14.
5. Гаюк І. Історія вірменської культури в Україні в духовних та матеріальних пам'ятках (досвід першого комплексного дослідження музейних коллекцій україни). Вірмено-українські історичні зв'язки) // Матеріали міжнародної наукової конференції. Львів 2931 травня 2008 р. Львів, 2008. С. 65
6. Швецов М.Л. Армяне юго-востока Украины (вопросы и проблемы). Армяне юговостока Украины и Восточной Европы // Материалы Международного круглого стола. Донецк, 2009.

ПЕЧАТНЫЕ РАБОТЫ И УЧАСТИЕ В КОНФЕРЕНЦИЯХ М.Л. ШВЕЦОВА

1974

Швецов М.Л. 1974. Багате кочівницьке поховання з Донбасу // Археологія. Вип. 13. – К. С. 93-98.

Гладких М.И., Писларий И.А., Кротова А.А., Гераськова Л.С., Швецов М.Л. Работы Северскодонецкой экспедиции // АО 1973 года. – М., 1974. – С. 259-260.

Швецов М.Л. 1974. Находки антского времени на территории Донбасса // Проблемы археологи Донбасса. Тезисы симпозиума.

1976

Зарайская Н.П., Стороженко С.К., Швецов М.Л. 1976. Раскопки в Донецкой области // АО 1975 года. – М.: Наука. С. 326.

1977

Братченко С.Н., Писларий И.А. … Швецов М.Л. и др. 1977. Исследования в Северо-Восточном Приазовье // АО 1976 года. – М.: Наука. С. 272-273.

1979

Братченко С.Н., Гершкович Я.П., … Швецов М.Л. и др. 1979. Исследования курганов на Северском Донце // АО 1978 года. – М.: Наука. С. 307-308.

Братченко С.Н., Гершкович Я.П., … Швецов М.Л. и др. 1979. Раскопки курганов в Северо-Восточном Приазовье // АО 1978 года. – М.: Наука. С. 308-309.

Швецов М.Л. 1979. Половецкие святилища // СА, №2. С. 202-207.

1980

Швецов М.Л. 1980. Стелла V-VII вв. из Приазовья // СА, №4. С. 268-269.

Швецов М.Л. 1980. Котлы из погребений средневековых кочевников // СА, №2. С. 192-202.

1981

Швецов М.Л. 1981. Погребения салтово-маяцкой культуры в Поднепровье // Древности Среднего Поднепровья. – К. С. 96-101.

1982

Швецов М.Л. 1982. Антропоморфная терракотовая статуэтка из Приазовья // Искусство народов Востока. – Л., 1982. С. 83-93

1983

Швецов М.Л. 1983. О нижнедонской группе салтово-маяцких памятников // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ. С. 109-113.

Швецов М.Л. 1983. Исследование курганного могильника у д. Самойлово // АО 1981 года. – М.: Наука. С. 332.

1984

Швецов М.Л. 1984. Позднекочевническое погребение у с. Смелое на Северском Донце // СА. №1. С. 264-271.

Швецов М.Л. 1984. Работы на Зливкинском могильнике // АО 1982 года. – М.: Наука. С. 341-342.

Братченко С.Н., Швецов М.Л. 1984. Средневековый могильник у станицы Багаевской // СА, №3. С. 214-217.

1985

Швецов М.Л. 1985. Работы на Зливкинском могильнике // АО 1983г. – М.: Наука. С. 373.

Швецов М.Л. 1985. Памятники кочевого населения степей Восточной Европы VII-X вв. // Тезисы областного семинара «Археология и краеведение – школе», 15-16 марта 1985 г. – Донецк. С. 35-37.

1986

Швецов М.Л. 1986. К вопросу о формировании Зливкинского погребального обряда // Научно-практический семинар «Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе», 10-11 апреля 1986 г. Тезисы докладов. – Донецк. С. 53-54.

Швецов М.Л. 1986. Исследование Зливкинского памятника // АО 1984 года. – М.: Наука. С. 327.

Швецов М.Л. 1986. Памятники золотоордынской эпохи в Донбассе // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XIV вв. – Азов, 12-16 мая 1986 г. С. 86-89.

1987

Дедов В.Н., Швецов М.Л. 1987. Находка древнерусского меча в Донбассе // Археология. – К. С. 262-263.

Кравец Д.П., Швецов М.Л. 1987. Скифский кинжал из Донбасса // СА, №2. С. 253-254.

Швецов М.Л. 1987. Исследование Зливкинского многослойного памятника // АО 1985 года. – М.: Наука. С. 433.

Швецов М.Л. 1987. К вопросу о заселении Подонцовья в IV-XIII вв. // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Тезисы докладов областного научно-практического семинара (23-24 апреля 1987 г.). – Донецк. С. 96-98.

1988

Гриб В.К., Швецов М.Л. 1988. Итоги работ раннесредневековой Донецкой экспедиции // Организация археологических экспедиций с участием школьников. Тезисы докладов. – Донецк. С. 10-12.

1989

Братченко С.Н., Швецов М.Л., Дубовская О.Р. 1989. Курган IV в. до н.э. в бассейне Северского Донца // СА, № 1. С. 170-177.

Швецов М.Л., Кравченко Э.Е. 1989. Подонцовье-Приазовье в эпоху раннего средневековья // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Тезисы докладов. – Ростов-на-Дону.

Швецов М.Л. 1989. Средневековые бескурганные могильники на территории Донбасса // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. 19-21 апреля 1989 г. Тезисы научно-практического семинара. – Донецк. С. 53-55.

1990

Приходнюк О.М., Швецов М.Л. 1990. Пеньковское поселение Старица на Северском Донце // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца: тезисы докладов областной научно-практической конференции. – Луганск.

Кравченко Э.Е., Швецов М.Л. 1990. О могильниках золотоордынской эпохи в Подонцовье // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Ч.3. Тезисы докладов. – Херсон. С. 23-24.

Швецов М.Л., Кравченко Э.Е. 1990. Подонцовье-Приазовье в эпоху раннего средневековья // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Тезисы докладов. – Ростов-на-Дону. С. 31-33.

Швецов М.Л. 1990. Погребальный обряд и этнос (по материалам раннего средневековья) // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. Тезисы докладов. – Луганск. С. 178-180.

Кравченко Е.Є., Швецов М.Л. 1990. Охоронні дослідження пам'ятки біля с. Маяки на Донеччині // Охорона та охоронні дослідження пам'яток археології на Україні. – Вінниця. С. 45-46.

Кравченко Э.Е., Швецов М.Л. 1990. О хронологии III этапа функционирования Царина городища // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. Тезисы докладов конференции. – Луганск. С. 134-136.

1991

Швецов М. 1991. Могильник «Зливки» // Проблеми на прабългарската история и култура. Изд.2. Трета Международна среща по прабългарска археология. Шумен. 16-18 окт. 1990 г. – София: Издателство «Аргес». С. 109-123.

Швецов М.Л. 1991. О находках музыкальных инструментов в памятниках Дешт-и-Кыпчак // III Краеведческие чтения, посвященные 400-летию г. Саратова. – Саратов. С. 37-49.

Швецов М.Л. 1991. Некоторые вопросы истории евреев Юго-Востока Украины. – Запорожье.

Швецов М.Л. 1991. Трассы Великого Шелкового Пути в древности и Средневековье // Материалы Международной конференции ЮНЕСКО «Великий Шелковый Путь – Путь диалога культур». – Ташкент-Алма-Ата. С. 82-84.

Швецов М.Л. 1991. Формирование и развитие трасс Великого Шелкового Пути в Центральной Азии в древности и Средневековье // Материалы Международной экспедиции «Великий Шелковый Путь». – Ташкент-Самарканд.

Братченко С.Н., Швецов М.Л. 1991. Северскодонецкие катакомбные погребения на р. Красная // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. – К.

1992

Швецов М.Л. 1992. Подонцовье и Степь (этапы взаимоотношений) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. – Ростов-на-Дону.

Швецов М.Л. 1992. Подонцовье и степь в раннем средневековье // Летопись Донбасса: Краеведческий сборник. Вып.1. – Донецк. С. 4-5.

Ходжайов Т.К., Швецов М.Л. 1992. Археолого-антропологические исследования Маяк XIII-XIV вв. // Степи Восточной Европы во взаимодействии Востока и Запада в средневековье. Международный научный семинар. Тезисы докладов. – Донецк. С. 74-78.

Швецов М.Л. 1992. Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в Средневековье // Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в средневековье. Международный научный семинар. Тезисы докладов. – Донецк. С. 93-98.

Швецов М.Л., Кравченко Э.Е. 1992. О находках чугунных котлов золотоордынского времени к западу от Дона // Проблемы археологии Поднепровья. Межвузовский сборник научных трудов. – Днепропетровск: Изд-во ДГУ. С.102-113.

1993

Швецов М.Л. 1993. Терракотовая статуэтка // Археологический альманах. № 1. Каталог случайных находок из археологических собраний Донецкой области. – Донецк. С. 53-54.

Швецов М.Л. 1993. Находки средневекового времени // Археологический альманах. № 1. Каталог случайных находок из археологических собраний Донецкой области. – Донецк. С. 53.

Швецов М.Л. 1993. О головном уборе половчанок // Проблемы археологии Поднепровья. – Днепропетровск. С. 104-114.

1995

Швецов М., Кравченко Е. 1995. Нові матеріали з історії ісламу в Україні // Історія релігій в Україні. Тези повідомлень Міжнародного V круглого столу (Львів, 3-5 травня 1995 року). Київ-Львів. Частина 5. – К. С. 503-505.

Кравченко Э.Е., Швецов М.Л. 1995. Новые данные о христианском населении края XIII-XIV вв. // Материалы научно-практического семинара к 15-летию Святогорского историко-археологического заповедника. – Славяногорск: СГИАЗ. С. 70-79.

1996

Швецов М.Л., Михлин Б.Ю. 1996. О византийско-крымских связях в Степи в XII-XIII веках // Проблемы греческой культуры. Мыс Фиолент, 15-21 сентября 1996 г. Секция «История». – Георгиевский монастырь, - Симферополь: Крымский Архив, 1997. – С. 103-106.

Швецов М.Л. 1996. Три погребения из кургана 2 у села Васильевка // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит-бронзовый век). Материалы международной конференции. Ч.1. – Донецк: Изд-во ДонГУ. С. 105-107.

1997

Швецов М.Л. 1997. Проблемы взаимоотношений степного и лесостепного населения в эпоху раннего средневековья // Культура степей Евразии второй половины I тыс. н.э. (Вопросы хронологии). – Самара.

Швецов М.Л. 1997. Подонцовье-Приазовье в эпоху раннего средневековья // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века (тезисы докладов V областного семинара). – Ростов-на-Дону.

1998

Швецов М., Петровская А. 1998. О возможности проникновения буддизма в восточноевропейские степи в эпоху раннего средневековья // История религий в Украине. Материалы VIII международного круглого стола. 11-13 мая 1998 г. – Донецк. С. 287-288.

Шепко Л.Г., Швецов М.Л. 1998. Скифо-сарматские комплексы в бассейне реки Калки в Приазовье // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. 22-26 ноября 1998 г. Ростов-на-Дону. Тезисы докладов. – Ростов-на-Дону. С. 117-119.

Швецов М.Л., Хазова А.Г. 1998. К истории формирования струнно-смычковых инструментов // Музичне мистецтво. Традиції, досягнення, перспективи / Збірник наукових праць. – Донецьк. С. 82-88.

Швецов М.Л. 1998. Середньовічний мусульманський центр на Сіверському Дінці // Історія релігій в Україні. Праці Міжнародного VIII круглого столу. 11-13 травня 1998 р. Львів. – Львів. С. 137-138.

1999

Швецов М.Л. 1999. Евреи и иудеи в Восточной Европе в эпоху раннего средневековья // Материалы ежегодной Международной междисциплинарной конференции по иудаике. – М.

2000

Швецов М.Л. 2000. О комплексе культовых сооружений в Подонцовье и его западных и северо-западных параллелях // Археологія та давня архітектура Лівобережної України та суміжних територій. – Донецьк: Видавництво «Східний видавничий дім». С. 37.

Швецов М.Л. 2000. Святилища степного населения восточноевропейских степей эпохи средневековья // Археологія та давня архітектура Лівобережної України та суміжних територій. – Донецьк: Видавництво «Східний видавничий дім». С. 39-40.

2001

Швецов М.Л., Санжаров С.Н., Прынь А.В. 2001. Два новых сельских могильника в Подонцовье // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. – Донецк: ДонНУ. С. 333-346.

Швецов М.Л. 2001. Об одной из причесок эпохи средневековья // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). Т. I. Материалы III Международной археологической конференции. Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина. – Самара. С. 135-144.

Швецов М.Л. 2001. Конфессиональные отношения на юго-востоке Украины в эпоху Средневековья // Наука, релігія, суспільство. № 1. – Донецьк. С. 68-76.

Швецов М.Л. 2001. Об архитектурных особенностях одного из пещерных храмов Святогорского монастыря // Проблеми археології та архітектури. У 2-х томах. Том 1: «Археологія». – Донецьк-Макіївка: «Донбас». С. 170-172.

Швецов М.Л., Зарубина Т.С. 2001. Архитектурная реконструкция кельи отшельника Скита преподобного Арсения // Проблеми археології та архітектури. У 2-х томах. Том 1: «Археологія». – Донецьк-Макіївка: «Донбас». С. 172-174.

2002

Швецов М.Л. 2002. Раннесредневековые древности Приазовья и проблема возникновения города в низовьях реки Кальмиус // Материалы научно-практической конференции: «Мариуполь: история и перспективы». – Мариуполь.

Швецов М.Л. 2002. Об археологических признаках погребального обряда иудеев // Хазары. Второй Международный коллоквиум. Тезисы. – М. С. 105-107.

2003

Швецов М.Л. 2003. Раннесредневековые погребения Бахмутовской группы. Приложение 1. // Братченко С.Н., Гершкович Я.П. Бахмутовская курганная группа / Материалы и исследования по археологии Восточной Украины: Збірник наукових праць. № 1. – Луганськ: Вид. СНУ ім. В. Даля. С. 276-277.

Швецов М.Л. 2003. Могильники зливкинского типа // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. Тезисы конференции. Часть II. – М.: ГИМ. –С. 126-129.

Швецов М.Л., Петровська А.А. 2003. Шляхи розповсюдження буддизму з Середньої Азії у степи Східної Європи у ранньому середньовіччі // Матеріали круглого столу. Історія релігії в Україні. Львів. С. 231-237.

Швецов М.Л. 2003. О времени и путях проникновения христианства на территорию юго-востока Украины // Суспільство, наука та релігія. – Донецьк.

Швецов М.Л., Хозін С.Р., Івченко А.В., Дегерменджи С.М. 2003. Розкопки багатошарової пам'ятки Стариця на Сіверському Донці. – Харків.

2004

Колода В.В., Кущенко А.В., Швецов М.Л. 2004. Памятник железопроизводства у с. Богородичное Донецкой области // Донецкий археологический сборник. Вып. 11. – Донецк. С. 145-155.

Швецов М.Л. 2004. Курганы у с. Самойлово (бассейн Грузского Еланчика, Северо-Восточное Приазовье) // Археологический альманах. № 14. Курганы Донбасса. – Донецк. С. 233-259.

2005

Швецов М.Л. 2005. Л.В. Бедин и исследования культовых сооружений восточных народов эпохи средневековья в Донбассе // Матеріали наукової конференції археологів і краєзнавців, присвяченої 75-річчю від дня народження Леонарда Веніаміновича Бєдіна (24-25 вересня 2003 року). – Луганськ. С. 161-168.

2006

Швецов М.Л. 2006. Взаимоотношения степного и лесостепного населения в эпоху раннего средневековья (на примере Подонцовья-Приазовья) // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.П. Левенка. Липецк, 13-16 ноября 2006 года. – Липецк. С. 275-278.

Швецов М.Л. 2006. Культові комплекси IV-VII століть на Південному Сході України // Історія релігії в Україні. – Львів. С. 121-129.

2007

Горелик А.Ф., Швецов М.Л. 2007. Чуринга из Шахтерска (Донецкая область, Украина) // Российская археология. № 4. – М. С. 95-101.

Швецов М.Л. 2007. Археологические древности прото- и проболгар Подонцовья и Приазовья VII-XII вв. // Болгари Приазов'я. Історія та сучасність. Матеріали регіонального круглого столу. Донецьк, 22 грудня 2007р. – Донецьк. С. 20-26.

2008

Швецов М.Л. Могильник эпохи средневековья в среднем течении р. Северский Донец // Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья в эпоху раннего средневековья. Материалы научной конференции. – Воронеж. 2008. – С. 63-67.

2009

Швецов М.Л. 2009. Об антропоморфных амулетах и изображениях гунно-болгарского времени из Северного Приазовья // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы к конференции. – Краснодар. С. 431-434.

Швецов М.Л. 2009. Центральноазиатские параллели в культовых комплексах тюркской эпохи восточноевропейских степей // Древности Сибири и Центральной Азии. № 1-2 (13-14). – Горно-Алтайск. С. 130-139.

Швецов М.Л. 2009. Армяне юго-востока Украины (вопросы и проблемы) – Материалы международного круглого стола. Донецк. С. 48-66.

2010

Швецов М.Л. 2010. Тюркский мир восточноевропейской степи // Древние культуры Евразии. Материалы Международной научной конференции, посвященной столетию со дня рождения А.Н. Бернштама. СПб, 13-15 декабря 2010г. – СПб., РАН, ИИМК. С.311-321.

Швецов М.Л. 2010. Новогригорьевское погребение и этническая ситуация в Приазовье IV-VIII вв. // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия). – Самара. С. 92-102.

Швецов М.Л., Литвиненко Р.А. 2010. Могильник эпохи средневековья у С. Ильичевка в среднем течении р. Северский Донец // Проблемы охраны и изучения памятников археологии степной зоны Восточной Европы. Сборник статей памяти В. Самойленко. – Луганск: ГлобуС. С. 229-240.

Дегерменджи С.М., Коваль Ю.Г., Полидович Ю.Б., Швецов М.Л. 2010. О новых петроглифах в Северо-Восточном Приазовье. Проблемы идентификации // Археологический альманах, № 21. Изобразительное искусство в археологическом наследии. Сборник статей. – Донецк: ООО «Лебедь». С. 5-23.

2011

Ходжайов Т.К., Швецов М.Л. 2011. Археология и антропология населения Подонцовья эпохи Золотой Орды (по материалам могильников у с. Маяки на Северском Донце // Археологические записки. Вып. 7. Сб. научных статей. – Ростов-на-Дону: Донское археологическое общество. С. 178-196.

Ходжайов Т.К., Ходжайова Г.К., Швецов М.Л., Фризен А.Ю. 2011. Антропология средневекового могильника (Северский Донец, XIII-XIV вв.) // Актуальные вопросы антропологии: сборник научных трудов Института истории НАН Беларуси. Вып. 6. – Минск: Беларуская навука. С. 430-446.

Швецов М., Жданов А. Воспроизведение «мифов о происхождении» как ранняя форма инициации в архаических обществах // Філософські виміри сучасної соціальної реальності. Матеріали міжнародної наукової конференції. м. Донецьк, 14-16 квітня 2011 року. Т. І. Донецьк. 2011. с. 129-134.

Евглевский А.В., Швецов М.Л. Царино городище: новые уточнения старых вопросов // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве: Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова (г. Астрахань, 2-6 октября 2011 г.) – Казань, 2011.

Швецов М.Л. 2011. Армянская диаспора в Донбассе (еще несколько страниц к истории армян Юго-Востока Украины) // Ростов-на-Дону.

Швецов М.Л. 2011. Болгары Приазовья и Подонцовья VII-XIV вв. // Материалы круглого стола «Украина и Болгария – две Родины этнических болгар», 29 октября 2011. – Донецк. С. 9-30.

Швецов М.Л. 2011. О времени и путях распространения ислама на юго-востоке Украины // Матеріали І Міжнародної науково-практичної конференції «Іслам та ісламознавство в Україні». (Донецьк, 28 квітня 2011 року) – Донецьк : ІПШІ «Наука і освіта», 2011. С. 118-122.

2012

Швецов М.Л. 2012. Культура и искусство армян Донбасса // Культура і мистецтво вірменської діаспори в Україні: Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції (Львів, 19-20 листопада 2011). – Львів. С. 146-153..

Швецов М.Л. 2012. Армяне Донбасса: история, культура, содружество // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее. Материалы Всероссийской научной конференции, 30 мая – 2 июня 2012 г. Ростов-на-Дону. Издательство ЮНЦ РАН, 2012. С. 300-305.

Швецов М.Л. 2012. Проболгары Подонцовья и Приазовья VII-XIII вв. – вопрос государственности? // Государственность восточных булгар IX–XIII вв. / Материалы международной конференции «Государственность восточных булгар IX–XIII вв.». Чебоксары, 2–3 декабря 2011 г. / Сост. и научн. ред. Д. Ф. Мадуров. – Чебоксары: «Таус». С. 70-95.

Швецов М.Л. 2012. О комплексе жилых построек эпохи Золотой Орды на Царином городище // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 11. – Донецк: ДонНУ. С. 97-116.

Братченко С.Н., Квитницкий М.В., Швецов М.Л. 2012. Кочевники развитого средневековья на Северском Донце (по материалам исследований 1978 г. Донецкой экспедиции Института археологии). – К.: ИА НАН Украины. – 150 с. 61 рис.

Швецов М.Л. 2012. Об архитектурных особенностях одного из пещерных храмов Святогорского монастыря и истоках его конструктивной хронологии. Материалы международной конференции. – Полтава. С.

Ходжайов Т.К., Швецов М.Л., Ходжайова Г.К., Фризен С.Ю. 2012. Население Подонцовья эпохи Золотой Орды (по материалам могильников у с. Маяки) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 11. – Донецк: ДонНУ. С. 125-192.

Швецов М.Л. 2012. Металлургия железа Кавказа и Подонцовья: истоки или параллели? // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 23-28 апреля 2012г. – Махачкала: Мавраевъ, 2012. – С. 244-246.

Анденок В.А., Швецов М.Л., Пасынкова С.В. 2012, Память просит слова. Сынам Белоруссии, павшим на земле Донбасса посвящается.. Донецк, 2012, 296 с.

2013

Швецов М.Л. 2013. Появление и пути развития буддизма в степях Восточной Европы в VI-XV вв. // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство. Пятые Доржиевские чтения «Буддизм и современный мир». Материалы конференции. Санкт-Петербург, 13-15 июня 2012 г. – СПб. : Гиперион. С. 120-128.

Швецов М.Л. 2013. Погребение знатной половчанки // Археологический альманах. № 30. – Донецк: Изд-во «Донбасс». С. 307-318.

2014

Швецов М.Л. 2014. К истокам возникновения Святогорской Лавры // Культурное и историческое наследие «Слова о полку Игореве». Сборник статей всеукраинской конференции. 15-16 ноября 2012 года, Донецк, Украина. – Донецк: Изд-во «Гелиос Принт». С. 5-15.

2015

Швецов М.Л. 2015. Половецкая ханум // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. 2013-2015 (№ 6). – М. С. 98-105.

Анденок В.А., Швецов М.Л. Азербайджан. Серия «Народы Кавказа за землю Донбасса», Донецк, изд. «Каштан», 2015, 256 с.

2016

Гриб В.К., Швецов М.Л. 2016. Грунтовой могильник Ждановский – памятник раннехазарского времени в Северном Приазовье // Степи Восточной Европы в средние века. Сборник памяти Светланы Александровны Плетневой. – М.: Авторская книга, 2016. С. 150-170.

Анденок В.А., Бухарев Ю.В., Назаров Л.К, Швецов М.Л. Звезда и полумесяц. Памяти советских воинов мусульман, павших в боях на территории Донбасса посвящаяется. Донецк, 2016, 352 с.

2017

Гриб В.К., Швецов М.Л. Новые материалы из старых архивов // Святогірський альманах 2017. Збірка наукових праць. – Харків: видавництво Федорко. 2017. – С. 30-50.

Швецов М.Л. Песнь Степи // Археология евразийских степей. №5. 2017. – С.105-113.

Гриб В.К., Швецов М.Л. Жилища и хозяйственные постройки постройки населения Северного Приазовья в эпоху раннего средневековья // Археологические записки. Выпуск 9. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Альтаир», 2017. – С. 292-313.

2018

Швецов М.Л. О двух курганных захоронениях из могильника эпохи средневековья в г. Карачаевск // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Материалы Международной научной конференции. Карачаевск, 22-29 апреля 2018 г. – Карачаевск, 2018. – С. 512-515.

Содержание

М.Л. Швецову – 75 3
О сборнике работ 11

I. Археологические материалы Степей Восточной Европы

Швецов М.Л.
Багате кочівницьке поховання з Донбасу 13
Швецов М.Л.
Половецкие святилища 18
Швецов М.Л.
Котлы из погребений средневековых кочевников 29
Швецов М.Л.
Погребения салтово-маяцкой культуры в Поднепровье. 40
Швецов М.Л.
О нижнедонской группе салтово-маяцких памятников 44
Швецов М.Л.
Позднекочевническое погребение у с. Смелое
на Северском Донце 48
Братченко С.Н., Швецов М.Л.
Средневековый могильник у станицы Багаевской 56
Швецов М.Л.
К вопросу о заселении Подонцовья в IV-XIII вв. 62
Швецов М.Л.
Могильник „Зливки”. 64
Ходжаев Т.К., Швецов М.Л.
Археолого-антропологическое исследование Маяк XIII–XIV вв. 77
Швецов М.Л.
Степи Восточной Европы во взаимосвязи
Востока и Запада в средневековье. 80
Швецов М.Л.
О головном уборе половчанки. 84
Швецов М.Л.
Святилища степного населения восточноевропейских степей
эпохи средневековья 91
Швецов М.Л., Санжаров С.Н., Прынь А.В.
Два новых сельских могильника в Подонцовье 93
Швецов М.Л.
Об одной из причесок эпохи средневековья 109
Швецов М.Л.
Л. В. Бедин и исследование культовых сооружений восточных народов
эпохи средневековья в Донбассе 117

Швецов М.Л.
Взаимоотношения степного и лесостепного населения
в эпоху раннего средневековья
(на примере Подонцовья – Приазовья) 123
Горелик А.Ф., Швецов М.Л.
Чуринга из Шахтерска (Украина, Донецкая область) 128
Швецов М.Л.
Археологические древности прото– и проболгар Подонцовья и Приазовья.
VI–XII вв. 137
Швецов М.Л.
Могильник эпохи средневековья в среднем течении
р. Северский Донец 141
Швецов М.Л.
Об антропоморфных амулетах и изображениях
гунно-болгарского времени из Северного Приазовья 153
Швецов М.Л.
Центральноазиатские параллели
в культовых комплексах тюркской эпохи Восточноевропейских степей 157
Швецов М.Л.
Тюркский мир восточноевропейской степи 167
Швецов М.Л.
Новогригорьевское погребение
и этническая ситуация в Приазовье IV-VIII вв. 178
Швецов М.Л.
Проболгары Подонцовья и Приазовья VII-XIII вв. –
вопрос государственности? 191
Ходжайов Т.К., Швецов М.Л., Ходжайова Г.К., Фризен С.Ю.
Население Подонцовья эпохи Золотой Орды
(по материалам могильников у села Маяки) 215
Швецов М.Л.
О комплексе жилых построек эпохи золотой орды
на Царином городище 285
Швецов М.Л.
Металлургия железа Кавказа и Подонцовья:
истоки или параллели? 307
Швецов М.Л.
Погребение знатной половчанки 310
Швецов М.Л.
Песнь Степи 322

II. К истории религий на землях Донбасса. Конфессиональные отношения

Швецов М.Л., Кравченко Е.Э.
Нові матеріали до історії ісламу в Україні 332
Швецов М.Л.
Евреи и Иудеи в Восточной Европе
в эпоху раннего средневековья 334
Швецов М.Л.
онфессиональные отношения на юго-востоке Украины
в эпоху средневековья 337
Швецов М.Л.
О времени и путях распространения ислама
на юго-востоке Украины 340
Швецов М., Жданов А.
Воспроизведение «мифов о происхождении» как ранняя форма инициации
в архаических обществах 343
Швецов М., Жданов А.
Религиозно-философская интерпретация Софии в русской мысли 347
Швецов М.Л.
Появление и пути развития буддизма
в степях Восточной Европы в VI–XV вв. 353
Швецов М.Л.
Исламский мир на территории Донбасса.
(этапы и вопросы истории) 363
Швецов М.Л.
К истокам возникновения Святогорской лавры 369

III. Полиэтничный Донбасс. Статьи по истории народов Донбасса и Восточной Европы

Швецов М.Л.
Армяне Юго-Востока Украины
(вопросы и проблемы) 377
Швецов М.Л.
Армянская диаспора в Донбассе (Еще несколько страниц к истории армян
Юго-Востока Украины) 387
Швецов М.Л.
Культура и искусство армян Донбасса 394
Швецов М.Л.
Армяне Донбасса: история, культура, содружество 400

Печатные работы и участие в конференциях М.Л. Швецова 405

Донецкий Центр
института востоковедения
им. А. Крымского

Общественный научно-исследовательский
Центр «Восток – Запад»

М. Л. Швецов

Евразийская Степь и Донбасс в эпоху Средневековья

Сборник избранных статей Михаила Львовича Швецова

К 75-летию со дня рождения

Донецк

2018